

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

1907.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1907.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется
Москва. Августа 18 дня 1907 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО *).

Февраль 1. Послѣ всенощной читалъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, противъ дѣйствій Московскаго дворянства. Государь Императоръ благоизволилъ напомнить о томъ, что онъ Самодержецъ, что никакое словіе не можетъ говорить о нуждахъ цѣлаго государства, что ему не дано власти предупреждать Государя въ его заботахъ о благѣ Россіи, что дворянство ставить ему препятствіе на его пути.—Не скоро могъ я уснуть отъ волненія.

2. Служилъ въ Чудовѣ (обл. малинов. барх. фіолет. одѣяніе); посвящалъ по служебнику 1626 года священника для единовѣрцевъ, которыхъ много было въ церкви. Пилъ чай въ Чудовѣ, а кофе у священника Ермолаевской церкви, которому исполнилось пятьдесятъ лѣтъ служенія въ священствѣ. Онъ одинъ со старушкою женою и былъ удивленъ очень моимъ приходомъ. — Подивились, думаю, и окрестные жители, видя у его маленькаго домика, гдѣ все обветшало, какъ и его хозяева, красивую карету съ четверней вороныхъ въ серебряныхъ французскихъ шорахъ, съ кучерами въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ и длинными бичами.

Была иг. Новодѣвичья, которую я наконецъ убѣдиль

*) Продолженіе. См. августовскую кн. *Душепол. Чтенія* 1907 г.

записать то, что достопримѣчательно въ ея сношеніяхъ со Владыкою. Отъ 7 до 10½ комитетъ тюремный. Владыка дѣйствуетъ сильно: что-то будетъ. Заѣзжалъ на нѣсколько минутъ къ гражд. губернатору.

4. Посѣтилъ меня Н. Н. Муравьевъ-Карскій. Восточный Кавказъ еще не покоренъ, и мы дорогами не ходимъ безъ конвоя, а въ горы не смѣемъ и проникать; выглядываемъ только изъ безчиленныхъ крѣпостей. Комплектъ войскъ полный и еще ихъ обновляютъ; а въ ротѣ по 40 и 50 человекъ, прочіе солдаты *дворовые*. Это великое злоупотребленіе, по которому солдаты употребляются вмѣсто рабочихъ у начальства.

Была игуменья Владыченская. Муромцовъ и Михайловы въ смущеніи. Михайлова не беретъ креста по присужденію митрополита; Муромцева не беретъ, говоря: «видно не было воли Божіей, чтобы крестъ мнѣ достался, когда нечаянно достался онъ сестрѣ вначалѣ, когда мы не знали его значенія».

5. Была игуменія единовѣрческая: благодарить за рукоположеніе; священника называетъ подвижникомъ. Я сознавался, что по убѣжденію слѣдую порядку у нихъ сохраненному отъ древней церкви: знаменовать себя истово и кланяться всей церкви одновременно, напр. при возгласахъ, и не за всякимъ прошеніемъ и кое-какъ. Говорить, что говорили и благодарившіе меня единовѣрцы, что служеніемъ моимъ всѣ довольны.

6. Посѣтили меня Муромцевы и Михайловы. Ек. Н.—на видѣла сонъ: княгиня возвращается домой, снимаетъ въ передней шубу и входитъ. Е. Н. встрѣчаетъ ее, но съ недоумѣніемъ, ибо помнитъ, что она скончалась. Замѣтивъ это, княгиня сказала: «я только обмирала» и пошла наверхъ. Между тѣмъ въ передней раздается шумъ, и вслѣдъ

затѣмъ изъ передней черезъ залъ на верхъ потянулась духовная процессія со всѣми тѣми принадлежностями, какія предшествуютъ св. Дарамъ на великомъ входѣ, когда служить литургію архіерей. Въ заключеніи входа идетъ митрополитъ въ митрѣ, съ посохомъ и съ чашею. Всѣ прошли на верхъ, и она поняла, что они прошли приобщить княгиню. Черезъ нѣсколько времени тѣмъ же порядкомъ прошло черезъ залъ духовное шествіе, за нимъ митрополитъ уже въ бѣломъ клобукѣ; онъ остановился и всѣхъ ихъ благословилъ Е. Н., проводивъ его, взбѣжала на верхъ и видитъ тамъ княгиню: она сама и ея одежда—все бѣлое мраморное; но она живая, и одежда какъ обыкновенная одежда. Е. Н. хотѣла къ ней броситься; но княгиню сказала ей: «не прикасайся, я уже не земная».

8. Мы оба и А. Н. обѣдали у Владыки. Столъ какъ и всегда изящный и блины. Сколько удобно, Владыка, соблюдаетъ обычаи старины. Впрочемъ между нимъ и Муравьевымъ не завязываются разговоры очень интересные, ибо Муравьевъ своими крайними и рѣзкими сужденіями уже очень надоѣлъ ему, особенно же тѣмъ, что всякій разъ дурно отзываясь объ Ахматовѣ, къ которому Владыка очень расположенъ. Однако Владыка былъ очень любезенъ и мы отъ 2 до 5 у него просидѣли. Я засталъ у себя бар. А. Н. Боде съ маленькою дочерью Маріей, которая называетъ меня своимъ «другомъ». Баронесса проситъ меня на погребеніе ея отца д. т. с. Ив. Дм. Черткова.

9. Съ 5 до 8 правила, отъ 8 до 10 занятіе отчетомъ, потомъ въ 11 выѣздъ на выносъ тѣла и литургію. Выносъ былъ изъ домовой церкви. Она не худа, но не лучше прочихъ частей дома. Какъ георг. кавалеру ему отдана военная почеть. Церковь малая, порядочно отдѣлана, но полъ небрежно посланъ. О іереѣ баронесса отзывалась: «не нравится мнѣ: слишкомъ веселый»: Архи-

мандрита не было, а священники путались словно сельские. Чертковъ послѣдніе годы жилъ очень уединено. Прежде любилъ вино и веселье, и хотя тосковалъ по женѣ и боясь, чтобы она ему не явилась, завелъ всенощное чтеніе псалтири, чрезъ старушекъ, однако у него ежедневно пировала Рашель въ то время, когда онъ вознамѣрился имѣть домовую церковь. Всѣ эти странности кончились тѣмъ, что послѣдніе годы онъ былъ почти затворникомъ и приобщался Св. Таинъ каждую недѣлю. Привычка къ набожности отъ ранняго возраста привела таки къ благому концу.

Вечеромъ былъ докладъ.

10. Обѣдали мы съ Анд. Н. у пр. Саввы. Тамъ былъ новый преосв. Томскій. Очень развязный, воспит. Петерб. академіи, былъ священникомъ и служилъ съ 1833 года. Владыка хвалится тѣмъ, что московскіе воспитанники, вышедшіе въ архіерейство, не такъ развязны въ манерахъ.

Вечеромъ были: Нейдгартъ, Горчаковъ, В. С. Муханова, кн. Е. П. Долгорукая, Муромцевъ, братъ и кто то еще. Когда Муханова и Нейдгартъ говорили о Каирѣ и Палестинѣ, гдѣ они бывали; то еще больше мнѣ стало, что желаніе мое видѣть Палестину такъ неосуществимо для меня, между тѣмъ какъ для другихъ это такъ доступно.

11. Братъ былъ на поминкахъ Сапелкина въ единовѣрческомъ женскомъ монастырѣ и въ восхищеніи отъ чрезвычайной стройности и общаго вниманія къ богослуженію. «Понятно, говоритъ онъ, почему они держатся даже мелочей, даже ошибокъ граматическихъ такъ строго: они боятся, что сдѣлавъ малѣйшую уступку, они вступятъ на путь уступокъ и потеряютъ существенное: чинъ и благообразіе службы церковной».

Іереи ихъ въ службѣ не носятъ никакихъ отличій.

12. Владыкѣ хотѣлось служить въ Чудовѣ, за нѣсколько дней онъ готовилъ себя, пыталъ силы свои; но сегодня утромъ прислалъ сказать, что будетъ служить дома. Въ Чудовѣ служилъ я (облаченіе малин. новое). Народу было очень много. Употребленіе на маломъ входѣ Евангелія перевода и руки св. Алексія очень трогательно. Въ концѣ литургіи я раскрылъ его жемчужныя дски и поцѣловалъ буквы напечатанные рукою знаменитаго іерарха. Послѣ литургіи пили чай въ Чудовѣ, были у Владыки съ пр. Саввою. Я поднесъ просфору. Владыка сказалъ, что напѣ прїѣздъ только даетъ ему живѣе чувствовать, что онъ не въ своемъ чину.

14. Послѣ вечерни на своемъ подворьѣ, я поѣхалъ ко Владыкѣ. На лѣстницѣ чуть не задавили: народъ идетъ и вверхъ и внизъ густою массою.

Окончивъ благословеніе въ церкви, онъ вошелъ въ залъ въ черномъ платѣ съ палочкой, преподавъ благословеніе, позвалъ насъ съ Мур. въ гостиную, сказалъ, чтобы мы съ пр. Саввою раздѣлили себѣ чтеніе канона въ Чудовѣ и прощаясь сказалъ: «я съ вами много спорилъ». — Черезъ заднее крыльцо я прошелъ на задній дворъ и такимъ образомъ избѣгъ толпы и поѣхалъ прямо въ Донской. Пр. Евгений угощаетъ чаемъ братію.

Въ 9 часовъ посидѣли у меня баронъ Бодэ и Андрей Н—чь. Потомъ я ужиналъ, что бываетъ однажды въ годъ, полнымъ ужиномъ, съ горячимъ и любимымъ пирожнымъ (бисквиты подъ взбитыми сливками), которымъ воспоминаю я свое дѣтство и юность въ родительскомъ домѣ. Еще повидался съ А. Н. и около полуночи легъ.

16. Сегодня опечаленъ я былъ извѣстіемъ, что вчера мой духовный отецъ пораженъ ударомъ. Очень это больно для меня: я послалъ къ доктору, который его и навѣстилъ, посылая келейника, который бы сдѣлалъ ему, что

нужно, и отъ меня посылаютъ ему кушанье. Вопреки обычаю, я къ средѣ не исповѣданъ. Да будетъ воля Божія, благодарю и за то, что внушилъ мнѣ Богъ исповѣдаться въ день памяти матушки 3 числа февраля.

17. Литургію служилъ дома (одеженіе черное и обновленная одежда — ряса и хитонъ изъ чернаго кашемира, что составляетъ мое обыкновенное домашнее платье). Канонъ читалъ въ Чудовѣ (вздилъ парадомъ, въ лентахъ). Тамъ за рѣшеткой у лѣваго клироса стояли А. Н. Муравьевъ, С. М. Сухотинъ и гр. Шереметевъ, который очень усердно молился. Въ 1837 и слѣд. годахъ канонъ слушалъ я въ П. Б. на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ за рѣшеткой на лѣвомъ клиросѣ становился я, Сухотины и Урусовы, всѣ юноши, тамъ и А. Н. Муравьевъ, тогда во всей своей славѣ камергера, полонника, русскаго Шато-бриана. Черезъ 28 лѣтъ въ Москвѣ вотъ какая встрѣча и сопостановка тѣхъ же лицъ, кромѣ графа, которому и теперь едва 21 годъ отъ роду!.. Продли, Господи, жизнь Владыки. А. Н.—чѣ находить, что въ понедѣльникъ Владыка читалъ громко и сегодня служилъ литургію бодро.

18. День моего тезоименитства по св. крещенію. Провожу его подъ весьма тяжелыми впечатлѣніями. Сначала возился съ приведеніемъ окончательно въ порядокъ отчета, тутъ бравился на бумагѣ; потомъ были у меня: изъ Петербурга пріѣхалъ по случаю болѣзни сестры сенаторъ Цеймернъ съ дочерью. Онъ достойный человекъ; но у него большая наклонность къ лютеранизму, что всегда проглядываетъ въ его разговорахъ. Переубѣдить его нельзя: можно соблюсти миръ, а это требуетъ искусства. Дочь его слушала чтеніе о кн. Судей дессидентскаго пастора, англичанина. Онъ приглашаетъ меня побывать у больной, которой можетъ быть и жить недолго: у нея тифъ съ пятнами. Это приглашеніе привело въ отчаяніе мою

сестру Т. В—ну. Тутъ я слишкомъ горяча поговорилъ о сестрѣ С. В., которая по болѣзни не въ силахъ говѣть пѣлюю недѣлю, а иначе не хочетъ. Я велѣлъ сказать ей, чтобы она шла въ церковь исповѣдалась и приобщалась безъ говѣнья, сказалъ это архіерейскимъ словомъ и далъ понять, какъ тяжело оно ложится на неисполнившихъ его. Я порадовался было тому, что духовникъ ожидаетъ меня къ вечеру, послѣ повечерія, канонъ коего читалъ я въ Чудовѣ. Въ 7½ часовъ вечера поѣхалъ я къ духовнику, ко Владимирской. Темныя душныя келліи, тутъ два монаха и женщина при немъ. Все имѣетъ видъ грязный и какъ-то сжимающій душу. Бѣдный больной пораженъ всею лѣвою стороною; но все-же кое-какъ могъ исповѣдаться. Тотчасъ спросилъ епатрахиль, надѣлъ ее на себя, я отворотился спросить, гдѣ же княжна? какъ вдругъ онъ грохнулся на полъ, ибо лѣвая сторона его не дѣйствуетъ, ссадилъ носокъ, и много вытекло крови. Онъ понимаетъ все, но говорить съ трудомъ. Я отказался отъ исповѣди, вручилъ ему 10 р. на издержки леченія и съ стѣсненною душою возвратился домой. Довольно примѣчательно: искалъ я нѣсколько дней ключа отъ ящика, гдѣ хранятся деньги, что имѣю. Приходилъ бѣдный Л. (страдалецъ съ женою страдалницею). Зная, что ключа нѣтъ, я велѣлъ было придти ему въ понедѣльникъ, но раздумалъ, вошелъ въ кабинетъ, воззрѣлъ ко Господу для бѣднаго, и тотчасъ ключъ нашелся, нашелся безъ исканья, нашелся, гдѣ я смотрѣлъ прежде и не видалъ... Внимаетъ Господь и «птенцемъ врановымъ, призывающимъ Его».

19. На письмо о томъ, какія взять предосторожности при посѣщеніи Ек. Карл., Влад. Ив. пишетъ: «лучше не ѣздить, не потому, чтобъ не заразиться тифомъ, а потому, что ваше посѣщеніе — я увѣренъ — произведетъ въ ней сильное сотрясеніе, вызоветъ чрезвычайную радость, а ей нужно спокойствіе; если болѣзнь приметъ хорошій оборотъ,

тогда, чрезъ нѣсколько дней, можно будетъ вамъ ее навѣстить. Особенныхъ предосторожностей, кромѣ сколь возможнаго удаленія отъ больной, обтиранія рукъ уксусомъ, посовѣтовать нечего. А хорошо было бы, если бѣ можно, прислать ей просфору и образокъ отъ васъ: это бы доставило ей большую радость». На другой вопросъ можетъли о. Аѳанасій исповѣдывать, Вл. Ив. отвѣчаетъ: можетъ: сознаніе у него полное, парализована рука и нога лѣвая.— Итакъ я, по благодати Божіей, исповѣдывался нынѣ, сподобился служить преждеосвященную литургію, вкусилъ просфоры съ водою изъ стакана графа Шер—ва и колива, никого не принималъ и проводилъ время въ чтеніи ветхаго и новаго завѣта, немного проповѣдей Владыки и описанія жизни царя Давида.

20. Послѣ вечерни былъ у Владыки. Онъ читалъ канонъ всѣ дни и что дальше, то легче; служилъ въ среду и въ субботу (причастниковъ до 80, между ними и Андрей Н—чь). Всенощную служилъ легко.

21. Въ сборное воскресеніе прибылъ я въ соборъ въ 9¼, а когда послѣ служенія разоблачался былъ часъ по полудни. На *православіи* и царскомъ молебнѣ были пр. Евгений (экс. яросл.), дмитровскій, можайскій, оивайдскій и 10 или 12 митроносцовъ; протодіаконовалъ Александръ Антоновичъ; (ризица бѣлая вторая, од. корич.) литургію служилъ дмитровскій, онъ же читалъ Евангеліе и молитвы на молебствія. Пр. Евгений хотѣлъ, чтобы мы раздѣлили чтеніе, но Владыка не соизволилъ. Послѣ службы всѣ были въ келліяхъ чудовскихъ у Владыки. Народу въ храмѣ великое стеченіе (были Мур—овъ и Шереметевъ). Я заѣзжалъ къ Шереметевымъ. Ек. В. приобщалась, принимала въ гостиную и была рада, что видѣла своего Сережу въ бѣломъ полукафтанѣ, т. к. сегодня былъ онъ въ соборѣ ради дня восшествія въ полной формѣ.

23. Служилъ преждеосвященную литургію и панихиду (обл. фіол., од. черная шелковая) въ Шереметевскомъ богодѣльномъ домѣ; потомъ обычнымъ порядкомъ пили чай и въ залѣ, наполненной зрителями, сѣли мы на высокомъ помостѣ передъ столомъ, на которомъ вазы со жребіями вспоможеній бѣднымъ невѣстамъ. Жребій вынимали я и по моему предложенію ген. губер.—ръ и молодой графъ. Графъ тотчасъ же вынулъ билетъ въ 800 р. асс., въ эту же сумму вынулъ я послѣдній билетъ. Затѣмъ мы обѣдали. Я предварительно сказалъ, что рыбнаго не ѣмъ, и потому было для меня грибное. Въ отроцествѣ смотрѣлъ я, въ петербургской академіи художествъ, на новенькій тогда портретъ графа Д. Н. Шереметева, корнета кавалергардскаго (портретъ кисти Кипренскаго), а теперь въ богадѣльнѣ стою предъ этимъ портретомъ, а сынъ того, кто изображенъ на портретѣ, стоитъ подлѣ меня тоже корнетъ кавалерградовъ. Я пожелалъ, чтобы и съ именемъ Сергія Дмитривича соединено было подобное учрежденіе. Вечеромъ былъ докладъ и вышло, что въ непрерывныхъ занятіяхъ безъ отдыха я былъ 17 часовъ; и слава Богу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.*

(Изъ дневника инока).

Господи! Какое счастье, что я могу любить Тебя своимъ маленькимъ сердцемъ! И не только любить, но и быть любимымъ Тобою! И эту способность, эту возможность далъ Ты же; и въ этомъ залогъ ея плодотворности, жизненности и благодѣтельной силы для души моей. Она *есть*, и значитъ—должна имѣть свое удовлетвореніе. Она отъ Тебя, и значитъ—въ Тебѣ должна имѣть это свое удовлетвореніе, отъ Тебя исходить и къ Тебѣ направляться должна—къ источнику всей жизни и блаженства нашего.

* * *

Чѣмъ ближе кто ко Господу, тѣмъ ближе и неотступнѣе и настойчивѣе врагъ, стараясь совлечь насъ съ пути истины. Болѣе чѣмъ мы за свое существованіе, борется онъ съ нами за право владѣнія нами, ибо въ этомъ его существованіе и весь безумный «смыслъ» его жизни и всей дѣятельности.

* * *

И *вблизи* Господа можно находиться въ опасности. И у протянутой руки Его можно тонуть, какъ Петръ, колебавшійся отъ маловѣрія при самомъ источникѣ чудесъ, у самага пристанища вѣры и крѣпости и силы нашей.

*) Продолженіе. См. августовскую кн. *Душепол.* Чт. 1907 г.

Такъ и мы часто въ ту самую минуту, когда болѣе всего надѣемся на себя, когда крѣпче всего убѣждены въ нашей твердости, стойкости неприступности, когда меньше всего сомнѣваемся въ безуспѣшности и слабости нашего врага, когда яснѣе всего намъ кажется, что Господь съ нами, — въ эту-то какъ разъ минуту особенно и любятъ испытать насъ недремлющіе наши враги, колебля нашу вѣру, надежду и любовь безпощадными пораженіями.

* * *

Есть ли такой родитель, который, наказывая своихъ дѣтей, испытывалъ бы удовольствіе отъ этой тяжелой необходимости? Но если бываютъ даже и такіе земные родители-звѣри, то не бываетъ того съ Отцемъ нашимъ Небеснымъ, чловѣколюбивѣйшее сердце котораго не безъ Божественной боли уступаетъ необходимости вразумлять и исправлять насъ строгими, болѣзненными для насъ мѣрами.

* * *

Какъ мать не обращаетъ вниманія на жалобы и слезы ребенка капризнаго, — какъ мы иногда не обращаемъ вниманія на неразумные выходки другихъ, такъ Господь не вмѣняетъ намъ многого, не обращаетъ вниманія, напримѣръ, на нашъ ропотъ и на то, что мы тяготимся своею долею, и даетъ намъ все-таки нести ее, зная пользу нашу лучше насъ.

* * *

Въ минуту смерти самыя горячія желанія наши въ области земного теряютъ интересъ. Вотъ почему и самая мысль о смерти способна охлаждать и умѣрять эти желанія, отвлекая и устремляя мысль въ область небснаго, богатаго совсмѣмъ другими интересами и благами, коихъ мы еще не знаемъ и неспособны вмѣстить ихъ.

* * *

Самое лучшее средство быть спокойнымъ и довольнымъ своею долею—это: не предвѣрять будущаго никакими желаніями и мечтаніями. Господь Самъ ведетъ насъ Своими путями, и намъ надо только идти, куда и какъ насъ ведетъ.

* * *

Въ тяжелой жизни самое лучшее—покорно отдаться водительство Вышняго и не загадывать самому ничего. Придетъ нѣкогда само собою облегченіе, утѣшеніе и перемѣна. Придетъ и послѣдній день всѣхъ страданій. И не все ли равно, въ чемъ онъ насъ застанетъ? Лишь бы засталъ въ неугасшемъ стремленіи къ небесному, вѣчному, Божественному, въ неутраченной способности къ этому небесному.

* * *

Господь отъ небытія въ бытіе привелъ насъ. Сколько было до насъ исторически важнаго! Всего этого мы не видали, ибо насъ еще и въ поминѣ не было, но во всемъ этомъ мы участвуемъ постольку, поскольку составляемъ часть всего человѣчества. Участвуемъ и въ страданіяхъ Господа, и въ Его Тайной Вечери, и во всемъ прочемъ, имѣющемъ міровое и общечеловѣческое значеніе, хотя жизнь наша и занимаетъ ничтожный моментъ въ необъятномъ кругѣ времени.

* * *

Не считай ни одного мѣста на землѣ прочнымъ и роднымъ для себя! Нигдѣ не говори: «я—дома!» Твое «дома» на небѣ, будущая жизнь, а здѣсь,—гдѣ бы ты ни былъ, ты лишь «въ гостяхъ»—временно, непостоянно, непрочно, случайно.

* * *

Отчего наши скорби, тяготы, страданія? Очень часто—отъ недостатка сознанія, что мы вѣчны, отъ недостаточ-

наго желанія этой вѣчности, отъ недостаточной жажды небеснаго, Божественнаго, единаго на потребу.

* * *

Господь—безпредѣльная, неизмѣримая, невыразимая любовь. Образы любящаго всепрощающаго Отца, милосердаго самарянина, простителя и исцѣлителя блудницы, помилователя разбойника и т. д.—даютъ мнѣ право надѣяться, что и мнѣ Онъ проститъ все помилуетъ и меня, ибо Онъ всегда тотъ же, Себѣ вѣрный и неизмѣнный въ челоуѣколюбіи, милосердіи, превышающихъ всякое наше представленіе и способность вмѣстить.

* * *

Господу свойственно и злыя наши дѣла и ошибки обращать къ добрымъ послѣдствіямъ. Не тѣмъ ли болѣе добрыя наши намѣренія и труды Онъ приметъ подъ Свое особое покровительство и приумножить плодъ ихъ сто-рицею.

* * *

Царице Небесная! Не удались отъ меня! Не предай меня въ руки враговъ! Не презри меня! Не лиши Твоего Материнскаго попеченія! Не перестань быть моей величайшей отрадой, священнѣйшей святыней, драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ и утѣшеніемъ жизни моей!

* * *

Господи! Укрѣпи меня противъ моего расслабленія, унынія, недовольства, тяготы и разочарованія! И если корень всего этого въ моемъ сердечномъ отпаденіи отъ Тебя и прилѣпленія къ земному, чувственному, низменному, исторгни меня изъ этого несчастія, изъ этого плѣна душетлѣннаго.

* * *

Господи! Ты видишь меня! Ты слышишь меня! Ты близъ меня, хотя бы я и былъ далекъ отъ Тебя душою моею. Ты слышишь молитву мою, хотя бы это и была молитва преступника, осужденника. Каждое слово мое, каждый вопль мой слышишь ты и видишь. Я всегда весь предъ Тобою, предъ лицемъ Твоимъ, предъ праведнымъ судомъ Твоимъ. Услыши же, Господи, сокрушеніе мое, услыши покаянные вопли мои! Услыши вопли о помощи мнѣ въ шестви моемъ погибельномъ! Прости меня—единымъ Твоимъ милосердіемъ, простившимъ столько отчаянныхъ грѣшниковъ—о, прости! не требуя другихъ воздаяній грѣха, прости за единое слово моего покаянія — единымъ словомъ Твоего милосердія!

* * *

Господи—Радосте моя! хотя я и недостойнъ звать Тебя такъ, ибо услаждаюсь и другими исключаящими Тебя радостями! Господи — Сокровище мое, хотя я и недостойно зову Тебя такъ, ибо имѣю и другія сокровища, съ Тобою несомвѣстимыя! Господи! Ты—счастіе и наивысшее благо мое, хотя я и привязываюсь сердцемъ моимъ постоянно къ другимъ—тлѣннымъ земнымъ благамъ!

* * *

Крестъ—символь страданія—есть вмѣстѣ и символъ радости. Страдая, мы взираемъ на крестъ, на которомъ Господь понесъ ради насъ еще большія страданія и снялъ съ насъ проклятіе осужденія на вѣчныя страданія и смерть. Радуясь, мы опять взираемъ на него же, растворяя свою радость торжествомъ Побѣдителя самаго источника нашихъ страданій—ада!

* * *

Господи! Не готовъ я къ служенію сегодня! Но—когда-то я буду готовъ? Когда буду достоинъ вмѣстить Тебя,

невѣстимаго небесъ? Прими же мои слезы, какъ лучшее приготовленіе! Прими мое воздыханіе и сокрушеніе, мое убожество, немощь и ничтожество, какъ законѣйшее право припасть къ Тебѣ и получить отъ Тебя помощь, утѣшеніе и успокоеніе!

* * *

Чѣмъ больше времени и сосредоточенныхъ усилій посвятишь на молитву предъ Причащеніемъ, тѣмъ больше благъ почувствуешь и приобрѣтешь отъ этого Святѣйшаго Таинства. Молитвою и самоуглубленіемъ—продолжительными и усердными—лучше всего создается то настроеніе, въ которомъ душа вся отдается великому таинству Богообщенія и Богоуслаженія, тогда какъ поспѣшная и вялая молитва и недостаточно-возгрѣтое и неуглубленное настроеніе дѣлаютъ и чувство Богообщенія мимолетнымъ и поверхностнымъ.

* * *

Не высказывай неразумныхъ желаній даже въ шутку и необдуманно. Такія желанія иногда какъ нарочно попускаетъ Господь исполняться, уча людей свято относиться къ слову, наказывая праздность его до наступленія «дня суднаго», въ который воздадутъ отвѣтъ за слова праздныя вси человѣцы. Жалѣя насъ, Господь не отлагаетъ наказаніе любимыхъ Имъ чадъ до этого послѣдняго, страшнаго дня, а ускоряетъ исправить и очистить ихъ, а мы, жалѣя себя и щадя Его Отеческую любовь и состраданіе къ намъ, не должны доводить Его до этихъ наказаній и не погрѣшать языкомъ—этимъ органомъ хвалы Божіей.

А. I.

НЕОБХОДИМОСТЬ НАШЕГО ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ.

Господи, добро есть намъ здѣ быть
(Мѡ. 17, 4).

Эти слова вырвались изъ устъ ап. Петра во время дивнаго Преображенія Христа на Өаворѣ. Господь взошелъ на эту гору для молитвы, но взошелъ не одинъ, а взявши съ собой избраннѣйшихъ своихъ учениковъ—Петра, Іакова и Іоанна. Зачѣмъ? Св. Церковь отвѣчаетъ на это такъ: «да егда Ты узрѣть распинаема, страданіе убо уразумѣютъ вольное», т.-е. для того, чтобы ученики не поколебались вѣрою въ Божественность своего Учителя, когда увидятъ Его распятымъ на крестѣ. Дѣйствительно, Божество Христа открылось на Өаворѣ предъ учениками настолько, насколько они только могли вмѣстить. Полнота Божества, сокрытая въ человѣчествѣ Іисусовомъ, благодаря необыкновенной по своей силѣ молитвѣ Богочеловѣка, не только преисполнила своимъ свѣтомъ Его душу, но проникла и тѣло, просіявши на лицѣ и преобразивши Его одежду. Мало того: можетъ быть, привлеченные силою той же молитвы Богочеловѣка, или для утѣшенія въ предстоящихъ Ему страшныхъ страданіяхъ, или для показанія, что и всѣ послѣдователи Его просвѣтятся нѣкогда *яко солнце въ царствіи Отца небеснаго* (Мѡ. 13, 43), являются предъ Нимъ во славѣ два небожителя—Моисей и Ілія и бесѣдуютъ съ Нимъ о Его «исходѣ»—о Его послѣднихъ дняхъ, о предстоящей смерти Его въ Іерусалимѣ. Но какъ слаба природа человѣческая: блистая Божественною сла-

вою, небожители бесѣдуютъ съ Богочеловѣкомъ, а ученики почиваютъ крѣпкимъ сномъ! Но вотъ избытокъ пренебеснаго свѣта проникъ и въ ихъ, сомкнутые сномъ, очи. Окружавшее ихъ величіе и блаженство приводитъ ихъ въ восторгъ: они не знаютъ—что дѣлать, что говорить (Мр. 9, 6). И только Петръ, обыкновенно не сдерживавшій своихъ чувствъ, воскликнулъ: какъ здѣсь хорошо! Зачѣмъ же итти въ Іерусалимъ на крестъ? Не лучше ли устроить здѣсь жилище, чтобы какъ можно долѣе наслаждаться этимъ блаженствомъ! *Не вѣдый, еже глаголаше*—замѣчаетъ объ этомъ евангелистъ (Лк.).

«Дѣйствительно,—скажемъ словами св. Ефрема Сирина— что говоришь ты, Симонъ? Если здѣсь останемся, кто исполнитъ слово пророковъ? Кто запечатлѣетъ вѣщанія проповѣдниковъ? Кто совершитъ таинства праведныхъ?.. Если здѣсь останемся, кто раздеретъ рукописаніе Адамово? Кто оплатитъ долгъ его? Кто обновитъ на немъ одѣяніе славы? Если здѣсь останемся, какъ будетъ все то, что сказалъ Я тебѣ? Какъ созиждется Церковь? Какъ получишь отъ Меня ключи царства небеснаго? Кого будешь вязать? Кого будешь разрѣшать? Если здѣсь останемся, безъ исполненія останется все, сказанное пророками»...

Какъ бы въ доказательство того, насколько неумѣстно ап. Петръ заботится о земномъ, когда совершается тайна небесная, *еще ему глаголющу*,—явилось свѣтлое облако, которое осѣнило всѣхъ, присутствовавшихъ на Ѡаворѣ, и изъ облака возглаголавъ о Христѣ Отецъ, повелѣвая ни въ чемъ не пререкать Своему возлюбленному Сыну, но во всемъ слушать Его и повиноваться Ему.

Но ап. Петръ пререкалъ своему Учителю по невѣдѣнію; мало того, предлагая устроить на Ѡаворѣ три «сѣни», онъ забываетъ при этомъ о самомъ себѣ и своихъ присныхъ друзьяхъ — Іаковѣ и Іоаниѣ; онъ заботится только о томъ, чтобы его Учитель не шелъ на страданія, заботится потому, что, какъ говорить Златоустъ, «распа-

ляшеса ко Христу» (бес. 56 на Мѣ.), пламенѣль къ Нему истинною любовію.

Братіе-христіане! Св. Церковь зоветъ насъ: «Прійдите, взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога нашего; и узримъ славу Преображенія Его, славу яко Единороднаго отъ Отца: Свѣтомъ примемъ свѣтъ, и возвышени бывше духомъ, Троицу единосущную воспоимъ во вѣки» (стих. 4 на литіи). Какъ же мы отвѣчаемъ на этотъ зовъ нашей матери—св. Церкви, устами которой говоритъ Самъ Христосъ? Прѣсвѣщаемся ли мы Божественнымъ свѣтомъ, преобразуемся ли мы нравственно, возвышаемся ли духомъ, чтобы достойно славить искупившую насъ отъ вѣчной смерти Троицу единосущную? Или, наоборотъ, и мы «отягчены» сномъ, какъ апостолы на Ѡаворѣ, и мы, если насъ даже будить голосъ Божественный, думаемъ лишь о земномъ и говоримъ, подобно ап. Петру: «добро есть намъ здѣ быти», устроимъ здѣсь, на землѣ, а не на небѣ, вѣчныя для себя «сѣни», вѣчное жилище.

Но, вѣдь, ап. Петръ, какъ мы видѣли, говорилъ нѣчто подобное по невѣдѣнію и вмѣстѣ по любви къ своему Учителю, всецѣло при этомъ забывая о себѣ. А мы развѣ не знаемъ, что намъ должно, взирая на славу Господа нашего, преобразоваться Духомъ Божиимъ въ тотъ же образъ, *отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18)? Развѣ мы не знаемъ, что Спаситель нашъ для того и жилъ на землѣ, страдалъ и умеръ, воскресъ и возшелъ на небо, чтобы *уготовать обители* (Іо. 14, 2) намъ не здѣсь, на скорбной, отравленной грѣхомъ, землѣ, а тамъ—на свѣтломъ, блаженномъ небѣ. А гдѣ у насъ та любовь къ Спасителю, которою горѣлъ ап. Петръ, которая и говорила его устами на Ѡаворѣ? Кто истинно любитъ Христа, тотъ, по словамъ самого же Христа, *по Немъ ходитъ* (Іо. 10, 4)—желаетъ только угодить Ему, творить волю только Его, потому что въ Немъ одномъ видитъ и путь, и истину, и жизнь (Іо. 14, 6). Но такъ ли располагаютъ свою жизнь современные христіане? Не ищутъ ли они другихъ учителей, не избираютъ

ли себѣ другихъ спасителей, забывая Того, Кого единого на горѣ Преображенія повелѣно слушать? О, сколько развелось теперь у насъ этихъ непризванныхъ учителей, этихъ мнимыхъ спасителей нашего бѣднаго отечества, обѣщающихъ устроить вѣчныя «сѣни» на землѣ, вѣчный земной рай... И, къ несчастію, у всѣхъ этихъ мудрецовъ міра сего есть много ослѣпленныхъ ихъ обѣщаніями последователей!

Съ другой стороны, много ли теперь такихъ христіанъ, которые бы, подобно ап. Петру на Фаворѣ, забывали о самихъ себѣ, о своихъ собственныхъ земныхъ интересахъ изъ любви къ Спасителю? Правда, у насъ теперь такъ и висятъ въ воздухѣ прекрасныя слова: любовь къ меньшему брату, любовь къ человѣчеству, равенство, свобода и т. п. Но часто тѣ, которые сильнѣе всего выкрикиваютъ такія слова, болѣе всѣхъ даютъ свободу своей партійной ненависти, насилію надъ своими, хотя бы миролюбивыми, противниками и попираютъ самыя неотъемлемыя права человѣческія. Да и вообще нужно признаться, что наше время хотя и зовется эпохой быстрого прогресса, кореннаго преображенія къ лучшему, но въ сущности есть время самаго сквернаго двуличія. Обыкновенно кричатъ о самыхъ хорошихъ идеяхъ, раскапываютъ и обличаютъ худое въ прошедшемъ, рвутся по видимости ко всему лучшему, но въ тихомолку руководятся однимъ принципомъ, или правиломъ: чтобы *мнѣ* добро было здѣ быти... Въ томъ наша и бѣда, что мы насквозь пропитаны эгоизмомъ, заботимся лишь о своихъ правахъ и стремимся строить «сѣни» не другимъ, забывая о себѣ, а именно только себѣ, забывая о другихъ. Вотъ почему такъ мало среди насъ единомыслія и единенія, такъ мало истиннаго подъема духа, истиннаго самоотверженія.

Гдѣ же корень такого злостнаго эгоизма, этой гибельной нашей болѣзни, которую необходимо уврачевать для оздоровленія современнаго нашего общества? Конечно, въ нашемъ духовно-нравственномъ усыпленіи. Мы настолько отягчены

духовнымъ сномъ, что не слышимъ не только голоса свыше, какой слышали апостолы на Таворѣ и какой раздается въ нашихъ св. храмахъ, но и непрерывнаго грома небснаго. Да, гремитъ Господь надъ нами, гремитъ страшно, попуская одно несчастье надъ страну нашу за другимъ. А мы все спимъ, непробудно спимъ и не думаемъ, что и намъ предстоитъ «исходъ» изъ этихъ, излюбленныхъ нами, земныхъ «сѣней». Пора же возстать отъ этого гибельнаго сна, пора услышать гласъ, зовущій насъ съ неба, пора *не кому чловѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время* (1 Петр. 4, 2). И если всѣ мы начнемъ дѣятельно, истинно по христіански, готовиться къ вѣчному преображенію со Христомъ и жить, какъ научаетъ Апостолъ, не по чловѣческимъ похотямъ, но по волѣ Божіей, то и здѣсь блага земныя приложатся намъ (Мѣ. 6, 33), и отсюда «исходъ» нашъ будетъ въ Иерусалимъ небесный. ¹⁾

Протоіерей Сергій Марковъ.

¹⁾ Изъ слова, произнесеннаго въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 6 августа, сего 1907 г.

ИСТОРИЯ МАНЯВСКАГО СКИТА

СЪ ЕГО ОСНОВАНІЯ ДО ЗАКРЫТІЯ (1611—1785 ГГ.)¹⁾.

Часть II.

Скитъ въ австрійскомъ подданствѣ съ 1772 года. Упраздненіе Скита въ 1785 году.

Тотчасъ же по занятіи Галиціи Австріей Скитская обитель подала просьбу австрійскому трону о подтвержденіи ея привилегій и правъ на земли, а въ слѣдующемъ 1773 году игумень Донатъ Милянвскій представилъ для этой же цѣли въ канцелярію губернатора графа Пергена восемь скитскихъ документовъ для пересмотра. Въ 1776 году всѣ земли были закрѣплены за Скитомъ. Вскорѣ послѣ этого игумень Донатъ Милянвскій подалъ просьбу губернскимъ властямъ о разрѣшеніи хлопотать о подтвержденіи монастырскихъ привилегій и о томъ, чтобы Сучавицкій монастырь, находящійся въ той части Молдавіи, которая тоже отошла въ австрійское подданство, находился теперь подъ управленіемъ Скита, какъ это было послѣ его основанія; далѣе о томъ, чтобы обезпечено было за монастыремъ спокойное пользованіе пожнями, пожертвованными Журавковскими, и наконецъ, чтобы Скитъ былъ освобожденъ отъ пошлинъ при перевозкѣ молдавскаго вина, необходимаго

¹⁾ Продолженіе. См. августовскую кн. *Душепол. Чтенія* 1907 г.

для потребностей монастыря. Подтвержденія этихъ привилегій Скитъ не дождался.

Не долго пришлось Скиту спокойно и мирно жить подъ австрійскимъ скипетромъ. Въ 1774 году уніатами-базилианами была подана австрійскому двору просьба объ упраздненіи Скита, на каковую отъ двора послѣдовала резолюція о томъ, чтобы уніаты лучше старались ревностью въ вѣрѣ и доброю жизнью склонить Скитъ къ уніи, чѣмъ прибѣгать къ такимъ средствамъ. Однако хотя и не изъ тѣхъ мотивовъ, по которымъ хлопотали уніаты объ упраздненіи монастыря, императоръ Іосифъ II, спустя одиннадцать лѣтъ, рѣшился на послѣднее. Въ 1785 году изъ придворной канцеляріи прислано было увѣдомленіе въ Львовскую губернію объ упраздненіи Скита, при чемъ всѣ монастырскіе капиталы должны идти на галицкій школьный фондъ.

Не трудно угадать причины упраздненія Скита. Благодаря Скиту, унія на цѣлую околицу не могла безпрепятственно развивать свои силы. Въ Скитѣ исповѣдывались и причащались каждый праздникъ тысячи окрестнаго уніатскаго народа, несмотря на то, что и епископъ Левъ Шептыцкій и его преемникъ на львовскомъ престолѣ Петръ Бѣлянскій постоянно внушали своему духовенству, чтобы оно поучало народъ смотрѣть какъ на грѣхъ на исповѣдь и причастіе у православныхъ. Въ то время случалось такъ, что уніатскія церкви въ цѣлой округѣ стояли пустыми, а духовенство вслѣдствіе этого не имѣло никакихъ средствъ къ жизни. Въ селѣ Бабчомъ, напр., во время богослуженія въ какой-то торжественный праздникъ священникъ насчиталъ въ своей церкви всего шесть богомольцевъ. «Клянусь Богомъ и святыми иконами, сказалъ обиженный слуга Божій, что я ревностно отправляю богослуженіе и проповѣдую Слово Божіе, не я буду отвѣчать предъ Богомъ за то, что моя церковь всегда пуста, а ввѣренное мнѣ стадо тяготѣетъ къ Скиту». Случалось такъ, что уніатскіе священники просили себѣ работы или

влочка земли въ томъ же Скитѣ, чтобы не погибнуть съ голоду. Когда однажды епископъ Бѣлянскій пріѣхалъ въ Перегѣнскъ, то къ нему явились окрестные священники въ бѣдныхъ одеждахъ и просили его объ упраздненіи монастыря, благодаря которому они не имѣютъ никакихъ средствъ къ жизни, такъ какъ ихъ прихожане ходятъ за всё богослуженіе и для совершенія всѣхъ требъ въ Скитскій монастырь, а не въ свои церкви.

Упраздненіе монастыря требовало еще и то обстоятельство, что Скитъ могъ начать свою проповѣдь среди униатовъ, которая безъ сомнѣнія имѣла бы успѣхъ въ виду того, что униатское духовенство было въ высшей степени необразованно, забито и крайне бѣдно, а вслѣдствіе проповѣди начались бы въ окрестности волненія, споры и пререканія безъ конца. Не нужно было, кромѣ того, забывать, что въ Вѣнѣ могли быть освѣдомлены о томъ, что Скитъ получаетъ часть помощи изъ русской государственной казны въ количествѣ 300 рублей черезъ каждые 5 лѣтъ и что слѣдовательно онъ находится въ сношеніяхъ съ той державой, которая изъ защиты православія создала себѣ очень удобную систему проведенія своихъ политическихъ цѣлей на широкомъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря до Адриатическаго.

Объ упраздненіи монастыря монахи были предупреждены за двѣ недѣли. Чернецъ Палладій въ продолженіе этихъ двухъ недѣль ѣздилъ по Манявѣ отъ одной хаты къ другой, гдѣ Скитъ могъ имѣть должниковъ, и заставлялъ послѣднихъ платить долги. Между тѣмъ въ Скитѣ цѣлыми днями стали возить щебень, но никто не зналъ зачѣмъ: на ночь же монахи удаляли изъ монастыря всѣхъ постороннихъ людей и слугъ; когда же рано утромъ монастырскія ворота отворялись и пропускали новые возы съ щебнемъ, то уже не видно было того матеріала, который былъ привезенъ наканунѣ. Двое изъ слугъ успѣли подсмотреть, что монахи что-то замуровывали подъ землю, но какъ любопытные ни выпытывали у нихъ, ничего не

могли узнать, потому что монахи взяли съ нихъ клятву молчанія. Въ послѣдній день предъ упраздненіемъ Скита монахи выкатили изъ своихъ погребовъ бочки, наполненныя всякими винами, и угостили всѣхъ желающихъ такъ какъ имъ хотѣлось, чтобы память о нихъ сохранилась на многіе годы.

Когда прибыла комиссія закрывать монастырь, въ монастырской церкви шло богослуженіе. Штрасеръ, которому было поручено упраздненіе монастыря, не обратилъ на это вниманія, сѣлъ на престолъ и прекратилъ молитвы. Видя такое поруганіе святого мѣста, монахи собрались на срединѣ церкви и запѣли: «Подъ Твою милость прибѣгаемъ», а затѣмъ, выйдя изъ обители съ крестомъ впереди, пошли дорогою, которая вела къ Бытькову. Однако игумень еще разъ вернулся съ дороги и передалъ членами комиссіи ключъ со словами: «если найдете двери, которыя отпираются этимъ ключемъ, то мы больше уже не вернемся никогда въ Скитъ, въ противномъ случаѣ еще вернемся». Безпріютные скитскіе монахи размѣстились по буковинскимъ монастырямъ, какъ наприм., въ Путиѣ, Драгомиряѣ, Сучавицахъ и др. Въ первое время послѣ упраздненія бывшіе скитскіе монахи часто посѣщали свою прежнюю обитель.

Однажды появился въ обители какой-то сѣдовласый монахъ, ходилъ по всѣмъ уголкамъ и пустымъ кельямъ и плакалъ. Мѣстный лѣсникъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ; когда же тотъ отказывался, ссылаясь на то, что ему нельзя ѣсть скоромное, то лѣсничій сталъ еще настойчивѣе звать его, обѣщая приготовить постный обѣдъ. Видя такую настойчивость, монахъ согласился, однако слова своего не исполнилъ и куда-то исчезъ. Въ другой разъ появились среди опустѣлыхъ келій два монаха, походили назадъ и впередъ, а затѣмъ, скрывшись на нѣкоторое время въ развалинахъ, вынесли изъ-подъ земли сушеныхъ рыбъ и, сѣвъ на камни, закусили.

Изъ вырученныхъ отъ продажи монастырскаго иму-

щества денегъ часть пошла на пополненіе школьнаго фонда а часть въ особый, такъ называемый, религіозный буквинскій фондъ. Денегъ въ монастырѣ не было найдено. Затѣмъ львовскія губернскія власти распорядились, чтобы монастырская библіотека была разсортирована, причемъ важнѣйшія изъ книгъ были отосланы въ ново-основанный Львовскій университетъ, а маловажныя распроданы. Церковныя ризы, большею частію дары русскихъ и молдавскихъ вельможъ, были переданы въ ново-основанную Львовскую духовную семинарію, гдѣ онѣ сохраняются и до настоящаго времени. Иконостасъ изъ Воздвиженской церкви, самый красивѣйшій во всей Галиціи, былъ проданъ въ церковь въ Богородчанахъ; амвонъ и надгробный камень съ могилы Іова и Θεодосія отданъ былъ въ Марковецкую церковь, гдѣ тотъ камень и въ настоящее время лежитъ на престолѣ; много иконъ разошлось по церквамъ сосѣднихъ селъ, такъ что въ каждомъ изъ нихъ есть какая-нибудь память о Скитѣ. Серебряный крестъ съ (предполагаемой) частицей Животворящаго Креста, мантия и жезлъ игуменскій отданы были по просьбѣ сучавицкихъ монаховъ въ ихъ монастырѣ, гдѣ эти предметы хранятся и донинѣ.

Что касается монастырскихъ колоколовъ, то они большею частію были распроданы на сплавъ. Монастырскія церкви были проданы и перевезены на мѣсто новаго своего назначенія. За предѣлами Манявы Скитъ имѣлъ поселки для крѣпостныхъ въ Марковѣ, Журакахъ, Суджавцѣ. Всѣ эти постройки долгое время стояли безъ всякаго употребленія, а затѣмъ были приспособлены подъ квартиры для писарей и гайдуковъ. Что стало съ селомъ Филиповцами, находящимся въ Молдавіи и принадлежавшемъ Скиту, неизвѣстно. Властямъ досталось много хлопотъ съ этимъ селомъ, такъ какъ онѣ нигдѣ не могли найти никакихъ документовъ, касающихся его, не могли получить ихъ и отъ послѣдняго игумена скитскаго Исаака Протасевича, который тотчасъ же по закрытіи монастыря выѣхалъ въ Молдавію. При опредѣленіи границъ этого села,

смѣшанной австрійской и молдавской комиссией, приходилось опираться на показанія старожиловъ изъ этого села и его окрестностей. Равнымъ образомъ не находимъ никакихъ свѣдѣнй и о судьбѣ скитскаго поселка въ Снятынѣ.

Сучавицкй монастырь въ Буковинѣ сохранилъ свою самостоятельность до настоящаго времени. Съ внѣшней стороны Скитъ теперь, черезъ 100 слишкомъ лѣтъ по его упраздненіи, имѣетъ очень печальный видъ. Отъ деревянныхъ построекъ не осталось никакого слѣда. Каменные же постройки находятся въ полномъ разрушеніи; дверей, оконъ и крышъ давно уже нѣтъ, вѣтеръ, дождь и туманъ свободно проникаютъ во всѣ закоулки. Видъ былъ бы еще печальнѣе, если бы изъ каждаго пустого мѣста, изъ каждой щелочки не выглядывалъ кустикъ какой-нибудь травки, растенія, или глазки цвѣточковъ, что нѣсколько скрашиваетъ рѣзкій контрастъ между жизнью и смертью. Въ двухъ нишахъ выѣздныхъ воротъ находятся изображенія, представляющія обоихъ первыхъ игуменовъ—основателя монастыря Іова и его сподвижника и преемника Θεодосія. Надъ воротами вверху изображенъ Спаситель въ облакахъ съ распростертыми для благословенія руками; ниже съ лѣвой стороны находится образъ съ надписью: Св. апостоль Іоаннъ Богословъ, а съ правой стороны: Св. апостоль Іаковъ.

На самомъ сводѣ представленъ символъ Провидѣнія, въ серединѣ его слово «саваоѣ», а по сторонамъ двѣ головы ангеловъ. По бокамъ воротъ виднѣются въ нишахъ изображенія двухъ монаховъ, причемъ надъ монахами съ лѣвой стороны воротъ видна надпись: «Преподобный Антоній пече...», а въ свиткѣ, который онъ держитъ въ своихъ рукахъ, можно читать: «Господи, да будетъ на мѣстѣ семъ благословеніе святыя горы Аѳонскія». Надъ другимъ монахомъ, по правой сторонѣ, надпись: «Преподобный Θεодосій», а на свиткѣ: «братія моя, аще и тѣломъ отхожу отъ васъ, но духомъ съ вами есмь».

Уцѣлевшая башня, имѣеть три яруса.

На стѣнѣ ея, обращенной къ рѣкѣ Батерсу и къ горѣ Канюковатой, на значительной высотѣ виднѣется образъ Распятаго Христа, а на противоположной сторонѣ—образъ Успенія Пресвятой Богородицы, надъ которымъ помѣщены слова:

«Живота мати како умираеть,

«Сынъ ея животь матеръ воскрешаетъ.

На этой же сторонѣ, но въ самомъ низу, помѣщены въ нишахъ два изображенія, представляющія монаховъ, по всей вѣроятности, тоже Юва и Θεодосія, о чемъ можно предполагать изъ надписи, которая помѣщена между ними и въ которой можно еще разобрать слова: ... жити сии два избрали... Батерсъ обитель создали... Башня эта была реставрирована въ 1781 году, т. е. за четыре года передъ упраздненіемъ монастыря. Самая вершина башни, а равно и другіе ярусы заросли березками и разными растеніями.

Хотя съ великимъ трудомъ, но можно еще и теперь въ грудахъ камня, заросшихъ лѣсомъ, найти тѣ мѣста, гдѣ стояли скитики со своими церквушками. Среди скитскихъ развалинъ много годовъ виднѣлся высокій крестъ, означая то мѣсто, гдѣ въ продолженіи 165 лѣтъ каждый день приносилась безкровная жертва Богу.

Глухую тишину, какая обычно царить на мѣстѣ прежняго Скита, по мѣстамъ нарушаетъ говоръ туристовъ, которые часто посѣщаютъ развалины, записывая свои имена на стѣнахъ, а иногда можно слышать здѣсь и веселыя пѣсни, распѣваемые съѣхавшимся изъ ближайшихъ къ Скиту мѣстечекъ на «маевки» цѣлыми обществами туристовъ.

На высококомъ берегу Батерса, противъ прежнихъ монашескихъ келій, находилось монастырское кладбище. Предъ тридцатыми годами можно было еще рассмотреть ряды могилъ, теперь же могилы сгравиялись, и на одной половинѣ кладбища, на землѣ, смѣшанной съ прахомъ вели-

жихъ подвижниковъ, выросъ густой лѣсъ, другая же половина обращена въ пожню для лѣсничаго.

Тяжело слѣдить за постепеннымъ разрушеніемъ св. обители. Какъ еврей, находя въ Св. Землѣ, напр., колодезь Авраама или гробы ветхозавѣтныхъ патріарховъ, не могли молиться Богу не рыдая, не заливаясь горькими слезами, такъ и здѣсь, при видѣ опустошенія прежняго Скита, нельзя оставаться равнодушнымъ и холоднымъ. Тѣ тысячи людей, которые покоятся въ многочисленныхъ гробахъ, всѣ—великіе герои, сильные духомъ и волею люди. Они боролись за то, что считали святымъ, т.-е. за вѣру своихъ предковъ, и въ борьбѣ этой никогда не прибѣгали ни къ какимъ безчестнымъ средствамъ. Лишь благородные люди умѣютъ для идеи посвятить себя на муки и страданія, на труды и голодъ, на поруганіе и сверхчеловѣческіе подвиги. А съ какою самоотверженностью, съ какимъ чувствомъ привязанности къ русско-православной церкви вступали затворники въ борьбу съ уніей! Скитъ, въ этомъ отношеніи, сыгралъ свою роль честно. Даже тогда, когда исчезли всякія надежды на успѣхъ, онъ никогда не вышелъ изъ границъ дозволеннаго, никогда не допустилъ никакого вѣроломства или чего-нибудь безчестнаго.

А теперь можетъ быть никто и не знаетъ про тѣхъ великихъ подвижниковъ и ихъ обитель, никто не помянетъ души трудившихся и почившихъ тамъ жителей русскаго Аеона.

А. Титовъ.

Естественное совершенство и нравственное совершенствованіе ¹⁾.

Въ ряду началъ, опредѣляющихъ нравственность, нѣкоторые ставятъ идею естественнаго совершенства человѣка. Эта идея заслуживаетъ разсмотрѣнія, потому что она, вопервыхъ, защищается выдающимися древними и современными мыслителями, а во-вторыхъ, она, повидимому, совпадаетъ съ христіанской задачей нравственнаго совершенствованія: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный» (МѠ. V, 48).

Естественное совершенство ставили цѣлью человѣческой жизни еще классическіе народы, «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей», «истинная жизнь есть жизнь, сообразная съ человѣческой природой»: эти положенія извѣстны намъ изъ древнѣйшей греческой моральной философіи. И многіе новѣйшіе мыслители видятъ высшее нравственное благо въ соотвѣтствующемъ развитіи естественныхъ силъ и способностей человѣка. Но особенно выдѣляется между ними въ качествѣ защитника идеи естественнаго совершенства недавно умершій нѣмецкій мыслитель Фридрихъ

¹⁾ Изъ уроковъ по Нравств. Богосл. въ Виѣанской семинаріи.— Литература вопроса: Тарѣевъ М. Цѣль и смыслъ жизни.—Риль. Ницше, какъ художникъ и мыслитель.—Фуллье. Ницше и имморализмъ.—Гротъ. Нравственные идеалы нашего времени: Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой.—Гусевъ А. О. сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого.—Антоній сбор. сочин. т. III. Статія, посвященная характеристикѣ возрѣвній Л. Толстого.

Ницше. Имя Ницше въ послѣднее время сдѣлалось очень популярнымъ. Его идеи нашли быстрое распространеніе, завладѣли сознаниемъ современнаго общества. Поэтому на его моральномъ ученіи необходимо остановиться съ особеннымъ вниманіемъ.

Единственный смыслъ жизни человѣчества, по Ницше, состоитъ въ возможно полномъ раскрытіи личности человѣческой, въ улучшеніи типа человѣка, породы людей—животныхъ, до достиженія ими новаго усовершенствованнаго вида—«сверхчеловѣка». Человѣкъ долженъ сознать свою мощь и сознательно стремиться къ тому, чтобы выработать себя въ высшій біологическій видъ. Онъ долженъ превзойти самого себя, перерасти себя въ направленіи къ высшему бытію. «Сверхчеловѣкъ это—смыслъ земли».

Такъ какъ не всѣ люди по своей организаціи доступны такому усовершенствованію, то надо признать господство «высшихъ натуръ», могучихъ, «сильныхъ людей воли и дѣла» и разсматривать массы, какъ пассивное орудіе и пьедесталь для возвеличенія этихъ личностей. Толпа и сверхчеловѣкъ полярныя понятія въ философіи Ницше. Поэтому существуетъ двоякая мораль — для сильныхъ и слабыхъ, для господъ и рабовъ. Первые должны попирать ногами все, что служитъ препятствіемъ имъ, начиная съ людей низшихъ или просто обыкновенныхъ. Основной двигатель каждаго существа есть «воля къ власти и владычеству». «Въ чемъ добро?—спрашиваетъ Ницше. Во всемъ, что возвышаетъ чувство силы и власти и желаніе этой власти въ человѣкѣ.—Въ чемъ зло?—Во всемъ, что исходитъ изъ слабости».

Какъ видимъ, Ницше сводитъ этику къ біологіи, добро отождествляетъ съ силою, а зло съ слабостью. Но законы біологіи непримѣнимы во всей своей цѣлости и безъ ограниченій къ исторической жизни человѣчества. Кромѣ біологическихъ процессовъ каждый человѣкъ обладаетъ психикою, которая подчиняется своеобразнымъ законамъ. Историческое развитіе человѣческаго сознанія не

есть биологическое развитие, не есть переходъ отъ одного биологическаго типа къ другому—отъ низшаго къ высшему.

Генія нельзя возродить, потому что онъ не передается по наслѣдству. Въ биологическомъ отношеніи всякій великій человѣкъ кончается въ самомъ себѣ. Таланты и геніи не создаются предшествующимъ естественнымъ процессомъ. Столь же наивна мечта создать сверхчеловѣка, новый усовершенствованный биологическій типъ въ нравственной области. По справедливому замѣчанію одного критика, Ницше «не могъ понять, что утвержденіе и осуществленіе «я», его жажду безконечнаго могущества и совершенства не только нельзя мыслить биологически, но и вообще эмпирически, что тутъ необходимо постулировать сверхъ—эмпирической идеальной міръ» ¹⁾.

Ницше учить о «природномъ» совершенствѣ. Онъ проповѣдуетъ возвратъ къ природѣ, т.-е. къ инстинктамъ, такъ какъ «все доброе инстинктивно», — иначе сказать, къ полному и восторженному раскрытію всѣхъ силъ и способностей естественнаго, «животнаго» человѣка. Съ особенною любовью, даже съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ, Ницше пользуется всякимъ случаемъ, чтобы соединять термины — «животное» и «человѣкъ». Въ сверхчеловѣкѣ воля достигаетъ наивысшей интенсивности, полноты, расцвѣта жизни, которая бьетъ чрезъ край, выражаясь въ «дарящей добродѣтели». «Дающая добродѣтель есть высшая изъ добродѣтелей», говоритъ Ницше.—Какая же цѣль этой интенсивности жизни, этого стремленія превзойти самого себя, раскрыть высшую индивидуальность? *Macht auslassen*, неоднократно повторяетъ Ницше, т.-е. чтобы проявлять свою власть, силу надъ другими.

Но понятіе власти само по себѣ довольно безсодержательно. Природа не знаетъ власти. Власть—абстрактное понятіе, не имѣющее смысла внѣ человѣческой культуры.

¹⁾ Бердяевъ. Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма.— Проблемы идеализма, стр. 124—125.

Власть, какъ и всякая другая сила, получаетъ цѣну отъ ея примѣненія и направленія и отъ той конечной радости, которая съ ней связана. Существуетъ множество способовъ пониманія этой власти. Силачъ, опрокидывающій васъ ударомъ кулака, властвуетъ надъ вами. Противникъ, опровергающій васъ въ спорѣ убѣдительными доводами, одерживаетъ надъ вами побѣду. Тотъ, кто заставляетъ васъ полюбить себя, побѣждаетъ васъ. Если Самсонъ побѣждалъ силой, то Далила побѣждала красотой. Власть наиболѣе *сильнаго* ничего не означаетъ, потому что всегда нужно опредѣлить сущность и родъ его силы. Развѣ праведникъ, побѣждающій свои животные инстинкты, не обладаетъ мощью? Развѣ тотъ, кто жертвуетъ собой ради счастья своихъ ближнихъ, не есть сильный человекъ? Иногда въ ласковомъ словѣ, улыбкѣ или слезѣ можетъ заключаться больше власти, чѣмъ въ цѣломъ рядѣ грозныхъ словъ и насильственныхъ дѣйствій.—Ницше горячо защищаетъ динамическій характеръ, активность добродѣтели,—и въ этомъ крупная заслуга его для этики. Но активность онъ отождествляетъ съ агрессивностью, т. е. съ стремленіемъ къ захвату, насилію, эксплуатаціи, даже жестокости. Если вѣрить Заратустрѣ (главный герой Ницше), то «война и мужество создали больше великихъ дѣлъ, чѣмъ любовь къ ближнему». «Жизнь, говоритъ Ницше, заключается по существу въ присвоеніи, униженіи и захватѣ чужого и слабого, въ подавленіи, жестокости, навязываніи своихъ формъ, въ порабощеніи, или въ лучшемъ смыслѣ эксплуатаціи другихъ. Эксплуатація не есть черта испорченнаго или несовершеннаго и первобытнаго общества, она составляетъ сущность всего живого, его органическую функцію; она исходитъ изъ стремленія къ власти, которое и есть любовь къ жизни». Здѣсь мы встрѣчаемъ у Ницше пресловутую «переоцѣнку цѣнностей». Эгоизмъ и страсти являются добродѣтелями, а не пороками, потому что они суть цѣнности, благопріятствующія расцвѣту жизни.

Между тѣмъ интензивность и активность жизни не нужно смѣшивать съ агрессивностію. По замѣчанію глубокаго и не менѣе извѣстнаго французскаго мыслителя Гюйо, «величайшая интензивность жизни находится въ необходимомъ соотношеніи съ широчайшей экспансивностію, т. е. съ распространеніемъ, съ расходомъ жизни на другихъ, для другихъ, жертвой на благо другихъ. Не къ расширенію своей власти надъ другими оказывается наиболѣе склонной самая богатая жизнь, а къ тому, чтобы «раствочать себя, жертвовать собою до извѣстной степени, дѣлиться съ другими». Мать, заботящаяся о своемъ ребенкѣ, посвящающая ему цѣлыя дна, бодрствующая надъ нимъ по ночамъ, внимательная къ каждому его крику и малѣйшему жесту, отдающая ему всецѣло, готовая, въ случаѣ нужды, жертвовать для него собою, — такая мать несомнѣнно «активна», но что въ ней «агрессивнаго»? Поистинѣ «нравственность, безкорыстіе — это цвѣтъ человѣческой жизни» ¹⁾).

Сообразно съ своимъ основнымъ принципомъ нравственности — «волей къ власти и могуществу» — Ницше представляетъ идеаль нравственнаго героя въ образѣ «гордаго, здороваго, жизнерадостнаго человѣка», который упивается своею властью, любитъ самъ собою: «мы знатные, мы добрые, мы прекрасные, мы счастливые». Самодовольство, самолюбованіе и вытекающія отсюда величаніе собою, гордость и презрѣніе къ «стадной толпѣ» — обыкновеннымъ смертнымъ — отличаютъ сверхчеловѣка у Ницше.

Здѣсь-то и находится главная Ахиллесова пята нравственной философіи Ницше. Ничто не вноситъ въ такой степени разлагающее начало въ нравственность, какъ стремленіе къ *личному* обладанію нравственнымъ абсолютнымъ совершенствомъ, достиженію его собственными силами. Мы имѣемъ безсмертный образецъ и типъ такой

¹⁾ Гюйо. Очеркъ морали. Собр. соч. т. III, стр. 258.

нравственности въ приточномъ евангельскомъ фарисеѣ. Самодовольство погубило евангельскаго фарисея. Оно свело его нравственность къ законнической самоправедности. Оно повело его къ ложной, горделивой переоцѣнкѣ своего внутренняго настроенія: «я не таковъ какъ прочіе люди». Оно убило въ немъ самый духъ нравственности—милость, вѣру, любовь (Лк. 18, 11—12 сн. 11, 42; Мѡ. 23, 22). Дорогою цѣною оплачиваютъ люди свое стремленіе къ личному абсолютному совершенству. Истинные представители нравственнаго дѣланія и великіе учителя челоѡчества на этомъ поприщѣ хорошо знаютъ пагубное для нравственности значеніе гордаго стремленія къ личному совершенству и горячо предостерегаютъ челоѡѡка отъ этого стремленія. «Признакъ цѣломудрія, пишетъ св. Григорій Богословъ, знать мѣру своей жизни. Равно для тебя худо—и отложить благую надежду, и возымѣть слишкомъ смѣлую мысль, что не трудно быть совершеннымъ».

Иначе обосновываетъ нравственное развитіе своихъ послѣдователей христіанство. Оно тоже требуетъ отъ людей нравственнаго совершенствованія, восхожденія отъ силы въ силу, но оно учитъ основывать эту силу не на себѣ, а на Богѣ, оно учитъ смиренію, нищетѣ духовной, т.-е. сознанію, что челоѡкъ не имѣетъ ничего, чего бы онъ не получилъ, учитъ постоянному возвращенію къ Богу изъ самолюбиваго отчужденія отъ Него чрезъ покаянный духъ. Въ смиреніи, — воспользуемся прекраснымъ замѣчаніемъ извѣстнаго нѣмецкаго историка-богослова Гарнака,—въ смиреніи, т.-е. въ сознаніи своей внутренней немощи и бѣдности, въ молитвенномъ раскрытіи своей души предъ Богомъ, лежитъ основное настроеніе добраго, источникъ всякаго добра, какъ показалъ это Христось въ своей притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ ¹⁾ Вотъ въ чемъ незыблемое основаніе истинной и несокрушимой нравственной силы,

¹⁾ Сущность христіанства. Стр. 51.

неуклоннаго восхожденія по ступенямъ нравственной духовной высоты. То правда, что на пути этого восхожденія желаніе власти и могущества надъ людьми для подчиненія ихъ спасительной истинѣ и нравственной правдѣ является самымъ сильнымъ и опаснымъ искушеніемъ. Этому искушенію подвергся самъ Иисусъ Христосъ отъ діавола, который предлагалъ Ему покорить міръ посредствомъ власти и силы. Но Христосъ, какъ извѣстно, отвергъ это предложеніе діавола, потому что нравственное развитіе неразлучно со смиреніемъ, а духовное совершенство раскрывается во внѣшнемъ униженіи: «сила Божія совершается въ немощи» (2 Кор. XII, 9).

Другимъ виднымъ въ ряду современныхъ мыслителей защитникомъ идеи естественнаго совершенства является Л. Н. Толстой. Въ отличіе отъ Ницше Толстой учитъ не о природномъ біологическомъ совершенствѣ, а о духовномъ. Толстой различаетъ въ человѣкѣ «животную личность» и «разумное сознаніе» или истинное разумнѣіе жизни. Истинная наша жизнь, которую мы сами создаемъ, есть, по Толстому, наша разумная жизнь, а тѣло и вещество, «съ существованіемъ которыхъ она неразрывно связана», живутъ своею особою жизнію, которая относится къ нашей жизни, какъ орудія и матеріаль для нашей работы. Человѣкъ не можетъ не видѣть, что животная личность, подлежащая времени, есть нѣчто «непрестанно погибающее, стремящееся къ смерти», а потому «первымъ условіемъ для достиженія его истиннаго блага, въ чемъ бы оно ни состояло, должно быть отреченіе отъ животной жизни». «Человѣкъ исполнилъ законъ жизни, чѣмъ болѣе подчинилъ онъ свою животную личность разуму и проявилъ силу любви» къ другимъ. По разумному сознанію о жизни всякій видитъ свое благо «въ благѣ другихъ и въ страданіяхъ за это благо другихъ». Въ этой то любви по всему живому, въ этомъ-то желаніи блага всѣмъ и проявляется божество въ людяхъ, которое есть сама любовь. Съ этимъ опредѣленнымъ отношеніемъ къ

міру челоуѣкъ уже является въ міръ изъ внѣвременной и внѣпространственной области бытія. Являясь въ міръ, челоуѣкъ долженъ сообщить дальнѣйшее движеніе или развитіе этому отношенію, состоящее въ большемъ и большемъ подчиненіи его животной личности требованіямъ его разумнаго сознанія. Духовное возрожденіе, о которомъ говоритъ Христосъ, есть, по увѣренію Толстого, не только пробужденіе дотоуѣ дремавшаго въ челоуѣкѣ, неразлучнаго съ нимъ, разумнаго сознанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть и начало такого образа жизни, который согласенъ съ требованіями разумнаго сознанія.

Какъ видимъ, Толстой значительно отличается отъ Ницше. Онъ выступаетъ рѣзкимъ противникомъ животной біологической личности въ челоуѣкѣ. Толстой имѣетъ въ виду духовную личность челоуѣка, учитъ о духовномъ совершенствѣ его. Его идеаломъ служить не культурное усовершенствованіе «сверхчелоуѣка», но раскрытіе божескихъ чувствъ и помысловъ въ челоуѣкѣ при настоящихъ естественныхъ условіяхъ жизни.

Но значительно отличаясь отъ Ницше, Толстой раздѣляетъ основную ошибку его, что челоуѣкъ самъ, путемъ собственныхъ усилій, въ состояніи помочь себѣ въ дѣлѣ улучшенія своей нравственной жизни. И у него, какъ у Ницше, мы видимъ то же стремленіе къ личному абсолютному нравственному совершенству. Такая оптимистическая точка зрѣнія на челоуѣка фальшива. Самопроизвольное зарожденіе жизни и въ окружающей насъ внѣшней природѣ теперь признается невысказаннымъ всѣми первоклассными натуралистами. Жизнь можетъ породиться только жизнью. Новый высшій видъ въ органической природѣ возникаетъ не самъ собою, но благодаря особымъ жизненнымъ условіямъ и вліяніямъ. Тотъ же самый законъ имѣетъ приложеніе къ духовной жизни. Возникновеніе въ челоуѣкѣ новой духовной жизни или, по терминологіи Толстого, внутреннее пробужденіе челоуѣка невозможно безъ внѣшняго Божественнаго благодатнаго воз-

дѣйствія. Христіанская нравственная жизнь есть даръ Божій, новое Божіе творчество. Какъ слѣпыхъ сдѣлать зрячими и хромыхъ ходячими, или пустыню цвѣтистымъ садомъ не можетъ естественная сила, такъ и людей сдѣлать добрыми и нравственными. Можетъ сдѣлать все это лишь сила новой благодатной жизни, открытой во Христѣ. И наша задача состоитъ именно въ томъ, чтобы войти въ эту новую жизнь, привиться ко Христу, какъ вѣтвь прививается къ лозѣ, принять въ себя благодать, какъ дѣйственную и оплодотворяющую силу.

Каждый человѣкъ знаетъ, что его тѣлесный организмъ не живетъ только на счетъ тѣхъ средствъ, которыя заключаются въ немъ самомъ. Напротивъ, продолженіе и развитіе его тѣлесной жизни условливается притокомъ и ассимиляціей внѣ его находящихся жизнетворныхъ началъ. Тѣмъ менѣе можетъ обойтись безъ высшей внѣшней поддержки и благодатнаго руководства духовно-нравственная жизнь человѣка. Вѣра въ свои собственныя силы не должна быть самообманною.

Все несовершенство естественной разумной морали едва ли можно иллюстрировать лучше, какъ отношеніемъ того же Толстого къ христіанской заповѣди о любви къ врагамъ. «Любить враговъ?»—спрашиваетъ Толстой въ своемъ сочиненіи «о жизни», — «но это невозможно. Это было бы одно изъ тѣхъ прекрасныхъ выраженій, на которое нельзя смотрѣть иначе, какъ на указаніе недостижимаго нравственнаго идеала. Можно не вредить своему врагу, но любить его нельзя. Не могъ Христосъ предписывать невозможное». Но что невозможно у людей, то возможно у Бога; что невозможно для морали разума, то возможно для христіанской...

Итакъ, личное абсолютное нравственное совершенство недостижимо для человѣка. Ни одинъ человѣкъ, сколько бы онъ ни думалъ, сколько бы ни напрягалъ усилій, не можетъ прибавить себѣ росту, хотя бы на локоть. Ребенокъ напр. растетъ безъ всякихъ усилій съ его стороны.

Выполнены извѣстныя условія, и ростъ совершается. Но никому не придетъ въ голову приказывать ребенку расти, и у докторовъ нѣтъ рецепта для роста. Они могутъ сказать, какъ ростъ можетъ быть задержанъ или ослабленъ, но самый процессъ роста не подлежитъ ихъ контролю. То же самое примѣнимо и къ духовному, нравственному возрастанію человѣка. Нравственность есть жизненный процессъ, столь же независимый отъ личныхъ усилій человѣка, хотя обуславливаемый ими, какъ и тѣлесный ростъ его.

Мало того, собственныя естественныя усилія могутъ иногда парализовать нравственный ростъ человѣка. Нужно различать между стремленіемъ къ абсолютному естественному совершенству и стремленіемъ къ совершенствованію. Стремленіе къ совершенствованію соединяется съ признаніемъ природной органиченности человѣка. «Когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоящіе, потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать» (Лк. 17, 10). Стремленіе же къ естественному совершенству сопровождается самолюбивымъ стремленіемъ къ личному самодовольному обладанію абсолютнымъ совершенствомъ, порождаетъ, слѣдовательно, нравственное зло. Здѣсь можно провести аналогію съ познавательною областью. Стремленіе къ истинѣ въ знаніи, конечно, добро, но представленіе о личномъ обладаніи полною абсолютною истиною пагубно для знанія. Залогомъ достиженія истины и прогресса знанія является сознаніе, что я знаю лишь то, что ничего не знаю. Точно также залогомъ нравственнаго совершенствованія служитъ смиренное сознаніе, что въ нравственномъ возрастаніи «ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возвращаяй Богъ» (1 Кор. 3, 7).

Изъ. Николинъ.

ПОХВАЛА СВЯТОМУ ІОАННУ ЗЛАТОУСТУ ¹⁾.

„Въ тысяцѣхъ да возвеличится Златоустъ“ (мин. мѣс., ноября 13 день).

«Всѣхъ Творцу преклоняю колѣна, превѣчному Слову руки простираю, слова аще дарованіе, да воспую преподобнаго, его же Самъ возвеличи... иже убо въ древнихъ Самуила возвысивый, прослави нынѣ іерарха: талантъ бо, емуже ввѣрися, добръ купльствовавъ, Царю принесе, тѣмъ и превозвыши его Пресущественный; сего благодати прошу недостойный азъ, слово пріяти ми, да возмогу благочестно воспѣти того: концевъ бо есть наставникъ, яко Божественная являя» (Икосъ).

* * *

Святой Іоаннъ Златоустъ—одинъ изъ величайшихъ отцовъ церкви. Научное образованіе, самое лучшее того времени, получилъ онъ въ школъ Ливанія. Занятія его науками были настолько успѣшны, что когда Ливанія спросили, кого онъ оставить преемникомъ въ своей школъ, онъ отвѣчалъ: «оставилъ бы Іоанна, если бы не отняли его отъ насъ христіане!» Христіанское богословіе онъ изучалъ подъ руководствомъ св. Мелетія антиохійскаго, который и крестилъ его. Богословское свое образованіе онъ продолжалъ у лучшаго христіанскаго ученаго—Діодора, отъ котораго и усвоилъ чуждый аллегоріи методъ

¹⁾ Къ 1500-лѣтію со дня его блаженной кончины, 14 севт. 407 г.—1907 г.

толкованія Св. Писанія. Пробывъ нѣкоторое время въ пустынѣ, онъ возвратился въ Антиохію, гдѣ сперва былъ пять лѣтъ діакономъ, а затѣмъ двѣнадцать лѣтъ пресвитеромъ, въ каковомъ санѣ проповѣдничество стяжало ему отъ благодарныхъ слушателей и читателей имя «Златоустъ». Смиранный пресвитеръ, человекъ безъ всякихъ связей и знакомствъ въ столицѣ, былъ избранъ на постъ перваго сановника церкви—архіепископа Константинопольскаго.

* * *

Кіими похвальными вѣяцы увяземъ святителя? Кіими похвальными вѣяцы вѣячаемъ Златослова? Кіими пѣсенными добротами вѣячаемъ богоноснаго? Кіими похвальными глаголы похвалимъ проповѣдника? Кіими похвальными пѣснями ублажимъ чуднаго учителя? Кіими духовными пѣснями возвеличимъ тя, о Златоусте?!—и что еще воскликнуть намъ безгласнымъ для похваленія огласившаго всю вселенную?

О, чудный святителю, Іоанне Златоусте, самъ приходи къ намъ съ небесъ и научи твоими златыми устами, какъ хвалить тебя! Взгляни, какъ мы бѣдны и немощны...

* * *

«Златозарнаго и златословеснаго почтимъ Златоустаго Іоанна, вся позлатившаго златовидными сіяніи ученія, и міръ языкомъ просвѣтивша, злата свѣтлѣйшимъ и свѣта полнѣйшимъ, источающимъ благодать Божественную» (Пѣснь 4).

«Пѣсенно воспоймъ» «златокованную трубу, Богодохновенный органъ, догматовъ пучину неизчерпаемую, церкви утвержденіе, умъ небесный, премудрости глубину, чашу всезлатую, изливающую рѣвки ученій медоточныхъ».

«Земный Ангелъ и небесный человекъ, ластовица благоглаголивая и многогласная, добродѣтелей сокровище... равностоятель святыхъ ангелъ, апостоловъ единовременъ, въ пѣсняхъ да возвеличится Златоустъ» (Стих.).

Благодати органъ, благознаменитую трубу проповѣданія, страшную и достослышанную, съ высоты шумящій громъ и славу Божию сказующій концемъ, великаго проповѣдника великія Троицы, достойно прославимъ.

Придите, людіе, Іоанна воистину благодатно-именованаго восхвалимъ—земное свѣтило, церковное кормило, свѣтлоплодовитое древо, строителя благодати, Христова уста и Троицы проповѣдника.

Святителю Христовъ и отцевъ славо, радуйся! Радуйся, церковное свѣтило, столпе непоколебимый! Радуйся, умнебесный, архіерею превеличайшій! «Радуйся, о Златоусте, всезлатый Іоанне, покаянія ясный проповѣдникъ» (Стих.).

* * *

Будучи пресвитеромъ, Іоаннъ Златоустъ говорилъ проповѣди по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, нерѣдко и каждый день, то послѣ предварительнаго приготовленія, то послѣ нѣкотораго размышленія, а чаще всего—импровизируя. Обличенія и увѣщанія его часто вызывали у слушателей стоны и слезы. Скорописцы записывали каждую бесѣду Златоуста. Слова его нерѣдко читались на рынкахъ и площадяхъ. Въ самой церкви его прерывали иногда громкими рукоплесканіями, на каковыя восторги онъ отвѣчалъ просьбой поощрять его трудъ исполненіемъ его наставленій. Не одни христіане, но даже язычники и іудеи толпились въ церкви, желая послушать необычнаго оратора. Во время проповѣди въ церкви одна женщина воскликнула: «Учитель духовный Іоаннъ Златоустый, ты слишкомъ углубилъ кладязь святаго твоего ученія, а почерпала ума нашего коротки и не могутъ достать!» Съ того времени народъ сталъ звать св. Іоанна «Златоустымъ», и св. церковь сохранила за нимъ это названіе. Іоаннъ же съ тѣхъ поръ прилагалъ особенную заботу о томъ, чтобы рѣчь его была понятна всякому человѣку самому необразованному и чтобы всякій могъ получить пользу отъ бесѣды его.

* * *

Прослуживъ церкви Христовой всю жизнь, Златоустъ оставилъ ей богатое наслѣдство. Это—его дивныя творенія. Они, несмотря на то, что сохранились не въ собственномъ изложеніи, считаются образцами христіанскаго ораторскаго искусства. Его экзегезисъ, ясный и простой, лишь изрѣдка аллегоризирующий, признанъ классическимъ въ христіанской литературѣ. Главное значеніе Іоанна, какъ проповѣдника,—въ области практической морали и выясненія принциповъ христіанской социалогіи. Его разсужденіе объ устройствѣ взаимныхъ отношеній людей по христіанскимъ началамъ, о христіанской семьѣ, о воспитаніи дѣтей, о молитвѣ домашней и общественной, о значеніи приходскаго храма особенно для сельскаго населенія, о трудѣ, какъ основѣ общественнаго благосостоянія, объ обязанности заботиться о благѣ общемъ, о христіанской взаимопомощи и благотворительности, объ уничтоженіи рабства, объ отмѣнѣ цирковыхъ и яровавыхъ забавъ, о способахъ уничтоженія пролетаріата въ большихъ городахъ—классическія страницы въ христіанской литературѣ. Его проповѣди—настоящая популярная энциклопедія христіанскаго нравоученія. Онѣ были предметомъ изученія для проповѣдниковъ всѣхъ временъ не только на Востокѣ, но и на Западѣ и—любимымъ предметомъ чтенія въ обществѣ и въ массахъ. Не лишены онѣ значенія и въ смыслѣ общеисторическомъ. Яркія картины частнаго и общественнаго быта и нравовъ его времени, разнообразныхъ коллизій между новыми, христіанскими началами жизни и наслѣдствомъ античныхъ вѣрованій и обычаевъ, даютъ цѣнный матеріалъ для историка культуры. Высокому достоинству его проповѣдей много способствуетъ ихъ форма. Хотя у него не мало «словъ» на разные случаи, на дни памяти святыхъ etc., имѣющихъ единство предмета, но излюбленная форма его проповѣди даетъ просторъ свободной ассоціаціи идей. Описаніе природы и жизни, сравненія и противоположенія чередуются здѣсь съ обличеніями и увѣщаніями. Преп. Исидоръ Пелусіотъ говоритъ

о сихъ чудныхъ твореніяхъ: «Не знать столь прекрасныхъ твореній тоже значить, что не видѣть солнца въ самый полдень.

* * *

Для большей наглядности представимъ нѣсколько «златыхъ струй отъ златыхъ устъ». Вотъ онѣ:

«Многіе осуждаютъ меня за то, что я нападаю на богачей; но зачѣмъ они несправедливы къ бѣднымъ? Обвиняю не богача, а хищника. Ты богатъ? Не мѣшаю тебѣ. Ты грабитель? Осуждаю тебя. И богачи, и бѣдняки—равно мои дѣти». «Не только присвоять себѣ чужое, но и не удѣлять части своего бѣднымъ есть грабительство».

«Достоинство человѣка не въ его происхожденіи... Богъ не создалъ рабство, но одарилъ человѣка свободою».

«И мы ведемъ войну, но наша война не живыхъ дѣлаетъ мертвыми, а мертвыхъ живыми. Не еретика преслѣдую, а ересь, не грѣшника, а грѣхъ. Сколько бы ты меня ни бранилъ, отъ чистаго сердца говорю тебѣ: миръ, ибо любовь отца во мнѣ. Тѣмъ болѣе буду любить васъ, чѣмъ менѣе любимъ буду вами».

«Если бы не стали обвинять меня въ честолюбіи: ты каждый день видѣлъ бы, какъ проливаю я потоки слезъ. Вы все для меня... Если бы сердце мое разорвавшись, могло открыться передъ вами: вы бы увидѣли, что вы всѣ тамъ просторно помѣщены»...

* * *

Св. Церковь приняла отъ Златоуста сокращенную Василиеву Литургію и совершаетъ ее ежедневно. Для прославленія угодника Божія она посвятила три дня въ году и службу въ эти дни совершаетъ равную заслугамъ святителя. Она признала его не только святымъ, но и видитъ въ немъ идеаль христіанскаго пастыря. Угодникъ всегда возносилъ умъ свой къ Богу: онъ цѣнилъ милости Господни и Его къ намъ благодѣянія. Чтобы воскликнуть: «ввидите вси въ радость Господа своего, первіа и вторіа

мзду примите, богатіи и убозіи другъ ко другу ликуйте, воздержницы и лѣнiviи день почитите, постившіеся и непостившіеся возвеселитесь днесъ», — нужно достигнуть истинно-священнаго услажденія, нужно имѣть надлежащее познаніе о благодѣяніяхъ, доставленныхъ намъ воскресеніемъ Христовымъ; ибо можно ли побуждать къ такому священному веселью, не чувствуя побужденій къ такой высокой радости?! Воистинну это могъ говорить только Златоустъ.

Названіе «Златоустъ» утвердилось за нимъ на вѣки, потому что краснорѣчіе его неописуемо. Оцѣнить сравнительное достоинство проповѣдей Златоуста столь же трудно, сколь не легко изъ массы алмазовъ и брилліантовъ, ослѣпляющей глаза, выбрать самые лучшіе.

Жизнь, труды и проповѣдничество стяжали святителю славу, которою онъ достойно пользуется отъ насъ недостойныхъ вотъ уже ровно пятнадцать столѣтій. «Есть ли столь безчувственный человѣкъ, который не возблагодарилъ бы Провидѣніе, даровавшее міру столь блистательное свѣтило?» — говоритъ преп. Исидоръ Пелусіотъ.

* * *

Вся жизнь великаго Іоанна, для котораго самое названіе «великаго» мы считаемъ недостаточнымъ, была самоотверженіемъ ради Христа, съ Которымъ наконецъ страдалецъ соединился, бодро пронесши «крестъ свой» во всю свою многострадальную жизнь. Но да умолкнуть наши похвалы: все равно намъ не выразить словами величіе подвига жизни святого. Потщимся по силамъ подражать его терпѣнію, его любви къ ближнимъ, его всепрощенію враговъ, не знавшихъ никогда границъ своей злобы.

Златоустъ жилъ 60 лѣтъ, епископомъ былъ 9½ лѣтъ, изъ коихъ 3 года и 3 мѣсяца провелъ въ страданіяхъ изгнанія. Умеръ онъ съ молитвой, послѣдними словами коей были знаменательныя слова: Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα Ἀμήν. (Слава Богу за все. Аминь).

Иером. Валентинъ (Ляхоцкій.)

ВЪРОТЕРПИМОСТЬ¹⁾.

Лекція вторая.

Мм. гг.

Другой изъ великихъ монгольскихъ императоровъ, премудрый и энергическій Мганжиръ, надумалъ спускать изъ своей цитадели цѣпочку до самой земли, соединенную съ золотыми колокольчиками, повѣшенными въ его собственной комнатѣ, такъ что каждый проситель могъ сообщать монарху просьбу о правосудіи безъ посредства придворныхъ. Интересно, какъ отнеслись придворные къ этой затѣѣ монарха. Несомнѣнно, нѣкоторые посмотрѣли на нее, какъ на большое для себя оскорбленіе. Занятые мыслию о собственномъ достоинствѣ, они считали для себя оскорбительнымъ и нелѣпымъ, если кто нибудь изъ народа осмѣливался доходить до ихъ владыки помимо ихъ. Но были и другіе, болѣе благородные, радовавшіеся тому что, хотя бы и не совсѣмъ согласно съ этикетомъ, однако прямое и важное отношеніе между монархомъ и его народомъ устанавливалось, и что самый низкій человѣкъ во всемъ царствѣ могъ представить свою просьбу или жалобу прямо самому монарху. Нашлись также безъ сомнѣнія и такіе, въ груди которыхъ видъ повѣшенной цѣпочки возбуждалъ потребность къ самоиспытанію. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ понадобилось устройство такого прибора? Почему бы подданнымъ не представлять своихъ просьбъ обычными

¹⁾ Продолженіе. См. августовскую кв. *Душепол.* Читенія 1907 г.

путями? Не допустили ли сами придворные чего нибудь неправильнаго и предосудительнаго, и такимъ образомъ въ силу необходимости были устранены отъ посредничества между народомъ и его владыкой?

Всѣ такія мысли приходятъ на умъ служителямъ христіанской церкви, когда они видятъ, что люди и независимо отъ разныхъ обрядовъ и установленій желаютъ вступать и вступаютъ въ общеніе съ Богомъ. Первая мысль возникаетъ въ самой низменной церковной средѣ; слѣдующія двѣ мысли обѣ хороши и здравы. Нѣкоторые изъ служителей церкви радуются тому, что какъ ни цѣнна церковь для человѣческой души и для міра, всякій человѣкъ имѣетъ для себя полную возможность и прямого общенія съ Богомъ и личнаго къ Нему приближенія, а церковь къ этому только побуждаетъ и содѣйствуетъ, но никогда не должна отрицать или замѣнять чѣмъ либо. Другая мысль заставляетъ церковь всегда бодрствовать, быть на сторожѣ и даже тщательно наблюдать, не сдѣлалась ли она недостойною возложенной на нее миссіи— быть вѣрною въ широкомъ смыслѣ слова и назначенною Богомъ служительницею человѣку. При существованіи въ церкви той и другой мысли сохраняется въ ней духъ вѣротерпимости.

Сегодня, въ самомъ началѣ своей рѣчи, я обращаюсь къ вамъ, студентамъ богословія, людямъ, которые въ скоромъ времени сами примете участіе въ церковномъ служеніи, съ нѣсколькими увѣщаніями: не забываете, никогда не забываете, при всей своей благодарности за полученныя вами церковныя блага, о личной принадлежности дѣтей ихъ Отцу, души человѣческой Богу, что служить основаніемъ для всего, чѣмъ церковь можетъ быть или что она можетъ дать. Конечно, встрѣтятся обстоятельства, когда вы и сами, въ минуты своей глубочайшей нужды или возвышеннаго духовнаго подъема, должны будете также позабыть, что вы священнослужители, почувствуете, что вы такіе же люди, какъ и всѣ остальные чада Божіи.

Тогда и вы будете имѣть надобность вступить въ особенное, прямое, ближайшее общеніе съ Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, случается, что и самимъ придворнымъ, оставляя въ сторонѣ весь придворный этикетъ, нужно бываетъ дотронуться до цѣпочки и позвонить въ золотые колокольчики. Пусть въ такіе моменты дѣйствуютъ въ васъ простые, личные, нецерковные религиозные импульсы, которые составляютъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ мировой религіи. Пусть такіе моменты тотчасъ же наполняютъ васъ глубокимъ чувствомъ реальности и цѣнности многихъ религиозныхъ опытовъ, которыхъ церковь въ своей официальной жизни не принимаетъ въ соображеніе, и пусть это также побудитъ васъ къ попеченію и о томъ, чтобы церковь отличалась простотой, была истинной и человѣчной, была полна любви и вѣрности человѣческой природѣ, и чтобы религиозная жизнь человѣка находила въ церкви содѣйствіе себѣ и помощь. Ручей, недостаточно широкій для того, чтобы вмѣстить въ себя всѣ воды во время весенняго разлива, пусть журчитъ еще веселѣе, если воды, которыхъ онъ не можетъ вмѣстить, находятъ независимое отъ него стороннее и свое собственное теченіе по направлению къ морю; и въ то же время самъ онъ расширяется все болѣе и болѣе, чтобы какъ можно больше воды могло проходить черезъ него.

Теперь нашему обсужденію подлежатъ нѣсколько предметовъ, внушенныхъ тѣмъ, о чемъ я говорилъ въ предыдущей лекціи, о которыхъ я и буду говорить вамъ сегодня въ болѣе или менѣе упорядоченной и связной рѣчи. Какъ вы помните, я говорилъ вамъ, что вѣротерпимость, всѣмъ не будучи разнузданностью или религиозной слабостью, имѣетъ свою дѣйствительную жизнь въ извѣстныхъ убѣжденіяхъ и глубокомъ благочестіи. Если это такъ, то, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что церковь, которая есть жилище чистой вѣры и духовнаго освященія, должна быть оплотомъ вѣротерпимости.

Но теперь мнѣ пора обозначить различіе, которое, безъ

сомнѣнія, уже усмотрѣно многими изъ васъ въ томъ, о чемъ я говорилъ. Когда я говорилъ вамъ о вѣротерпимости, то вы могли въ это время размышлять объ одномъ изъ двухъ классовъ явленій и мнѣній, къ которымъ требуется относиться съ вѣротерпимымъ расположеніемъ; и мы теперь легко можемъ провести линію между ними и сказать: «для одного класса терпимость — хорошее дѣло; но для другого класса какимъ образомъ она возможна?» Есть терпимость къ инымъ формамъ хорошаго мышленія и добраго дѣланія въ сравненіи съ нашими собственными; и есть терпимость къ формамъ дѣланія и мышленія, которыя мы вовсе не считаемъ хорошими, но всецѣло и совершенно дурными.

Первое, что я могу объяснить вамъ относительно этого различія, заключается въ томъ, что оно никогда не уполномочиваетъ насъ утверждать поспѣшно о существованіи именно на нашей сторонѣ абсолютно-вѣрной оцѣнки этого различія. Наша оцѣнка способа своей дѣятельности, если очень глубока, — такой вѣдь она и должна всегда быть, если мы хотимъ, чтобы наша дѣятельность сдѣлалась жизненной и полной воодушевленія, — почти несомнѣнно сглаживаетъ различіе между самой дѣятельностью и способами ея выполненія, часто заставляя цвѣтъ казаться частію сущности, заставляя человѣка, который дѣлаетъ то же самое дѣло, что и мы, но другимъ способомъ, казаться дѣлающимъ иное дѣло. Нигдѣ человѣку не нужна такая умственная и духовная ясность, какъ здѣсь. Единственное, что можетъ поддержать его здѣсь на почвѣ абсолютной правдивости, это — такая правильная оцѣнка самой вещи, такое желаніе успѣха существенно-важной дѣятельности, которыя постоянно выставляютъ ее предъ нашею мыслию рѣзко и въ отличіи отъ всѣхъ способовъ, какими она совершается.

Но если мы допустимъ, что такое различіе можетъ быть проведено, то и объекты нашей вѣротерпимости распадутся на два класса, о которыхъ я говорилъ. Во-первыхъ,

существуютъ мнѣнія, которыя по нашему разумѣнію вѣроятно или возможно представляютъ истину съ другихъ сторонъ, чѣмъ съ какихъ представляется она намъ. Здѣсь все должно быть ясно и понятно, если мы понимаемъ чело-вѣческую природу. Богъ сотворилъ челоѣка съ двумя силами въ отношеніи къ истинѣ: одна изъ этихъ силъ общая, другая спеціальная. Пользуясь одной силой, чело-вѣкъ оцѣниваетъ и усвоиваетъ истину по самой ея сущности, усматриваетъ основное различіе между истиной и ложью; пользуясь другой, выражающейся въ особенныхъ способностяхъ и характерѣ, онъ схватываетъ спеціальныя формы и роды истины и дѣлаетъ ихъ ясно своими собственными. Настоящій ученый всегда увѣренъ въ существованіи обѣихъ этихъ силъ и никогда не допускаетъ, чтобы онѣ парализовали одна другую. «Я люблю истину», говоритъ онъ, относясь съ своей любовью ко всей неиз-вѣстной истинѣ, которую всякій ученый спеціалистъ открываетъ въ самыхъ широкихъ областяхъ изслѣдованія. Астрономъ наблюдаетъ, что дѣлается на небѣ, математикъ вникаетъ въ таинственныя сочетанія формъ и чиселъ, метафизикъ занимается изученіемъ челоѣческаго духа, и всѣ эти любители истины выдаютъ ее за свою собственную, когда достаточное изученіе даетъ имъ право говорить: «мы любимъ истину». И однако это не мѣшаетъ каждому изъ нихъ выставять и свою собственную способность и пони-маніе, какъ мы выразились, какого-либо спеціального вида истины, и съ воодушевленіемъ заявлять: «эта истина при надлежитъ мнѣ». Этотъ двойной способъ изслѣдо-ванія истины имѣетъ высокую важность. Если теряется первый элементъ, то ученый дѣлается узкимъ специали-стомъ; если слишкомъ слабъ второй элементъ, то учен-ный дѣлается туманнымъ и абстрактнымъ теоретикомъ. Онъ долженъ обладать тѣмъ и другимъ. Но конечно, до-стигнуть этого удастся не всегда. И не подлежитъ сомнѣнію, что ему приходится терять обладаніе истиной въ самой ея сущности, истиной, какъ истиной, если ему не

будеть извѣстно, или если онъ не радуется, когда узнаеть, что есть другіе люди, которые придерживаются иныхъ истинъ сравнительно съ его собственными; и что мы привыкли называть инныя стороны истины иными истинами. Тутъ большое сходство съ нашимъ воззрѣніемъ на міръ, въ которомъ мы живемъ. Я люблю свою страну и люблю всю землю, но моя любовь ко всей землѣ была бы мнимой и расплывчатой, если бы я не чувствовалъ удовольствія по поводу того, что мои родственники живутъ подъ тропиками и у Баффинова залива. Только вслѣдствіе того, что я одновременно и американецъ, и человекъ, мой разумъ и моя любовь могутъ обнимать весь міръ.

Поэтому ни одинъ человекъ не бываетъ истинно вѣротерпимымъ, если не только не соглашается, но и не одобряетъ того, чтобы другіе люди мыслили иначе, чѣмъ онъ, относительно тѣхъ объектовъ мышленія, которые допускаютъ различное пониманіе. Мнѣ доводилось слышать о нѣкоторыхъ изъ нашихъ епископовъ, какъ они съ благодарностію и гордостію заявляли, что въ ихъ епархіяхъ не существуетъ никакого различія въ мнѣніяхъ; что всѣ духовныя лица (я полагаю, что епископы не приняли бы отвѣтственности за всѣхъ живущихъ въ ихъ епархіяхъ мірянъ) мыслятъ совершенно одинаково. Я знаю нѣкоторыхъ священниковъ, которые желаютъ, чтобы всѣ ихъ прихожане мыслили такъ же, какъ и они, и скорбятъ, когда кто-нибудь изъ прихожанъ обнаруживаетъ признаки самостоятельнаго мышленія и придерживается мнѣній, которыхъ не раздѣляютъ сами священники. Благодареніе Богу, человѣческая природа слишкомъ жизненна, особенно когда вдохновляется жизненною силою христіанской вѣры, чтобы впасть въ такое позорное рабство. Есть, напротивъ, много и много священниковъ, которые, когда ихъ прихожане, полные воодушевленія, полученнаго отъ Бога, начинали мыслить о Богѣ такъ, какъ Онъ научалъ ихъ мыслить о Немъ, мало-по-малу старались учиться у своихъ прихожанъ и убѣдились на опытѣ, какое это прекрасное дѣло,

когда божественный свѣтъ отражается во многихъ зеркалахъ, и откровенія Божіи сообщаются не одному только какому-нибудь человѣку.

Иное можно сказать о другомъ классѣ предметовъ, о которыхъ я говорилъ. Я не считаю себя въ правѣ, и даже не имѣю и возможности радоваться тому, если появляется какое-либо мнѣніе, о которомъ мнѣ хорошо извѣстно, что это мнѣніе ложное. Я не могу и не имѣю права радоваться тому, что мой сосѣдь—атеистъ, отрицаетъ истину бытія Божія, которая представляется мнѣ такою важною и вдохновляетъ всю мою жизнь. Въ терпимости по отношенію къ такому лицу подразумѣвается нѣчто, совершенно отличное отъ удовольствія по поводу того, что это лицо восполняетъ признаваемую мною частичную истину тѣмъ, чего въ ней недостаетъ. Именно, въ терпимости по отношенію къ лицу, по моему мнѣнію совершенно заблуждающемуся или атеисту, подразумѣваются слѣдующія двѣ вещи. Во-первыхъ, я сердечно и одобрительно отношусь ко всякой хорошей сторонѣ личнаго характера, которую можно наблюдать даже въ атеистѣ, и особенно я могу пѣнить въ немъ свободу и честность, которыя заставляютъ его открыто выступать и открыто защищать тотъ самый атеизмъ, который такъ меня опечаливаетъ и оскорбляетъ. Во-вторыхъ, здѣсь вполне подразумѣвается, что только при помощи разумныхъ убѣжденій на этотъ атеизмъ можно повести правильную атаку и опровергать его. Тамъ, гдѣ имѣются въ наличности эти два элемента, т.-е. уваженіе къ человѣку и довѣріе къ силѣ разумныхъ доказательствъ, въротерпимость бываетъ полная. На этой именно почвѣ и воздвигается крѣпкая платформа, гдѣ вы можете выступать противъ вашего атеиста или невѣрующаго и начать съ нимъ сильное ратоборство за истину, которую вы признаете. Тутъ не щадите никакихъ усилій. Одна изъ худшихъ сторонъ нетерпимости и заключается именно въ томъ, что она приканчиваетъ многіе споры. Кальвинъ не можетъ вѣдь разсуждать съ Серветомъ, когда подклады-

ваает дрова въ огонь, охватывающій на костръ его жертву. Архіепископъ Лодъ не можетъ доказывать законности епископской власти пуританамъ, которыхъ онъ презираетъ и о которыхъ думаетъ, что ихъ можно подавить силою. Единственная атмосфера, гдѣ сильные, достойные человѣка борьба и споры, представляющіеся одною изъ самыхъ благороднѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ сторонъ дѣятельности человѣка на землѣ, могутъ дѣйствительно поддерживаться и процвѣтать, есть атмосфера вѣротерпимости, атмосфера, составные элементы которой заключаются въ уваженіи къ личнымъ качествамъ человѣка и вѣрѣ въ силу истины.

Это можетъ быть въ частности приложено и къ тому, что часто представляется самымъ труднѣйшимъ видомъ терпимости,—именно терпимости къ нетерпимости. Очень часто нетерпимость къ нетерпимости бываетъ послѣднею слабостью либеральныхъ умовъ. Послѣ того, какъ вы побѣдили или преодолѣли въ своей душѣ всякое нерасположеніе къ тому, чтобы люди въ своемъ мышленіи бродили по непротореннымъ и опаснымъ путямъ, вы замыкаетесь въ себя и начинаете наблюдать за самими собой, и тутъ открываете, что вы совсѣмъ не можете относиться одобрительно къ людямъ, которые еще не могли подавить въ себѣ отвращенія, гнѣздившагося раньше въ вашей собственной душѣ. Пока вы не освободитесь отъ такихъ мыслей, вы не будете отличаться полною вѣротерпимостью. Но освобожденіе отъ нихъ возможно. По отношенію къ какому-нибудь узколобому изувѣру могутъ имѣть силу оба расположенія, о которыхъ я говорилъ. Вы можете допустить, что, несмотря на его изувѣрство, онъ обладаетъ все-таки нѣкоторымъ высокимъ качествомъ, заключающимся въ его личной искренности, и серьезно думать, что даже и не такое зло, какъ его изувѣрство, нельзя опровергнуть никакимъ другимъ оружіемъ, кромѣ разумныхъ убѣжденій. Такъ вы можете относиться съ терпимостію даже къ нетерпимости, — что, конечно, все-таки очень трудно.

Перехожу теперь къ рѣчи отъ отношеніи вѣротерпимости къ существующимъ и доступнымъ наблюденію людскимъ обществамъ. Можетъ быть покажется, что начиная рѣчь объ этомъ, я уже захожу слишкомъ далеко и ставлю вопросъ на слишкомъ широкую почву. Чуждые вѣротерпимости люди, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, не стремятся, по крайней мѣрѣ сознательно и открыто, къ прекращенію жизни лицъ, съ которыми они несогласны. Они заявляютъ только, что не могутъ допускать ихъ въ среду привилегированныхъ людей, въ общину, общество, церковь, которая составляется только изъ правосмыслящихъ. Остановимся на этомъ нѣсколько подробнѣе.

Мы должны помнить, что существуетъ не одно только общество, которое должно быть принято къ свѣдѣнію при сужденіи объ отношеніи человѣка къ его собратьямъ-людямъ. Всякій человѣкъ, дѣйствительно принадлежащій къ церкви, т.-е. всякій, кто цѣнитъ свою принадлежность къ той или иной христіанской церкви, какъ мнѣ кажется, долженъ знать, что онъ находится въ срединѣ четырехъ концентрическихъ круговъ. Онъ есть центръ ихъ всѣхъ. Круги эти могутъ служить для обозначенія различныхъ группъ его собратьевъ-людей, съ которыми ему приходится имѣть дѣло. Круги эти большихъ или меньшихъ размѣровъ, и описаны около того мѣста на землѣ, гдѣ помѣщается лицо, и ими опредѣляются различные горизонты его жизни. Что же это за круги? Самый обширный и отдаленный это—кругъ всего человѣчества. Всѣ люди, просто, какъ люди, представляютъ изъ себя нѣчто для этого, стоящаго внутри всѣхъ круговъ человѣка. Сознаніе, выражающееся въ изреченіи «*homo sum*», сознаніе, которое латинскій поэтъ выразилъ въ своемъ безсмертномъ стихѣ, наполняетъ этотъ кругъ жизнеспособностью. Рядомъ съ нимъ и меньшихъ размѣровъ,—потому что не всѣ люди религіозны, — кругъ религій; онъ все-таки довольно обширенъ, чтобы включать въ себя людей всякаго

наименованія, всякой вѣры, людей, состоящихъ въ подданствѣ и находящихся на попеченіи Великаго Царя, котораго они признаютъ своимъ Господомъ. Затѣмъ внутри этихъ круговъ — кругъ христіанства, включающій всѣхъ лицъ, которыя, при какомъ бы то ни было пониманіи личности Спасителя и своихъ обязанностей по отношенію къ Нему, признаютъ Его своимъ Господомъ. И затѣмъ, внутри всѣхъ круговъ находится кругъ собственной и особенной церкви человѣка, группа лицъ, мышленіе и богослуженіе которыхъ въ общемъ одинаковы для всѣхъ, помѣщающихся въ этомъ центральномъ кругу и сознающихъ, что всѣ четыре круга описаны изъ того центрального мѣста, гдѣ они находятся.

Не видите ли, что принадлежащее къ какой-нибудь церкви лицо находится въ самомъ центрѣ этихъ окружностей? И прежде всего, весьма важно, чтобы каждый изъ четырехъ круговъ представлялъ изъ себя нѣчто реальное для каждаго человѣка, занимающаго центръ, и никогда не упускался изъ виду. Да и невозможно, чтобы какой-нибудь изъ круговъ утратилъ свою реальность; если бы это случилось, то и всѣ другіе круги потеряли бы свою правильность. Для истиннаго послѣдователя, для дѣйствительнаго члена церкви Христовой это всегда фактъ, хорошо ему извѣстный и которому онъ придаетъ высокое значеніе,—фактъ, заключающійся въ томъ, что онъ принадлежитъ къ другимъ христіанамъ, которые мыслятъ иначе, чѣмъ онъ, и къ религіознымъ людямъ, которые однако никогда ничего не слыхали о Христвѣ, и наконецъ ко всѣмъ людямъ просто потому, что они люди, независимо отъ того, религіозны они или нѣтъ.

Конечно, отношенія лица ко всѣмъ этимъ группамъ неодинаковы. Четыре радіуса четырехъ круговъ очень различаются своей длиной. Внутренній кругъ близокъ къ центру, и люди относятся здѣсь другъ къ другу съ горячей симпатіей, неизвѣстной въ другихъ кругахъ. Все это такъ и должно быть. Но что всѣ четыре круга реальны,

это весьма важно. Бываютъ обстоятельства въ жизни того или другого члена церкви Христовой, когда онъ останавливаетъ свое вниманіе на каждомъ изъ этихъ четырехъ горизонтовъ жизни. Онъ прежде всего имѣетъ нужду въ Горячихъ симпатіяхъ людей ближайшаго къ нему круга; но онъ чувствуетъ надобность вступать въ общеніе и съ людьми слѣдующаго круга, съ которыми его сближаетъ общее единство вѣры; онъ вступаетъ здѣсь въ единеніе съ тѣми, которые признаютъ и любятъ одного и того же Христа, только иначе понимаемаго; или же съ тѣми, душа которыхъ наполняется общими и одинаковыми чаяніями, изъ среды исповѣдниковъ какой-либо языческой вѣры, отъ чего расширяется его взглядъ на дѣятельность Божію въ мірѣ; и, наконецъ, предъ нимъ вырисовываются великія горныя вершины человѣчества, поднимающіяся надъ всѣми частными проявленіями жизни и мышленія и могущія насытить его взоръ.

Я придаю большую важность этому ученію о концентрическихъ кругахъ, о четырехъ горизонтахъ, потому что думаю, что въ забвеніи этой истины заключается секретъ многихъ недостатковъ церковной жизни и вѣрованій. «Единство вѣры!» говоримъ мы. Конечно, эти слова содержатъ весьма понятный и священный смыслъ, такъ какъ ими выражается наша глубокая привязанность къ людямъ, всѣ вѣроисповѣдныя особенности которыхъ и обычаи мы видимъ съ глазу на глазъ, и совершенно согласны съ ними, къ людямъ, которые совершаютъ одинаковое и общее съ нами служеніе Учителю, понимаемому ими одинаково съ нами. Однако это внутреннее вѣроисповѣдное единеніе дѣлается слабымъ и узкимъ, если люди, которые такимъ образомъ пребываютъ другъ съ другомъ въ постоянномъ общеніи, не имѣютъ постоянно въ виду и того единенія по вѣрѣ, которое находится нѣсколько дальше. Я не могу поддерживать правильнаго общенія съ людьми своей собственной церкви, если мнѣ чужда при этомъ и общая жизнь со всѣми другими христіанами, со всѣми религіями, со всѣмъ человѣчествомъ.

И затѣмъ, обратите вниманіе и еще на одно обстоятельство. Не только всѣ эти четыре круга реальны для истинно-вѣрующаго человѣка, т.-е. круги человѣчества, религіи, христіанства и его собственной церкви, но они всѣ находятся и во взаимной связи, и самый меньшій и внутренній кругъ постоянно стремится къ расширенію, стремится къ тому, чтобы сдѣлаться наибольшимъ. Религіозному человѣку, такъ какъ онъ живетъ жизнью всѣхъ ихъ, извѣстно, что, будучи различны, какъ это и есть въ дѣйствительности, они въ идеальномъ смыслѣ и существенно тождественны. Каждое біеніе и дрожаніе чувствуются по всей системѣ, и это бываетъ слѣдствіемъ усилія малаго круга расшириться въ большій. Даже самый малый кругъ беспокоится и бываетъ недоволенъ, если ему не удастся добиться сліянія съ большимъ кругомъ, о которомъ ему всегда хорошо извѣстно. Всякая частная церковь выступаетъ изъ своихъ границъ и стремится къ расширенію, чтобы сдѣлаться способной включить въ себя все христіанство. А христіанство въ свою очередь стремится охватить собою религіозную жизнь всего міра. А самая религія все болѣе и болѣе стремится утвердить истину, что религія не есть нѣчто чуждое человѣчеству, что она есть просто полнѣйшее выраженіе человѣческой жизни, что всякая человѣческая жизнь, если чужда религіи, падаетъ низко. Нельзя сказать, чтобы человѣкъ религіозный былъ сколько-нибудь больше, чѣмъ человѣкъ. Но человѣкъ безъ религіи, несомнѣнно, есть нѣчто меньшее, чѣмъ человѣкъ.

Это постоянное стремленіе, это волненіе и борьба внутреннихъ круговъ для заполненія собою внѣшнихъ круговъ весьма интересны. Но это относится къ нашей настоящей задачѣ настолько, насколько тутъ выражается отношеніе самаго внутренняго круга къ слѣдующему за нимъ, къ кругу церкви и кругу общаго христіанства. Тутъ предъ нами возникаютъ весьма важные вопросы, вопросы, съ которыми вамъ, молодымъ служителямъ церкви, придется

встрѣтись тотчасъ же, какъ только вы будете посвящены на свои должности. Церковный горизонтъ, какъ я сказалъ, всегда расширяется до христіанскаго горизонта и стремится отождествить себя съ нимъ. Если бы этого можно было дѣйствительно достигнуть, то было бы очень хорошо. Но не существуетъ ни одной церкви въ христіанствѣ до настоящаго времени, которой удалось бы этого достигнуть. Ни одна церковь въ христіанствѣ, ни наша, ни какая-нибудь другая, не могутъ не признать, что есть люди, которыхъ онѣ могутъ свободно признавать христіанами, но которыхъ онѣ однако не готовы и не способны допустить къ ближайшему общенію съ собою и предоставить имъ у себя мѣсто на правахъ членовъ, допустить ихъ до полнаго пользованія всѣми, принадлежащими частной церкви, преимуществами и свойственнымъ ей вліяніемъ. Какой-нибудь сомнительный догматъ, или просто одно существованіе какого-нибудь догмата само по себѣ, какая-нибудь особенность въ мышленіи или направленіи препятствуютъ этому. Да, какой-нибудь излишекъ, или какой-нибудь недостатокъ въ вѣроисповѣдной системѣ заставляютъ христіанина пребывать еще и теперь внѣ христіанской церкви!

Не правда ли, что это такъ? Говоря это, я не хочу ничего преувеличить,—я хочу только посмотрѣть въ лицо самому этому факту и признать, что онъ вѣренъ. Положимъ, къ кому-нибудь изъ васъ, къ какому-нибудь священнику, приходитъ человѣкъ и рассказываетъ вамъ о своей вѣрѣ, о томъ, какъ сильно онъ любитъ, какъ глубоко почитаетъ Господа Иисуса Христа, какъ онъ желалъ бы посвятить всю свою жизнь на служеніе Ему. Этотъ человѣкъ христіанинъ ли? Конечно. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но вы можете ли, просто и только потому, что онъ—христіанинъ, открыть предъ нимъ широко церковныя двери, привѣтствовать его и пригласить къ участию во внутренней своей церковной жизни? Нѣтъ ли какихъ-либо особенныхъ ученій, какой-нибудь особен-

ной ортодоксіи, которая сама по себѣ не противорѣчить абсолютной истинѣ, но на которую вы должны обратить вниманіе прежде, чѣмъ привѣтствовать указанное лицо отъ имени своей церкви и признать, что она принадлежит ему и оно ей? Если есть, то очевидно, что церковь не готова еще теперь отождествиться съ христіанствомъ. Если бы ей были свободно предоставлены для этого всѣ средства, то она съ своей стороны не была бы еще готова принять ихъ или воспользоваться ими. Потому что ни одна частная церковь не достигла еще вселенскаго характера, ни одна церковь не доросла еще до того, чтобы выражать свои претензіи на универсальность.

Но что же вытекаетъ изъ такого положенія дѣлъ? Не вытекаютъ ли отсюда два слѣдствія? Первое должно заключаться въ постоянномъ стремленіи сбросить съ себя узы, постоянное желаніе признать ортодоксальною всякую мысль, которая истинна, и признать законною всякую дѣятельность, если она дѣйствительно полезна для челоувѣчества. Мы должны съ большимъ удовольствіемъ относиться ко всякому подобному стремленію, гдѣ бы оно ни встрѣтилось въ нашей церкви. Мы должны искренно радоваться, когда, при обращеніи на тотъ или другой путь,—или къ изслѣдованію прошедшаго, къ изслѣдованію какихъ-либо забытыхъ методовъ, возстановленіе которыхъ представляется желательнымъ въ церкви, нынѣ достаточно для того умудренной, чтобы не препятствовать такому возстановленію; или впередъ, къ будущему, ко всякому свѣту, который свободомыслящая критика и расширяющееся знаніе бросаютъ на страницы Библии,—мы наблюдаемъ расширеніе церковнаго духа, большую готовность дѣлать дѣло Божіе и отвѣчать на религіозные запросы челоувѣчества.

Другимъ слѣдствіемъ должна быть полная любви вѣро-терпимость. Если всякой церкви извѣстно, что въ настоящее время существуютъ христіане, которымъ она, въ настоящемъ своемъ состояніи, не можетъ открыть своихъ

дверей, то она должна быть больше, чѣмъ только довольна тѣмъ, что существуютъ богослужебныя формы и такія группы вѣрующихъ, гдѣ эти христіане, которымъ она не можетъ предоставить у себя мѣста, могутъ сблизаться между собою и познавать истину. Пока частная церковь пытается сдѣлать свой обхватъ все болѣе и болѣе широкимъ, привести себя къ истинному отождествленію съ абсолютнымъ христіанствомъ, для нея всегда будетъ достаточно поводовъ радоваться тому, что въ это промежуточное время люди, которымъ она не можетъ предоставить у себя мѣста, не будутъ жить бездомовно, что есть другія церковныя пристанища, кромѣ ея собственныхъ, гдѣ можно жить, что она не есть универсальная церковь, что въ широчайшемъ и истиннѣйшемъ смыслѣ церковь, даже современная, охватываетъ не всѣхъ послѣдователей Христа въ ихъ безчисленныхъ развѣтвленіяхъ. Такіе вѣрующіе должны существовать до тѣхъ поръ, пока не появится церкви въ мірѣ, которая существенно совпадала бы съ христіанствомъ, церкви, которая собрала бы всѣхъ христіанъ подъ одно выкинутое ею знамя, какъ разъ вполнѣ тождественное съ тѣмъ знаменемъ, становясь у котораго всякій человѣкъ могъ бы и имѣлъ право считаться истиннымъ служителемъ Христа. Если есть два круга, изъ которыхъ одинъ меньше другого, то нужно обращать вниманіе и на тѣхъ, которые живутъ въ срединѣ между этими двумя кругами. Здѣсь и заключается основаніе, по которому человѣкъ и священникъ, какъ бы онъ много ни былъ преданъ своей собственной церкви, однако можетъ, — нѣтъ, долженъ, — придерживаться истинной вѣротерпимости по отношенію къ другимъ церквамъ.

Главнымъ оплотомъ и твердыней для вѣротерпимости въ христіанскомъ священникѣ служить, слѣдовательно, ясное различеніе этихъ четырехъ горизонтовъ, видимыхъ изъ того центрального пункта, гдѣ онъ находится. Онъ не стоитъ въ одинаковомъ отношеніи ко всѣмъ горизонтамъ; одинъ оканчивается ближе отъ него, чѣмъ другой.

Однако знать, что онъ имѣеть отношеніе ко всѣмъ этимъ горизонтамъ, и поддерживать такое отношеніе для него представляется ясно и истинно необходимымъ, — въ этомъ его единственный исходъ. Во-первыхъ и наиболѣе центрально онъ есть членъ своей собственной церкви. Онъ вѣруетъ въ ея ученія, благоговѣнно подчиняется ея обычаямъ, изучаетъ ея исторію. Ея особеннымъ гениемъ окрашивается и вдохновляется его жизнь. Онъ никогда и не мечтаетъ о чемъ-либо другомъ, кромѣ вѣрности своей собственной церкви. Но онъ идетъ и дальше этого, интересуясь наукой, и съ прилежаніемъ, достойнымъ полного сочувствія, старается усвоить все, что христіанскіе мыслители и ученые открываютъ въ какой-нибудь изъ тѣхъ обширныхъ областей, гдѣ они работаютъ. Онъ — христіанинъ и никакое мышленіе или дѣланіе во имя Христова не должно быть ему посторонне или чуждо. Затѣмъ онъ переходитъ и въ еще болѣе широкій кругъ. Все, чѣмъ была религіозная жизнь до Христа и послѣ Него, но внѣ связи съ Нимъ, все, что она выработала, интересуется этого человѣка, пребывающаго въ своей центральной церкви. Не съ поверхностнымъ сожалѣніемъ и не съ увлеченіемъ, когда желаютъ замѣчать только слабости или ошибки, но съ глубокимъ почтеніемъ къ чуждымъ религіямъ, какъ слабымъ проблескамъ, прорывающимся сквозь облака, окружающія свѣтлую и просвѣщающую его самого личность Спасителя, — съ такимъ настроеніемъ лицо, принадлежащее истинно къ своей церкви, изучаетъ религіи вѣковъ и міра. Оно благоговѣетъ при изученіи этихъ религій предъ Богомъ, всегда готовымъ открыться Своимъ чадамъ, и почитаетъ душу человѣческую, всегда стремящуюся впередъ, хотя и ощупью, медленно и съ препятствіями, но съ непреодолимою настойчивостью, къ одной цѣли — найти своего Отца. И затѣмъ, въ концѣ концовъ, человѣкъ, все, чѣмъ онъ былъ, что онъ есть, все, что онъ совершаетъ въ этомъ чудесномъ, прекрасномъ мірѣ, человѣкъ со всей его исторіей, поэзіей, искус-

ствомъ, наукой; человѣкъ очень часто въ своемъ глубочайшемъ безбожіи свидѣтельствующій чрезвычайно убѣдительно о Богѣ, обнаруживая свою нужду въ Немъ, человѣкъ въ его простой человѣчности, составляетъ широчайшій кругъ, описанный около этой центральной жизни.

Вы видите, какъ всякая наука, которая можетъ сдѣлаться предметомъ занятій человѣка, можетъ быть пригодна и въ дѣлѣ приготовленія служителя церкви къ его дѣятельности. Христіанство во всѣхъ его формахъ, сравнительныя религіи, человѣческая жизнь, міръ въ которомъ онъ живетъ, — со всѣмъ этимъ онъ долженъ знакомиться въ извѣстной степени, насколько для этого хватитъ у него силъ. Не представляется ли онъ центральнымъ человѣкомъ во всемъ мірѣ? Не слѣдуетъ ли ему вдохновляться и преисполняться благочестіемъ, жизненностію и вѣротерпимостью, пока онъ находится въ срединѣ указанныхъ четырехъ горизонтовъ?

Перевелъ съ англійскаго *свящ. М. Фивейскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Эккурсія студентовъ Московской Духовной Академіи на Влижній Востокъ¹⁾.

25 іюня.

Утромъ пошли въ музей Шика. Шикъ—нѣмецъ, онъ уже умеръ, очень много положилъ труда на изученіе археологическихъ памятниковъ. Послѣ него осталась дочь, которая и давала намъ объясненія на нѣмецкомъ языкѣ, переводчикомъ былъ любезный Г. Михайловъ. Въ музей хранятся модели Моисеевой скинии, храма Соломона, Ирода, мечети Омара. Нынѣшней весной въ Академіи мы только что сдавали экзаменъ по археологіи, поэтому намъ очень интересно было сравнить теоретическія познанія, сопоставить съ тѣмъ, что мы сейчасъ видимъ. Я немного неясно представлялъ себѣ покрывала Моисеевой скинии и друг. ея подробности, а теперь, имѣя предъ собой прекрасное наглядное пособие, уяснилъ себѣ даже мельчайшія подробности. Нѣкоторые такъ заинтересовались археологическими памятниками, что тутъ же давали обѣщанія писать кандидатское сочиненіе по библейской археологіи. Однимъ словомъ, мертвая академическая археологія для насъ сегодня ожила.

Воспользовавшись свободнымъ временемъ, я посѣтилъ двухклассную женскую школу, помѣщающуюся въ томъ зданіи, въ которомъ мы привитаемъ. Въ школѣ, не смотря

¹⁾ Продолженіе. См. августовскую кн. *Душепол. Читеніи* 1907 г.

уже на 25 іюня, занятія продолжаются и продолжатся до 1-го іюля. Я спрашивалъ о причинѣ такого поздняго отпуска на каникулярное время. Дѣло въ томъ, что арабовъ здѣсь христіанизируютъ не только православные, но и католики и протестанты. Однимъ изъ главныхъ средствъ христіанизаціи является школа. Между школами разныхъ исповѣданій появляется соревнованіе. Арабы отдаютъ дѣтей учиться въ ту школу, въ которой больше времени занимаются. Такъ что въ силу необходимости приходится удлинять учебное время въ школахъ. Школа двухклассная. Завѣдующая—русская, изъ Тверской губерніи, она занимается въ классѣ только съ 2 ученицами, и двѣ другія—арабки; занятія ведутся на арабскомъ языкѣ, изученіе русскаго языка—необходимо. Учительницу-арабку въ младшемъ классѣ я попросилъ вызвать ту ученицу, которая могла бы продекламировать какое-либо арабское стихотвореніе. Мое желаніе было исполнено какъ нельзя лучше. Попросилъ спѣть что-нибудь, и это было исполнено. Ученицы пѣли на арабскомъ языкѣ національную пѣсню, пѣли по русски гимны — «Боже Царя храни», «Славься, Славься». Отъ школы у меня осталось очень пріятное впечатлѣніе. Сейчасъ учительницы ждутъ нашего преосвященнаго ректора.

Часовъ въ 10 утра, когда уже солнышко почти было въ зенитѣ, мы поѣхали въ «Горнюю», отстоящую отъ Іерусалима въ 7 верстахъ. Выходитъ, что встрѣча Пресвятой Дѣвы Маріи съ праведной Елизаветой произошла въ двухъ противоположныхъ мѣстахъ. На одномъ мѣстѣ встрѣчи мы уже были, а сегодня ѣдемъ на другое. Болѣе вѣроятнымъ признается второе мѣсто встрѣчи, Вторая «Горняя» это самое красивое мѣсто въ окрестностяхъ Іерусалима. Она находится на склонѣ горы, которая, можно сказать, издали вся утопаетъ въ зелени. Съ колокольнымъ звономъ подъѣзжаемъ къ русскому женскому монастырю. Послѣ обычной встрѣчи, преосвященнымъ былъ отслуженъ молебенъ. Преосвященный сказалъ рѣчь посе-

ленцамъ «Горней» обители. Онъ приглашалъ ихъ трудиться и молиться, чтобы для нихъ былъ незамѣтенъ переходъ изъ горней земной въ горнюю небесную.

Услужливыя монахини повели намъ показывать достопримѣчательность монастыря. Въ Горней очень хорошо поставлено дѣло въ живописной мастерской; были въ помѣщеніи, гдѣ вырабатывается оливковое и регальное масло.

Послѣ осмотра монастыря мы пошли въ католическій храмъ, гдѣ показываютъ мѣсто рожденія Іоанна Крестителя и мѣсто привѣтствія Пресвятой Дѣвы Маріи праведной Елизаветой.

Насъ ждалъ вкусный, сытный, обильный обѣдъ, состоящій изъ 9 блюдъ. Во время обѣда монахини пѣли псалмы. Сразу послѣ обѣда двое моихъ товарищей увлекли меня за собой къ матери Юліи, старушкѣ лѣтъ 60. Она живетъ въ довольно приличной келіи, которую она купила за 500 рублей. Здѣсь такой обычай—продавать и покупать келіи. Мать Юлія своими трудами воздѣлываетъ небольшой садикъ, фрукты продаетъ, изготовляетъ чашки и кормится такимъ образомъ своими трудами. Она родомъ съ Кавказа, крови русско-грузинской, бывала въ разныхъ концахъ свѣта, была даже въ Америкѣ. Имѣетъ трехъ сыновей, которые, разсердившись на нее зато, что она пошла въ монастырь, не отвѣчаютъ на ея письма. Она и до сихъ поръ не потеряла материнской любви и привязанности къ своимъ дѣтямъ. Трехъ насъ она приняла какъ своихъ дѣтей. Она плакала оль радости, не знала, чѣмъ насъ угостить—угощала глико, вареньемъ, орѣхами изъ своего сада. Каждому подарила четки на память, а мнѣ еще камень, на которомъ видны слѣды мученической крови.

При колокольномъ звонѣ и пѣніи монахинь мы поѣхали обратно въ Іерусалимъ. На пути заѣхали въ арабскую церковь. Подъѣзжаемъ къ дому миссіи и видимъ массу гуляющей публики. Оказывается—это обычное явленіе. Мѣсто около миссіи считается самымъ лучшимъ въ Іеру-

салимѣ. По вечерамъ каждый день и въ особенности по воскресеньямъ устраиваются здѣсь гулянья.

Оправившись въ миссіи, мы поѣхали въ Крестный монастырь, гдѣ помѣщается греческая духовная семинарія. Въ семинарской церкви преосвященный сказалъ рѣчь нашимъ коллегамъ. Онъ говорилъ о своей любви къ учащейся молодежи. «Всѣ имена ваши, восклицалъ онъ, будутъ написаны на моемъ сердцѣ. Я уѣду отсюда, но помните, что на далекомъ сѣверѣ есть человѣкъ, который васъ вспоминаетъ и любитъ.» Ректоръ семинаріи отецъ архимандритъ, окончившій, кажется, нашу Духовную Академію, переводилъ рѣчь преосвященнаго съ русскаго на греческій языкъ. Отецъ ректоръ семинаріи пригласилъ насъ въ залъ, гдѣ собрались воспитанники въ рясахъ и клобукахъ, нѣкоторые изъ нихъ съ длинными бородами. Они спѣли три національныхъ гимна. Первый намъ очень понравился. Отецъ ректоръ пригласилъ въ свои покои, гдѣ были мы угощаемы по восточному: глико, чашечка кофе и рюмка ликеру. При семинаріи существуетъ музей археологическихъ памятниковъ. Я обратилъ вниманіе на древній золотой ковшъ, статуи Моисея и Аарона и препарированную змѣю.

Въ сумерки при лунномъ освѣщеніи мы на осликахъ поѣхали кругомъ Іерусалима.—Разстояніе версты четыре. Я первый разъ сажусь на осла. Мой осель оказался большимъ осломъ, можетъ быть потому, что я съ нимъ обращался очень вѣжливо? Онъ на каждомъ шагу останавливался; товарищи оставили меня одного. Чтобы сдѣлать осла послушнымъ, нужно было колоть его гвоздемъ въ шею. Но я сначала не рѣшался на такой варварскій поступокъ. Ъзда на ослахъ на первый разъ намъ очень понравилась. Но не безъ смущенья мы задавали себѣ вопросъ: какъ, мы поѣдемъ въ Назаретъ на ослахъ, вѣдь отъ Іерусалима до Назарета 120 верстъ. Нѣкоторые товарищи теперь же отказывались отъ поѣздки въ Назаретъ.

26 іюня.

До архіерейской службы въ Троицкомъ соборѣ мы пошли послушать службу въ абиссинской церкви, которая находится отъ миссіи въ пятиминутномъ разстояніи. Храмъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе. Онъ имѣетъ цилиндрическую форму. Очевидно, служилъ абиссинскій архіерей. Мнѣ не понравилась служба въ абиссинскомъ храмѣ. Слышно только одно грустное завываніе.

Въ Троицкомъ соборѣ была торжественная архіерейская служба при большомъ стеченіи народа. Въ концѣ обѣдни преосвященный обратился къ молящимся съ рѣчью.

При колокольномъ звонѣ, при большомъ стеченіи молящихся духовенство съ крестнымъ ходомъ во главѣ съ Преосвященнымъ изъ храма направилось въ покои отца архимандрита

Послѣ краткаго времени отдыха мы пошли осматривать мечеть Омара.

Посрединѣ мечети лежитъ верхняя часть горы Моріа, со всѣхъ сторонъ огороженная круглой рѣшеткой. Никто изъ смертныхъ не имѣетъ права попасть на вершину горы за исключеніемъ старшаго муллы, который всходитъ только одинъ разъ въ годъ и то только для того, чтобы смести пыль. На стѣнахъ мечети сохранилась христіанская живопись 7-го вѣка. Нужно туркамъ отдать честь за то, что они, обращая христіанскіе храмы въ мечети, никогда не уничтожали христіанской мозаики и живописи, они только ихъ закрашивали. Рядомъ съ мечетью Омара стоитъ мечеть «Елакса». Внутри на стѣнахъ ея сохранилась христіанская мозаика 6 вѣка. Изъ мечети ведетъ ходъ въ подземное помѣщеніе, своды котораго подпираются большими каменными столбами. Здѣсь показываются остатки, въ видѣ столбовъ, плитъ, надписей еврейскихъ, Соломонова и Иродова храма. Все время насъ сопровождалъ мулла, который любезно давалъ объясненія на арабскомъ и ту-

репкомъ языкахъ. Переводчикомъ былъ драгоманъ миссіи. Мулла настолькоъ былъ любезенъ и довѣрчивъ, что вручилъ преосвященному ключи отъ обѣихъ мечетей. Преосвященный и мулла обмѣнялись четками. Мулла очень понравился посохъ преосвященнаго. Преосвященный обѣщалъ ему прислать въ Іерусалимъ посохъ еще лучше этого. Мулла перешелъ отъ посоха уже къ панагіи, которая ему тоже очень понравилась, но ужь преосвященный на это ему ничего не отвѣтилъ. На память мы получили отъ мุลлы визитныя карточки, на которыхъ напечатано: Cheikh Khalil—Danaf Chef de la Mosqie d'Omar Ierusalem.

Вечеромъ поѣхали на Іорданъ, къ Мертвому морю. На дорогѣ заѣзжали въ Виванію, гдѣ осматривали пещеру, въ которой погребенъ былъ Лазарь, другъ Христа. Въ порывѣ религіознаго восторга всѣ участники экскурсіи пѣли тропарь: Общее воскресеніе прежде твоей страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря, Христе Боже. Тѣмъ же и мы, яко отроцы побѣды знаменія носяще, Тебѣ, Побѣдителю смерти, вопіемъ: Осанна въ вышнихъ благословенъ грядый во имя Господне.

Дорога къ Іордану идетъ по склонамъ горъ внизъ. Но спускающейся внизъ дорогой ѣхать было очень опасно, одна коляска опрокинулась внизъ сажени на двѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что одна женщина сильно пострадала отъ ушиба.

Пріѣхали въ Іерихонъ около 12 часовъ ночи. Ничего не видно—ночь темная. Насъ встрѣчаютъ съ почетомъ и уваженіемъ на подворьѣ. Услужливыя русскія паломницы предварили насъ своимъ прибытіемъ. Онѣ приглашаютъ насъ чай кушать и ужинать. Одна изъ нихъ мнѣ принесла большую сочную кисть свѣжаго винограда, который здѣсь уже поспѣлъ и родится въ большомъ количествѣ.

27 іюня.

Всю ночь не спать отъ жары. Дышать невозможно. Вѣдь Іерихонъ стоитъ на самомъ низкомъ мѣстѣ (еще

ниже Мертвое море) земного шара. Чѣмъ ниже кака-либо мѣстность, тѣмъ сгущеннѣе воздухъ, а сгущенный воздухъ болѣе нагрѣвается солнечными лучами, чѣмъ разрѣженный.

Въ 4 часа утра до восхода солнца мы поѣхали къ Мертвому морю. Утомленные, усталые, не выспавшись мы поѣхали по пыльной дорогѣ. 4 часа утра, а жарко, какъ въ полдень. По дорогѣ мы не встрѣтили никакой растительности. Да и можетъ ли быть вблизи Мертваго моря что-нибудь живое. Вотъ и само море. Не слышно ни шума, ни плеска волнъ, не видно даже волнъ. Море тихо, спокойно, оно какъ нельзя лучше оправдываетъ свое названіе. Въ немъ нѣтъ никакой жизни. Рыба, попадающая въ него изъ Іордана, умираетъ отъ избытка находящейся въ немъ соли. Окружающая море природа тоже мертва. Не слышно пѣнія птицъ, шороха звѣрей, не видно ни травки, ни кустика. Одинъ песокъ, пыль, да голые камни... Начинаемъ купаться въ морѣ. Дно усыяно мелкими камешками. Вода отвратительно горько-соленая. Плавать легко, можно безъ труда ходить въ водѣ, на глубокомъ мѣстѣ, по-грудь. «И радъ бы потонуть, да не потонешь», острилъ кто-то. Послѣ купанья всѣ испытывали непріятное ощущеніе отъ осѣвшей на тѣлѣ соли. На память мы взяли камешки и морскую воду.

Поѣхали дальше—на Іорданъ, къ мѣсту, гдѣ по преданію крестился Господь нашъ Іисусъ Христосъ. На этомъ мѣстѣ преосвященный съ духовенствомъ служилъ молебень. Солнце немилосердно жгло наши головы во время молебна, несмотря на то, что времени было только 8 часовъ утра. По обоимъ берегамъ Іордана растутъ кустарникъ (вспоминаешь евангельское выраженіе—трость, колеблемая вѣтромъ), въ тѣни котораго мы отдохнули, а купанье въ Іорданѣ насъ освѣжило. Кромѣ того мы освободились отъ соли, полученной нами за купанье въ Мертвомъ морѣ. Ширина Іордана незначительная, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы купались, она едва ли достигаетъ и 10

саженъ. Теченіе быстрое, во время купанья сносить на далекое разстояніе. Вода мутная, теплая, дно вязкое, берега обрывистые. На память съ Іордана мы взяли камешковъ и воды.

Въ самый сильный жаръ мы возвратились въ Іерихонъ. Іерихонъ не городъ, а скорѣе деревня, состоящая изъ нѣсколькихъ домиковъ.

Мы пошли въ садъ погулять и отдохнуть. Какъ здѣсь хорошо! Въ тѣни тропической растительности мы предались сладкимъ грезамъ и мечтамъ. Въ саду растутъ персики, лимоны, апельсины, гранаты. Виноградъ уже поспѣлъ. Кажется, я никогда въ жизни столько не ѣлъ винограду, какъ сегодня.

Охъ, какъ жарко, нестерпимо жарко. Мы обѣдали въ саду въ тѣни при 43°. Ощущается вѣтерокъ, дуетъ, какъ изъ печки. Ну, и погода Іерихонистая—говорили мы. Недаромъ англичане вмѣсто того, чтобы посылать къ чорту, посылаютъ въ Іерихонъ.

Домой въ Іерусалимъ мы поѣхали въ самый сильный жаръ. На пути созерцали такъ называемую сорокадневную гору, на которой Іисусъ Христосъ молился и постился 40 дней и ночей.

28 іюня.

Утромъ на осликахъ поѣхали въ монастырь Саввы Освященнаго, отстоящій отъ Іерусалима въ пятнадцати верстахъ разстоянія. Дорога идетъ по склонамъ горъ. Приходится то подниматься въ гору, то спускаться подъ гору. Сначала жутко было, сидя на ослѣ, смотрѣть съ высоты на обрывы, но привычка что ни дѣлаетъ на свѣтѣ. На пути не встрѣчали никакой растительности—одни камни, да песокъ, изрѣдка встрѣчаются породы мѣлового происхожденія. Попадались въ горахъ человѣческія жилища, которыя издали производятъ впечатлѣніе птичьихъ гнѣздышекъ.

Монастырь Саввы Освященнаго находится на склонѣ

горы и производить въѣшнимъ своимъ видомъ впечатлѣніе полуразрушенныхъ построекъ. Въ главномъ храмѣ наше духовенство служило молебень Преподобному Саввѣ. Послѣ молебна знакомились съ монастырскимъ уставомъ и вообще съ достопримѣчательностями монастыря. Уставъ очень строгій, служба продолжительная. Въ монастырѣ мы видѣли нѣсколько иконъ русскаго письма. Монастырь на насъ произвелъ очень отрадное впечатлѣніе. Невольно вспоминается наша Троице-Сергіевская Лавра съ ея роскошными постройками и богатствами, обезпеченными монахами. Хотя монастырь Саввы Освященнаго не блестялъ въѣшнимъ великолѣпіемъ, зато овъ украшается монахами-подвижниками, проводящими все время въ неустанномъ трудѣ: постѣ и молитвѣ.

На обратномъ пути мы чувствовали себя усталыми: болить голова отъ солнечной жары. Во всемъ организмѣ чувствуется слабость. Хочется утолить жажду, но нечѣмъ. Солнце на нашихъ лицахъ и рукахъ оставляетъ слѣды въ видѣ красно-темноватыхъ круглыхъ пятенъ.

Теперь желающихъ поѣхать на ослахъ въ Назареть значительно поубавилось. Всѣ раздѣлились на три партіи—одна партія совсѣмъ не пожелала поѣхать въ Назареть, другая пожелала ѣхать въ фургонахъ, третья — на ослахъ.

29 іюня.

Въ 11 часовъ ночи преосвященный служилъ съ нашимъ духовенствомъ литургію на Божественной Голгоѣѣ.

Часовъ въ 5 вечера мы съ товарищемъ пошли осматривать по плану самостоятельно храмъ Воскресенія. Осматривали слѣдующія святыни и достопримѣчательныя мѣста храма Воскресенія: 1) Камень мѣропомазанія, на которомъ Никодимъ и Іосифъ Аримаеѣйскій помазывали тѣло Христа и обвивали чистой плащаницей; 2) Гробницу латинскаго Іерусалимскаго короля Готфрида; 3) Гробницу латинскаго короля Балдуина I; 4) Гробницу Мельхиседека.

(по преданію); 5) Придѣлъ св. Іоанна Крестителя, иначе—праотца Адама, находящійся подъ Голговою; 6) Мѣсто, откуда можно видѣть расщелину Голгоеской скалы; 7) Комнаты настоятеля Святогробскаго братства. Въ этихъ комнатахъ ночью во время службы мы отдыхали; 8) Престоль армянъ; 9) Мѣсто стоянія святыхъ женъ-муроносицъ; 10) Кубуклій, въ которомъ находится придѣлъ въ честь Ангела, отвалившаго камень отъ гроба женамъ-муроносицамъ, и пещера, въ которой стоитъ живоносный гробъ Господень, покрытый бѣлой мраморной плитой, разсѣченной турками на 2 части: они думали, что въ гробѣ скрываются богатства; 11) Престоль коптовъ; 12) Престоль сиріянъ; 13) Гробницы Іосифа Аримаеяскаго и Никодима; 14) Храмъ Воскресенія, среди храма—пусть земли; вдоль стѣнъ храма расположены стасидіи для иноковъ; 15) Мѣсто явленія Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ, обозначенное на полу концентрическими кругами; 16) Мѣсто, гдѣ стояла Марія Магдалина; 17) Престоль латинянъ; 18) Ниша съ колонною бичеванія; 19) Латинскій придѣлъ бичеванія; 20) Мѣсто явленія Христа Своей Матери по воскресеніи (латинское преданіе); 21) Мѣсто, гдѣ былъ узанъ крестъ Господень (латинское преданіе); 22) Ризница латинянъ. Придѣлы: 23) Темницы Господней; 24) Пресвятой Богородицы; 25) Св. Лонгика Сотника; 26) Раздѣленія ризъ Христа; 27) Возложенія терноваго вѣнца; 28) Придѣлъ св. Царицы Елены, находится въ подземномъ храмѣ; 29) Придѣлъ благоразумнаго разбойника; 30) Пещера обрѣтенія Креста Господня, гдѣ показываютъ мѣсто обрѣтенія Креста Господня; 31) Божественная Голгоѳа, на которую ведутъ двѣ мраморныя лѣстницы. Голгоѳская церковь раздѣляется двумя арками и имѣетъ два открытыхъ придѣла: южный, въ честь Пригвожденія ко Кресту, принадлежитъ римско-католикамъ; сѣверный придѣлъ, въ честь Водруженія Креста, принадлежитъ православнымъ грекамъ.

Въ храмѣ познакомились съ монахомъ-грекомъ, кото-

рый послѣ осмотра храма пригласилъ насъ въ свою келлію. Келлія настолько мала, что только помѣщается одна постель. Убранство келліи самое убогое.

30 іюня.

Мы хозяева дня. Каждый могъ пойти туда, куда онъ хотѣлъ. Утомленные отъ разнообразія впечатлѣній большинство участниковъ экскурсіи отдыхали. Я воспользовался отдыхомъ для составленія своего дневника. Въ роскошной обстановкѣ, втиши, наединѣ мнѣ хорошо было воспроизводить на бумагѣ свои впечатлѣнія.

Подъ вечеръ я рѣшился одинъ пойти въ городъ за покупками. Купилъ я себѣ шелковый платокъ съ кисточками на концахъ для защиты отъ солнечныхъ лучей, верхнюю шерстяную арабскую одежду за 4 рубля. Изъ мелкихъ вещицъ я купилъ на память себѣ и для раздачи знакомымъ: виды Іерусалима, гербаріи Іерусалимскихъ цвѣтовъ, крестиковъ съ видами, маленькихъ перламутровыхъ крестиковъ, открытокъ съ видами, виды кубуклія и проч. И все это здѣсь стоитъ очень дешево. Жаль, что неудобно изъ-за незнанія языка торговаться. Хотѣлось очень много закупить прекрасныхъ вещицъ, но кому неизвѣстно, что студенческіе карманы слишкомъ тощи для расходовъ какаго угодно рода.

Сегодня преосвященный и профессора дѣлали прощальные визиты патриарху Даміану, представителямъ посольства и др. важнымъ почетнымъ лицамъ. Завтра мы простимся съ Іерусалимомъ, можетъ быть, навсегда. За десять дней пребыванія въ Іерусалимѣ мы привыкли къ нему. Мы совершенно не замѣтили какъ прошло время. Намъ даже не вѣрится, что мы завтра оставимъ Іерусалимъ. Товарищи укладываютъ свои вещи, бѣгаютъ, суетятся... Сердце сжимается отъ боли при мысли разстаться съ Іерусалимомъ.

1 іюля.

Прощаніе съ Іерусалимомъ.

Съ самаго ранняго утра въ соборѣ стали собираться русскіе поклонники и поклонницы. Изъ Бетжалы пріѣхали учительницы, изъ Горней и Елеона—монахини. Прибыли представители посольства и др. почетныя лица. Начался молебенъ. Всѣ стояли съ средоточенными лицами. Среди молящейся публики замѣтно было грустное настроеніе. По окончаніи молебна отецъ архимандритъ Леонидъ обратился къ преосвященному приблизительно съ слѣдующими словами: Ваше преосвященство! На этомъ мѣстѣ я и всѣ молящіеся встрѣчали васъ со слезами радости. И сейчасъ вы видите слезы, но это уже не прежніе слезы, это слезы грусти, печали. За десять дней вашего пребыванія въ святомъ градѣ мы успѣли такъ съ вами сродниться, что мы уже васъ считаемъ своимъ. Ваше служеніе въ святомъ храмѣ, ваши горячія молитвы съ нами несомнѣнно не пройдутъ даромъ. Господь услышитъ ихъ. Ваше пребываніе съ вашими спутниками всѣхъ насъ радовало. Да какъ же и не радоваться? Вы всегда были съ нами. Когда мы съ вами ходимъ по святымъ мѣстамъ, намъ живо, ясно, отчетливо припоминались событія изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Когда мы были съ вами въ Хевронѣ, мы ясно вспомнили гостепріимство Авраама, оказанное тремъ странникамъ, на Елеонѣ мы вспомнили славное Вознесеніе Господа. Пребываніе на Елеонѣ навело насъ на мысль, что земная жизнь временная, скоропреходящая, поэтому мы должны постоянно стремиться къ небу. Живо и ясно намъ представлялись картины спасительныхъ страданій Христовыхъ, Его Воскресеніе и Вознесеніе. Всѣ мы васъ благодаримъ за то, что вы были причиной нашей радости и нашего духовнаго обновленія. Мы будемъ за васъ молиться, чтобы Господь помогъ вамъ благополучно вернуться въ Россію.

На память о насъ примите, владыко, икону Святой Троицы.

На рѣчь отца архимандрита преосвященный отвѣтствовалъ приблизительно такъ: Возлюбленнѣйшій, всечестный отецъ архимандритъ, возлюбленные братія и сестры! Въ первый разъ при встрѣчѣ съ вами я не могъ много говорить въ этомъ святомъ храмѣ подъ впечатлѣніемъ живоноснаго гроба Господня и Божественной Голгофы. И сейчасъ уста мои сомкнулись, потому что я скорблю. Скорблю, потому что приходится расстаться съ святыми мѣстами, съ святымъ градомъ Іерусалимомъ. Скорблю и потому, что и вамъ приходится сказать послѣднее *прости*. У живоноснаго гроба Господня, на Божественной Голгофѣ мнѣ хотѣлось бы присутствовать не только духомъ и тѣломъ, но даже прахомъ, соривкой. Но обстоятельства, долгъ службы заставляютъ меня поскорѣе вернуться въ Россію. И съ вами, дорогіе братья, мнѣ хотѣлось бы подольше пожить. За такое короткое время, какъ десять дней, мы успѣли съ вами сродниться. Вы вездѣ и всегда неустанно сопутствовали мнѣ. Вы меня радовали и поддерживали во мнѣ силу и бодрость во время путешествія по святымъ мѣстамъ. Простите, если я васъ сравню съ ангелами. Простите, если я второпяхъ кому-либо изъ васъ не далъ должнаго наставленія. Простите, если мое поведеніе въ святомъ градѣ было предосудительно. Простите, если я съ своими спутниками былъ причиною многихъ трудовъ, горестей, страданій. Простите за все. Благословеніе Господне да пребудетъ на васъ.

Послѣ молебна послѣдній разъ кушали чай въ покояхъ отца архимандрита. На прощаніе онъ намъ каждому подарилъ: экземпляръ—Русскіе паломники во святой землѣ, гербарій съ цвѣтами Іерусалима, перламутровую икону.

Въ 11 часовъ дня мы выѣхали изъ Іерусалима въ Галилею, въ Назаретъ. Дорога хорошая, идетъ по горамъ, попадается изрѣдка растительность. Воздухъ чистый, прозрачный. Дышать свободно, легко. Небо чистое, пріятное,

глазъ не оторвешь отъ него. Одна картина за другой проносятся въ воображеніи. Сидишь и думаешь объ Іерусалимѣ, о его историческомъ прошломъ. Въ немъ слишкомъ три тысячи лѣтъ возносятся молитвы обитателей всего міра. Поистинѣ, замѣчательна судьба этого города. Іерусалимъ, небольшой городъ, находится среди каменистыхъ Іудейскихъ горъ, удаленъ почти отъ всѣхъ путей сообщенія. Много разъ былъ разрушаемъ почти до основанія. Но несмотря на это онъ пережилъ не только всемірные города, но и цѣлые народы и царства. Въ самомъ дѣлѣ, что осталось отъ древнихъ Вавилона и Ниневіи; отъ стовратыхъ Фивъ и ихъ обитателей, даже отъ самого желѣзнаго древняго Рима, такъ гордо именующаго себя Вѣчнымъ городомъ. А Іерусалимъ, Іудинъ градъ, все стоитъ. И до сихъ поръ онъ не перестаетъ служить путеводной звѣздой для вѣрующей части человѣчества, которая полагаетъ свой идеаль въ стремленіи къ Іерусалиму небесному.

2 іюля.

Ночевали въ Яффѣ. Любезная супруга Николая Георгіевича (драгомана миссіи, араба, окончившаго курсъ въ Кіевской духовной академіи) приготовила для насъ простой и вкусный ужинъ. Жена драгомана русская. До замужества она была учительницей въ Назаретѣ. Если арабъ женится на русской, то бракъ бываетъ удачный. Семейная жизнь драгомана служитъ прекраснымъ подтвержденіемъ этого.

Изъ Яффы выѣхали утромъ часа въ три, когда было совсѣмъ темно и немного холодновато.

Наблюдали восходъ солнца.—Интересное явленіе.—Вотъ оно и взошло. Природа начинаетъ оживать, она улыбается утреннему солнышку и несетъ ему свою посильную дань. И мы почувствовали себя веселѣе. Сонливость пропадаетъ, начинаемъ поговаривать и даже посмѣиваться.

Мы ѣдемъ по Саронской плодородной долині. Она теперь вся въ зелени. Мы ѣдемъ полями, засѣянными куку-

рузой, арбузами и проч. Изъ древесныхъ породъ здѣсь растутъ: финиковая пальма, кактусы, маслины.

Къ вечеру пріѣхали въ еврейское селеніе Замаринъ. Остановились на постояломъ дворѣ. Съ большимъ трудомъ достали чаю. Хозяинъ имѣетъ одинъ маленькій самоваръ, очевидно, только для русскихъ.

3 іюля.

Рано утромъ выѣхали изъ Замарина. Ѣхать весело. Арабскія лошади везутъ насъ какъ нельзя лучше. Въ 11 часовъ пріѣхали въ Кайфу, отъ нея въ недалекомъ разстояніи находится гора Кармилъ, извѣстная по ветхозавѣтнымъ воспоминаніямъ. Въ Кайфѣ сдѣлали непродолжительную остановку. Мы успѣли искупаться въ Средиземномъ морѣ. Купались непосредственно съ морского берега. Купанье было интересно тѣмъ, что на берегъ слегка набѣгали волны, которыя во время купанья насъ скрывали. Намъ это очень нравилось.

Позже насъ въ Кайфу пріѣхали двѣ арабки учительницы изъ Бетжалльской учительской семинаріи. Онѣ ѣдутъ, какъ и мы въ Назаретъ. Завязался у насъ съ ними разговоръ. Онѣ намъ очень много сообщили интереснаго изъ жизни семинаріи и о своемъ положеніи. Оказывается, положеніе учительницы-арабки незавидное, даже хуже, чѣмъ нашей сельской учительницы. Учительница-арабка почти всегда за рѣдкими исключеніями обречена на вѣчное дѣвство. Бѣдный арабъ стѣсняется посватать учительницу, да она и сама не пойдетъ за него замужъ, а богатый ее самъ не возьметъ. И выходитъ, что учительница-арабка, по пословицѣ: отъ одного берега отстала, а къ другому не пристала.

Поѣхали дальше. Все время дорогой разговаривали. За разговорами мы и не замѣтили наступленія сумерекъ. Драгоманъ объявляетъ, что скоро пріѣдемъ въ Назаретъ. Чувствуется хорошо. Воздухъ чистый, свѣжій, прохладный. Возшла волшебница-луна. Намъ показываютъ горы

Өаворъ и Ермонъ. Вотъ гора, съ скалы которой іудеи хотѣли сбросить Іисуса Христа, но Онъ прошелъ мимо ихъ и удалился. Мы видимъ только очертанія горъ, а ихъ подробностей въ темнотѣ не размотришь.

Въ Назаретъ пріѣхали въ 8 часовъ вечера. Насъ встрѣчаютъ товарищи, которые пріѣхали сюда въ Назаретъ на ослахъ по другой дорогѣ. Съ этой группой ѣхали преосвященный верхомъ на лошади, о. архимандритъ на ослѣ. Товарищи намъ сообщаютъ о прелестяхъ своего путешествія на ослахъ. Чувствуютъ себя прекрасно. Напрасно мы опасались поѣхать на ослахъ. Обратнo они поѣдутъ по той дорогѣ, по которой мы ѣхали въ Назаретъ, поѣдемъ и мы вмѣстѣ съ ними. Они въ выигрышѣ, а мы въ проигрышѣ. Они рассказываютъ намъ о томъ, какъ ихъ встрѣчали арабы съ джигитовкой.

Остановились въ учительской семинаріи. По поводу нашего пріѣзда ученіе прекратили, такъ что все зданіе было къ нашимъ услугамъ. Мнѣ было очень интересно познакомиться съ преподавателемъ семинаріи Николаемъ Ивановичемъ Закомъ, окончившимъ курсъ Глуховскаго учительскаго института. Мы съ нимъ дѣлились впечатлѣніями объ институтской жизни въ Глуховѣ и Москвѣ.

Насъ приглашаютъ пойти посмотрѣть вѣнчаніе арабской свадьбы. Насъ это очень заинтересовало. Мы забыли объ усталости и бодро и смѣло пошли къ дому, гдѣ готовилась свадьба. Насъ приняли, какъ почетныхъ важныхъ гостей. При входѣ на крышу дома арабскія дѣвушки своеобразно кричали и хлопали въ ладоши. Крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши онѣ привѣтствовали насъ. Хозяинъ дома арабъ угостилъ насъ кофе и ликеромъ.

Началась вѣнчаніе на крышѣ дома. Вѣнчалъ греческій Назаретскій митрополитъ съ четырьмя арабскими священниками. Новобрачныхъ было двѣ пары. Лица у обѣихъ невѣстъ во время вѣнчанія были закрыты. Сама природа сорадовалась и ликовала новобрачнымъ четамъ. Тихій вечеръ, луна была въ фазѣ полнолунія, она проливала

на новобрачныхъ свой свѣтъ и какъ бы таинственно заглядывала въ зеркало ихъ будущей жизни. Особенности вѣнчанія: таинство брака совершалъ митрополитъ въ со- служеніи съ духовенствомъ, на крышѣ дома, вечеромъ; вѣнчалъ двѣ пары заразъ.

Въ семинаріи познакомились съ преподавателями, ин- спекторомъ школъ, его помощникомъ. Всѣ они русскіе, за исключеніемъ преподавателя араба по арабскому языку. Семинарія содержится на средства русскихъ, имѣеть цѣлю готовить молодыхъ арабовъ въ учителя начальныхъ школъ. Въ семинарію поступаютъ по конкурсу молодые люди отъ 15 до 17 лѣтъ, окончившіе курсъ двухклассной школы. Учебное заведеніе среди арабовъ пользуется по- четомъ и уваженіемъ. Преподаватели арабы приняли насъ радушно. Они угощаютъ насъ чаемъ, фруктами, знако- мятъ съ помѣщеніемъ семинаріи. Для учебнаго заведенія зданіе внутри очень удобное, удовлетворяетъ всѣмъ педа- гогическимъ и гигиеническимъ требованіямъ. Особенно намъ понравились спальни и ихъ убранство. Наши академическія спальни по сравненію съ здѣшними спальнями никуда не годятся. Фундаментальная и ученическая библіотеки бѣдны. Въ читальномъ залѣ на столахъ лежитъ текущая преиму- щественно педагогическая литература.

Дм. Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Объ условіяхъ возстановленія нашего общественнаго благосостоянія.

Для православнаго русскаго человѣка въ настоящее время составляетъ не простое удовлетвореніе запросамъ разума, но и самую настоятельную потребность его жизни рѣшеніе вопроса о тѣхъ условіяхъ, какія, по ученію нашей православно-христіанской вѣры, прежде всего и болѣе всего могутъ содѣйствовать возстановленію и развитію нашего народнаго, обще-гражданскаго благосостоянія.

Мы находимся на одной изъ рѣдкихъ переходныхъ ступеней въ исторіи народовъ и государствъ, переживаемъ моменты глубокаго историческаго кризиса въ нашей государственно-общественной жизни, когда ожидаются и готовятся великія реформы, предназначенныя охватить собою всѣ главныя стороны нашей народно-государственной жизни и открыть имъ новыя пути къ ихъ дальнѣйшему историческому развитію. Поэтому нисколько неудивительно, если характерною чертой нашего времени является чрезвычайное напряженіе умовъ, мнящихъ себя высшими носителями духа нашего народа и наилучшими выразителями его идеаловъ, съ нервною лихорадочностію работающихъ, путемъ литературнаго слова или публичныхъ рѣчей въ общественныхъ собраніяхъ, надъ выясненіемъ идеала общаго благосостоянія государства и указаніемъ средствъ, способныхъ привести насъ къ его осуществленію. Въ разработкѣ этихъ вопросовъ, конечно, впереди всѣхъ идутъ современные ученые въ тѣсномъ смыслѣ

слова; но отъ нихъ не желаютъ отставать въ данномъ случаѣ и многіе другіе, воображающіе себя высоко поднявшимися надъ среднимъ уровнемъ умственнаго развитія общенародной массы и потому чувствующие въ себѣ какъ бы священный призывъ повѣдать всѣмъ и каждому «свои мысли» о народномъ благосостояніи и средствахъ его возрожденія и возвышенія. Всѣ эти самовольные и самодовольные представители нашего народа заявляютъ себя составленіемъ самыхъ заманчивыхъ плановъ и грандіозныхъ проектовъ преобразованія нашего государства, обещающихъ ему чуть ли не золотой вѣкъ на всѣ времена будущаго. Между тѣмъ уже одно сопоставленіе ихъ крайне разнообразныхъ и даже иногда рѣзко противорѣчащихъ одно другому воззрѣній на сущность государственно-народнаго благосостоянія и условія его возвышенія невольно заставляетъ отнестись съ подозрительностію и недоувѣріемъ къ правильности и основательности этихъ воззрѣній, а возпикавшія по мѣстамъ попытки примѣненія нѣкоторыхъ изъ современныхъ ученій о благосостояніи народовъ и государствъ къ самой жизни, выливавшіяся въ самыя грубыя формы нарушенія общественной безопасности, побуждаютъ всѣхъ, еще не утратившихъ здраваго смысла, не только не увлекаться подобными ученіями и держаться отъ нихъ въ сторонѣ, но и всѣми цѣлесообразными средствами рѣшительно противоудѣйствовать ихъ насажденію и распространенію въ нашемъ государствѣ.

Такое безутѣшное положеніе дѣла въ изысканіи истинныхъ основаній и условій общественнаго благосостоянія нашего народа и вообще нашего государства естественно ставитъ предъ нами вопросъ: въ чемъ же скрывается коренная причина столь печальнаго явленія, что мы, при нашемъ высшемъ назначеніи къ вѣчности, несомнѣнно, предназначенные Творцемъ также и къ земному благополучію, къ пользованію благами и этого міра, на самомъ дѣлѣ все еще продолжаемъ трудиться надъ отыскиваніемъ

вождедѣннаго пути, способнаго привести насъ къ жизненному счастью, и въ этихъ нелегкихъ поискахъ не перестаемъ впадать въ ошибки и заблужденія и оттого вмѣсто радостей и спокойствія порождаемъ въ своей средѣ перѣдко тяжкія бѣдствія и страданія?

Не вдаваясь въ какія-либо подробности въ рѣшеніи этого вопроса, скажемъ кратко: современные ревнители и печальники нашего государственно-общественнаго благосостоянія при изысканіи наиболѣе вѣрнаго ведущаго къ нему пути, въ большинствѣ своемъ старательно обходятъ, намѣренно игнорируютъ то главное руководство, къ которому должно было бы прежде всего обратиться и прислушаться въ попыткахъ указанія желательнаго пути. Оттого они въ своихъ изысканіяхъ ограничиваются лишь внѣшними сторонами нашей общественной жизни, не заглядывая въ ея глубину; оттого ихъ труды страдаютъ поверхностію, односторонностію, взаимными противорѣчіями и бесплодностію для созиданія благоустройства нашей жизни. Современные теоретики государственныхъ и соціальныхъ реформъ внушаютъ намъ разсматривать государства и общества, какъ какія-то громадныя механическія сооруженія, устрояемыя правительствами и народами при посредствѣ извѣстныхъ распоряженій, предписаній и учрежденій и потому какъ сами считаютъ необходимымъ, такъ и насъ, слушателей или читателей ихъ рѣчей и разсужденій, приучаютъ лишь подвергать всевозможной оцѣнкѣ и чаще всего безпощадной, предзанятой критикѣ всѣ законодательныя и распорядительныя работы властей, въ той совершенно ложной и поверхностной мысли, что вся сущность общественнаго или государственнаго благоустройства заключается именно въ этихъ правительственныхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ. Отсюда для многихъ изъ насъ стало, такъ сказать, политико-соціальной аксіомой: слѣдуетъ лишь въ нашей государственно общественной жизни одно уничтожить, а другое ввести, здѣсь исправить, тамъ въ корнѣ передѣлать, словомъ — произвести

болѣе или менѣе существенныя реформы, какъ настанетъ эра быстрого подъема нашего общественнаго благосостоянія, откроется райскій вѣкъ для нашей гражданской жизни.

Но какъ эти радужныя мечты далеки отъ истины! Конечно, всѣмъ извѣстно, что даже для постройки самаго обыкновеннаго зданія, кромѣ архитектурнаго плана, необходимы еще хорошіе, знающіе свое дѣло, работники, способные исправно и честно выполнить начертанный для нихъ планъ. Тѣмъ болѣе для благоустроенія государственнаго зданія, этого, говоря словами апостола, *великаго духовнаго дома, слагаемаго изъ живыхъ камней* (1 Петр. 2, 5), т.-е. свободныхъ личностей, входящихъ въ составъ государства, кромѣ правительственныхъ предначертаній, распоряженій и узаконеній, необходимы еще надлежащіе исполнители ихъ, готовые добровольно, разумно и честно проводить ихъ въ жизнь, какъ въ свою личную, такъ и въ мѣру возможности для каждаго изъ нихъ общественную. Кому не желательно, чтобы выработаны и введены были въ нашу государственно-общественную жизнь по всѣмъ сторонамъ ея наилучшія реформы, вполнѣ отвѣчающія назрѣвшимъ потребностямъ нашего государства? Но дѣло въ томъ: будетъ ли непременно обезпечено вполнѣ этими, хотя бы идеальными самими по себѣ, реформами наше будущее благосостояніе и его правильное движеніе впередъ? Позволительно усумниться. Ожидаемая плодотворность реформъ будетъ зависѣть не столько отъ нихъ самихъ, какъ чисто внѣшнихъ формъ жизни, сколько отъ того содержанія, которое будетъ вноситься въ эти жизненные формы, отъ того духа съ тѣми или иными его свойствами и качествами, какой будетъ воплощаться въ новосозданныхъ формахъ нашей общественной жизни. Кто не согласится, хотя бы и съ горечью въ сердцѣ, что нашъ общественный организмъ въ настоящемъ его состояніи разѣдается глубокими нравственными язвами, доведшими его, наконецъ, до печальнаго истощанія и расслабленія?—

Жизнь личными, своекорыстными разсчетами, выбросившая за бортъ основное моральное требованіе христіанской вѣры о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, грубо-эгоистическая жизнь, только любящая прикрываться заботами и печальми о благѣ общества; утрата чести до послѣднихъ слѣдовъ ея въ отношеніяхъ къ другимъ, до совершеннаго забвенія требованія Христа: *какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними* (Мѳ. 7, 12); лихоимство, напрягающее все искусство на извлеченіе наибольшей прибыли изъ стѣсненнаго положенія другихъ; тунеядство и мздоимство, употребляющія всѣ усилія и приемы для того, чтобы, по возможности, избѣгая собственнаго труда и возлагая его на другихъ, въ тоже время пользоваться возможно высшимъ вознагражденіемъ за свои мнимые труды; необузданное увлеченіе комфортомъ всякаго рода — въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, опирающееся на мнимыя требованія «культурнаго челоуѣка» — вотъ тѣ нравственныя болѣзни, имѣющія чуть ли не повальный, эпидемическій характеръ, безъ исключенія, во всѣхъ слояхъ нашего общества...

Да, мы не можемъ и не должны, если хотимъ себѣ добра, смотрѣть сквозь пальцы на бьющій въ глаза фактъ: мы болѣемъ *духомъ* нашей общественной жизни, хвораемъ *упадкомъ общенародной совѣсти* и объ оздоровленія ихъ то должны прежде всего подумать; ибо здоровый народный духъ, чистая народная совѣсть составляютъ самое первое, коренное условіе возрожденія и возвышенія нашего народнаго благосостоянія. На это, такъ сказать, нравственно-соціальное основоположеніе указываетъ и наша вѣра, отнюдь не чуждая, вмѣстѣ съ раскрытіемъ намъ путей въ царство небесное, и попеченій о нашемъ временномъ земномъ благополучіи (1 Тим. 4, 8). Въ краткомъ и общепонятномъ видѣ мы находимъ выраженнымъ основное требованіе отъ каждаго изъ насъ для преуспѣванія нашего общественнаго благосостоянія въ словахъ ап.

Павла: не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другихъ: никто не ищи своего, но каждый пользы другого (Филипп. 2, 4; 1 Кор. 10, 24). Здѣсь Апостолъ прямо говорить, что начало, первоисточникъ или основа государственно общественнаго благосостоянія лежитъ въ личномъ духѣ каждаго изъ насъ, въ нравственномъ достоинствѣ нашихъ отношеній другъ къ другу, въ такой дѣятельности каждаго члена общества, которая бы ставила себѣ на первомъ планѣ, святымъ долгомъ не нашу собственную пользу, но пользу другихъ. Дѣйствительно, если бы, согласно требованіямъ нашей вѣры, мы рѣшились прежде всего реформировать свой собственный духъ въ направленіи его самообузданія, ограниченія его эгоистическихъ потребностей и интересовъ въ пользу другихъ, то такое самопожертвованіе послужило бы поистинѣ неизблемымъ устоемъ нашего общественнаго благосостоянія и несокрушимой нравственной силой его прогрессивнаго возвышенія.

Политики и эконимисты нашего времени, ревнующіе о благосостояніи народовъ и государствъ, вращаются въ безвыходномъ кругу суемудрыхъ плановъ государственно-соціальныхъ реформъ именно потому, что мечтаютъ уничтожить всѣ бѣдствія нашей жизни переустройствомъ исключительно внѣшнихъ условій нашего общежитія, безъ всякаго намека на предварительную необходимость нашего внутренняго преобразованія, нашего нравственно-соціального возрожденія въ духѣ нашей вѣры. Но такія мечты напрасны: если въ личной жизни гражданъ съ неукротимой силой будутъ дѣйствовать страсти, то онѣ всегда явятся преградой на пути осуществленія самыхъ лучшихъ реформъ въ нашихъ внѣшнихъ взаимоотношеніяхъ, не перестанутъ вносить зло, безпорядокъ, страданія и бѣдствія въ самыя лучшія формы нашей общественной жизни.

Правда, наряду съ внѣшними преобразованіями многіе настойчиво указываютъ на необходимость оживленія и внутренней силы, обуславливающей собой развитіе обще-

ственного благосостоянія, и такой силой признаютъ просвѣщеніе. Распространяйте, говорятъ, и возвышайте образованіе во всѣхъ слояхъ общества и тогда народное благосостояніе, несомнѣнно, будетъ преуспѣвать. Принципіально, конечно, никто не будетъ возражать противъ просвѣщенія, какъ одной изъ важнѣйшихъ силъ, содѣйствующихъ развитію народнаго благосостоянія. Но дѣло въ томъ: какого характера должно быть это общенародное просвѣщеніе? Къ какой цѣли оно преимущественно должно направляться? Строго говоря, несправедливо было бы утверждать, чтобы до сего времени у насъ не было никакой заботы объ общенародномъ просвѣщеніи. Кажется, ни одна отрасль научнаго знанія и искусства, никакой видъ общественной дѣятельности, промышленности, земледѣлія и ремеслъ въ настоящее время не лишены специальныхъ учебныхъ заведеній или школъ. А сколько теперь свободныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, обществъ, курсовъ, куда массами направляются алчущіе пополненія своего образованія и слушаютъ послѣднія новинки знанія изъ устъ популярнѣйшихъ пропагандистовъ современнаго просвѣщенія? Но что же отъ всего этого мы получаемъ для нашего народнаго благосостоянія?

Не закрывая глазъ отъ дѣйствительности, мы должны дать неутѣшительный отвѣтъ на поставленный вопросъ: просвѣщеніе наше развивается, а рядомъ съ нимъ развивается, растетъ также и наша народная нужда и бѣдность. Въ чемъ же причина такого страннаго и печальнаго явленія? Въ неправильности основной тенденціи или, употребляя модный терминъ, платформы нашего просвѣщенія. Современное образованіе все направлено на развитіе ума, а не сердца и нравственности, на обогащеніе человѣка знаніемъ въ видахъ своекорыстнаго пользованія имъ, а не наполненіе души идеалами общественнаго блага, стремленіями къ утвержденію въ мірѣ правды, мира, радости, общаго жизненнаго благополучія. Современная наука обращена въ орудіе пріобрѣтенія лишь матеріальныхъ благъ

жизни, въ средство удовлетворенія только животнымъ инстинктамъ нашей природы и потому уже во время самаго образованія или вѣрнѣе—самымъ образованіемъ своихъ питомцевъ она создаетъ и развиваетъ въ нихъ самолюбивыхъ мечтателей о богатствѣ и роскоши, укореняетъ въ ихъ сердцахъ склонность къ неумѣреннымъ наслажденіямъ всѣми видами тѣлесной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучаетъ ихъ къ надменности предъ низшими братьями своими, къ безсердечности по отношенію къ трудящемуся люду, словомъ, воспитываетъ въ нихъ, подъ лоскомъ внѣшней культурности, грубыя чувства варваровъ. Ясно, что отъ такого просвѣщенія по самому существу его невозможно ожидать созиданія, а только разрушенія общественнаго благосостоянія. *Собираютъ ли съ терновника виноградъ и рпейника смоквы* (Мѡ. 7, 16)? Очевидно, центръ тяжести въ системѣ нашего просвѣщенія долженъ быть перемѣщенъ съ традиціоннаго мѣста—съ разума на нравственное чувство. Просвѣщеніе безспорно благотворнымъ можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, когда оно, не отрекаясь отъ научныхъ знаній, направленныхъ на улучшеніе земной человѣческой жизни и даже прямо въ интересахъ благосостоянія народа или цѣлаго государства, намѣчаетъ главной задачей своей—дать въ народномъ воспитаніи и образованіи перевѣсъ духу надъ плотію, пробуждать и раскрывать въ душахъ гражданъ высшія нравственныя стремленія, насаждать въ ихъ сердцахъ любовь къ правдѣ и отвращеніе отъ всего противонаравственнаго, состраданіе къ несчастнымъ и нуждамъ ближнихъ и благородное соревнованіе другъ предъ другомъ на поприщѣ самоотверженнаго служенія общему народному или государственному благу. Въ такихъ носителяхъ просвѣщенія мы дѣйствительно имѣли бы истинныхъ создателей общественнаго благосостоянія.

Но просвѣщеніе съ преобладаніемъ нравственнаго развитія въ человѣкѣ и вообще нравственное возрожденіе

нашего общественнаго духа въ направленіи самоотверженнаго служенія гражданъ другъ другу, въ цѣляхъ возвышенія ихъ общаго благосостоянія, возможны лишь на родной имъ почвѣ, способной всегда доставлять имъ питательные элементы, и въ свойственной имъ атмосферѣ, которая только въ состояніи дать имъ пышный разцвѣтъ. Такой почвой служитъ наша вѣра, и такую атмосферу мы имѣемъ въ нашей церкви. Вѣра въ Творца міра и человѣка въ частности указываетъ самое прочное основаніе нашей нравственности въ волѣ виновника нашей жизни и въ собственномъ богоподобномъ существѣ нашего духа, а ученіемъ о нашемъ назначеніи къ вѣчной жизни, за предѣлами этого міра, вѣра выясняетъ смыслъ и цѣль нашего нравственнаго развитія. Что же касается церкви, то это—единственный социальный институтъ, всемірный союзъ людей на землѣ, непосредственно основанный самимъ воплотившимся въ мірѣ Богомъ въ лицѣ Христа, Создателя нашей вѣры, союзъ, въ которомъ ставятся предъ людьми исключительно идеальныя, вѣчныя, непреходящія цѣли жизни, въ совершенной отрѣшенности ихъ отъ всѣхъ земныхъ расчетовъ. Церковь есть органъ откровенія и распространенія царства Божія на землѣ, провозвѣстница правды, мира и любви между людьми, освѣщающая лучами небесной вѣчности все земное и временное, обращающая всѣ наши ежедневныя житейскія отношенія другъ къ другу въ орудія достиженія нами высшаго назначенія. Опредѣляя, такимъ образомъ, нормы нашихъ взаимоотношеній подъ точкой зрѣнія вѣчности, она сообщаетъ намъ вѣрнѣйшія гарантіи развитія и процвѣтанія и нашего гражданскаго благосостоянія.

Только подъ воздѣйствіемъ церкви, этого тѣла Христа, въ одухотвореніи ея силами, началами и стремленіями, можетъ расти и развиваться и великое гражданское тѣло—государство; только съ возвратомъ въ нѣдра церкви, въ этотъ небесный союзъ на землѣ, въ качествѣ

его живыхъ, дѣятельныхъ членовъ мы можемъ быть добрыми и полезными членами и земного государственнаго союза; только Духъ животворящій, дѣйствующій въ церкви, владѣетъ силой вдохнуть въ приготовляемыя намъ новыя формы нашего государственнаго устройства жизнь, полную для всѣхъ радостей и довольства!

П. I. П.

МЫСЛИ НА УЛИЦѢ.

Есть Богъ, есть вѣчный Богъ надъ нами;
Его не видимъ мы вдали, —
Онъ далеко, за небесами,
Но видитъ насъ, дѣтей земли.
Порой ничтожными дѣлами
Здѣсь, на землѣ, мы заняты,
А вѣчный Богъ царить надъ нами,
Царить съ небесной высоты.
И равнодушно мы проходимъ,
Не видимъ Бога мы вдали,
Его мы въ мысляхъ не находимъ,
Мы—дѣти суетной земли.
Гляжу. На улицѣ движенье;
Кругомъ и шумъ и суета;
О сколько шуму, тревоженья,—
Но гдѣ же мѣсто для Христа?

ПРИВѢТЪ СОЛНЦА.

Солнце такъ ласково свѣтитъ;
Люблю я тотъ ласковый свѣтъ;—
Пригрѣеть оно и привѣтитъ,
И радостенъ солнца привѣтъ.
И въ комнату ярко сегодня
Врываются солнца лучи,
И сердце ликуеть невольно;
Ты жъ, старое горе, молчи.
Пусть радостно, вмѣстѣ съ природой,
И сердце ликуеть мое,
Печаль улетаетъ съ невзгодой,
Пусть солнце разсвѣтъ ее.
Пусть солнце же свѣтитъ свѣтлѣе,
Пусть ярче блистаетъ оно,
И все веселѣй, веселѣе
Свѣтъ льется чрезъ это окно!
О солнце, привѣтъ мой сердечный,
Прими ты, о добрый мой другъ!
Твой лучъ шаловливый безопасно
Къ намъ быстро врывается вдругъ.
И ярко онъ все озаряетъ,
И жизнь онъ несетъ намъ и свѣтъ,
И къ небу онъ насъ призываетъ,
Какъ дальняго неба привѣтъ.
И ввысь я за нимъ уношуся
Туда, гдѣ то солнце горитъ,
И мыслью проникнуть стремлюся,
Что небо землѣ говорить.
Зоветь ее небо и манить къ себѣ;
Торжественный голосъ оттуда звучитъ,
И свѣтлое небо печальной землѣ
О жизни иной говорить...

Очеркъ нравственнаго возрожденія челоуѣка во Христв.

(Психологическій опытъ на основаніи сочиненій свв. аскетовъ).

Жизнь по плоти.

Конечная цѣль челоуѣка должна заключаться не въ немъ самомъ, а въ Богѣ. Челоуѣкъ сотворенъ съ тѣмъ, чтобы быть въ союзѣ любви съ Богомъ, чтобы приобщаться къ Божественной жизни. Но на ряду съ духовными, идеальными влеченіями, въ природу челоуѣческую изначала вложены Богомъ потребности *эгоистическія* (въ психологическомъ значеніи слова), ближайшая цѣль которыхъ состоитъ въ поддержаніи индивидуальной жизни личности. По своему назначенію жизнь личная (эгоистическая) имѣетъ значеніе подчиненное, вспомогательное, служебное. Челоуѣкъ самъ, свободно, долженъ привлекать ее къ служенію цѣлямъ своего духа, долженъ ограничивать ее и, въ случаѣ нужды, долженъ жертвовать ею для Бога. Это то отверженіе самой души своей, то погубленіе своей жизни, о которомъ говоритъ Господь (Мѡ. 10, 39; Лк. 14, 26. 33). «Мы достояніе Божіе и сами по себѣ, пишеть пр. Ефремъ Сиринъ, но должны научиться быть Его достояніемъ и въ томъ, чѣмъ обладаемъ»¹⁾. Въ этомъ свободномъ самоотреченіи или самопожертвованіи челоуѣка во славу Божію заключается *выраженіе* любви челоуѣка къ Богу и, слѣдовательно, условіе ея *развитія*. Только въ жертвѣ выражается любовь и, слѣдовательно, только

¹⁾ 5 т., 252 стр. (изд. 1858 г., М.).

через жертву она развивается. Падшій же человекъ, вмѣсто того чтобы жертвовать своими эгоистическими желаніями во имя любви къ Богу, свободно и сознательно цѣлью своею ставитъ *самоутвержденіе*, или, какъ выражаются свв. отцы, произволеніемъ своимъ срастворяется съ *плотію*. Плотію свв. аскеты называютъ совокупность эгоистическихъ (въ психологическомъ смыслѣ) стремленій. Этотъ необходимый элементъ въ естественномъ составѣ человекъ становится сѣдалищемъ грѣха, какъ только конечная цѣль человеческой жизни и предпочтительная привязанность сердца перемѣщаются изъ идеальной области истины и добра въ сферу личныхъ, эгоистическихъ интересовъ. Усиленно культивируясь въ жизни личной, а затѣмъ и въ преемственной жизни многихъ поколѣній, естественныя, по природѣ своей, эгоистическія стремленія подвергаются какъ бы гипертрофіи, при которой свою уродливою выпуклостію сдавливаютъ благородныя, по существу своему безкорыстныя, стремленія духа. Въ этой гипертрофіи цѣлой группы низшихъ стремленій и состоитъ *сущность* той нравственной болѣзни человекъ, которая называется *грѣхомъ*. Плоть ставится выше духа, самоугожденіе предпочитается служенію Богу; главнымъ направленіемъ грѣховной жизни и ея послѣдней цѣлью является не служеніе добру и Богу, а самоутвержденіе, *эгоизмъ*.

Прежде чѣмъ перейти къ ближайшему психологическому анализу грѣха, необходимо замѣтить, что *психологическая* сторона грѣха и составляетъ именно самую *сущность* его. Грѣхъ есть, прежде всего, не нарушеніе виѣшней заповѣди, не оскорбленіе Бога человекомъ, а есть именно извѣстное расстройство *внутри* человекъ. Таково ученіе свв. аскетовъ. Собственно для мысли объ оскорбленіи въ грѣхѣ безконечной правды Божіей, требующей безконечнаго возмездія, свв. подвижники не иставляютъ и мѣста. Приведемъ изъ св.-отеческихъ твореній нѣсколько болѣе ясныхъ свидѣтельствъ. «Богъ благъ, безстрастенъ и непамѣненъ. Если кто, принимая за несомнѣнную истину,

что Богъ пребываетъ неизмѣннымъ, недоумѣваетъ, какимъ же образомъ Онъ радуется благимъ и отвращается отъ злыхъ, гнѣвается на согрѣшающихъ и бываетъ милосерднымъ къ чтущимъ Его, такому нужно сказать, что Богъ и не радуется, и не гнѣвается (потому что и радость, и печаль это страсти); Ему нельзя угодить дарами, иначе оказалось бы, что Онъ побѣждается удовольствіемъ. *Нельзя думать, чтобы Богъ былъ благимъ или злымъ въ зависимости отъ человѣческихъ дѣлъ.* Нѣтъ, Онъ благъ и только благодворить, но никогда никому не вредить, всегда пребывая совершенно одинаковымъ. Мы же, оставаясь добрыми, въ силу подобія соединяемся съ Богомъ; а становясь злыми, вслѣдствіе несходства отлучаемся отъ Бога. Живя добродѣтельно, мы держимся Бога; а становясь злыми, дѣлаемъ Его своимъ врагомъ, не напрасно гнѣваемся (на насъ), но на грѣхи, которые не позволяютъ Богу возсіять въ насъ, соединяютъ же насъ съ демонами-мучителями. Если же молитвами и добрыми дѣлами мы получаемъ разрѣшеніе грѣховъ, то это не значитъ, что мы чтимъ Бога или перемѣняемъ Его, а только исцѣляя дѣлами и обращеніемъ къ Богу нашу собственную злобу, мы снова приобщаемся Божіей благодати. Слѣдовательно, *Богъ такъ же отвращается отъ злыхъ, какъ и солнце скрывается отъ лишенныхъ зрѣнія*¹⁾). Это слова Антонія Великаго. Рѣшительнѣе и яснѣе выразить мысль, что грѣхъ и добродѣтель измѣняютъ не Бога въ Его отношеніи къ человѣку, а только одного человѣка, намъ представляется задачей не легкой. — *Прежде чѣмъ взглянуть человѣкъ къ Богу, — читаемъ у пр. Ефрема Сирива, — Онъ говоритъ ему: «здѣсь Я!»; прежде чѣмъ приблизится къ Нему, отверзаетъ сокровище предъ ищущимъ; прежде нежели попросить, примиряется съ нимъ; прежде нежели помолится, удостоиваетъ милости.* Ибо сего тре-

¹⁾ Добротолюбіе, М., 1832 г., ч. 1-ая, л. 12.

буетъ и хочетъ любовь Божія»¹⁾). — «Какъ источникъ не возбраняетъ черпать желающему, такъ и сокровище благодати никому изъ людей не возбраняетъ стать его причастникомъ. Поэтому, *если есть хотѣніе пріять благодать*, то хотя бы пожелалъ кто взять и малую долю сокровища, цѣлое сокровище благодати обрѣтается ищущимъ»²⁾). Какъ бы ни былъ человѣкъ обремененъ грѣхами, онъ уже обладаетъ любовью Божіей, прежде чѣмъ устремится къ Богу. «Не заключена дверь Твоя, Владыко! Пусть грѣшникъ придетъ и ударяетъ. Даже всегда отверзта дверь Твоя и для праведныхъ и для грѣшниковъ»³⁾). Когда согрѣшаетъ человѣкъ, то не Богъ оставляетъ его, а онъ самъ удаляется отъ Бога и можетъ возвратиться къ общенію съ Нимъ всегда, когда самъ захочетъ, потому что «Святый Богъ *всегда неизмѣнно любитъ насъ и хочетъ, чтобы спаслись мы*»⁴⁾). — «*Не Богъ оставилъ тебя*, — пишетъ пр. Ефремъ, — но ты отгналъ Его; ты ввелъ сквернаго, устранилъ Святого; возненавидѣлъ Царя, возлюбилъ мучителя; удалился отъ Источника жизни, прилѣпился къ грязи»⁵⁾). А «Богъ все еще жаждетъ твоего возвращенія, чтобы принять тебя, если будешь жить честно»⁶⁾). — Въ виду того, что грѣхи не оскорбляютъ и не могутъ оскорбить Бога и не лишаютъ человѣка любви Божіей, человѣку-грѣшнику, стремящемуся къ общенію съ Богомъ, нѣтъ надобности *примирять* Бога съ собою, *умилостивлять* Его, *удовлетворять* правосудіе Его и т. п., если всѣ эти реченія употреблять въ ихъ собственномъ, буквальномъ смыслѣ. Человѣку нужно только оставить грѣхъ, который является прямымъ и свободнымъ отрицаніемъ об-

¹⁾ 1 т., 298 стр.

²⁾ Ibid., 386 стр.

³⁾ Ефр. С. 4 т., 156 стр.

⁴⁾ Ефр. С. 1 т., 318 стр.

⁵⁾ Ibid. 3 т., 114 стр.

⁶⁾ Ibid., стр. 135.

щенія съ Богомъ, и общеніе *тѣмъ самимъ* будетъ возстановлено. «Богъ не далеко отъ насъ, — говоритъ Авва Исаія,—и между *Нимъ и нами нѣтъ ничего преграждающаго, кромѣ грѣха*»¹⁾, т.-е. кромѣ настроенія самаго человѣка. «Желаетъ ли знать, *отпущены ли тебѣ грѣхи?* Да будетъ тебѣ признакомъ то, *если въ сердцѣ нѣтъ болѣе никакого остатка оныхъ*»²⁾. Такимъ образомъ, грѣхъ лишаетъ человѣка не *права* на приобщеніе къ Божественной жизни, а *способности и желанія* этой жизни.

Возвратимся къ психологическому анализу грѣха. Мы сказали выше, что сущность грѣховнаго состоянія заключается въ неестественномъ преувеличеніи *эгоистическихъ* влеченій. Въ этомъ полагаютъ сущность грѣха всѣ свв аскеты. «Корнемъ всѣхъ золъ,—говоритъ, напр., пр. Ефремъ Сиринъ,—и какъ сказалъ бы иной первую причину служатъ сластолюбіе, славолубіе и сребролюбіе, отъ которыхъ рождается все худое... А первоначальная причина и самая негодная матеръ всему этому есть *самолюбіе*»³⁾. «Отъ *самолюбія*, какъ вѣтви какія, отражаются (всѣ) пороки»⁴⁾.—Такъ какъ слова «самолюбіе» и «эгоизмъ» часто означаютъ (и въ психологіи, и въ разговорномъ языкѣ) состояніе нормальное, естественное, то не напрасно въ русской аскетической литературѣ принято особое реченіе: *себялюбіе*. Во избѣжаніе двусмысленности примемъ и мы это слово, какъ самое общее психологическое опредѣленіе грѣха.

Себялюбіе принимаетъ въ жизни три различныхъ основныхъ формы, поименованныя выше пр. Ефремомъ: *высокомыріе, плотоугодіе и сребролюбіе*. Первоначальными собственно могутъ считаться двѣ первыя страсти. Отъ нихъ рождается уже третья. Но такъ какъ сребролюбіе, при

¹⁾ „Духовно-нравственныя слова“, М., 1860 г., стр. 189.

²⁾ Ibid., стр. 89.

³⁾ 3 т., 622 стр.

⁴⁾ Ibid. 1 т., 511 стр.

своёмъ дальнѣйшемъ развитіи, часто получаемъ въ жизни господствующее значеніе, то въ аскетическихъ твореніяхъ сребролюбіе и ставится обыкновенно на ряду съ высокомѣріемъ и плотоугодіемъ, какъ третій особый, самостоятельный видъ себялюбія.—*Высокомѣріе* это склонность преувеличивать собственное свое значеніе и достоинство, смотрѣть на себя (и при томъ только на одного себя) какъ бы въ увеличительное стекло. Во внутренней жизни человѣка эта страсть сказывается въ особаго рода мечтательности, въ гордости, въ чрезмѣрной самооцѣнкѣ, въ самооправданіи, а въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ—въ тщеславіи, хвастливости, самолюбіи, упорномъ настаиваніи на своёмъ, насмѣшливости, дерзости, презрительности, склонности къ осужденію и т. п. Въ виду многочисленности проявленій этой страсти свв. аскеты такъ разнообразяютъ наименованіе ея.—Конкретными проявленіями *плотоугодія* служатъ неумѣренность въ питаніи, пьянство, сластолюбіе, блудъ, а также лѣность, извѣженность, распущенность, сонливость, преданность покою, разсѣянность, уклоненіе отъ всякаго напряженія силъ и т. п. Всѣ эти низкіе пороки имѣютъ между собой неразрывную психологическую и физиологическую связь, какъ связаны между собой звенья въ цѣпи.—Если высокомѣріе сродняетъ человѣка съ демонами, то плотоугодіе сближаетъ его съ животными. Но при своёмъ несходствѣ, можно даже сказать противоположности, и та и другая страсть одинаково побуждаютъ человѣка искать денегъ, стяжаній, средствъ. Отсюда рождается въ душѣ новая страсть: *любостяжаніе*. Если высокомѣріе и плотоугодіе—дщери себялюбія, то любостяжаніе—рабыня этихъ дщерей. «Причина всякаго порока,—пишетъ пр. Маркъ подвижникъ,—есть тщеславіе и сласть; хотя сказано, что корень всѣмъ злымъ—сребролюбіе (1 Тим. 6, 10), но очевидно, что оно изъ нихъ составляется» ¹⁾.

¹⁾ Слово 1, гл. 99 и 100.

«Когда мы беззаботно согласимся,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—съ помыслами высокоумія и сласти, то начинаемъ искать и вещества, ихъ возвращающаго. Вещество же тщеславія и тѣлеснаго наслажденія есть сребролюбіе, которое, по Божественному писанію, есть корень всѣмъ злымъ»¹⁾. Любостыжаніе, пока оно молодо, бываетъ обыкновенно преданной служанкой высокоумія или сластолюбія и усердно готовить для нихъ возможно обильное питаніе. Но достигнувъ извѣстнаго возраста, эта невольница часто изгоняетъ свою мать - госпожу изъ дома и сама становится самостоятельной владычицей въ душѣ. На деньги и другія стяжанія человѣкъ перестаетъ смотрѣть, какъ на *средства*: онѣ становятся уже *цѣлью* для него, пріобрѣтаютъ *самоцѣльность*.

Къ такому извращенію сердца аскетическія творенія свв. отцовъ внушаютъ намъ преимущественное отвращеніе. Кромѣ того, что сребролюбіе предполагаетъ, въ качествѣ своей психологической причины, наличность другихъ скверныхъ страстей; само оно, когда дѣлается господствующею страстію въ душѣ и переходитъ въ скупость, или скарденность, производитъ глубокое извращеніе въ душѣ. Притомъ, другія страсти вытекаютъ изъ естественныхъ, прирожденныхъ (слѣдоват., независящихъ отъ нашей свободы) стремленій, въ развитіи же страсти сребролюбія, напротивъ, участвуетъ главн. обр. сознание и свобода.

«Побужденіе къ страсти сребролюбія, — говоритъ пр. Ефремъ,—заключается не въ природѣ нашей, но въ превратномъ произволеніи: вотъ почему, кто добровольно преодолевается ею, тотъ грѣшитъ непростительно»²⁾

Хотя каждый грѣшникъ не свободенъ отъ склонностей къ самовозвышенію, къ сребролюбію и къ наслажденіямъ, но не у каждаго всѣ эти страсти имѣютъ равную силу.

¹⁾ Сл. 5, стр. 188.

²⁾ 3 т., 625 стр.

Обыкновенно подъ вліяніемъ темперамента и другихъ личныхъ особенностей человѣка, не безъ вліянія также и внѣшнихъ условій жизни, та или другая страсть получаетъ преобладающее значеніе въ душѣ, такъ что другія страсти при ней иногда бывають едва замѣтны: «Мы такъ любимъ наслажденіе и человѣческую славу, — говорить напр. пр. Маркъ подвижникъ, — что не только ради нихъ предаемъ добродѣтель, но и самыя эти прираженія при случаѣ перемѣняемъ одно на другое: иногда удручаемъ тѣло ради тщеславія, иногда переносимъ безчестія ради сластолюбія» ¹⁾. Бывають и такія явленія, когда изъ корыстолюбивыхъ побужденій человѣкъ и тѣло свое удручаетъ непомѣрнымъ воздержаніемъ и готовъ перенести всякое униженіе (типъ Плюшкина, «Скупой» Крылова). Так. обр. «кто далекъ отъ чувственныхъ вожделѣній, тѣмъ (обыкновенно) движетъ гордость; а кто свободенъ отъ высокомерія, тотъ служитъ мамонѣ» ²⁾. Тѣмъ не менѣе самозвышеніе, корыстолюбіе и плотоугодіе въ той или иной мѣрѣ, въ томъ или иномъ соотношеніи между собой живутъ всѣ вмѣстѣ въ душѣ каждаго грѣшника. Антоній Великій говоритъ, напр.: «кто не добръ, тотъ, конечно, и тѣлолюбивъ» ³⁾, чѣмъ указываетъ на существованіе органической связи между плотоугодіемъ и грѣховнымъ состояніемъ человѣка вообще. Преп. Исаія также пишетъ о каждомъ человѣкѣ вообще: «Прибытокъ, честь и желаніе покоя борють человѣка до смерти» ⁴⁾. Только у каждаго въ отдѣльности грѣхъ (себялюбіе) проявляется преимущественно въ одномъ какомъ-либо направленіи, въ одной какой-либо излюбленной формѣ.

Не смотря на то, что плотская жизнь несвойственна человѣку, по самой природѣ своей стремящемуся къ Боже-

¹⁾ Сл 5, стр. 187.

²⁾ Ефр. 5 т., 33 стр.

³⁾ 73 стр.

⁴⁾ 91 стр.

ственной жизни, не смотря на то, что она съ роковой необходимостію, психологической и физиологической, приноситъ человѣку страданія и болѣзни и, наконецъ, приводитъ его къ смерти, тѣмъ не менѣе переходъ отъ грѣха къ единой истинной и блаженной жизни можетъ совершиться у человѣка только подъ условіемъ великихъ усилий съ его стороны и при содѣйствіи милости Божіей. Это зависитъ отъ того, что грѣховная жизнь, развивая, или, какъ принято выражаться о плотскихъ похотяхъ, развращая эгоистическіе инстинкты, притупляетъ тѣмъ самымъ высшія, духовныя, стремленія человѣка и такъ обр., искажаетъ у человѣка *познаніе о себѣ самомъ*, извращаетъ самую идею человѣка. «По страстности плоти,— пишетъ Антоній Великій; добрыя стремленія души потеряли силу, и люди не могли даже постигнуть того, что ствойственно имъ по ихъ естеству и назначенію» ¹⁾). Какъ говорить Макарій Великій, «сопротивныя силы вывели душу падшаго человѣка изъ ума, подавивъ въ ней небесное разумѣніе; почему не видитъ она, что съ нею сдѣлали враги, но думаетъ, что такою была она сначала» ²⁾). Это извращеніе идеи человѣка, смѣшеніе грѣха съ нормальной природой человѣка, оказываетъ колоссальное вліяніе на жизнь всего человѣчества, проникая во всѣ ея области; имѣетъ оно роковое значеніе и въ личной жизни отдѣльнаго человѣка. Душа, омраченная грѣхомъ, стремясь къ жизни и счастью, не можетъ понять, что истинное удовлетвореніе она можетъ получить въ одномъ только общеніи съ Богомъ. Она склонна видѣть свое благо въ тлѣнныхъ вещахъ конечнаго міра, къ которымъ влекутъ ее грѣховныя страсти, въ тѣхъ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, которыя она испытала и ясно себѣ представляетъ. «Лукавый»,—по словамъ Макарія Великаго,—«всѣми мѣрами усиливается любовь къ Господу ослабить беззакон-

¹⁾ 23 стр. 23 гл.

²⁾ Бес. 45, гл. 5.

ными удовольствіями и пріятными приманками, дѣйстви- тельно прекрасное затмѣвая тѣмъ, что кажется хорошимъ для обольщенныхъ мечтою» ¹⁾. Онъ «обольщаетъ сердца,— говоритъ Антоній Великій,— хитрымъ подражаніемъ истинѣ, которая достойно привлекательна», «устраиваетъ разныя призрачности красныя на видъ, которыя однако же на дѣлѣ совсѣмъ не то суть» ²⁾. «Невѣдѣніе, — пишетъ пр. Ефремъ Сир., разумѣя *опытное* вѣдѣніе,—похищая въ умѣ нашемъ любовь къ Богу, не даетъ мѣста надеждѣ на блага, и мы *не вѣримъ* заповѣдямъ Божиимъ и дѣлаемся врагами Бога» ³⁾. Так. обр. человѣкъ думаетъ найти удовлетво- реніе своей душѣ, жаждущей жизни и счастья, не въ Богѣ, а въ скоропреходящихъ удовольствіяхъ и обманчи- выхъ мечтахъ, къ которымъ онъ привыкъ.

Искать счастья и жизни въ Богѣ и на умѣ ему не приходится, потому что онъ не испыталъ блаженства Бо- гообщенія и не понимаетъ достоинства добродѣтели. Че- ловѣку совершенно необходимо быть подобнымъ Богу по настроенію своей души, для того, чтобы видѣть въ Богѣ свое высшее благо; безъ этого условія общеніе съ Бо- гомъ не можетъ быть понято сердцемъ человѣка, *какъ благо*. Когда человѣкъ не добръ, — говоритъ Антоній Ве- ликій,—то значить онъ не знаетъ Бога, потому что един- ственный способъ къ познанію Бога есть доброта» ⁴⁾. Мало того, что человѣкъ въ грѣховномъ ослѣпленіи не видитъ въ Богѣ края своихъ желаній, своего высшаго блага,—единая истинная жизнь, жизнь духовная, еще ка- жется ему не меньше, какъ прямымъ отрицаніемъ жизни, прямо смертью заживо. Это происходитъ оттого, что ду- ховная жизнь требуетъ прежде всего отреченія отъ слад- кихъ суетныхъ грѣзъ и плотскихъ наслажденій, требуетъ,

¹⁾ Посл., стр. 449

²⁾ Гл. 53, стр. 38.

³⁾ 3 т., 450 стр.

⁴⁾ Гл. 58, стр. 29.

чтобы человекъ отвергся даже самаго себя, однимъ словомъ, является прямымъ отрицаніемъ той себялюбивой жизни, которая одна только и извѣстна грѣшнику, и внѣ которой онъ ничего не способенъ представить себѣ, кромѣ смерти.

Архим. Кириллъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Блаженный Софроній, 3-й Епископъ Иркутскій.

БРАТКОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ О ЕГО ЖИЗНИ, ДѢЯНІЯХЪ И БЛАЖЕННАЯ ПАМЯТЬ О НЕМЪ *).

По распоряженію архіепископа Пареевнн, съ 1872 г. при Каѳедральномъ соборѣ была заведена книга для записи заявленій о знаменіяхъ и исцѣленіяхъ, по представительству блаж. Софронія совершающихся.

Вотъ нѣкоторыя изъ заявленій, сданныхъ архіепископами Иркутскими съ ихъ резолюціями, или даже записанныя ими со словъ заявителей.

1872 года 29 января въ Богоявленскомъ соборѣ, послѣ Богослуженія заявилъ Каѳедральному протоіерею (Громову), ключарю (Чирцеву) и прочей соборной братіи казакъ, отставной старшій урядникъ Александръ Григорьевичъ Серебровъ, что онъ съ 1866 г. страдалъ головою болью, разстроившею его даже умственные способности: онъ сталъ ненавидѣть всѣхъ людей, какъ живущихъ, по его мнѣнію (какъ ему стало казаться), не такъ какъ должно; даже себя сталъ ненавидѣть, и жизнь ему опротивѣла. Кромѣ леченія онъ обращался съ молитвою и къ св. Иннокентію, но просимаго не получалъ; къ блаж. Софронію онъ относился холодно (не вѣрилъ и не читилъ его за молитвенника). Съ 22 на 23 декабря Серебровъ очень сильно страдалъ, особенно болью въ темени головы, и уснулъ;

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Дум. Чит.* 1907 г.

видить во снѣ какую-то равнину, по которой идетъ преосвящ. Софроній въ такомъ облаченіи, какъ изображень на иконѣ; Серебровъ будто бы поспѣшилъ къ нему и попросилъ благословенія. Преосв. Софроній благословилъ его, далъ поцѣловать свою руку (которая была бѣлѣе писчей бумаги) и сказалъ Сереброву: «молись». На утро Серебровъ проснулся, и у него головной боли какъ не бывало, и мысли пришли въ нормальное положеніе. «Таковою милостію святителя Софронія и доселѣ пользуюсь и считаю за грѣхъ не заявить объ этомъ»¹⁾.

Жительница Иркутска, безродная, Марія Попова страдала водянкою (отекомъ ногъ) и судорогами въ ногахъ, отчего она часто падала и однажды сломала при паденіи лѣвую свою руку, которая, будучи неправильно вставлена, мучила ее и почти не служила больной. 1874 года подъ праздникъ Введенія во храмъ Пресв. Дѣвы Маріи Попова была за всенощной въ Спасской церкви, въ которой въ этотъ день престольный праздникъ, съ хозяйкою своей квартиры. Возвращаясь изъ церкви домой, она поскользнувшись (ночь была темная и осенняя грязь) упала на правый бокъ, сломала и правую свою руку и стала вовсе безпомощною: безъ посторонней помощи она не могла ни встать, ни перевернуться; ее хотѣли отправить въ больницу. Страдая отъ боли и не желая отправляться въ больницу, она однажды цѣлую ночь проплакала (наканунѣ дня отправления ея въ больницу), «молилась всѣмъ святымъ, а батюшку Софронія и не призывала, хотя я и бывала въ соборѣ на службахъ. Такъ я и уснула; и вижу: приходитъ ко мнѣ въ квартиру монахъ какой-то, сѣлъ около моей постели и сталъ спрашивать: «отчего я плачу и чѣмъ я больна». Онъ былъ такой добрый и ласковый и съ такою любовію и ласковостію слушалъ меня. Я его спрашиваю: вы откуда, батюшка? Я ни въ

¹⁾ Подъ рапортомъ подписаны 6 членовъ соборнаго причта. Резолюція архіеп. Пареевнѣ 3 февраля 1872 г.

Вознесенскомъ монастырѣ, ни въ архіерейской домово́й церкви васъ не видала! А онъ отвѣтилъ мнѣ: «какъ? ты меня знаешь, ты у меня бывала: я живу въ соборѣ. Въ больницу ты не ходи, тамъ помрешь; а пошли въ соборъ, чтобы тамъ отслужили панихиду по преосв. Софронію и возьми елей изъ лампы, помажь имъ больныя мѣста и будешь здорова». Утромъ я проснулась и начала владѣть руками, и болѣзнь ногъ поуменьшилась». Старуха сама принесла свое письмо въ соборъ 23 февраля 1875 года и отдала ключарю собора.

Иркутская мѣщанка дѣвица Аеанасія Леденева заявила, что она, страдая долгое время болѣзнію глазъ, думала, что вовсе лишится зрѣнія. Въ такомъ тяжеломъ состояніи она обратилась съ молитвою къ святителю Софронію. «Болѣзнь прошла, и теперь я хорошо вижу и глазами не страдаю; лѣкарствъ я никакихъ не употребляла; я и сейчасъ имѣю хорошее зрѣніе, хотя мнѣ 65 лѣтъ».

1879 году въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Иркутскѣ былъ большой пожаръ, по свидѣтельству очевидцевъ и записей: 22 іюня сгорѣло 400 дворовъ, а 24 опустошительный пожаръ остребилъ лучшую и самую богатую часть города, сгорѣло много церквей, въ томъ числѣ обгорѣлъ и ново-строющійся (съ 1875 г.) Казанскій кафедральный соборъ, который послѣ этого постройкой остановился до весны 1889 года. Въ маѣ и іюнѣ сего 1879 года ремонтировалась ограда, окружающая архіерейскій домъ и Кафедральный Богоявленскій соборъ и въ частности юго-западная башня страждущаго Спасителя (въ терновомъ вѣнцѣ и съ тростію въ связанныхъ рукахъ) и были около, особенно башни, большіе лѣса и настилки. Пожаръ былъ близко этого мѣста, и былъ сильный вѣтеръ, далеко пересосившій не только языки пламя и снопы искръ и углей, но и цѣлыя пылающія доски и бревна. Какъ не загорѣлись эти (у архіер. ограды и у башни) лѣса и доски—всѣ недоумѣвали; а загорись они, не устоялъ бы и архіерейскій домъ и Богоявленскій соборъ. Пожаръ былъ

дни и ночи. Люди, и погорѣвшіе и боящіеся пожара,—одни выселялись за городъ, за Ангару, другіе располагались на болѣе широкихъ площадяхъ, каковою была и площадь между Тихвинской церковію, Богоявленскимъ соборомъ и рѣкой Ангарою; на этой площади были торговые ряды (къ Тихвинской церкви), посрединѣ Новый соборъ въ лѣсахъ и Спасская церковь. Въ одну изъ ночей пожара, между 11-ю и 2 часами, люди сидящіе на площади видѣли огненный столбъ, отдѣляющійся отъ крыши Богоявленскаго собора надъ Казанскимъ придѣломъ (гдѣ почиваетъ нетлѣнно свят. Софроній). Сперва всѣ видѣвшіе испугались, думая, что соборъ загорѣлся; а послѣ, видя, что пламя не увеличивается и дыма нѣтъ, стали недоумѣвать. Видѣніе это продолжалось не менѣе двухъ часовъ и потомъ сокрылось. И притомъ этотъ огненный столбъ то поднимался выше отъ крыши, какъ бы отдѣлялся, то снова опускался; а иногда наклонялся то въ одну, то въ другую сторону. Другимъ же сидящимъ на этой же площади и даже за р. Ангарою,—это же видѣніе (ибо видѣли въ тѣ же часы и на томъ же мѣстѣ—на крышѣ Казанскаго придѣла) казалось иначе: иные видѣли отчетливо архіерея въ темной рясѣ, въ клубукѣ и съ панагіей,—и ясно видѣли сѣдую большую бороду и волосы сѣдые; пресвященный какъ бы разсматривалъ что вдали, оборачиваясь въ сторону пожара и на городъ и какъ бы указывалъ что руками, иногда поднимая руки въ верху. При семъ одни думали, что это архіепископъ Веніаминъ II взошелъ на крышу собора, чтобы осмотрѣть ея цѣлостность или посмотрѣть на пожаръ, въ чемъ въсокопресвящ. не было надобности, ибо изъ находящихся на третьемъ этажѣ архіерейскаго дома комнатъ владыки и изъ оконъ домовою архіерейской церкви, расположенныхъ выше крыши Богоявленскаго собора,—весь городъ былъ виднѣе. Третьи же изъ видѣвшихъ ясно различали образъ блажен. Софронія, который то молился, воздѣвая руки къ небу и обращаясь къ Вознесенскому монастырю, какъ бы

зовя или ожидая кого, то обращалъ лицо свое на пылающій городъ и руками какъ бы указывалъ или распланировалъ что. И по указанію его рукъ, — вдругъ, въ одномъ мѣстѣ бушующее пламя, уже намѣревавшееся ринуться далѣе и охватить слѣдующій домъ или дворъ, — моментально останавливалось, какъ бы чѣмъ погашаемое; затѣмъ пожаръ перебрасывало въ другое мѣсто. Передавали, что среди общей лавы пожара во многихъ мѣстахъ оставались и уцѣлѣли избышки какихъ-либо сиротъ, или вдовъ, или челоуѣка отличающагося благочестіемъ, или любовію и щедродательностію. Событіе это записано въ книгу учрежденную 1872 г. архіеп. Пареевнѣмъ. Въ соборѣ нѣкоторыми заявлено письменно.

Дѣвица Елена Разушина страдала три года безсонницей; 1880 г. въ великомъ посту она во снѣ видитъ, будто пришелъ къ ней какой-то монахъ и говоритъ: «молись Богу и будешь здорова!» Когда я проснулась, то у меня явилась мысль пойти въ соборъ отслужить по свят. Софроніѣ панихиду. Я пошла, отслужила и стала здорова; въ портретѣ же Софронія узнала того монаха, который совѣтовалъ мнѣ молиться Богу». Резол. архіеп. Веніамина 15 янв. 1881 г. на письмѣ Разушиной.

Старица вдова дворянка Варвара Ошуркова заявила 10 сент. 1881 г., что она долгое время страдая водянкою ногъ, молилась блаж. Софронію, который въ ночномъ видѣніи, будто бы, помазалъ ей ноги елеемъ и сказалъ: «будь здорова!» И она совершенно избавилась отъ болѣзни.

Проживающій въ г. Енисейскѣ Ачинскаго округа мѣщ. Дороеей Федоровъ заявилъ, что около трехъ мѣсяцевъ страдалъ удушливымъ кашлемъ съ кровью и не получалъ отъ лѣкарствъ никакого облегченія. 4 января онъ прибылъ въ Иркутскъ; послѣ панихиды надъ гробомъ свят. Софронія, онъ испилъ масла изъ лампы, что предъ его гробомъ, и съ того дня получилъ исцѣленіе отъ болѣзни. 26 января 1828 г.

Иркутск. мѣщ. Фекла Герасимовна Божедомова заявила

30 апр. 1883 г., что она долго страдала болѣзнію въ спинѣ (въ спин. позвоночникѣ), болью и коликами въ животѣ, такъ что съ трудомъ могла садиться и почти не могла двигаться. Она дала обѣщаніе, если станетъ легче, сходить въ соборъ и отслужить по Софроніѣ панихиду; это было съ 6 на 7 іюля 1882 г. 7-го она, пробудившись, почувствовала себя легче; пошла подѣ праздн. Казан. ик. Богоматери въ соборъ ко всенощной, служила панихиду; и стала совсѣмъ здоровою.

Вдова чиновн. Юлія Иннокент. Яковлева письменно заявила 17 марта 1884 г.: въ 1883 г. 3 февраля сынъ заболѣлъ горячкой; приглашенный докторъ сперва ѣздилъ и давалъ лѣкарства; но какъ дитяти становилось все хуже и хуже, онъ пересталъ ѣздить. Въ бреду болѣзни сынъ нѣсколько разъ повторялъ крестясь: «вотъ монахъ молится!» «Архіерей пришелъ, тише!» Я звала священника напутствовать больного (ему было 10 лѣтъ), а сама поспѣшила въ соборъ, отслужить панихиду свят. Софронію, отцу моему и благодѣтелю. Когда я пришла домой, то сынъ мой пробудился отъ сна, послѣ причастія; и въ первый разъ у него явилось сознание; онъ рассказалъ, что во время болѣзни онъ три раза видѣлъ свят. Софронія, молящагося о немъ стоя близъ его кровати.

10 мая 1884 года, Бархатовскаго селенія Тельминской волости, Марія Ивановна Курилова, явившись къ архіеп. Веніамину, рассказала ему: «12 августа 1878 г. я отъ неумѣнія жать порѣзала себѣ серпомъ руку. Болѣзнь развилась: вся рука опухла, а въ ранѣ образовалось нагноеніе и сильныя колики въ рукѣ. Обращалась за совѣтами ко всѣмъ, и лѣчилась всѣмъ, чѣмъ бы кто ни посовѣтывалъ; но болѣзнь все усиливалась. Видя что рукѣ моей все хуже, я 7 сент. обѣщала, если рукѣ моей хоть немного станетъ лучше, схожу въ Иркутскъ и помолюсь надъ мощами свят. Софронія. Въ этотъ же день я почувствовала себя лучше; 3 пошла въ Иркутскъ на поклоненіе свят. Софронію. По возвращеніи изъ Иркутска рука моя стала со-

вершенно здоровою. Объ этомъ событіи я долго никому не рассказывала». Въ 1884 г. 8 марта наканунѣ сорока мучениковъ пришла къ Куриловой Бархатовская крестьянка, жена Матвѣя Уварова, Александра Степанов. Уварова, за совѣтомъ,—чѣмъ излѣчиться ей, Уваровой, отъ головной боли, которую она страдаетъ давно. «Я, говорить Курилова, какъ то вдругъ вспомнила, что меня излѣчилъ свят. Софроній, и тутъ же рассказала Уваровой все про себя и совѣтовала ей сходить къ свят. Софронію». И опять оставила все въ забвеніи. Но свят. Софроній послѣ сего три раза наставлялъ ее заявить объ этомъ въ соборъ кому слѣдуетъ. Въ первую же ночь послѣ разговора съ Уваровою, Курилова видѣла во снѣ будто она проходитъ мимо Ирк. Каѳедр. собора и вдругъ слышитъ позади себя голосъ: «женщина, что въ соборъ не заходишь? Я исцѣлилъ тебя отъ болѣзни!» Она проснулась со слезами на глазахъ. Второй сонъ видѣла она съ четверга на пятницу 6-й нед. Великаго поста; будто она переплыла чрезъ р. Ангару (Каѳедр. соборъ на берегу р. Ангары) и идетъ въ соборъ, позлащенные главы котораго сіяютъ на солнцѣ; изъ собора выходитъ множество народа среди нихъ и монахи и монашки; одна монашка подзываетъ ее и говорить: «вѣдь этотъ соборъ построень въ честь угодника Божія, который исцѣлилъ тебя отъ болѣзни». «Въ это время вижу выходитъ изъ собора архіерей въ полномъ святительномъ облаченіи и говорить мнѣ: «я исцѣлилъ тебя отъ болѣзни въ рукѣ, что не расскажешь объ этомъ настоятелю собора. Я давно служилъ здѣсь архіереемъ и старше его». Пробудившись, пятницу и субботу Курилова все думала: какому же настоятелю она должна рассказать о своемъ исцѣленіи. Какъ бы въ отвѣтъ на это она съ субботы на воскресенье, (а въ воскресенье день ея Ангела, и она говѣла и готовилась причаститься Св. Таинъ тѣла и крови Христовыхъ),—видитъ третій сонъ: она въ соборѣ и прикладывается (цѣлуетъ икону) къ чудотворной иконѣ Казанской Богоматери, стоящей въ придѣлѣ Ирк. Каѳедр. собора; и ви-

дять, — выходить изъ боковой двери алтаря архіерей, уже два раза ею во снѣ видѣнный, и говорить, указывая пальцемъ: «вотъ настоятель, которому я велѣлъ тебѣ рассказать объ исцѣленіи тебя!» «Я, замѣчаетъ рассказчица, оглянулась и вижу,—на срединѣ собора стоитъ высокопреосв. Веніаминъ съ хлѣбомъ въ рукахъ».

Подъ этимъ рассказомъ собственноручная приписка архіеп. Веніамина: «это рассказала мнѣ самому со слезами умиленія Марія Курилова и при этомъ показывала мнѣ на рукѣ ея рубецъ отъ раны, которою вышла изъ руки матерія. 10 мая 1884 г. Веніаминъ арх. Иркутскій». Сверху заявленія резолюція: «Въ каедральный соборъ. Приобщить къ подобнымъ. 10 мая 1884 г. В. А. И.».

Изъ с. Тулуни Ирк. губ. отъ 4 марта 1884 г. Канскій мѣщанинъ Григорій Викторов. Збѣровскій (вѣроятно ссыльный католикъ, полякъ) писалъ въ Ирк. каедр. соборъ, прилагая на свѣчу и за панихиду деньги,—слѣд.: «Въ мартѣ прошлаго года» (слѣдов. 1883 г.) «жена моя Анна Семеновна, родивши дочь Александру, лишилась чувствъ и не малое время была бездыханна,—(это можетъ засвидѣтельствовать повивальная бабка, Тулуновская крестьянка Парфенова). Я слышалъ ранѣе о нетлѣнныхъ мощахъ архіерея Софронія, покоющагося подъ спудомъ въ Ирк. каедр. соборѣ; теперь какъ бы свыше послана была мнѣ мысль обратиться къ нему за помощью. Не теряя надежды на промыслъ Божій, я обратился съ горячею молитвою къ нему, батюшкѣ Софронію, прося его явиться врачомъ моей жены, лишиться которой мнѣ съ 9-ю малолѣтними дѣтьми составить настоящее бѣдствіе, и обѣщалъ отслужить по немъ въ соборѣ панихиду, — за исцѣленіе жены моей.

«И что же? жена моя, вполне могу сказать,—воскресла изъ мертвыхъ! что и отношу къ чуду свят. Софронія. Исполняю теперь данный мной обѣтъ». Григорій В. Збѣровскій, Канскій мѣщанинъ».

Протоіерей Милій Чесфановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕПРАВДА РИМСКО-КАТОЛИКОВЪ ¹⁾.

Римско-католическая церковь ближе къ православной, чѣмъ лютеранская: въ ней совершаются всѣ св. таинства, какія существуютъ и въ православной; въ ней есть архіереи, священники и діаконы. Римско-католики почитаютъ Пресвятую Богородицу и Святыхъ, молятся за усопшихъ. Но отдѣлясь отъ восточной православной церкви, какъ истинно Христовой церкви, Римско-католики, руководимые папою, впали въ важныя заблужденія, противныя и слову Божію и преданію и установленіямъ святой вселенской православной церкви.

1) Такъ, латиняне вѣруютъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, и они читаютъ въ восьмомъ членѣ символа вѣры: *и въ Духа Святаго Господа Животворящаго, Иже отъ Отца и Сына исходящаго*. Но это вѣрованіе ихъ несправедливо. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца: *егда приидетъ Утѣшитель, Его же Азъ пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ отца исходитъ, той свидѣтельствуемъ о мнѣ* (Іоан. 15, 26). И въ словѣ Божіемъ нигдѣ не сказано, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына. Святые отцы на второмъ вселенскомъ Константинопольскомъ соборѣ постановили такъ: «и въ Духа Святаго Господа Животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго», какъ читаемъ и мы. И святые отцы слѣдующихъ вселенскихъ соборовъ постановили вѣровать такъ же, какъ и отцы пер-

¹⁾ Изъ бесѣды пастыря съ простыми людьми. *Бесѣда вторая.*

ваго и втораго вселенскихъ соборовъ, и они читали символъ вѣры безъ прибавленія слова «и Сына». Латиняне самовольно прибавили это слово въ символъ вѣры. Очевидно они неправы, и вѣрованіе ихъ, что Духъ Святыи исходитъ отъ Отца и Сына неправо.

2) Самое важное заблужденіе Римско-католиковъ то, что они своего Римскаго епископа или папу признаютъ главою всей вселенской церкви, властелиномъ надъ всѣми епископами въ мірѣ, намѣстникомъ Самого Христа; а въ 1870 году на Римскомъ соборѣ папа провозглашенъ даже непогрѣшимымъ въ дѣлахъ вѣры. Но изъ слова Божія мы знаемъ, что глава церкви есть Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ (Ефес. 5, 23) и никого изъ святыхъ апостоловъ Онъ не поставилъ ни главою церкви, ни своимъ намѣстникомъ, а общалъ съ апостолами и со всѣми вѣрующими пребыть всегда до скончанія вѣка (Мате. 28, 20). Никто изъ св. апостоловъ не былъ главою или начальникомъ надъ другими св. апостолами: всѣ они получили одинаковую благодать Божію въ видѣ огненныхъ языковъ, всѣ они проповѣдывали слово Божіе въ разныхъ странахъ независимо одинъ отъ другого и дѣла важныя рѣшали на соборахъ; таковы дѣла: избраніе семи діаконовъ (Дѣян. 6, 2—6) и рѣшеніе, что язычниковъ, обращающихся къ Христовой вѣрѣ, обрѣзывать не нужно (Дѣян. 15, 5—29). Правда, св. апостоль Петръ былъ первый изъ апостоловъ, но онъ не былъ ни главою, ни начальникомъ надъ другими апостолами, какъ первый ученикъ въ классѣ никогда не бываетъ главою или начальникомъ надъ другими учениками. Римскій епископъ или папа, какъ епископъ древнѣйшаго и знаменитѣйшаго города, столицы всемірной имперіи, всегда считался первымъ въ церкви епископомъ, но никакъ не главой, не начальникомъ надъ всѣми и восточными епископами. Въ каждой области епископъ главнаго города былъ первымъ епископомъ той области и назывался митрополитомъ или патріархомъ, и ему подчинены были епископы только одной области. На

вселенскихъ соборахъ предсѣдательствовали не папы, а другіе знаменитые въ свое время епископы, архіепископы, митрополиты или патріархи и ни на одномъ изъ нихъ и ни на какомъ изъ помѣстныхъ соборовъ въ нераздѣльной вселенской церкви не постановлено, чтобы Римскій епископъ или папа былъ главою или начальникомъ надъ всѣми епископами въ церкви. Ясно, какъ Божій день, что папа незаконно присволяетъ себѣ главенство въ церкви или начальство надъ всѣми епископами. Желаніе папы властвовать надъ всею и восточною церковью было причиною печальнаго раздѣленія церковей на восточную и западную. Возмутительно для христіанскаго чувства постановленіе Римскаго или Ватиканскаго собора 1870 года, признавшаго папу непогрѣшимымъ въ дѣлахъ вѣры. Да бывали папы еретики,—вотъ вамъ и непогрѣшимый папа! Церковь, основанная Спасителемъ, не будетъ одолена никакою ложью, даже вратами ада (Матѣ. 16, 18), церковь всегда будетъ свята и непорочна (Ефес. 5, 27), она есть столпъ и утвержденіе истины (1 Тим. 3, 15), вотъ гдѣ непогрѣшимость въ святой соборной и апостольской церкви, а не въ одномъ какомъ-либо епископѣ, хотя бы и самомъ вышемъ, не въ папѣ. Представителями св. церкви Христовой служили и служатъ вселенскіе соборы, и что постановили эти соборы о догматахъ вѣры, то свято и непогрѣσιμο.

3) Римско-католики не дозволяютъ переводить священное писаніе на другіе языки, кромѣ еврейскаго, греческаго и Римскаго или латинскаго, а богослуженіе ими отправляется только на латинскомъ языкѣ. Странное и несправедливое постановленіе. Святые апостолы, просвѣщенные Духомъ Святымъ и говорящіе на разныхъ языкахъ, въ какую страну ни приходили, учили св. вѣрѣ Христовой на понятномъ для жителей той страны языкѣ; на томъ же языкѣ совершали крещеніе увѣровавшихъ во Христа и литургію, за которою приобщали ихъ св. таинъ—тѣла и крови Христовой. Какъ же Римско-католики не-

поступаютъ по апостольски, какъ же они совершаютъ литургію и читаютъ слово Божіе на непонятномъ для вѣрующихъ языкѣ латинскомъ? Какая польза для слушающихъ св. литургію и непонимающихъ того, что имъ читаютъ и поютъ? Правда, у Римско-католиковъ есть книжки, объясняющія литургію; эти книжки они и читаютъ въ церкви; но въ этихъ книжкахъ нѣтъ самыхъ словъ, произносимыхъ священнослужителемъ; притомъ не всякій можетъ имѣть книжку, не всякій умѣетъ и читать. Есть Римско-католики, хорошо понимающіе латинскій языкъ и значить могущіе слушать литургію на понятномъ для нихъ языкѣ. Почему же лишать этого удобства и удовольствія всѣхъ непонимающихъ латинскаго языка? Никакого основанія нѣтъ тому. Ни въ словѣ Божіемъ, ни въ постановленіяхъ св. церкви нѣтъ и не могло быть запрещенія отправлять богослуженіе и литургію на понятномъ для всѣхъ вѣрующихъ языкѣ, и Римско-католики поступаютъ въ этомъ дѣлѣ несправедливо и обидно для непонимающихъ латинскаго языка; неправы Римско-католики и въ томъ, что не позволяютъ переводить священное писаніе на другіе языки, кромѣ еврейскаго, греческаго и латинскаго. Св. апостолы проповѣдывали слово Божіе и другимъ народамъ, кромѣ Евреевъ, Грековъ и Римлянъ: зачѣмъ же лишать ихъ чтенія писаній апостольскихъ? Нѣтъ въ тому никакого основанія и извиненія. Римско-католики приводятъ въ основаніе своему распоряженію то, что Пилать положилъ на крестѣ распятаго Спасителя надпись на еврейскомъ, греческомъ и римскомъ языкахъ. Вотъ кому слѣдуютъ Римско-католики — Пилату язычнику. А если бы Пилать сдѣлалъ надпись на крестѣ только на одномъ еврейскомъ языкѣ, то ужели бы и священное писаніе нужно было имѣть только на этомъ языкѣ, хотя бы св. апостолы написали свои писанія на греческомъ языкѣ. Видите ли, какъ несправедливо подражать Пилату. Очевидно, Римско-католики неправы, что запрещаютъ распространять слово Божіе на разныхъ языкахъ.

4) Въ Римско-католической церкви мірянъ въ таинствѣ причащенія не причащаютъ святой крови Христовой, а причащаютъ только однимъ тѣломъ Христовымъ, для чего для каждаго причастника готовятъ особый хлѣбецъ въ видѣ самой малой прѣсной лепешечки. Трудно понять, какъ это Римско-католики лишили мірянъ приобщенія святой крови Христовой. Самъ Спаситель сказалъ ко приходившимъ къ Нему Іудеямъ: «аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пиете крови Его, живота не имаете въ себѣ» (Іоан. 6, 53) и еще: «ядый Мою плоть, и пійай Мою кровь, имать животъ вѣчный» (ст. 54). На тайной вечери Спаситель, устанавливая таинство причащенія, о чашѣ съ святою кровію сказалъ: «пійте отъ нея вси» (Матѣ. 26, 27). Св. апостоль Павелъ пишетъ къ Коринѣянамъ: «да искушаетъ человекъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пиетъ: ядый бо и пійай недостоинъ, судъ себѣ ястъ и пиетъ не разсуждая тѣла Господня» (1 Коринѣ. 11, 28—29). Очевидно, Господь велѣлъ приобщаться тѣломъ и кровію всемъ вѣрующимъ въ Него, и св. апостолы приобщали тѣломъ и кровію Христовою всѣхъ и мірянъ. Такъ приобщались всѣ вѣрующіе во Христа и послѣ временъ апостольскихъ, такъ же приобщаемся и всѣ мы православные, какъ истинно вѣрующіе во Христа. Въ Римско-католической церкви причащаются тѣломъ и кровію Христовою только одни священнослужители и тѣмъ они хотятъ слишкомъ возвыситься надъ мірянами; но священнослужителямъ надобно возвышаться надъ мірянами своею святою жизнію, а не лишеніемъ мірянъ приобщенія святой животворящей крови Христовой. Въ Римско-католической церкви младенцевъ и отроковъ вовсе не причащаютъ, но ни въ словѣ Божіемъ, ни въ постановленіяхъ св. церкви нѣтъ запрещенія причащать незрелыхъ вѣрующихъ; и какъ младенцевъ удостоивали св. крещенія, такъ же удостоивали ихъ и другихъ таинствъ: миропомазанія и причащенія. Но такъ какъ младенцы не могутъ вкушать твердой пищи, то ихъ причащали и причащаютъ

только одною кровію Христовою, и тѣмъ удостоиваютъ ихъ соединенія съ Христомъ, источникомъ жизни вѣчной (Іоан. 6, 54). Какое великое благо получаютъ православныя дѣти; жаль дѣтей неправославныхъ. Въ Римско-католической церкви, таинство причащенія совершается на прѣсномъ хлѣбѣ, а не на вскисшемъ, какъ въ нашей православной церкви, и для каждаго причастника готовится особый хлѣбъ, а не всѣ причащаются отъ одного хлѣба, который разламывается или раздѣляется на столько частей, сколько причастниковъ, какъ у насъ. Гдѣ же совершается св. таинство причащенія вѣрнѣе? Въ нашей православной церкви или въ Римско-католической?— Несомнѣнно въ православной. На тайной вечери и Господь нашъ Иисусъ Христосъ взялъ хлѣбъ вскисшій, а не опрѣснокъ, благословилъ оный, разломилъ на части и, подавая апостоламъ, сказалъ: «примите, ядите, сіе есть тѣло Мое» (Матѣ. 26, 26). Видите ли, всѣ апостолы причастились отъ одного хлѣба, а не каждому изъ нихъ Господь подавалъ особый хлѣбъ. Такъ же отъ одного хлѣба и тоже вскисшаго, а не прѣснаго причащали вѣрующихъ во Христа и св. апостолы; такъ св. апостолъ Павелъ пишетъ: «единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози: вси бо отъ единого хлѣба причащаемся (1 Кор. 10, 17). Въ писаніяхъ апостольскихъ говорится, что св. апостолы въ первый день недѣли или въ воскресенье преломляли хлѣбъ, то-есть совершали таинство причащенія и, разламывая хлѣбъ, причащали отъ него всѣхъ вѣрующихъ (Дѣян. 20, 7). Во всѣхъ же мѣстахъ священнаго писанія, гдѣ говорится о хлѣбѣ, на которомъ совершалось таинство причащенія, хлѣбъ этотъ называется хлѣбомъ вскисшимъ и нигдѣ не называется прѣснымъ, или опрѣснокомъ. И въ церкви Христовой со временъ апостольскихъ до отдѣленія западной или Римско-католической церкви отъ восточной обычно таинство причащенія совершалось на одномъ хлѣбѣ, и хлѣбъ совершенномъ или вскисшемъ, а не на опрѣснокѣ и не на многихъ хлѣбахъ или опрѣснокахъ.

5) Римскіе епископы или папы выдавали и выдаютъ разрѣшительныя отъ грѣховъ грамоты. Эти грамоты выдаются не раскаявающимся предъ папою христіанамъ, а заочно за деньги или за особыя услуги Римской церкви. Выдуманы они папою, начавшимъ строить въ Римѣ огромнѣйшій въ свѣтѣ храмъ; папѣ потребовалось много денегъ, грамоты продавались монахами, развозившими ихъ по разнымъ странамъ запада. Выдавались грамоты, разрѣшающія не только грѣхи сдѣланные, но и будущіе,—на извѣстный срокъ—на годъ и болѣе, — были, говорятъ, грамоты, разрѣшающія грѣхи на всю жизнь.

Грѣши, христіанинъ, сколько хочешь, тебѣ все уже за-ранѣе прощено. Очевидно для каждого христіанина, какъ противны означенныя грамоты таинству покаянія; въ этомъ таинствѣ кающійся грѣшникъ получаетъ прощеніе не за деньги, а за свое искреннее раскаяніе во грѣхахъ и за вѣру во Христа, а не за услуги церкви. А то можетъ случиться, что великій грѣшникъ, но богатый, спутешествуетъ въ Римъ, поклонится папѣ, вложетъ въ его казну большую сумму денегъ, получить отъ папы разрѣшительную грамоту, и всѣ грѣхи его, въ которыхъ онъ и не подумалъ раскаяться, будутъ ему, будто бы, прощены. Это значить потакать грѣшнику, а не исправлять его.

Неправы папы, выдающіе разрѣшительныя отъ грѣховъ грамоты безъ предварительной исповѣди получающихъ эти грамоты христіанъ. Не знала и не знаетъ такихъ грамотъ православная восточная церковь; видно, что она истинная Христова церковь. Будь же, православный, преданъ своей святой церкви Христовой, охотно повинуйся ей, всѣмъ сердцемъ люби ее: повинующійся святой церкви повинуется Самому Христу (Лук. 10, 16).

6) Римско-католики вѣруютъ, что въ загробной жизни есть чистилище, въ которое идутъ всѣ души христіанъ по разлученіи ихъ съ тѣломъ. Тамъ онѣ страдаютъ за свои грѣхи и освобождаются отъ своихъ страданій въ чистилищѣ по молитвамъ за нихъ ихъ родныхъ и особенно

по молитвамъ священнослужителей, совершающихъ за умершихъ литургіи или обѣдни. Посему въ Римско-католическихъ церквахъ всегда бываетъ много престоловъ; алтарей у нихъ нѣтъ, и на этихъ престолахъ въ одно и то же время совершаются разными священнослужителями нѣсколько литургій, изъ которыхъ одна совершается громко, а другія—тихо, шопотомъ. Мы, православные, не вѣримъ, что въ загробной жизни есть чистилище; о существованіи такого чистилища не говоритъ намъ слово Божіе. Не упоминается объ этомъ чистилищѣ и въ постановленіяхъ святыхъ вселенскихъ соборовъ, поэтому намъ нѣтъ никакого основанія вѣрить существованіе его. Правда, и мы православные, молимся за умершихъ и приносимъ за нихъ безкровную жертву за литургіями, при томъ несомнѣнно вѣримъ, что милосердый Господь по нашимъ молитвамъ и по молитвамъ святой церкви ради безкровной жертвы даруетъ умершимъ свою милость и прощаетъ имъ грѣхи; но мы не вѣримъ въ чистилище, въ которомъ будто всѣ умершіе страдаютъ за свои грѣхи. За что будутъ страдать умершіе, искренно раскаявшіеся въ своихъ грѣхахъ и получившіе въ таинствѣ покаянія прощеніе въ нихъ? И тѣ умершіе, которые не успѣли по какимъ-либо обстоятельствамъ принести покаянія въ нѣкоторыхъ своихъ грѣхахъ, а не по упорству, могутъ освободиться отъ грѣховъ не страданіями въ какомъ-то чистилищѣ, а только по молитвамъ святой церкви. Самые упорные и нераскаянные грѣшники получаютъ полное возмездіе только послѣ всеобщаго воскресенія и страшнаго суда Христова, какъ говоритъ св. апостолъ: «да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла» (2 Кор. 5, 10).

7) Священники и діаконы въ Римско-католической церкви не имѣютъ женъ; самовластные папы желающихъ быть поставленными въ священника или діакона лишили права вступать въ бракъ.

Но это они сдѣлали вопреки постановленію шестого вселенскаго собора, который запретилъ имѣть женъ только

высшимъ священнослужителямъ — епископамъ, какъ уже болѣе пожилымъ и болѣе удаленнымъ отъ соблазновъ міра, чѣмъ священники и діаконы (правило 12); послѣднимъ же дозволилъ имѣть женъ, какъ и прежде было въ православной церкви. Женатые священники, живущіе въ мірѣ и постоянно обращающіеся не только съ мужчинами, но и съ женами и дѣвами, несравненно удобнѣе могутъ сохранить цѣломудріе, чѣмъ неженатые. Посему Римско-католическіе священники вмѣсто женъ часто имѣютъ женщинъ, занимающихся ихъ хозяйствомъ или хозяйекъ,—на что тамъ смотрятъ очень снисходительно. Но ужели священнику честнѣе имѣть наложницу, чѣмъ законную жену? Добрая жена можетъ много помогать своему мужу—священнику приходскому въ отправленіи имъ пастырскихъ обязанностей. Она можетъ въ отсутствіе мужа наставлять особенно прихожанокъ, утѣшать несчастныхъ, помогать бѣднымъ, посѣщать больныхъ. Нѣтъ, не добры установленія Римско-католической церкви — лишеніе священниковъ права имѣть законныхъ женъ, и не только не добры, а и противны постановленію вселенскаго собора. Видно она неистинная церковь Христова.

8) Римско-католики вѣрують въ непорочное зачатіе Пресвятой Дѣвы Маріи, вѣрують, что она зачата своими родителями Іоакимомъ и Анною безпорочно, родилась безъ первороднаго грѣха. Ученіе Римско-католической церкви о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи, — ученіе новое,—его не знала древняя церковь Христіанская. По этому ученію выходитъ, что Іоакимъ и Анна были люди безгрѣшные, чего допустить нельзя. Въ словѣ Божіемъ сказано, что въ первомъ человѣкѣ Адамѣ согрѣшившемъ согрѣшили всѣ его потомки,—всѣ люди согрѣшили,—всѣ до единого (Римл., 5, 12; пс. 52, 4.), исключенія для Іоакима и Анны нѣтъ. Въ постановленіяхъ святыхъ вселенскихъ соборовъ нѣтъ никакого указанія на то, что Пресвятая Дѣва Маріа зачата непорочно. Мы дѣву Марію признаемъ пресвятою, пречистою, преблагословенною,

славную владычицею нашею Богородицею и Приснодѣвою; признаемъ, что она во всю свою жизнь сохранила себя безъ грѣха и, по наитію Святого Духа зачѣная и родившая Сына Божія—Богочеловѣка, стала честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ; такъ мы и прославляемъ ее, но не признаемъ ея непорочнаго зачатія ¹⁾.

9) Въ Римско-католической церкви есть нѣсколько монашескихъ обществъ или орденовъ. Каждое изъ этихъ обществъ имѣетъ свой уставъ и свое назначеніе. Самый замѣчательный и нетерпимый въ благоустроенномъ государствѣ орденъ—это орденъ іезуитовъ. Орденъ этотъ позоръ для Римско-католической церкви. Хитрость, лесть, обманъ, ложь для іезуитовъ не пороки, а добродѣтели, если только дѣло касается блага Римско-католической церкви или папы; мало этого, для блага церкви дозволяются іезуитами и другія беззаконія, даже убійства, напримѣръ, еретиковъ или враговъ папы. Такъ какъ орденъ іезуитовъ руководствуется безнравственными правилами и явно вреденъ для благоустроеннаго государства, то іезуиты изгнаны изъ Россіи, Англіи, нѣкоторыхъ странъ Германіи и даже изъ Франціи, наибольшее число жителей которой принадлежитъ къ Римско-католической церкви. Даже нѣкоторые папы воспрещали орденъ іезуитовъ, но другіе папы вновь возстановляли его. Іезуиты самые усердные и самые сильные защитники власти и достоинства папы. Безъ всякаго сомнѣнія, только при помощи іезуитовъ, при ихъ хитрости, лести, обманѣ и другихъ разныхъ средствахъ удалось имъ склонить на Римскомъ соборѣ епископовъ признать непогрѣшимость папы; безъ іезуитовъ непогрѣшимость папы, какъ вопію-

¹⁾ О І. Христѣ, зачатомъ пресвятой дѣвой Маріей наитіемъ св. Духа, сказано въ словѣ Божіемъ, что Онъ „искушенъ былъ во всячески, кромѣ грѣха“ (Евреямъ. IV, 15), но о безпорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи нигдѣ въ словѣ Божіемъ не говорится.

щая несправедливость, безъ сомнѣнія, была бы соборомъ епископовъ отвергнута. Такіе поборники власти папъ, безъ сомнѣнія, не могутъ быть неугодными въ Римѣ, и ихъ услуги не только не отвергають папы, но награждаютъ щедро. Мало того, на нихъ смотрять не только какъ на защитниковъ и поборниковъ папъ, но какъ на защитниковъ и поборниковъ самой вѣры христіанской. Удивительное ослѣпленіе! Ужели святая вѣра Христова для своей защиты, укрѣпленія и распространенія нуждается въ лести, обманѣ, лжи и другихъ преступныхъ дѣваніяхъ? Никогда! Святые апостолы и ихъ преемники, богомудрые пастыри и учителя церковные, руководимые словомъ Божиимъ, гнушались лжи и обмана и другихъ беззаконій, а проповѣдывали одну святую истину и святость вѣры Христовой подтверждали своею добродѣтельною, богоугодною жизнью. Ложь отъ діавола, онъ отецъ лжи, и всякій лжець служить врагу Божию діаволу (Іоан. 8, 44), а не Христу Спасителю нашему, Который есть «*путь, истина и животъ*» (Іоан. 14, 6). Забываютъ это іезуиты, забываютъ и папы.

Видите, православные, сколько недобраго и противнаго слову Божию и постановленіямъ святой вселенской и апостольской церкви въ Римско-католической церкви. Поэтому удаляйтесь ея ученія и не слушайте тѣхъ, которые восхваляютъ эту церковь и ея установленія. Особенно удаляйтесь Римско-католическихъ ксензовъ и учителей, хулящихъ нашу святую церковь и называющихъ ее раскольническою или схизматическою. Римско-католическая церковь отпала отъ восточной — единой истинной церкви Христовой и впала въ многія заблужденія, какъ мы видѣли. А наша святая православная церковь, какъ столпъ и утвержденіе истины (1 Тимое. 3, 15), свято держится слова Божія и постановленій вселенской церкви, и только въ ней мы найдемъ истинное ученіе, обильную благодать Божию и вѣчное спасеніе.

Протоіерей Іоаннъ Постъловъ.

Священникъ с. Кокорюкина А. А. Михайловскій.¹⁾

(Некрологъ).

6-го іюля въ 12 час. дня тихо скончался священникъ с. Кокорюкина Галич. у. Александръ Алексѣевичъ Михайловскій. Почившій по окончаніи курса д. семинаріи болѣе сорока лѣтъ состоялъ иподіакономъ. Любили Костромскіе святители своего вѣрнаго служака. Архіепископъ Платонъ, епископы — Игнатій, Веніаминъ, Виссаріонъ оказывали ему особое вниманіе и довѣріе; при последнемъ почившій награжденъ былъ орденомъ Анны 3-й ст.

Много и скорбей пришлось понести Александру Алексѣевичу отъ злыхъ людей за свой прямой, открытый характеръ, особенно во время преосв. Августина, но и тотъ при прощаніи сказалъ: «благодарю васъ, о. Александръ, за вѣрную службу. Архіереямъ служили, имъ и служите». Въ Ипатіевскомъ монастырѣ Александръ Алексѣевичъ часто служилъ за протодіакона, исполнялъ въ

¹⁾ Съ удовольствіемъ даемъ мѣсто некрологу маленькаго, но въ своемъ родѣ весьма замѣчательнаго,—какъ видно изъ настоящей замѣтки,—человѣка (между прочимъ, онъ долгое время вѣрой и правдой служилъ покойному Преосвященному Виссаріону и заслужилъ отъ него самую высокую похвалу). Достоинно сожалѣнія, что мѣстныя епархіальныя вѣдомости, къ истинному огорченію родственниковъ, были поставлены въ невозможность напечатать помѣщаемыя нами строки, хотя они были уже набраны и сверстаны.

разное время должность смотрителя свѣчнаго завода, казначея монастыря и другія архіерейскія порученія.

Почившій страдалъ вѣсколько лѣтъ ревматизмомъ правой ноги, но никогда не уклонялся отъ службъ церковныхъ и съ великимъ терпѣніемъ выставлялъ все архіерейскія служенія. Особенно тяготился о. Александръ должностію казначея монастыря. Старость, слабость здоровья, жизнь въ монастырѣ въ своемъ домѣ — причины отказаться самыя уважительныя, но не смѣлъ онъ огорчить своего любимаго святителя—преосвящ. Виссаріона. «Радъ бы отказаться, да какъ откажешься, когда преосвященный просить?!» говорилъ о. Александръ на убѣжденія родныхъ отказаться отъ всякихъ порученій по монастырю. Несмотря на порядочное положеніе, почившій жилъ въ бѣдности, даже на леченіе себѣ онъ занималъ у своихъ родственниковъ.

На первыхъ годахъ своей службы о. Александръ овдовѣлъ, остался младенецъ—сынъ. Для облегченія сего креста почившій все свои средства, всю свою жизнь употреблялъ на воспитаніе сына и другихъ многочисленныхъ родственниковъ. Пять его воспитанниковъ священниками, трое получили образованіе въ академіи и вѣсколько воспитанницъ состоятъ учительницами. Строгъ былъ о. Александръ къ своимъ питомцамъ. Его не только боялись, но слушались и любили. Рѣдкій изъ насъ, племянниковъ семинаристовъ, бывало, пройдетъ прямо въ комнату дяди. Сначала пройдешь въ кухню, посидишь тамъ, а потомъ уже къ нему, чай пить. Боялись не только спорить, но и сказать лишнее слово, какъ бы не разстроить. Спросить, бывало, объ успѣхахъ, что трудно изъ наукъ, дать добрый совѣтъ и наказъ, какъ вести себя. Съ своей нуждой мы шли къ нему смѣло, знали, что не откажетъ. Одежда или обувь потребуется, на книги ли, на дорогу ли—дастъ и не спроситъ объ отдачѣ. А сколько разъ ходатайствовалъ за сиротъ! Всякій сирота для почившаго

былъ родной человекъ. Когда не можеть помочь материально, добрый совѣтъ дать.

Не любилъ почившій говорить о своихъ скорбяхъ, всѣ скорби слагалъ въ сердце своею, даже о предсмертной болѣзни онъ не сообщалъ своему сыну почти до самой смерти.

Вотъ что писалъ мнѣ о. Александръ по вступленіи своемъ на должность священника с. Кокорюкина: «По неблагопріятнымъ для меня обстоятельствамъ я вынужденнымъ нашелся, несмотря ни на что, оставить, послѣ 42-лѣтней службы, свой домъ и г. Кострому и внучать и удалиться чуть-чуть только не въ монастырскую пустыню, а въ мірскую. Оставшись на закатѣ дней своихъ совершенно одинокимъ, безъ утѣшеній и радостей семейныхъ, которыя смягчаютъ скорби старости, я поникъ убѣленною отъ лѣтъ головою предъ великостію постигшаго меня злополучія (но злополучія ли? не заблуждаюсь ли? не грѣшу ли? не прогнѣваю ли Господа своимъ сѣтованіемъ?); но душою я вполне вѣрился волѣ міродержавнаго Промысла и рѣшился въ благочестивыхъ упованіяхъ христіанина искать себѣ помощи и утѣшенія, готовясь къ таинственному сну смерти. Находя единственное утѣшеніе въ скорби приметаться въ дому Господнемъ, по скудости и крайней бѣдности церкви, рѣдко нахожу возможнымъ пребывать тамъ и не могу вполне сдѣлать болѣе доступнымъ для себя источникъ утѣшенія. И что же дѣлать? Ищу и обращаюсь къ посторонней помощи!.. Неужели меня такъ всѣ скоро забыли? Впрочемъ нынѣ, по большей части такъ и бываетъ... Жду отъ тебя искренняго, откровеннаго, добраго слова—утѣшительнаго и успокоительнаго... Въ церковной библіотекѣ nihil... читать нечего»... Всего два года о. Александръ прожилъ въ селѣ Кокорюкинѣ, но оставилъ о себѣ у всѣхъ самыя добрыя воспоминанія. Послѣ праздника Пасхи почившій серьезно заболѣлъ, и у него развился ракъ желудка. Въ Духовъ день послалъ телеграмму сыну: «поспѣши, слабѣю». По пріѣздѣ сына сказалъ ему:

«вези меня къ себѣ, мнѣ хочется умереть у тебя». Собрались ближайшіе священники, совершили надъ больнымъ таинство елеосвященія, причастили св. таинъ и проводили въ дальній путь, въ с. Каргино Макара у.

Съ великимъ трудомъ о. Александръ добрался до с. Каргина и здѣсь, чрезъ три недѣли, окруженный своими воспитанниками—внучатами, какъ свѣча догорѣлъ на рукахъ своего безутѣшно скорбящаго сына вдоваго священника, имѣющаго большое семейство. 9 іюля при храмѣ с. Каргина почившій былъ погребенъ родственниками и знакомыми священниками.

Миръ тебѣ, труженникъ добрый и неустанный работникъ. Живя у тебя и видя твою усердную молитву дома, твою любовь ко храму, твое милосердіе къ сиротамъ, твою доброту ко всѣмъ, твои воспитанники и сами стараются подражать тебѣ!

Съ помощію Божіею восемнадцать лѣтъ я тружусь на нивѣ Божіей и всегда имѣлъ тебя какъ образецъ христіанской жизни.

Твой благодарный воспитанникъ и непрестанный богомолецъ въ Лаврѣ преподобнаго Сергія, инспекторъ училища иконописанія,

Иеромонахъ Іонафанъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Передъ церковнымъ соборомъ.

I.

Всероссійскій духовный соборъ приближается. Какіе онъ дастъ результаты—это пока тайна времени, хотя въ скептикахъ уже нѣтъ недостатка, и растетъ все ихъ число, и голоса ихъ отдаются съ газетныхъ и журнальныхъ страницъ. Мы не станемъ кружиться со своими гаданіями вокругъ строящагося зданія всероссійскаго церковнаго собора, а только отмѣтимъ урожай религіозно-философскаго творчества. И все продолжается дѣятельность издательствъ; очевидно, религіозная мысль не дремлетъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что бодрствованію ея способствуетъ между прочимъ и близость соборнаго открытія.

Книжный рынокъ непрерывно пополняется книгами и брошюрами. Однѣ изъ нихъ ставятъ своей задачей, такъ сказать, задержать процессъ развитія ортодоксально-христіанскаго міровоззрѣнія, въ вершинѣ угла котораго Христосъ Богъ; задача же другихъ авторовъ есть христіанизация русской жизни. Ясно, какъ эта задача близка къ задачамъ грядущаго собора, почему на литературѣ второго рода мы и остановимся. Въ цѣломъ она охватываетъ общегосударственное бытіе и отвѣчаетъ на вопросъ: «что дѣлать»? въ различныхъ областяхъ политики, какъ внутренней, такъ, разумѣется, и внешней.

Передъ нами довольно-значительная предсоборная литература, которая въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ разсматривается такъ: епископъ Евдокимъ, Н. Заозерскій, архіеп. Іаковъ, Н. Д. Кузнецовъ, проф. А. П. Лебедевъ, И. М. Лихницкій и С. В. Троицкій.

Епископъ Евдокимъ является сторонникомъ возстанов-

ленія патріаршества, въ которомъ совмѣстно съ царскою властью досточтимый авторъ видитъ «двѣ великія, могучія, живыя, зиждущія силы, эти два великихъ строителя русской земли, два центра народно-церковной жизни, эти какъ-бы двѣ совѣсти и какъ-бы два разума народные, эти какъ бы два ока, смотрящія въ глубь и ширь земли и въ высь небесъ, обнимающія собою всю совокупность земно-небесныхъ человѣческихъ отношеній» ¹⁾. Изъ приводимаго тутъ же письма царя Алексѣя Михайловича къ патріарху Никону выясняется ихъ взаимное уваженіе и какъ бы опора одной власти другою. Ни превосходства, ни давленія съ одной какой-либо стороны, но царская власть вѣнчаетъ патріаршую и, наоборотъ, равноцѣнная патріархова власть вѣнчаетъ царскую. О томъ, съ какимъ почтеніемъ «Тишайшій» относился къ патріарху, можно судить и изъ записокъ архидіакона Павла Алеппскаго, сопровождавшаго въ 1656 г. антиохійскаго патріарха Маркарія въ Россію: «Дьяконъ митрополита Миры, сосланный въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, гдѣ онъ пребывалъ въ полномъ довольствѣ,—не знаемъ, въ чемъ онъ провинился и за что патріархъ Никонъ запретилъ ему служить...—явился къ царю, поклонился ему земно и просилъ дать ему разрѣшеніе служить обѣдню на другой день. Но царь отказалъ ему и отвѣтилъ: «Боюсь, что патріархъ Никонъ отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возьми его и паси моихъ монаховъ и священниковъ; я не прекословлю твоей власти надъ вельможами и народомъ, зачѣмъ же ты мнѣ ставишь препятствія по отношенію къ монахамъ и священникамъ?» (Переводъ проф. Г. А. Муркоса). Подобно еп. Евдокиму, почтенный проф. Н. А. Заозерскій—за патріаршество. Въ своемъ основательномъ трудѣ «Основныя начала желательнаго для русской церкви учрежденія патріаршества» (Св.-Троицкая Сергіева лавра. 1906 г.) онъ разбирается въ сущности патріаршей власти, въ томъ, въ какихъ рамкахъ она должна заключиться, и въ чемъ должно выразиться церковное новостроительство. По мысли проф. Заозерскаго, находящей себѣ отраженіе въ до-петровскихъ эпохахъ, патріархъ есть «отецъ-отцовъ», высшая ступень церковно-іерархической лѣстницы. Патріаршество

¹⁾ Епископъ Евдокимъ. „Царь и патріархъ“. (Къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній). 1906.

въ административномъ отношеніи—соборъ. На помѣстномъ соборѣ патріархъ долженъ предсѣдательствовать, а членами собора являются: епископы или уполномоченныя ими лица, монахи, клиръ и міряне. Нарисовавъ широкую картину російскаго патріархата, авторъ отнимаетъ главную силу власти и вліянія у синодальныхъ оберъ-прокурора и его товарища.

Собственно говоря, умалить власть и вліяніе оберъ-прокурора было всегдашнимъ стремленіемъ Синода, которое, смотря по времени, то разгоралось, то тлѣло, какъ искорка. Оно и понятно, ибо, стирая патріаршество и создавая взамѣнъ синодъ, Петръ Великій включилъ въ обязанность оберъ-прокурора присмотрѣть за дѣйствіями синодальнаго присутствія и, eo ipso, доносъ на дѣйствія этого послѣдняго. Трудно сказать, когда, въ теченіе всего синодальнаго періода, существовала гармоническая связь между правящимъ духовенствомъ и ревизоромъ. Обыкновенно между ними велась вражда, то глухая, то болѣе открытая. Двѣ противоположныя силы старались сломить одна другую, и если, напримѣръ, въ наше время, еще недавно, духовенствомъ руководилъ оберъ-прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ, то при Александрѣ Благословенномъ духовенство повергло оберъ-прокурора кн. А. Н. Голицына, который былъ немножко военный, немножко вольтерьянецъ, немножко мистикъ, и либераль, и мракобѣсъ, и въ большой мѣрѣ заурядность.

— Сочиненіе архіеп. Іакова «Ожидаемый соборъ всероссійской церкви 1906 года и предметъ его занятій» (Ярославль. 1906) служитъ, какъ видно изъ заглавія, освѣщеніемъ грядущихъ соборныхъ дѣйствій. Досточтимый архипастырь захватываетъ цѣпь самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ жизнью болѣе двухъ вѣковъ назадъ (наприм., постановленія собора 1667 г.) и другихъ, болѣе позднихъ, но все же «вѣчныхъ», и главное—не разрѣшенных по сіе время. По убѣжденію архіеп. Іакова, мірянамъ должно принадлежать право совѣщательнаго голоса на ожидаемомъ соборѣ, задачами котораго прежде всего остаются: реформа церковнаго суда и реформа духовно-учебныхъ заведеній. Указавши широкіе пути для строителей «царствія Божія» на Руси, авторъ вслѣдъ затѣмъ указываетъ и на наличность церковно-судебной дряхлости и грѣховности, видя спасеніе для церковнаго судопроизвод-

ства въ сближеніи его съ судебными уставами 1864 г. А что касается школьной реформы, то опять - таки исходъ въ сближеніи духовныхъ училищъ съ курсомъ 6-и 7-классныхъ гимназій, такъ, чтобы въ концѣ-концовъ, для питомцевъ ихъ были открыты двери высшихъ учебныхъ заведеній. Взамѣнъ нынѣшнихъ (шестиклассныхъ) семинарій пусть явятся трехклассныя пастырскія училища съ общежитіями и квартирами для учащихся при нихъ.

Энергичныя и гуманныя предложенія архіеп. Іакова—это вѣдь продолженіе или повтореніе того, о чемъ ратовали въ свое время и Іосифъ Горленко, и Дамаскинъ-Рудневъ, рисовавшій мрачными красками воспитаніе—вообще и семинарское—въ частности, и Амвросій Подобѣдовъ, и еще многіе, многіе представители нашей церкви. Ихъ отдѣляетъ отъ насъ цѣлый рядъ десятилѣтній и эпохъ. Ихъ твердые, убѣжденные голоса, какъ набатъ, раздавались въ темную ночь безвременья и будили только отчасти, если можно такъ сказать, на пол-дѣла, а не на цѣлое дѣло. И вотъ налицо урожай отъ посѣвовъ, умчавшихся въ историческую даль эпохъ. Тѣмъ жгучѣе, тѣмъ больнѣе хочется, чтобы хотя теперь были услышаны голоса, вопли и честныя предложенія единомышленниковъ Рудневыхъ, Подобѣдовыхъ и др., и надъ русскою церковью и жизнью взошло по-истинѣ Христово солнце!

— Н. Д. Кузнецовъ, безызвѣстный писатель-мірянинъ, видитъ необходимость въ томъ, чтобы въ дѣлахъ церковныхъ народъ принималъ активное участіе; искренній и почтенный авторъ «Преобразованій въ русской церкви» и «Церкви, духовенства и общества» отдаетъ представителямъ духовенства и мірянамъ на соборъ подобающія имъ почетныя мѣста; вообще—онъ за утверженіе соборности въ русской церкви. Свидѣтельствуя нарастаніе власти атеистическаго по существу своему социализма на Западѣ, Н. Д. Кузнецовъ замѣчаетъ то же самое и у насъ, при чемъ удачно отбѣиваетъ если не пропасть, то изгородь, отдѣляющую народъ отъ духовенства. Никакого углубленія въ религію. Сумма религіозныхъ интересовъ сведась къ минимуму. Ни критики, ни борьбы, за совластіе. Отношеніе къ патріаршеству со стороны г. Кузнецова отрицательное. Это,—съ его точки зрѣнія,—только ростъ іерархіи въ высоту. И какой еще патріархъ,—обладаніе величайшей властью, при извѣстныхъ наклонностяхъ,

можетъ только послужить на пользу безотрадному для вѣрующнхъ клерикализму! Таковъ остовъ разсужденій этого писателя.

Въ этихъ разсужденіяхъ, на мой взглядъ, чувствуется примѣненіе славянофильской доктрины въ переносѣ ея съ политической подкладки на церковную; въ самомъ дѣлѣ, К. Аксаковъ писалъ: «отношеніе земли и государства, народа и правительства,—взаимная довѣренность—были основою ихъ отношеній... Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа... Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы...» Н. Д. Кузнецовъ желаетъ этого же отечественной церкви во имя ея разцвѣта.

Что касается патріаршества и отрицательнаго взгляда на него г. Кузнецова, то, само-собою понятно, относительно всякаго человѣческаго установленія можно найти достаточно аргументовъ, какъ про, такъ и contra. Предоставляя самимъ читателямъ дѣлать выводы, припомнимъ только, что судьба святѣйшаго синода трепетала въ рукахъ вліятельныхъ паредворцевъ еще черезъ какія-нибудь 25 лѣтъ своего существованія. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ паденія князя Меншикова (1727 г.), Георгій Дашковъ, архіепископъ ростовскій и вице-президентъ синода, «уже такъ близко былъ къ патріаршеству, что никакого сомнѣтельства къ возведенію его на престолъ не оставалось». (Ө. Прокоповичъ). Что же помѣшало? Тоже паденіе, но теперь уже князей Долгорукихъ...

— Уважаемый ученый, проф. А. П. Лебедевъ хорошо извѣстенъ читателямъ *Душепол. Чтенія* своими взглядами на участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ съ древнихъ временъ. «Объ участіи мірянъ на соборахъ» (М. 1906 г.),—каковой его трудъ лежитъ передъ нами, — профессоръ высказывается опять-таки въ знакомомъ намъ смыслѣ. Мы читаемъ, что на древнихъ соборахъ, гдѣ слабо представлялся мірской элементъ, зато торжественно импонировали власть и слово епископовъ, отцовъ. Они властно заявляли, они требовали. На первомъ нашемъ соборѣ было-бы лучше, — по мнѣнію проф. Лебедева, — ограничиться епископами и пресвитерами, причемъ вторымъ отдаются совѣщательные голоса. Впослѣдствіи же можно будетъ привлекать на помѣстные соборы и мірянъ,—это уже какъ рѣшать отцы духовные!—на первомъ соборѣ...

Нечего говорить, что подобный взглядъ врядъ ли можетъ встрѣтить сочувствія въ мірской средѣ и долженъ вызвать обоснованныя возраженія. Намъ кажется, что запереть двери соборнаго присутствія отъ мірянъ не слѣдуетъ уже потому, что въ теченіе цѣлаго девятнадцатаго вѣка именно міряне и подвизались горячо и ревностно въ области религіознаго мышленія. Они ли давали задремать религіозной мысли? Если позволительно называть эпохи мгновеніями въ жизни народа, то сколько-же такихъ мгновеній насчитывается въ минувшемъ вѣкѣ! Вдумайтесь-ка: «Философское письмо» Чаадаева въ «Телескопѣ» и самъ П. Я. Чаадаевъ, про котораго православный А. С. Хомяковъ замѣтилъ, что онъ «въ сгущающемся сумракѣ того времени не давалъ потухать лампадѣ», — развѣ это не эпоха? А названный Хомяковъ, Аксаковы, Ю. Самаринъ, Кирѣевскіе и вообще славянофилы — тоже не эпоха? Гоголь, Достоевскій, Л. Толстой, Влад. Соловьевъ, Кирѣевъ, Розановъ, Глубоковскій, Голубинскій, кн. С. Трубецкой, очень мало извѣстный, но выдающійся Н. Ѳ. Ѳедоровъ, съ его «Философіей общаго дѣла», и многіе другіе, — вѣдь это все міряне, чьихъ трудовъ не вырубишь топоромъ забвенія. Право же, и на первомъ помѣстномъ соборѣ голосъ мірянина, проф. А. П. Лебедева, — такъ же не оказался-бы лишнимъ, какъ и на послѣдующихъ, ибо нельзя не согласиться съ маститымъ А. А. Кирѣевымъ, что «не составляетъ церкви одинъ, хотя бы первѣйшій изъ епископовъ, потому что Христосъ далъ свои полномочія не кому-либо отдѣльно, ни даже всему епископату, а исключительно всей Своей церкви; а что такое вся церковь? Это собраніе всѣхъ правовѣрующихъ дѣтей Христа, отъ мала до велика, отъ первѣйшаго изъ епископовъ до послѣдняго темнаго человѣка, еле знающаго молитву Господню, но все же крещенаго человѣка».

— И. М. Лихницкій далъ «Освященный соборъ въ Москвѣ въ XVI—XVII вѣкахъ». (Спб. 1906). Среди подобныхъ работъ сочиненіе г. Лихницкаго должно занять видное мѣсто, какъ обстоятельно нарисованная картина изъ прошлой жизни родной земли, и является вмѣстѣ съ тѣмъ нужнымъ дополненіемъ къ обзорѣваемымъ нами произведеніямъ. Оно изображаетъ планъ и послѣдовательный ходъ занятій на былыхъ соборахъ. Здѣсь мы видимъ не только служителей алтаря, но и представителей боярской думы, и даже самого царя съ наслѣдникомъ престола. Важно

отмѣтить, что епископы не ранѣе являлись на соборъ, т.-е. оставляли паству, чѣмъ запасались «извѣстительной» грамотой. Это характерно и для того, и для нашего времени, когда «политика» иногда заѣдаетъ духовенство, такъ что оно отрывается отъ своихъ прямыхъ обязанностей, связанныхъ съ саномъ и вытекающихъ изъ него ¹⁾.

Мѣстомъ для соборовъ встарину была Москва, и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—патріаршая палата или Успенскій соборъ.

Книжка г. Лихницкаго заслуживаетъ, какъ и всѣ лежащія передъ нами, полного вниманія.

— «Церковный соборъ и міряне». (Спб. 1906). Это написано талантливою рукою С. В. Троицкаго. И что же? петербургское изданіе выступаетъ какъ противовѣсъ московскому: проф. А. П. Лебедевъ повѣствуетъ о слабости мірскаго элемента на древнѣйшихъ соборахъ, а С. В. Троицкій свидѣтельствуетъ какъ разъ противоположное. Міряне-де и въ тѣ времена много значили. Узелъ недоумѣнія развязывается при чтеніи исторіи. Совершенно вѣрно: въ древности участіе мірянъ на соборахъ (не всѣхъ) развивалось широко, но никогда власть ихъ голосовъ не поднималась до власти голосовъ отцовъ духовныхъ. Правы, по своему, оба историка.

Отъ работъ отдѣльныхъ авторовъ переходимъ къ сборникамъ и брошюрамъ, но о нихъ въ слѣдующій разъ.

Павелъ Россіевъ.

¹⁾ Безпристрастіе не позволяетъ умолчать о томъ, что политика, какъ „планомѣрная совокупность дѣйствій власти, направленная на внутреннюю жизнь и на внѣшнія отношенія націи“,—такая политика, богатая внутренней красотой и правдивымъ значеніемъ, не миновала келій ни святителя Алексѣя, ни Филиппа, ни Сергія Радонежскаго, не говоря уже о Филаретѣ Шикитчѣ и о его современникахъ архипастыряхъ, но какъ же и далека та политика отъ „политики“ многихъ изъ теперешнихъ духовныхъ отцовъ, смотрящихъ на нее съ точки зрѣнія карьеры и успѣха у толпы!

Отвѣтъ рецензенту.

Въ № 33 *Моск. Церк. Вѣдомостей* за текущей годъ помѣщена рецензія г. И. Г—аго на мою книгу: «Духовныя дарованія въ первоначальной христіанской Церкви». Рецензентъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приписываетъ мнѣ явно ни съ чѣмъ несообразныя вещи. Такъ, онъ говоритъ о моей книгѣ: «это сочиненіе *палліативнаго* характера». Недоумѣваю: подѣ словами «палліативъ», «палліативный» мы вѣдь привыкли разумѣть нѣкоторыя лѣкарства, облегчающія болѣзни, но не излѣчивающія ихъ вполне. Какъ эти слова могутъ относиться къ какой-либо книгѣ, въ томъ числѣ и къ моей, и что я долженъ былъ предпринять, чтобы придать своей книгѣ не-палліативный характеръ, это мнѣ совершенно неизвѣстно. Уразумѣніе дѣйствительнаго смысла греческаго слова «пневма» у ап. Павла, повидимому, совершенно не по силамъ рецензенту, и ему лучше было бы не компрометировать ни себя, ни редакцію *Церк. Вѣдомостей* своими разсужденіями объ этомъ предметѣ. Рецензентъ упрекаетъ меня въ томъ, что я неправильно перевожу выраженіе *οὐκ ἀσχημονεῖ* (1 Кор. 13, 5) словами: «не совершаетъ ничего безобразнаго» (русск. перев. «не безчинствуетъ», принятый и мною), и думаетъ, что нужно переводить: «не знаетъ безобразія», или, еще лучше «не судить безобразно (неприлично)». Рекомендую г. рецензенту, для рѣшенія интересующаго его вопроса, обратиться къ греческому словарю хотя бы Вейсмана, гдѣ указанное слово (безъ отрицанія) передается такъ: «безобразничать, поступать непристойно» и «терпѣть непристойное». Разумѣется, по поводу этихъ замѣчаній, рецензентъ опять, вѣроятно, будетъ обвинять меня въ «фетишизмѣ», такъ какъ, по его мнѣнію, буква для меня «фетишъ», и ей будто бы я «принесъ въ жертву смыслъ религіозный и психологическій». При этомъ мой «буквализмъ» связанъ, по мнѣнію рецензента, «съ психологическою близорукостію» (моею, конечно). Я, естественно, желалъ бы всегда обладать «психологическою» не «близорукостію», а «дальнозоркостію» (какіе, подумаешь, дальнозоркіе Вундты процвѣтаютъ у насъ теперь на страницахъ *Московскихъ Церковныхъ Вѣ-*

домостей!»); но, скажу откровенно, если бы я обладалъ даже и полною «психологическою дальноркостью», то и при этомъ все таки не отказывался бы по временамъ заглядывать хотя бы въ словарь Вейсмана. Совѣтую тоже дѣлать и рецензенту. Иначе онъ рискуеть походить на тѣхъ извѣстныхъ «господь», которые, однажды увидѣвъ на полкѣ въ шкапу «Сводъ законовъ», тотчасъ же начинаютъ считать себя «юристами»... Для рѣшенія же вопроса о томъ, существовали ли въ древности словари и грамматики, осмѣливаюсь предложить г. рецензенту предварительно рѣшить слѣдующую извѣстную дѣтскую загадку: что прежде сдѣлано, вѣщи или молотокъ? Когда онъ удовлетворительно разрѣшитъ ее, то я могу предложить ему и другую: что прежде появилось, греческій, напр., языкъ, или же греческіе словари и грамматики? Если, не соглашаясь со мною, рецензентъ скажетъ: греческіе словари и грамматики, а самого греческаго языка не было, то я спрошу его, о чемъ же въ этихъ словаряхъ и грамматикахъ было писано? Если онъ, паче чаянія, согласится со мною и скажетъ, что сначала появился греческій языкъ, а потомъ греческіе словари и грамматики, то я предложу ему такой вопросъ: какимъ же образомъ языкъ безъ словарей и грамматикъ можно было изучать?.. Неужели рецензенту неизвѣстно, что на свѣтѣ долгое время, до самаго начала минувшаго столѣтія, существовалъ одинъ весьма древній языкъ, котораго никто понимать не могъ, а потомъ (въ XIX вѣкѣ) для этого языка составлены были грамматики и, словари и все дѣло приведено было въ такую ясность, которая, можетъ быть, и во снѣ не снилась даже самимъ древнимъ мудрецамъ. Если бы вмѣсто того, чтобы навязывать мнѣ какіе-то «логическіе круги», рецензентъ просто обозначилъ точное время появленія греческихъ словарей и грамматикъ, то я былъ бы ему очень благодаренъ, и тогда можно было бы повести съ нимъ и сколько-нибудь серьезный споръ.

Свящ. М. Оувейскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Сентябрьскій номеръ журнала выходитъ съ опозданіемъ и въ нѣсколько уменьшенномъ размѣрѣ по причинѣ задержки въ типографіи. Редакція извиняется въ этомъ предъ подписчиками.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО *).

25 февр. Ъздилъ поздравить Е. В—ну, ибо день ея рожденія, привезъ ей образокъ: Софіи и дочерей ея и вручая сказалъ: «Премудрость Божія да продолжаетъ созиданіе дома души вашей посредствомъ Вѣры, Надежды и Любви». Она не ожидала, чтобы я пріѣхалъ, и была очень рада. Сегодня ей 83 года; но живость юношеская. Вечеромъ былъ докладъ. Владыка пожаловалъ дополненіе къ запискѣ о томъ, что монастырямъ не слѣдуетъ участвовать въ земскихъ учрежденіяхъ, м. пр. потому, что въ 1764 они заплатили за свое будущее существованіе изрядные налоги, а если ихъ земли не будутъ обложены, то не за чѣмъ и депутатовъ отъ монастырей посылать.

26. Сегодня поминовеніе по королевѣ нидерландской Аннѣ Павловнѣ. Послѣ литургіи я выходилъ совершить панихиду. Будучи ректоромъ Виѣ. семинаріи, я обѣдалъ у королевы, въ лаврѣ, и былъ ею обласканъ. Она говорила, что духовенству и церкви обязана тѣмъ, что русскіе въ Россіи помнятъ ее; помню, какъ владыка, сидя подлѣ нея за столомъ, разсматривалъ браслетъ на ея рукѣ, съ именемъ сраженій, въ которыхъ участвовалъ ея покойный супругъ, и владыка при этомъ держалъ ея руку.

*) Продолженіе. См. сентябрьскую кн. *Душепол. Читенія* 1907 г.
часть II.

Она очень величаво, нѣсколько театрално, держала себя, и была тронута пріемомъ, сдѣланвымъ ей. Будучи во флотѣ я принадлежалъ къ той эскадрѣ, которая по Балтійскому морю и Финскому заливу конвоировала ея сына, но котораго—не помню.

Отъ 7 до 11 продолжалось засѣданіе тюремнаго комитета. Владыка предложилъ ходатайствовать, чтобы число директоровъ было неопредѣленное; ему замѣтили, что не охотно на это согласятся въ П. Б., такъ какъ тамъ нѣкоторые члены послужили ко вреду. Владыка сказалъ: «Петербургскій комитетъ боленъ, а Московскому даетъ лѣкарство». Всѣ значительно улыбнулись. Владыка дѣлаетъ тутъ же замѣчанія на неисправности, требуетъ отвѣта на неясности и приводитъ насъ въ порядокъ; между прочимъ замѣтилъ: «Здѣсь мы судимъ о людяхъ болѣе по нравственному убѣжденію, нежели по формальностямъ закона».

27. Пріѣзжаетъ ко мнѣ незнакомое лицо, Александръ Ив. Поливановъ, предводитель богородскій, разворачиваетъ довольно большой листъ, на которомъ крупно напечатано мое слово къ дворянству и въ верхней части средняго изъ трехъ столбцовъ мой портретъ. Онъ сдѣлалъ это для своихъ пріятелей дворянъ, сообразно общему желанію, но не хочетъ раздать прежде, нежели не будетъ на это мое согласіе. Я просилъ дать мнѣ время доложить владыкѣ. Поливановъ говоритъ: «это лучшее зеркало для насъ при нашихъ дѣйствіяхъ въ земскихъ учрежденіяхъ». Господь, молитвами Богородицы и предстателей монаховъ, со мною недостойнымъ дивное устрояетъ.

Мартъ 1 (повед.). Память по матушкѣ Владыки. Я служилъ въ церкви Пятницкаго владыка литургію преждеосвященныхъ, со мною архим. (ректоръ), два протоіерея и пять іереевъ (облаченіе черное, од. черное кашемиро-

вое, звѣзда и влад. крестъ, панагія въ стальной оправѣ). Послѣ панихиды литію пѣли въ холодной церкви, другую на могилѣ матушки, третью на могилѣ Анны Ксенофоновны, которой тѣло вчера опущено въ могилу. Былъ обѣдъ въ домѣ іерея съ литією и чашею. Когда былъ я московскимъ ректоромъ, ежегодно съ Владыкою служилъ на пятницкомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ викаріемъ, ни разу: или самъ владыка служилъ, или не допускалъ меня, по скромности. Въ прошломъ году пр. Можайскій выпросился служить, а я сказалъ: «я сколько разъ прошу—меня владыка, не допускаетъ, а пр. Савва лишь попросится, ему благословлять». Поэтому нынѣ и мнѣ благословлено. Намъ утѣшительно думать, что мы дѣти Владыки, родные всему, что ему родственно, а мнѣ и то утѣшно, что подлѣ могила матушки. Во вторникъ владыка сказалъ намъ: «Анна Ксенофоновна у порога вѣчности. Уже и надежды нѣтъ». Мы изъявили сожалѣніе. Владыка съ чувствомъ вспомнилъ ея привязанность къ его матушкѣ. Въ четвергъ она скончалась. Въ субботу служилъ я въ домѣ панихиду, отпѣвалъ ее въ воскресенье пр. Савва; пр. Никаноръ провожалъ ее до кладбища. Я прямо поѣхалъ къ владыкѣ. Онъ тоже служилъ дома. Уже было 3 часа. Я поблагодарилъ, а онъ меня. Говорили о проектѣ велик. княгини, которая прислала мнѣ съ Сухотинымъ почтеніе и просила его, чтобы онъ *согрѣлъ* меня къ допущенію свѣтскихъ лицъ въ комитетъ по дѣлу призрѣнія бѣдныхъ учениковъ. Владыка находитъ что у дитяти будетъ 7 нянекъ и хочетъ на меня возложить дѣло, которому я сочувствую только въ принципѣ. О проповѣди съ портретомъ сказалъ: «пусть какъ хотятъ».

2. Вечеръ и ночь провелъ у меня сенаторъ баронъ Цеймернъ. Онъ говоритъ о судебной реформы, что это сонъ человѣка въ горячкѣ. Нѣмецъ по отцу и по привычкамъ дѣтства, православный по крещенію, онъ ближе къ пасторамъ нежели къ намъ, но молится по-русски,

учится у нѣмцевъ, въ нашей церкви говѣть, а по нѣмецкимъ книгамъ заботится о душѣ. Онъ управляетъ выкупнымъ учрежденіемъ, ссудною и сохранною казною умно, дѣятельно, честно и не даромъ даны ему брилліанты на Александровскомъ орденѣ. Едва уѣхалъ сенаторъ, какъ записка отъ Владыки: «Ваше преосвященство убѣдительно зоветъ ко мнѣ сегодня утромъ въ одиннадцать часовъ дѣло, которое не хочетъ отсрочки».

2 марта 1865.

Ф. М. М...

Меня, архим. Іакова и прот. Ключарева призвалъ владыка по дѣлу о вспоможеніи бѣднымъ ученикамъ. Я объяснилъ владыкѣ: А. Н. Стрекалова по порученію великой княгини занялась этимъ дѣломъ частно, какъ дѣломъ общественной благотворительности, и представила свой проектъ на усмотрѣніе владыки. Владыка сначала давалъ его на просмотръ ректору семинаріи, потомъ мнѣ, передъ Рождествомъ. Я пригласилъ ректора, арх. Іакова, инспектора училищъ Невскаго и Хрущова, секретарствующаго у Стрекаловой по нѣкоторымъ дѣламъ. Послѣ двухъ засѣданій просили мы Хрущова составить какъ бы журналъ засѣданій. Онъ обѣщалъ. Не сдѣлалъ этого въ праздники, потомъ былъ нездоровъ, потомъ уѣхалъ въ Тулу и наконецъ я узналъ, что проектъ имъ составленный отосланъ къ великой княгинѣ. На первой недѣлѣ Хрущовъ говѣлъ; мнѣ не хотѣлось смущать его и себя этимъ объясненіемъ, потомъ онъ ко мнѣ не показывался, и наконецъ пріѣзжаетъ ко мнѣ Стрекалова съ чиновникомъ отъ великой княгини, которая думаетъ, что проектъ написанъ сообразно съ убѣжденіями владыки. Мнѣ жалко, что не доверился мнѣнію Симоновскаго архимандрита на счетъ необходимости этого добраго человѣка, взявъ во вниманіе его поступокъ съ моимъ братомъ: онъ предложилъ ему искать у попечителя мѣста директора окружнаго, брать

просилъ попечителя и нѣкоторые почтенные люди, а Хрущовъ въ то же время сталъ просить этого мѣста для себя. Но это мѣсто и не откроется. Объясненіе было претяжкое для меня. Великодушіе мое къ Хрущову привело въ затрудненіе всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ и особенно владыку. Рѣшено, чтобы предложить великой княгинѣ, чтобы разсмотрѣніемъ проекта занялся комитетъ, который онъ предполагаетъ по этому случаю устроить. Владыка сказалъ: «когда высокія лица вмѣшиваются въ смиренныя дѣла; то изъ смиренныхъ дѣлъ вырастаютъ высокія препятствія». — Я провелъ время до третьяго часа у сестры Ек. В—ны. — Барон. Е. С. Д—ръ пріѣзжала проститься: ѣдетъ въ С.-Петербургъ. Она много говорила о болѣзни покойнаго мужа, и описаніе было раздирающее. Отъ А. Н., письмо писанное рукою Сережи. Библіотекаръ великой княгини долго у меня сидѣлъ, говорили о разныхъ царскихъ дѣлахъ. Хотятъ статей для иностранныхъ журналовъ, которые знакомили бы иностранцевъ съ нашею церковію. Но какъ ихъ помѣщать тамъ: если подкупомъ, то это недостойно русскаго имени, и кто будетъ вѣрить подкупнымъ журналамъ?

3. Вчера сорокъ дней съ кончины княгини Анны П—ны. но служить нельзя было. Сегодня я служилъ литургію и панихиду.

Я вскрылъ конвертъ, данный мнѣ княгинею предъ смертію: тамъ 1000 руб. — Это деньги трехъ моихъ сестеръ. Вечеромъ былъ докладъ, такъ какъ вчера у владыки собирався комитетъ по дѣламъ о расколѣ. — Читана рѣчь арх. Порфирія предъ его хиротоніей. Упомянуто о его самоотверженной службѣ въ теченіе 35 лѣтъ. Много сказано о характерѣ епископства, но не правда, будто охранять догматы легче, нежели благотворить посильною нравственною и вещественною помощію.

Не за богадѣльню, а за догматы страдалъ Василій В.,

а также за догматы страдали и прочіе іерархи. Страдать за общественное благо, какъ Филиппъ, удѣль немногихъ. Не ораторомъ и написано; не то, что рѣчь Іоанна, которую неприлично было произнести передъ Синодомъ, которая была великолѣпна на академической кафедрѣ въ 50 юбилей академіи духовной.

4 (четвергъ). Въ 11 часовъ призывалъ меня владыка и читалъ уже готовую, но еще не переписанную, записку для великой княгини. Многословіе и ораторство Ключарева ему не понравилось. И справедливо: владыкина записка кратка, ясна, практична. — «Научите насъ писать такъ, и мы не будемъ огорчать васъ своею неисправностію». — Владыка улыбнулся и сказалъ, указывая на тетрадь: «это короче и кажется яснѣе» (т.-е. проекта Ключарева). У него глаза болятъ, и онъ диктовалъ записку отъ 9 до 11 вечера зажмурившись. Сидитъ же онъ лицомъ къ свѣту, окна высокія, шторы зеленыя, но онѣ подняты, а въ окна видны сады, отдаленныя строенія, и все это покрыто снѣгомъ, на которомъ играетъ мартовское полуденное солнце. Я сказалъ о шторахъ; владыка (потомъ) велѣлъ ихъ спустить; о докторѣ, но онъ возражилъ, что докторъ не дозволить ни читать, ни писать, а это невозможно; получилъ глазную боль оттого, что усиливался читать мелкій шрифтъ газетъ: что-то нужное напечатать. — Отъ владыки завѣзжалъ къ гражданскому губернатору, чтобы говорить съ старушкой княгиней; но не удалось, а съ княземъ говорили о комитетѣ, объ улучшеніи быта духовенства; онъ думаетъ, что этотъ вопросъ надо возложить на рѣшеніе попечительствамъ о церквахъ; но я отъ этого прока большаго не ожидаю.

5. Я получилъ отъ владыки и передалъ Евген. Сем. Ессакову записку владыки для великой княгини.

6. У Ек. В. Шереметевой обѣдалъ: я сейчасъ напишу Е. С.: пусть она завидуетъ, говорить добрейшая старика.—Молодой гр. Шереметьевъ пишетъ, что кн. Барятинскій (командиръ кавалергардовъ) принялъ его особенно ласково, пригласилъ на пикникъ: въ 11 ч. ночи въ большихъ саняхъ тройками все общество отправилось въ Новую деревню, въ Старую деревню, почти до Лахты и возвратились на Каменный островъ къ ужину. Это новая сѣть дѣвольская для образованнаго класса: ночная загородная прогулка въ саняхъ мужчинъ съ женщинами. У князя есть невѣста, дочь... По вызову ѣздилъ ко владыкѣ. Онъ читалъ мнѣ записку противъ устройства часовни въ память Бородинской битвы, чего такъ хочется С. А. Маслову, хочется потому что надобно Бородинской игуменнѣ отплатить за угощеніе.

7. Литургію служилъ пр. Порфирій, еп. Чигиринскій. Послѣ благодарственныхъ молитвъ и отпуста я пошелъ къ нему съ просфорою на блюдахъ и сказалъ: очень радъ, что привѣтствую высокопр. хлѣбомъ отъ трапезы Господней.—Онъ ѣздилъ въ часъ ко владыкѣ, а въ 2 онъ и пр. Савва у меня обѣдали. Удивляется, что владыка по малому отрывку изъ бесѣдъ патр. Фотія вѣрно судить о немъ, какъ писателѣ, называя его слогъ искусственнымъ. Владыка говорилъ, что онъ не узналъ Фотія въ его слогѣ.—Вечеромъ я былъ у владыки. Нѣсколько раскольническаго духовенства изъявили желаніе, чтобы владыка принялъ ихъ въ православную Церковь, съ тѣмъ чтобы санъ снять, а признать ихъ только монахами. Затрудненіе въ томъ: нѣкоторые изъ нихъ отлучены за худое поведеніе, другіе австрійскіе подданные; куда ихъ помѣстить, чѣмъ содержать, кому поручить?—Вечеръ кончилъ въ бесѣдѣ съ пр. Порфиріемъ. Онъ уроженецъ Костромы, магистръ Петербургской академіи съ 1831 г., профессоръ Ришельевскаго лицея, начальникъ Іерусалимской миссіи;

былъ въ Палестинѣ, Египтѣ, Царьградѣ, Аевонѣ, Италиі, въ 1858 г. вторично ѣздилъ на Востокъ, написалъ нѣсколько сочиненій, разсмотрѣлъ до 1000 рукописей греческихъ, съ 1862 года духовникъ вел. кн. Е. П—ны; онъ очень любитъ устройство греческой церкви. По его словамъ, тамъ церковь почти во всякой христіанской деревнѣ и при ней іерей, избранный приходомъ, пожилой, устроившій семейство, зажиточный. Ему отъ каждаго дома 50 к. въ годъ. У него училище, грамотны всѣ, ибо знаютъ, что грамота пригодится между прочимъ и къ тому, чтобы погодиться въ священники. Дьяконовъ и причетниковъ нѣтъ. Дьяконы, иподіаконы, чтецы только при архіереяхъ. Архіереи избираются соборомъ архіереевъ безъ всякаго участія мірянъ. Весьма рѣдко сынъ священника бываетъ священникомъ же. Пр. Порфирій говоритъ, что этотъ способъ есть единственный для устройства быта духовенства. Его планъ: сдѣлать въ Россіи 600 епископовъ, 60 митрополитовъ и 16 экзарховъ, далѣе которыхъ и не восходили бы дѣла; въ штаты этихъ епископовъ опредѣлить наличныхъ кандидатовъ во священство и объявить, что семейство лицъ духовныхъ не принадлежать къ духовному сословію, ибо правила вселенскаго собора прямо говорятъ, чтобы не было духовнаго сословія. Валугевъ сказалъ ему, что и пальцемъ не двинетъ въ пользу духовенства: оно стоитъ въ ложномъ положеніи, пусть какъ знаетъ, такъ и выходитъ изъ него.

9. Служилъ преждеосвященную литургію. Вечеръ провелъ въ докладѣ. Пр. Порфирій ночевалъ въ Лаврѣ и возвратился въ 4 часа, въ *веселии духовномъ*, отъ дружжелюбнаго приѣма. Странное впечатлѣніе на него произвело 17 л. заграничное пребываніе и житье вродѣ житія свѣтскаго ученаго въ Невской лаврѣ зимою, и въ Ораненбаумскомъ дворцѣ великой княгини лѣтомъ. «Долго ли вы пробудите въ лаврѣ?» спрашиваю его.—«Нѣтъ, мнѣ некогда *тамъ забавляться!*» — Когда будете вы въ соборахъ?—

«Я чту вашихъ Сергія и Алексія».—Заѣдете въ Чудовъ, также и въ Успенскій?—«Нѣтъ, я прежде былъ: *не имѣю никакой надобности*».

10. Среда крестопоклонная. Послѣ литургіи, на минуту принялъ кн. Черкасскую и кн. Щербатову, супругу головы; одѣваясь, чтобы съ пр. Порфиріемъ ѣхать въ 2 часа къ пр. Саввѣ обѣдать, слышу что А. Н. съ своими ожидаетъ меня внизу, чтобы принять благословеніе. Я велѣлъ просить. Одѣлся, выхожу въ гостинную и вижу три семейства: Рюмины, Симанскіе и Беркутъ; я сказалъ каждому нѣсколько словъ и пошелъ: внизу старушка Макарова также ждала меня. О какая нужна чистота, чтобы принимать такое усердіе людей и давать имъ благословеніе *помогающее!* Вечеръ кончилъ съ пр. Порфиріемъ, который около 2 часовъ провелъ у владыки, получилъ отъ него четки и изумленъ его любознательностію: разговоръ былъ историческій, филологическій, философскій, политическій и т. д.

12. Я служилъ дома (черн. обл.). Былъ у меня Ник. Ник. Муравьевъ. Онъ посѣтилъ и пр. Порфирія, котораго рассказы очень заняли его. Докладъ до девяти. Остальную часть вечера провелъ съ пр. Порфиріемъ. Еще пламеннѣе стало желаніе мое быть въ Палестинѣ, послѣ разговоровъ съ нимъ.

13. Послѣ литургіи пр. Порфирій уѣхалъ: подъ тарантасъ поддѣланы сани, ибо далѣе Гомеля нельзя ѣхать по зимнему, а ближе нельзя по лѣтнему.

14. Служилъ въ Чудовѣ. Иеромонахъ Алексій предъ раздробленіемъ св. агнца упалъ отъ дурноты, однако опра-

вился, умылся и приобщился св. Тайнъ. Заходилъ въ келліи владыки пить чай. Послѣ вечерни былъ по вызову у владыки и просидѣлъ отъ 5½ до девяти, ибо владыка не успѣлъ окончить порученіе къ гражданскому губернатору о награждаемыхъ отъ тюремнаго комитета, какъ пріѣхалъ Евг. П. Новиковъ. Говорили о восточныхъ дѣлахъ и очень интересно. Затѣмъ я заѣзжалъ къ кн. Оболенскому. Единовѣрецъ трактирщикъ Коломенскій написалъ и черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ подалъ съ деревни адресъ Государю, съ выраженіемъ преданности по случаю, что дворяне недоброе замышляютъ противъ Царя, какъ сказано въ рескриптѣ.

15. Ровно годъ какъ возобновилъ я привычку юныхъ лѣтъ записывать, что помню изъ протекшаго дня. Цѣлый день занимался дѣлами и просителями. Уже 6-й часъ, мнѣ такъ хорошо, день такой солнечный; велѣлъ заложить сани, сталъ одѣваться, оправилъ хитонъ, стянувъ его поясомъ, подошелъ къ зеркалу, чтобы причесать волосы, и вдругъ сжалось сердце, и потекли слезы, самъ не знаю отъ чего; и хорошо мнѣ отъ Бога, и худо мнѣ отъ грѣховъ моихъ. Господи, пощади!

16. Послѣ *часовъ* была у меня А. Н. Бахметева, привезла мнѣ дорогой давно ожидаемый подарокъ: Житія святыхъ, по моему совѣту, безъ пропусковъ дней, и на каждый день года; привезла еще изъ газеты американской извѣстіе, что Агапій, іеродіаконъ нашей Аѳинской миссіи, удаленный отъ мѣста, бросившійся съ досады къ Искандеру, принявшій потомъ турецкое подданство и отъ греческой іерархіи степень священства, съ антиминсомъ и св. мѣромъ прибывшій въ Нью-Йоркъ, совершилъ литургію къ общему удовольствію американцевъ въ церкви Св. Троицы. Итакъ, Петербургъ затянулъ дѣло и теперь къ нашему стыду бѣлый діаконъ служить представителемъ

нашей церкви въ Америкѣ, предъ народомъ такъ искренно простирающимъ къ намъ руки. Вечеромъ докладъ. Владыка вышелъ съ книжкою *Полт. Вѣд.* въ рукахъ, сказалъ: «вы мнѣ иногда говорили, что я пишу длинныя резолюціи: хочу дать вамъ случай къ размышленію, не опасно ли дѣйствительно писать длинныя резолюціи», и далъ прочесть въ *Полт. Вѣд.* двѣ многоглагольныя резолюціи пр. Іоанна; когда онѣ прочитаны, онъ улыбнулся и бросилъ подъ столъ книжку. — Владыка намѣрелъ послать въ Синодъ замѣчанія о пустотѣ и кривыхъ толкахъ духовной журналистики. О Голохвостовѣ онъ сказалъ: «былъ онъ у меня: это не только ораторъ, но человѣкъ способный, знающій, съ упорствомъ и надеждою на себя». О картицѣ Овербека Покаяніе, что гр. Орловъ-Давыдовъ пожертвовалъ музею (по прочтеніи описанія картины): думаю, что это фантазія. Когда казаки отбили у французовъ серебро, похищенное въ Москвѣ и принесли его же въ Москву и въ Петербургъ на видъ Государю, то академикъ какой-то составилъ проектъ: на серебр., уже бывшей, рѣшеткѣ, отдѣляющей возвышеніе, поставить четырехъ серебрянныхъ евангелистовъ; и написалъ толстую тетрадь въ поясненіе своихъ аллегорій. «Апостолы должны имѣть антическія формы и сильныя движенія—ибо Россія въ 12 году была въ сильномъ напряженіи» и проч. Архитекторъ, строитель Казанскаго собора (отпущен. изъ крѣпостныхъ графа Строганова) отклонилъ дѣло, сказавъ, что дабы понятна была мысль, надобно тутъ и тетрадь положить и каждому читать.

Часть и 40 мин. читалъ великій канонъ, вся утренняя шла 2½ часа. Налой былъ поставленъ на облачальный амвонъ. Я выходилъ изъ царскихъ вратъ въ мантии и съ посохомъ, свѣщу попеременно держали стихарные, когда пѣли ирмосы, я садился и такимъ образомъ болѣзненные ноги мои были сохранены. Въ *Моск. Вѣд.* (среда 17 м. № 59) рѣчь Линкольна при вступленіи во второе 4-лѣтіе президентства, съ глубокимъ религіознымъ отпечаткомъ...

«Если есть воля Божія на то, чтобы война продолжалась до тѣхъ поръ, пока погибнуть всѣ богатства, накопленныя 250-лѣтнимъ рабскимъ трудомъ, пока за каждую каплю крови, извлеченную бичемъ рабовладѣльца, уплачено будетъ другою, извлеченною мечемъ, то и тогда должно сказать, какъ сказано 3000 лѣтъ тому назадъ, что велѣнія Господи вполне правосудны». — Онъ не хочетъ осуждать Южанъ, ибо сказано: не судите, да не судими будете. Повторяетъ текстъ: Горе міру отъ соблазна и до конца. Говоритъ, что рабство до нѣкотораго времени, можетъ быть, входило въ божественныя предначертанія, но теперь провидѣніе желаетъ его уничтоженія. Еще: «каждая изъ нихъ (враждующихъ сторонъ) читаетъ одну и ту же Библию, молится одному и тому же Богу. Каждая призываетъ Его на помощь противъ другой. Страннымъ можетъ показаться, что помощь Божія призывается для лишенія одного класса людей куска хлѣба, который они зарабатываютъ въ потъ лица своего; но не будемъ осуждать, да не судими будемъ». — М. Н. Катковъ, говоря о необходимости образованія, заключаетъ: «теперь ни для кого уже не тайна, что въ этихъ (земскихъ) учрежденіяхъ, значеніе образованныхъ классовъ находится въ зависимости отъ классовъ необразованныхъ. Не ясное ли дѣло, что для спасенія общества отъ грозныхъ послѣдствій такого преобладанія надобно всѣми силами содѣйствовать тому, чтобы образованіе какъ можно болѣе распространялось между низшими классами». — Далѣе говоритъ о бѣдствіяхъ въ будущемъ, если не станемъ работать надъ нравственнымъ и умственнымъ возвышеніемъ класса, получающаго у насъ огромную политическую силу. — Въ 59 № онъ говоритъ, что наша исторія не много намъ дала, но много насъ уберегла, и хвалитъ народъ за умеренность въ земскихъ выборахъ; но также говоритъ, что крестьяне не только освобождены отъ помѣщиковъ, но имъ дана власть надъ помѣщиками, которая будетъ усиливаться, и могутъ явиться демагоги...

Докладъ былъ продолжителенъ, я возвратился въ 10½, и легъ въ первомъ.

19. Послѣ литургіи ѣздилъ поздравить именинницъ Дарью Ив. Сушкову и Д. А—вну Шипову, которая была при смерти; но елеосвященіе возстановило ея силы: ее въ креслахъ возять. Ихъ домовая церковь во имя Благовѣщенія очень хороша. Онѣ съ влажными глазами благодарили меня за содѣйствіе къ устроению церкви. За самую заботу о сельскихъ ихъ церквахъ и духовенствѣ имъ слѣдуетъ оказывать всякое вниманіе. Не только строить и передѣлываютъ и украшаютъ церкви; но и обстраиваютъ дома причта, содержатъ дѣтей причта въ училищахъ, даютъ дочерямъ приданое. Къ ночи очень заболѣла лѣвая нога, тою болѣзнію (опухоль у сухожилья).

20. Масло ногѣ не помогло, а помогли молитвы владыки, ибо по его родительницѣ на Пятницкомъ кладбищѣ я долженъ былъ служить. Служилъ литургію (ставл., обл. фіол., од. черная шелк.), обѣдалъ въ кругу родныхъ владыки. Возвратился около 3 часовъ. Я молился о Стрекаловой и Хрущовѣ, которые перестали меня посѣщать, какъ я думалъ по гнѣву на меня, и они пріѣхали нынѣ.

Набросалъ на бумагу рѣчь къ обществу русскихъ врачей.

Послѣ вечерни повѣхалъ я ко владыкѣ. Рѣчь онъ выслушалъ, сказалъ: *хорошо* и велѣлъ дать напечатать. Къ слову пришлось ему сказать: на матеріяхъ и на коврахъ пр. Иннокентій Камчатскій нашелъ изображеніе четырехъ-конечныхъ крестовъ и предложилъ разжаловать четырехъ-конечный крестъ, лишить его званія креста, а принять осмиконечный. «Я опровергъ это предложеніе. Онъ отвѣтилъ: вы меня не поняли». Съ 7½ до 11 у пр. Можайскаго Н. В. Сушковъ читалъ записки свои о жизни владыки.

22. В. С. Толстой сказалъ: «Бажановъ бывъ спрошенъ Адлербергомъ, когда праздновать день восшествія на престолъ Г. Императора, сказалъ: въ субботу; Адлербергъ телеграфировалъ Берху: празднуйте въ субботу; Берхъ передалъ это преосв. Иоанникію; но преосвященный возразилъ, что надо праздновать въ воскресенье; Берхъ телеграфируетъ Адлербергу, Адлербергъ сообщаетъ и Бажанову и оберъ-прокурору. Оберъ-прокуроръ митрополиту Новгородскому; митрополитъ отвѣчаетъ, что надо праздновать въ воскресенье, что сносились уже съ митрополитомъ Московскимъ и сдѣланы общія распоряженія; Бажановъ проситъ, чтобы его не ставили въ неловкое положеніе предъ Государемъ и праздновали въ субботу. По всему этому оберъ-прокуроръ разсчиталъ, что надо спросить Государя всеподданѣйшимъ докладомъ. Это великое дѣло рѣшалось уже въ четвергъ и пятницу первой седмицы.—Дѣло православія въ Ливоніи такъ встревожило Г. Императора, что посланы были викаріи для разузнанія на мѣстѣ и для успокоенія народонаселенія православнаго, которое уже вышло изъ терпѣнія и готово возвратиться въ лютеранство, чтобы не терпѣть гоненія. Открылся сеймъ въ Лифляндіи съ аристократической основой: это очень огорчило владыку. «Раздеруть Россію на клочки», сказалъ онъ печально. «И это въ то время, когда русскому дворянству связали руки и закалываютъ».

Съ 7 до 10 былъ съ пр. Можайскимъ у Сушкова, слушали чтеніе его записокъ.

25. Къ великому общему утѣшенію владыка служилъ въ Чудовѣ, въ Благовѣщенской церкви, и я съ нимъ (облаченіе бѣлое лучшее, фіолетовая одежда).

Ел. Серг. сожалѣла, что Ек. В—на занемогла; посидѣвъ немного въ гостинной, я перешелъ въ комнаты Ек. В—ны. Въ своей тѣсной спальнѣ, передъ кіотомъ съ иконою, въ постелѣ, но въ платьѣ лежало это маленькое существо. Она отдыхала послѣ продолжительной исповѣди и приоб-

щенія. Указала, что больно въ груди, у плеча, что я едва у нея не съѣхался съ кн. Д. А. Г—ной, что она болитъ отъ излишняго употребленія масла въ пищу. Когда она сказала: «теперь я буду спать», я понялъ, что ей трудно, помолился о ней, далъ ей поцѣловать панагію, перекрестилъ ее нѣсколько разъ и ушелъ. Прочиталъ дома слово владыки на Благовѣщеніе (Матерь Божія спасеть его за превосходныя хвалы Ей отъ него).

Въ 8 часовъ завѣзжалъ я къ больной к. Е. П. Урусовой. Шестъ лѣтъ прикованная болѣзнію къ одру молодая особа. Въ прежній разъ она мнѣ сказала: «не могу еще благодарить Бога, а могу не роптать, ибо знаю бѣдную, которая больше меня страдаетъ». Нынче сказала: «если бы мнѣ сказали: ты выздоровѣешь, но съ тѣмъ вмѣстѣ въ семьѣ вашей пропадетъ любовь и миръ; то я сказала бы прямо: лучше отказаться отъ выздоровленія, нежели потерять миръ и любовь». Она лежитъ въ постели, свѣтъ закрыть, такъ что я не видалъ ея лица, съ часъ проговоривъ съ ней. Она все проситъ, чтобы быть ей овцой на паствѣ овецъ Иисуса Христа, какія я говорилъ въ проповѣди на субб. 1 седмицы, и это она читала. Освятившись Евхаристіей, порадовавшись на владыку, укрьпивши тѣло пищею и духъ любовію родныхъ, я возвратился домой здоровый.

26. Когда у меня отслужили утреню, доложено что Ек. В. Шереметева, соборовалась, выслушала отходный канонъ. Прочитавъ правила, я поѣхалъ: уже служили панихиду. Она лежитъ на постели, какъ я вчера ее оставилъ. Я благословилъ ее панагіей и рукою и поѣхалъ въ Арх. соборъ: 40 день по королевѣ Индерландской Аннѣ Павловнѣ.

Съ 7 до 10¼ продолжалось засѣданіе тюремнаго комитета, дѣйствіямъ котораго Владыка такъ недоволенъ, что высказалъ мнѣ и пр. Можайскому намѣреніе отказаться

отъ него, ибо молодые дѣтели горячатся, а порядкомъ дѣло сдѣлать не умѣютъ, путають такъ поручаемыя имъ дѣла, что и не разберешь.

27. Снодобился служить литургію дома (обл. ф., од. чер. шелк.). Послѣ въ часъ совершалъ панихиду надъ гробомъ усопшей. Она спитъ тихо въ сереб. гробѣ, вся въ цвѣтахъ, которыя такъ любила при жизни. Собраніе было весьма большое. Всѣ родные изъ Москвы и изъ Петербурга съѣхались; всѣ глубоко чувствуютъ потерю. Бар. Ел. Сергѣевна особенно поражена. Я читалъ правила послѣ малой вечерни, выходилъ на литію и на величаніе; раздавалъ ваи и самъ дѣлалъ отпустъ. Послѣ этого я послалъ, какъ всегда, къ гр. А. Георг. Толстой благословенный хлѣбъ и другой хлѣбъ съ вербами и письмомъ къ Ел. Сергѣевнѣ. Въ письмѣ прошу, чтобы она вручила часть вѣтвей Ек. В-нѣ, а другую оставила себѣ на память этихъ дней.

28. Служилъ въ Чудовѣ. Сначала волновался, ибо тамъ все не празднично: церковь закоптѣлая, сукно на солеѣ зеленое порыжѣло, обито воскомъ, ковры ветхіе, облаченіе кромѣ двухъ ризъ изъ малиновыхъ обратилось въ рыжее. Но потомъ смирился: благо мнѣ, что исполняю чужую волю, служа въ Чудовѣ, и за то, при причащеніи, когда умилительно пѣлъ ликъ ирмосы: открышася источники бездны, то слезы такъ и полились изъ глазъ. Закуска въ келліяхъ Владыки. — Какъ бывало при жизни Ек. В-ны, къ ней и нынѣ поѣхалъ я изъ Чудова пить кофе, въ фіолетовой одеждѣ, въ лентѣ, ибо *не умерла двѣница, но спитъ*. Ел. Сер., которая утромъ прислала мнѣ трогательный отвѣтъ на вчерашнее письмо, съ глубокимъ чувствомъ бросилась цѣловать мою руку грѣшную; всѣ родные окружили меня и Сережа (графъ) только что изъ Петербурга прибывшій,—потерянный, слезящій, съ дорож-

ною сумкою черезъ плечо. «Тебѣ въ словахъ и примѣрѣ усопшая дала довольно хлѣба для питанія на всю твою жизнь», сказалъ я графу молодому, вручая ему просфору. Другую я положилъ во гробъ и, прочитавъ псаломъ и молитву «Боже духовъ», отдалъ ее Ел. Сергѣевнѣ. Въ гостиную на обычномъ мѣснѣ я пилъ кофе. Въ 8 часовъ вечера былъ я на панихидѣ тоже при значительномъ стеченіи уважавшихъ покойную, и довольно сидѣлъ послѣ того въ гостиную, совѣщаясь о завтрашнемъ служеніи съ о. протопресвитеромъ.

29. Къ 9 я былъ въ патриарш. муроварной палатѣ. Владыка самъ священнодѣйствовалъ. Всѣ мы были въ черномъ, а онъ омофоръ имѣлъ бѣлый и митру голубую. Въ 10¼ я былъ уже у Шереметьевыхъ. Литургію съ отпѣваніемъ совершали въ нижней церкви Возд. бывшаго монастыря, при большомъ числѣ молящихся; слово говорилъ ея духовникъ, мѣстный іерей о. Александръ. Передъ балкономъ, на которомъ любила она окруженная цвѣтами проводить время смотря на кремль, совершена литія, и гробъ поставленъ на дроги подъ балдахиномъ. Переодѣвшись дома, я поспѣшилъ въ Новосп. монастырь, гдѣ тѣло встрѣтилъ въ воротахъ и благословилъ гробъ, опущенный въ могилу. Могила, выложенная камнемъ, очень глубока; но когда, отходя, еще разъ взглянулъ я въ нее, бѣлоблистающій гробъ сверкнулъ передо мною, какъ бы приподнятый ближе къ уровню земли.

31. Исповѣдался. Въ безпомощномъ положеніи о. мой духовный; рассудокъ, память сохранены, но языкъ не вполне развязанъ, а лѣвая сторона совсѣмъ парализована. Мой Николай ходитъ его растирать. «Какъ ангела Божія встрѣчаю его», говоритъ старецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. *)

(Изъ дневника инока).

Въ то самое время, какъ мы молимъ небо на землѣ, оно не остается къ намъ глухо, безучастно, безмолвно... Кусочекъ этого неба, открывшійся нѣкогда блаженному Андрею, показалъ, что тамъ въ это время совершается свое великое священнодѣйствіе—молитвенной помощи намъ и благодатнаго заступничества, покрова и осѣненія насъ отъ всякихъ золь, бѣдъ и напастей.

* * *

Больному легче, если онъ постонеть. Такъ и намъ—прости Господи, если иногда и постонемъ въ нашихъ духовныхъ немощахъ, скорбяхъ и страданіяхъ, чая облегченія.

* * *

Узы, привязывающія насъ къ земному, узы *болѣзненныхъ*, не терпящія ни малѣйшаго прикосновенія скорби и страданія. Счастливыцы тѣ, которые ослабили крѣпость этихъ узъ—узами небесныхъ привязанностей, и не чувствуютъ ихъ болѣзненности и томящаго вліянія на душу.

* * *

Царица Небесная! Сколько неземной радости, тихости

*) Продолженіе. См. сентябрьскую кн. *Душепол.* Чт. 1907 г.

и умиленія вливаетъ въ душу св. икона Твоя! И сколько разъ это св. настроеніе пополняло оскудѣвающіе запасы силъ для жизни, терпѣнія и покорнаго несенія креста страданій! Какъ отъ одного луча солнышка разсѣивается тьма и водворяется свѣтъ, такъ отъ одного взгляда на Тебя проясняется душевный мракъ, вливается теплота, бодрость и силы—жить, терпѣть, работать.

* * *

Одно сѣмя упало въ терніе и заглохло. Другое — на камень и засохло. Третье—на дорогѣ и погибло отъ птицъ... Что это терпитъ такую жалкую участь? Слово Божіе! О, какъ мы виновны и отвѣтственны за это! Вѣдь это—слово, которое возростило апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, дивныхъ подвижниковъ. А у насъ оно гибнетъ безъ пользы, попирается ногами нашими, отдается на сѣденіе врагу, иссыхаетъ отъ недостатка въ сердцѣ нашемъ теплоты душевной, свѣта небснаго, слезнаго орошенія, молитвеннаго обвѣянія!..

* * *

Немощи и недостатки твои вездѣ останутся такими же немощами. И отъ перемѣны мѣста не сдѣлаешься лучше и безопаснѣе отъ нихъ. Это дастъ имъ только новыя своеобразныя проявленія, сообразно новымъ условіямъ. Новые предметы слабостей выступаютъ на мѣсто прежнихъ, вытѣсняя прежнія привязанности и пристрастія. Изъ одного плѣна постепенно и незамѣтно перейдешь въ другой, и забудешь прежнее лишь для того, чтобы очнуться въ новомъ иногда худшемъ положеніи и развитіи своихъ слабостей, отъ коихъ надѣялся укрѣпиться и освободиться удаленіемъ отъ нихъ.

* * *

Какъ сочувствовали бы тебѣ въ немощи и несчастіи—отецъ, мать и другіе родные и близкіе тебѣ люди, такъ и еще болѣе сочувствуютъ тебѣ — Отецъ Небесный, Ма-

терь Божія и всѣ св. угодники Божіи! Но—какъ часто и они *безъ тебя самого* мало чѣмъ могутъ помочь тебѣ: нуженъ и *твоя* трудъ, твое усиліе, твоя воля, желаніе и намѣреніе восторжествовать надъ одолюющими насъ врагами духовными. Тогда и помощь небесная подается вѣрнѣе, обильнѣе и очевиднѣе!

* * *

Господи! Да не изнемогу до конца! Да не упаду до дна погибельнаго! Да не обезсилю до изнеможенія, до невозможности востанія! Укрѣпи, утверди, поддержи, ободри, утѣшь меня!

* * *

«За Адама—Господь, за Еву—Ты Всечистая, Гавріиль же—за лъстивнаго змія, крестъ же—за древо, вертоградъ гроба—вмѣсто Едема, радуйся!—вмѣсто печали, копіе—вмѣсто пламеннаго оружія, и багряница—вмѣсто смоковнаго листвія»... Все въ исторіи нашего грѣхопаденія имѣло свое соотвѣтствіе въ исторіи искупленія. И какъ Ева была, такъ сказать, главной зачинщицей того, такъ здѣсь Дѣва открываетъ Собою рядъ дѣлъ Божіихъ долженствовавшихъ покрыть ошибку и преступленіе человечества... «Тя убо поемъ, Отроковице, яко всѣхъ виновну»!

* * *

Нѣтъ у насъ нынче мучениковъ и мученицъ за Христа. Зато страданія и скорби душевныя для многихъ совершенно замѣняютъ это. Понесите ихъ съ терпѣніемъ и преданностію Спасителю, съ хвалою Ему и благодушіемъ, и вѣнецъ мученической украситъ главу вашу не менѣе чѣмъ у тѣхъ, въ собственномъ смыслѣ страстотерпцевъ Господнихъ. Не твоя вина въ томъ, что ты не жилъ въ одно время съ ними. Показать же равное имъ терпѣніе и право на вѣнецъ страдальческой ты можешь и теперь — покорнымъ и радостнымъ несеніемъ жизненнаго креста твоего!

* * *

Въ страданіи молись и не унывай! Подкрѣпляй себя чаще мыслию о страданіяхъ Распятаго Господа! Чаще приводи себѣ на память Его жалобный вопль ученикамъ: «и часика-то единого не хотите побыть около Меня въ минуту Моихъ страданій!» Да, Онъ страдалецъ за всѣхъ насъ и теперь еще нуждается и жаждетъ, чтобы мы были около Него, страдающаго доселѣ за жизнь и избавленіе каждаго! Эта жизнь наша и есть какъ бы *минута*—небольшая, но тяжелая минута Его страданій. И побыть въ эту минуту съ Нимъ и около Него мы можемъ терпѣливою покорностію Его волѣ, хвалою и благодареніемъ за все, что по этой Его волѣ бываетъ съ нами. Намъ тяжело? Но еще тяжелѣе бываетъ Ему, если мы въ этой своей тяжести не приходимъ къ Нему, чтобы побыть съ Нимъ всею мыслию, чувствомъ, желаніями.

* * *

Ищетъ Господь Благодаритель нашъ благодареній нашихъ, чтобы еще болѣе облагодѣтельствовать насъ: получилъ благодареніе прокаженнаго, и Самъ даетъ ему еще вѣчное спасеніе: *«впра твоя спасе тя!»* (Лук. 17, 19).

* * *

«И облыдаше видѣти сотворшую сіе»... (Марк. 5, 32). Для чего? Не для обличенія, а для большаго ея возвеличенія и облагодѣтельствованія. Величайшею, незримою ни для кого вѣрою исторгнула она отъ крѣпости Господней величайшее чудо своего исцѣленія, но Господь не соизволяетъ тому, чтобы это чудо осталось безъ назиданія для другихъ людей, и являетъ исцѣлѣвшую для чистосердечнаго торжественнаго исповѣданія Своей милости и силы вѣрующаго ея исканія.

* * *

Самопожертвованіе не пропадетъ, но рано или поздно принесетъ свой плодъ. Отреченіе отъ благъ житейскихъ

даетъ достатокъ во всемъ и изобиліе. Отреченіе отъ семьи плотской умножаетъ семью родныхъ и близкихъ духомъ сторицею,—близкихъ и родныхъ настолькоъ, что они проявляютъ любовь и заботливость о тебѣ гораздо большею, чѣмъ даже плотскіе родные.

* * *

Есть вещи, цѣнность которыхъ непереводима ни на какія деньги и неуловима для наблюденія и дороже всякихъ жертвъ. Таково сочувственное, участливое отношеніе къ нуждающемуся и страждущему. Сухая формальная бездушная жертва, хотя бы самая щедрая — не дастъ того, что даетъ часто простое ласковое сочувственное слово, хотя бы далекаго и малознакомаго человѣка.

* * *

«Идѣже Богъ желаемъ, весь міръ небрежется (стихира Минеи)»—всѣ мученія и страданія земныя благословляются, какъ благодѣтельные пособники воспаренія къ Богу и благодатнаго привлеченія Его въ нашу душу, для которой это Божественное посѣщеніе дороже и сладостнѣе всего.

* * *

Множество заботъ и трудовъ по упорядоченію и благоустройству монастырской жизни совершенно не даютъ покою, не оставляютъ ни времени, ни силъ и возможности въ полной тишинѣ и мирѣ и полнотѣ души служить Господу, предстоять Ему всегда всѣми помыслами сердца и внимать Его сладкому зову. Такъ владеваетъ надъ нами міръ съ его суетою, что и въ пустынѣ не найдешь желаннаго успокоенія души и тихой невозмутимой и ненарушаемой ничѣмъ молитвы. Господи! Господи! И здѣсь въ пустыни и одиночествѣ мнѣ не сосредоточиться на Тебѣ всецѣло и совершенно!

* * *

Погаси пламень страстей моихъ, Владычице, возжжемъ другого пламени Божественной любви и ревности! Только это пламя способно избавить душу отъ того гибельнаго, нечистаго, смраднаго пламени!

* * *

На землѣ нельзя безъ скорбей, какъ розы нѣтъ безъ шиповъ. Шипы защищаютъ розу отъ многого, скорби оберегаютъ душу отъ еще большаго. Мы всѣ, какъ маленькія дѣти, которыхъ пустили въ розовый садъ. Не будь у розъ острыхъ шиповъ, шаловливыя дѣтскія ручонки все бы оборвали, поломали, а шипы колютъ, царапаютъ, пугаютъ и держатъ въ почтительномъ отдаленіи эти ручонки. Такъ и мы. Не будь у насъ скорбей, мы бы и радости наши живо износили, оборвали невоздержными, неосторожными, небережливими руками, — и садъ радостей Господнихъ быстро принялъ бы для насъ унылый, опустошенный, жалкій видъ. Скорби сберегаютъ для насъ радости. Радости питаются скорбями, какъ роскошныя розы питаются грязною, черною, невзрачною землею.

* * *

Гибнуть таланты... Исчезаютъ съ лица земли знаменитости выдающіяся... Безслѣдно пропадають и забываются гении... Что же я? Мнѣ ли думать, что моя жизнь нужнѣе ихъ и не тотъ же удѣлъ забвенія ожидаетъ и ее, сколько бы ни было въ ней для меня незабвеннаго, интереснаго и поучительнаго?!

* * *

Даруй, Господи, чтобы тягота, скорби, тѣснота, лишенія и всѣ невзгоды моей многотрудной жизни были не засореніемъ, а удобреніемъ для моей души, и послужили не для сожалѣнія о мірѣ съ его тлѣнными благами, а для

воспитанія спасительной печали по Бозѣ, съ ея благодатными плодами Духа Святого.

* *

Чаще взирай на кроткій, умиленный, непорочный ликъ Владычицы. Это много помогаетъ воздержанію отъ угрожающихъ паденій и исправленію грѣховной жизни. Улавливай чаще Ея проникающій душу взоръ, и это замѣтно поможетъ тебѣ держать въ чистотѣ свои мысли и чувства.

А. I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪРОТЕРПИМОСТЬ ¹⁾.

Теперь позвольте мнѣ перейти къ рѣчи о другомъ предметѣ. Вопросъ о вѣротерпимости всегда вѣроятно будетъ поставляться въ связь съ вопросомъ о наказаніяхъ. Это не потому, чтобы вѣротерпимость и наказанія дѣйствительно состояли между собой въ необходимой связи. Всегда возможно для человѣка относиться враждебно къ мнѣніямъ, отличающимся отъ его собственныхъ, и однако никогда не допускать и мысли, что онъ имѣетъ право налагать наказанія за такія-то мнѣнія или даже имѣетъ надобность заявлять, что можетъ постигнуть человѣка, если онъ будетъ ихъ держаться. Наказаніе есть тѣнь, которая отбрасывается судомъ, когда порицается самое дѣяніе, подлежащее осужденію. Несомнѣнно, судъ иногда можетъ быть настолько справедливъ, что и не отбрасываетъ никакой тѣни. Чуждый вѣротерпимости человѣкъ можетъ, на примѣръ, довольствоваться такою рѣчью: «я считаю такое-то мнѣніе совершенно пошлымъ, неправильнымъ и вреднымъ, и мнѣ хотѣлось бы подавить его силою, если бы я могъ», и однако не подвергается при этомъ искушенію налагать наказаніе на человѣка, который считаетъ свое ложное мнѣніе истиннымъ. Я не сомнѣваюсь, что во многихъ случаяхъ проявляется и такая вѣротерпимость. Многіе склонны думать, что съ уничтоженіемъ эшафотовъ и казней въ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, всякія

¹⁾ Продолженіе. См. сентябрьскую кн. *Духиспол. Чтенія* 1907 г.

наказанія за ложныя мнѣнія отошли уже въ область преданій. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы это было такъ. Зло нетерпимости, конечно, сильно бы уменьшилось, если бы чуждые вѣротерпимости люди просто только указывали или обличали мнѣнія, съ которыми они не согласны, а не шли бы дальше, не заботились о наложеніи наказаній, страхъ предъ которыми всегда чувствовали люди, высказывавшіе такія или иныя мнѣнія, и это служило серьезнымъ препятствіемъ къ открытію доли истины, которую такое или иное мнѣніе могло въ себѣ содержать.

«Но, говорятъ, какимъ образомъ преслѣдованіе теперь возможно? Теперь, когда мы не можемъ сожигать еретиковъ, а они сами не обращаютъ никакого вниманія на наши отлученія, казیمъ образомъ возможна такая вещь, какъ гоненіе?» Отвѣчаю: «если бы даже и возможно было оживить мысль, или если бы въ нѣкоторыхъ своихъ ученіяхъ церковь дѣйствительно содѣйствовала оживленію мысли, что неправильныя мнѣнія о Христѣ, Богѣ и спасеніи не только сами по себѣ сковываютъ духъ людей и бываютъ для нихъ наказаніемъ, но что люди несутъ даже и болѣе опредѣленныя Богомъ наказанія за свои ложныя мнѣнія, то и тогда самыя страшныя формы гоненій были бы еще возможны». Народъ обыкновенно не подвергается того или другого ученія добросовѣстной критикѣ, просто полагая, что кто держится такого-то или иного ложнаго мнѣнія, того слѣдуетъ подвергать пыткамъ и затѣмъ вести по наполненнымъ народомъ улицамъ со свистомъ и выкриками, въ позорной одеждѣ, и наконецъ сожигать на кострѣ, устроенномъ на городской площади. Однако, что значить и такое наказаніе въ сравненіи съ тѣмъ, когда заблуждающемуся человѣку постоянно твердятъ или намекаютъ, что, если онъ принадлежитъ къ другой вѣрѣ, если онъ вѣруетъ въ то-то или не вѣруетъ, то погибнетъ вѣчно? Такого рода рѣчи и внушенія могутъ ли и въ настоящее время побуждать людей къ свободному изслѣдованію истины? Не сдѣлаются ли очень трудными, если

только совсѣмъ невозможными, поиски истины, всегда сопровождающіеся заблужденіями или прикрытые имъ, если мы будемъ продолжать обращаться такъ съ мнѣніями, которыя считаемъ ложными?

Я не сомнѣваюсь, что если люди теперь постоянно стали относиться съ враждой къ мысли о наказаніи въ будущей жизни, то это весьма много зависѣло отъ того, какъ во всѣ вѣка существованія церкви за умозрѣнія и серьезнѣйшія убѣжденія возвѣщались наказанія. Принуждаемый думать, что еретики должны будутъ терпѣть наказанія за неправильныя мнѣнія, народъ началъ сомнѣваться и вообще въ томъ, что душа человѣческая подлежитъ какимъ бы то ни было наказаніямъ. Единственная возможность добиться какого-либо свѣта въ этой темной области и распутать завязанные тутъ узлы, какъ мы думаемъ, должна находиться въ зависимости отъ яснаго и неквалифицированнаго утвержденія, что Богъ не наказываетъ людей ни за что, кромѣ нечестія, и что добросовѣстные, хотя бы и ошибочныя мнѣнія, не нечестивы. Ясное признаніе такой простой истины сразу же разрубаетъ узлы всякой софистики и дѣлаетъ всю систему преслѣдованій за мнѣнія невозможною. Могло бы показаться, что такая простая истина самоочевидна. Однако на дѣлѣ это не такъ. Это доказывается всею длиною, страшною исторіей гоненій и пытокъ за мнѣнія. Множество людей теперь оставило мысль о преслѣдованіи своихъ собратьевъ за ихъ мнѣнія потому, что или, съ одной стороны, увидѣло безнадежность или бесполезность такихъ преслѣдованій, или, иначе, и съ другой стороны, желало предоставить наказаніе еретиковъ Самому Богу. Но такой видъ вѣротерпимости поверхностенъ и шатокъ. Единственное, что мы можемъ допустить, заключается въ простомъ признаніи истины, что заблужденіе вовсе не должно подлежать наказанію. Заблужденіе не есть преступленіе. Вся вина заблужденія заключается въ ложныхъ выводахъ и вымыслахъ, которые часто свойственны и добрымъ лю-

дямъ. Заблужденіе не всегда выступаетъ съ полною ясностію и открыто; вымыслы представляются такими рѣдко. Къ мысли о заблужденіи обыкновенно примѣшиваются мысли о нечестивости его и о томъ, что оно зловредно; дѣйствительной подкладкой и побужденіемъ, которыя заставляютъ человѣка преслѣдовать своего брата за его мнѣнія, всегда служила мысль, что заблужденіе преступно. Мы должны совершенно отрѣшиться отъ такой мысли. Заблужденіе не преступно; оно походитъ на болѣзнь. Болѣзнь, конечно, можетъ быть слѣдствіемъ дурной жизни,—человѣкъ бываетъ пороченъ, а потому дѣлается и больнымъ. Но точно такимъ же образомъ человѣкъ можетъ сдѣлаться и безпечнымъ, наглымъ, преданнымъ софистикѣ, самолюбивымъ, порочнымъ во многихъ другихъ отношеніяхъ и вслѣдствіе этого впасть въ заблужденія. Однако онъ можетъ впасть въ заблужденіе и не будучи порочнымъ; и если бы даже его заблужденіе и было слѣдствіемъ его порочности, то нравственное зло и преступленіе заключалось бы именно въ послѣдней, а не въ заблужденіи, происходящемъ вслѣдствіе порочности.

Преступленіе можно поставятъ въ неразрывную связь съ заблужденіемъ только при мысли, что на землѣ было дано нѣкоторое откровеніе божественной истины абсолютно опредѣленное и не подлежащее никакимъ произвольнымъ толкованіямъ, и потому ни одинъ, сколько-нибудь честный человѣкъ, не можетъ имѣть никакого оправданія за свои ошибочныя мнѣнія,—откровеніе, столь безошибочно ясное, что всякій человѣкъ, который сталъ бы невѣрно понимать его, этимъ самымъ свидѣтельствовалъ бы только о своемъ безстыдствѣ, упрямствѣ и непокорности. Но такого откровенія, конечно, нигдѣ не существуетъ и никогда не существовало на землѣ.

Самое убѣдительное, по моему мнѣнію, доказательство того, что заблужденіе не есть преступленіе и не должно вызывать тѣхъ чувствъ, съ какими слѣдуетъ относиться только къ преступленію, заключается въ томъ, что многіе

борцы съ заблужденіемъ считали себя вынужденными навязывать людямъ, уличавшимся ими въ заблужденіи, худые мотивы. Эти борцы вынуждались предварительно превращать заблужденіе въ нравственное зло, и именно раньше, чѣмъ обходиться съ заблужденіемъ такъ, какъ возможно обходиться вообще съ какимъ-нибудь безнравственнымъ поступкомъ. Они походятъ на древнихъ инквизиторовъ, которые, когда вели свои жертвы на костры, одѣвали ихъ въ грубыя и страшныя одежды, стараясь о томъ, чтобы народъ на улицѣ могъ совсѣмъ позабыть, что эти еретики-люди, и сопровождалъ ихъ такими криками и угрозами, какъ будто они были самыми исчадіями сатаны. Когда борець за истину, высказываясь противъ такого или иного ученія, которое онъ всецѣло считаетъ ложнымъ, обвиняетъ лицъ, которыя его придерживаются, въ «лукавствѣ прелюбодѣевъ и хлоднокровіи убійцъ», то нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ тутъ нѣкотораго недоразумѣнія? Не имѣется ли тутъ признака, что и по собственному мнѣнію гонителя, не самое заблужденіе, а только злобныя расположенія бывають пугаломъ въ людяхъ заблуждающихся и составляютъ ихъ дѣйствительное преступленіе или реальное основаніе для нравственнаго осужденія ихъ мнѣній?

Какъ только мы отрѣшимся отъ всякой мысли о томъ, что заблужденіе само по себѣ преступно, то увидимъ, что отсюда вытекають два слѣдствія. Во-первыхъ, нравственное негодованіе, если не примѣнять его къ тѣмъ случаямъ, которые въ дѣйствительности не даютъ къ нему повода, мы можемъ обратить на тѣ предметы, которые дѣйствительно его заслуживають. Изъ исторіи извѣстно, что церковь, преслѣдуя заблужденія своими анаеемами, много разъ забывала о томъ, что ей самой напередъ слѣдуетъ отречься отъ жестокости, лицемѣрія и растлѣнія, отъ которыхъ распространялась страшная вонь въ собственномъ ея лонѣ. Обличеніе въ дѣйствительности невинныхъ людей заставляетъ насъ часто быть весьма снисходительными къ людямъ, дѣйствительно достойнымъ краждебаго отноше-

нія съ нашей стороны. Неискренность (заключается ли она въ томъ, что люди придерживаются мнѣній, по нашему мнѣнію, ложныхъ или истинныхъ), ханжество, себялюбіе, надувательство и себя и другихъ, жестокости, предразсудки, — вотъ тѣ блага, на которыя церковь должна обрушиваться съ своими анаемами больше, чѣмъ на все другое. Гнѣвъ, который она готова изливать на неправильно вѣрующаго, долженъ быть изливаемъ ею на эти пороки.

И далѣе, когда присужденіе наказаній за ложную вѣру необходимо, тогда нужно обращать вниманіе и подвергать спокойному обсужденію и послѣдствія такого образа дѣйствій. Если сказать честно невѣрующему, что Богъ накажетъ его за невѣріе въ то, чего, по его мнѣнію, нѣтъ достаточныхъ основаній признавать, то такія рѣчи, если онъ только дѣйствительный человѣкъ, только раздражать его и укрѣпляютъ еще сильнѣе въ невѣріи. Но если укажутъ ему, что его невѣріе лишаетъ его великихъ радостей, преуспѣянія, обличаетъ его нравъ и отдѣляетъ отъ Бога, то это будетъ довольно правильно. Это не сдѣлаетъ его вѣрующимъ, вѣра вызывается только положительною очевидностію, но заставитъ его серьезнѣе подумать надъ доказательствами, и затѣмъ поможетъ освободиться отъ тѣхъ колебаній, которыя создаются неувѣренностію, которая бывала причиною заблужденій весьма многихъ путниковъ.

Вообще, во всемъ нашемъ мышленіи и говореніи мы должны заботиться о сохраненіи правильности и чистоты идей. Неправильное употребленіе, неправильное примѣненіе какой-нибудь идеи насилуетъ ее и загрязняетъ; такъ что когда она снова получаетъ истинное примѣненіе, то дѣйствіе ея бываетъ слабо или неправильно. Тутъ бываетъ то же, что при обстругиваніи и заостреніи какого-нибудь полѣна перочиннымъ ножичкомъ. Мы не можемъ достигнуть того, чтобы въ концѣ концовъ получился тонкій и острый конецъ. Если вы любите то, что недостойно

вашей любви, то будьте увѣрены, что самая сила вашей любви загрубѣетъ; и когда предстанетъ предъ вами предметъ, дѣйствительно достойный вашей любви, ваша любовь окажется только грубой и похотливой. Если вы станете рукоплескать пошлости, то и ваша оцѣнка истинно благороднаго будетъ также отличатся пошlostiю. Вы ненавидите обременительную истину, и только съ слабымъ и брезгливымъ недовольствомъ, а не съ благороднымъ негодованiемъ, будете относиться къ явной лжи. Способность къ сильнымъ эмоціямъ возвышаетъ человѣческую жизнь и составляетъ ея силу только тогда, когда, подобно дорогимъ эссенціямъ, достоинство которыхъ и вся цѣнность зависятъ отъ ихъ чистоты, эти эмоціи охраняются и оберегаются отъ ненужныхъ примѣсей.

Поэтому старайтесь какъ можно осторожнѣе произносить свои нравственные приговоры. Не сразу обрушивайтесь съ ними противъ честнаго заблужденiя. Если вы будете поступать такъ, то заблужденiе само предстанетъ предъ вами съ притупленнымъ и лишеннымъ ядовитости жаломъ, сила заблужденiя сама собою поколеблется и наполовину парализуется, его дѣйствительныя нелогичность и запутанность выяснятся. Сдерживайтесь, высказывая свои приговоры, чтобы отвѣтить ими дѣйствительно худому, ложному, жестокому человѣку. Тогда, именно потому, что вы высказывались не противъ всѣхъ заблужденiй, которыхъ вы не одобряли, но которыхъ придерживались вы не могли по самой ихъ природѣ, вы ухватите дѣйствительный порокъ за самое горло, потому что порокъ самой природой созданъ для того, чтобы его ненавидѣли и убивали повсюду, гдѣ онъ ни встрѣтится.

Вращаясь въ странномъ, измѣнчивомъ мiрѣ протестантовъ, реформатовъ, радикаловъ, филантроповъ и обличителей различныхъ заблужденiй въ мiрѣ, находимъ, какъ въ толпѣ было всегда мало лицъ, которыя сдержанно выступали съ своими нравственными приговорами и хранили эту силу обличенiя въ чистотѣ, употребляя ее только въ

надлежащее время и въ надлежащихъ случаяхъ. Какъ эти люди свѣтять подобно чистымъ звѣздамъ среди мрака, покрывающаго дѣятельность всѣхъ остальныхъ!

Истина, имѣющая существенно - важное значеніе для того, что мною высказано, и при томъ такая, которой не нужно повторять особенно много, чтобы опѣнить ее, какъ слѣдуетъ, заключается въ томъ, что христіанская вѣра имѣетъ въ виду нравственныя цѣли, заключающіяся въ воспитаніи и усовершенствованіи человѣческаго характера. Это — истина, которая имѣетъ существенное отношеніе къ дѣятельности христіанскаго священника. Цѣль христіанской вѣры есть человѣкъ. Цѣль человѣкъ, а истина средство. Христіанство есть стремленіе къ цѣлямъ, установленнымъ Самимъ Богомъ, оно должно держать, какъ слѣдуетъ, знамя Божіе и намѣчать Божіи пути. Христіанство должно ставить своею цѣлью человѣка и пользоваться истиной, какъ средствомъ, при помощи котораго эта цѣль достигается. Характеръ же всегда образуется при помощи вѣры, и вѣра всегда бываетъ условіемъ и преддверіемъ для образованія характера.

Теперь скажемъ, что въ дѣятельности священника выражается и воплощается христіанство. То, что есть христіанская вѣра, разсматриваемая какъ великая безличная абстракція, тѣмъ долженъ быть священникъ въ своей дѣятельной личности. Онъ хранитель того, что принадлежитъ Богу. Хранитель чего? Истины, безъ сомнѣнія. Онъ долженъ отыскивать истину со всевозможнымъ прилежаніемъ. Онъ долженъ охранять неусыпно истину Божію. Если истина Божія содержится въ исторіи или методахъ толкованія священной книги, то священникъ долженъ идти и отыскивать ее здѣсь съ безбоязненнымъ пыломъ и священнымъ прилежаніемъ. Горе ему, если онъ будетъ относиться къ этому дѣлу кое-какъ или враждебно! Конечно, священникъ есть хранитель истины Божіей; но всегда хранитель для ея цѣлей, для людей. Великая цѣль Божія на землѣ есть человѣкъ, а не истина. Богъ попускаетъ,

чтобы истина оставалась и непонятною, и ожидаетъ съ совершеннымъ долготерпѣніемъ времени, когда она освободится отъ извращеній и выступитъ съ полною ясностію и несомнѣнностію. Но никогда Онъ не желаетъ ни одного человѣка поставлять на такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы въ силу необходимости дѣйствовать неправильно. Такъ (и въ этомъ заключается основная истина служенія Ему) и первую и послѣднюю заботой истиннаго служителя Божія должна быть забота о воспитаніи человѣческаго характера; а истина дается въ его руки не вслѣдствіе ея собственной цѣнности, но какъ орудіе для достиженія указанной цѣли.

Вы, друзья мои, приступите чрезъ нѣсколько времени къ служенію церкви въ качествѣ духовныхъ лицъ. Уже и теперь, чувствуя надъ собою вѣяніе благодати священства, вы видите, что вы предназначаетесь къ самой священной и самой прекрасной жизни, какою люди только могутъ жить. Какъ вы будете смотрѣть на самихъ себя? Какъ, согласно вашему желанію, должны смотрѣть на васъ люди? Апостоль Павелъ говоритъ: «какъ на служителей Христовыхъ и совершителей таинъ Божіихъ». Сторожъ охраняетъ свои сокровища для того, чтобы ими пользовались. Онъ не есть скряга или любитель, охраняющій свои сокровища для того, чтобы ими можно было только любоваться ему самому, или чтобы они возбуждали только любопытство, или просто потому, что они цѣнны. Хранитель таинъ Божіихъ оберегаетъ истину для людей; а за этимъ обереганіемъ истины онъ оберегаетъ и самихъ людей, оберегаетъ человѣческій характеръ, истинныя и лучшія человѣческія качества въ людяхъ, вѣранныхъ его попеченію, чтобы эти качества не были испорчены и не потеряли своей цѣны.

Да будетъ именно такимъ ваше священство! Да будетъ такъ, чтобы вы сдѣлались хранителями истины, но да будетъ и такъ, чтобы вы еще болѣе сдѣлались людьми, достойными всякаго довѣрія! Бойтесь того, чтобы ваши

прихожане хотя бы сколько-нибудь уклонялись от истины; но гораздо больше бойтесь неискренности и лицемерной любви къ истинѣ, какъ бы ни была она достовѣрна. Велика сила священника, который такимъ образомъ охраняетъ гуманность въ средѣ своихъ прихожанъ и, если можетъ, не даетъ поводовъ даже особенно остроумному противнику вредить ей или ее безчестить. Онъ имѣетъ на своемъ попеченіи самое священное изъ таинствъ Божіихъ; потому что жизнь есть болѣе священное таинство, чѣмъ какая-либо истина, и истина существуетъ въ мірѣ только ради человѣческой жизни.

Часто можно наблюдать, какъ цѣли приносятся въ жертву средствамъ. Если это повторялось весьма часто, то отъ этого вѣдь не легче. Я припоминаю любопытный примѣръ, о которомъ слышалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англии. Кажется, въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, нѣкоторые набожные римскіе католики имѣли обычай приходить ко гробу Эдуарда Исповѣдника въ день празднованія его памяти и молиться около древней святыни, гдѣ моленія благочестивыхъ паломниковъ совершались въ теченіе вѣковъ. Покойный деканъ Стэнли любилъ этотъ обычай; онъ нравился ему вслѣдствіе широты его взглядовъ и его историческаго смысла, и онъ вполне поощрялъ его. Но кажется, обычай не совсѣмъ былъ по душѣ одному изъ приставниковъ аббатства. Однажды, когда богомольцевъ собралось много, этотъ почтенный священно-служитель подошелъ къ одному изъ нихъ и, дотронувшись до его плеча, когда онъ наклонился до земли, сказалъ: «прошу васъ, уйдите отсюда». Человѣкъ кротко посмотрѣлъ на него и сказалъ: «зачѣмъ же? Вѣдь я не приношу никому вреда». «Нужды нѣтъ, уйдите», повторилъ приставникъ. «Но почему же?» настаивалъ богомольецъ, стоя на коленяхъ, «я вѣдь не дѣлаю никому вреда; я только молюсь». Но приставникъ настаивалъ на своемъ и высказалъ весьма убѣдительное заключеніе. «Нужды нѣтъ, говорю вамъ, уйдите! Если это будетъ продолжаться, то народъ будетъ

пожалуй молиться такъ и во всемъ аббатствѣ». Вотъ типъ клирика, болѣе полицейскаго, чѣмъ священника Божія, который всегда останавливаетъ свободное изслѣдованіе, потому что, пожалуй, такъ дѣло пойдетъ и дальше, и появятся люди и во всей церкви Христовой, которые также стануть искать истину.

Настоящій священникъ знаетъ, для чего предназначена церковь Христова, и относится съ любовью къ такому предназначенію. Онъ привѣтствуетъ изслѣдованіе истины не только ради истины, которая можетъ повести къ свѣту, но и ради ищущаго истины. Имѣется дѣйствительная надобность, чтобы священникъ больше, чѣмъ всѣ другіе, отличался гуманностію и сочувствовалъ всему, что есть лучшаго, честнаго и наиболее жизненнаго въ его собратьяхъ-людяхъ. Мы всѣ знаемъ, какъ фигура священника въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій окружена была таинственностію и чуждалась гуманности. Казалось, что весь родъ человѣческой состоитъ изъ мужчинъ, женщинъ и духовныхъ лицъ. Священникъ былъ отдѣленъ отъ своихъ собратьевъ-людей. Онъ былъ хранителемъ знаній, которыхъ никто, кромѣ него, не могъ понимать. Онъ устраивалъ свою жизнь по законамъ, совершенно отличнымъ отъ законовъ, которыми руководствуются другіе люди. Онъ ѣлъ особенную пищу, носилъ странныя одежды и выражался необычно, и пользовался значеніемъ среди людей, потому что былъ совершенно отдѣленъ отъ нихъ. Если все это и было прекрасно, то нужно сказать, что теперь время для этого миновало. Нынѣшній священникъ долженъ стоять въ центрѣ всѣхъ четырехъ горизонтовъ и быть наиболее гуманнымъ изъ всѣхъ людей. Чѣмъ хорошо быть для всѣхъ людей, тѣмъ онъ долженъ быть въ высшей степени; что онъ есть въ высшей степени, тѣмъ хорошо быть и для всѣхъ остальныхъ людей. Онъ долженъ обладать самыми просвѣщенными взглядами и проповѣдывать и словомъ и жизнью самую широкую терпимость ко всякому честному мнѣнію, сколько бы оно ни отлича-

лось отъ его собственнаго и какъ бы ни было ложно. Онъ долженъ быть защитникомъ права даже наиболѣе заблуждающагося человѣка придерживаться своего мнѣнія и проповѣдывать его, пока этотъ человѣкъ самъ не убѣдится, что оно ложно; и въ то же время священникъ долженъ быть образцомъ нетерпимости въ нравственномъ отношеніи и не допускать никакого потворства грѣху, какъ бы онъ ни казался почетенъ или полезенъ. Это—основное пониманіе христіанства, какъ религіи характера, а не догмы, какъ средства образованія характера, что и дѣлаетъ необходимымъ и возможнымъ священство, какъ такое.

У меня не остается времени поговорить, согласно своему намѣренію, о методахъ и средствахъ, которыми служитель церкви можетъ воспитывать широкую и положительную вѣротерпимость, рекомендованную мною въ вашемъ присутствіи на этихъ двухъ лекціяхъ. Но чтобы не оставить этого предмета совсѣмъ безъ обсужденія, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, съ какимъ уваженіемъ многіе въ настоящее время смотрятъ на силу, которая можетъ привести самыхъ несогласныхъ между собою мыслителей къ взаимной симпатіи и согласію. Я разумѣю силу практической дѣятельности. Вамъ всѣмъ извѣстно, какъ церковь во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ пробудилась теперь отъ своего летаргическаго сна, выступила противъ бѣдствій и грѣха, которыми переполненъ міръ, и принялась, съ энергіей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ неизвѣстной, за исполненіе своего долга. Это вдохновляющее зрѣлище; и особенно представляется прекраснымъ здѣсь то, что церковь объединяетъ такимъ способомъ практическую дѣятельность людей, которые весьма далеки другъ отъ друга по своему мышленію и вѣрованіямъ. Квакеры и римскіе католики идутъ теперь вмѣстѣ, чтобы вытащить пьянаго изъ оута. Церковникъ и агностикъ рядомъ другъ съ другомъ ведутъ борьбу противъ заразы пивной лавочки и грязи публичнаго дома. Нѣтъ, скажемъ больше: люди, сильно отличающіеся оди отъ

другихъ въ главныхъ богословскихъ пунктахъ, теперь въ состояніи обращаться къ грѣшной и пораженной душѣ съ одинаковыми рѣчами о великой любви Христовой и обновляющей силѣ Святаго Духа. Все это прекрасно и благородно. Мы радуемся всему этому отъ всей души. И именно потому, что мы радуемся этому, мы должны отдать себѣ ясный отчетъ, что именно здѣсь представляется правильнымъ и что достойно почтенія, гдѣ должна быть здѣсь проведена граница, и въ чемъ заключается опасность. Потому что одна изъ великихъ опасностей для чистоты и дѣйственности какой-либо силы заключается въ томъ, что эту силу слишкомъ часто преувеличиваютъ и ожидаютъ отъ нея того, чего въ дѣйствительности она не можетъ дать. Мало-по-малу люди доходятъ здѣсь и до противоположной крайности, придаютъ первоначально преувеличенной ими силѣ меньшее значеніе, чѣмъ она того заслуживаетъ.

Недостаточность христіанской дѣятельности, какъ средства для христіанской вѣротерпимости, заключается въ наклонности къ поверхностности. Меня, конечно, нельзя будетъ считать врагомъ или человѣкомъ индифферентно относящимся къ великой, шумной и огромной дѣятельности, которая переполняетъ теперь нашу церковную жизнь, если я, который былъ годъ или два въ самой гущѣ ея, напому вамъ, что если во время такой дѣятельности мы не будемъ обращаться къ мысли, науцѣ и идеямъ, и искать въ нихъ поддержки, то весьма и замечаемъ. Всякій можетъ вѣдь по временамъ опасаться, какъ бы машины не заступили мѣста истинъ. Какъ бы ни казалась необходимою настойчивая и энергическая дѣятельность, нужно опасаться, какъ бы она не устранила серьезнаго мышленія въ церкви, сознающей такъ много свой долгъ и столь къ нему чуткой, какова, благода реніе Богу, и есть церковь нашихъ дней. Но люди должны мыслить; и объединеніе однихъ людей съ другими, душъ съ душами, должно произойти въ концѣ концовъ на б ольшомъ широкомъ полѣ мышленія. И если я не сдѣлаю ничего

больше, какъ только забуду о своихъ временныхъ разногласіяхъ съ своимъ братомъ-мыслителемъ, или если я оставлю свою мыслительную дѣятельность и буду только противодѣйствовать какому нибудь злу; если я не въ состояніи, ясно сознавая наше несогласіе, любить своего брата, относиться съ почтеніемъ къ направленію его мысли, искать въ принадлежащихъ и проповѣдуемыхъ имъ идеяхъ для себя духовнаго просвѣщенія, не мечтая ничѣмъ заставить его замолчать или измѣнить свои мысли, какъ только разумными доказательствами, если я не начну своего товарищескаго дѣла съ нимъ при существованіи цѣнной гармоніи между личнымъ убѣжденіемъ и сердечной симпатіей,—то я не буду преуспѣвать въ вѣротерпимости. Вѣротерпимость не означаетъ забвенія различій, но ясное сознаніе ихъ и пользованіе ими.

Ради содружества въ дѣлѣ возможно стремиться ко всему этому; и когда такъ дѣлается, все идетъ прекрасно. Не должно приносить въ жертву личнаго убѣжденія ближайшей практической дѣятельности. Дѣятелямъ, которые объединяются въ какомъ-нибудь практическомъ дѣлѣ, слѣдуетъ какъ можно дальше заходить и въ ту область, гдѣ личныя убѣженія обосновываются на вѣчныхъ принципахъ, индивидуальнымъ выраженіемъ которыхъ эти убѣженія служатъ. Слѣдуетъ стремиться въ міръ мышленія, а не выступать изъ него. Это дастъ возможность достигать единства, которое лежитъ въ самомъ основаніи, и пребывать въ немъ, а не довольствоваться поверхностнымъ единствомъ, которое не отвѣчаетъ на трудные запросы человѣческой души. Только въ такомъ случаѣ наша дѣятельность будетъ прочна и совершенна. Только въ такомъ случаѣ наша дѣятельность поможетъ намъ быть вѣротерпимыми. Только въ такомъ случаѣ миссіонерская, благотворительная приходская дѣятельность, собранія общественныхъ и митинги матерей будутъ полезны для нашей души. Вотъ такая именно сила и пусть руководитъ вами, друзья мои, и пусть она способствуетъ расширенію и раскрытію вашей глубочайшей духовной жизни.

Таковы мои мнѣнія, которыя я изложилъ на этихъ двухъ лекціяхъ, о природѣ, методахъ и видахъ на будущее вѣротерпимости. Если я хоть сколько нибудь успѣлъ въ томъ, что намѣренъ былъ сдѣлать, то одно убѣжденіе, истинность котораго я старался доказать въ предшествовавшей лекціи, должно было укрѣпляться въ васъ все сильнѣе и сильнѣе. Это убѣжденіе заключается въ томъ, что вѣротерпимость есть не столько специальное качество или цѣль жизни, сколько выраженіе самой жизни. Нетерпимость есть недостаточность жизни. У того, кто переполняется жизнію, увеличиваются и симпатіи къ его собратьямъ людямъ, подобно тому, какъ одно какое-нибудь озеро среди многихъ озеръ на скалистыхъ берегахъ моря вадуетъ до краевъ, выливается и соединяется съ другими озерами, расширяя и каждое изъ нихъ отдѣльно до извѣстной степени.

То, въ чемъ мы нуждаемся, есть именно полнота жизни. Для всякаго человѣка, который стремится къ самымъ широкимъ и самымъ здоровымъ отношеніямъ къ своимъ собратьямъ-людямъ, должны быть особенно памятны слова Христа, записанныя въ десятой главѣ евангелія отъ Іоанна: «Я пришелъ для того, чтобы имѣли жизнь и имѣли ее съ избыткомъ». Мы можемъ разсуждать о своихъ отношеніяхъ къ людямъ, какъ намъ угодно; можемъ рѣшать, какъ поступить съ тѣмъ или инымъ еретикомъ; можемъ проводить тщательныя различія между классами мнѣній, съ которыми мы согласны и несогласны, наклеивая при этомъ ярлыки на то, что имѣетъ существенную важность и что несущественно. Но вся такая дѣятельность поверхностна; она не имѣетъ для себя прочныхъ основаній; она бываетъ полна злобы и промаховъ. Тутъ всегда происходитъ объединеніе людей, не имѣющихъ симпатій другъ къ другу, и расколъ съ лицами, духовная жизнь которыхъ для насъ могла бы быть привлекательна и полезна. Только болѣе глубокая жизненность, болѣе полное просвѣщеніе нашего духа Духомъ Божиимъ; только увѣренность въ возможности религіознаго возвышенія и подъема нашей жизни на осно-

ваніи опыта, свидѣтельствующаго, какъ много она можетъ отличаться благочестіемъ,—только все это можетъ дать намъ возможность быть для своихъ братьевъ и сдѣлать для нихъ вся, что повелѣлъ намъ Богъ.

Друзья мои! Больше бойтесь недостаточности, чѣмъ избытія жизни. Пусть это будетъ для васъ правиломъ и руководствомъ, когда вы приступите къ своему служенію.

Никогда и сами не думайте, и никогда не давайте поводовъ своимъ прихожанамъ думать, что только въ нетерпимости съ ихъ стороны, въ одной только злобѣ по отношенію къ людямъ, которые мыслятъ иначе, чѣмъ они сами, заключается вѣра.

Никогда не отклоняйте ихъ отъ мыслительной дѣятельности. Если они мыслятъ неправильно, то не препятствуйте имъ мыслить, но учите ихъ мыслить правильно.

Никогда не сомнѣвайтесь въ томъ, что они способны усвоить себѣ правильныя вѣрованія, приобрѣсти глубочайшій опытъ, самую широкую свободу, и для васъ самихъ пусть все это сдѣлается правиломъ. Больше бойтесь недостаточности, чѣмъ избытія жизни. Старайтесь съ усердіемъ и молитвой приобрѣтать себѣ ясныя и наиболее прочныя убѣжденія; и когда вы приобрѣтете ихъ, держитесь ихъ крѣпко и жизненно, чтобы они сдѣлались для васъ не стѣнами раздѣленія между вами и вашими братьями, которые держатся иныхъ убѣжденій сравнительно съ вами но средствомъ, при помощи котораго вы можете достигнуть взаимнаго пониманія своихъ прихожанъ и взаимныхъ симпатій,—подобно тому, какъ нѣкогда океанъ, который служилъ преградой для общенія народовъ, теперь сдѣлался большой дорогой для многочисленныхъ кораблей и соединилъ весь міръ въ одно цѣлое.

Такова истинная вѣротерпимость. Да дастъ Господь вамъ все болѣе и болѣе укрѣпляться въ такой вѣротерпимости и усвоивать ее,—вамъ, которыхъ Онъ теперь призываетъ быть Его слугами!

Очеркъ нравственнаго возрожденія челоуѣка во Христѣ¹⁾

Начало духовной жизни у челоуѣка.

Несмотря на ослѣпленіе грѣшника, въ которомъ сердце его, по выраженію аввы Исаіи²⁾, смерть предпочитаетъ жизни и въ жизни видитъ смерть, переходъ души, даже закоренѣлой въ грѣхѣ, къ жизни истинной, святой, — дѣло вполне возможное. *Отрезвленіе* отъ обманчиваго, полумечтательнаго, психопатическаго состоянія себялюбія, или, пользуясь другимъ апостольскимъ сравненіемъ³⁾, *пробужденіе* отъ грѣховнаго сна начинается не у всѣхъ одинаково. Свв. аскеты указываютъ намъ нѣсколько различныхъ путей, какими промысленіе Божіе обыкновенно обращаетъ грѣшника къ истинной жизни. Такъ, иногда приводитъ челоуѣка въ себя ощущеніе духовной пустоты своей и бѣдственность жизни плотской. Постоянно встрѣчая въ своей жизни скорби и несчастія и не находя ни въ чемъ удовлетворенія, грѣшникъ такъ начинаетъ разсуждать самъ съ собою: «несчастливъ я въ мірѣ; пойду, отрекусь отъ міра, буду служить Богу»⁴⁾. Иногда пробуждаютъ совѣсть отъ грѣховнаго усыпленія какія-либо особенныя бѣдствія или тяжкія болѣзни⁵⁾. Для обращенія нѣкоторыхъ благодать Божія употребляетъ исключитель-

¹⁾ Окончаніе. См. іюньскую кн. *Душепол. Читенія* 1907 г.

²⁾ 319 стр.

³⁾ Ефес. 4, 18, 19; 5, 14.

⁴⁾ Макарій Египц. Бес. 32, гл. 7.

⁵⁾ Антоній Вел. (Хр. Чт. 1826 г., ч. 22, стр. 43.

ныя, чрезвычайныя средства, какъ было, наприм., съ ап. Павломъ и пр. Ефремомъ Сирскимъ. Большинство же обращается къ Богу подѣ дѣйствіемъ глаголовъ Господнихъ въ Словѣ Божіемъ ¹⁾). При этомъ «одни, услышавши слово спасенія, убѣждаются въ истинѣ онаго почти такъ же, какъ убѣждаются въ истинѣ словъ другого человѣка, почему не медля ни мало послѣдуютъ призыванію Божію и стараются сообразовать жизни свою съ ученіемъ евангельскимъ» ²⁾). Таково было начало подвижнической жизни у Антонія Великаго и такимъ оно бываетъ вообще у души нравственночистой (говоря относительно). Другія же натуры, болѣе черствыя или болѣе сроднившіяся съ себялюбіемъ, «возбуждаются къ жизни благочестивой только потому, что узнаютъ изъ евангельскаго ученія о великихъ наказаніяхъ, которыя ожидаютъ грѣшника въ будущей жизни, и о неизреченномъ блаженствѣ, которое обѣщано праведнымъ. Слѣдовательно, страхъ подвергнуться первымъ и надежда получить послѣднее побуждаютъ ихъ исполнять волю Божію» ³⁾).

Но подѣ какими бы вліяніями ни произошло пробужденіе человѣка отъ сна грѣховности, въ пробужденіи самомъ по себѣ, какъ состояніи произвольномъ, нельзя еще видѣть въ собственномъ смыслѣ слова начала духовной жизни. Добродѣтельная жизнь не можетъ начаться прежде движенія свободы и сознанія. Какъ говоритъ пр. Ефремъ, «для того, чтобы стать сыномъ благодати, надобно не желать только, но и готовиться (произвольный актъ) къ этому» ⁴⁾. Человѣкъ, на время, только какъ бы разрѣшается отъ узъ грѣха и получаетъ свободу выбора между жизнью и смертію, между добродѣтелью и грѣхомъ. Онъ можетъ возвратиться и къ прежней, привычной жизни,

¹⁾ См. Марія Подв., Слово 2, гл. 62 и 63.

²⁾ Антоній Вел. (Хр. Чт. 1826 г., ч. 22, стр. 42.

³⁾ Ibid. 43 стр.

⁴⁾ 2 т., 646 стр.

но можетъ также свободнымъ рѣшеніемъ склониться и къ служенію Богу. Если осуществится эта послѣдняя возможность, если человѣкъ свободно рѣшится оставить навсегда грѣхъ и служить одному Богу, то въ этомъ произвольномъ рѣшеніи онъ и полагаетъ *начало духовной жизни*. Правда, святость невозможна и немислима безъ Бога; но Господь, какъ путникъ, стоитъ у дверей сердца каждаго и ждетъ только соизволенія человѣка, чтобы войти къ нему. Насильно же вторгаться въ душу благодать не можетъ. Повтому начало духовной жизни у человѣка свв. отцы приписываютъ обыкновенно человѣческой свободѣ. «Мы говоримъ,—пишетъ пр. Макарій Египетскій, — что человѣкъ по природѣ имѣетъ *предначинаніе*, котораго и взыскуетъ Богъ» ¹⁾. Этимъ объясняется, что и Св. Писаніе, и свв. отцы постоянно убѣждаютъ человѣка *устроить, совершить* свое спасеніе, а также—почему они вездѣ представляютъ, что «человѣкъ самъ для себя виновникъ добра» ²⁾, хотя безъ Бога и Его благодатной помощи человѣкъ ничего не можетъ достигнуть. Богъ не насилуетъ свободы человѣка и, съ другой стороны, подаетъ Свою благодать всегда, какъ только человѣкъ взыщетъ ее. «Какъ скоро ты первый протянешь къ Нему руку, Онъ подастъ тебѣ десницу Свою, чтобы возставить тебя» ³⁾. «Не бойся *положить начало* доброму пути, вводящему въ жизнь... Если только окажешься готовъ, тотчасъ благоустроится предъ тобою путь» ⁴⁾.

Не противорѣчитъ ли изъясненная мысль, что предначинаніе въ духовной жизни принадлежитъ самому человѣку, обще-церковному ученію, по которому начало богоугодной жизни полагается въ таинствѣ крещенія и покаянія? Дѣйствительно, эта мысль никоимъ образомъ не

¹⁾ Бес. 37, гл. 10.

²⁾ Ibid. Слово 1, гл. 12.

³⁾ Ефр. Сир. 3 т., 125 стр.

⁴⁾ Ibid., 603 стр.

можетъ быть примирена съ католическимъ и протестантскимъ воззрѣніемъ на крещеніе и покаяніе. Что же касается православнаго ученія объ этихъ таинствахъ, которое ясно выражено у тѣхъ же свв. аскетовъ, то съ нимъ она стоитъ въ прямой и естественной связи. Сущность таинствъ крещенія и покаянія составляетъ, по ученію свв. отцовъ, не какой-либо формальный актъ, совершающійся въ Богъ (*actus Dei immanes*) и не какое-то противоестественное вліяніе въ человѣкѣ «самодвижущейся праведности» (*infusio*), но существенный нравственный переломъ, или возрожденіе человѣка, совершающееся внутри сознанія и свободы этого послѣдняго, причемъ человѣкѣ усваиваетъ себѣ Божественныя силы, необходимыя для истинной жизни и благочестія, *по мѣрѣ* своего собственнаго добраго произволенія. Другими словами, въ таинствахъ крещенія и покаянія, по ученію свв. отцовъ, вѣчный Божественный законъ объ отношеніи благодати къ свободѣ не нарушается: «ключемъ къ благодати» и въ таинствѣ остается «свободное произволеніе человѣка»¹⁾, и человѣкѣ, получающій въ таинствѣ благодатное сѣмя св. жизни, остается предначинателемъ ея. Подтвердимъ сказанное свидѣтельствами свв. аскетовъ. «Божественный и утѣшительный Духъ... пребываетъ въ каждомъ, приступившемъ ко крещенію *съ чистою вѣрою, по мѣрѣ вѣры* (его)»²⁾,— говоритъ пр. Ефремъ. «Если мы поназдѣмся на одно крещеніе (т.-е. на то, что совершается въ таинствѣ *внѣ* свободы человѣка), то мы *невытѣримъ*, Христось не поможетъ намъ *нимало*, если мы въ пороки и грѣхѣ»³⁾. Конечно, «Богъ могъ бы уврачевать всѣ наши душевныя язвы и *силою* предложить насъ на *благость*, но Онъ *не хочетъ* сего, чтобы наше произволеніе не лишилось Его похвалъ»⁴⁾ не хочетъ потому, что эта *непроизвольная* свя-

1) Ефр. Сир. 5 т., 36 стр.

2) Ibid. 3 т., 511 стр.

3) Ibid., 585 стр.

4) Ibid., 1 т., 92 стр.

тость нисколько не помогла бы намъ, не сдѣлала бы насъ добродѣтельными. Поэтому Божественная благодать не дѣйствуетъ помимо, такъ сказать, сознанія и свободы человѣка, но сообщается по мѣрѣ свободного самоопредѣленія его къ добру. «Божественное Писаніе говоритъ,— читаемъ у пр. Марка,—что *Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради по Писаніемъ* и что мы *спогребохомся Ему крещеніемъ* и умерый свободися отъ грѣха, и что *грѣхъ нами ктому не обладаетъ*. (Все это приложимо къ намъ), если исполняемъ заповѣди Господни, если же не исполняемъ ихъ, то мы *невѣрны* и по справедливости бываемъ *содержимы грѣхомъ*» ¹⁾. Еще яснѣ слѣд. слова пр. Марка: «Духъ Святой, подобно солнцу, излилъ на крестившихся всю полноту свѣта; но каждый изъ насъ просвѣщается *въ той мѣрѣ, поскольку отвергаетъ съ ненавистью помрачающія страсти*; а поскольку съ любовью онъ думаетъ о нихъ, въ той мѣрѣ помрачается» ²⁾. Такимъ образомъ, духовное возрожденіе человѣка, начинающееся въ таинствѣ крещенія, хотя совершается благодатію, но всегда по мѣрѣ свободного произволенія человѣка.

Такое же отношеніе Божественной благодати къ свободѣ человѣка имѣетъ мѣсто и въ таинствѣ покаянія. Нѣтъ сомнѣнія, что приступающій къ исповѣди ищетъ прежде всего примиренія съ Богомъ, прощенія своихъ грѣховъ, и ему дѣйствительно изрекаются въ таинствѣ слова мира и прощенія отъ лица благодати и щедротъ Божественнаго челоуѣколюбія. Но не въ этомъ еще состоитъ сущность таинства. Въ собственномъ смыслѣ Богъ никогда и не гнѣвался на челоуѣка. Какъ говоритъ пр. Ефремъ, «когда еще и не вздохнулъ согрѣшившій, Богъ *далъ уже ему дерзновеніе*; когда тотъ не пролилъ еще слезъ, Онъ *предварительно* открылъ ему доступъ къ себѣ» ³⁾.

¹⁾ 120 стр.

²⁾ Добротолюбіе, М., 1832 г. Ч. 1-ая, л. 25 об., ст. 118

³⁾ 3 т. 265 стр.

Сущность таинства заключается въ дѣйствительномъ, существенномъ возрожденіи человѣка, такъ что «покаяніе не общаетъ только, но даетъ уже кающемуся очищеніе отъ грѣховъ и оставленіе оныхъ» ¹⁾). Если кающемуся изрекается отпущеніе грѣховъ, то потому, что онъ и въ самомъ дѣлѣ освобождается отъ нихъ. «Желаешь ли знать,—пишетъ авва Исаія,— отпущены ли тебѣ грѣхи? Да будетъ тебѣ признакомъ то, если въ сердцѣ нѣтъ болѣе никакого остатка оныхъ» ²⁾). Прощеніе грѣховъ стоитъ, слѣдовательно, въ связи съ дѣйствительнымъ очищеніемъ отъ нихъ. «Покаяніе, пишетъ пр. Ефремъ,—въ жертву приноситъ согрѣшившихъ, но и опять оживотворяетъ ихъ; умерщвляетъ, но и опять воскрешаетъ изъ мертвыхъ. Какъ же это? Слушай: беретъ оно *грѣшныхъ* и дѣлаетъ ихъ *праведными*. Вчера были *мертвы*, сегодня *живы* они для Бога покаяніемъ... Вчера *беззаконны*, а сегодня *святые*» «Черезъ покаяніе человѣкъ является *прекраснымъ* и *благороднымъ* и избѣгаетъ сквернъ, и красота сія, сокрытая въ его *внутренности*, уличаетъ его въ томъ, что онъ самъ былъ прежде *вяновенъ* въ своей *нечистотѣ*». Основа таинства состоитъ, слѣд., въ существенномъ измѣненіи произволенія кающагося, такъ что грѣхъ не забывается только, но въ буквальномъ смыслѣ удаляется отъ человѣка, уничтожается въ немъ, перестаетъ быть частью его внутренняго содержанія. Понятно отсюда, какое значеніе имѣетъ въ таинствѣ покаянія свободное рѣшеніе человѣка. «Искоренять худые навыки во мгновение ока и прививать доброе, преодолевая природу, можетъ, по Ефрему Сир., произволеніе наше» ³⁾ и, очевидно по самому существу дѣла, помимо него не можетъ никто. Нравственнаго зла внѣ произволенія, самого по себѣ, нѣтъ, такъ какъ оно есть не болѣе, какъ извѣстное на-

¹⁾ Ibid, 264 стр.

²⁾ Сл. 8, гл. 4.

³⁾ 1 т., 90 стр.

правление свободы. Слѣдовательно сказать, что зло совершенно удалилось отъ человѣка, дѣйствительно уничтожилось въ немъ, вполне равносильно утвержденію, что свободное направленіе воли человѣка существенно перемѣнилось, что человѣкъ отвратился отъ порока и опредѣлилъ себя къ чистой жизни. Если, такимъ образомъ, сущность покаянія состоитъ не въ томъ собственно, что грѣхи человѣка забываются или не вмѣняются ему, а именно въ дѣйствительной смерти грѣху и въ воскресеніи человѣка для святой, здоровой жизни, то очевидно, что произвольное рѣшеніе грѣшника оставить грѣхъ является существеннымъ условіемъ дѣйственности таинства покаянія.—Въ свободномъ отверженіи человѣкомъ грѣха и въ свободномъ опредѣленіи себя къ добродѣтели и полагаютъ основу покаянія всѣ свв. аскеты. *«Когда человекъ оставитъ грѣхи свои,»*—говоритъ пр. Исаи Подвизникъ,—*обратится къ Богу, тогда покаяніе возрождаетъ его и преобразуетъ его въ новую тварь»* ¹⁾ То же говоритъ преп. Ефремъ: Кающійся самъ себя дѣлаетъ изъ мѣди золотомъ и также изъ дерева камнемъ. Когда принесетъ покаянія законно, самъ себя воскреситъ изъ мертвыхъ, и изъ тьмы сдѣлается свѣтомъ. Слѣдовательно, благочестивый можетъ и созидать, потому что покаяніе дѣлается въ немъ началомъ Божественной силы ²⁾. Безъ внутренняго же произвольнаго измѣненія кающагося совершеніе таинства будетъ для него бесполезнымъ. *«Если одинъ обычай влечетъ тебя ко врачу, — говоритъ пр. Ефремъ, — то не получишь здравіе. Слезами только и сокрушеніемъ врачуется болѣзнь твоя»* ³⁾. *«Скажу тебѣ, — читаемъ у того же пр. Ефрема, — какъ человекъ чрезъ покаяніе дѣлается совершеннымъ, чтобы узнать самый способъ, не имѣть тебѣ извиненія. Слушай. Приносишь ты покаяніе въ*

¹⁾ 346—7 стр.

²⁾ 3 т., 283 стр.

³⁾ 4 т., 195 стр.

отравленіи другихъ? Истреби всякій слѣдъ сего, не явное только оставь, но не занимайся и въ тайнѣ... Приносишь покаяніе въ неправославіи? Не сближайся съ еретиками. Приносишь покаяніе въ томъ, что поссорился? Приучи языкъ твой отвѣчать кротко. Самъ себя переплавляешь ты, согрѣшившій, самъ себя воскрешаешь изъ мертвыхъ. Поэтому, если дѣлаешь что въ половину, то самъ себя наносишь обиду... Если не всецѣло приносишь покаяніе, то въ половину дѣлаешься праведнымъ» ¹⁾. Эту же самую мысль съ равной ясностью и рѣшительностью пр. Ефремъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Какое искусство! Какое изобрѣтеніе! Какая сила претворенія! Свинецъ самъ себя сожигаетъ. Какъ же это? Такъ, что грѣшникъ самъ для себя дѣлается горниломъ... Ибо тогда начинаютъ разрѣшаться затвердѣлости порока, когда воздыхающіе пролиютъ слезы; и *покаяніе очищаетъ разръшенныя составы прежняго устройства прежде, чѣмъ благодать, растворившись съ умомъ, сдѣлаетъ свинецъ золотомъ*» ²⁾. Въ виду того, что основой покаянія является свободное обращеніе человѣка отъ грѣха къ добру (такъ какъ Богъ всегда «готовъ помиловать человѣка, но ожидаетъ только на то расположенія его, ибо милуя, Богъ хочетъ научить человѣка, и прощая желаетъ сдѣлать причастникомъ царства Своего» ³⁾), становится понятнымъ, въ какомъ смыслѣ свв. аскеты дѣйственность и спасительность таинства покаянія приписываютъ какъ бы самому человѣку. «Послушай, кающійся, ты *самъ себя* переплавляешь, самъ себя искупаешь, самъ себя претворяешь» ⁴⁾... «Богъ милосердъ и желаетъ спасенія грѣшниковъ; посему въ твоей воль, кающійся, или жить, или умереть. Отъ твоей свободы и отъ твоего произволенія зависитъ, быть

¹⁾ 3 т., 273 стр. и д.

²⁾ 3 т., 271 стр.

³⁾ Ibid. 4 т., 51 стр.

⁴⁾ Ibid. 3 т., 273 стр.

или оправданнымъ, или осужденнымъ»¹⁾). Понятно также, почему они опредѣляютъ покаянія, какъ отверженіе грѣха и обращеніе къ Богу: «Покаяніе состоитъ въ томъ, чтобы мы удалились отъ грѣха и болѣе въ оный не впадали»²⁾. «Истинное покаянія состоитъ въ томъ, чтобы удалиться отъ грѣха и возненавидѣть оный, подобно тому, кто говоритъ: «неправду возненавидѣхъ и омерзихъ (Пс. 118, 163); и еще: «кляхся и поставихъ сохранить судьбы Твоя» (106 ст.)»³⁾. Для выясненія ученія свв. аскетовъ о началѣ духовной жизни, полагаемомъ въ таинствѣ крещенія, или въ таинствѣ покаянія, приведенныхъ свидѣтельствъ достаточно.

Итакъ, путь обращенія грѣшника къ Богу въ общихъ чертахъ таковъ. Не находя удовлетворенія въ плотской жизни, человѣкъ начинаетъ жаждать жизни новой, чистой, истинной; это — *пробужденіе* грѣшника отъ грѣховнаго усыпленія. Подъ вліяніемъ пробудившагося нравственного самосознанія, человѣкъ, далѣе, свободно *рѣшается* измѣниться и жить для Бога. Наконецъ, это свободное рѣшеніе человѣка укрѣпляется силою *свыше* обыкновенно въ таинствѣ покаянія или же въ таинствѣ крещенія.

Арх. Кириллъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ефр. 4 т., 228 стр.

²⁾ Исаи Подв. 184 стр.

³⁾ Ефр. 2 т., 350 стр.

ВЪ НОВОМЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

I.

Надвигается осень... Лѣто таетъ и гаснетъ, и мнѣ хочется проводить его за городомъ, въ монастырѣ. Люблю я монастыри за ихъ глубокой смыслъ, за своеобразную тишину, за миръ, навѣваемый ими на душу, измученную повседневною и запутанными «проклятыми вопросами». Мнѣ кажется, что на монастырской дворъ слѣдуетъ входить съ евангеліемъ и съ какимъ-либо аскетическимъ писателемъ, вродѣ, напримѣръ, Игнатія Брянчанинова или Паисія Величковскаго. Уединиться здѣсь, раскрыть евангеліе или аскетическое ученіе и хорошенько въ нихъ вдуматься,—это значить: понять, какъ въ сущности мелко и ничтожно очень многое изъ того, что заставляеть насъ, мірянъ, горѣть и сгорать преждевременно.

До этихъ поръ я не бывалъ въ Новомъ Іерусалимѣ, которому,—кстати сказать,—только—недавно исполнилось 250 лѣтъ, потому что знаменитый въ отечественной исторіи патріархъ Никонъ купилъ въ іюнь 1656 года село Вознесенское (теперь заштатный городъ Воскресенскъ) съ тремя деревнями и пустошами у дворянина Романа Боборыкина. «Никонъ сравнялъ холмистую мѣстность, съ трехъ сторонъ окопалъ рвомъ, вдоль котораго выстроилъ деревянную ограду съ восемью башнями, а по серединѣ деревянную церковь. Когда послѣдняя была готова, патріархъ пригласилъ Алексѣя Михайловича со всѣмъ семействомъ на освященіе. Царю понравилась живописная

мѣстность, и онъ сравнилъ ее съ Іерусалимомъ; такое сравненіе пріятно поразило Никона, и онъ задумалъ создать подобіе настоящаго Іерусалима»; съ этой цѣлью келарь Троицкой лавры, извѣстный строитель московскаго Богоявленскаго монастыря и сторонникъ церковныхъ обрядовъ, Арсеній Сухановъ былъ посланъ на Востокъ, чтобы достать тамъ насколько можно точнѣйшую модель іерусалимскаго храма Воскресенія Христова. Іеромонахъ Арсеній съ честью выполнилъ миссію и привезъ патріарху на Москву не только модель, но и подробное описаніе палестинской святыни.

Въ то время, когда Сухановъ путешествовалъ на Востокъ, самъ Никонъ не бездѣйствовалъ, а устраивалъ святыя мѣста подмосковной Палестины. Скоро собралось братство, во главѣ котораго сталъ игумень Стефанъ. Патріаршее село Чернево назвалось Назаретомъ, Никулино — Скудельничьимъ; горы на сѣв.-западъ отъ монастыря Оаворомъ и Ермономъ. Монастырская роща превратилась въ Геосиманскій садъ; явились несохнущій Кедронскій потокъ, Мамврійскій дубъ, Силоамская купель, колодезь самарянки, Иосафатова долина. Повитая красивыми берегами Истра обращена въ Іорданъ; словомъ— все то, что въ далекой Святой Землѣ привлекало къ себѣ кіевлянъ и новгородцевъ еще въ XI столѣтіи, патріархъ Никонъ завелъ въ сердцѣ Россіи. Царь Алексѣй Михайловичъ, воскликнувшій на здѣшней «горѣ Елеонской» отъ избытка удовольствія: «Воистину благоволилъ Богъ устройству на этомъ мѣстѣ монастыря; оно прекрасно, подобно Іерусалиму!» — только подтвердилъ этимъ находчивость умнаго патріарха.

По поводу Воскресенскаго (Новаго Іерусалима) монастыря нѣсколько оригинальныхъ мыслей высказалъ покойный Н. Ѳ. Ѳедоровъ; по его словамъ, патріархъ Никонъ, составившій себѣ самое высокое понятіе объ единствѣ и согласіи свѣтской и духовной власти, не признававшій противоположности между Божіимъ и Кесаревымъ,—когда

согласіе это, благодаря боярамъ, было нарушено, оставилъ патріаршую кафедру, и въ ожиданіи грядущихъ бѣдъ и скорбей приступилъ къ постройкѣ храма страданій Господа, Голгоескаго храма, а подъ нимъ поставилъ алтарь Іоанну Крестителю, котораго былъ самымъ усерднымъ читателемъ, тутъ же поставилъ алтарь и всѣмъ мученикамъ, приготовилъ могилу и себѣ. Памятникомъ этого разрыва двухъ властей, а вмѣстѣ и глубочайшаго желанія единенія и согласія ихъ, желанія разрѣшенія противорѣчія между Божиимъ и Кесаревымъ, и былъ созданъ Новый Іерусалимъ, служащій также памятникомъ и наибольшей любви Древней Руси,—не изсякнувшей и въ Новой,—къ послѣднимъ днямъ жизни Господа и къ празднику воскресенія, который нигдѣ такъ свѣтло не празднуется, какъ въ русской землѣ... («Только въ одной Россіи этотъ день празднуется такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться!» сказалъ Гоголь). Разрѣшеніе противорѣчія между Божиимъ и Кесаревымъ заключается въ самодержавіи, какъ *доброй воли*, какъ выраженіи воли Божіей, въ самодержавіи, составляющемъ противоположность и деспотизму, т.-е., произволу, самоволю, и конституціи, т.-е., своеволю. («Философія общаго дѣла»).

Окончивъ постройку первой деревянной церкви въ Новомъ Іерусалимѣ, во имя Воскресенія Христова, Никонъ торжественно освятилъ ее въ присутствіи государя со всѣмъ его домомъ и бояръ—18 октября 1657 года.

Былъ седьмой часъ свѣжаго августовскаго утра, когда я приближался къ вокзалу Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги. Москва еще спала, только группы рабочихъ попадались навстрѣчу. И думалось, глядя на щеголеватые, многоэтажные дома, поздно затихающіе и несвоевременно оживляющіеся: — не то, что въ Западной Европѣ, гдѣ въ эти часы уже жизнь въ городахъ начинается бить ключомъ! Вѣдь, только рано утромъ въ Москвѣ и можно дышать хорошимъ, свѣжимъ воздухомъ, но москвичи не дышутъ имъ, не вдыхаютъ фильтрующей

легкія прелести,—и тѣ именно москвичи, кто легко могъ бы это дѣлать. «Рано ложиться и рано вставать — вотъ тайна долголѣтія», сказалъ великій американецъ. И развѣ это неправда? Или: вся тайна продленія нашей жизни заключается въ томъ, чтобы ея не сокращать. Но чловѣческое ли это дѣло сокращать жизнь, лучше которой чловѣчество ничего не знаетъ, ничего не придумало, ничего не находить?

Дорога до Новаго Іерусалима извивается среди населенныхъ мѣстъ. Между прочимъ, встрѣчаются Нахабино, прославившееся леченіемъ отъ запоя, но не свободное отъ трактировъ, и знаменитое въ исторіи Тушино, гдѣ сидѣлъ Дзедимитрій II и, вѣроятно, лаская Марину Мнишекъ, дивился какъ низости и ничтожеству московскаго боярства, такъ и той легкости, съ которою темная масса вѣрить всякому вздору и склоняется, куда вѣтеръ дуетъ.

За три версты открываются золотыя шапки монастырскихъ главъ. Истра—«Іорданъ»—встрѣчаетъ богомольцевъ и ведетъ въ заштатный Воскресенскъ, исполняющій роль какъ бы іерусалимскаго преддверія Яффы. Городокъ не изъ привлекательныхъ, но что касается до рѣки Истры, то при нѣкоторой доль фантазіи теченіе ея даетъ сходство съ священной палестинской рѣкой. А желѣзная дорога, не миновавъ обоихъ Іерусалимовъ, стараго и новаго, только усилила между ними сходство.

II.

Новый Іерусалимъ описывался многократно; поэтому, не стану повторять того, что сдѣлано хотя бы талантливымъ и трудолюбивымъ архимандритомъ Леонидомъ.

Монастырское увяданіе, на которое нельзя закрывать глазъ, требуетъ полнаго вниманія. Сами обители плачутся на «оскудѣніе милостыни», на отливъ богомольцевъ и винятъ въ этомъ «время»... социализмъ... Ой, такъ ли? Не лучше ли взглянуть на себя и на *свою*

работу въ прошломъ? Не сами ли монахи отпугиваютъ отъ себя народъ? Да вотъ фактъ, мелкій самъ по себѣ, но для иноческой характеристики не лишній. Я зналъ, что въ ново-іерусалимскомъ монастырѣ скончался профессоръ, архимандритъ Анатолій Ставицкій. Мнѣ хотѣлось увидѣть его могилу и, если можно, узнать точный годъ его кончины, такъ какъ указаніе г. Венгерова (въ «Критико-біографическомъ словарѣ»), что архим. Анатолій умеръ, вѣроятно, въ сороковыхъ годахъ, — меня не удовлетворяло. Я принялся искать анатоліеву могилу и не могъ найти. И не могъ ея показать мнѣ никто изъ тѣхъ, кто объясняетъ богомольцамъ мѣстныя достопримѣчательности. Старые монахи также отзывались невѣдѣніемъ. Описаніе монастыря очень кратко. Какъ быть? Кто-то посовѣтовалъ обратиться къ о. намѣстнику.

— Онъ — отецъ Анастасій лѣтъ 30 въ монастырѣ и, вѣроятно, знаетъ, гдѣ погребенъ архимандритъ Анатолій. Кромѣ, какъ отъ о. намѣстника, ни отъ кого не получите свѣдѣній.

Такъ какъ я совсѣмъ не зналъ о. Анастасія, то попросилъ привратника указать мнѣ его: время было обѣденное. И вотъ о. намѣстникъ вышелъ изъ трапезной и направляется въ нашу сторону, къ своей кельѣ. Съ нимъ рядомъ идетъ монахъ. Я дѣлаю два-три шага навстрѣчу.

— Благо...

— Что надо?—обрываетъ меня о. намѣстникъ.

Я на минуту опѣшилъ... Я не знаю, какое оскорбительное слово начинается съ «благо», чтобы смиренный инокъ не далъ и договорить его!

— Я хотѣлъ, — сдержанно произнесъ я, — обезпокоить васъ просьбою: не знаете ли вы, гдѣ находится могила, конечно, извѣстнаго вамъ архимандрита Анатолія Ставицкаго?

— Обращались бы къ археологамъ, а не ко мнѣ!—въ прежнемъ тонѣ продолжалъ о. Анастасій.

— Сожалѣю и самъ, что обратился, не зная васъ, но

я думалъ, что это въ сферѣ вашего знанія, да и притомъ вашъ же монахъ направилъ меня къ вамъ...

О. намѣстникъ бросилъ что-то «о всѣхъ четырехъ сторонахъ» и сердито захлопнулъ за собою дверь въ келью. Вы можете толковать фактъ какъ вамъ угодно, но для меня тутъ ни чуточки аскетической суровости, а только грубость. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же монастырскіе жители обижаются на васъ—мірянь?

Заговоривъ о покойномъ Апатоліи Ставицкомъ, память о которомъ обитель должна была бы иначе хранить, я кстати укажу еще на кое-какія могилы, еще видимыя возлѣ соборнаго храма. Такъ нѣсколько надписей говорятъ, что здѣсь погребена семья Сухово-Кобылиныхъ, давшая русской литературѣ извѣстнаго философа и драматурга А. В. Сухово Кобылина («Свадьба Кречинскаго»), Евгенію Туръ и, сына ея, гр. Салиасъ-де Турнемиръ, историческаго романиста. Впрочемъ, Евгенія Туръ (урожденная Елиз. В. Сухово-Кобылина) и братъ ея, А. В. Сухово-Кобылинъ погребены не въ ново-іерусалимскомъ монастырѣ. Близъ южныхъ соборныхъ дверей, въ оградѣ, видится плита, медленно уходящая въ землю. На ней написано: «Здѣсь покаятся тлѣнные останки тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Алексѣя Ѳедорова сына Малиновскаго. Родился 2 марта 1762 года. Скончался 26 ноября 1840 года». Металлическіе крестъ и подкова, ниже надписи, сближаются съ такимъ же вѣнкомъ, а въ вѣнкѣ: LX. Латинскимъ: *patientia victrix* (терпѣніе (кротость, милосердіе) — побѣдитель). Этотъ Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій долженъ быть знакомъ читателю не только какъ бывшій московскій сторожилъ, но и какъ лицо, причастное къ литературѣ. Чуть ли не первый, онъ написалъ исторію нашего театра и, не довольствуясь ролью историка, сочинилъ еще оперу «Русскія святки». Нечего говорить, что это не была опера въ настоящемъ смыслѣ: истинная опера рождена на Руси гениемъ Глинки, опера же А. Ѳ. Малиновскаго была сестрой оперъ, начало которыхъ по-

ложили Сумароковъ и Арайя и которыя въ продолженіе почти столѣтія смѣнялись одна другою на придворномъ театрѣ, откуда попадали въ волны рѣки забвенія. Но всякое проявленіе творческой мысли заслуживаетъ вниманія.

III.

Храмъ Воскресенія Христова великъ, величественъ и прекрасенъ, какъ можетъ быть прекрасно сооруженіе, составлявшее предметъ заботы Растрелли—младшаго. Подобнаго ново-іерусалимскому въ Россіи нѣтъ храма! И что ни шагъ, то напоминаніе о Святой Землѣ, и все здѣсь восхищаетъ, волнуется, все заставляетъ перелистывать евангеліе и уноситься мыслями къ эпохѣ, когда заканчивалось правленіе Ирода въ Іудеѣ, а въ Римѣ начинался золотой вѣкъ Августа.

Вся Палестина налицо! Все, что есть самаго драгоценнаго въ далекомъ Іерусалимѣ, здѣсь тоже налицо! И когда видишь у этого гроба Господня, на Голгоѣѣ, въ скиту, въ «восточныхъ» уголкахъ храма простой людъ, а не видишь школьниковъ, то и думаешь: кто помѣшалъ включить въ воспитательно-образовательную программу коллективное ознакомленіе учащихъ съ такими мѣстами, какъ эта и прочія славныя русскія обители?.. Послушайте, да вѣдь здѣсь огромный просторъ и для законоучителя, и для историка и для всякаго другого учителя, лишь бы это былъ христіанинъ!.. То, что происходило, происходитъ и, увы!—очевидно будетъ твориться въ Россіи, — развѣ эти печальныя, мрачныя, кровавыя событія характеризуютъ христіанское государство, какимъ издавна слыветъ Русь? Такъ вспомнимъ же золотыя слова, что «не то государство есть христіанское, которое признаетъ христіанство, но то, которое признается христіанствомъ, ибо не церковь благословляется государствомъ, а государство церковью». Неужели, наконецъ, у молодежи отсутствуетъ простое любопытство и желаніе побывать въ единствен-

ной въ цѣломъ государствѣ церкви, гдѣ каждое воскресенье «отправляется торжественно-пасхальный канонъ» и побѣдно разливаются звуки «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ» и гдѣ всѣ церковныя установленія схожи съ іерусалимскими?.. Вывѣтрился религіозный духъ изъ семьи и школы, и зато какъ мельчаютъ и нравственно мутнѣютъ новыя поколѣнія!

Если бы отъ меня зависѣло, я бы приказалъ школамъ непременно и близко знакомить своихъ питомцевъ съ дѣйствительно святою Русью. Въ монастыряхъ есть изъ чего черпнуть, есть надъ чѣмъ поразмыслить, есть о чемъ побесѣдовать учителю съ учениками: въ монастырской кельѣ зародилась первая лѣтопись, изъ монастырей исходили благословенія собирателямъ Россіи, изъ монастыря взялся первый нашъ докторъ (Палладій Роговскій), монастыри зачали просвѣщеніе народа; въ ихъ ризницахъ— великія сокровища искусства, русской изобрѣтательности и находчивости; въ ихъ библіотекахъ— собрано множество чудесныхъ жемчужинъ, которыя отлагалъ могучій умъ великаго народа. А зодчество! а иконографія!.. Въ нашихъ монастыряхъ не умираетъ древняя Русь и скорбитъ и тоскуетъ она, видя, какъ молодая Россія мчится мимо нея, точно борзая тройка... куда же, куда?..

Могила создателя Новаго Іерусалима, патріарха Никона, находится подъ Голговою, въ неопратно-содержащемся храмѣ во имя Крестителя и всѣхъ мучениковъ за Христа. Это имѣетъ особенный смыслъ и повито символомъ. Около распятаго Христа, подъ Христомъ, въ ореолѣ мученичества... Искренно-православный и, — чтобы тамъ ни говорили! — связанный узами духовнаго родства съ старою Русью, Никонъ былъ обрядовецъ (пользуясь языкомъ адмирала Шишкова, предлагавшаго замѣнить слово: «министръ» выраженіемъ: «дѣловецъ государственный»), не менѣе, чѣмъ его церковные противники; и подобно старообрядцамъ же, онъ очень чтить Предтечу,—этотъ первый путь къ спасенію чрезъ крещеніе и самопознаніе.

Надъ гробницею патріарха-лѣтописца (Никоновская Лѣтопись), патріарха-воителя, чей образъ до того пугаль даже такого не робкаго самодерца, какъ Петръ I, что этотъ послѣдній рѣшился разрушить само патріаршество,— надъ гробницею висятъ 14-футовыя Никоновы вериги, давая новый поводъ для вашихъ размышленій. Этакая вѣдь была сложная натура—этотъ монахъ! Съ одной стороны — борьба, а съ другой — смиреніе. Мірское кипѣніе и... аскетизмъ. Вериги—самобичеваніе—и тяжкіе удары по другимъ... Или: добровольное отреченіе отъ высочайшаго сана — патріаршаго... такъ сказать, долой съ престола въ самую глубину заурядности, простоты и всего дюжиннаго, но — какъ умру, то похороните меня непременно вотъ на этомъ мѣстѣ. А въ палестинскомъ Іерусалимѣ на этомъ же мѣстѣ находится гробъ *царя и перво-священника* салимскаго Мелхиседека. Но Мелхиседекъ— «царь мира» — ни много, ни мало, какъ прообразъ Христа! Въ посланіи къ Евреямъ это слышится не разъ... Опять-таки замѣчательная и характерная черта для никоновскаго портрета!.. Стоитъ того, чтобы остановиться надъ нею!

По вторникамъ (кромѣ Великаго поста и двенадцатыхъ праздниковъ съ отданіями ихъ) при гробѣ Никона служатся соборнѣ панихиды. И надо ли говорить, что патріархъ слыветъ святымъ въ простомъ народѣ, который возноситъ къ нему свои славословія, благодаренія и прошенія? Вѣра въ святость патріарха Никона зародилась въ народныхъ умахъ давно. Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія почитатели патріарха мечтали о его канонизаціи, такъ какъ, будто бы, у гроба его было зарегистрировано въ разное время до сотни чудесъ. Объ этомъ вскользь упоминалось въ историческихъ журналахъ послѣдней четверти 19-го вѣка. Потомъ все затихло... Какъ прямикъ, какъ аскетъ, какъ мученикъ—Никонъ, разумѣется, не можетъ не быть вознесеннымъ наивною вѣрою простого люда, который,—не въ примѣръ интеллигенціи,—охотнѣе

подчеркиваетъ чужія добродѣтели и закрываетъ глаза свои на чужіе недостатки. Испоконъ вѣка такъ было, что русскій народъ не любилъ порока, сторонился отъ него, не желалъ копаться въ пороки даже и въ чужомъ; такъ что славянофилы сказали великую правду, что «большая разница между грѣхомъ и порокомъ. Въ древней Руси есть грѣхи, но нѣтъ пороковъ».

Вблизи патріаршей могилы могила Ивана Корнильевича Шушерина уже въ церкви Архангела Михаила. Шушеринъ, или Шушера былъ любимымъ дьякономъ знаменитаго патріарха, чью жизнь онъ описалъ съ добросовѣстностью, достойною служителя алтара. «Житіе святѣйшаго патріарха Никона». Къ слову сказать, — ново-іерусалимской книжной лавкѣ очень пристало бы имѣть это «Житіе», какъ и портреты дьякона Ивана Шушерина, если они вообще сохранились. Шушеринъ пережилъ немного своего духовнаго вождя, за котораго пострадалъ, пробывъ 10 лѣтъ въ ссылкѣ новгородской.

Въ особомъ помѣщеніи стоятъ возокъ и сани патріарха Никона; ихъ легко видѣть, какъ и всѣ почти монастырскія достопримѣчательности. Сторожа толково рассказываютъ, переходя отъ одного замѣчательнаго предмета и уголка къ другому замѣчательному же предмету и уголку, но какъ-то холодно эти заученныя толкованія, вынужденныя и имѣющія въ концѣ-концовъ одну цѣль: мзду. И холодно въ скиту, какъ-то тоскливо, не захватываетъ около Кедрона, Силоамской купели, Мамврійскаго дуба и т. д. Чего-то недостаетъ. Чего же? Живыхъ проповѣдей, собесѣдованій съ народомъ на открытомъ воздухѣ, когда тепло, и подъ сѣнью святынь — въ остальное время.

Павелъ Россіевъ.

ПРАВСТВЕННОСТЬ И РЕЛИГИЯ ¹⁾.

Вопросъ о взаимоотношеніи между нравственностью и религіей рѣшается новѣйшей научной этикою въ смыслѣ независимости нравственности отъ религіи. Въ качествѣ авторитета она ссылается на Канта, который провозгласилъ автономію нравственности т.-е. ея самозаконность. Автономія нравственности состоитъ въ томъ, что воля человѣка опредѣляется къ нравственной дѣятельности не отвѣ даннымъ закономъ, но лежащимъ въ самой природѣ человѣка.

Въ признаніи Кантомъ нравственности автономною есть относительная доля истины. Нравственность дѣйствительно самозаконна, по скольку она коренится въ природѣ человѣка и представляетъ собою общую норму для всѣхъ людей. По выраженію ап. Павла, «дѣло закона (нравственнаго) написано у людей въ сердцахъ», такъ что и язычники въ силу его, помимо положительной откровенной религіи, сознаютъ и творятъ добро (Римл. II, 14—12). Отсюда, когда, напр., миссіонеръ убѣждаетъ мусульманина или язычника въ превосходствѣ христіанскаго нравственнаго ученія, то онъ, очевидно, предполагаетъ въ своемъ

¹⁾ Изъ уроковъ по нравств. Богословію въ Виѣанской семинаріи.— Литература вопроса: Мартенсенъ. Христіанское ученіе о нравственности.—Соловьевъ Влад. Оправданіе добра.—Пауліанъ. Основы этики.—Несмѣловъ. Наука о человѣкѣ, т. 1.—Тарѣевъ. Истина и символы въ области духа.—Городенскій. Нравственное сознаніе человѣчества.—Лютардтъ. Апологія христіанства.

слушатель присутствіе (по крайней мѣрѣ въ потенциальномъ, скрытомъ состояніи) тѣхъ же самыхъ нравственныхъ нормъ, какъ и его собственныя. Значить, эти нормы, общія христіанину съ язычникомъ, представляютъ собою нѣчто самостоятельное, не сводимое къ содержанию положительной религіи вообще. Что нравственность фактически можетъ существовать отрѣшенно отъ религіи,—этого нельзя отрицать. Она была возможна на почвѣ древнеязыческой. Стоитъ только вспомнить напр. стоекковъ, которые раскрывали возвышенное нравственное ученіе. Тѣмъ болѣе возможенъ расцвѣтъ автономной нравственности въ новѣйшее время. Можно опредѣляться въ жизни идеей чести, человеческого достоинства, гуманности, помимо религіознаго основанія и религіозныхъ мотивовъ. Автономная нравственность есть цѣнное свидѣтельство первичности и неискоренимости нравственныхъ и идеальныхъ стремленій и способностей человѣческой природы. Она служитъ показателемъ, что нравственность есть результатъ свободнаго самоопредѣленія человѣка во имя разумно понятныхъ требованій его моральной природы.

Но автономисты идутъ далѣе. Они утверждаютъ, что разумъ человѣка есть единственный источникъ и причина бытія нравственнаго закона. Нравственный законъ, по ихъ мнѣнію, есть произведеніе самого человѣка. Они отвергаютъ въ самомъ принципѣ связь нравственности съ религіей и проповѣдуютъ безрелигіозную или невѣрующую нравственность, какъ норму. Это—неправда по слѣдующимъ соображеніямъ.

Нравственное сознаніе возникаетъ у человѣка изъ идеальной природы его личности. Эта идеальность выражается въ томъ, что человѣкъ сознаетъ себя разумно-свободной личностью и въ силу этого сознанія отдѣляетъ свою жизнь отъ жизни вѣшняго міра. Онъ опредѣляется въ своей дѣятельности не чувственными побужденіями своей физической природы, а свободно-разумными требованіями своей духовной личности. Существо же нравственнаго сознанія

въ томъ именно и заключается, что физическія побужденія воли считаются не соответствующими дѣйствительной природѣ человѣческой личности, и потому все чувственное содержаніе жизни считается содержаніемъ не истинной жизни личности. Наоборотъ, всѣ духовныя побужденія воли человѣка считаются выраженіемъ подлинной природы личности, и потому все духовное содержаніе жизни считается содержаніемъ истинной жизни личности. Другими словами: чувственный укладъ жизни признается нравственнымъ сознаніемъ не истинною жизнью, а духовный строй жизни—истинно-нравственною жизнью. Но вся бѣда въ томъ, что истинная жизнь, о которой говоритъ человѣку нравственное сознаніе, въ дѣйствительности неосуществима, потому что человѣкъ есть чувственное существо, подчиненное физическимъ законамъ существованія. Значить, нравственное сознаніе открываетъ человѣку не естественный законъ его собственной наличной жизни, а только образъ истиннаго бытія совершенной безусловной личности, которая живетъ истинною жизнью. Итакъ, выходя изъ идеальной природы своей личности, какъ образа Верховной Безусловной Личности, Которой дѣйствительно принадлежитъ истинная нравственная жизнь, человѣкъ приходитъ къ сознанію и утвержденію бытія Божія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, приходитъ и къ обоснованію своего нравственнаго развитія на почвѣ религіи. При сознаніи себя, какъ образа Божія, человѣкъ находитъ свою истинную жизнь въ жизни по образу Божію, въ богоподобіи. Такая обязанность стремиться къ достиженію богоподобной жизни, какъ истинной, сознается каждымъ человѣкомъ, и ея то сознаніе и предъявляется человѣку въ идеѣ нравственнаго закона жизни. Значить нравственный законъ не *a priori* данъ человѣку, какъ думаетъ Кантъ, а возникаетъ изъ религіознаго сознанія человѣка. Нравственное, долженствующее быть осуществленнымъ, истинное есть лишь богоподобное, такъ что идея богоподобія является основоположеніемъ морали человѣка, критеріемъ нравственныхъ

дѣйствій человѣка и основаніемъ для нравственнаго развитія его.

Это умозаключеніе о тѣсномъ внутреннемъ взаимоотношеніи нравственности и религіи стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ историческимъ опытомъ человѣчества. Правила поведенія съ самаго начала тѣсно ассоціировались съ религіозною жизнью, и такая связь наиболѣе способствовала тому, что человѣкъ сдѣлалъ себя изъ этихъ правилъ нѣчто священное, высочайшее и независимое отъ воли человѣческой. Это и неудивительно. На первыхъ ступеняхъ культуры религія имѣетъ неизмѣримо громадное значеніе: она обнимаетъ и проникаетъ собою всю жизнь первобытнаго человѣка и опредѣляетъ нормы его поведенія. Вотъ почему всюду мы видимъ, что именно религіей опредѣляются правила жизни, все то, что *должно* и *не должно*, *можно* и *нельзя*. Нравы санкціонируются богами, предписанія религіи и нравственности составляютъ единый кодексъ законовъ, благочестіе и нравственность разсматриваются, какъ тождественныя вещи. Особенно ясно иллюстрируетъ это положеніе система такъ называемаго табу. Табу есть религіозное запрещеніе, налагавшее на извѣстныя вещи и лица печать неприкосновенности. Это создавало въ умѣ и сердцѣ дикаря особую категорію позволеннаго и непозволеннаго, причемъ то и другое носило въ глазахъ его абсолютный характеръ, такъ что одна мысль о нарушеніи запрещенія вызывала религіозный ужасъ. Такимъ образомъ система табу оказывала громадное вліяніе на воспитаніе нравственнаго чувства. — Съ другой стороны, идея нравственнаго возмездія, проявляющаяся въ той или другой степени у всѣхъ народовъ, всюду связывалась съ вѣрой въ Высшее Существо. Для некультурнаго даже человѣка его мораль не есть простая привычка общежитія или случайный капризь одного изъ безчисленныхъ божковъ. Она представляетъ собою объективный законъ міроваго значенія: потому именно Творецъ и Промыслитель міра долженъ явиться высшимъ блюстителемъ ея интересовъ.

Тутъ, впрочемъ, весьма важно устранить слѣдующее недоумѣніе. Нравственный уровень развитія извѣстнаго народа, какъ то показываетъ исторія религій, отражается на религиозныхъ представленіяхъ о богахъ. Божества представляютъ собою олицетвореніе нравственныхъ идеаловъ, господствующихъ въ ту или другую эпоху у извѣстнаго народа. Древніе греки не смущались переносить нѣкогда человѣческія страсти и грѣхи на боговъ. Съ постепеннымъ же проясненіемъ нравственнаго сознанія образы боговъ становились у нихъ чище и возвышеннѣе. Итакъ, повидимому, религиозныя представленія зависятъ отъ морали, а не наоборотъ.

Несомнѣнно, нравственное очищеніе и, такъ сказать, просвѣтленіе естественной религіи — историческій фактъ. Но что же онъ доказываетъ? Съ одной стороны то, что языческая религія не въ состояніи была сообщить здороваго и одушевляющаго начала для истинной и чистой нравственности: политеизмъ самъ въ себѣ носилъ зерно нравственнаго разложенія. Съ другой стороны, отмѣченный фактъ свидѣтельствуетъ, что нравственное сознаніе можетъ развиваться безъ содѣйствія религіи или, другими словами, свидѣтельствуетъ объ автономіи нравственности, что мы отмѣчали выше. Но все дѣло въ томъ, что нельзя остановиться на моральной автономіи, признать ее безусловною, самодовлѣющею. Моральная автономія, совершенно освободившаяся отъ религіи и замкнувшаяся въ своей области, не можетъ заявлять притязанія на главное свойство нравственности—абсолютность или безусловность ея требованій. Покажемъ это на примѣрахъ. Съ точки зрѣнія автономно-разумной морали нельзя требовать отъ человѣка: «продавайте имѣнія ваши и дайте милостыню», нельзя требовать отъ него такого отношенія къ своему богатству, чтобы онъ становился нищимъ. Разумная мораль осуждаетъ благотворительность, разоряющую самый источникъ благотворенія (Цицеронъ). Разумно совѣтуютъ давать нищему не болѣе, но и не менѣе, чѣмъ сколько

нужно, чтобы стать ему на ноги и зарабатывать самому. Съ точки зрѣнія автономно-разумной морали нельзя придти къ такимъ абсолютнымъ требованіямъ нравственности: всѣхъ люби, всегда прощай, никого не суди, люби до самопожертвованія. Автономно-разумная мораль всегда будетъ задавать вопросы: «сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? До семи ли разъ?» «Сколько мнѣ отдавать изъ имѣнія своего? не десятую ли часть?» Нравственность можетъ имѣть абсолютность только отъ религіи, которая по самой сущности своей есть отношеніе къ абсолютному. Ясно, почему такого абсолютнаго характера нравственность не могла получить отъ языческихъ религій. Такую абсолютность могла придать нравственности только духовная религія, потому что абсолютность можетъ развиться лишь въ области духа, есть категорія духа. И мы видимъ, что христіанство, единственная духовная религія, вноситъ абсолютность въ нравственную жизнь, даетъ абсолютное выраженіе нравственной заповѣди. Въ Евангеліи не предоставлено намъ любить Бога и ближняго немного или сколько кому угодно, но прямо и опредѣленно заповѣдуются любить ихъ *всѣмъ* сердцемъ, *всей* душой и *всесою* мыслию. Въ Евангеліи заповѣдуются не только не прелюбодѣйствовать, но даже не смотрѣть на женщину съ вожделѣніемъ, вовсе не клясться и т. п. Всѣ заповѣди Евангелія носятъ на себѣ безусловный характеръ. И это потому, что евангельская мораль есть мораль религіозная. А религіозное устремленіе духа есть именно устремленіе къ абсолютному: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный» (Мѡ. V, 48). Религіозное, въ отличіе отъ мірскаго, земнаго, и есть именно абсолютное, здѣсь все разсматривается *sub specie aeterni, sub specie absoluti*.

Итакъ, если хотятъ рѣшать вопросъ о первенствѣ религіи или морали въ процессѣ ихъ развитія, о тѣсной связи ихъ или полномъ разрывѣ, то пусть обращаются къ совершеннѣйшему воплощенію нравственности въ хри-

стіанствѣ, а не останавливаются на нравственности языческой.

Абсолютность истинной нравственности проявляется не только въ возвышенности и безусловности ея требованій, а и въ томъ, что она захватываетъ всего человѣка, становится неотъемлемою частью его духа. Мірская, безрелигіозная нравственность слагается изъ множества отдѣльныхъ добродѣтелей и обязанностей, такъ какъ и самый міръ многообразенъ. Только жизнь въ Богѣ есть жизнь цѣлостная, вырастающая изъ одного корня. И это потому, что только религія въ состояніи охватить человѣка цѣликомъ — всю жизнь его, всѣ помыслы, всѣ чувства, всѣ воспріятія, всѣ поступки. Моралисты древняго міра выработали множество отдѣльныхъ добродѣтелей, и нравственные герои древняго міра сильны тою или другою добродѣтellyю. Но изъ наблюденій надъ всѣми ними мы выносимъ то впечатлѣніе, что средоточіе ихъ существа не проникнуто и не обновлено духомъ нравственности такъ, чтобы онъ могъ проявлять себя во всѣхъ отношеніяхъ. Они блистаютъ отдѣльными добродѣтелями: Аристидъ—справедливостью, Эпаминондъ—правдивостью, Кимонъ—щедростью, Леонидъ—любовью къ отечеству и т. д., но они не представляютъ собою воплощеніе духа нравственности. Сократъ былъ образцомъ благороднаго грека, но онъ въ послѣдніе часы своей жизни относился безсердечно къ своей женѣ и дѣтямъ. Платонъ и Аристотель были учителями нравственной мудрости, но ихъ приговоръ надъ нравственными заблужденіями своего народа былъ болѣе, чѣмъ снисходительный. Катонъ вошелъ въ поговорку по своей честности въ общественной жизни, но онъ былъ жестокъ по отношенію къ своимъ врагамъ. И такъ можно бы привести еще больше примѣровъ. Мы повсюду видимъ только отдѣльныхъ добродѣтели, но не видимъ духа нравственности, наполняющей все существо человѣка и воплощающей во всей его жизнедѣятельности. «Въ чисто человѣческомъ мірѣ,—говоритъ извѣстный

психологъ Джемсъ,—лишенномъ Бога, призывъ къ нашей моральной энергіи лишень своей высшей двигательной силы. Правда, что жизнь и въ такомъ мірѣ по преимуществу этическая симфонія, но разыгрывается она въ предѣлахъ пары жалкихъ октавъ, и безконечная скала цѣнностей не открываетъ ея... Но если мы вѣримъ въ то, что существуетъ Богъ, и что Онъ предъявляетъ къ намъ извѣстные требованія,—предъ нами открываются безконечная перспектива. Скала симфоніи безконечно удлиняется. Наибольше императивные идеалы возвышаютъ голосъ съ совершенно новой для насъ объективностью и настоятельностью и обращаются къ намъ съ глубоко волнующимъ насъ, трагическимъ, требовательнымъ призывомъ... Всѣ религіозные люди обладаютъ высшею степенью энергіи, долготерпѣнія и мужества, а также способностью переносить всѣ жизненные бѣдствія. Вотъ почему религія всегда прижимаетъ къ стѣнѣ безвѣріе¹⁾.

Итакъ, моральная энергія и цѣлостность нравственнаго характера, составляющія характерныя свойства религіозной нравственности, возвышаютъ ее надъ нравственностью автономной. Онъ служатъ необходимыми условіями нравственнаго прогресса, понимаемаго не въ количественномъ, утилитарномъ смыслѣ, а качественномъ,—въ смыслѣ большей интенсивности и чистоты добра для побѣды его надъ зломъ. Отсюда глубокой смыслъ пріобрѣтаютъ слова Виктора Гюго: «прогрессъ долженъ вѣрить въ Бога. Добро не можетъ имѣть безбожнаго служителя. Атеистъ есть дурной вожакъ человѣческаго рода».

Ив. Николнъ.

¹⁾ Зависимость вѣры отъ воли. Пер. съ англ. Церетели, стр. 243—4.

ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ РУССКОЙ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ (1907 годъ).

Несмотря на острый, боевой характеръ современной беллетристики и на чрезмѣрное увлеченіе современныхъ писателей крайними освободительными темами, типы православнаго духовенства въ беллетристичѣ и теперь встрѣчаются нерѣдко. Къ сожалѣнію, типы эти по болъшей части отрицательнаго свойства, и типовъ положительныхъ и даже такихъ, которые приближались бы къ положительнымъ, теперь встрѣчается все меньше и меньше. Но они все же есть. Таковъ прежде всего типъ монастырскаго (въ Соловецкомъ монастырѣ) духовника «старца» отца Никодима, выведенный въ разсказѣ Прокопія Щукина «Братъ Тихонъ» (*Нива* №№ 26—30-й 1907 года).

Отецъ Никодимъ — старикъ съ проникновенными глазами, уже около сорока лѣтъ состоящій безсмѣннымъ духовникомъ монастырскихъ трудниковъ и богомольцевъ. Онъ — простой, необразованный крестьянинъ, но продолжительное знакомство съ человѣческими душами, выслушивание, тщательно скрывааемыхъ обыкновенно отъ людей, грѣховъ, преступленій, затаенныхъ мыслей и чувствъ — сдѣлали его человѣкомъ необыкновенно опытнымъ въ духовной жизни, умѣющимъ и подать совѣтъ, и утѣшить, и увѣрчить мятущуюся больную совѣсть.

Именно съ такою мятущею совѣстью приходитъ къ отцу Никодиму «братъ», т.-е. монастырскій послушникъ, готовящійся къ постриженію и находящійся на испытаніи

Тихонъ. Тяжело Тихону въ уединенной монастырской пустынькѣ, гдѣ онъ живетъ въ полномъ одиночествѣ, — въ особенности во время страшныхъ зимнихъ сѣверныхъ метелей и вьюгъ; одолеваяютъ его и думы о бѣдствующей на родинѣ семьѣ брата. Съ своими думами и тревогами онъ идетъ на исповѣдь къ отцу Никодиму. Ласково и внимательно выслушиваетъ его старецъ и, утѣшая его, говоритъ между прочимъ, что не онъ одинъ, а и всѣ въ первое время испытываютъ то же самое и такъ же мучаются.

— «Можетъ быть, кто тебѣ и скажетъ—говоритъ онъ Тихону—что онъ такой желѣзный, что сердце его ни разу не билось по родному краю, по приснымъ и близкимъ,— такъ не вѣрь ему... Всѣ люди, всѣ человѣки... Крѣпкими корнями мы вросли въ родную землю, оторваться-то отъ нея—охъ, какъ больно! Помню свои муки, бессонныя ночи, тоску безысходную... Я вѣдь въ монастырь-то пошелъ потому, что невѣста меня обманула, за другого вышла... Ну, извѣстно, мнѣ показалось, что вѣтъ ужъ и мѣста больше на бѣломъ свѣтѣ... Пошелъ съ горя Богу молиться и попалъ сюда. Шибко понравилось мнѣ здѣсь; понялъ я, что Самъ Богъ привелъ въ эту тихую пустынь мою мятущуюся душу. Пришелъ я къ настоятелю — и бухъ ему въ ноги: оставьте, молъ, меня въ обители... — «Что-жъ, говорить, коли по душѣ наша жизнь—оставайся»... Однако три года меня держали на испытаніи—трудникомъ. Вотъ въ эту пору я и пережилъ все, что ты, братъ, теперь переживаешь. Бывало, какъ засосетъ сердце, да какъ оно заносетъ — Господи Боже мой! На свѣтъ смотрѣть не хочется... Охъ, понимаю я тебя, братъ мой, родной мой. Близокъ ты мнѣ со своимъ горемъ... Да ты, братъ, только не робѣй. Поскучать—это ничего, это Богъ и Его святые угодники простятъ, а ты только до конца не отчаявайся, наблюдай за собою, разсуждай... Помни, что вѣдь и въ мірѣ-то намъ грѣшнымъ не большая сласть. Тяжело нынѣ стало на міру тому, у кого душа широкая, кто не можетъ

спокойно смотрѣть, какъ кругомъ бѣднота да темнота царствуетъ, а особливо когда у него на глазахъ правда Божія топчется въ грязь... Какъ размыслишь объ этомъ, такъ и скажешь: Слава Тебѣ, Господи, что Ты вынесъ меня изъ этого бурнаго моря житейскаго въ тихую пристань сію подъ сѣнь благодати Божіей... Такъ-то братъ! Ты только подумай объ этомъ, и тебѣ легче станетъ. А если душа скорбитъ не въ мѣру, такъ возьми да акаеистъ Иисусу Сладчайшему прочитай... Охъ, хорошій, душевный акаеистъ, видно, съ большимъ сердцемъ человекъ его писалъ... А не въ моготу будетъ, опять загляни ко мнѣ»...

Исповѣдь снимаетъ тяжесть съ души Тихона. Но, подъ вліяніемъ одиночества и вѣстей съ родины, онъ снова начинаетъ тосковать и, чтобы спастись отъ самого себя, рѣшается принять постриженіе. Но когда онъ приходитъ за благословеніемъ къ отцу Никодиму, тотъ скептически относится къ его порыву и совѣтуетъ не торопиться.

— «Не торопись, Тихонушко — вразумляегъ его отецъ Никодимъ—больно крѣпко ты еще къ землѣ-то, голубокъ, приросъ. Кончилась ли твоя борьба? Сдается мнѣ, что ты еще не побѣдилъ... Ну, а плохъ тотъ борець, что не докончивъ боя, бѣжить куда-нибудь отъ противника спрятаться. А ты вотъ хочешь подъ глобукъ схорониться... Нѣтъ, побѣди, братику, сначала. Погоди, что еще весна скажетъ. Весенній—отъ искусь, другъ, самый тяжелый и опасный. Отъ него многіе, особливо молодые, подъ глобукъ просятъ. Только не вѣрю я такимъ монахамъ. Это они просто не могутъ съ собой совладать, вотъ и думаютъ скорѣе прикончить себя... Нѣтъ, Тихонушко, раньше осени не дамъ я тебѣ своего благословенія. Выдержишь весенній искусь, тогда оправдаешь себя».

Мудрый старецъ оказывается правъ. Весною томленіе Тихона до того усиливается, что получивъ съ родины письмо о смерти брата, убитаго на войнѣ, онъ не выдерживаетъ и уходитъ совсѣмъ изъ монастыря.

Въ разсказѣ «На часахъ безъ смѣны» (*Русское Слово* 1907 г.) г. Вас. Немировичъ Данченко выводитъ мимоходомъ (и, кажется, уже не въ первый разъ) идеальнаго священника — о. Петра. Отецъ Петръ священствуетъ въ бѣднѣйшемъ, нищенскомъ селѣ Пустынномъ и потому въ шутку величаетъ себя Петромъ Пустынникомъ. О. Петръ трудится, не покладая рукъ, въ заброшенномъ селѣ: просвѣщаетъ народъ, борется съ пьянствомъ и другими пороками; борется и съ мѣрѣдами. Потомъ онъ отправляется на войну и тамъ работаетъ тоже не покладая рукъ—не только какъ священникъ, но и какъ санитаръ и братъ милосердія.

Добрымъ словомъ о духовенствѣ обмолвился, къ удивленію, и г. Елеонскій. Въ разсказѣ «Качукъ» (*Русское Богатство* февраль 1907 г.) выведенъ добрый и участливый наблюдатель церковно-приходскихъ школъ отецъ Иліодоръ. Наружность отца Иліодора не говоритъ въ его пользу: надутое лицо, гордая осанка. Но сердце у него доброе. — «Нашъ о. наблюдатель такой, какихъ трудно найти—говорить о немъ одинъ изъ учителей—онъ за насъ горой. Если бы отъ него зависѣло, онъ бы все сдѣлалъ. Награды выхлопатываетъ, пособія... и въ совѣтѣ враговъ изъ-за насъ нажилъ». Изъ расположенія къ отцу Иліодору, учителя изъ своего болѣе чѣмъ скуднаго пятирублеваго жалованья покупаютъ бутылку портвейна и закуску, которыми и угощаютъ его во время объѣзда имъ школъ. Бутылка и закуска кладутся въ ящикъ, который и путешествуетъ вмѣстѣ съ о. Иліодоромъ; а онъ хоть и знаетъ объ этомъ, дѣлаетъ видъ, что не догадывается. И въ долгу не остается: самъ, тайкомъ отъ жены, покупаетъ ветчину и закуску и во время своихъ объѣздовъ по школамъ и угощаетъ голодныхъ учителей. Вступившись за обиженнаго черемисами учителя, онъ поднимаетъ на ноги все начальство. И вообще его отношенія къ избраженному въ разсказѣ учителю совершенно отеческія.

Вообще разсказъ, въ противоположность обычному у этого писателя насмѣшливо-злобному тону, когда онъ говоритъ о духовенствѣ, написанъ съ добродушнымъ юморомъ. Въ разсказѣ есть, между прочимъ, любопытныя подробности о нравахъ, бытѣ и обычаяхъ черемисъ (дѣло происходитъ въ восточномъ край).

Не совсѣмъ обычный по сюжету, сантиментальный и нѣсколько напоминающій разсказъ того же автора «Шестеро», только съ болѣе благополучнымъ концомъ, разсказъ г. Потапенко «Справедливость» напечатанъ въ февральской книжкѣ *Звоная* за 1907 годъ. Сельскій священникъ о. Василій Опознанскій обладаетъ чуднымъ, чарующимъ голосомъ, при красивой наружности и хорошихъ манерахъ. Неудивительно поэтому, что когда онъ учился въ семинаріи и былъ солистомъ въ архіерейскомъ хорѣ, отъ него были безъ ума не только «цоповны», но и очень многія изъ «свѣтскихъ» барышень. И Опознанскій, по окончаніи курса, женится дѣйствительно хотя и на дочери протоіерея, но на совершенно свѣтской дѣвушкѣ и изъ совершенно свѣтской по своимъ симпатіямъ и образу жизни семьи. Чтобы не упустить Опознанскаго изъ хора, преосвященный, несмотря на то, что и учился и кончилъ курсъ Опознанскій весьма не важно, открываетъ для него сверхштатное священническое мѣсто при соборѣ. Да иначе Опознанскому, пожалуй, пришлось бы упустить невѣсту, хотя она и любитъ его, такъ какъ она о деревнѣ не имѣетъ даже и понятія. Опознанскій женится и блаженствуетъ, но блаженство его продолжается недолго. Преосвященный въ скоромъ времени умираетъ, а его преемникъ закрываетъ открытую его предшественникомъ священническую вакансію при соборѣ, и Опознанскаго посылаютъ въ село, хотя и недурное. Опознанскій чувствуетъ себя въ такой степени виновнымъ предъ женою и погружается сразу же въ такое глубокое и безысходное

отчаяніе, что несмотря на то, что даже жена его, при всемъ горѣ, переносить несчастіе мужественно и ни въ чемъ его не упрекаетъ, сразу же опускается. Онъ перестаетъ заботиться о своей наружности, ко всему начинаетъ относиться въ высшей степени безучастно. Съ подчиненными своими—дьякономъ и дьячкомъ—«онъ мягокъ и кротокъ, прихожанъ никогда ничѣмъ не огорчаетъ, требы исполняетъ безпрекословно, но все это дѣлаетъ машинально и безучастно». А когда отчаянье нападаетъ на него съ особенною силою, онъ забирается въ свой кабинетъ, плотно закрываетъ ставни и сидитъ тамъ безвыходно по цѣлымъ недѣлямъ. Ни служба, ни требы не совершаются въ это время, и всѣ ему это прощаютъ. И уже не только онъ самъ совсѣмъ не поетъ, но не выпоситъ даже женой музыки, и рояль, привезенный изъ города, остается закрытымъ.

Такъ проходитъ восемь лѣтъ. Въ это время еще разъ происходитъ смѣна преосвященнаго; новый преосвященный совершаетъ объѣздъ епархіи и уже приближается къ селу, гдѣ священствуетъ Опознанскій. Но послѣдній не только не приходитъ въ себя,—на него, напротивъ, какъ разъ въ это время «находить», и онъ уединяется въ своемъ кабинетѣ. Дьячекъ Климентій, вмѣстѣ со старостой, кое-какъ приводятъ въ порядокъ храмъ, а когда прїѣзжаетъ преосвященный, — уступая настояніямъ благочиннаго и просьбамъ жены, появляется и самъ Опознанскій; но видъ его производитъ на преосвященнаго такое удручающее впечатлѣніе, что тотъ, сочтя его за запойнаго пьяницу, тотчасъ же приказываетъ ему подавать въ «за штатъ» и уѣзжаетъ дальше, не осмотрѣвъ даже церкви.

Тутъ только опомнился Опознанскій и начинаетъ понимать, что онъ сдѣлалъ, и что ожидаетъ его бѣдняжку жену. Но кто волнуется болѣе всѣхъ и кто менѣе всѣхъ способенъ помириться съ совершившимся — это старый дьячекъ Климентій. При маломъ чинѣ, у Климентія большая душа, сострадательная, правдолюбивая и смѣлая. Онъ

видить, что совершилась несправедливость, хотя и невольная, что Опознанскій не виноватъ, и рѣшаетъ во что бы то ни стало поправить дѣло. «Онъ, Климентій, долженъ былъ пасть къ ногамъ архіерея и громко сказать, что онъ заблуждается и наказываетъ невиннаго, несчастнаго. Ну, что такое могло быть ему за это? Выговоръ, лишеніе мѣста? Конечно, это было бы тяжело. Да вѣдь старъ онъ, ему уже подъ семьдесятъ лѣтъ, не сегодня-завтра смерть придетъ и, все равно, лишитъ его мѣста. Нехорошо, нехорошо поступили они съ о. дьякономъ, не защитили своего настоятеля». Надо во что бы то ни стало увидеть преосвященнаго и выяснитъ предъ нимъ невинность отца Василія. И Климентій рѣшается дѣйствовать. Подъ предлогомъ посмотрѣть архіерейскую службу, онъ отправляется въ монастырь, гдѣ, какъ онъ зналъ, преосвященный долженъ ночевать и служить на другой день; тамъ онъ потихоньку забирается въ садъ при домѣ, гдѣ ночуетъ преосвященный. Онъ надѣется, что преосвященный предъ обѣдней выйдетъ въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ; такъ и случается. Оттолкнувъ келейника, Климентій настойчиво проситъ преосвященнаго выслушать его. Узнавъ, что дѣло идетъ объ Опознанскомъ, преосвященный велитъ Климентію уйти, но тотъ съ необыкновенною настойчивостью останавливаетъ его.

— «Я старъ, мнѣ подъ семьдесятъ лѣтъ, и я пламенно вѣрую въ Господа Иисуса и въ будущую жизнь. Смерть можетъ настичь меня каждую минуту, и мнѣ лгать, да еще предъ архипастыремъ, невозможно. Ваше Преосвященство, отецъ Василій Опознанскій никогда капли вина въ ротъ не беретъ... И его болѣзнь есть отчаянье... Разрѣшите изложить его исторію... Послушайте...

— Ты такъ говоришь, что я долженъ тебя выслушать» — сказалъ преосвященный, и Климентій, собравъ все свое мужество и все свое небольшое словесное искусство и въ началѣ путаясь и запинаясь, рассказываетъ преосвященному исторію Опознанскаго. Выслушавъ рассказъ Кли-

ментія, преосвященный рѣшаетъ исправить несправедливость и, захватъ изъ монастыря нарочно къ отцу Василю, объявляетъ ему, что переведетъ его обратно въ городъ.

Черезъ два мѣсяца Опознанскій уже снова былъ въ городъ, на прежнемъ мѣстѣ, при соборной церкви. Не сразу все-таки пришелъ онъ въ себя, но къ концу года прихожане уже слышали на клиросѣ его чарующій голосъ солиста. Вмѣстѣ съ нимъ былъ переведенъ въ городъ и дьячекъ Климентій, и когда случалось какое-нибудь «житейское дѣло», преосвященный приглашалъ его и совѣтовался съ нимъ.

Одна изъ главнѣйшихъ особенностей и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ писательства г. Потапенко—это, если можно такъ выразиться, трафаретность. Почти всѣ его рассказы написаны по одному шаблону, и очень часто по началу рассказа можно безошибочно предсказать его конецъ, кстати, — почти всегда благополучный. Если герой рассказа рѣшилъ чего-либо достигнуть,—онъ непременно этого достигнетъ. Онъ очень легко и скоро обойдетъ или устранитъ препятствія, убѣдитъ того, кого нужно ему убѣдить, и поставитъ на своемъ. Всѣ главные герои г. Потапенко говорятъ необыкновенно логично и убѣдительно, дѣйствуютъ цѣлесообразно и настойчиво и достигаютъ своей цѣли. При этомъ обыкновенно пороки наказуются, а добродѣтель торжествуетъ. Оттого его рассказы, написанные обыкновенно очень гладко и читающіеся легко, теряютъ главный признакъ художественности—естественность и отзываются сочиненностью. Все это налицо и въ данномъ случаѣ. Помимо этого, здѣсь не мало и другихъ несообразностей. Слишкомъ ужъ несоразмѣрно слѣдствіе съ причиной, слишкомъ ужъ большую вину беретъ на себя Опознанскій предъ женой. Если онъ виноватъ въ томъ, что слишкомъ полно и, быть можетъ, легкомысленно повѣрилъ въ прочность своего мѣста въ городъ, то вѣдь ему это болѣе прости-

тельно по молодости и потому, что онъ увлеченъ и ослѣпленъ страстью къ своей невѣстѣ. Вѣдь онъ ничего не скрывалъ и ни въ чемъ не обманывалъ и не лгалъ предъ невѣстой. Не бодѣ ли его въ такомъ случаѣ виновать его тесть-протоіерей, который вѣдь раньше, чѣмъ отдать за него дочь, тщательно взвѣсилъ всѣ шансы будущаго благополучія своего зятя? И если ошибся старикъ, чего же требовать отъ молодого человѣка, еще не видавшаго жизни и, вдобавокъ, еще увлеченнаго страстью? Итакъ, вина Оpoznанскаго предъ своей женой вовсе не такъ велика, потому что онъ ея ни въ чемъ не обманулъ, и впадать въ такое глубокое и безысходное отчаяніе ему не было причины. Не говоримъ уже о томъ, что *священнику* Василию Оpoznанскому и не къ лицу было такое отчаяніе; онъ могъ и долженъ былъ найти себѣ дѣло и въ селѣ и даже попытаться заинтересовать имъ и жену. Даже въ видахъ собственнаго благополучія онъ долженъ былъ не опускать рукъ, а приняться за какую-нибудь дѣятельность, чтобы выдвинуться, обратить на себя вниманіе и добиться перехода снова въ городъ. И если бы хоть отъ жены онъ слышалъ упреки, хотя бы и молчаливые — и этого нѣтъ: жена мужественно переноситъ несчастіе и примиряется съ нимъ. Очень странно также и то, что и жена Оpoznанскаго не находитъ въ себѣ силъ подѣйствовать къ лучшему на безумно любящаго ее мужа, убѣдить его, что онъ передъ нею не виноватъ, пробудить въ немъ бодрость и энергію — хотя бы уже въ видахъ собственнаго благополучія. Какъ ни опустился Оpoznанскій, однако же и онъ, въ особенности при напоминаніяхъ и просьбахъ жены и Климентія, долженъ былъ понять, что встрѣчать преосвященнаго въ запущенномъ храмѣ нельзя, и что если онъ пострадаетъ за это, то должна пострадать и столь любимая имъ жена. Вѣдь сознаетъ же онъ это по отъѣздѣ преосвященнаго.

Еще одна странность: отбуда это авторъ взялъ и гдѣ нашелъ городъ, гдѣ всѣ священники <академики>, т.-е.

академисты, люди съ академическимъ образованіемъ? Видно плохое знаніе изображаемой среды и разсужденіе на основаніи теоріи: губернской городъ, значить, и священники въ немъ должны быть всѣ «академиками».

Яркое пробужденіе въ священникѣ сознанія важности своего сана и отвѣтственности предъ Богомъ за свою паству представлено въ разсказѣ г-жи Межаковой «Вотъ тѣмъ» (*Русская Мысль* іюль 1907 года). Сельскій священникъ о. Христофоръ, человекъ добродушный и незлобивый, хотя и нѣсколько безпечный, — тѣмъ не менѣе издавна не въ ладахъ съ сосѣднимъ священникомъ о. Гуріемъ. Отецъ Гурій богатъ, отецъ Христофоръ бѣденъ и вдобавокъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ; эта бѣдность и многосемейность сильно удручаютъ жену отца Христофора. И вотъ въ самый разгаръ матеріальныхъ затрудненій отца Христофора, Богъ неожиданно посылаетъ ему испытаніе. Одинъ изъ его прихожанъ, человекъ серьезный и богобоязненный, находитъ въ ручьѣ старинную икону. При этомъ извѣстіи матушка о. Христофора сразу оживаетъ. Ей уже чудятся молебны предъ чудотворной иконой, доходы... Но не такъ смотритъ на дѣло отецъ Христофоръ. Онъ боится соблазна и не увлекается перспективой наживы. Дѣло справедливо кажется ему очень важнымъ, онъ не рѣшается покончить съ нимъ одинъ и ѣдетъ совѣтоваться къ благочинному, человеку благочестивому и уважаемому. Но на бѣду отца Христофора, благочиннаго не оказывается дома, и, проѣздивъ попусту цѣлый день, онъ ни съ чѣмъ возвращается домой. А за это время отецъ Гурій, узнавъ какимъ-то образомъ объ иконѣ, переноситъ ее къ себѣ, служить уже предъ ней молебны и собираетъ приношенія. Матушка отца Христофора виѣ себя, а въ душѣ самого отца Христофора поднимается такая борьба, «какую ему не доводилось переживать за всѣ пятнадцать лѣтъ священства.

Глубоко потрясло его то, что онъ услышалъ, и жалость къ темному люду, къ его дѣтской вѣрѣ, простодушію,— болью сжимала его грудь. Онъ чувствовалъ, что не можетъ остаться безмолвнымъ свидѣтелемъ, и въ то же время не зналъ, что предпринять. Какъ говорить съ о. Гуріемъ?.. Не повѣрять! Подумаетъ, я изъ зависти, изъ корысти—твердилъ о. Христофоръ, безпокойно двигаясь на жесткомъ соломенномъ стулѣ. — Гдѣ взять краснорѣчія? Гдѣ найти убѣдительныхъ словъ? Чѣмъ тронуть зачерствѣлое сердце?..»

Долго думаетъ о. Христофоръ и, наконецъ, рѣшаетъ, несмотря на позднее ночное время, идти къ о. Гурію.

— «Я пришелъ такъ поздно, о. Гурій—смущенно началъ о. Христофоръ—я не могъ уснуть... Мнѣ нужно было поговорить съ вами... Эти люди... они вѣрятъ какъ дѣти... Не должны ли мы оберегать вѣру ихъ?..

— Чего вы хотите отъ меня?—тихо спросилъ о. Гурій.

— Правды, о. Гурій! Только правды!—громко, сильно произнесъ о. Христофоръ.—Я вѣрю въ чудесное, но здѣсь сомнѣніе смущаетъ меня... Скажите же мнѣ, заклинаю васъ, скажите, какъ братъ, какъ священникъ, скажите! Успокойте мое тревожное сердце, дайте миръ моей душѣ, тяжело страдающей!..»

О. Гурій молчалъ...

— «Если такъ, то что же вы дѣлаете? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ о. Христофоръ.—Я не хочу, я не могу допустить мысли, что вы созвательно... Нѣтъ, о. Гурій, вы сами того не хотѣли... Вы поступили необдуманно, поспѣшили... И теперь трудно вамъ... Такъ послушайте же меня! Поважайте къ о. благочинному, отвезите икону... Все расскажете ему, пусть онъ разсудитъ... Пусть не будетъ тайны, соблазна... Пусть народъ успокоится... Скажите слово, и я пойду сейчасъ, ночью... все передамъ, все исполню.. Вспомните слова: аще кто соблазнить единого отъ малыхъ сихъ... Не за себя молю, не изъ корыстолюбія, не изъ личной вражды... Ради малыхъ сихъ, во

тъмѣ пребывающихъ... Пощадите ихъ вѣру! Не вводите ихъ во искушеніе! Какъ пастырь духовный, какъ отецъ, какъ хранитель душъ ихъ, молю!..

Слезы катились по лицу о. Христофора. Онъ протянулъ руки и тяжело упалъ на колѣни предъ о. Гуріемъ.

— Дерзновенно молю! Не отступлю отъ тебя...—звенящимъ, какъ струна, голосомъ восклицалъ онъ и вдругъ услышалъ надъ собою долгій, трепетный вздохъ.

— Встань, братъ мой! — раздался въ темнотѣ слабый до неузнаваемости голосъ о. Гурія. — Встань! Что преклоняешь колѣна предо мною недостойнымъ. Встань!..» И о. Гурій подаль о. Христофору ключъ отъ своей церкви, гдѣ находилась икона...

«О. Христофоръ очутился одинъ, среди благоухающей ночной тишины. Рука его безотчетно сжимала холодный желѣзный ключъ, все тѣло содрогалось еще отъ недавнихъ искреннихъ слезъ, а въ душѣ мощный голосъ пѣлъ и славословилъ побѣду правды и вѣры»...

Что подъ наружнымъ равнодушіемъ и даже грубостью можетъ скрываться и сознаніе своего пастырскаго долга и теплое участіе — показываетъ разсказъ С. Быстрова «Старухи» (*Трудовой Путь* июль—августъ 1907 г.). Старуха-крестьянка Марина Чашкина очень боится помереть безъ покаянія и причащенія и часто требуетъ священника—такъ часто, что надоѣдаетъ и самому священнику, отцу Михаилу, и своимъ домашнимъ. И отецъ Михаилъ дѣйствительно приходитъ сердитый и довольно таки грубо упрекаетъ старуху, но потомъ скоро смягчается и уже внимательно и ласково относится къ ней. И когда, собираясь исповѣдать тяжкій грѣхъ, совершенный еще въ молодости, она падаетъ на колѣна, о. Михаилъ, «словно просвѣтленный свыше, вдругъ подумалъ: А какъ знать? Быть можетъ, это страждущая душа, связанная какимъ-нибудь великимъ греступленіемъ; быть можетъ, это ни-

щая духомъ... Вѣдь въ жизни все можетъ случиться. Подумаль такъ отецъ Михаилъ о старухѣ, и тотчасъ въ немъ проснулась къ ней жалость, и онъ смотрѣлъ на нее какъ на что-то такое, что ему Самимъ Богомъ послано въ назиданіе и что оттолкнуть отъ себя онъ не имѣеть права. И ему захотѣлось спасти старуху, помочь ей и словомъ и дѣломъ. Въ немъ безпокойно зашевелилась потребность любить ближняго, котораго въ настоящую минуту онъ увидѣлъ и воплотилъ въ старухѣ»...

Не довольствуясь исповѣдью на дому, старуха желаетъ поговѣть и причаститься въ церкви, но боится сказать объ этомъ о. Михаилу. Но тотъ относится къ ея просьбѣ серьезно и ласково. «Сколько же въ ней простой и глубокой вѣры — думаль онъ. — Вотъ такихъ дѣйствительно есть царствіе Божіе. Какъ это просто и велико. Теперь отецъ Михаилъ вѣрилъ вполнѣ, осмысленно вѣрилъ, что все великое просто». И такъ какъ старуха плакала и стояла на колѣнахъ, о. Михаилъ самъ поднимаетъ ее съ колѣнъ.

— «Не нужно приходить въ отчаяніе... — проговорилъ онъ тихо и душевно.—Отчаяніе — грѣхъ, отчаяніе — отъ діавола. Тебѣ говорю: встань. Надѣйся, старушка... И Онъ, Всемогущій услышитъ твою молитву»...

Въ разсказѣ есть и другія достойныя замѣчанія черты. Весьма любопытны религіозныя воззрѣнія и понятія Чашкиной и другихъ старухъ, выводимыхъ въ разсказѣ. Воззрѣнія и понятія эти, крайне наивныя, представляютъ собою невообразимый сумбуръ. Старуха Чашкина, постоянно ожидающая смерти, смертельно боится умереть въ концѣ Страстной недѣли. «Три дня Христось лежитъ во гробѣ—соображаетъ она—и три дня демоны летаютъ на свободѣ: въ субботу, пятницу и четвергъ... Для вѣрныхъ эти дни ужасны, они—погибель... Вѣдь демоны, предчувствуя свое плѣненіе, надо полагать, мечутся теперь какъ бѣшеные, хватаютъ и тащатъ въ адъ всѣ души, не разбирая, причащенъ былъ человекъ въ міру или нѣтъ. Не дай Богъ

умереть въ эти дни: и заступиться-то некому: Христось во гробѣ, ангелы стерегутъ Его тѣло и плачуть, а Самъ Богъ въ эти дѣла не вникаетъ. О, Господи! Хоть бы дотянуть какъ-нибудь до Пасхи... Зато страстно хочется ей умереть на Пасху, т.-е. въ теченіи пасхальной недѣли, потому что во всю эту недѣлю до вечера субботы врата райскія отверсты, и души умершихъ въ это время попадаютъ прямо въ царство небесное. Поэтому она вѣ себя отъ радости, когда наступаетъ Пасха, надѣясь въ эту Пасху умереть; но когда Пасха приближается къ концу, и наступаетъ уже суббота, а смерть все не приходитъ, Чашкина въ отчаяніи и, отъ страстнаго желанія умереть во что бы то ни стало до вечера субботы, — вѣшается на дворѣ на возжахъ... Замѣчательно также это полное отсутствіе боязни смерти, которое даетъ вѣра; это, напротивъ, страстное желаніе смерти.

Любопытно и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне печально отношеніе къ священнику. Когда однажды отца Михаила, позваннаго причащать старуху, не оказывается дома, невѣстка Чашкиной раздражается по адресу отца Михаила самую отвратительною, самую безобразною бранью и проклятіями.—Плата за причастіе, равно какъ и за панихиду на дому—пятакъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что рассказъ принадлежитъ писателю (кажется, совсѣмъ еще молодому), прославившему себя недавно въ печати такимъ безобразнымъ типомъ священника, какового намъ почти не приходилось встрѣчать.

Въ іюльской книжкѣ *Историческаго Вѣстника* за 1907 годъ напечатанъ рассказъ А. В. Круглова «Непутевый дьяконъ». Непутевымъ прозванъ дьяконъ одной изъ церквей губернскаго города Аркадій Кустодіевъ собственно только за нѣкоторыя свои чудачества; — на самомъ же дѣлѣ онъ исправный дьяконъ и прекрасный человекъ. Чудачества же его состоятъ въ томъ, что однажды, напр.,

увидавъ лежащаго на улицѣ пьянымъ сосѣда, онъ взвалилъ его на себя и принесъ домой, или вздумалъ разсъесть ружьемъ на охоту ходить, на гигантскихъ шагахъ бѣгать, могъ, возвращаясь съ именинъ, затащить на улицѣ пѣсенку и т. п., да и на языкъ немного невоздержень; но вообще за хорошій характеръ и за дивный голосъ— всѣми любимъ. А голосъ у Кустодіева дѣйствительно дивный. Не только прихожане, но и весь городъ отъ него безъ ума. При этомъ Кустодіевъ человѣкъ нестяжательный, участливый и добрый. Одной бѣдной вдовѣ съ малолѣтними внуками грозитъ лишеніе послѣдняго достоянія: домишка ея заложенъ, приходитъ срокъ платить, а денегъ нѣтъ. Дьяконъ, узнавъ объ этомъ, употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы достать денегъ для вдовы, но безуспѣшно. Своихъ у него нѣтъ, а собрать ему удастся очень немного. Пробуетъ онъ попросить у нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, но и тутъ получаетъ отказъ. Дьяконъ въ отчаяніи, но тутъ ему напоминаютъ объ архимандритѣ Акакіѣ, настоятелѣ одного изъ монастырей.

«Акакія многіе называли прямо «блаженнымъ» за его полное безсребренничество. Онъ раздавалъ все, что получалъ, и нерѣдко самъ сидѣлъ безъ гроша. Когда не было у Акакія денегъ, онъ бралъ у келейника, у монаховъ, у казначея въ счетъ жалованья и доходовъ. Къ нему обращались семинаристы, гимназисты, чиновники, мѣщане и крестьяне. Возврата онъ не требовалъ, приносили—бралъ, чтобы снова отдать кому-нибудь; не возвращали—онъ даже и забывалъ о долгѣ. Ему многіе дарили на рясы бархату, шелку, разныя вещи; онъ раздавалъ все это вмѣсто денегъ, а самъ ходилъ въ своей выцвѣтшей ряскѣ «захудалаго монашка» и «съ серебрянными часами писаря», какъ выражался казначей, который, смѣясь, говаривалъ: — Скоро нашъ Акакій блаженный, подражая святому, пойдетъ въ наемники и будетъ свою заработную плату отдавать бѣднымъ».

Кустодіевъ глубоко уважалъ отца архимандрита, а тотъ

въ свою очередь любилъ и всегда ласково встрѣчалъ дьякона. Къ его чудачествамъ о. Акавій относился снисходительно. — «Это что, это виѣшнее — говорилъ онъ о Кустодіевѣ — главное душа, а душа у дьякона славная. У него ужъ натура такая неугомонная... здоровъ онъ очевь, крови избытокъ... выхода сила просить... съ годами утихомирится»...

Архимандритъ и теперь принимаетъ дьякона ласково, но денегъ у него въ данную минуту не оказывается ни копейки. Узнавъ, кому и на что нужны деньги, онъ непритворно горюетъ, что не можетъ помочь, но вдругъ оживляется: онъ вспоминаетъ про свою дорогую лисью бархатную шубу и немедленно вручаетъ ее дьякону, съ правомъ заложить или даже продать ее, лишь бы только добыть нужное количество денегъ и помочь вдовѣ. На слова дьякона относительно зимы, когда шуба можетъ пригодиться самому отцу Акакію, тотъ отвѣчаетъ: — «До зимы еще далеко... Еще доживу ли до зимы, кто знаетъ. А тутъ ишь какая бѣда... Да и что мнѣ: у меня другая есть, форсить что ли мнѣ? Въ той могу... Бери, дьяконъ, и не смѣй перечить!»

Дьяконъ глядѣлъ на худую старческую фигуру архимандрита, на его восковое болѣзненное лицо и думалъ, что и теперь еще, наряду съ лютыми, есть на землѣ и святые люди...

Жаль только, что «чудачества» дьякона въ разсказѣ выставляются съ особеннымъ сочувствіемъ и что всѣ остальные духовныя лица, кромѣ отца Акакія и Кустодіева (а ихъ не мало въ разсказѣ), выводятся въ нецікальномъ свѣтѣ.

Свящ. Н. Колосовъ.

НЕПРАВДА ЛЮТЕРАНЪ ¹⁾.

Если Римско-католики, отпавшіе отъ истинно-православной восточной церкви, допустили, какъ мы видѣли, много погрѣшностей въ своемъ исповѣданіи вѣры, то лютеране, отдѣлившіеся отъ Римско-католической церкви, впали въ еще большія заблужденія, совсѣмъ исказили христіанское ученіе. Монахъ Мартинъ Лютеръ, справедливо возмущившись продажей за деньги отпустительныхъ отъ грѣховъ папскихъ грамотъ, возсталъ на самого папу, на его самовластіе и на другія его незаконныя установленія и дѣянія. Но вмѣсто того, чтобы обратиться за указаніями въ дѣлахъ вѣры къ восточной церкви, онъ самъ началъ распоряжаться въ нихъ и, руководясь только своимъ умомъ, озлобленный на папу, впалъ въ еще большія заблужденія, чѣмъ папа.

1) Въ пылу гнѣва на папу, который хотѣлъ казнить бунтовщика, Лютеръ не досмотрѣлъ незаконной вставки въ восьмой членъ символа вѣры «и Сына» и сталъ вѣровать, какъ и паписты, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, что противно слову Божию и постановленіямъ святой вселенской церкви. Такъ какъ означенная вставка въ символъ вѣры была сдѣлана на западѣ уже давно, то лютеране приняли ученіе папистовъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына и подтверждаютъ это ученіе не словомъ Божиимъ, а измышленіями своего ума слишкомъ ненадежнаго руководителя въ дѣлахъ вѣры, ча-

¹⁾ Изъ бесѣдъ пастыря съ простыми людьми. *Бесѣда третья.*

сто превышающихъ понятія нашего ума. И лютеране остаются при своемъ заблужденіи.

2) Лютеране объясняютъ священное писаніе такъ, какъ подскажетъ имъ ихъ разумъ, а не руководятся при этомъ священнымъ преданіемъ, т.-е. объясненіемъ его мужами апостольскими и другими святыми отцами и учителями вселенской церкви. Священное писаніе можно понимать и толковать различно. Посудите же сами, православные, кто вѣрнѣе можетъ разумѣть и объяснять смыслъ священнаго писанія: тотъ ли, кто слышалъ проповѣдь св. апостола лично отъ него, а конечно и самое объясненіе ея, какъ мужъ апостольскій, или тотъ кто отдаленъ отъ вѣка апостольскаго многими столѣтіями, какъ Лютеръ и его послѣдователи? Тотъ ли вѣрнѣе понимаетъ смыслъ священнаго писанія, кто руководится при этомъ объясненіями священнаго писанія мужей апостольскихъ и ихъ преемниковъ святыхъ мужей и учителей церкви, или тотъ, кто руководится при объясненіи священнаго писанія только своимъ умомъ часто и такъ много иногда погрѣшающимъ? Кто вѣрнѣе понимаетъ и объясняетъ смыслъ священнаго писанія: святая ли вселенская церковь,—столпъ и утвержденіе истины (1 Тим. 3, 15), которая объясняла всегда одинаково отъ временъ апостольскихъ и доселѣ, или же тотъ, кто въ дѣлахъ вѣры руководится только своимъ умомъ и объясненіями другихъ современныхъ ему толковниковъ, объясненіями часто разногласными, иногда противорѣчивыми? Понятно для каждаго добраго и разумнаго христіанина, гдѣ правильное разумѣніе священнаго писанія въ православной ли церкви или у лютеранъ. Что лютеране невѣрно объясняютъ священное писаніе, иногда искажаютъ смыслъ его, это видно не только изъ разнорѣчиваго ихъ объясненія того или другого мѣста священнаго писанія, но особенно изъ того, что нѣкоторые изъ лютеранъ перестаютъ вѣрить въ самого Господа нашего Іисуса Христа, какъ единороднаго Сына Божія, т. е., перестаютъ быть христіанами; и это дѣлаютъ иногда сами

ихъ проповѣдники или пасторы. Вотъ до чего доводить лютеранъ самовольное объясненіе слова Божія.

Лютеране отвергають священное преданіе, но совершенно напрасно. Священное преданіе — это тоже ученіе апостольское, что и писанія апостольскія. Святые апостолы не все то записали, чему учили изустно; отъ нѣкоторыхъ же святыхъ апостоловъ не осталось никакихъ нисъменъ, но они несомнѣнно учили какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ во Христа. Изустное ученіе св. апостоловъ ихъ ближайшіе преемники передавали другимъ своимъ преемникамъ. Иные мужи апостольскіе и святые отцы ихъ преемники записали изустное ученіе апостольское, и вотъ оно сохранилось въ св. церкви Христовой. Но ученіе апостольское изустное, передаваемое другими только на словахъ, говорятъ лютеране, могло быть повреждено или даже совсѣмъ искажено. Нѣтъ не могло. Святые мужи апостольскіе, слышавшіе отъ апостоловъ изустное ихъ ученіе, слышали это ученіе не наединѣ, а иногда во множествѣ вѣрующихъ, и съ строгою вѣрностію передавали святое ученіе другимъ. За вѣрность передаваемого изустнаго ученія апостольскаго ручалось полное согласіе изустнаго ученія апостольскаго съ ученіемъ писаннымъ или со священнымъ писаніемъ. Притомъ святые апостолы проповѣдывали ученіе Христово въ разныхъ мѣстахъ и разнымъ народамъ; вездѣ устраивались общества вѣрующихъ или церкви, которыя имѣли одна съ другою сношенія и передавали одна другой какъ писанное ученіе того или другого апостола, такъ и изустное. И вотъ если устное ученіе апостольское признавалось такимъ во всѣхъ основанныхъ святыми апостолами церквахъ истинно апостольскимъ ученіемъ, то и несомнѣнно было такимъ. Такое только священное преданіе и хранить святая церковь православная. Но были же и есть ложныя преданія, говорятъ лютеране. Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли поэтому отвергать подлинныя преданія апостольскія? Конечно нѣтъ. Не принимайте ложнаго священнаго

преданіи, но не отвергайте подлиннаго. Изъ за того, что есть или бываетъ фальшивая монета нельзя отвергать или не принимать настоящей монеты: это не разумно. Подлинность самого священнаго писанія подтверждается главнымъ образомъ священнымъ преданіемъ. Безъ священнаго преданія какъ мы могли бы увѣриться, что то или другое писаніе есть писаніе апостольское? Но вотъ, если всѣ церкви христіанскія со временъ апостольскихъ признаютъ священное писаніе за писаніе апостольское, то несомнѣнно для всякаго добраго христіанина, что это подлинныя писанія апостольскія. Священное же преданіе научаетъ насъ изображать на себѣ крестное знаменіе, при богослуженіи возжигать свѣчи, курить еиміамъ, совершать обряды при таинствахъ и при богослуженіи.

3) Лютеране учатъ, что человекъ спасается одною вѣрою во Христа Спасителя, а не добрыми дѣлами, не исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, а мы, православные, вѣруемъ и утверждаемъ, что для спасенія намъ нужна не одна вѣра, но и добрая жизнь по вѣрѣ, добрыя дѣла, исполненіе заповѣдей Божіихъ. Когда спросилъ Спасителя одинъ юноша, что еще нужно дѣлать, чтобы спастись или взойти въ жизнь вѣчную, не сказалъ Спаситель вопрошавшему Его, какъ ему спастись: только вѣруй, и ты спасешься, а сказалъ уже вѣрующему юношѣ: соблюдай заповѣди или дѣлай добрыя дѣла, и ты спасешься (Матѣ. 19, 17). Самъ же Спаситель сказалъ: не всякъ глаголюй ми: Господи, Господи (или не всякій вѣрующій въ Меня) «внѣдетъ въ царство небесное (или спасется), но творай волю Отца моего, Иже есть на небесѣхъ» (Матѣ. 7, 21), т. е., тотъ только спасется, кто исполняетъ заповѣди Божіи или творить добрыя дѣла. Господь же съ гнѣвомъ отвергаетъ отъ себя всѣхъ беззаконниковъ или не творящихъ добрыхъ дѣлъ: «отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе» (Матѣ. 7, 23). Какое же спасеніе въ удаленіи отъ Спасителя? Святыи апостолъ Іаковъ пишетъ: какая польза братіе моя, аще вѣру глаголетъ кто имѣти, дѣлъ же не имать?

Еда можетъ вѣра спасти его (Іак. 2, 14). Яко же бо тѣло безъ духа мертво есть, тако и вѣра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. 2, 26). Не ясно ли, какъ Божій день, что одна вѣра безъ добрыхъ дѣлъ, какъ вѣра мертвая, спасти человѣка не можетъ. Правда, святой апостоль Павелъ учить, что человѣкъ оправдывается вѣрою, а не дѣлами закона (Римл. 3, 28). Но здѣсь святой апостоль разумѣетъ дѣла обрядоваго Моисеева закона, который строго соблюдая, Евреи думали спастись безъ вѣры во Христа Спасителя. А мы, утверждая, что человѣкъ не можетъ спастись безъ добрыхъ дѣлъ, разумѣемъ дѣла милосердія и любви, той любви, безъ которой и самая крѣпкая вѣра ничего не значить,—это только мѣдъ звѣнящая и кимваль бряцающій (I Коринѣ. 13, 1). Забываютъ это лютеране, думающіе спастись одною вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ.

4) Отвергнувъ священное преданіе, какъ ненужное, по ихъ мнѣнію, Лютеране отвергли и самую церковь; они учатъ, будто ни самъ Спаситель, ни святые апостолы не основали церкви съ богоучрежденною священною властію. Неправо учатъ лютеране. Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ: созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей (Мате. 16, 18). Слова Спасителя — это непреложная истина; если Онъ обѣщаль создать свою, особенную отъ ветхозавѣтной, церковь, то и создалъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ святыхъ апостоловъ, съ которыми и ихъ преемниками обѣщаль пребыть всегда до скончанія вѣка (Мате. 28, 20). По вознесеніи на небо Спасителя, святые апостолы, просвѣщенные Духомъ Святымъ, начали проповѣдывать ученіе Іисуса Христа и изъ обращенныхъ къ вѣрѣ во Спасителя въ разныхъ странахъ устраивали общества или церкви, къ которымъ поставляли въ руководители епископовъ, пресвиторовъ или священниковъ и діаконовъ. Такъ святыми апостолами были основаны церкви: Іерусалимская въ Іерусалимѣ, управителемъ ея былъ святой апостоль Іаковъ, братъ Господень по плоти, Римская въ Римѣ, Коринѣская въ Коринѣѣ, Ефесская въ

Ефесѣ и другія. Но эти частныя христіанскія общества или церкви всё въ совокупности составляли одну вселенскую Христову церковь, о которой святой апостоль Павелъ пишетъ, что она есть столпъ и утверженіе истины (I Тим. 3, 15). Въ послѣдствіи времени особенно извѣстны стали основанныя святыми апостолами церкви въ столичныхъ и другихъ главныхъ областныхъ городахъ: Римская, Константинопольская, Александрійская, Антіохійская и Иерусалимская. Главнымъ епископомъ сихъ церквей усвоены были названія митрополитовъ или архіепископовъ, а наконецъ патріарховъ. Римскій епископъ назывался папою. Вышеозначеннымъ главнымъ церквамъ подчинены были всё церкви, находящіяся въ той или другой области. Первый епископъ области имѣлъ право собирать подчиненныхъ ему епископовъ по церковнымъ дѣламъ на соборъ, и постановленія собора были обязательны для всѣхъ церквей области. Въ важнѣйшихъ случаяхъ собирались на соборъ представители какъ главныхъ областныхъ церквей, такъ и епископы частныхъ церквей; соборъ, на которомъ присутствовали епископы всѣхъ областей, назывался вселенскимъ соборомъ, и постановленія его были обязательны для всѣхъ церквей. Вселенскій соборъ и изображаетъ собой вселенскую и апостольскую церковь, и что онъ постановилъ, какъ вѣровать христіанину, такъ и надобно вѣровать каждому христіанину. Таковъ и есть символъ вѣры, составленный на двухъ первыхъ вселенскихъ соборахъ и подтвержденный всѣми другими пятью вселенскими соборами.

5) Лютеране отвергаютъ таинство священства, и у нихъ нѣтъ ни епископовъ, ни священниковъ, ни діаконовъ, а есть только пасторы или проповѣдники. Странное дѣло: въ святой церкви Христовой со временъ апостольскихъ до самого Лютера всегда были епископы, священники и діаконы, Церковь признавала и учила, что пастыри и учителя церковные должны быть рукополагаемы въ сіе званіе и чрезъ рукоположеніе должны получать благодать Божію;

а тамъ явился ученый монахъ, началъ учить, что не надобно облагодатственнаго священства, и ему послѣдовали многіе. Совсѣмъ неразумно и противно слову Божію. Самъ Іисусъ Христосъ изъ числа вѣрующихъ выбралъ 12 апостоловъ, которыхъ приблизилъ къ себѣ, далъ имъ власть прощать и не прощать грѣхи другимъ, даровалъ имъ для сего чрезъ дуновеніе благодать Святаго Духа (Іоан. 20, 22—23), заповѣдалъ имъ совершать таинство причащенія (Лук. 22, 19), проповѣдывать евангеліе всѣмъ народамъ и увѣровавшихъ въ Него крестить (Матѣ. 28, 19—20 и Марк. 16, 15—16). На нихъ же ниспослалъ Святаго Духа въ 50-й день по своемъ воскресеніи въ видѣ огненныхъ языковъ (Дѣян. 3, 3—4). Освященные Духомъ Святымъ и начавшіе говорить разными языками, святые апостолы всюду начали проповѣдывать слово Божіе и совершать для вѣрующихъ во Христа святая таинства. Когда число вѣрующихъ увеличилось, святые апостолы чрезъ рукоположеніе поставили себѣ помощниками семь діаконѣвъ. Апостолы-же поставили пресвитеровъ и епископовъ (Дѣян. 6, 5—6). Такъ св. апостоль Павелъ поставилъ Тимоѳея епископомъ въ Ефесѣ, а Тита епископомъ въ Критѣ (I Тим. 5, 22; Тит. 1, 5). Что поставляемыя чрезъ рукоположеніе священныя лица получали благодать Святаго Духа, это видно изъ слѣдующихъ словъ св. апостола Павла: внимайте себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святой постави епископы пасти церковь Господа Бога, юже стяжа кровію своею (Дѣян. 20, 28). Въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, въ постановленіяхъ апостольскихъ и въ опредѣленіяхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ говорится о трехъ степеняхъ священныхъ лицъ: епископахъ, пресвитерахъ или священникахъ и діаконахъ, и о священствѣ упоминается, какъ о таинствѣ. У лютеранъ проповѣдуютъ слова Божіе и совершаютъ таинства лица, не получившіе благодати Божіей. Ужели же лучше и успѣшнѣе могутъ отпирать свои священныя обязанности лица безблагодатныя, чѣмъ лица, получившія бла-

годать Божію? Странно и даже богохульно думать такъ. Лютеранъ заставила отвергнуть таинство священства необходимость: въ ихъ обществѣ не нашлось ни одного епископа, который могъ бы поставлять другихъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ, и вотъ они рѣшили поручить неосвященнымъ лицамъ проповѣдывать слово Божіе и совершать оставленные у нихъ таинства.

6) Лютеране признаютъ только два таинства: крещеніе и причащеніе; прочія таинства отвергають. Крещеніе лютеране совершаютъ чрезъ обливаніе. Но не чрезъ обливаніе крестился Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а чрезъ погруженіе, для чего входилъ въ самую рѣку Іорданъ. Іоаннъ Креститель крестилъ народъ чрезъ погруженіе, крестилъ онъ не вездѣ, гдѣ была вода, а гдѣ было много воды (Іоан. 3, 23), или гдѣ было глубоко, гдѣ можно было погружать крещаемого. А какъ Предтеча Господень крестилъ народъ, такъ онъ крестилъ и Спасителя. Святая церковь православная всегда со временъ апостольскихъ совершала крещеніе чрезъ погруженіе. Исключеніе дѣлалось и дѣлается только для больныхъ. Лютеране говорятъ, что крещеніе чрезъ обливаніе признается дѣйствительнымъ, а такъ совершать крещеніе несравненно удобнѣе, чѣмъ чрезъ погруженіе. Но намъ нужно поступать въ дѣлахъ вѣры не самовольно, не такъ, какъ намъ удобнѣе, а такъ, какъ намъ указали св. апостолы, какъ заповѣдала намъ святая церковь Христова.

7) Лютеране отвергають таинство мѣропомазанія, чрезъ которое сообщаются крещаемому дары Святаго Духа, укрѣпляющіе его въ новой благодатной жизни, или сообщается благодать Божія, помогающая ему дѣлать добро и удаляться отъ грѣха. Такое таинство совершали св. апостолы сначала чрезъ рукоположеніе (Дѣян. 8, 17), а потомъ, когда вѣрующіе умножались въ разныхъ странахъ и апостолы не могли на всякаго крещаемого возлагать своихъ рукъ, то они стали освящать мѣро, чрезъ которое уже и священники могли сообщать крещаемымъ

дары Святаго Духа. Объ этомъ мѣропомазаніи, безъ сомнѣнія, и говоритъ св. апостоль Іоаннъ Богословъ (1 Іоанъ 2, 20), объ этой печати дара Духа Святаго и упоминаетъ св. апостоль Павелъ (2 Кор. 1, 21—22). Преемники святыхъ апостоловъ всегда совершали надъ крещаемыми таинство мѣропомазанія; объ этомъ таинствѣ ясно упоминается въ постановленіяхъ вселенской церкви; оно хранилось въ церкви христіанской до временъ Лютера. Какъ же оно могло быть отвергнуто ученымъ монахомъ, непризваннымъ преобразователемъ церкви? Лютеръ, отвергнувъ таинство мѣропомазанія, лишилъ крещаемыхъ благодати Божіей, помогающей христіанину вести богоугодную, добродѣтельную жизнь. Какъ будто не нужна стала христіанину благодать Божія. Какое гордое и противухристіанское распоряженіе дерзновеннаго монаха!

8) Таинство причащенія лютеране признаютъ и мірянъ причащаютъ подъ обоими видами; но и они, какъ римляне, причащаютъ каждаго христіанина особымъ хлѣбцемъ, а не всѣхъ отъ одного хлѣба, какъ говоритъ св. апостоль (1 Кор. 10, 17). Только лютеране не причащаютъ дѣтей до 15 лѣтъ и болѣе. Дѣти, говорятъ лютеране, или ничего не понимаютъ, или понимаютъ мало, потому они будто недостойны причащенія. Да искушаетъ челоѣкъ себе и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пьетъ: ядый бо и пійй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и пьетъ, не разсуждая тѣла Господня (1 Кор. 11, 28—29). Сами лютеране крестятъ не разсуждающихъ младенцевъ, почему же они лишаютъ тѣхъ же младенцевъ причащенія? И отъ желающихъ креститься требуется вѣра и покаяніе (Мар. 16, 16 и Дѣян. 2, 38), а младенцы не могутъ ни вѣровать, ни каяться. Однакожь это не препятствуетъ имъ получить благодать Божію въ таинствѣ крещенія, по сознанію самихъ же лютеранъ. Почему же лютеране лишаютъ благодати Божіей младенцевъ въ другомъ таинствѣ—причащенія, когда они не могутъ сознавать и испытывать себя? Вышеприведенные слова св. апостола отно-

сятся только къ возрастнымъ христіанамъ, а не къ младенцамъ, не могущимъ искушать себя и разсуждать. Если бы апостоль Христовъ разумѣлъ здѣсь и младенцевъ, то онъ сказалъ бы, какъ судъ себѣ ясть и пѣть взрослый безъ разсужденія, безъ испытанія себя, безъ благоговѣнія причащающійся, такъ виновенъ предъ Богомъ и тотъ, кто причащаетъ неразумнаго младенца. И ужели неразумный, но невинный младенецъ менѣе достоинъ приобщенія святыхъ таинъ, чѣмъ многогрѣшный взрослый, хотя много понимающій, но мало смиренный и неискушающійся? Надобно сказать еще и то, что иное дитя лѣтъ 12—14 несравненно болѣе понимаетъ и знаетъ о вѣрѣ, чѣмъ иной 80-лѣтній старецъ неграмотный. Почему же лютеране послѣдняго причащаютъ, а перваго лишаютъ причастія? Очевидна неправда лютеранъ. Лютеране все достоинство христіанина полагаютъ въ знаніи, а мы, православные, цѣнимъ христіанина не столько по его многознанію, сколько по твердой вѣрѣ въ Бога, по его сердечной любви къ Богу и къ ближнимъ, по его истинно-христіанской жизни.

9) Лютеране бракъ не считаютъ таинствомъ, установленнымъ отъ Бога. Не правы они. Сотворивъ мужа и жену, Адама и Еву, Самъ Богъ благословилъ ихъ и сказалъ: «раститесь и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ей» (Быт. 1, 28). Видите, православные, Самъ Богъ благословилъ бракъ первыхъ людей, и благословеніе Божіе простирается и на всѣхъ ихъ потомковъ. Спаситель, говоря о бракѣ мужа и жены, утверждаетъ, что ихъ сочеталъ Самъ Богъ: «еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ» (Матѣ. 19, 6). Въ христіанскомъ бракѣ мужъ изображаетъ Самого Христа, а жена — церковь; посему святой апостоль Павелъ бракъ прямо называетъ тайною или таинствомъ: «тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа, и во церковь» (Ефес. 5, 32). И въ христіанской церкви со временъ апостольскихъ существовалъ бракъ, какъ таинство; святая церковь всегда жениха и невѣсту благословляла и тѣмъ освящала ихъ бракъ. Въ постанов-

леніяхъ св. вселенской церкви бракъ поставленъ на ряду другихъ таинствъ, установленныхъ отъ Бога. Мартинъ Лютеръ, какъ монахъ, далъ Богу обѣтъ хранить цѣломудріе во всю жизнь, но, отпавъ отъ Римско-католической церкви, нарушилъ этотъ обѣтъ, взялъ въ незаконное сожителство женщину, сталъ мужемъ ея. Понятное дѣло, зачѣмъ ему бракъ, какъ таинство, установленное отъ Бога?

10) Лютеръ покаяніе считалъ таинствомъ, но послѣдствателямъ его стало тяжело исповѣдывать свои грѣхи предъ духовникомъ; предъ Богомъ мы согрѣшили, говорили они, предъ нимъ однимъ мы будемъ и каяться, а не предъ человѣкомъ. Человѣческая гордость говоритъ такъ, а не христіанское смиреніе. Христіанинъ, не желающій исповѣдывать свои грѣхи предъ своимъ духовнымъ отцемъ, не имѣетъ сердечнаго сокрушенія о своихъ грѣхахъ, не можетъ достойное покаяніе принести и Богу. Что покаяніе есть таинство, установленное отъ Бога, это видно изъ того, что Самъ Спаситель обѣщалъ своимъ ученикамъ власть прощать грѣхи людямъ и не прощать. Онъ сказалъ апостоламъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ (Мате. 18, 18). По воскресеніи же своемъ изъ мертвыхъ Господь дѣйствительно далъ святымъ апостоламъ такую власть; являсь имъ, Онъ сказалъ: пріимите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имъ же держите, держатся (Іоан. 20, 22—23). Изъ словъ Спасителя ясно видно, что кающійся долженъ исповѣдывать свои грѣхи предъ духовникомъ, чтобы послѣднему знать, какой грѣхъ простить, какой—нѣтъ, или кому простить грѣхи, кому нѣтъ, — очевидно необходима исповѣдь кающагося; духовникъ долженъ знать грѣхи кающагося и, по важности грѣховъ и по искренности сокрушенія о нихъ исповѣдника, онъ можетъ дать или не дать разрѣшеніе. Въ первенствующей церкви исповѣдь была всенародная, но послѣ она замѣнена тайною предъ однимъ духовникомъ; такую она остается и доселѣ.

11) Лютеране не почитаютъ Пресвятой Дѣвы Маріи, Матери Спасителя, не называютъ ее Богородицею, не почитаютъ ни ангеловъ Божіихъ, ни святыхъ людей, ни прибѣгаютъ къ ходатайству ихъ за насъ предъ Богомъ, не молятся имъ. Но посудите сами, православные, какъ намъ не почитать Матери, воплотившагося отъ Нея Сына Божія, нашего премилосердаго Спасителя. Какъ намъ не называть ее Матерію Божіею, когда Она родила и даже зачала не простаго человѣка, а Богочеловѣка? Посланный отъ Бога архангелъ Гавріиль сказалъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, что Она зачнетъ и родить Сына, котораго назоветъ Иисусъ или Спаситель, что этотъ Ея Сынъ назовется и будетъ Сынъ Всевышняго или Сыномъ Божіимъ, или истиннымъ Богомъ (Лук. 1, 31—32). Какъ же она, зачавшая и родившая Сына Всевышняго—истиннаго Бога, какъ же она не Мать Божія, не Богородица? Такъ она и названа праведною Елизаветою по внушенію Святаго Духа. Когда Пресвятая Дѣва Марія посѣтила ее послѣ Благовѣщенія ей архангела, откуда мнѣ сіе, воскликнула восторженная Елизавета, да придетъ Мати Господа моего ко мнѣ (Лук. 1, 43). Мать Господа или все равно Мать Божія или Богородица. Святый апостоль и евангелистъ Матеей, описывая рождество Иисуса Христа, и явленіе Іосифу ангела, возвѣстившаго, что Пресвятая Дѣва Марія зачала Иисуса Христа отъ Духа Святаго, сказалъ пророчество Исаіи: «се дѣва во чревѣ приметъ, и родить сына, и нарекутъ имя Ему Еммануиль, еже есть сказано, съ нами Богъ» или Богочеловѣкъ (Матѣ. 1, 23). Дѣва родитъ Богочеловѣка; кто же она будетъ? Очевидно Мать Божія или Богородица. Пресвятая Дѣва отвѣтила на привѣтъ праведной Елизаветы пророчествомъ о себѣ и прославленіемъ Господа: величить душа моя Господа, и возрадовался духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ: яко призрѣ на смиреніе рабы своего: се бо отнынѣ ублажать мя вси роди: яко сотвори мнѣ величіе сильный, и свято имя Его (Лук. 1, 47—49). Видите, православные, что Сама Пре-

святая Дѣва предрекла, что будутъ ублажать или прославлять Матерь Божію всѣ роды, всѣ истинно вѣрующіе въ Спасителя, что Самъ Всесильный Господь сотворилъ ей величіе, или возвеличилъ ее, какъ Матерь Свою выше всѣхъ; а потому мы ее величаемъ, какъ честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимъ, истинною Богородицею. Но лютеране не хотятъ внимать слову Божію, не хотятъ величать Матерь Божію, не хотятъ называть ее Богородицею. За это они подлежатъ карѣ святаго вселенскаго собора, который осудилъ еретика Несторія и его послѣдователей, не признавшихъ Пресвятой Дѣвы Маріи Богородицею. Не почитая Пресвятой Дѣвы Маріи, Матери Божіей, лютеране не почитаютъ и святыхъ ангеловъ небесныхъ и святыхъ людей Божіихъ, угодниковъ Божіихъ. Странно разсуждаютъ и поступаютъ лютеране. Если они почитаютъ высшихъ себя лицъ, особенно близкихъ къ царю, то какъ же они не хотятъ чтить святыхъ своими великими подвигами и добродѣтельною жизнью угодившими Богу, ставшими близкими къ Богу, друзьями Божьими (Іоан. 15, 14—15). За свою святую богоугодную жизнь святые сподобляются нерѣдко особой благодати Божіей и творять дивныя, добродѣтельныя для ближнихъ дѣла или чудеса, исцѣляютъ неизлечимо больныхъ, даже воскрешаютъ мертвыхъ. Если лютеране почитаютъ Лютера и другихъ знаменитыхъ своею ученостію и подвигами для ближнихъ, то какъ не почитать святыхъ пророковъ и апостоловъ, проповѣдниковъ спасительнаго слова Божія, извлечшаго людей изъ тьмы невѣденія и гибельнаго языческаго заблужденія? Какъ не почитать Предтечу Господня, удостоившагося крестить Самого Спасителя, — такого мужа, больше котораго не было никого изъ рожденныхъ нашими женами (Матѣ. 11, 11). Какъ не почитать святыхъ ангеловъ, вѣстниковъ людямъ воли Божіей и хранителей нашей жизни. Какъ намъ не прославлять великихъ подвиговъ и добродѣтельной жизни святыхъ, когда чрезъ такое прославленіе мы сами побуж-

даемся къ подобнымъ подвигамъ и святой жизни? Лютеране особенно возстаютъ противъ того, чтобы молиться святымъ; молиться нужно, говорятъ они, одному Богу, а не людямъ, не твореніямъ Божиимъ; молиться святымъ, значитъ боготворить ихъ. Не правда; мы вовсе не молимся святымъ, какъ Богу; мы говоримъ въ молитвѣ, на примѣръ, святителю Николаю: Святителю отче Николае, моли Бога о насъ; или говоримъ: моли Бога о насъ святыи архистратиге Михаиле, яко мы усердно къ тебѣ прибѣгаемъ, къ скорому помощнику и молитвеннику о душахъ нашихъ. Свои молитвы мы всегда и главнымъ образомъ возносимъ къ Самому Богу, но не надѣясь на свои слабыя молитвы, мы просимъ ходатайства за насъ предъ Богомъ Матери Божіей и другихъ святыхъ; ихъ молитвы угоднѣе Богу, чѣмъ наши, и милосердый Господь, по ходатайству за насъ святыхъ, скорѣе окажетъ намъ свою милость, чѣмъ по одной нашей часто слабой молитвѣ; прося ходатайства за насъ святыхъ, мы тѣмъ выражаемъ свое смиреніе предъ Богомъ, Который смиреннымъ даетъ Свою благодать (Іаков. 4, 6). Самъ Богъ повелѣлъ друзьямъ Іова обратиться къ этому праведнику, чтобы онъ помолился за нихъ, и только по молитвамъ его обѣщаль оказать имъ Свою милость (Іов. 42, 8). О томъ, что святые молятся за насъ Богу на небѣ, возвѣстилъ намъ въ своемъ откровеніи святыи апостоль Іоаннъ Богословъ (Откр. 8, 3—4). Что святые слышатъ наши молитвы къ нимъ, въ этомъ мы можемъ увѣриться тѣмъ, что всевѣдущая благодать Божія, живущая во святыхъ, живущихъ на землѣ, не можетъ быть отнята у нихъ по переселеніи ихъ на небо къ Богу, источнику благодати. Исполненные любви къ ближнимъ, святые еще при своей жизни оказывали имъ всякую помощь, особенно въ дѣлѣ спасенія; за своихъ ближнихъ святые нерѣдко жертвовали своею жизнію; эту горячую любовь къ своимъ ближнимъ святые унесли съ собою и на небо; по этой любви они и молятся за насъ на небѣ, ходатайствуютъ за насъ

предъ Богомъ, и ихъ святыя молитвы несравненно удобнѣ Богу, чѣмъ наши слабыя, грѣшныя молитвы; особенно сильна молитва за насъ Матери Божіей. И эти молитвы отвергають лютеране: жалкіе они люди!

12) Еще при своей жизни на землѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ посылая учениковъ своихъ на проповѣдь по разнымъ городамъ и всякъ дагъ имъ власть исцѣлять больныхъ чрезъ помазаніе ихъ масломъ или елеемъ, и они по повелѣнію Господню мазаху масломъ мнози недужныя, и исцѣлеваху (Марк. 6, 13). Тотъ же милосердый Господь безъ всякаго сомнѣнія повелѣлъ святымъ апостоламъ совершать надъ больными елеосвященіе. Эту заповѣдь Господню передалъ своимъ ученикамъ и всѣмъ вѣрующимъ святой апостолъ Іаковъ: «болить ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворять надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне. И молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь; и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему (Іаков. 5, 14—15). Видите, православныя, просвѣщенный Духомъ Святымъ, апостолъ Христовъ повелѣлъ пресвитерамъ церковнымъ или священникамъ надъ больными совершать таинство елеосвященія и чрезъ него даровать больному и исцѣленіе отъ болѣзни и прощеніе грѣховъ. Не хотять слушать св. апостола лютеране, — отвергають они таинство елеосвященія.

13) Сильно возстають лютеране противъ почитанія святыхъ иконъ. Они говорятъ, что мы становимся идолопоклонниками, поклоняясь иконамъ, явно нарушаемъ заповѣдь Божию: не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею, да не поклониши имъ не послужиши имъ (Исход. 20, 4—5). Кумиръ или идолъ есть изображеніе ложнаго Бога; неразумныя язычники считали за боговъ солнце, луну и звѣзды; считали за боговъ не только нѣкоторыхъ людей, но и животныхъ, живущихъ на землѣ, въ водахъ и подъ землею; вотъ изображеніямъ та-

жихъ ложныхъ боговъ и запрещаетъ заповѣдь Божія поклоняться и служить. Да и мы, поклоняясь предъ святыми иконами, на которыхъ изображены Самъ Господь, Божія Матерь и святые угодники Божіи, поклоняемся и служимъ вовсе не иконамъ, а тѣмъ лицамъ, которыя изображены на иконахъ. Святая икона ясно напоминаетъ намъ, что милосердный Господь невидимо предъ нами и слышитъ наши молитвы. Посему святая икона возбуждаетъ въ насъ большее благоговѣніе и усердіе къ молитвѣ, чего лютеране лишаютъ себя. Особенно трогательно для христіанина молиться предъ животворящимъ крестомъ, на которомъ изображенъ страдающій за наши беззаконія Господь. Какъ доброму христіанину не смириться и не принести искреннее раскаяніе въ содѣянныхъ имъ неправдахъ и беззаконіяхъ предъ изображеніемъ Божественнаго страдальца. По случаю продолжительнаго гоненія на святыхъ иконы въ древнее время, въ защиту ихъ было много писано святыми отцами и учителями церкви, и на вселенскомъ седьмомъ соборѣ почитаніе святыхъ иконъ возстановлено, и иконоборцы справедливо осуждены; этому же осужденію святой церкви подлежатъ и новые иконоборцы-лютеране. Святыхъ иконы въ нашихъ домахъ постоянно напоминаютъ намъ, что Господь съ нами, видитъ, что мы дѣлаемъ и знаетъ даже, что мы думаемъ и потому заставляютъ насъ остерегаться отъ худыхъ дѣлъ и помышлений. Святыхъ иконы и неграмотнаго учатъ, что совершилъ для насъ милосердый Господь.

14) Лютеране не молятся за умершихъ, какъ будто они совсѣмъ перестали существовать. Но если братья наши во Господѣ жи по смерти только переселяются въ другую жизнь и тамъ живутъ, то нѣтъ основанія не молиться за нихъ, какъ мы молились за нихъ, когда они были живы. Что милосердый Господь по молитвамъ однихъ даруетъ свою милость другимъ, это несомнѣнно; такъ Спаситель по молитвѣ отца исцѣлилъ бѣсноватаго его сына, по молитвѣ хананейской жены исцѣлилъ ея дочь, по молитвѣ

сотника даровалъ здоровье его слугѣ. Добрыя дѣти не могутъ перестать любить своихъ дорогихъ родителей умершихъ, а равно и родители своихъ дѣтей умершихъ. Выразить свою любовь къ умершимъ нашимъ братьямъ во Христѣ можемъ только молитвою, да простить имъ милосердый Господь всѣ ихъ согрѣшенія и да поселить ихъ въ свѣтлыхъ обителяхъ рая; особенно сильна предъ Богомъ бываетъ молитва за умершихъ при принесеніи за нихъ безкровной жертвы или при совершеніи за нихъ литургіи. Что есть грѣхи, которые прощаются умершимъ въ будущей жизни, это видно изъ словъ Спасителя: «всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ»... Хула же на Духа Святаго не оставится человѣку ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій (Мате. 12, 31—32). Убитые горемъ о смерти дорогого умершаго чѣмъ могутъ облегчить скорбь своего сердца, какъ не пламенною молитвою за усопшаго, да упокоить его душу милосердый Господь со всѣми святыми. Этого молитвеннаго, истинно христіанскаго утѣшенія при смерти дорогихъ умершихъ лишаютъ себя лютеране; стоитъ искренняго сожалѣнія это лишеніе благодатнаго утѣшенія. Что святая церковь Христова со временъ апостольскихъ всегда молилась за умершихъ своихъ чадъ, это видно изъ древнѣйшихъ литургій, въ которыхъ имѣются молитвы за усопшихъ. И въ нынѣ совершаемыхъ у насъ литургіяхъ, составленныхъ въ четвертомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ великими святителями Василиемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустымъ, существуютъ молитвы за умершихъ. Но лютеране не хотятъ послѣдовать такимъ великимъ по святости жизни и учености святителямъ Божиимъ, не хотятъ повиноваться святой церкви Христовой, хотятъ быть выше прославленныхъ вселенскою церковію великихъ угодниковъ Божіихъ и отвергаютъ молитвы за усопшихъ. Не здраво и не по христіански разсуждаютъ и поступаютъ лютеране.

Лютеране не почитаютъ святыхъ мощей угодниковъ Божіихъ, не вѣрятъ чудесамъ, совершаемымъ при мощахъ;

они слѣдуютъ тѣмъ недобрымъ и суемудрымъ евреямъ, которые не вѣрили чудесамъ, совершавшимся самимъ Спасителемъ и святыми апостолами. Не изображаютъ на себѣ лютеране креста, на самыхъ своихъ церквахъ предпочитаютъ ставить изображеніе пѣтуха. При богослуженіи лютеране обычно не совершаютъ литургіи, а ихъ богослуженіе состоитъ только изъ пѣснопѣній, а главнымъ образомъ изъ проповѣди пастора. И католики удалились отъ святой церкви Христовой, лютеране еще дальше уклонились отъ нея и впали еще въ большія заблужденія, чѣмъ католики. Берегитесь же, православные, какъ католиковъ, такъ и лютеранъ. Лютеране обольщаютъ своимъ ученіемъ о легкости спасенія. Они учатъ, что христіанинъ спасается не добрыми дѣлами, а только вѣрою: живи какъ хочешь, грѣши, сколько хочешь, только вѣруй въ Спасителя; Онъ премилосердый все проститъ тебѣ и спасетъ тебя. Забываютъ лютеране, что премилосердый Господь указалъ не легкій, не широкій путь ко спасенію, а узкій, скорбный, трудный (Матѣ. 7, 13—14); «многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе», учитъ святой апостоль (Дѣян. 14, 22). Не станемъ же, православные, обольщаться лютеранскимъ ученіемъ о легкости спасенія и будемъ бояться своими неправдами и беззаконіями оскорблять премилосердаго Спасителя. Лютеранское ученіе о легкости спасенія противно слову Божію и пагубно для спасенія. Дальше, дальше, православные, отъ лютеранъ и ихъ душепагубнаго ученія.

15) Лютеране отвергаютъ постъ и учатъ, что ни Самъ Спаситель, ни святыя апостолы не заповѣдали намъ поститься. Неправо учатъ послѣдователи сего, неправы и учителя вѣры Лютера. Господь нашъ Іисусъ Христосъ постился сорокъ дней и своимъ примѣромъ уже училъ насъ посту. Когда спросили Спасителя, почему ученики Его не постятся, не отвѣтилъ же Господь, что не нужно поститься, какъ отвѣчалъ бы Господь, если бы Онъ отвергалъ постъ, а сказалъ только, что ученикамъ Его

тогда неудобно было поститься, а вотъ когда отъ нихъ отнимется Господь, тогда они будутъ поститься (Матѣ. 9, 15). Очевидно, Спаситель поста не отмѣнилъ. Отвергающіе постъ приводятъ еще слова Спасителя: «не входящее во уста сквернить человѣка: но исходящее изъ устъ, то сквернить человѣка» (Матѣ. 15, 11). Это Господь сказалъ на упрекъ Ему: зачѣмъ ученики Его ѣдятъ хлѣбъ неумытыми руками? И вотъ Господь объяснилъ, что не осквернить человѣка хлѣбъ изъ неумытыхъ рукъ. О постѣ здѣсь ни слова. Не сквернить человѣка входящее въ уста; а если бы человѣкъ до излишества употребилъ водки или пищи, развѣ онъ не согрѣшилъ бы, не осквернилъ бы себя? Указываютъ еще на слова святаго апостола Павла, что пища не приближаетъ насъ къ Богу: ѣдимъ ли мы, ничего не приобретаемъ, не ѣдимъ ли, ничего не лишаемся (1 Кор. 8, 8). Здѣсь апостоль Христовъ говоритъ о посвященной идоламъ пищѣ, употребляя которую язычники думали угодить ложнымъ богамъ, или ближе стать къ нимъ. Станемъ ли мы употреблять такую пищу, — ближе къ истинному Богу не станемъ, ничего добраго не приобретаемъ, не станемъ ли ѣсть идоложертвеннаго, ничего не лишимся, худаго ничего не сдѣлаемъ. Очевидно и здѣсь святой апостоль ничего не говоритъ о постѣ. Пища не приближаетъ насъ къ Богу; но святая церковь, заповѣдая намъ постъ, не учитъ, что постная пища приближаетъ насъ къ Богу; не самая пища, а воздержаніе, послушаніе св. церкви, — вотъ что угодно Богу; строгое воздержаніе отъ скоромной пищи, питающей плоть и возбуждающей плотскія похоти, способствуетъ къ сохраненію поста духовнаго, а это самое главное въ постѣ. Вотъ какъ учитъ насъ посту святая церковь: «Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви: истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія, сихъ оскудѣніе, постъ истинный есть и благопріятный» (Стих. на стиховнѣ въ вел. понед.). Въ постѣ,

особенно великій, церковное богослуженіе обычно состоитъ изъ покаянныхъ молитвъ и пѣснопѣній, чѣмъ располагаетъ насъ къ сознанію своихъ грѣховъ и къ достойному покаянію. Посему въ великій постъ мы приступаемъ къ исповѣди и приобщенію святыхъ таинъ — тѣла и крови Спасителя. Какое святое, истинно христіанское занятіе въ великій постъ!

Итакъ, лютеране, отвергая постъ, не слѣдуютъ примѣру Спасителя и Его святыхъ апостоловъ, отвергаютъ установленіе святой вселенской церкви, отвергаютъ благотворное дѣйствіе поста на душу христіанина, на исправленіе его поведенія или на побужденіе его къ искреннему раскаянію во грѣхахъ.

Пожалѣемъ, православные, лютеранъ за ихъ отступленіе отъ единой, святой, соборной и апостольской церкви и уседно помолимся, чтобы милосердый Господь просвѣтилъ ихъ свѣтомъ евангельской истины.

Протоіерей Іоаннъ Постъловъ.

Блаженный Софроній, 3-й Епископъ Иркутскій.

БРАТКОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ О ЕГО ЖИЗНИ, ДѢЯНИЯХЪ И БЛАЖЕННАЯ ПАМЯТЬ О НЕМЪ *).

XXVI. Послѣсловіе.

Предложивъ вниманію благочестивыхъ читателей и благоговѣйныхъ почитателей памяти блаженного Софронія, составленное мною, жизнеописаніе его, мы считаемъ не лишнимъ изложить здѣсь краткую замѣтку о попыткахъ составленія біографіи преосвященнаго Софронія епископа Иркутскаго, которая имѣетъ уже свою исторію.

Свой трудъ мы назвали «краткое жизнеописаніе» не потому, чтобы это дѣйствительно было краткое по содержанию и объему, а потому, что, изъ обильнаго и обширнаго матеріала о жизни и дѣятельности преосвященнаго Софронія, въ наше пользованіе остались только немногія крохи и малыя частицы, собирая которыя съ октября 1888 г., мы, по мѣрѣ силъ и средствъ, и старались составить нѣчто цѣлое на пользу притекающихъ къ рагѣ мощей блаженного Софронія.

Первымъ обратилъ свое серьезное и ревностное вниманіе на матеріалъ о жизни и дѣятельности преосв. Софронія архіепископъ Нилъ. Онъ, пользуясь и временемъ, и положеніемъ, собралъ все, что его могло, главнымъ образомъ, интересоваться о блажен. Софроніи. Но заботы

*) Окончаніе. См. сентябрьскую кн. *Душ. Чит.* 1907 г.

по дѣламъ и благоустроению епархіи, труды, печали и борьба по дѣламъ Миссіи, не дали архіеп. Нилу приняться и свершить желанное дѣло, т.-е. составить жизнеописаніе блаж. Софронія. Тѣмъ не менѣе, съ этою завѣтною мыслию онъ выѣзжалъ изъ Иркутска. И поэтому весь собранный имъ матеріалъ забралъ съ собою.

По условіямъ тогдашняго сообщенія съ Россіей и путешествія, всѣ вещи архіеп. Нила были сложены въ баржу и сплавомъ отправлены внизъ по теченію рѣки Ангары до Енисейска; самъ архіеп. Нилъ слѣдовалъ на лошадахъ сухимъ путемъ трактомъ. На этой отправленной баржѣ, гдѣ-то далеко отъ Иркутска, на Ангарѣ произошелъ пожаръ: часть вещей, говорятъ, сгорѣла, другія вещи были выброшены въ воду и, кажется, сама баржа съ остальными утонула: тамъ, вѣроятно, или въ огнѣ, или въ водѣ остались и главные документы о блаж. Софроніи; а можетъ быть, многіе изъ нихъ и уцѣлѣли и ихъ надо искать въ Ярославлѣ, или у родственниковъ в. пресвященнаго Нила.

Послѣ архіепископа Нила временемъ стараній объ изданіи жизнеописанія блаж. Софронія—было время архіепископа Парѣенія, особенно послѣ третьяго обрѣтенія мощей блажен. Софронія. Этимъ занялись почитатели блаж. Софронія: ректоръ Ирк. Духов. Семинаріи архимандритъ (впослѣдствіи архіеп. Волынской) Модестъ и каедр. прот Прок. Громовъ.

Арх. Модестъ, по теченію обстоятельствъ, былъ вскорѣ, сравнительно, переведенъ на епископскую кафедру въ Екатеринбургъ въ концѣ 1876 года и собранный имъ о Софроніи матеріалъ вывезъ съ собою; о судьбѣ сихъ матеріаловъ авторъ три раза спрашивалъ и просилъ в. пресв. Модеста, по безуспѣшно, и гдѣ теперь этотъ матеріалъ не знаемъ.

Болѣе другихъ по условіямъ службы, какъ каедр. протоіерей, какъ членъ духов. консисторіи и вмѣстѣ какъ издатель Иркут. епар. вѣдомостей,—потрудился надъ со-

браниемъ матеріаловъ, уже конечно изъ оставшихся документовъ и данныхъ,—каедр. прот. Прокопій Громовъ. Онъ былъ природный Сибирякъ, исконный Иркутянинъ. Прок. Громовъ, отецъ и дѣдъ его отличались долголѣтіемъ. Прадѣдъ Прокопія Громова былъ поставленъ во священника свят. Иннокентіемъ I. Такимъ образомъ каедр. прот. Громовъ имѣлъ всѣ условія: и родную страну, и знакомства, и семейныя преданія устныя и письменныя, чтобы собрать возможно полный матеріаль, а путешествіе по дѣламъ службы въ Якутской области и по Забайкалью, путешествіе и 12 лѣтняя жизнь и служба въ Камчаткѣ, какъ нельзя болѣе содѣйствовали составленію и изданію полной біографіи преосв. Софронія, 3-го еписк. Иркутскаго. Такъ, вѣроятно, о. Прокопій Громовъ и поступалъ.

Но бѣдствія пожара, постигшія Иркутскъ 22 — 24 іюня 1879 г., разрушили многіе планы и испепелили много документовъ и данныхъ долгожизненнаго и многодѣятельнаго прот. Громова; Иркутскій пожаръ сильно подѣйствовалъ на утружденнаго лѣтами, обстоятельствами и многостороннею дѣятельностію о. прот. Громова, и лѣтомъ 1880 г. ¹⁾, т.-е. чрезъ годъ послѣ пожара, Иркутскаго церковнаго бытописателя не стало. А съ нимъ пошло въ гробъ и въ могилу и то, что могло уцѣлѣть отъ всепожирающаго пожара.

Прокопію Громову, какъ каедр. протоіерею, редактору Ирк. епарх. вѣдомостей и члену дух. консисторіи,—преемствовалъ преподаватель церк. исторіи въ Ирк. дух. семинаріи протоіерей Аѳанасій Виноградовъ. Виноградову, съ самаго опредѣленія его каедр. протоіереемъ, по предложенію архіеп. Веніамина и постановленіемъ консисторіи было поручено: собрать матеріалы и составить жизнеописаніе преосв. епископа Иркутскаго Софронія. И о. Виноградовъ принялся, было, за поручен-

¹⁾ См. Ирк. епис. вѣд. 1880 г. № 36-й.

ное ему дѣло. Но о. Аѳ. Виноградовъ увлекался всѣмъ: и будучи каедр. протоіереемъ, онъ попрежнему оставался препод. въ Ирк. дух. Семинаріи, и дѣлопроизводителемъ правленія семинаріи, и членомъ хозяйственной части семинаріи, и законоучителемъ учительской семинаріи, и законоучит. Ирк. жен. гимназіи; ставъ каедр. протоіереемъ, онъ сдѣлался и главнымъ членомъ въ комитетѣ по постройкѣ новаго каедр. собора. Правда, постройка собора возобновилась только съ 1889 года, но приготовления послѣ пожара къ продолженію постройки, заготовка матеріаловъ, а потомъ, съ 1889 г., и самыя работы, бумажное дѣло и отчеты по строевымъ работамъ заняли и отнимали у о. пр. Виноградова все его время; къ тому же онъ долго не имѣлъ постоянной квартиры, а переѣзды съ квартиры на квартиру, всякій знаетъ, отнимаютъ очень много времени, разстраиваютъ занятія и служатъ причиною и условіемъ потери многого, особенно письменнаго, матеріала. Такъ случилось и съ прот. Виноградовымъ.

Часть уцѣлѣвшихъ отъ пожара документовъ и бумагъ, особенно послѣ смерти каедр. прот. Громова, была свезена и стаскана подъ колокольню Богоявл. каедр. собора, въ такъ называемый придѣлъ (или храмъ Іоанна воина)—тотъ храмъ, который выстроенъ былъ въ честь тезоименитства—по мірскому имени—свят. Иннокентія I, который и освящалъ сей храмъ; но потомъ сей храмъ, когда уже ублажили съ 1805 г. Св. Иннокентія, какъ чудотворца и молитвенника, — храмъ этого молитвенника, уничтоживъ алтарь и престолъ, обратили въ училищную бібліотеку на 2—3 года, а потомъ въ соборную ризницу, а послѣ въ кладовую, куда собирали и складывали разныя, скоро не нужные и нужные предметы. Туда стащили и всѣ казенныя вещи и бумаги, часть послѣпожара, а остальное послѣ смерти протоіерея Громова, какъ соборную собственность, какъ редакціонное (Ирк. е. вѣд.) имущество. Тамъ все и лежало до 1893—94 г. Тамъ же, въ этомъ храмѣ, въ этой кладовой, при ремонтіровкѣ Бо-

говявл. собора, лежали и стояли красильные матеріалы и вещи и краски, олифа (масло), тамъ же краски и готовились, тольлись, терлись, соединялись съ масломъ и прочее. Конечно, лежавшій тамъ бумажный и предметный архивъ, кромѣ того, что пылился, пачкался красками,—служилъ, особенно бумага, и подстилкою, и оберткою, и покрышкою, матеріаломъ для обтиранія рукъ. Посему здѣсь много погубло изъ тѣхъ письменныхъ цѣнностей, какія сохранены были отъ пожара.

А въ 1893—94 г., при окончаніи дѣлъ по постройкѣ новаго собора, при передачѣ редакціи Иркут. Епар. Вѣдомостей въ дух. семинарію, тѣ бумаги, которыя считались ненужными,—однѣ проданы на укупорочиую бумагу, а что было пропылено или запачкано красками, масломъ, то отвезено въ «топку» ¹⁾. Туда, безъ сомнѣнія, по недосмотру, вывезено не мало документовъ, собранныхъ для біографіи преосв. Софронія, а можетъ быть и еще какихъ-либо.

Работы же и ночныя сидѣнія надъ реестрами и отчетами по постройкѣ новаго кафедр. собора служили, между прочимъ, къ притупленію зрѣнія; такъ что послѣднія 6—7 лѣтъ о. Ае. Виноградовъ совсѣмъ почти былъ слѣпой.

Тогда-то я увидѣлъ, что настало время мнѣ дѣйствовать и предать письмени и печати о блаж. Софроніи то, что еще осталось отъ времени, отъ пожаровъ и прочихъ обстоятельствъ и случайностей и сохранилось, хотя въ малыхъ частицахъ, чтобы по уцѣлѣвшему контуру и по канвѣ устныхъ преданій возстановить обликъ всѣми глубокочтимаго святителя и молитвеннаго предстателя о чтущихъ память его.

Правда оставался еще одинъ дѣятель въ области исто-

¹⁾ „Топка“—это низкое, трясиное мѣсто находится за предмѣстьемъ Иркутска.—„Знаменское предмѣстье“—на правомъ берегу рѣки Ангары по Верхоленскому и Якутскому тракту; туда свозятъ изъ Иркутска соръ и всякіе отбросы.

рии церкви Вост. Сибирской,—это неутомимый труженикъ археологъ и археографъ, преосвященнѣйшій Мелетій, сотрудникъ, членъ, потомъ и начальникъ Иркутской и Забайкальской миссiй, Епископъ Селенгинскiй, далѣе Ягутскiй, почившiй Рязанскимъ. Но преосв. Мелетiй съ юношескимъ пыломъ увлекался всѣмъ и съ беззавѣтною преданностию принимался за все, что представляли ему служба ли, время ли, мѣсто жительство или обстоятельства. Явившись за Байкаль сотрудникомъ, а потомъ членомъ миссiи, онъ всецѣло предался миссiи: его стихiю, его пищу, его жизнь и цѣль жизни въ то время представляли дѣла и занятiя миссiонера; когда поставленъ былъ начальникомъ миссiи, дѣла у него еще болѣе увеличилось.

Живя въ Иркут. епархiи, посѣщая мѣста и пункты исторической жизни и дѣятельности въ Восточн. Сибири и видя, что историческiе документы, при общей неизвѣстности и необслѣдованности страны, лежатъ мертвымъ матеріаломъ, а пожалуй и гибнутъ отъ пожара, или гниютъ, или растаскиваются какъ ненужныя бумажки,—Преосв. Мелетiй принимается все разобрать, прочитать, напечатать. Его пытливый умъ желаетъ все объять, понять и изучить. Преосв. Мелетiй былъ живая исторiя Восточ. Сибири во все время ея извѣстности и принадлежности Россiи и особенно церковной ея жизни 17, 18 и 19 вѣковъ. Извѣстно, что онъ благоговѣль и предъ Блаженнопочивающимъ свят. Иркут. Софронiемъ, собиралъ о Софронiи біографическiй матеріалъ, но гдѣ онъ и сколько его, намъ неизвѣстно, хотя на каждый спросъ нашъ лично или вопросъ письменно онъ всегда съ охотою и усердiемъ, свойственными истинно ученому мужу, и съ любовью отца отвѣчалъ и сообщалъ все, что ему было извѣстно, или указывалъ, гдѣ то или другое можно найти.

Неполонъ бы былъ нашъ сей очеркъ исторiи составленiя біографiи, если бы мы не упомянули, что многое изъ матеріаловъ о преосв. Софронiи было напечатано въ Иркут. Епар. Вѣдомостяхъ, съ начала выхода ихъ, т.-е.

съ 1-го января 1863 г. преимущественно по 1879 гг., хотя есть за два-четыре года и 1880-х годовъ; матеріалы эти были собраны и отпечатаны вышеупомянутыми: Модестомъ, прот. Грозовымъ, Мелетіемъ и нѣкоторыми изъ епархіал. городовъ и мѣстъ отцами протоіереями и іереями по приглашенію и совѣту архіеп. Модеста, прот. Громова и преосв. Мелетія. Но пожары, особенно 1879 года истребили главные въ семъ отношеніи нужные годы съ 1864 по 1879 гг., которые нынѣ чуть не библиографическая рѣдкость. Въ 1895 году нами издано сперва 500 экземпляровъ, а потомъ 1½ тыс. «листовъ» 1—4 стран. о преосв. Софроніи и литографически сдѣланъ въ 1895—96 гг. худож. М. А. Рудченко портретъ Софронія 3 епископа Иркутск. въ 2000 экземпляровъ на бумагѣ и картову и 4000 экземпляровъ на полотнѣ и шелку въ типографіи Ирк. военного штаба.

Кромѣ сего въ 1901 г. изданъ листокъ 1—4 страницъ, подъ заглавіемъ «къ 130 лѣтней годовщинѣ святителя Софронія 3-го еп. Иркутскаго», 5000 экземпляровъ для безмездной раздачи.

Этимъ мы и закончимъ сію нашу статью во славу Божію и въ память блаженнаго Софронія епископа Иркутскаго и Нерчинскаго.

Тропарь Блаженному Софронію гласъ 1-й.

Благоразумія тезоименитый, благоразумно о Господѣ пожилъ, Блаженне Софроніе. Тѣмъ же мудро паству твою управилъ, во благочестіи вѣры наставилъ. Языки восточно-Сибирскіе свѣтомъ Евангелія озаряя, и вся ны зывати научая: слава давшему ти мудрость! Слава вѣнчавшему тя благоразуміемъ! Слава точащему тобою всѣмъ, съ вѣрою приходящимъ къ ракъ мощей твоихъ, испѣденія!

Протоіерей Милій Чефрановъ, настоятель Святотроицкой церкви при Императорскомъ Россійскомъ Генеральномъ Консульствѣ въ г. Ургѣ.

ПОДВИГИ И УСИЛІЯ ВЪ ДОБРОВОДѢТЕЛИ ¹⁾.

О истинной любви къ ближнимъ.

Заповѣдь сію Самъ Господь внушалъ ученикамъ Своимъ, говоря: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе* (Іоан. 13, 35). Тоже видимъ и изъ ученія св. отцевъ церкви. Св. Василиій Великій пишетъ: «Ничто такъ не свойственно нашей природѣ, какъ имѣть общеніе другъ съ другомъ и нужду другъ въ другъ и любить соплеменныхъ. Самъ Господь говоритъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга...*, и желая возбудить душу нашу къ сей заповѣди, въ доказательство, кто Его ученикъ, потребовалъ не знаменій и чудесъ необычайныхъ, но что говоритъ? *О семъ разумють вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*».

Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Любовь есть мать всѣхъ благъ, есть отличительный признакъ Его учениковъ; она одна содержитъ въ себѣ всѣ совершенства, человѣку сродныя. Посему Иисусъ Христосъ справедливо съ такою силою истребляетъ самые корни и источники вражды, разрушающей любовь... (Онъ) и Самъ и чрезъ Своихъ учениковъ, какъ въ новомъ, такъ и въ ветхомъ завѣтѣ, много говоритъ о сей заповѣди, и показываетъ Себя строгимъ мстителемъ и наказателемъ за презрѣніе оной. Ибо ничто столько не способствуетъ ко введенію и укорененію вся-

¹⁾ Продолженіе. См. іюньскую в. *Душеполезнаго Чтенія* 1907 г.

каго зла, какъ истребленіе любви... Многое побуждаетъ насъ къ взаимному общенію: всѣмъ намъ предлагается одна трапеза; одинъ Отецъ породилъ насъ; всѣ мы произошли отъ одной утробы; всѣмъ подается одно питіе и не только одно, но и изъ одной чаши. Отецъ между прочими средствами расположить насъ ко взаимной любви употребилъ и то, чтобы мы пили изъ одной чаши, ибо это служить знакомъ крѣпкой любви... Для многихъ служить достаточнымъ побужденіемъ къ дружбѣ не только то, что имѣютъ общій столъ, но и то, что они изъ одного города; а мы, у которыхъ и градъ, и домъ, и столъ, и путь, и древо, и корень, и жизнь, и Глава, и Пастырь, и Царь, и Учитель, и Судія, и Творецъ, и Отецъ,—и все общее, какое будемъ имѣть извиненіе, удаляясь отъ общенія другъ съ другомъ?»

И еще св. Златоустъ пишетъ: «Многіе имѣютъ другія побужденія въ любви: одинъ любитъ потому, что его самага любятъ; другой—потому, что его уважаютъ; иной—потому, что ближній въ вѣкоторомъ житейскомъ дѣлѣ былъ для него полезенъ: а четвертый — по чему нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любилъ ближняго искренно, и какъ должно—для Христа. Ибо многіе соединены другъ съ другомъ только житейскими дѣлами... И такъ какъ они соединены между собою переходящими выгодами, то посему любовь ихъ не имѣетъ ни пламенности, ни постоянства; напротивъ каждая обида, или потеря денегъ, или зависть, или любовь къ тщеславію, или другое что сему подобное, легко разрушаетъ ихъ любовь: ибо она не имѣетъ духовнаго корня. Любовь, напротивъ, имѣющая основаніемъ Христа, тверда, постоянна, непобѣдима; ничто оную расторгнуть не можетъ, ни клеветы, ни опасности, ни смерть, ни другое что-либо подобное сему... Кто истинно любитъ, тотъ не разбираетъ ни рода, ни отечества, ни богатства, ни взаимной любви къ себѣ, ни другаго чего-либо подобнаго. Но хотя бы его ненавидѣли, обижали, умерщвляли, не

перестанетъ любить, имѣя достаточную причину къ любви—Христа. На Него неуклонно взирая, онъ пребываетъ твердъ. Ибо и Христосъ такимъ же образомъ любилъ враговъ неблагодарныхъ, обидчиковъ, поносителей, ненавистниковъ,—любилъ ихъ высочайшею любовію, которой нельзя найти подобной».

Святый Тихонъ Воронежскій пишетъ: «Корень и начало любви къ ближнему есть любовь Божія. Кто истинно любить Бога, тотъ несомнѣнно любить и ближняго. Безъ сомнѣнія, Богъ любитъ всякаго человѣка. Аще убо кто истинно любить любящаго Бога, надобно ему любить и любимаго отъ Него человѣка: возлюбимъ убо другъ друга, яко Богъ возлюбилъ насъ. Всѣ мы одинаго признаемъ праотца Адама, всѣ сродное имѣемъ естество, и называемся и есмь человѣки; всѣ созданы отъ одинаго Бога, созданы по образу Божію и по подобію; всѣ искуплены кровію Христа Сына Божія, возлюбившаго насъ и предавшаго Себя за насъ; всѣхъ насъ *такъ возлюбилъ Богъ, что и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*; всѣмъ намъ далъ Богъ Слово Свое святое, которое научаетъ насъ другъ друга любить и другъ другу благотворить; всѣ призваны къ одной святой вѣрѣ, и вѣруемъ въ Отца, и Сына и Святаго Духа, одинаго Трїипостаснаго Бога, Который насъ любитъ; всѣ мы одинаго Бога призываемъ, молимся и поклоняемся Ему, поемъ и славословимъ Его; всѣ называемся христіанами отъ Христа; всѣ едино имѣемъ крещеніе; всѣ въ крещеніи отрицались сатаны и всѣхъ дѣлъ его злыхъ, гордости, ненависти и прочаго зла, и обѣщались Христа и другъ друга любить; всѣ призваны къ вѣчной жизни; всѣ приступаемъ къ единой святой трапезѣ и причащаемся Тѣла и Крови Христовой; всѣ мы братія, одинаго Отца имѣемъ Бога, Которому молимся и глаголемъ: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ*, и пр.; всѣмъ намъ Отецъ небесный отъ любви Своей подаетъ пищу, одѣяніе, домъ и прочая благая... Довольныя

убо причины имѣеть христіанинъ, по которымъ долженъ любить своего ближняго; главная же причина та, что Богъ человѣка любить. Что убо, христіанинъ, восхощешь ли ненавидѣть любезное Божіе созданіе—человѣка? Восхощешь ли ненавидѣть того, который такой же человѣкъ, какъ и ты,—который созданъ по образу Божию и по подобію, какъ и ты,—котораго Богъ любить,—который кровію Христовою искупленъ, какъ и ты,—за котораго Христосъ пострадалъ и умеръ,—который банею св. крещенія омытъ, какъ и ты,—который къ вѣчной жизни призванъ, какъ и ты,—котораго Богъ велитъ любить тебѣ, якоже себя самага,—который къ святѣйшей Евхаристіи приступаетъ, якоже и ты,—которому Богъ отъ единой любви благотворитъ, котораго Богъ почтилъ, котораго Богъ благословляетъ? — Возлюбимъ убо другъ друга, христіане, яко Богъ всѣхъ насъ возлюбилъ».

Объ учительствѣ церковномъ.

Господь не всѣмъ вѣрующимъ даровалъ власть ученія въ Своей Церкви, но только апостоламъ и ихъ преемникамъ. Св. отцы 6-го вселенскаго собора, пишутъ: «Не подобаетъ мірянину предъ народомъ произнести слово или учить, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноватися преданному отъ Господа чину, отверзати ухо пріившимъ благодать учительскаго слова и отъ нихъ поучатися божественному».

Св. Григорій Богословъ пишетъ: «Порядокъ и въ церквахъ опредѣлилъ, чтобы одни были пасомые, другіе пастыри; одни начальствовали, а другіе были подначальными; кто составлялъ какъ бы главу, кто—ноги,—кто—руки, кто—глазъ, кто—иной изъ членовъ тѣла, для устройства и пользы цѣлаго... И въ тѣлахъ не у всѣхъ членовъ одинъ образъ дѣйствования, хотя и всѣ одинаково имѣютъ нужду другъ въ другѣ для дружнаго и взаимнаго дѣйствования». «Тоже и у насъ въ общемъ тѣлѣ Христовомъ».

«И овыхъ убо, сказано, положи Богъ въ Церкви первые апостоловъ, второе пророковъ, третіе пастырей и учителей». «И хотя Духъ одинъ, однако же дарованія не равны, потому что не равны преемники Духа». «Будемъ, братія, уважать и соблюдать сей порядокъ. Пусть одинъ будетъ слухъ, другой—языкъ, иной—рука или что другое; пусть иной учить, другой учится, а другой дѣлаетъ добро собственными руками, чтобы подать требующему и нуждающемуся». «Не всѣ будемъ языкомъ, всегда готовымъ, не всѣ пророками, не всѣ апостолами, не всѣ толкователями». «Учить дѣло великое, но учиться—дѣло безопасное. Для чего представляешь изъ себя пастыря, когда ты овца? Для чего представляешься головой, когда ты—нога? Для чего берешься предводительствовать войскомъ, когда поставленъ въ ряду воиновъ?»

Объ ученіи семьи и своихъ ближнихъ.

Сего требуетъ отъ насъ яснѣйшая воля Божія; сіе внушаютъ намъ св. апостолы. Они внушаютъ всѣмъ намъ; сему учатъ насъ св. отцы Церкви, чтобы вѣрующіе всегда упражнялись въ словѣ Божіемъ и старались взаимно наставлять и вразумлять другъ друга для общаго блага. Св. Григорій Богословъ пишетъ: «Избери что угодно, или послѣдуй учителю, или самъ для себя будь учителемъ. Одно только постыдно, если не будутъ отсѣчены страсти; а кѣмъ бы ни были отсѣчены, не полагай въ томъ различія. Ибо и наставникъ есть тварь Божія, и ты отъ Бога». «Отсѣчемъ только отъ себя страсти,... будемъ только послѣдовать образу, станемъ только чтить Первообразъ». «Сіе предписываю мірянамъ, сіе заповѣдаю священникамъ, а равно и тѣмъ, которымъ ввѣрено начальство. Вспомоществуйте слову всѣ, кому дана отъ Бога возможность вспомоствовать». «Мужи и жены, и начальники и подчиненные, старцы, юноши и дѣвы, люди всякаго возраста! Переносите всякій ущербъ, касающійся

имущества или тѣла; одного только не потерпите, чтобы понесло ущербъ ученіе о Божествѣ». «Если можешь оказывать высшія благодѣянія, приносящія пользу душѣ, то не откажись и этимъ послужить нуждающемуся, или лучше—таковыя-то благодѣянія прежде всего и паче всего и оказывай просящему тебя, весь день милуя и взаимъ дая слово и неопустительно взыскивая долгъ съ лихою».

Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: *«Слово Христово да вселяется въ васъ богато, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самихъ»* (Кол. 3, 16). Внемлите, міряне, имѣющіе женъ и дѣтей, симъ словамъ апостола; читайте св. Писаніе». «Совѣтую каждому купить себѣ Библию, или, по крайней мѣрѣ, Новый Завѣтъ. Книги сіи всегда послужатъ вамъ къ наученію вашему». «Причина всякихъ золъ есть та, что весьма мало знаютъ св. Писаніе. Не слагайте всю тяжесть на насъ (духовныхъ)... Если бы вы хотя отчасти искусны были въ св. Писаніи и намъ предлежало бы только преподавать вамъ дальнѣйшія истолкованія: тогда труды наши принесли бы гораздо большую пользу», «и вы бы намъ чрезъ это во многомъ помогли... но вы слагаете всю тяжесть на насъ». «Много заботятся, какъ бы построить бани, увеличить цѣны, создать себѣ чертоги; а какъ бы образовать души, о семъ нѣтъ заботы. Видя на полѣ тернія, ты вырываешь ихъ, выжигашь, истребляешь, чтобы избавить землю отъ такой язвы: но, видя самихъ земледѣльцевъ полныхъ тернія и не вырывая сій терній, неужели, скажи мнѣ, не боишься и не трепещешь Того, Кто потребуеть отъ тебя отчета за нихъ? Не прежде ли всего должно заботиться, чтобы всѣ они были христіане?.. Можетъ ли быть выше приобрѣтеніе, какъ собирать души въ житницы небесныя».

«Соревнуя Павлу будемъ и мы назидать, если не весь міръ, не цѣлыя города и народы; то, по крайней мѣрѣ, каждый собственный свой домъ, свою жену, своихъ дѣтей, друзей, сосѣдей. И никто не говори мнѣ: я не опытенъ, я невѣжда. Нельзя быть неученѣ Петра, неискус-

нѣе Павла. Онъ самъ признается въ томъ и, не стыдясь, говоритъ: *аще бо и невѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. 11, 6). Но невѣжда Павелъ, но неученый Петръ побѣдили тысячи философовъ, заставили молчать витій, и все то произвелось собственнымъ усердіемъ и благодатию Божіею. Какое же извиненіе найдемъ для себя, когда не можемъ научить двадцати человѣкъ, быть полезными для живущихъ съ нами въ одномъ домѣ? Пустой предлогъ, пустая отговорка! Не малоученность, не малообразованность, но лѣность и сонъ препятствуютъ намъ учить. Отрясемъ этотъ сонъ и со всѣмъ тщаніемъ позаботимся о собственныхъ членахъ, дабы, наставляя ближнихъ своихъ страху Божію, и здѣсь насладиться полнымъ спокойствіемъ, и тамъ содѣлаться участниками безчисленныхъ благъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа».

И еще св. Златоустъ пишетъ: «Есть случаи, въ которыхъ священникъ не отличается отъ подначальнаго... Сіе сказано мною для того, чтобы каждый изъ подначальныхъ трезвился, чтобы мы знали, что всѣ мы едино тѣло есмы, и столько же различаемся одинъ отъ другаго, сколько членъ отъ члена; и чтобы не все возлагали на однихъ священниковъ, но и сами пеклись о всей Церкви, какъ о тѣлѣ всѣмъ намъ общемъ. Ибо сіе и вамъ послужить къ большому утвержденію и къ большому преспѣванію въ добродѣтели». «Ибо въ Церкви должно жить, какъ въ одномъ домѣ; какъ составляющее одно тѣло,—должны всѣ быть расположены другъ къ другу». «Тогда бы и меньшій могъ приносить пользу большому»... «Никто не говори: я человѣкъ простой, я человѣкъ, не имѣю слова учительнаго, потому что не ученый, и получилъ только одинъ талантъ: употреби въ дѣло то, что тебѣ дано, и получишь одинаковую съ учителемъ награду».

Опять въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ пишетъ: «Ты тогда только найдешь свою пользу, когда будешь искать пользы ближняго. Если ты лѣнишься прилагать попеченіе

о братѣ, то не забудь, что иначе и спастись не можешь: а потому старайся о немъ и о дѣлахъ его хотя для самаго себя». «Богъ, желая соединить между собою всѣхъ людей, подчинилъ дѣла наши такой необходимости, что съ пользою одного тѣсно сопряжена польза другого, и этимъ-то поддерживается весь порядокъ міра». «Такъ, если бы кормчій, во время бури, презрѣвъ безопасность плывущихъ съ нимъ, началъ заботиться только о безопасности собственной, то онъ вдругъ погубилъ бы и себя и другихъ». «Поэтому и земледѣлецъ такое сѣтъ количество хлѣба, какое было бы достаточно не для него только одного,—потому что иначе онъ давно погубилъ бы и себя и другихъ,—но при посѣвѣ всегда имѣетъ въ виду молзу и людей стороннихъ. Также и воинъ не для того на войнѣ подвергается опасностямъ, чтобы спасти одного себя, но чтобы доставить безопасность цѣлымъ обществамъ. Подобно и промышленникъ столько старается добыть товаровъ, чтобы достало и для него и для многихъ другихъ». «Богъ устроилъ все такъ, что не иначе возможно достигнуть своей пользы, какъ только посредствомъ выгоды, доставляемыхъ другимъ».

Какъ должны учить ближнихъ.

При наставленіи ближнихъ не должны вдаваться въ излишества и крайности, а должны ограничиваться только тѣмъ, что болѣе для нихъ необходимо и въ истинѣ чего сами мы твердо и несомнѣнно увѣрены, представляя мудрѣйшимъ изслѣдывать глубокое и сокровенное. Св. Макарій Египетскій пишетъ: «Прежде всего должно просить Бога о томъ, чтобы въ насъ самихъ находилось сіе истинное богатство (т.-е. духовное ученіе): тогда легко намъ будетъ другихъ пользоваться и сообщать имъ духовное ученіе и тайны».

Св. Исаакъ Сиринъ пишетъ: «Во всякомъ дѣлѣ почитай себя скуднымъ для того, чтобы учить. Не сообщай

другому, чего самъ не постигъ, чтобъ не было тебѣ стыдно себя самого, и по сличеніи житія твоего не открылась ложь твоя. Если же станешь говорить кому что либо полезное; то говори въ видѣ учащагося, а не со властію и безстыдствомъ, и напередъ самъ себя осуди и покажи, что ты ниже его, чтобы слушающимъ показать чинъ смиренія и побудить ихъ выслушать рѣчь твою и приступить къ дѣланію, и будешь почтенъ въ глазахъ ихъ».

Св. Григорій Богословъ пишетъ: «Не знающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно дѣлать, лучше учиться, нежели, не зная, учить». «А посему братъ на себя трудъ учить, пока еще самъ не научился достаточно, по моему мнѣнію свойственно только людямъ крайне неразумнымъ и дерзкимъ».

«Я не приказываю тебя молчать, (мудрѣйшій), а приказываю не стоять упорно за свое; не приказываю скрывать истину, а приказываю не учить сверхъ закона». «Твой поступокъ почти таковъ же, какъ если бы сталъ винить меня, что совершенно запрещаю тебѣ употребленіе пищи, тогда какъ не дозволяю быть неумѣреннымъ въ нищѣ, или хвалю слѣпоту, тогда какъ совѣтую смотрѣть цѣломудренно». *Не будь скоръ въ словесахъ* (притч. 29, 20), *не распространяйся убогъ сый съ богатымъ* (Притч. 23, 4); не усиливайся быть мудрѣе мудраго». «Скорость твоя да простирается только до исповѣданія вѣры, если сіе требуется отъ тебя; а въ томъ, что далѣе сего, будь медленъ.—Какая бѣда тебѣ, если ты не во всякомъ собесѣдованіи удержишь за собою верхъ, и не при всякомъ предложеніи или вопросѣ будешь имѣть первенство, напротивъ того другіе окажутся болѣе тебя мудрыми или смѣлыми? Благодареніе Богу, что даетъ и превосходные дары, и умѣетъ спасать общими средствами».

«Всѣмъ общи: законъ, пророки, завѣты, слова завѣтовъ, благодать, дѣтвованіе, совершенство, страданія Христовы, новая тварь, апостолы, Евангелія, раздаяніе Духа, вѣра, надежда, любовь—какъ къ Богу, такъ и Божія.

И дары сіи, не какъ древле даръ манны неблагодарному и непризательному Израилю, даются не въ мѣру, но каждому, сколько хочеть. Таковы же: восхожденіе, озареніе, малое еще здѣсь, а яснѣйшее въ чаемой будущности; таково и то, что всего важнѣе, познаніе Отца и Сына и Св. Духа и исповѣданіе первой нашей надежды. Что сего выше и что болѣе обще? За симъ же слѣдующее, хотя выше цѣнится по рѣдкости, но касательно необходимости, второе занимаетъ мѣсто. Ибо безъ чего нельзя быть Христіаниномъ, то полезнѣе доступнаго немногимъ».

Ипполитъ.

ПЕЧАЛЬ ШКОЛЫ¹⁾.

Мнѣ хотѣлось бы въ этомъ молитвенномъ собраніи повторить слова Христа къ его ученикамъ, сказанныя въ то время, когда громадныя толпы жителей Сихара, по слову жены Самарянки, направлялись ко Христу, чтобы слышать отъ Него слово истины. «Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ. Жнущій получаетъ награду и собираетъ плодъ въ жизнь вѣчную, такъ что и сѣющій и жнущій вмѣстѣ радоваться будутъ. Ибо въ этомъ случаѣ справедливо изрѣченіе: одинъ сѣетъ, другой жнетъ» (Іоан. IV, 35—37). Нынѣ мы видимъ здѣсь и эти обильныя духовныя «нивы», несомнѣнно, подготовленныя и жаждущія слышать слово истины въ нашей школѣ. Здѣсь и «сѣющіе» и «жнущіе»; нынѣ вкупѣ радуются и «сѣющій» и «жнущій». И нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ, и другіе — всѣ мы желаемъ, чтобы радость эта была полною, совершенною радостью. И тяжело, и грустно становится всѣмъ намъ, когда вспомнимъ мы, что состояніе и жизнь школы за послѣднее время не даетъ основаній для такой радости. Не будемъ искать виновныхъ, ибо у постели больного полезнѣе изыскивать средства исцѣленія, чѣмъ открывать виновниковъ болѣзни,—да и найдемъ ли мы ихъ внѣ себя, можемъ ли указать ихъ? Безсмертны слова старца (Зосимы) у Достоев-

¹⁾ Слово, сказанное за литургією въ день торжественнаго акта, въ присутствіи родителей учащихся, въ Императорскомъ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ 21 августа с. г.

скаго: «мы всё виновны за всёхъ». И вина въ насъ, въ каждомъ изъ насъ, и средства уврачеванія—не внѣ насъ. Предоставимъ другимъ искать ихъ во внѣшнихъ правовыхъ нормахъ и точныхъ регламентаціяхъ. Мы склонны теперь, на этой каедрѣ, искать ихъ тамъ, гдѣ зарождается и откуда привносится въ жизнь человѣческую все злое, но и все доброе, все хорошее — въ безграничномъ для сочувствія и любви сердцѣ человѣческомъ. Мы склонны искать ихъ въ тѣсномъ, любовномъ и живомъ объединеніи христіанской семьи, христіанскаго общества и школы.

Средство не новое; сознаніе общественное не разъ оставалось на немъ, какъ способномъ влить нормальную жизнь въ школу, создавало различныя формы единенія и въ извѣстной мѣрѣ проводило ихъ въ жизнь. Не будемъ говорить здѣсь о дѣйственности и значеніи этихъ формъ. Однако мы твердо убѣждены, что пока это единеніе по своей глубинѣ, напряженности и искренности не достигнетъ степени лучшей на землѣ формы единенія,—единенія матери и ея дитя, — нормальная жизнь школы, ея благополучіе будутъ плохо обеспечены. Мать живетъ въ своемъ дитя; граница между ея личною жизнью и жизнью ребенка—сглаживается. Его радости, его печаль—переживаются ею, какъ свои собственныя. Радуетъ она его успѣхамъ, утѣшается его добрыми навыками, безконечно скорбитъ при его неудачахъ и порокахъ и, кажется, гораздо болѣе любить его въ его недостаткахъ, чѣмъ въ достоинствахъ. Истинныя отношенія между семьею, обществомъ и школою — это отношеніе матери къ своему дѣтищу, ибо и школа—порожденіе, дѣтище общества.

Вы пришли сюда порадоваться съ нами,—и мы безконечно рады и благодаримъ за это,—но приглашаемъ васъ и будемъ звать—и попечалиться съ нами нашими «печалями».

Школа больна, подойдите и посмотрите наши «язвы».

Болѣемъ мы отсутствіемъ яснаго и отчетливаго сознанія долга, нашихъ обязанностей и строгаго отношенія къ

нимъ. Мы какъ бы боимся оставаться «вѣрными», выражаясь словами Апостола, «тому званію, тому состоянію, въ которомъ пребываемъ», тѣмъ обязанностямъ, которыя свойственны этому «званію», и полагаемъ эти обязанности вѣдъ «нашего званія», не имѣя, разумѣется, никакой возможности дѣятельно осуществить ихъ. Поблекло въ насъ и сознаніе святости труда, какъ необходимаго условія истиннаго развитія—и умственнаго и нравственнаго. Добрый завѣтъ старой школы, въ которой не все было такъ плохо, какъ намъ внушаютъ,—*ora et labora*—«молись и трудись», плохо осуществляется настоящей. Особенно печальнымъ является то, что трудъ самообразования, трудъ выработки самостоятельнаго и твердаго міровоззрѣнія, своихъ принциповъ, своего «я», не составляетъ теперь такого болѣзненно-мучительнаго, но вмѣстѣ благотворнаго, кризиса въ душевной жизни молодого сердца, какъ это было раньше. Въ этомъ почтенномъ трудѣ, ставя въ своемъ сознаніи во всей глубинѣ и яркости великую загадку о человѣкѣ и о смыслѣ его жизни, молодое и искреннее сердце неизбѣжно сталкивалось съ великой религіозной проблемой, научалось видѣть всю ея цѣнность и значеніе въ жизни человѣка и человѣческихъ обществъ и устанавливало честно и самостоятельно свое отношеніе къ ней—отрицательное или положительное. Если это отношеніе было отрицаніемъ ея, невѣріемъ, то невѣріемъ добросовѣстнымъ и часто глубоко-мучительнымъ. Если это была вѣра, то вѣра сознательная, глубокая и твердая. Этотъ высокій трудъ самообразования, со всѣми его, быть можетъ, ошибками, но ошибками искренними, этотъ свѣтлый идеализмъ, съ его «исканіями» и «запросами», подмѣняется теперь болѣе легкимъ и доступнымъ для всѣхъ трудомъ отрицанія и критиканства, огульнаго устраненія съ пути всякихъ загадокъ бытія, усвоеніемъ «упрощенныхъ міровоззрѣній», которыя въ готовомъ видѣ преподносятся намъ въ изобиліи, и непремѣнно подъ фирмою науки, со стороны людей, имѣющихъ самое отдален-

ное отношеніе къ ней. И молодая мысль, не имѣя никакихъ противодѣйствующихъ въ «своемъ» міровоззрѣніи, солидныхъ и прочныхъ знаній въ области «дѣйствительной науки», приобретаемыхъ упорнымъ и серьезнымъ трудомъ, теряется въ этихъ проэктахъ, не въ силахъ оцѣнить ихъ по достоинству и готова часто считать ихъ за «новое слово» міру, за «откровеніе», хотя бы этому «откровенію» насчитывалось сотни лѣтъ, и оно извлечено было изъ пыли вѣковъ только въ угоду времени и вкусу. Плохая дисциплина для ума, плохая школа и для выработки нравственныхъ устоевъ, высокихъ стремленій и добрыхъ навыковъ, твердыхъ и самостоятельныхъ характеровъ! Это нравственное безличіе, эта крайняя нравственная неустойчивость—наша новая болѣзнь. «Работа надъ собою» въ этомъ направленіи такъ же мало иногда представляется необходимою современному молодому сознанию, какъ и выработка самостоятельнаго міровоззрѣнія. А тѣ мѣры и средства, которыя предлагаются совнѣ знаніемъ и опытомъ въ тѣхъ же цѣляхъ, нерѣдко съ непонятнымъ упорствомъ оттороваются, подъ прикрытіемъ высокихъ, повидимому, побужденій—охраненія свободы человѣческой личности. И здѣсь мы сталкиваемся съ полнымъ игнорированіемъ или съ печальнымъ непониманіемъ той простой истины, которая извѣстна міру со временъ Христа и постоянно переживается человѣкомъ въ его внутреннемъ самосознаніи, что совершенная нравственная свобода личности человѣческой состоитъ не въ безпрепятственномъ обнаруженіи низменныхъ запросовъ и стремленій нашей матеріально-чувственной природы, во вредъ другимъ, а въ господствѣ надъ ними духа, нашей идеальной природы, — и худшее и тяжелѣйшее рабство — это рабство грѣху. Какъ бы ни былъ свободенъ человѣкъ въ своей внѣшней жизни, но разъ онъ служителъ грѣха, онъ рабъ... рабъ грѣха. «Всякій, дѣлающій грѣхъ, говоритъ Христось, есть рабъ грѣха» (Іоан. VIII, 34). Истинная свобода духа, нравственное обладаніе собою создается путемъ постоян-

наго и напряженного труда надъ собой, путемъ постоянного ограниченія себялюбивыхъ стремленій нашей грѣховной природы въ пользу идеальныхъ стремленій нашего духа, въ которыхъ только и раскрывается истинное существо человѣка, истина о человѣкѣ. «Познаете истину, и (только) истина сдѣлаетъ васъ свободными», говорилъ Христосъ фарисеямъ, вызвавъ съ ихъ стороны гордое заявленіе: «мы сѣмя Авраамово, и не были рабами никому никогда» (Іоан. VIII, 32—33). И въ этомъ отношеніи тѣ внѣшнія мѣры и средства, которыя разумно направляются къ выработкѣ такой нравственной устойчивости, никогда не стѣсняя идеальныхъ стремленій человѣческаго духа, полны глубокаго смысла, и только по роковому недоразумѣнію можно отрицать ихъ значеніе, и притомъ изъ побужденій охраненія свободы человѣческой личности.

Вотъ вамъ «наши печали», «наши язвы», а ваша любовь найдетъ многоразличныя и доступныя средства помочь намъ въ ихъ уврачеваніи. Но ни вы, ни мы не могли бы успѣшно совершить этого дѣла, если бы Господь Богъ не благословилъ его и Своею всеильною помощію не содѣйствовалъ намъ. «Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиждущи; аще не Господь сохранить градъ, всеу бдѣ стрегій» (Пс. 126, 1). Ибо мы «только служители, и притомъ по сколько каждому далъ Господь» (1 Кор. III, 5). Мы вѣримъ, что «Павель насаждаетъ, Аполлосъ поливаетъ, но *возращаетъ* Богъ». Мы знаемъ, что «и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возращающій» (1 Кор. III, 6—7). Этого всеильнаго содѣйствія, этой благодатной помощи и испросимъ себѣ сейчасъ—въ предстоящей намъ молитвѣ.

Священникъ І. Артоболевскій.

Экскурсія студентовъ Московской Духовной Академіи на Ближній Востокъ¹⁾.

4 іюля.

Утромъ пошли поклониться святынямъ Назарета. Здѣсь находятся 2 монастыря—греческій и католическій въ память Благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Благочестивое преданіе католиковъ превосходитъ даже границы: они, напримѣръ, въ своемъ монастырѣ, показываютъ мѣсто кухни Богоматери. Сегодня наши студенты раздѣлились на мелкія группы, и каждую группу сопровождали воспитанники-арабы учительской семинаріи. Воспитанники очень довѣрчивы къ намъ и безъ всякой злобной мысли дѣлились съ нами впечатлѣніями объ учителяхъ, русскихъ и другихъ національностей. По дорогѣ насъ встрѣчали арабы и арабки, которые насъ привѣтствовали по своему—они прикладывали правую руку къ головѣ, сердцу и губамъ.

Зашли въ лавку. Нѣкоторые изъ васъ купили на память виды Назарета и глиняныя модели кувшиновъ, въ которыхъ Господь претворилъ воду въ вино.

На площади у источника мы наблюдали женщинъ арабокъ, которыя съ кувшинами пришли за водой. Сейчасъ ихъ немного. Воспитанники говорятъ, что въ августъ и сентябрѣ въ источникѣ воды совсѣмъ мало бываетъ, по-

¹⁾ Продолженіе. См. сентябрьскую кн. *Душепол.* Чт. 1907 г.

этому арабкамъ долго приходилось ждать очереди, иногда по цѣлымъ суткамъ.

Послѣ сытнаго обѣда съ обиліемъ фруктовъ, которые снимаютъ здѣсь круглый годъ, и послѣ непродолжительнаго отдыха, мы подробно осматривали зданія семинаріи. При семинаріи имѣются образцовая двухклассная школа и дѣтскій садъ. Всего интереснѣй намъ было посмотрѣть занятія 5—6 лѣтнихъ дѣтей въ дѣтскомъ саду. Преосвященный и мы ласкали дѣтей. Намъ очень понравились ихъ несложныя работы изъ глины, бумаги и прутьевъ.

Въ семинаріи преподается ручной трудъ по дереву. Арабы воспитанники очень интересуются этимъ предметомъ, это замѣтно по тѣмъ прекрасно исполненнымъ вещамъ, которыя хранятся въ шкапахъ классной комнаты ручного труда.

Въ одномъ изъ зданій семинаріи преосвященный принималъ депутацію отъ арабовъ города Назарета. Одинъ изъ членовъ депутаціи произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ радостныя чувства арабскаго народа съ привѣтствіемъ дорогихъ гостей. Арабы жалѣютъ русскихъ по поводу неудачъ въ войнѣ съ японцами. Оказывается арабы съ лихорадочнымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за военными дѣйствіями на Востокѣ. Преосвященный благодарилъ за искреннія чувства арабовъ и успокоилъ депутацію относительно войны съ Японіей. Онъ указалъ имъ на самыя критическія моменты русской исторіи, когда Россія, повидимому, совсѣмъ переставала существовать, но лихолѣтье, смутное время, война съ французами не только не поколебали устои русскаго государства, но еще болѣе возвысили его могущество.

Собрались ѣхать на ослахъ на Ѡаворъ. Дорога узенькая, усѣяна множествомъ мелкихъ камней. Назаретъ остался позади. Онъ производилъ впечатлѣніе нашего небольшого уѣзднаго города. Онъ расположенъ по склонамъ горъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ имя его ни разу не встрѣчается, извѣстность его начинается лишь съ пребыванія Иисуса

Христа, который прожилъ здѣсь до самаго вступленія на служенія человѣческому роду. Жителей въ Назаретъ считается до 10.000, изъ которыхъ треть — православные треть—магометане, остальная треть инославные, преимущественно католики.

При солнечномъ закатѣ приближаемся къ горѣ Фаворъ. Она имѣетъ видъ сплюсненнаго конуса. Вся покрыта зеленью. Сначала поднятіе на Фаворъ кажется незамѣтнымъ, но потомъ дорожка становится все круче и круче. Опасаешься, какъ бы не слетѣть съ осла, поэтому приходится крѣпко держаться за поводъ и сѣдло. Съ вершины горы нашимъ взорамъ открылась прекрасная картина Ездрелонской долины, покрытой зеленью, производящей впечатлѣніе зеленого бархата.

На вершинѣ горы стоитъ греческій монастырь, настоятель котораго архимандритъ Пахомій торжественно встрѣтилъ преосвященнаго.

Рѣшено было завтра пораньше встать, отслужить утреню и обѣдню.

Итакъ, мы находимся, ночуемъ тамъ, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ провелъ ночь съ своими учениками, когда Онъ имъ показалъ славу Свою.

5 іюля.

Утренняя началась въ 4 часа утра. Обѣдня кончилась около 7 часовъ. Послѣ службы посѣтили неподалеку находящійся католическій монастырь, настоятель котораго насъ принялъ вѣжливо и радушно. Къ 9 часамъ утра мы были совсѣмъ готовы къ отъѣзду съ Фавора. Любезный о. архимандритъ каждому изъ насъ искренно отъ души говорилъ пожеланія. Между прочимъ онъ мнѣ на прощаніе сказалъ: Дай Богъ, благослови Господь быть митрополитомъ. Но это не значить, что отецъ архимандритъ пожелалъ мнѣ быть Петербургскимъ, или Московскимъ, или Кіевскимъ митрополитомъ, нѣтъ онъ пожелалъ, чтобы я былъ архіереемъ. У грековъ всѣ епископы называются митрополитами.

Спускаемся съ Өавора. День жаркій. Дышать тяжело, чувствуется усталость. Но при видѣ склона горы Өавора, и ЕздRELонской долины, покрытыхъ зеленью, забываешь на время усталость. Ну какъ, напримѣръ, сейчасъ не заинтересуешься слѣдующимъ явленіемъ; мы выше облаковъ, которыя заслоняють солнечный свѣтъ и на ЕздRELонской долинѣ даютъ отъ себя тѣнь въ видѣ большихъ темныхъ пятенъ.

Слѣзли съ ословъ и сѣли въ приготовленные для насъ фургоны. Ёдемъ на Таверіадское озеро, находящееся отъ Өавора въ 4½ часахъ ѣзды. Вдали нашимъ очарованнымъ взорамъ открывается Тиверіадское озеро. Душа полна священнымъ восторгомъ и воспоминаніями изъ жизни Спасителя. «Если въ Іерусалимѣ совершилась великая жертва искупленія рода человѣческаго, если въ Виелеемѣ насъ ради родился отрача младо—превѣчный Богъ, если на Іорданѣ видѣша Его воды и убояшася; то мы не должны забывать, что на озерѣ Тиверіадскомъ, его берегакъ и въ окрестностяхъ протекла почти вся учительская дѣятельность Спасителя міра. Здѣсь были высказаны Имъ тѣ высокія истины, которыя пересоздали человѣчество, и здѣсь же совершенно было имъ большинство чудесъ; все почти Евангеліе совершилось на берегахъ Тиверіадскаго озера,—и вотъ отъ чего видъ его производитъ на насъ такое незабвенное впечатлѣніе». (В. Н. Хитрово. Русскіе Паломники Святой земли, стр. 204).

На берегу Тиверіадскаго озера стоитъ полуразрушенный городокъ Тиверіада. Русскіе паломники останавливаются въ арабской православной церкви, имѣющей очень грустный видъ. Направились и мы сюда. Отецъ игумень церкви—арабъ—принялъ насъ очень радушно. Кажется, мы такого искренняго сердечнаго приѣма въ путешествіи нигдѣ не встрѣчали. Отецъ игумень Авраамій—это единственное высокопоставленное лицо изъ арабовъ въ Палестинѣ. Греческіе патриархи противъ назначенія арабовъ на высшія духовныя должности. Незабвенный ста-

рець игумень Авраамій при встрѣчѣ преосвященнаго торжественно произнесъ рѣчь на текстъ: сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны. Послѣ краткаго молебна въ храмѣ отецъ Авраамій пригласилъ насъ въ свои покои. Онъ собственноручно угощалъ насъ кофе, ликеромъ, глико, выражалъ свою радость въ манерахъ и поступкахъ. Хотя онъ свои мысли выражалъ на арабскомъ языкѣ, но мы по выраженію лица его все понимали, что онъ говорилъ. Въ порывѣ радостнаго чувства отецъ игумень восклицалъ: «съ прибытіемъ васъ въ оихъ покояхъ потолоки позолотились, стѣны заблестѣли»

Отецъ игумень угостилъ насъ обѣдомъ и чаемъ. Во время обѣда самъ отецъ игумень стоялъ по правую сторону преосвященнаго, а по лѣвую его помощникъ—іеромонахъ.

Послѣ обѣда мы поѣхали въ лодкахъ по Тиверіадскому озеру къ горячимъ источникамъ. На разстояніи приблизительно трехъ верстъ отъ православнаго арабскаго храма находятся два горячихъ источника. На одномъ изъ нихъ устроено помѣщеніе вродѣ купальни. Нѣкоторые изъ насъ хотѣли было искупаться, но преосвященный запретилъ, потому что въ первую поѣздку съ преосвященнымъ Арсеніемъ одинъ изъ участниковъ экскурсіи послѣ купанья въ горячемъ источникѣ получилъ ревматизмъ.

Возвращаемся назадъ. Озираешься кругомъ. Видишь противоположный возвышенный берегъ, находящійся въ десяти верстномъ разстояніи. Вездѣ пустынно; скучно, угрюмо, а вѣдь во времена Иисуса Христа берега озера были густо населены. Здѣсь процвѣтали и красовались многочисленныя города и селенія. Отъ нихъ теперь осталось только одно воспоминаніе. Такъ и просятся на уста пророчесвенныя слова Христа Спасителя: Горе тебѣ, Харажи! Горе тебѣ, Виесаида!.. И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвержешься (Мѡ. 11, 21—23).

Простились съ Тиверіадой и съ симпатичнымъ отцомъ игуменомъ. На пути уже ночью, когда было совсѣмъ темно,

по выраженію—хоть глазъ выколи, и то ничего не видно—заѣхали въ селеніе Кану Галилейскую, гдѣ нѣкогда Господь Иисусъ Христосъ совершилъ первое чудо—претворилъ воду въ вино. Православные арабы во главѣ съ батюшкой и учительницей школы насъ встрѣтили въ храмѣ. Преосвященный спрашивалъ школьниковъ по Закону Божію, и на память раздавалъ имъ крестики. Батюшка арабъ пригласилъ насъ въ свой домъ откушать. Мы вошли въ довольно убогую комнату, столовъ и стульевъ или лавокъ нѣтъ. Мы не знали что дѣлать—стоять мы устали; сѣсть не на что. Батюшка преспокойно сталъ насъ усаживать на полу. Всѣ сѣли «и ноги калачикомъ», принесли столики на низенькихъ ножкахъ, высотой съ четверть аршина. Самъ батюшка подаетъ кушанье—просовыя колбки, козій сыръ, медъ, сметану и проч. Почему то онъ не познакомилъ насъ съ своей семьей. Очевидно, батюшка живетъ бѣдно. Преосвященный подарилъ ему 5 рублей, и онъ былъ въ восторгѣ отъ этого подарка. Послѣ мы узнали, что, дѣйствительно, въ матеріальномъ отношеніи арабское духовенство не обезпечено. Они получаютъ отъ Императорскаго Палестинскаго Общества мѣсячное жалованье въ размѣрѣ 8 рублей. За требы получаютъ гроши, напр., за совершеніе таинства крещенія получаютъ по 6, 8 копѣекъ.

Въ Назаретъ пріѣхали усталые, измученные отъ сегодняшнихъ впечатлѣній уже во второмъ часу ночи.

6 іюля.

Преосвященный служилъ литургію со студентами священниками и съ греческимъ и арабскимъ духовенствомъ въ греческомъ монастырѣ во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Въ богослуженіи я не замѣтилъ почти никакихъ особенностей. Въ храмѣ посерединѣ нѣтъ возвышенія—каедръ для архіерея. вмѣсто сидѣнья, которое ставится на каедрѣ при архіерейскомъ служеніи у насъ въ Россіи, здѣсь въ храмѣ стояло кресло. Церковь была

полна молящимися—греками и арабами. По окончаніи литургіи преосвященный съ духовенствомъ служили молебенъ въ этомъ же храмѣ на мѣстѣ Благовѣщенія.

Послѣ обѣда одинъ симпатичный семинаристъ пригласилъ насъ троику въ гости въ свое семейство. Мы пошли съ восторгомъ. Семейство зажиточное. Самъ хозяинъ насъ принялъ съ почетомъ и уваженіемъ. Онъ угостилъ насъ по восточному. Пришли дѣвушки подростки, одѣтые по европейскому. Сначала онѣ очень стѣснялись находиться въ нашемъ присутствіи. Большого труда стоило ихъ упротить что-нибудь спѣть національное. Когда замѣтили, что мы интересуемся ихъ пѣніемъ, онѣ съ еще большимъ стараньемъ продолжали пѣть. Одна изъ нихъ даже продвела-мировала стихотвореніе на арабскомъ языкѣ. Кромѣ подростковъ изъ женскаго пола въ комнатѣ никого не было. Женамъ въ присутствіи постороннихъ гостей находиться не полагается. Здѣсь отношенія мужской половины къ женской такія же, какъ были у насъ въ Россіи въ до Петровское время. За барышнями ухаживать воспрещается. Рѣдкое исключеніе въ этомъ случаѣ дѣлается для русскихъ. Женихъ до вѣнца не знаетъ своей невѣсты. Поэтому браки въ большинствѣ случаевъ неудачны. Одна арабка учительница, сопутствовавшая намъ на Фаворъ, Тиверіаду, бесѣдовала съ нами, вела себя довольно развязно. Семинаристъ замѣтилъ о ней, что въ глазахъ арабовъ взглядъ на учительницу теперь значительно понизится.

Находясь въ гостяхъ въ арабскомъ семействѣ, я невольно запомнилъ слѣдующія арабскія выраженія; Хетеркомъ!—здравствуйте!, Массалямъ!—прощайте! Айва—довольно!

Вечеромъ осматривали два пансіона — французскій и англійскій. Пансіонеры—дѣти арабовъ. Въ первомъ обращается преимущественное вниманіе на духовное воспитаніе, а во второмъ—на физическомъ. Въ первомъ намъ показывали храмъ, классы, театръ и проч. Вездѣ находишь пищу для ума и сердца, вездѣ чистота, опрятность.

аккуратность, даже эстетично, но мы видѣли истомленные, серьезныя лица учащихся. Наоборотъ, въ англійскомъ пансіонѣ намъ показывали—столовая, кухни, кладовыя, спальни, немного грязновато, но все крѣпко и прочно, учащіеся съ здоровыми, веселыми лицами, чувствуютъ себя словно на праздникѣ.

7 іюля.

Прощаніе съ Назаретомъ. Вся семинарія, арабы жители Назарета вышли насъ провожать. Инспекторъ и его помощникъ начальныхъ училищъ поѣхали насъ провожать до Кайфы. Я простился съ своимъ коллегой Николаемъ Ивановичемъ Закомъ, преподавателемъ симинаріи. Мы дали другъ другу слово писать письма.

Приѣхали въ Кайфу, которая намъ еще въ лучшей красотѣ представилась, чѣмъ въ первый разъ. Она стоитъ на берегу Средиземнаго моря. Климатъ влажный, морской, лѣтняя несносная жара умѣряется какъ нельзя лучше моремъ. Со всѣхъ остальныхъ сторонъ Кайфа окружена тропической растительностью — пальмами, кактусами, эвкалиптами и проч.

Почти рядомъ съ Кайфой возвышается гора Кормиль. На нее можно подняться на лошадяхъ, потому что дорога отлогая и удобна для ѣзды. На вершинѣ горы Кармила стоитъ превосходный въ архитектурномъ отношеніи католическій храмъ. На алтарь главной церкви ведутъ двѣ лѣстницы. Вверху церкви виситъ художественное изображеніе Мадонны. Внизу подъ алтаремъ находится по преданію пещера пророка Ілии. По нашей просьбѣ на хорахъ храма на органѣ сыграли 3 раза русскій гимнъ. Храмъ произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе, особенно въ эстетическомъ отношеніи.

Простились въ Кайфѣ съ гостепрѣимными инспекторомъ и его помощникомъ народныхъ училищъ. При прощаніи на ихъ лицахъ замѣтна была грусть. Очевидно, имъ хотѣлось бы поѣхать на родину.

На дорогѣ мы часто покупали арбузы и виноградъ. Все это очень дешево здѣсь, напримѣръ, на наши деньги фунтъ винограду стоитъ двѣ копейки.

8 *юля.*

Прибыли въ Яффу въ 5 часовъ вечера. Сюда пріѣхали изъ Іерусалима наши товарищи, которые не принимали участія въ поѣздкѣ въ Назаретъ. Дѣлимся впечатлѣніями. Судя по рассказамъ ихъ, можно заключить, что они очень хорошо провели время въ Іерусалимѣ. Во первыхъ, они отдохнули, во вторыхъ, еще разъ осмотрѣли достопримѣчательности Іерусалима и въ 3-хъ совершили очень интересную экскурсію въ лавру преподобнаго отца Харитона Исповѣдника. Но въ общемъ то они намъ завидовали. Безъ сомнѣнія, наша поѣздка несравненно лучше всего ихъ времяпровожденія.

Вечеромъ по распоряженію отца архимандрита былъ устроенъ прекрасный ужинъ съ обиліемъ фруктовъ, которыхъ мы съѣли во время путешествія такъ много, что едва ли столько съѣли за всю нашу предыдущую жизнь. Ужинали въ саду въ поэтической обстановкѣ. Вечеръ тихій, луна, зелень повсюду. Просто—одинъ восторгъ.

Проводимъ послѣднюю ночь въ святой землѣ. Намъ утѣшаютъ, что мы непременно опять сюда прибудемъ. Драгоманъ замѣчаетъ, что большинство паломниковъ совершаютъ вторичное путешествіе въ Іерусалимъ. Нагляднымъ доказательствомъ этого могутъ служить неподалеку отъ насъ сидящія за чаемъ въ зелени двѣ московскія купчихи. Онѣ сами первыя заговорили съ нами. Изъ разговора оказалось, что онѣ уже посѣщаютъ святую землю третій разъ, и надѣются здѣсь побывать еще не одинъ разъ.

Интересно: мнѣ было для спанья отведено мѣсто въ копнатѣ подъ надписью слѣдующаго содержанія: Здѣсь изволилъ сидѣть и кушать чай Е. И. Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ. 31 октября 1872 года, въ 12 часовъ дня.

9 іюля.

Всѣ чувствуемъ всю важность прощальной минуты съ дорогой незабвенной Святой Землей. Въ храмъ русскаго подворья отслужены были литургія и напутственный молебенъ. Отецъ діаконъ послѣдній разъ произнесъ намъ многолѣтіе... и господину преосвященнѣйшему епископу Евдокиму съ путешествующими его сопутниками многая лѣта. Молились искренно и горячо и мы, и тѣ, кто насъ провожалъ.

Въ саду было устроено прощальный обѣдъ съ обиліемъ блюдъ, вина и фруктовъ. Я особенное вниманіе обратилъ на фрукты. На обѣдѣ, начиная съ преосвященнаго и кончая кавасомъ Маркомъ и Судейманомъ, произносились прощальныя рѣчи, тосты и пѣніе многолѣтія. Всѣ присутствующіе на обѣдѣ обращали вниманіе на стараго каваса черногорца Марка. Это веселый, жизнерадостный старикъ, умный, сердечный. Во все время путешествія онъ былъ для насъ незамѣнимымъ проводникомъ. Теперь ему жаль съ нами разставаться, да и мы къ нему привыкли. За обѣдомъ со всѣхъ сторонъ по его адресу градомъ сыпались комплименты, на которые онъ отвѣчалъ очень остроумно.

Їдемъ на пароходъ. Послѣдній разъ стоимъ на святой землѣ. Жаль Іерусалимъ, жаль Яффу, жаль Палестину, жаль все то, что осталось въ Палестинѣ, а осталось въ Палестинѣ много дорогого, много незабвеннаго, близкаго сердцу, много такого, чего не встрѣтишь во всю свою жизнь. Три недѣли, проведенныя въ Палестинѣ, прошли для меня незамѣтно. Мы, поистинѣ, не знали гдѣ находились — на небѣ или на землѣ. Прощай святая, дорогая, незабвенная Палестина. На память о тебѣ я везу съ собой пальмовую вѣтку, чтобы съ поэтомъ вмѣстѣ въ трудныя, тяжелыя минуты жизни восклицать: Скажи мнѣ, вѣтка Палестины..

10 іюля.

На пути отъ Яффы до Портъ-Саида насъ качало на морскомъ пароходѣ. Нѣкоторые пострадали морской болѣзнию, въ томъ числѣ и я.

Мы подъѣзжаемъ къ берегамъ Африки. Давно ли я на школьной скамьѣ училъ объ Африкѣ? Тогда все представлялось смутно, немного загадочно, а что касается до того, чтобы побывать въ Африкѣ, это казалось страннымъ. Ахъ, если бы побывать въ Африкѣ, произносилъ я тогда, но сразу же на этомъ и успокаивался. А теперь я на самомъ дѣлѣ въ Африкѣ. Я созналъ сейчасъ всю важность настоящаго момента. Я въ Африкѣ. Я горжусь этимъ.

Пристань—Портъ-Саидъ. Насъ встрѣчаетъ русскій консулъ. Ёдемъ на приготовленныхъ заранѣе коляскахъ на вокзалъ желѣзной дороги. Мы видѣли, какъ здѣшній фотографъ насъ снималъ. Портъ-Саидъ произвелъ на меня впечатлѣніе европейскаго города. Улицы чистыя. Дома окрашены преимущественно въ красный цвѣтъ и опоясываются по числу этажей кругомъ 2, 3, 4-мя балконами.

Поѣздъ тронулся по направленію къ Каиру. Налѣво виднѣется Суецкій каналъ, на право — озеро Мензаль. Въ вагонѣ при помощи мимики и несвязныхъ французскихъ словъ я объяснялся съ арабомъ, мусульманиномъ молодымъ человѣкомъ. Я ему сообщалъ о Россіи и Японской войнѣ, что его, повидимому, очень интересовало.

Каиръ на меня произвелъ очень сильное впечатлѣніе. Это оказывается чудный городъ. Жизнь бьетъ ключемъ. Здѣсь масса пріѣзжихъ и вѣчноживущихъ европейцевъ. Раньше мнѣ казалось, что въ Африкѣ живутъ одни черные люди, занимающіеся исключительно чернымъ трудомъ. Сама Африка рисовалась въ моемъ воображеніи, что то вродѣ чернаго пятна. Но это далеко не такъ. Въ Каирѣ процвѣтаетъ такая культура и цивилизація, что въ этомъ отношеніи позавидуютъ Каиру многіе европейскіе города.

Мы остановились недалеко отъ центра города въ довольно приличныхъ номерахъ. Нисколько не отдохнувши, мы пошли осматривать городъ и его достопримѣчательности. Въ проводники къ намъ напросились два молодые (русскихъ) челоуѣка. Осматривили мечеть изъ алебастра. Внутренность ея намъ очень понравилась. Въ ней не замѣчается массивности, громоздкости, какая наблюдается въ нашихъ русскихъ храмахъ, наоборотъ, здѣсь все легко, чисто, пріятно, изящно. Съ возвышеннаго мѣста, недалеко находящагося отъ мечети, бросили нѣсколько взглядовъ на Каиръ. Городъ всѣхъ насъ очаровалъ своимъ прекраснымъ видомъ. Прошли нѣсколько улицъ. На пути встрѣчаются личности разныхъ національностей — мусульмане въ одеждахъ, похожихъ на подрясники и рясы, европейцы въ изящныхъ костюмахъ. Проводники обращаютъ наше вниманіе на похоронную процессію. Несутъ тѣло въ гробу, очевидно, важной англійской персоны, потому что гробъ сопровождаетъ взводъ солдатъ, идущихъ очень медленно въ курткахъ и брюкахъ желтаго цвѣта. Встрѣчаемъ арабскую свадьбу. Женихъ и невѣста сидятъ въ каретѣ, которую несутъ 2 разукрашенныхъ верблюда, спереди и сзади новобрачную чету сопровождаетъ музыка и зѣвающая публика. Мы остановились, любопытствуемъ. Свадьба остановилась, и мы сами были объектами наблюденія.

Въ Каирѣ настоящая жизнь начинается съ вечера и продолжается почти до самаго утра, а днемъ она почти замираетъ. Это объясняется тѣмъ, что днемъ бываетъ очень жарко, почью прохладно, значить, ночь представляетъ болѣе удобствъ къ дѣятельности и увеселеніямъ, чѣмъ день. На тротуарахъ улицъ, около кафе-шантановъ, разставлены столы и стулья, за которыми сидитъ нарядная, чистая публика. Отсюда доносятся звуки музыки, пѣсень, веселаго говора и смѣха.

Въ Каирѣ живетъ хедивъ. На одной изъ улицъ мы видѣли зданіе его библіотеки. На этой же улицѣ стоитъ мечеть, ремонтъ которой продолжается уже четвертый годъ.

то бы эта мечеть современница пирамидъ.

11 іюля.

Утромъ встали въ 4 часа съ тѣмъ расчетомъ, чтобы вернуться назадъ до полуденной жары. Поѣхали къ древнеисторическимъ пирамидамъ, находящимся отъ Каира верстахъ въ 15. По большому широкому мосту переѣзжаемъ Нилъ. Вода въ Нилѣ мутная.

Вотъ и пирамида Хеопса, въ вышину 70 саж. Она поднимается вверхъ уступами, каждый въ вышину около аршина. Чтобы подняться на вершину пирамиды, необходимо пригласить трехъ арабовъ—двое изъ нихъ ведутъ туриста за руки, а третій сзади искусно подталкиваетъ. Вблизи пирамиды Хеопса стоятъ 2 маленькія пирамиды, сфинксъ и остатки египетскихъ храмовъ. У пирамидъ мы снимались.

Послѣ обѣда мы поѣхали въ мечеть, такъ называемую «Мамелюковъ». Здѣсь находятся царскія гробницы. Внутри въ мечети уютно, чисто, немного темновато. Гробницы хранятся очень бережно, всѣ онѣ дорогія, снаружи производятъ очень пріятное впечатлѣніе. Одна гробница на наши деньги стоитъ 300 тысячъ рублей.

Были въ высшемъ мусульманскомъ училищѣ: это большое зданіе съ большимъ дворомъ. Учащіеся—мусульмане, турки, арабы, татары. Преподаваемые предметы—коранъ, арабскій, турецкій, татарскій языки, геометрія, алгебра, исторія. Курсъ ученія неопредѣленный. Способные скорѣе проходятъ курсъ ученія, а неспособные засиживаются. Учащихся бываетъ отъ 12 до 13 тысячъ. Къ намъ подошелъ бойкій молодой человекъ татаринъ изъ Казанской губерніи. Онъ только что поступилъ въ учебное заведеніе. Онъ очень обрадовался, что ему пришлось вдали отъ родины увидеть земляковъ. Школа на меня произвела непріятное впечатлѣніе. Внутренняго убранства совсѣмъ нѣтъ. Однѣ голыя стѣны. Темно. О выполненіи педагогическихъ и гигиеническихъ требованій, даже элементарныхъ,

здѣсь и слѣда нѣтъ. Учащіеся сидятъ на полу и зубрятъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. При появленіи насъ они начали «сыкать», давая этимъ понять, что мы имъ мѣшаемъ зубрить.

При осматриваніи музея въ Каирѣ древняя исторія воскресла для насъ. Самое интересное, что мы видѣли, это, конечно, муміи—набальзамированныя тѣла. Сохранились муміи за 3 тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Очень жаль, что при осмотрѣ музея мы торопились.

Въ Каирѣ имѣется богатый Зоологическій садъ. Здѣсь мы наблюдали разныхъ видовъ обезьянъ, птичекъ, жирафовъ, фламинго, сибирскихъ котовъ, львовъ, тигровъ, леопардовъ и проч. Всего болѣе насъ заинтересовали 2 крокодила, находящіеся въ пруду зоологическаго сада. Намъ хотѣлось, чтобы они подошли къ самому берегу, но и при усиленномъ стараніи и протекціи не удалось этого сдѣлать: ясно видѣли только головы крокодиловъ. При выходѣ изъ сада покупали страусовыя яйца величиною съ голову ребенка.

12 іюля.

Въ 4 часа встали, въ 6 поѣхали въ Мемфисъ, который южнѣ Каира на 1½ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Отъ станціи желѣзной дороги до Египетскихъ храмовъ нужно ѣхать на ослахъ. Ослы были очень хороши, несравненно лучше, чѣмъ въ Палестинѣ, по величинѣ и по качеству ѣзды. По дорогѣ встрѣчаются пальмы въ большомъ количествѣ; такую картину во время путешествія мы видели еще въ первый разъ. Пальмы производятъ отчасти впечатлѣніе нашего лѣса, но въ лѣсу пальмъ почти совсѣмъ нѣтъ тѣни. Дуетъ горячій вѣтеръ, какъ изъ печки. Вспоминаешь Іерихонъ. Тамъ и здѣсь одинаково жарко, но пота не чувствуешь. На пути останавливались у двухъ статуй Рамзеса, находящихся въ лежачемъ положеніи. Обѣ статуи довольно внушительныхъ размѣровъ, длиною въ 12 метровъ, ширина въ 3, 4 метра. Мы на нихъ влѣзали и преспокойно ходили по нимъ.

Видимъ начало Сахары. Какой восторгъ! По нѣсколькѣ разъ мы переспрашивали проводника—неужели это Сахара. Глазамъ своимъ не вѣришь. Вѣдь это счастье видѣть Сахару. Пожалуй, думаешь, себѣ когда пріѣдешь домой, да скажешь знакомымъ, что былъ въ Сахарѣ, не повѣрятъ. А мы на самомъ дѣлѣ ѣдемъ на ослахъ по песку Сахары. Песокъ желтый, горячій, ноги ословъ утопаютъ въ немъ. Мы пробовали пойти пѣшкомъ, и сразу почувствовали усталость. Осматриваемъ египетскіе храмы, изъ которыхъ я особенно запомнилъ одинъ въ честь Аписа. Въ немъ стоятъ 24 гробницы для Аписа. Всѣ египетскіе храмы сохраняются подъ землей. Реставрируются они англичанами, которые очень интересуются египтологіей.

На обратномъ пути погонщики ословъ пѣли національныя пѣсни.

На вокзалъ пріѣхали за 2 часа до отхода поѣзда. Чтобы утолить жажду, мы 5 человекъ купили большущій арбузъ, но очень плохого качества. Меня чуть не стошнило съ него. Послѣ оказалось, что арбузы, которые мы купили, выращиваются для корма лошадей.

Въ гостиницу возвратились уже въ 7 часовъ вечера. Мы съ товарищемъ принялись за чай. Сейчасъ страшно вспомнить о томъ, сколько мы выпивали чаю въ Каирской гостиницѣ. На обѣдѣ и ужинѣ подавали слѣдующія кушанья: 1) горяче, 2) жаркое, 3) бобы, горошекъ, 4) яичница, 5) фрукты и чай и дистиллированная вода со льдомъ. Ужинъ, обѣдъ, чай, номеръ—все это каждому въ отдѣльности стоило около трехъ рублей на наши деньги.

Въ Каирѣ мы жили только двое сутокъ. Здѣсь ужъ очень дорого жить. Въ 11 часовъ мы поѣхали на вокзалъ. Для насъ отвели отдѣльный вагонъ. Ѣдемъ въ Александрію. Спать въ вагонѣ было очень неудобно. Иеродьяконъ Стефанъ, студентъ, по смиренію спалъ на полу подъ лавкой.

13 іюля.

Въ Александрію пріѣхали въ 6 часовъ утра. Насъ встрѣтили консулъ и кавасы. Непремѣнно нужно было

бы остановиться въ Александріи на 2 сутокъ, но къ несчастію нашему сегодня отходить пароходъ въ 10 часовъ утра. Какъ жаль, что не придется пожить въ Александріи не осмотрѣть ея достопримѣчательностей. Вѣдь Александрія древне-историческій городъ. Здѣсь живетъ патриархъ, имѣются христіанскія катокомбы, музей, бібліотека. Чтобы хотя немного познакомиться съ городомъ, мы прошлись по его главнымъ улицамъ; особеннаго ничего нѣтъ. Городъ производитъ впечатлѣніе европейскаго города.

Къ 10 часамъ утра мы были уже на пароходѣ «Королева Ольга», на томъ самомъ, на которомъ мы выѣхали изъ Одессы. Мы всѣ радуемся, что ѣдемъ домой въ Россію.

На память объ Александріи я купилъ нѣсколько штукъ открытокъ съ видами и два кокосовыхъ орѣха, по 10 коп. каждый.

Прощаемся съ Александріей, чувствуется хорошо, опять море, синее море. Дуетъ свѣжій морской вѣтерокъ, качки нѣтъ, а вѣдь это счастье для пассажировъ.

14 іюля.

Мы въ Средиземномъ морѣ. Ёдемъ домой. Какъ ни хорошо быть въ путешествіи, но домой все-таки очень хочется. Рисуется тебѣ картина родного города. Вотъ ты пріѣдешь, на тебя будутъ обращать вниманіе. Шутка ли, побывать въ Палестинѣ, даже въ Африкѣ. На пароходѣ наши экскурсанты собираются въ кружки, дѣлятся впечатлѣніями изъ путешествія, идиллически представляютъ время провозденіе дома на родинѣ. Всѣ страшно утомились, отдыхъ необходимъ.

Утромъ на пароходѣ умеръ лакей. Идутъ приготовленія къ его похоронамъ. Наше духовенство служило панихиду по умершемъ. Какъ горько умирать на морѣ, безъ родныхъ; такъ и просятся на языкъ слова поэта: Но ближе къ милому предѣлу мнѣ все бь хотѣлось почивать.

15 іюля.

Утромъ пріѣхали въ Саламинъ. Ура! Мы видимъ европейскіе берега! Мы почти уже дома. Мы въ Европѣ. Нашей радости и ликованію не было конца. Одно насъ опечалило: намъ объявленъ карантинъ на двое сутокъ. Стоять на одномъ мѣстѣ, это слишкомъ скучно. Не съ кѣмъ слово сказать.

Мы стоимъ въ бухтѣ, замѣчательной въ историческомъ отношеніи. Здѣсь въ 480 году до Р. Х. была Саламинская битва; виднѣются холмы, на одномъ изъ нихъ Ксерксъ наблюдалъ за ходомъ битвы. Ксерксъ и его войско струсили предъ греками, и Персы были побѣждены.

Очень жаль, что нашъ пароходъ въ Пирей остановится на нѣсколько часовъ. Ранѣе мы предполагали дня два или три прожить въ Афинахъ и побывать въ окрестностяхъ этого города. Путешествіе выйдетъ скомканнымъ. Не заѣдемъ и въ славянскія земли и въ Австро-Венгрію, потому что, во-первыхъ, немного трусимъ — какъ бы послѣдствія отъ возмущенія флота у береговъ Одессы не отразились на насъ, во-вторыхъ, мы уже достаточно утомились, каждую изъ насъ хотѣлось побывать на родинѣ до начала лекцій.

16 іюля.

Сегодня студентъ священникъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ совершалъ чинъ погребенія по умершемъ на пароходѣ лакеѣ. Онъ сказалъ слово экспромптомъ. Священникъ съ интересомъ описывалъ мнѣ картину похоронъ Отпѣваніе совершали два священника студента безъ облачений, на морскомъ берегу, ночью. Дивная была картина говорилъ батюшка. Ночь, звѣзды, какъ живыя, проникаютъ въ душу. Слегка море шумитъ, на немъ видно было 2 парохода—нашъ и французскій. Въ глубинѣ души чувствуется печаль, сознаніе собственнаго ничтожества. Поднимаются

роемъ міровые вопросы—о безсмертной души, о временномъ пребываніи человѣка здѣсь на землѣ и проч. Хорошо человѣку находиться въ такой обстановкѣ. Въ это время онъ познаетъ самого себя, производитъ чистку своей души. Трудные жизненные вопросы ему кажутся легко разрѣшимыми, давящій холодный скептицизмъ исчезаетъ, человѣкъ примиряется съ своимъ положеніемъ, и ему становится легко на душѣ, а жизнь представляется милой, благословенной. Пріятно было слушать товарища священника. Обстановка соотвѣтствовала его словамъ. Темная ночь, звѣзды горятъ на небѣ, виднѣются огоньки съ неподалеку находящагося парохода, который, какъ и нашъ, держитъ карантинъ.

Днемъ катались на лодкѣ въ Саламинской бухтѣ. Для насъ катанье послѣ двухдневнаго заключенія на пароходѣ было роскошью. Кататься было не безопасно. При помощи парусовъ лодка идетъ очень быстро. Опасно бываетъ тогда, когда лодку поворачиваютъ. Былъ такой моментъ, когда мы чуть было не соскочили изъ лодки въ море. Трудно было пристать къ пароходу. 2 раза приставали, и неудачно, на третій разъ удалось.

17 іюля.

Помѣщенія парохода опрыскивали карболкой. Назначенные два дня для карантина приближаются къ концу. Раздается звонокъ для того, чтобы матросы снимали пароходъ съ якоря. Машина начинаетъ работать. Пассажиры зашевелились, почувствовали себя веселыми, радостными. Сейчасъ пароходъ пойдетъ, скоро будемъ въ Пирей, а отсюда рукой подать до Аѳинъ.

Браво! Кончилось двухдневное заключеніе. Пароходъ пошелъ. Въ 9 часовъ утра высадились въ Пирей. Нимало не медля поѣхали въ Акрополь, который еще издалека видно. Ёдемъ въ коляскахъ по дорогѣ, извѣвающейся змѣйкой около моря. Солнечный жаркій день. Растительности почти никакой нѣтъ. Раньше мнѣ до поѣздки весь

югъ представлялся въ зелени. Въ этомъ пришлось разочароваться еще въ Константинополь. Въ самомъ городѣ Аѳинахъ почти нѣтъ никакой растительности, если не считать двухъ-садовъ около дворца королевы и около музея. Постройки Аѳинъ обращаютъ вниманіе туриста. Улицы прямыя, правильныя. Дома построены вполне въ европейскомъ вкусѣ, изящны; цвѣтъ красокъ бѣлый, желтоватый. На улицахъ почти никого нѣтъ, словно, всѣ вымерли.

Вотъ и Акрополь. Онъ находится на возвышеніи. Цѣлый рой воспоминаній проносится въ головѣ еще съ дѣтской скамьи. Вспоминаешь уроки географіи, когда насъ заставляли показывать Аѳины на картѣ. Тогда этотъ городъ представлялся чѣмъ-то вроде точки; вспоминаешь уроки исторіи, на которыхъ намъ учитель увлекательно рассказывалъ о Сократѣ, Демосенѣ, Периклѣ, Фидіи, о греческихъ богахъ—Аѳинѣ, Артемидѣ и проч.; наконецъ вспоминаешь уроки Закона Божія, когда мы отвѣчали о проповѣди апостола Павла въ Аѳинахъ о Невѣдомомъ Богѣ.

Въ Акрополѣ сохранились остатки отъ прежнихъ языческихъ храмовъ. Предъ нами столбы каменнаго храма Побѣды. Вдали отъ Акрополя виднѣтся храмъ Тезея, вблизи—скала, мѣсто древняго ареопага, гдѣ апостоль Павелъ проповѣдывалъ аѳинамъ Невѣдомаго Бога, вдали лѣвѣе ареопага находятся темница Сократа. Вотъ лѣстница, ведущая въ храмъ эскулапа, показываются остатки театра Діониса, родоначальника всѣхъ театровъ, колонны отъ храма Юпитера и арка Адріана. Переходя отъ одной достопримѣчательности къ другой въ Акрополѣ, мы находимъ массу обломковъ отъ колоннъ, капителей. На память мы взяли мраморныхъ камешковъ.

Пришли на площадку. Отсюда открываются прекрасныя виды на Аѳины. Вдали на горизонтѣ виднѣтся греческій монастырь св. Георгія. За монастыремъ находится Мараонъ, замѣчательный по историческимъ воспоминаніямъ

въ 490 г. до Р. Х., правѣ мѣсто **В** импѣрійскихъ игръ. Общая картина Аѳинъ представляеть рядъ кирпичей, красиво сложенныхъ и окрашенныхъ въ бѣлую и желтую краску. Зелени совсѣмъ нѣтъ за заключеніемъ сада, окружающаго королевскій дворецъ.

Бѣдемъ въ музей. Зданіе музея **мелочное**. Среди нимъ растеть нѣсколько пальмъ. За недолгимъ времени музей осматривали бѣгло, наскоро. Здѣсь и обратилъ вниманіе на статуи Гермеса (ихъ почему то въ музей очень много), Посейдона съ трезубцемъ, Аѳины въ красивымъ головнымъ украшеніемъ. Въ музей имѣются два или три саркофага, много чашъ, урнъ.

Когда мы возвращались въ **коляскахъ** на пароходъ, то вспоминали родину, и пришли къ тому заключенію, что нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ Россіи. У насъ четыре времени года. При одномъ воспоминаніи весны и лѣта становисься веселымъ и радостнымъ. Весной и лѣтомъ у насъ всюду зелень. Лѣтняя жара умѣряется дождями. Гроза и молнія—это одинъ восторгъ. За 2 мѣсяца нашего путешествія мы ни разу не слышали грома, не видали молніи и капли дождя. Вѣдь это досадно! Одинъ изъ насъ замѣтилъ, что онъ скучаетъ по русской березкѣ.

Дм. Марковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Передъ церковнымъ соборомъ *).

II.

«Идя навстрѣчу пробуждающемуся въ нашемъ обществѣ интересу къ вопросамъ религіозно-философскаго характера, группа лицъ связанныхъ между собой христіанскимъ единомысліемъ, приступила къ изданію, подъ общимъ заглавіемъ «Религіозно-Философской Библіотеки», ряда брошюръ и книгъ, дающихъ посильный отвѣтъ на выдвигаемые жизнью вопросы. Свѣтъ исходитъ изъ Вышняго-Волочка, небольшого уѣзднаго города. Это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что еще недавно и въ большихъ губернскихъ городахъ подобныя «группы лицъ—издателей» представляли рѣдкость. Передъ нами лежатъ восемь брошюръ вышняволоцкаго издательства, заключающихъ въ себѣ имена двадцати авторовъ. Этого достаточно, чтобы составить опредѣленное мнѣніе о «Религіозно-Философской Библіотекѣ». Библіотека производитъ благоприятное впечатлѣніе. Однѣ брошюры даютъ законченно-цѣлыя работы, другія — выдержки, и наиболѣе характерныя и наиболѣе рельефныя, изъ произведеній выдающихся мыслителей».

Въ наше время, когда основательное знакомство даже съ любимыми, модными или «боевыми» научными авторами замѣняется чтеніемъ «кусочковъ» изъ нихъ, притомъ болѣею частью выхваченныхъ неудачными крайне тенденціозно, названная «Библіотека», на которой запечатлѣлось любовное отношеніе издателей къ взятой задачѣ,

*) Окончаніе. См. сентябрьскую кн. Душ. Чт. 1907 г.

должна съ полнымъ правомъ проникать въ широкіе круги русскаго общества.

Здѣсь оставленъ *незнакомый* языкъ, и все говорится понятнымъ и откровеннымъ языкомъ. «Ибо аще безвѣстевъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань?» А развѣ въ мыслящей части нашего общества не идутъ приготовления къ сраженію со всѣмъ тѣмъ въ церкви, что еще покойному Оресту Миллеру дало право назвать ее «далекой отъ идеала христіанства?»

Содержаніе брошюръ пестрое, разнообразное, какъ радужные круги, и эти пестрота и разнообразіе необходимы для созданія красоты и полноты явленія. Вотъ разсужденіе Л. А. Тихомирова: «Альтруизмъ и христіанская любовь», своевременно обратившее на себя вниманіе извѣстнаго канониста, профессора Павлова, съ своей положительной стороны. Почтенный мыслитель пишетъ: «въ нравственной жизни человѣка проявляются два основныя чувства, на которыхъ воздвигаются и системы морали: это такъ называемый «альтруизмъ» и христіанское чувство «любви»... «Очень многіе, едва ли не большинство нашихъ современниковъ, не различаютъ этихъ чувствъ и понятій. Многіе даже не считаютъ полезнымъ различать, полагая, что такими разграниченіями создается только безплодное расхожденіе между христіанствомъ и внѣрелигіозной моралью. Выраженія «альтруизмъ» и «христіанская любовь» употребляются безразлично — даже у многіхъ духовныхъ писателей»... Г. Тихомировъ полагаетъ, что «въ дѣйствительности это объединеніе альтруизма и любви въ христіанскомъ смыслѣ совершенно ошибочно теоретически, а практически способно угрожать не только чистотѣ христіанской морали, но даже въ корнѣ исказить ея смыслъ».

Разобравшись, далѣе, въ понятіяхъ объ альтруизмѣ и христіанской любви и разсмотрѣвши, что культивируется въ христіанской любви, и что культивируется въ альтруизмѣ, талантливый авторъ подходитъ къ выводу, что «въ развитомъ альтруизмѣ мы возвращаемся къ чистому эгоизму, но уже не къ тому грубому, здоровому эгоизму, какой Богъ вложилъ въ животное для его самосохраненія, а къ эгоизму, соединенному съ обманомъ самого себя, эгоизму болѣзненному, воображающему себя чѣмъ-то возвышеннымъ»... и т. д. Отсюда — не трудно угадать заключительный аккордъ, что «поэтому, христіанская идея ни

въ какіе компромиссы чувства любви и чувства альтруизма входить не можетъ»...

Брошюра Л. А. Тихомирова напомнила намъ слѣдующія строки изъ «Философіи общаго дѣла» Н. Э. Федорова: «...французскіе и англійскіе позитивисты видятъ въ половомъ стремленіи зародышъ самопожертвованія (альтруизма) — *безсознательную добродѣтель*» (стр. 314). Ясно, о чемъ я хочу сказать: я хочу сказать, что разсужденіе г. Тихомирова полезно прочесть всякому, кто, не задумавшись надъ тѣмъ, что альтруизмъ есть добродѣтель, указывающая на существованіе зла въ обществѣ, но не устраниющая его, слѣпо преклоняется передъ нимъ въ лицѣ философовъ и беллетристовъ, послѣдователей О. Конта.

Вторая книжечка того же писателя называется: «Личность, общество и церковь» (М. 1904 г.). Составилась она изъ матерьяла, первоначально напечатаннаго въ *Богословскомъ Вѣстникѣ*.

«Въ настоящее время,—читаемъ мы у г. Тихомирова,—слышится много жалобъ на различные недочеты религіозной жизни и своей личной и чужой; множество лицъ ищутъ религіозной жизни и утверждаютъ, что не могутъ ея найти въ силу нѣкоторыхъ условій современной жизни. Въ чемъ заключаются эти условія, препятствующія религіозному существованію, объ этомъ говорятъ различно, обвиняя при этомъ рѣшительно всѣхъ и вся. Что нужно сдѣлать, чтобы отыскать недающуюся искомую религіозную жизнь—объ этомъ тоже говорятъ различно. Но вообще при этомъ менѣе всего обращаютъ вниманіе на самое главное—на правильное соотношеніе личности и Церкви въ религіозной жизни. Между тѣмъ наши религіозные недуги едва ли не зависятъ болѣе всего отъ развитія *религіознаго индивидуализма* въ связи съ ослабленіемъ *коллективной* религіозной жизни»... «Всѣ мы знаемъ тѣсную общественную связь первыхъ христіанъ, но склонны объяснять это особливой добродѣтью, тогда какъ, наоборотъ—духъ вѣры и добродѣтели порождались у нихъ вслѣдствіе ихъ тѣсной и дружной церковности».

Итакъ, замѣкъ религіозныхъ недуговъ запертъ ключомъ высоко-развитаго религіознаго индивидуализма. Понятно, что г. Тихомировъ старается снова отпереть его, для чего нашему философу приходится коснуться, между прочимъ, и Влад. Соловьева, особенно разрабатывавшаго «вопросы

церковности въ связи съ общественными, и социализма, причемъ онъ послѣдовательно, несуетно и успѣшно доказываетъ все различіе и несліянность социальнo-политической среды и церковной. Явственно звучить проповѣдь соборности, гдѣ царить внутреннее единеніе общей мысли и воли. На вопросъ: что значить жить въ Церкви? Слѣдуетъ отвѣтъ: значить жить всей полнотой коллективности, наполняемой Божественнымъ духомъ. Любопытенъ взглядъ почтеннаго писателя на монашество, которое, «вообще, никакъ не служитъ примѣромъ религіозной изолированности и индивидуализма. Эта болѣзнь, наоборотъ, свирѣпствуетъ среди живущихъ въ мірѣ,—не столько въ Церкви, какъ при своемъ приходскомъ храмѣ,—и кое-какъ исполняющихъ формальный «долгъ христіанина», какъ это принято выражаться». Въ заключеніе Л. А. Тихомировъ говоритъ, что «самая миссія Церкви въ мірѣ перемѣшиваетъ христіанъ съ множествомъ фиктивныхъ, мертвыхъ членовъ Церкви. Это порождаетъ подавляющую тяготу, отъ которой была свободна древняя церковь. Но чѣмъ сложнѣе положеніе, тѣмъ болѣе внимательно должно заботиться, чтобы оно не подавило насъ, не сдѣлало мертвыми и тѣхъ, которые хотятъ быть живыми».

Бокъ-о-бокъ съ разсужденіями г. Тихомирова стоитъ второй выпускъ «Р.-Ф. Библиот.» — «Исканіе Бога». Изъ философскихъ размышленій о Божественности христіанской религіи Огюста Николя и писемъ: М. М. Сперанскаго къ П. А. Словцову, революціонера (затѣмъ толстовца и, наконецъ, православнаго); бывшаго толстовца и земской учительницы, и наконецъ изъ Аскетическихъ опытовъ еписк. Игнатія Брянчанинова раскрывается весь путь, по которому идти ищущему Бога. У О. Николя разсказывается о двухъ взаимно-противоположныхъ извѣстныхъ историческихъ личностяхъ, жирондистѣ Иснарѣ и философѣ-естествоиспытателѣ Жофруа, — изъ коихъ первый воспарилъ надъ бездною своихъ грѣховъ, а второй палъ. Жофруа «представляетъ намъ исповѣдь въ томъ, что какъ только онъ, уступая искушеніямъ философскаго скептицизма, отдалился отъ вѣры христіанской, въ ту же минуту утратилъ свѣтъ и разумѣніе относительно всего, что можетъ занимать и привязывать къ себѣ человѣка въ настоящей и будущей жизни. Напрасно искалъ онъ въ самомъ себѣ и въ своей философіи, которою занимался

по обязанности, не говорю—опоры, а хотя бы временной только задержки, которая бы замедлила плачевное разрушение всѣхъ его убѣжденій и спасла его отъ той пустоты и того мрака, въ которые, какъ въ бездну, низринулись всѣ его способности познавательныя». Иснарь же, «дыша однимъ чрезмѣрнымъ желаніемъ имени христіанина и всего, составляющаго религію христіанскую, рассказываетъ намъ, какимъ образомъ онъ вдругъ остановился на пути заблужденій (въ подземельи, устрашаемый висѣлицей) и какъ добросовѣстное размышленіе, возвративъ его къ вѣрѣ, дало ему власть надъ самимъ собою, въ глубинѣ души его возростило плоды мудрости и, поставивъ его внѣ заботъ настоящей жизни, доставило ему возможность наслаждаться всею полнотою и положительною дѣйствительностью своего существованія»... «Иснарь не философствовалъ только, но и *молился*, даже *началъ свои размышленія молитвою*; а Жофруа, полагаясь только на однѣ силы своего разума, поставилъ его единственнымъ судіею своей вѣры и допустилъ въ себѣ потухнуть вѣрѣ преждевременнымъ небреженіемъ объ исполненіи ея требованій. Это значить, что одинъ изучалъ явленія жизни въ живомъ тѣлѣ, а другой пытался сдѣлать это трупомъ». — Исканіе Бога по М. М. Сперанскому, какъ это видно изъ письма его къ Петру Андреевичу Словцову (извѣстному историку Сибири), сводится къ тремъ главнымъ правиламъ: 1) самопознанію, вытекающему изъ вскрытія передъ собою безъ пощады всей мерзости грѣха и распознаванію въ себѣ съ истиннымъ сокрушеніемъ истиннаго и ложнаго бытія; 2) познанію въ себѣ силы и дѣйствительнаго присутствія Христа Спасителя и всяческому ознакомленію съ Нимъ и 3) разрушенію ложнаго (тзоего) бытія. Исполненіе перваго правила приводитъ, какъ и въ случаѣ съ Иснаромъ, къ молитвѣ: ибо кто бѣденъ, тотъ просить. «Къ сямъ тремъ упражненіямъ сами собою вполнѣдствіи присовокупятся два слѣдующія: чтеніе Св. Писанія и Евхаристія». — Горячо повѣствуетъ о своихъ потемкахъ «бывшій революціонеръ, затѣмъ толстовецъ и наконецъ православный», который въ тотъ моментъ «въ небесахъ увидѣлъ Бога», когда «сердце его загорѣлось рѣшимостью отречься безъ остатка отъ своего я». Чувство свободы, *абсолютной свободы воли* наполнило его душу: это было *впервые*, что человекъ ощутилъ себя безусловно отрѣшеннымъ отъ своего

эмпирическаго характера. Затѣмъ — неустанное исканіе спасенія, уже въ области духа, «гдѣ законъ причинности не имѣетъ мѣста и гдѣ мы сами отъ себя можемъ начинать рядъ дѣйствій, согласныхъ принятому нами рѣшенію». Стало очевиднымъ спасеніе *одною только вѣрою*, и въ Церкви, «центральное значеніе которой состоитъ въ Евхаристіи». — Письма: «бывшаго толстовца» и «земской учительницы» служатъ дополненіями къ предыдущему. Это, мы бы сказали, расцвѣтъ душъ, вошедшихъ въ общеніе съ Богомъ и окропленныхъ Его живою водою. — Отрывокъ изъ «Аскетическихъ опытовъ» еписк. Игнатія Брянчанинова, памятнаго, между прочимъ, по разсказу Н. С. Лѣскова: «Инженеры-безсребренники», что это такое, какъ не трагедія человѣка, который накоплялъ духовныя богатства, учился, познавалъ и, все-таки, въ концѣ-концовъ, пришелъ бы къ вѣчной пристани нищимъ, когда бы не спохватился, не остановился и не воскликнулъ: «Если все время земной жизни употреблю для снисканія знаній, оканчивающихся съ жизнью земною: что возьму съ собою за предѣлы грубаго вещества?.. Науки! Дайте мнѣ, если можете дать, что-либо вѣчное, положительное, дайте ничѣмъ не отъемлемое и вѣрное, достойное назваться собственностью человѣка! — Науки молчали?» И далѣе: «...всѣ земныя занятія, наслажденія, почести, преимущества — пустыя игрушки»... «Не стоитъ видимый міръ, чтобы служить ему и имъ заниматься!» Что это, какъ не разочарованіе въ земномъ и не тоска, которая время отъ времени мучитъ и будитъ и направляетъ въ высъ человѣчество? Гораздо ранѣе, чѣмъ Фаустъ у Гёте, великій чародѣй Кипріанъ произноситъ съ отчаянной, но и возвышающей его скорбью: пользы отъ науки не вижу, не вижу пользы и отъ мудрости ¹⁾!.. Понятно, о какой пользѣ можетъ итти рѣчь... Епископъ Игнатій уходитъ въ чтеніе и изученіе святыхъ отцовъ и передъ нимъ выясняется весь смыслъ жизни, смыслъ и вѣчности, смыслъ христіанства и смыслъ спасенія.

Даровитый глава разсматриваемаго издательства, М. А. Новоселовъ, выступаетъ въ защиту Ветхаго Завѣта въ брошюркѣ: «Изъ разговоровъ о войнѣ». Ветхій Завѣтъ,

¹⁾ См. наше повѣствованіе: „Императрица Византіи Аеинаида-Евдокія“. *Душев. Чит.* № 3—12, 1906 г.

который большинствомъ нашей интеллигентной братіи отмечается, какъ вѣчто отжившее свой вѣкъ и имѣющее лишь историческое (если не археологическое) значеніе, заключаетъ въ себѣ такую драгоценность, какой нѣтъ и въ Новомъ Завѣтѣ. Наши ученые богословы, выражая по ученому взаимное отношеніе 2-хъ Завѣтовъ, говорятъ: *Novum Testamentum in Vetere latet, Vetus in Novo patet* ¹⁾). Это вѣрно, но этого мало. Въ Ветхомъ Завѣтѣ есть нѣчто особенное и—сохраняющее значеніе даже до сего дня: это *исторія* народа Божія, единственная въ своемъ родѣ... Сравните съ библейской исторіей всѣ другія исторіи народовъ, — и вы легко увидите существенную разницу въ историческихъ созерцаніяхъ... только библейское повѣствованіе вскрываетъ передъ вами великую истину, что все въ жизни народа, вѣшнее и внутреннее, опредѣляется его отношеніями къ началу потустороннему, премірному, — Богу... (Стр. 7—8). Библейская исторія есть вѣчная книга *жизни*, данная и намъ *въ руководство* любовью Отца небеснаго, — говоритъ далѣе авторъ. Мы пренебрегали этой книгой, этой школой *жизни*, и намъ это отделилось неудачами на войнѣ со всѣми ея послѣдствіями.

Въ брошюрахъ: «О цѣли образованія» и «Значеніе свободного слова для личности, общества и церкви (по воззрѣніямъ славянофиловъ и Влад. Соловьева)» читатель найдетъ рядъ положительныхъ, доказательныхъ отвѣтовъ на главнѣйшіе вопросы современности. А отвѣтятъ Н. И. Пироговъ, Л. Н. Толстой, проф. казанской дух. акад. В. И. Несмѣловъ, Амось Коменскій, К. Д. Ушинскій, А. С. Хомяковъ, К. и И. С—чи Аксаковы и Вл. С. Соловьевъ.

Наковецъ—сборникъ «О возрожденіи русской церкви». Въ предисловіи говорится о причинѣ, приведшей нашу церковь въ современное печальное положеніе и указывается, что мы должны сдѣлать для церковнаго возрожденія и какими явиться въ моментъ открытія Церковнаго собора: «не безловесными овцами, а сознательными, способными различить правду отъ неправды, волю Божию отъ воли человѣческой». Цѣлью авторовъ, извѣстныхъ въ духовной литературѣ, которые составили сборникъ, слу-

¹⁾ Въ интересахъ читателя не-„классика“ полезно давать переводы многоязычныхъ выраженій. „Новый Завѣтъ сокрытъ въ Ветхомъ, Ветхій Завѣтъ открывается въ Новомъ“. П. Р.

жить искреннее стремление возродить нашу церковную жизнь въ ея всецѣлой полнотѣ, въ ея внѣшнихъ формахъ и въ ея духовной святости. И вотъ отличный знатокъ церковно-общественнаго строя съ древнѣйшихъ временъ, А. А. Папковъ, рисуетъ картину жизни христіанской общины въ апостольско-прошломъ и указываетъ все, что могло бы возродить и возродило бы, въ дѣйствительности, православный приходъ, какъ наслѣдіе той христіанской общины. На тему о приходскомъ возрожденіи пишетъ и проф. Н. А. Заозерскій. Весьма также цѣнна статья протоіерея А. М. Иванцова-Платонова, въ которой знаменитый покойный историкъ доказываетъ, что церковь въ государствѣ, какъ самостоятельный духовный организмъ, должна жить и развиваться по своимъ внутреннимъ началамъ и законамъ соборности. «Самую лучшую форму церковнаго управленія... должна быть принята именно та, какая въ позднѣйшіе вѣка выработана (по идеѣ) въ греческихъ церквахъ и въ нашей русской церкви, т.-е., постоянные синоды епископовъ-совѣтниковъ и помощниковъ при главномъ епископѣ-правителѣ цѣлой помѣстной церкви. При этомъ отношеніе главнаго епископа къ другимъ епископамъ, присутствующимъ въ синодѣ, также можетъ быть различно. Онъ можетъ быть признаваемъ главою надъ ними, какъ въ константинопольскомъ синодѣ, или только первенствующимъ между ними, какъ столичные митрополиты въ новогреческомъ и русскомъ синодахъ. Но только нужно, чтобы синоды дѣйствительно были собраніемъ правящихъ епископовъ, чтобы они имѣли церковный, пастырскій, а не казенный, бюрократическій характеръ, чтобы элементъ свѣтскій, чиновническій не преобладалъ въ нихъ надъ элементомъ духовнымъ, пастырскимъ. Вотъ существеннѣйшее начало, на основаніи котораго желательно было бы преобразование и устройство нашего Синода». «Членамъ Синода — представителямъ архіепископскихъ округовъ — долженъ принадлежать при разсмотрѣніи дѣлъ... рѣшающій голосъ». Т.-е., наоборотъ, чѣмъ въ консисторіи.

Въ слѣдующихъ статьяхъ (профессора Н. А. Заозерскаго) объясняются причины слабости высшей духовной власти, причѣмъ главною причиною является — исключительно канцелярское, замкнутое веденіе всего нашего церковнаго управленія. «Ежедневно слышитъ русскій народъ

молитву о Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ: но что такое этотъ Св. Синодъ? Гдѣ онъ? Изъ кого состоитъ? — Для нашего народа въ большинствѣ остается неизвѣстнымъ. Въ большинствѣ Св. Синодъ представляется смутно, какъ гдѣ-то существующее начальство, котораго никто не видалъ, съ которымъ никакихъ дѣлъ непосредственно не имѣлъ. Да и тѣ немногіе, кто имѣлъ случай вести какое-либо дѣло въ Св. Синодѣ, не видывали его, а имѣли дѣло непосредственно съ различными чиновниками Св. Синода — свѣтскими людьми, какъ и въ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстахъ... и т. д. Второю причиною слабости нашего церковнаго управленія почтенный ученый считаетъ «полное разобщеніе тѣхъ нравственно-интеллектуальныхъ силъ, которыя имѣются въ распоряженіи церкви. Этихъ силъ, слава Богу, у насъ много: но онѣ дѣйствуютъ всѣ врознь, нерѣдко въ печальномъ антагонизмѣ между собою. Соберите ихъ воедино, и наша церковь явится великою нравственною силою. Какія же это силы? Вотъ онѣ: 1) сила общественно-нравственного авторитета, или наши іерархи; 2) сила субъективной горящей вѣры — подвижники, энтузіасты въ вѣрѣ, не имѣющіе оффиціально-церковнаго авторитета, но могущіе встрѣтиться едва ли не въ каждомъ сословіи, въ каждой профессіи; 3) сила богословскаго знанія; 4) сила интеллигенціи — писателей и художниковъ, ищущихъ религіозной истины, стремящихся воплотить ее въ своемъ творествѣ, хотя иногда и недостаточно въ ней свѣдущихъ, колеблющихся, неустойчивыхъ. Отвергать наличность этихъ силъ въ нашей церкви — невозможно. Онѣ есть въ ней; онѣ дѣйствуютъ, и ихъ носители иногда проявляютъ героизмъ, полный энтузіазма и самоотверженія; но ихъ дѣятельность келейная, одинокая, все они таятся, дѣйствуютъ розно и сходять съ своей жизненной арены вѣдомые только Богу, да развѣ небольшому кружку лицъ ихъ непосредственно знающихъ. Вотъ два явленія въ современномъ строѣ нашей церковной жизни, открывающія намъ какъ чрезъ изученіе дѣйствующей системы церковнаго управленія, такъ и чрезъ непосредственное наблюденіе надъ дѣйствительными проявленіями церковной жизни. Эти явленія — главные, коренныя причины недостаточности нашего церковнаго управленія». По убѣжденію проф. Заозерскаго, главнымъ средствомъ къ возвышенію духовной власти и

оживленію церковной жизни долженъ послужить всеперковный русскій соборъ съ непремѣннымъ участіемъ на немъ выше названныхъ нравственно-интеллектуальныхъ силъ въ роли *желательныхъ совѣтниковъ*, причемъ «отцамъ собора нужно совершенно отрѣшиться отъ идеи предосужденія присутствующихъ, какъ «благонамѣренныхъ» и «неблагонамѣренныхъ», людей «церковныхъ» и «либераловъ». Желательно совсѣмъ обратное отношеніе: каждый, почтительно просящій слова, пусть будетъ выслушанъ. Преслѣдуя двѣ главныхъ и основныхъ функціи: законодательную и судебную, соборы обязаны не упускать и третьей весьма важной: ревизіонной.

Какъ схему церковнаго строя нашъ сборникъ предлагаетъ то, что указано церковными канонами, именно: *дѣленіе* церкви на митрополіи и ниже до самоуправляющихся приходовъ, и *сосредоточеніе* въ епископіи и выше до самостоятельнаго и независимаго патріархата.

Выборность духовенства и всеобщая соборность.

Далѣе слѣдуетъ интересный отрывокъ изъ увлекательнаго восьми-томнаго академическаго изданія: «Книга бытія моего» епископа Порфирія Успенскаго; это—церковная программа покойнаго замѣчательнаго святителя. Программа выражена въ формѣ разговора епископа Порфирія съ пресвященнымъ Іосифомъ.

— «Наше правительство отдалило народъ нашъ отъ архипастырей, *давая имъ скудный хлѣбъ насущный*. Этой ошибки нѣтъ въ Восточной церкви. Даже тогда, когда еще существовало Греческое царство, и тогда служащіе алтарю питались отъ алтаря, а не отъ государева казначейства, и были достаточны, имѣя свои дома и свое хозяйство, и живя *съ народомъ, народомъ и для народа*. Восточные архіереи, обозрѣвая свои епархіи, въ селахъ посѣщаютъ каждый домъ и каждую овцу глашаютъ по имени. Такою близостью ихъ къ народу отчасти объясняется безпрекословное повиновеніе имъ мірянъ. Во всѣхъ четырехъ патріархатахъ священники избираются изъ среды народа, и потому народъ слушаетъ тѣхъ, которыхъ самъ поставилъ своими вождями, а вожди эти, пользуясь народнымъ общимъ довѣріемъ къ себѣ, имѣютъ ту смѣлость, какой не имѣемъ мы, никѣмъ не званые въ Церковь (семинаристы и академисты), смѣлость дѣлать нововведенія въ (уставѣ церковномъ) чинѣ богослуженія».

— «По моему расчисленію, въ Россіи должно быть столько епископовъ, сколько есть уѣздныхъ городовъ, и столько архіепископовъ и митрополитовъ, сколько насчитывается городовъ губернскихъ и столичныхъ».

Еп. Порфирій, далѣе, желалъ и требовалъ упраздненія духовныхъ училищъ, семинарій и академій, такъ какъ со временъ апостольскихъ на Востоку священники избираются «изъ среды грамотныхъ, честныхъ и зажиточныхъ поселянъ и горожанъ». Онъ стоялъ за переименованіе семинарій и академій въ училища *благовѣстниковъ или проповѣдниковъ*.

На возраженіе собесѣдника, еп. Іосифа:

— Семинаристы все-таки образованнѣе вашихъ грамотныхъ поселянъ и, слѣдовательно, достойнѣе алтарей!

Епископъ Порфирій отвѣчалъ:

— Владыка! Алтарей достойны не кимвалы звенящія (а больше молчащія), а такіе христіане, которыхъ вѣра, благочестіе и добродѣтельное житіе краснорѣчивѣе всякой проповѣди.

Затѣмъ онъ говорилъ «о возстановленіи у насъ патріаршества, о соборованіи многочисленныхъ епископовъ, объ упраздненіи духовныхъ правленій и консисторій и предоставленіи судебной власти однимъ архіереямъ и совѣтамъ при нихъ, состоящимъ изъ лицъ мірскихъ и духовныхъ, о сооруженіи храмовъ Божіихъ въ каждой деревнѣ».

Изъ книги извѣстнаго Н. П. Аксакова: «Духа не угашайте» сборникъ заимствовалъ страницы о проповѣди мірянъ и о взаимодѣйствіи членовъ тѣла церковнаго.

Взгляды профессоровъ Н. А. Заозерскаго и А. П. Лебедева на участіе въ древнихъ соборахъ клириковъ и мірянъ и т. п. — извѣстны уже читателямъ, почему и не останавливаемся на нихъ.

Списокъ авторовъ заключается Д. Сяницкимъ, нарисовавшимъ картину изъ исторіи юго-западныхъ братствъ. Эта картина полезна для сличенія съ русской дѣйствительностью.

Наконецъ, М. А. Новоселовъ «по долгу христіанской совѣсти» высказываетъ положенія, опредѣляющія путь церковнаго возрожденія.

Въ приложеніи къ сборнику—Проектъ постановленій о церковно-приходскомъ собраніи и церковно-приходскомъ совѣтѣ православныхъ приходоу въ Россіи, Организация

высшаго управленія въ великой Константинопольской церкви (изъ соч. Н. А. Заозерскаго: «О церковной власти») и Организациа высшаго управленія въ православной Сербской Карловицкой церкви въ Австро-Венгріи.

Вторая изъ приложенныхъ статей — *назидательная*, третья — *вразумительна*.

Сборникъ исчерпанъ; вышневолоцкая «Религіозно-философская Библіотека» представлена читателю настолько, что дальнѣйшихъ выпусковъ ея ненадо ожидать только ради вывода заключенія объ этомъ полезномъ и своевременномъ издательствѣ, свободномъ отъ безсистемности и случайно-попавшагося подъ руку матеріала. Остается только еще пожелать «Библіотекѣ» успѣха, что и дѣлаю.

Павелъ Россіевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВАЯ КНИГА

проф. А. И. ВВЕДЕНСКАГО:

СОЦІАЛИЗМЪ,

КАКЪ ПРАВСТВЕННАЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.

Содержаніе: Основная точка зрѣнія.—Политико-экономическая точка зрѣнія.— Нравственная точка зрѣнія.— Юридическая точка зрѣнія: право личной собственности и право наследованія.— Культурно-историческая точка зрѣнія; вопросъ о „соціальномъ неравенствѣ“. — Заключительныя соображенія.

М. 1907 г. Стран. 88.

Цѣна 50 коп.

Продается во всѣхъ магазинахъ Москвы, въ Петербургѣ — у И. Л. Тузова (Госетинный дворъ, № 45).

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

ДУХОВНЫЯ ДАРОВАНІЯ

ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Священника Михаила Оивейскаго.

цѣна 2 РУБЛЯ.

Можно приобрѣтать у автора: Мал. Толмачевскій пер. за

Москвой рѣкой, д. церкви св. Николая въ Толмачахъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО *).

Апрѣль 1. Великій четвергъ. Въ одиннадцать часовъ поѣхалъ въ соборъ; успѣлъ прочесть входную, приложился къ св. мощамъ св. Филиппа, Іоны, Петра, облачиться прежде прѣвода Владыки (обл. фіол. съ бѣл. омофоромъ на владыкѣ и на мнѣ, митра на немъ зеленая, на мнѣ фіолетовая; я былъ въ одеждѣ шерстяной черной и кожаномъ поясѣ, но владыка въ черной шелковой рясѣ, коричневомъ кафтанѣ и шитомъ бѣлыми розанами поясѣ; по его примѣру я былъ въ лентѣ). Читая молитву при освященіи мѣра, у него по всему лицу текли слезы; съ благоговѣніемъ, вѣрою и любовію благословлялъ онъ каждый сосудъ какъ наполненный сѣменами духовной жизни будущихъ поколѣній вѣрующихъ. Я былъ тронутъ видомъ великаго старца и особенно когда онъ творилъ земной поклонъ предъ началомъ и по освященіи мѣра. О какъ бы хотѣлъ пріотворить какое-либо оконце въ его душу на эту минуту! Владыка прѣхалъ въ 20 минутъ 12-го, во время облаченія мы ходили въ палату за мѣромъ, два 10 м. было на Спасской башнѣ, когда я возвращался домой. Я запечаталъ верхнюю часть задравной просфоры отъ нынѣшняго служенія владыки. О какъ бы желалъ еще разъ, а если столь милосердъ Господь къ намъ грѣшнымъ, и нѣсколько разъ сослужить великому святителю при мѣ-

*) Продолженіе. См. сентябрьскую кн. *Духиспол. Читанія* 1907 г.

роосвященіи. Господи, помози; да будетъ воля Твоя!—Сподобилъ Богъ прочитать на утрени (свечера) 8 Евангелій отъ перваго, и 12-е, прочіе три читали іеромонахи. Молящихся было очень много.

3. Сія суббота есть преблагословенная и сама въ себѣ и въ приложеніи ко мнѣ, ибо живую струею лила въ меня чувства ея внушаемая, насколько грѣшная душа способна принять. За литургіей такъ прорывались слезы, какъ черезъ плотину полная рѣка. Чего вчера совершенно не смогъ—проповѣдь приготовить и разорвавъ написанное приговорительно къ утрени субботней и страданіямъ, то сегодня для литургіи субботней сдѣлалъ, при помощи Божіей, безъ всякаго труда, скоро, почти между дѣла и приемовъ, которыхъ избѣгать не можно было. Текстъ: «Приидите, видите мѣсто, идѣже лежа Господь». При перемѣнѣ облаченія чернаго на бѣлое я окропилъ и возложилъ только что изъ владычняго принесенную митру съ драгоценными камнями, бѣлую—изящную. Въ вѣнцѣ собраны святые, послѣ Деисуса, пр. Сергій, Савва, просв. Нина св. Левъ римск., Леонидъ мученикъ. Это по завѣщанію покойной княгини—ея дѣти. Отъ нея же извѣстилъ сестеръ, что каждая изъ нихъ имѣеть по 333 р 33¹/₂ коп. въ билетѣ на 1000 р.

Было 13 причастниковъ. Сподобилъ Богъ подать нуждающимся и попросить за нѣкоторыхъ. Когда говорилъ слово и замѣчалъ слезы, то у меня дрожалъ голосъ, что очень дурно въ проповѣдникѣ. Обрядъ раздаванія на литургіи хлѣба и вина очень меня трогаетъ, напоминая древность и пустыни.

Читалъ изъ посланія къ Колоссяамъ, читалъ рѣчь ко мнѣ владыки при хиротоніи, читалъ правила для брата и себя и главу Дѣяній у плащаницы. Теперь уже 12 й часъ, пора собираться. Сподоби, Господи, встрѣтить въ радости и проводить Пятидесятницу неосужденно!

4. *Пасха*. Къ утрени поѣхаль я за нѣсколько минутъ до полуночи (со мною былъ П. М. Хрущевъ). Я велѣлъ ѣхать черезъ Спасскія ворота, были мы на Красной площади когда ударило 12 часовъ, на башнѣ забилъ вѣстовой (ясакъ) колокольчикъ, ударилъ Царь—разъ, другой, и пошла стукотня. Звукъ безчисленныхъ колоколовъ, густыхъ и тонкихъ, рѣдкихъ, частыхъ; чтобы вслушаться, дважды я останавливался на Красной и въ Кремлѣ. У входа въ Успенскій соборъ меня встрѣтилъ оберъ-полицімейстеръ, въ соборѣ духовенство, я прошелъ въ мантии, царскими вратами, и на горнемъ мѣстѣ облачился въ малиновый бархатный саккосъ и сѣтковый омофоръ, съ митрой князя. Я люблю войти къ этой утрени въ Успенскій соборъ, гдѣ все блистаетъ золотомъ и свѣтомъ и изъ высокихъ курильницъ вѣется благовонный дымъ по сторонамъ царскихъ вратъ.

Обхождение было пріятное, только вѣтеръ гасилъ многія свѣчи, небо покрыто звѣздами, Иванъ Великій унизанъ огнями и народомъ, ночной воздухъ дрожитъ подъ тяжкими ударами трезвона. Неудержимо лились восторги праздника словами Дамаскина въ его безсмертномъ канонѣ *Воскресенія день*, который поешь и не напоешься. Дома я засталъ литургію по освященіи даровъ, и слушалъ до пріобщенія служащихъ: служеніе очень приличное, молящихся много. Я вручилъ просфору невѣстѣ, дочери Н. Арс. Жеребцова, съ желаніемъ, какое прилично священнику сказать. С. В. Лепехинъ у меня слушалъ утреню. Я принялъ братію, которая пропѣла «Свѣтися, Свѣтися» и разговѣлась у меня. Послѣ этого я уже не ложился, прочиталъ правила, почиталъ евангеліе, проповѣди владыки на Пасху и въ 6¼ былъ въ Успенскомъ соборѣ. По гречески читала лѣвая сторона іереевъ изъ нихъ 2 были греки. Владыка и на утреню и на литургію пріѣзжалъ въ Чудовъ (съ пр. Можайскимъ); христосовался даже со всѣми пѣвчими. Мы съ преосвящ. были одинаково одѣты въ свѣтло-синихъ рясахъ, — даръ соб. ста-

росты. Владыка въ рясъ свѣтло-шоколаднаго цвѣта и много брилліантовъ. Принявъ дома духовенство, я ожидалъ пр. Можайскаго, съ которымъ былъ въ Донскомъ, у Н. Н. Муравьева и С. Шипова. Обѣдалъ одинъ и до вечера не принималъ. За это время множество карточекъ насыпано на столѣ. Въ 3 ч. 25 я былъ въ Успенскомъ соборѣ. Всѣ службы въ соборѣ прекрасны, пасхальныя особенно, но вечерня Пасхи, но входъ въ алтарь и пригромовомъ пѣвнѣ «достойнъ еси во вся времена пѣтъ быти гласы»..., но этотъ дышъ кажденія дыханіемъ вѣтра изъ царскихъ вратъ разносимый облаками по храму, это чтеніе Евангелія вечерняго къ народу—это нѣчто на земли небесное. Нынче одинъ недостатокъ — владыки нѣтъ. Господь меня сподобилъ и благодать Его. Пр. Можайскій при мнѣ просилъ у владыки вечерню, я не уступилъ. Облеченіе употребилъ я на утрени малиновое, бархатный саккосъ, омофоръ сѣтка серебряная, митра золотая «князя»; на литургіи—золотое, съ митрой золотой монастырской, на вечернѣ — бѣлое съ золот. травами и новая бѣлая митра. Я былъ у Шереметьевыхъ: Ел. Сер. Булыгина въ бѣломъ, графъ въ красномъ кафтанѣ съ серебромъ—все праздничное, все свѣтло, какъ было; я сидѣлъ въ гостиной, потомъ у Ек. В., на ея кровати, ея нѣтъ, словно выѣхала не на долго.

6. Владыка обоихъ насъ вызывалъ къ 10 утра; но мы оба служили и явились въ 1 часу. Владыка хотѣлъ нашего совѣта касательно молитвъ о болящемъ и рѣшилъ служить молебень въ домашней церкви и благочиннымъ сказать, чтобы за проскомидіей поминали.

Дома ожидала меня записка отъ владыки: я немедленно поѣхалъ: Св. Синодъ назначилъ молебствіе и мнѣ приказалъ владыка совершить его.—«Но гдѣ?»—Я уговорилъ, чтобы въ Успенскомъ соборѣ.

7. По маломъ входѣ, на кажденіи я обошелъ мощи св. Петра въ придѣлѣ и тамъ отъ лампы въ главахъ святителя (пожертв. в. к. Маріей А—ной) зажегъ свѣчу у гроба. Послѣ литургіи уже въ мантии я взялъ эту свѣчу и масла отъ означенной лампы и отъ Владимірской иконы и все это свезъ владыкѣ. Послалъ ли онъ все это въ Ницу—не знаю. За молебномъ были генераль-губернаторъ и чины, даже нѣсколько свѣтскихъ дамъ.

8. Служилъ дома. Вечеромъ былъ докладъ, но краткій, я отпросился ко всенощному и очень трепеталъ, что не удастся уѣхать, ибо больно не совершать такихъ отрядныхъ служеній.

9. Служилъ дома. Съ особеннымъ чувствомъ служится послѣднее всенощное Пасхи.

10. Служилъ дома и сказывалъ слово. Государыня просила, чтобы совершенно было моленіе ко пр. Богородицѣ, что мы и исполнили: послѣ литургіи служили молебенъ и я читалъ канонъ.

Обоихъ насъ призывалъ владыка: предположено совершить молебенъ на площади (плацпарадъ) въ Кремлѣ о здравіи наслѣдника. Это предоставлено пр. Саввѣ.

12. Я служилъ дома (бѣлое облаченіе, черная ряса и сѣрый кафтанъ) по случаю памяти по батюшкѣ.

Погода была холодная, но ясная. Въ саду почти ужо, я думалъ отобѣдавъ идти въ садъ, ибо въ Петербургѣ въ этотъ день почти всегда выходили мы въ садъ. Въ половинѣ 2-го телеграмма 1, «Всевышній воззвалъ къ Себѣ душу Г. Наслѣд. Цесаревича сегодня, въ 12 ч. 50 мин. ночи». 2, сего 11 апрѣля прибылъ въ Ницу проф. Опонь-

церь, который подтвердилъ сдѣланный діагнозъ; но на-
шеть положеніе Е. В-ва безнадежнымъ. Около половины
10 началась предсмертная агонія и въ 12 ч. 50 м. ночи
Е. В. окончилъ жизнь, окруженный всѣмъ августѣйшимъ
семействомъ, находящимся въ Ниццѣ. Подписали: Пиро-
говъ и 3 доктора.

13. Въ Архангельскій соборъ пріѣхалъ, когда уже мно-
жество знати собралось. Генераль-губернаторъ, С. П.
Шиповъ и нѣкоторые другіе стояли до конца литур-
гій и подходили къ благословенію. Изъ собора ко вла-
дыкѣ. Онъ недомогаетъ: въ субботу служилъ и нѣсколько
разъ отворялъ окно отъ духоты. Вечеромъ былъ докладъ.
Между прочимъ онъ сказалъ: «когда былъ еще студентомъ,
въ Коломну къ празднику Рождества Христова нанялъ за
полтину тройку, выѣхалъ изъ Москвы въ 2 часа по по-
лудни и въ 4 утра былъ въ Коломнѣ. Шелъ дождь, и я
удивился, потому что до того времени никогда въ Ко-
ломнѣ дожда не видалъ».

14. Такимъ образомъ кончился циклъ 20-дневнаго слу-
женія со дня Благовѣщенія, и не знаю, какъ возблагода-
рить Господа за неизреченную Его ко мнѣ милость
въ этомъ явленіи. На свѣтлой ежедневно служилъ и
литургіи (9½), и всенощныя (въ 6½) соборне среди храма.
Народу такъ это полюбилось, что во всѣ дни и утромъ
и вечеромъ церковь моя была полна, и люди высшаго
общества цѣлыми семействами ѣздили, нѣкоторые даже
постоянно. Послѣ службы и той и другой гостиная моя
наполнялась и иногда переполнялась. Такъ какъ я почти
никуда не выѣзжалъ, то было время и для уединеннаго
чтенія, преимущественно проповѣдей владыки, и съ тѣмъ
вмѣстѣ для наслажденія праздникомъ, и я не чувствовалъ
утомленія. Благолѣпіе было полное: ежедневно мѣнялась
ризница: 1 день и 2 день золотая, 3 голубая атласная

бисеромъ шитая, 4 бѣлая съ зол. травами, 5 малиновая съ омофоромъ изъ сѣтки, въ 6 среброголубая кризовая съ якорями, 7 малиновая съ золот. омофоромъ, въ воскресенье опять среброголубая. На сослужащихъ тоже въ тѣнь со мною и все очень, очень прилично, равно какъ и пѣніе. Благодарю Бога, молю и о продолженіи того, что есть.—Какъ-то тяжело послѣ 20 дней не служить, а только присутствовать на литургіи. Вечеромъ былъ Сухотинъ С. и Н. В. Карамзина. В. И. Рахмановъ говорилъ, много и вѣрно, о болѣзняхъ молодого поколѣнія: о тайномъ пороку, губящемъ юношество; порицалъ воспитаніе: тѣло сильно развиваютъ, укрѣпляютъ, упитываютъ, воображеніе разжигаютъ романами, театрами, постояннымъ обращеніемъ съ женщинами и требуютъ чистоты жизни. Отсюда тайный порокъ. Онъ вошелъ въ привычку, изнурилъ, за докторомъ, а этотъ мясо, мясной чай, желѣзныя ванны, пилюли, и все это опять разжигаетъ похоть, и порокъ усиливается, и истощеніе мозга въ головѣ и спинѣ доводитъ человѣка до страшныхъ болѣзней, многихъ преждевременно свергаетъ въ могилу. Онъ лечитъ такихъ льдомъ на можжечекъ, ухой изъ пикарей, жесткою постелей и отвлеченіемъ отъ праздности и уединенія.

15. Русскіе и Американцы имѣютъ взаимныя симпатіи, Они радовались освобожденію крестьянъ, а мы взялию Ричмонда, вторичному избранію и рѣчи Линкольна; и вотъ пока плыветъ черезъ океанъ вѣсть о кончинѣ цесаревича, мы узнаемъ, что 3 апрѣля измѣнически застрѣленъ Линкольнъ. «Начало болѣзняемъ», сказалъ я въ понедѣльникъ г. Шаховскому; разумѣя кончину наслѣдника; эти слова слышалъ я потомъ отъ владыки. «Время начаться суду съ дома Божія», сказалъ Н. В. Сушковъ, разумѣя Россію пораженную кончиною наслѣдника, и вотъ еще смерть: у насъ смерть наслѣдника, а тамъ самого главы государства. Между тѣмъ весь міръ въ ожиданіи. Въ Тироли

метеоръ: изъ за горъ явилась и за горами скрылась большая арабская сабля (сегодн. № *Моск. Вѣд.*).

Быль докладъ вмѣсто завтра. Владыка объяснилъ, что «поставное» воскресенье есть недѣля антипасхи, ибо иконы, ходящія по приходу, поставляются на мѣста.

Владыка меня призывалъ слушать письмо его къ Ихъ Величествамъ.

20. Гражданскій губернаторъ пріѣзжалъ въ смущеніи. Въ Архангельскомъ соборѣ была панихида по цесаревичѣ (9 день) и прочитанъ манифестъ о престолонаслѣдїи в. к. Александра А—ча, безъ предупрежденія свѣтскихъ властей. Служилъ Можайскій. Вечеромъ на докладъ объяснилось. Владыка получаетъ наканунѣ отъ оберъ-прокурора Синода депешу; сказано, что манифестъ уже посланъ и что въ Петербургѣ будетъ прочитанъ 20. Манифестъ пришелъ въ 10-мъ утра. Владыка, имѣя въ виду, что въ Москвѣ должно читать въ одинъ день съ Петербургомъ и что сноситься некогда, послалъ указъ и манифестъ въ Архангельскій соборъ. Чтобы не сдѣлать, что въ Петербургѣ, гдѣ, по прочтеніи часовъ, прочитанъ манифестъ, начата панихида, далъ резолюцію. Послѣ обѣдни: прочитать манифестъ, пѣть «Спаси Господи» и сказать многолѣтіе. Г. г. ѣздилъ ко владыкѣ объясниться по этому дѣлу, и владыка рѣшилъ, чтобы особо въ Успенскомъ соборѣ прочитанъ его. Докладъ былъ продолжительный.

21. Я служилъ въ Успенскомъ соборѣ: пріѣздъ въ 10¼. Часы, манифестъ, Спаси Господи, многолѣтіе, литургія. Г. г—ръ и нѣкоторые другіе остались. Вчера владыка сказалъ г. г—ру: «литургія важнѣе панихиды. Если отслушавъ панихиду, вы остались на литургію, то всё слышали и манифестъ». Александръ Антоновичъ (протоіаковъ) слабыми ногами задѣлъ за коверъ и упалъ во весь ростъ. Камергеры его подняли и онъ дослужилъ литургію.

23. Бесѣдовалъ съ о. арх. Θεодосіемъ о Соловкахъ. Устройство и направленіе св. Филиппомъ данное хозяйству монастыря несокруσιμο. Благоговѣніе и любовь къ чудотворцамъ во всемъ краѣ такова, что каждый хочетъ послужить чудотворцамъ самъ или въ лицѣ своихъ сыновей. Такихъ трудолюбцевъ мальчиковъ до 150: лѣтомъ работаютъ, зимой учатся: но старцы на это смотрять не очень привѣтно. Характеръ ихъ строгій. Былъ подвижникъ, носившій желѣзную скуфью въ 30 ф.—Молодые соревнуютъ старцамъ. Все несоловецкое называется «міромъ»: этотъ монахъ пришелъ изъ міру, т.-е. изъ монастыря, съ твердой земли.

24. Мой сосѣдъ, Пятницкой въ Охотномъ рядѣ іерей о. Іоаннъ Виноградовъ, подвизающійся противъ раскола, говоритъ, согласно со мною, что расколъ держится болѣе на гражданской, нежели на религіозной почвѣ; надобно обличать его открыто и книги, содержащія расколуčenje, издавать непременно съ примѣчаніями, хотя краткими, но сильными.

Владыка изволилъ присылать о. эконома узнать о моемъ здоровьѣ. В. И. сказалъ ему при мнѣ, что хотя дозволенъ состояніемъ моего здоровья, но не выпускаетъ изъ келліи по сырости погоды.

26. Сподобилъ Господь вступить нынѣ въ седьмое лѣто епископствованія. Я служилъ, употребивъ все, что было на мнѣ при самомъ посвященіи: омофоръ, который въ 1817 году возложенъ былъ на владыку при его хиротоніи, а въ 1859 году на мое недостойнство, поручи и сулокъ, владыкою данные, золотое облаченіе, во дню хиротоніи приготовленное княземъ В. Мих. Голицынымъ, паннагію, крестъ, митру, мантію, даже кафтанъ изъ матеріи, подаренной владыкою въ 1848 году, поясъ, полученный изъ рукъ матушки, и четки въ 1845 году по постриженіи

меня врученныя владыкою. Я думалъ, что церковь будетъ пуста; однако ошибся: собралось не мало любящихъ меня, и послѣ службы (лит. и молебна) комнаты мои наполнились поздравителями. Спаси ихъ, Господи. Я ѣздилъ съ просфорою ко владыкѣ. Онъ сказалъ, — улыбаясь: «неужели уже 6 лѣтъ?» — Послѣ нѣсколькихъ словъ, пожелалъ мнѣ много лѣтъ священствовать и сказавъ: «а я вамъ благодаренъ», ушелъ. — Я ѣздилъ четверней въ шорахъ и не въ траурѣ, а въ шоколаднаго цвѣтѣ рясѣ и въ его коричневомъ кафтанѣ, имѣя только звѣзду и владимірскій крестъ. Обѣдали у меня сестра Т. В. и Д. А. Шеръ. Послѣ вечерни я получилъ телеграмму отъ оберъ-прокурора, новый знакъ сыновней преданности его ко владыкѣ.

У владыки засталъ я пр. Можайскаго, который читалъ ему свой отчетъ по обозрѣнію епархіи. При насъ посѣтилъ владыку министръ народнаго просвѣщенія. Говорилъ: былъ на богословскомъ экзаменѣ въ университетъ. На лекціяхъ у Сергіевскаго бываетъ болѣе 400 слушателей; знаютъ удовлетворительно, но гимназія не приготовила ихъ къ свободному изложенію мыслей; университетъ, не извѣстно почему, ограничилъ преподаваніе закона Божія только 1 курс., между тѣмъ какъ въ наше время должно все усиліе употребить, чтобы молодому поколѣнію дать оружіе противъ повсюду распространяющагося невѣрія. Цензурою нельзя оградить отъ новыхъ вредныхъ идей, когда 200 т. русскихъ живетъ за границей, и когда сношенія стали такъ быстры и свободны. Законоучителямъ въ гимназіяхъ по новому положенію усвоено большое значеніе: онъ первый членъ въ Совѣтѣ и получаетъ до 1000 руб. содержанія. Въ Остзейскихъ губерніяхъ много грустныхъ явленій отъ полумѣр. Онъ видѣлъ походную церковь, которая двигалась (въ 1845 г.) и собирала около себя тысячи искавшихъ крещенія. Двѣ—три недѣли еще, и все народонаселеніе обратилось бы въ православіе; но внезапно дѣятельность прекращена; церковей новообращеннымъ не дано, и они теперь дичають, какъ бы ни къ ка-

кой церкви не принадлежа, и составляютъ новый какой-то расколъ. Нѣмцы не принимаютъ ихъ ни въ работники, ни въ услуженіе.—«Печально, замѣтилъ владыка, что въ русскомъ царствѣ открылось гоненіе на православіе и успѣваетъ». — Головкинъ говорилъ еще, что наша пуб. бібліотека 3-я въ Европѣ, что до 200 человекъ ежедневно въ ней занимаются, и что она теперь вся изъ камня и желѣза; что гр. Н. П. Румянцевъ завѣщаль бібліотеку и далъ на благое просвѣщеніе, но не письменно, а словесно брату Алексѣю П—чу, и потому не было причины сомнѣваться, можно ли перенести бібліотеку его въ Москву. По уходѣ его владыка сказалъ: «знаетъ свою область!» Еще: «онъ говоритъ, какъ заученное, а не искренно».

27. Ѳзидилъ съ докладомъ. Владыка думаетъ, что если станутъ требовать присяги цесаревичу, то выйдутъ не-пріятности. Злонамѣренные въ захоlustыяхъ скажутъ народу, что Государь отказался отъ престола. Осуждаетъ В., что изъ Петербурга посланъ Іерусалимскому патріарху престолъ, чтобы поставить его въ церкви нашего подворья въ Іерусалимѣ. В. въ запискѣ замѣчаетъ Синоду, что это приведетъ къ неудовольствіямъ, которыя уже и начались по поводу ссоры архим. Леонида съ братією, и что если нуженъ тамъ былъ престолъ, то престолъ Св. Синода. Я замѣтилъ: престолъ слишкомъ широкъ: вѣдуть и протоіереевъ нужно посадить, какъ равноправныхъ съ архіереями.—«Какъ вы все на одно и тоже нападаете». — Владыка дозволилъ мнѣ построить купальню на Москвѣ рѣкѣ и Ѳзидить на Угрѣшу, когда свободно. Пр. Можайскому далъ 5000 для устроенія церкви при келліяхъ и сдѣлалъ исправленія въ расположеніи частей. Я чувствовалъ себя худо, ложась спать, но вспомнилъ сестру Ол. Вас. страдалицу и мнѣ стало стыдно за себя. Когда какое тѣлесное или душевное, тягостное, болѣзное состояніе ощущается нами; то не худо думать: инымъ

еще тягостнѣе; эта тягота не вѣчная, и что эти мученія земныя въ сравненіи съ адскими вѣчными! Память смерти и воздаянія вѣчнаго—отличный кормчій въ нашемъ плаваніи. — Въ нынѣшнемъ № *Моск. Вѣд.* рескриптъ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву. На его мѣсто Кауфманъ, истый русакъ и твердый характеръ. Безакъ совѣтывался съ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ и желаетъ въ его духѣ дѣйствовать. Будто бы М. Н. говорить, что безопаснѣе въ В., нежели въ Петербургѣ. Избави, Боже!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очеркъ нравственнаго возрожденія челоуѣка во Христѣ¹⁾.

Духовное преступленіе.

Послѣ того, какъ челоуѣкъ рѣшилъ навсегда оставить грѣхъ и всего себя посвятить на служеніе Богу и послѣ того, какъ въ св. таинствѣ крещенія или въ таинствѣ покаянія удостоился получить для новой жизни благодатную силу свыше, онъ, очевидно, не достигъ еще своей цѣли, которая, говоря вообще, никогда и не можетъ быть вполне достигнута. Вполнѣ достигшимъ своей цѣли въ принятіи таинства крещенія (или покаянія) челоуѣкъ является лишь по представленію инославнаго еретическаго богословія, гдѣ сущность таинства полагается во внѣшнесудебномъ, происходящемъ въ Божественномъ сознаніи (*actus Dei immanens*) актѣ, которымъ челоуѣкъ освобождается отъ наказанія за грѣхи и формальнымъ образомъ усваиваетъ себѣ заслуги Испустителя. На самомъ же дѣлѣ челоуѣкъ въ таинствѣ получаетъ только сѣмя святой жизни, или, употребляя другое сравненіе, только вступаетъ на путь, ведущій къ Богу. Посему, число дней земной жизни, оставшееся челоуѣку по принятіи таинства крещенія или покаянія, является не безцѣльнымъ временемъ, для котораго трудно и придумать какой-либо разумный смыслъ и значеніе, но временемъ совершенно необходимымъ челоуѣку для возвращенія добраго сѣмени, всѣяннаго Божественною благодатію въ его душу, для

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Душепол. Читенія* 1907 г.

возможно-полнаго достиженія высшаго человѣческаго блага, заключающагося въ святости. У человѣка, оставившаго грѣхъ и твердо опредѣлившаго себя къ святой и богоугодной жизни, одна только сила свободного самоопредѣленія, или, говоря приспособительно къ психологическимъ представленіямъ древнихъ свв. аскетовъ, одинъ только духъ или умъ (*νοῦς*) на сторонѣ добра ¹⁾). Всѣ прочія силы и способности человѣка, душевныя и тѣлесныя, стремятся въ противоположную сторону, къ грѣху, съ которымъ онѣ объединились и свыклись: въ душѣ человѣка непрестанно возникаютъ грѣховныя желанія, онъ услаждается помыслами высокоумія и сласти, и не имѣетъ вкуса и интереса ни къ чему духовному; фантазія неудержимо стремится къ созданію образовъ и мечтательныхъ комбинацій, льстящихъ самолюбію; способность наблюденія, память, органы чувствъ и органы движеній— все приспособлено къ цѣлямъ эгоизма. Человѣкъ поистинѣ отъ ногъ до главы не имѣетъ цѣлости: онъ весь струпъ, весь язва (Иса. 1, 5. 6). «Ни одинъ членъ души и тѣла,— говоритъ пр. Макарій Егип.,— не свободенъ и не можетъ не страдать отъ живущаго въ насъ грѣха» ²⁾). Правда, силою свободного своего самоопредѣленія человѣкъ можетъ приводить свои силы, какъ душевныя такъ и тѣлесныя, на служеніе добродѣтели; но всякое доброе дѣло его, кромѣ того, что будетъ совершаться бездушно, безъ участія сердца или даже вопреки ему, будетъ притомъ

¹⁾ Въ своихъ антропологическихъ возрѣніяхъ древніе аскеты раздѣляли господствовавшее въ ихъ время Платон. ученіе о трехчастномъ составѣ человѣка, такъ что духъ человѣческой души представляли себѣ не какъ совокупность высшихъ силъ и способностей души, но какъ самостоятельную часть человѣка, какъ особую субстанцію. „Душа человѣка пребываетъ въ мірѣ, какъ рожденная, — говоритъ, напр. Автоній В.,— а умъ превъше міра, какъ нерожденный“.—74 стр. См. брошюру свящ. І. Якубовскаго: „О трехчастномъ составѣ человѣка по ученію Библии и свв. отцовъ“.

²⁾ Бес. 2, гл. 4.

«наполовину нечистымъ, такъ какъ всѣ органы дѣятельности такого человѣка еще растворены съ грѣхомъ какъ бы химически. «Молитва, постъ и милостыня (такого человѣка) — мерзость предъ Богомъ, потому что нечисто совершаются предъ Богомъ»¹⁾. Состояніе неутвердившагося еще въ добродѣтели человѣка такъ изображаетъ пр. Ефремъ: «Я, какъ рабъ грѣха, и *нехотя* дѣлаю злое... Отказываюсь отъ беззаконія, но нехотя покоряюсь удовольствію... Спѣшу измѣнить свое произволеніе, и предшествующее (грѣховное) состояніе противится мнѣ въ этомъ»²⁾... «Я ненавижу грѣхъ (въ духѣ своемъ) и отвращаюсь беззаконія, но пребываю въ страсти... *Противъ воли, по необходимости*, раболѣпствую природѣ, покоряюсь сластолюбію. Страсти кипятъ вопреки уму, соединилъ я ихъ съ плотію и не терпятъ разлученія»³⁾. Такимъ образомъ обратившійся отъ грѣха къ Богу человѣкъ еще только однимъ «произволеніемъ своимъ отдѣлился отъ врага»⁴⁾. Благодать Божія овладѣла только пажитями его духа, всѣ же члены души и тѣла его находятся во власти тьмы⁵⁾. Онъ—рабъ Господа только по произволенію и совѣсти⁶⁾ своей. Чтобы быть святымъ и совершеннымъ во Христѣ, такому человѣку необходимо, съ одной стороны, истребить грѣхъ, живущій въ немъ вопреки его волѣ, съ другой стороны стараться, чтобы закваска добра проникла во всѣ силы его души и тѣла. Отсюда свв. подвижники опредѣляютъ жизнедѣятельность человѣка, вступившаго на путь духовной жизни, двумя началами: *самопротивленія* и *самопринужденія*. Человѣкъ долженъ подавлять въ себѣ себялюбіе и утверждаться въ

1) Ефр. Сир. 3 т., 644 стр.

2) 1 т., 270 стр.

3) 4 т., 45 стр.

4) 1 т., 406 стр.

5) См. Мак. Егип., Бес. 41, гл. 2 и др.

6) 4-ая молитва на совѣ грядущимъ, Макарія Егип.

добродѣтели: въ этомъ и состоитъ путь къ христіанскому совершенству. Что говоритъ пр. Ефремъ о монахахъ, то обязательно и для всѣхъ подвижниковъ благочестія. Они «должны быть и земледѣлателями и воинами. Таковы были при Эздрѣ: созидали они храмъ и десницы свои уготовляли на враговъ»¹⁾).

Самопротивленіе и самопринужденіе не есть совершенно обособленные виды подвижнической дѣятельности чловѣка; не только въ жизни, но даже въ теоріи ихъ часто трудно бываетъ раздѣлить одинъ отъ другого. Неразрывная связь этихъ двухъ родовъ аскетической дѣятельности обусловливается той существенной, психологической связью, какая существуетъ между преспѣваніемъ чловѣка въ добродѣтели и очищеніемъ отъ грѣховныхъ страстей, между любовію къ Богу и безстрастіемъ. По ученію свв. отцовъ, насколько душа очищается отъ грѣховныхъ страстей, настолько же преуспѣваетъ въ добродѣтели, въ любви къ добру и Богу. «Вещество (наполняющее душу грѣшника),— пишетъ пр. Маркъ,— есть тщеславіе и сласть. Насколько освободитъ душу отъ вещества, настолько привидеть благодать (слѣдовательно, настолько же преуспѣешь въ добродѣтели); и сколько внесешь въ душу вещества, столько удалится»²⁾. «Удалившись отъ худого,— говоритъ онъ въ другомъ словѣ,— умъ чловѣка естественно привлекается къ доброму»³⁾. «Обрѣжь пальму, — пишетъ также пр. Ефремъ,— и дасть побѣги вверхъ: очисти душу отъ житейскихъ попеченій, и возрастетъ въ добродѣтели»⁴⁾. Какъ освобожденіе отъ гнета страстей влечетъ за собою преспѣваніе въ добродѣтели, такъ и это послѣднее условливаетъ собою погашеніе страстей. «Все лукавое, по словамъ пр. Ефрема, приводится въ бездѣйствіе пріобрѣ-

¹⁾ 2 т., 625 стр.

²⁾ Сл. 2, гл. 112, 113.

³⁾ Ibid., стр. 113.

⁴⁾ 1 т., 139 стр.

тениемъ совершенной любви къ Богу»¹⁾. «Коснувшійся вѣдѣнія, — говоритъ пр. Евагрій Монахъ, — и вкусившій сладости отъ него не довѣрится болѣе демону. Ибо что онъ могъ бы обѣщать больше духовнаго созерцанія?»²⁾. Свобода отъ страстей и любовь къ Богу были въ сознаниіи свв. аскетовъ явленіями столь тѣсно связанными, что они опредѣляли состояніе нравственнаго совершенства безразлично то какъ безстрастіе, то какъ любовь къ Богу, а иногда и прямо отождествляли эти два понятія. Такъ, пр. Маркъ, неоднократно повторяющій вмѣстѣ съ ап. Павломъ, что союзъ совершенства заключается въ любви, въ то же время говоритъ: «Хотящіе достигнуть совершенства должны исполнить всѣ заповѣди вообще: общая же совокупность ихъ есть отреченіе отъ своей души, т. е. смерть»³⁾ (разумѣется смерть себялюбія). Авва Исаія еще рѣзкѣе выражаетъ мысль о неразрывной связи между безстрастіемъ и любовью къ Богу, когда говоритъ: «*Безстрастіе есть та любовь, которую Господь Иисусъ училъ всѣхъ имѣть*»⁴⁾.—Въ виду неразрывной психологической связи, существующей между освобожденіемъ отъ страстей и преспѣваніемъ въ добродѣтели, становится понятнымъ, что рѣзко обособлять дѣятельность самопротівленія отъ самопринужденія нельзя. Подвиги самопротівленія, подавляя грѣховныя страсти, въ то же время укрѣпляютъ душу въ добродѣтели; какъ, равнымъ образомъ, и труды самопринужденія, прививая къ душѣ человѣка добрыя навыки, въ то же время содѣйствуютъ ему и въ достиженіи безстрастія. Тѣмъ не менѣе различать между самопротівленіемъ и самопринужденіемъ можно,—именно по той ближайшей цѣли, какую подвижникъ въ каждомъ случаѣ имѣетъ въ виду, не говоря уже о методологическомъ удобствѣ такого различенія.

¹⁾ 2 т., 176 стр.

²⁾ Добротолубіе (въ русск. пер.), т. 1, стр. 600, гл. 21.

³⁾ Сл. 4, стр. 150.

⁴⁾ Сл. 25, стр. 233.

Самопротивленіе.

У подвижника, вступившаго на путь благочестія, на первых порахъ все вниманіе и силы уходятъ, обычно, не на то собственно, чтобы совершенствоваться въ добродѣтели, но чтобы удержаться отъ возвращенія къ привычному грѣховному образу жизни. Стремленіе къ добродѣтели и къ Богу опредѣленно выступаетъ въ его сознаніи и дѣлается господствующимъ началомъ его подвиговъ только позднѣе, мало-по-малу, послѣ того какъ нѣсколько улягутся и утихнутъ волненія страстей. «Усиліе духа надъ плотію,—пишетъ пр. Ефремъ Сиринъ,—или, что то же, духовная брань производится двоякимъ образомъ: въ новоначальныхъ, чтобы не войти имъ въ единеніе съ плотію, а въ совершенныхъ, чтобы и самое тѣло сдѣлать духовнымъ»¹⁾. Такимъ образомъ, преобладающимъ видомъ подвиговъ у новоначальнаго подвижника является на первыхъ порахъ самопротивленіе, совлеченіе ветхаго человѣка, или борьба со страстями и похотями. Сгруппируемъ въ сжатомъ очеркѣ совѣты свв. аскетовъ новоначальному подвижнику, опредѣляющіе средство и порядокъ этой духовной, невидимой брани. Какъ мы видѣли уже, человѣкъ, обратившійся отъ грѣха ко Господу, только сознаниемъ и произволеніемъ своимъ отдѣлился отъ грѣха, въ безсознательныхъ же глубинахъ его существа, въ его волю, или, упогребляя выраженіе Библии и свв. отцовъ, въ самомъ «сердцѣ» новоначальнаго подвижника еще живетъ грѣхъ и отсюда естественно проникаетъ во всѣ силы его, во всѣ члены души и тѣла. «Сердце владычественно и царственно въ цѣломъ тѣлесномъ сочлененіи,—говоритъ пр. Макарій Егип.,—посему, когда грѣхъ царствуетъ надъ сердцемъ, онъ проникаетъ во всѣ части его: отъ сердца бо исходятъ помышленія

¹⁾ 3 т., 409 стр.

злая (Мѣ. 15, 19). И такимъ образомъ грѣхъ, разливаясь, омрачаетъ (всего) человѣка ¹⁾). Слѣдовательно, чтобы истребить въ себѣ грѣхъ, человѣку нужно очистить глубочайшія основы своей жизни, нужно перевоспитать свое сердце и волю; тогда и всѣ прочіе силы и члены человѣка сами собою очистятся, перестанутъ работать, въ качествѣ служебныхъ органовъ, грѣху и діаволу. «Напряги, человѣкъ, помыслы твои,—пишетъ св. Макарій Егип.,—и разсмотри этого на самомъ днѣ твоего ума, во глубинѣ помысловъ, въ такъ называемыхъ тайникахъ души твоей пресмыкающагося и гнѣздящагося змія, который убилъ тебя, поразивъ главнѣйшіе члены души твоей. И если убьешь сего змія, тогда хвались чистотою предъ Богомъ» ²⁾). Но насколько важно для христіанина очистить сердце свое, исцѣлить, такъ сказать, самый корень своего существа, настолько же это и трудно, а сдѣлать это сразу, непосредственно, разумѣется и совсѣмъ невозможно. Инстинктивныя стремленія человѣка, развращенныя грѣхомъ, тайники воли и сердца его лежатъ внѣ области сознанія и свободы, такъ что непосредственно вліять на нихъ по своему желанію человѣкъ не можетъ. Но для человѣка открытъ другой путь къ очищенію своего сердца, правда, долгій и утомительный, зато надежный и многополезный въ смыслѣ духовнаго развитія человѣка. Именно, человѣкъ можетъ пресѣкать частыя проявленія грѣха, живущаго въ немъ, можетъ не давать ему пищи, которая заимствуется совнѣ, отъ міра, такъ какъ это находится въ полной власти сознанія и свободы человѣка, и такимъ путемъ человѣку возможно заморить въ себѣ грѣховныя страсти и, можетъ быть, даже совсѣмъ освободиться отъ нихъ. Грѣховныя страсти, какъ всякая привычка и какъ всякая склонность вообще, укореняются въ человѣкѣ посредствомъ частаго удовле-

¹⁾ Бес. 15, гл. 18. 19.

²⁾ Слово. 1, гл. 1.

творенія, или посредствомъ проявленія вовнѣ. Стоить чловѣку не слѣдовать въ жизни образовавшимся у него привычкамъ, не удовлетворять своимъ страстямъ, и привычки его мало-по-малу исчезнуть, развращенныя страсти мало-по-малу утихнутъ. «Какимъ образомъ чловѣкъ очищается?»—спрашиваетъ пр. Исаія и отвѣчаетъ на это такъ: «если онъ не дѣлаетъ болѣе тѣхъ поступковъ, въ какіе впадалъ прежде» ¹⁾. «Отъ удовлетвореній страстей,—пишетъ также пр. Маркъ,—уменьшаются желательныя помыслы» и, напротивъ, «если мы болѣе уже не творимъ похотей плоти, по словамъ Писанія; то легко при помощи Господа, перестанетъ беспокоить насъ внутри лежащее» ²⁾. Такимъ образомъ, выражаясь образно, чловѣкъ дѣло освобожденія отъ грѣха долженъ начинать съ периферій своего существа съ тѣмъ, чтобы постепенно засушить и самый источникъ грѣховной нечистоты, который струится въ его сердца. Вотъ почему мы видимъ, что всѣ свв. аскеты въ своихъ «уставахъ» и «правилахъ» обязываютъ новоначальныхъ подвижниковъ преимущественно къ подвигамъ *внѣшнимъ*. «Будь во всемъ смиренъ: въ осанкѣ, въ одеждѣ, въ сидѣніи, въ стояніи, въ походкѣ, въ постели, въ келии и во всѣхъ принадлежностяхъ ея... Приучи языкъ говорить: прости мнѣ, и придетъ къ тебѣ смиреніе... Люби труды, всѣмъ себя подчиняй, и придетъ къ тебѣ смиреніе» ³⁾ (которое, по существу своему, есть отрицаніе грѣховнаго самолюбія) и т. п. Эти правила, заимствованныя нами изъ «Устава» Антонія В., могутъ считаться образцомъ всѣхъ аскетическихъ совѣтовъ, какіе давались свв. отцами новоначальнымъ подвижникамъ. Общая мысль, проникающая всѣ наставленія этого рода, можетъ быть выражена такимъ образомъ: подавляй въ себѣ всѣ *проявленія* себлюбія, и ты очистишься отъ него.

¹⁾ Слово 22, гл. 8.

²⁾ Слово 1, гл. 181.

³⁾ Ант. Вел., стр. 95.

Изъ наставленій свв. аскетовъ касательно брани съ грѣховнымъ себялюбіемъ во всѣхъ его видахъ одни направляютъ къ предупрежденію нападеній, а другія къ легчайшему и успѣшнѣйшему окончанію брани. Прежде брани воинъ Христовъ долженъ дѣйствовать такъ, чтобы или предупредить нападенія, или имѣть возможность замѣчать ихъ въ самомъ началѣ. Съ этою цѣлью онъ долженъ опредѣлить себѣ такой строй или порядокъ жизни, чтобы не оставалось ни одного часа безъ должнаго занятія. Этотъ совѣтъ повторяютъ всѣ свв. отцы. «На каждое дѣло положи опредѣленное время,—говоритъ напри- мѣръ, пр. Ефремъ,—чтобы во всемъ соблюдался у тебя порядокъ, когда ѣшь и пьешь, и говоришь, и молишься и читаешь» ¹⁾. Промежутки времени, свободные отъ необходимыхъ занятій, должны быть наполняемы не чѣмъ придется, но занятіями, соответствующими духу новой жизни о Христвѣ. Устанавливая внѣшній строй своей жизни, подвижникъ долженъ главнымъ образомъ преслѣдовать ту цѣль, чтобы господствующая въ немъ грѣховная наклонность самымъ внѣшнимъ порядкомъ жизни подавлялась, лишалась, такъ сказать, сродной себѣ пищи. «Грѣхъ есть горящій огонь,—пишетъ пр. Маркъ Подв.,—по мѣрѣ уменьшенія вещества онъ угасаетъ, и по мѣрѣ прибавленія разгорается» ²⁾. Такъ самый образъ жизни долженъ удалить человѣка отъ вещества, питающаго пламень его страстей. Грѣхъ, живущій въ человѣкѣ, питается совнѣ славою, богатствомъ и наслажденіями, или, другими словами, проявляется вовнѣ, какъ тщеславіе, любостяженіе и плотоугодіе. Противъ этихъ «трехъ пиявицъ» и совѣтуетъ прежде всего вооружиться пр. Маркъ, такъ какъ «не возненавидѣвшій ихъ не истребитъ страстей» ³⁾. «Изъ бѣсовъ, противящихся дѣятельной жизни,—читаемъ

¹⁾ 4 т., 452 стр.

²⁾ Слово 1, гл. 136.

³⁾ Ibid., гл. 99—107.

также у пр. Евагрія,—первыми на брани стоятъ похоть, сребролюбіе и тщеславіе¹⁾. Сами свв. аскеты, выступая на брань со страстями, всё открывали ея тѣмъ, что оставляли міръ и яже въ мірѣ съ тѣмъ именно, чтобы, по объясненію пр. Марка, «отсѣчь причины сихъ трехъ страстей»²⁾. Противъ этихъ страстей должно прежде всего вооружиться и всякому подвижнику добродѣтели.

Частіе: образъ жизни христіанина долженъ быть расчитанъ такъ, чтобы воспитывать смиреніе и не давать поводовъ къ гордости и тщеславію. Извѣстно, какъ свв. подвижники ревновали о смиреніи: чтобы воспитать его, они и вдали отъ мірской жизни избѣгали начальства вадъ другими, отказывались отъ священнаго сана, убѣгали отъ славы человѣческой и поистинѣ любили поклоненіе паче почета³⁾. Они запрещали носить красивую одежду и даже (*mirabile dictu*) умывать лицо свое водою⁴⁾. Но само собою ясно, что какъ строгое отшельничество съ его священнымъ суровымъ бытомъ, такъ, равнымъ образомъ, и всякій другой виѣшній родъ жизни не имѣетъ общеобязательнаго характера для христіанина. Все виѣшнее является только средствомъ для внутренняго, почему изъ виѣшняго обязательно подвижнику только то, что необходимо или по крайней мѣрѣ полезно ему въ дѣлѣ духовнаго преспѣванія и очищенія отъ грѣха. Общеобязательной мѣрой для искорененія высокоумія свв. аскеты считаютъ святое послушаніе. Никто не долженъ уклоняться отъ него тѣмъ болѣе, что оно примѣнимо ко всякому общественному положенію и ко всякому роду жизни. Всякій подвижникъ, кто бы онъ ни былъ, легко можетъ найти себѣ руководителя въ духовной жизни, ближе всего, конечно, въ лицѣ своего духовнаго отца, или въ лицѣ

¹⁾ Добротолюб. (въ русск. перев.) 1 т., 645 стр.

²⁾ Сл. 1, гл. 106.

³⁾ Автовій Вел., 84 стр.

⁴⁾ Ефр. С. 1 т., 113 стр., 160 стр. и др.

опытнаго въ духовной жизни старца, ввѣряться его руководству, во всѣхъ его совѣтахъ и наставленіяхъ видѣть волю самого Господа, и всякому своему дѣлу сообщать характеръ послушанія. Это подчиненіе руководителю кромѣ того, что предупреждаетъ много всякаго рода паденій и заблужденій, неизбѣжныхъ въ жизни, служитъ въ то же время рѣшительнѣйшимъ средствомъ къ подавленію самовозвышенія во всѣхъ его видахъ. Послушавіемъ подсыкается, такъ сказать, самый корень страстей. Ведущій духовную брань безъ руководителя все же ведетъ ее самъ, и такимъ образомъ въ то время, какъ дѣйствуетъ противъ «самости», нѣкоторымъ образомъ питаетъ ее. При руководителѣ же наше «я» рѣшительно исчезаетъ въ волѣ его съ перваго раза, а съ тѣмъ вмѣстѣ теряютъ опору и всѣ страсти и послѣ нападаютъ и дѣйствуютъ уже безъ порядка, въ смятеніи; но и тутъ все ихъ коварство перехитряется и дѣлается безуспѣшнымъ средствомъ открыванія помысловъ и повинновенія подвижника своему духовному отцу. Вообще, это могущественный способъ убивать страсть къ самовозвышенію и скоро востекать къ правдѣ смиренія. Вотъ почему всѣ св. отцы такъ превозносятъ послушаніе. «Пользу послушанія,—пишетъ пр. Іоаннъ Лѣсгв.,—возвѣстать тебѣ тѣ, которые отпали отъ него; ибо они тогда только узнали, на какомъ стояли небѣ». «О, вы, которые рѣшились вступить на поприще сего мысленнаго исповѣдничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отселѣ желаете сложить бремя свое на выю другого; которые стремитесь добровольно продать себя въ рабство, чтобы въ замѣну одного получить истинную свободу; вы, которые переплываете великую сію пучину, будучи поддерживаемы руками другихъ; знайте, что вы покусились итти путемъ краткимъ, хотя и жесткимъ, на которомъ одна только есть стезя, вводящая въ заблужденіе: она называется самочлиемъ. Кто совершенно отвергая самочлиіе и въ томъ, что онъ почитаетъ добрымъ,

духовнымъ и богоугоднымъ, тотъ уже достигъ цѣли, прежде чѣмъ вступилъ въ подвигъ, тотому что послушаніе есть невѣрованіе себѣ самому во всемъ добромъ, даже до конца жизни своей» ¹⁾. «Нѣкто изъ отцовъ сказалъ,—пишетъ пр. Ефремъ Сир.,—если видишь, что юноша по своей волѣ восходитъ на небо, то удержи его, потому что этимъ принесешь ему пользу» ²⁾. Увѣряю васъ,—читаемъ у пр. Антонія Вел.,—что, если не оставитъ человѣкъ всей воли сердца своего и не покорится Господу чрезъ повиновеніе отцамъ своимъ духовнымъ, то ни познать не возможетъ воли Божіей, ни исполнить ее» ³⁾. «Кто повинуется отцамъ своимъ, тотъ Господу повинуется; и кто Господу повинуется, тотъ и отцамъ своимъ повинуется» ⁴⁾. Указывая на преподобнаго ученика своего, Павла Препростого, безропотнымъ послушаніемъ въ короткое время достигшаго высокаго совершенства, пр. Антоній говоритъ: «Если кто хочетъ скоро достигнуть совершенства, не долженъ быть самъ себѣ учителемъ, ни повиноваться своей волѣ, хотя бы правымъ казалось свое желаніе, но, по заповѣди Спасителя, каждый прежде всего долженъ отречься себя самого, отказаться отъ своей воли. Самъ Спаситель говорить о Себѣ: не придохъ творити волю Мою, но волю Пославшаго Мя (Іо. 6, 38). Какъ же мы избѣжимъ суда, если будемъ исполнять свою волю?» ⁵⁾.

Вышеприведенныя наставленія свв. аскетовъ имѣютъ въ виду подавить грѣховное высокомѣріе человѣка чрезъ устраненіе изъ жизни его поводовъ къ самоволію, самоувѣнью, гордости, тщеславію, хвастовству, вообще къ проявленіямъ грѣховнаго *самовозвышенія*. Теперь укажемъ

¹⁾ Лѣствица, Серг. Посадъ, 1901 г. Слово 4, гл. 123 и 5.

²⁾ 2 т., 219 стр.

³⁾ 48 стр.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Изъ „Достоинствъ. Сказ.“.

руководящія начала для устроенія образа жизни, которыя имѣють цѣлью устранить изъ жизни христіанина всё поводы къ *плотоугодію*. Плотскія страсти легче всѣхъ другихъ подавляются правильнымъ, строго опредѣленнымъ образомъ жизни. Нужно опредѣлить время вкушенія пищи, мѣру и вѣсъ ея, опредѣлить время сна и бодрствованія, время тѣлеснаго труда и послѣ этого строго слѣдовать разъ принятому порядку жизни. Тѣлесныя страсти при строгомъ, правильномъ образѣ жизни обыкновенно стихаютъ, и ревнитель чистоты скоро почувствуетъ облегченіе въ борьбѣ съ плотію. Какъ въ пицѣ и питіи, такъ въ снѣ и тѣлесномъ трудѣ свв. отцы совѣтуютъ «держаться прекрасной мѣры»¹⁾; при этомъ они даютъ руководящія начала, сообразно съ которыми каждый можетъ опредѣлить свойственную ему надлежащую мѣру во всѣхъ тѣлесныхъ отправленияхъ, и которыя необходимо наблюдать каждому, кто скорымъ и надежнымъ путемъ хочетъ достигнуть свободы отъ плотскихъ страстей. Грѣховному человѣку нельзя правильно опредѣлить мѣру пищи, питія, сна и тѣлеснаго отдыха присущими ему непосредственными влеченіями, или инстинктами. Инстинкты человѣка развращены грѣхомъ, противоестественно усилены, изъ простыхъ влеченій стали страстями, почему требованія ихъ непомерно велики. По представленію пр. Ефрема, грѣховныя страсти какъ бы срослись съ естественными влеченіями и «не терпятъ разлученія»²⁾. Поэтому, имѣя въ виду удовлетворять естественнымъ потребностямъ своего тѣла, человѣкъ, самъ того не замѣчая и не желая, питаетъ и грѣховныя страсти, живущія въ немъ. «Какъ болѣзнь измѣняетъ тѣло,—говоритъ пр. Ефремъ,—такъ и роскошь (то есть развратъ тѣлесныхъ стремленій) не позволяетъ человѣку замѣчать, когда нарушены имъ уставы природы»³⁾. Отсюда вытекаетъ «не-

¹⁾ Ефр. Сир. 1 т., 110 стр.

²⁾ 4 т., 46 стр.

³⁾ 3 т., 414 стр.

обходимость дѣлать принужденіе плоти, чтобы подъ управленіемъ не могла она высказываться болѣе надлежащаго¹⁾, другими словами вытекаетъ необходимость поста, бдѣнія, усиленнаго тѣлеснаго труда, однимъ словомъ, необходимость воздержанія. «Намъ надобно,—учить Антоній Вел.,—увядшимъ сдѣлать тѣло свое, чтобы умертвить и погасить похоть; ибо (только) увяденіе плоти даетъ намъ возможность дойти до совершенства въ чистотѣ²⁾ (то есть въ сообразности съ чистой, нормальной природой). «Утончимъ тѣла свои, чтобы имѣть силу держать себя въ порядкѣ». «Тѣло свое такъ изможди, чтобы оно было похоже на тѣло, лежащее на одрѣ болѣзни³⁾. Чтобы избѣжать случаевъ питать плотскія страсти, даже и нехотя, угодники Божіи питали и упокоевали свое тѣло ровно настолько, сколько это необходимо для поддержанія жизни, и избѣгали всякаго плотскаго наслажденія. «Отстрани все, что доставляетъ услажденіе плоти нашей⁴⁾—вотъ что было общимъ правиломъ у нихъ. Этимъ отчасти руководились подвижники, когда уклонялись отъ брачной жизни. Они знали, что падшій человекъ во всякомъ брачномъ союзѣ по необходимости преступаетъ развратно границы естества и нравственной невинности, унижается грѣхомъ и въ томъ, что естественно⁵⁾. Чтобы освободиться отъ грѣховныхъ страстей, они предпочитали ограничить свою естественную жизнь, «искажить себя», по выраженію пр. Ефрема⁶⁾, чѣмъ, имѣя всѣ члены, лишиться царствія (Мѡ. 18,8). Однако, изнуряя плоть свою постомъ, трудомъ и другими подвигами воздержанія, подвижникъ долженъ избѣгать крайностей, которыя всегда, во всякомъ дѣлѣ,

¹⁾ Ibid, 411 стр.

²⁾ 36 стр.

³⁾ 98 стр.

⁴⁾ Ант. Вел., стр. 93.

⁵⁾ Ефр. 3 т., 411 стр.

⁶⁾ 2 т., 271 стр.; 3 т., 412 стр.

бываютъ вредны. Онъ не долженъ забывать, что воздержаніе не составляетъ цѣли само по себѣ, «тѣло умерщвляется» для того только, чтобы, по словамъ пр. Антонія, «просвѣтилась душа»¹⁾; этой цѣлью и должна опредѣляться мѣра воздержанія. «До крайности простертый постъ и пресыщеніе пищею (одинаково) предосудительны,—пишетъ пр. Ефремъ,—потому что и далеко простертое воздержаніе и наполненіе себя пищею одинаково худы. Одно дѣлаетъ подвижника безсильнымъ и совершенно неспособнымъ къ дѣятельности; а другое чрезъ мѣру возбуждаетъ плотскія страсти и воздвигаетъ сильную брань на душу»²⁾. «Если сверхъ мѣры будешь утруждать тѣло, то въ этомъ случаѣ обращается оно въ тягость душѣ, которою овладѣваетъ робость и уныніе, и дѣлается она раздражительною и лѣнвою къ пѣснословію, и къ молитвѣ, и къ благому послушанію»³⁾. Кромѣ ослабленія тѣлесныхъ силъ и душевной бодрости, непомѣрное воздержаніе можетъ иногда вызвать неукротимыя воспаленія плотскихъ страстей; это послѣднее наблюденіе пр. Ефремъ позаимствовалъ, какъ самъ онъ говоритъ, «отъ искуснѣйшихъ испытателей естества»⁴⁾. Поэтому отцы, побуждая подвижника къ подвигамъ воздержанія, въ то же время внушаютъ мысль объ умѣренности въ воздержаніи. «Управляй собою, держась прекрасной мѣры и вѣса»⁵⁾—говоритъ пр. Ефремъ. «Тѣ, кои проводятъ жизнь въ малыхъ и невысокихъ подвигахъ,—говоритъ также Антоній Великій,—и опасностей избегаютъ и не имѣютъ нужды въ особенныхъ предосторожностяхъ. Побѣждая же во всемъ пожеланія, они удобно обрѣтаютъ путь, къ Богу ведущій»⁶⁾. Вообще, все, что долженъ сдѣ-

¹⁾ 36 стр.

²⁾ 3 т., 653 стр.

³⁾ Ефр. Сир. 1 т., 110 стр.

⁴⁾ 3 т., 652 стр.

⁵⁾ 1 т., 110 стр.

⁶⁾ 57 стр. 23 гл.

латъ относительно своего тѣла подвижникъ, устрояющій себя по духу новой жизни, состоитъ въ томъ, чтобы разумно опредѣлить мѣру пищи и питанія, труда и отдыха, сна и бодрствованія и потомъ безъ особой нужды не отступать отъ разъ принятаго строя жизни. Тѣлесная жизнь вообще не должна много занимать вниманіе подвижника; сообщивъ ей надлежащее направленіе, онъ долженъ предоставить ее, такъ сказать, себѣ самой и все вниманіе свое обратить внутрь себя, на развитіе истинно-христіанскаго настроенія, на воспитаніе преданности Богу и велицемѣрной любви къ людямъ.

Архим. Кириллъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. *)

(Изъ дневника инока).

Сколько мы до Бога, столько Богъ до насъ! Если мы мало думаемъ о Немъ, мало преданы Ему, мало призываемъ Его въ своихъ нуждахъ и испытаніяхъ, то и Онъ отдаляетъ отъ насъ Свою заботливость и милосердіе и предоставляетъ жизнь нашу рискованному теченію посреди всѣхъ опасностей, на какія мы сами же наталкиваемъ себя своими ошибками, неразуміемъ и самоугодливимъ своеволіемъ.

* * *

Мы поступаемъ въ отношеніи къ Господу, какъ къ ненавидимому самарянину. А Онъ въ отношеніи къ намъ, какъ милосердый самарянинъ, благодѣтельствующій намъ и всегда идущій на помощь нашу предупредительнѣе и сострадательнѣе нашихъ друзей и мнимыхъ доброжелателей.

* * *

Помогшій владшему въ разбойники, — повидимому, Іудею—былъ самарянинъ, человѣкъ, ненавидимый іудеями и самъ непріязненно смотрѣвшій на іудея. Тѣмъ болѣе іудей, да еще левитъ и еще болѣе священникъ—долженъ бы былъ помочь іудею. Такъ и ты. Если ты считаешь

*) Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Душепол.* Чт. 1907 г.

себя вѣрнымъ ученикомъ своего Учителя, долженъ проявлять въ своей жизни самую широкую любовь даже ко врагамъ въ ихъ нуждахъ и бѣдствіяхъ.

* * *

Крестъ внутренней борьбы такъ тяжелъ, что—можетъ быть—это еще наше счастье, что онъ разбавляется, такъ сказать, крестомъ *нижней пробы* — въ житейскихъ скорбяхъ, страданіяхъ и попеченіяхъ. Если бы эти меньшія скорби и страданія и неизбѣжныя житейскія попеченія не отвлекали нашего духовнаго сознанія отъ главнаго поля брани духовной, то мы—и думаю—давно бы не вынесли ее и сдались на полную капитуляцію.

* * *

Часто бываетъ—во время работы какой-либо мы оставляемъ нѣкоторыя недодѣлки, которыя при окончаніи работы дѣлають ее совсѣмъ непригодною, но додѣланныя—придають ей всю цѣну и значеніе. Такъ бываетъ и въ нашей жизни. И въ ней есть постоянно такія недодѣлки, которыя, не будучи восполнены при концѣ жизни покаяніемъ и исправленіемъ, мѣшаютъ признать пригодною всю нашу жизнь для царства небеснаго, а восполненные—сразу даютъ ей это право.

* * *

Процессъ послѣдняго страшнаго суда переживаемъ всѣ мы уже въ здѣшной жизни, которая можетъ сдѣлать этотъ судъ для насъ уже совершенно безопаснымъ и обратить его даже совсѣмъ въ нашу пользу. Такъ св. мученики уже дали достаточный отвѣтъ вѣрности Господу своему своими страданіями, подвижники—своими подвигами и т. п. Они услышали уже и приглашеніе Господа—наслѣдовать царствіе Его, уготованное отъ сложенія міра.

* * *

«*На Господа уповаю не изнемогу*»... Въ трудныя минуты твой говори такъ съ Давидомъ. Онъ, страдавшій своею чуткою душою такъ много и сильно, какъ только могутъ страдать подобныя души, открылъ тебѣ этотъ секретъ— непобѣдимаго терпѣнія и перенесенія самыхъ острыхъ и мучительныхъ человѣческихъ страданій.

* * *

Грязныя черныя тучи, занавѣшивая ясную славу солнышка, не уничтожаютъ его и не касаются его свѣтлаго облика. Такъ клевета, занавѣшивая славу человѣка добраго, не уменьшаетъ неприкосновеннаго свѣта его достоинствъ. Сгинетъ клевета, какъ туча. И опять солнышко души его засіяетъ веселѣе прежняго.

* * *

Медицина говоритъ, что послѣ ѣды кровь человѣка обильно обогащается всевозможными микробами, количество которыхъ по мѣрѣ прохожденія насыщенія все уменьшается, доходя въ голодномъ состояніи человѣка до минимума. Вотъ основаніе для поста и объясненіе бѣдшей пользы воздержанія, нежели пресыщенія.

* * *

Господи! Прости мнѣ всякое небреженіе мое и крайнее нерадѣніе. Не Ты потерялъ отъ этого что, а я жалкій, не умѣющій цѣнить истиннаго сокровища своего и искать его всѣми усиліями всего существа своего.

* * *

«*Готовое заступленіе къ Тебѣ притекающихъ!*»—Притекающіе за помощію и заступленіемъ Матери Божіей должны помнить, что эта помощь и заступленіе уже готовы, уже ждутъ притекающаго, только бы онъ не опо-

здалъ и не ослабѣлъ въ усердіи исканія и въ горячести жажды искомаго.

* * *

Если чувствуешь въ основѣ какого-либо твоего намѣренія или предпріятія хотя маленькую фальшь, неискренность и т. п., не давай ей влестись въ твое дѣло, и или выкури ее во что бы то ни стало, или брось все это дѣло. Оно до конца будетъ пропитано этой фальшью, которая постоянно будетъ то тамъ, то здѣсь выплывать наружу, заставляя тебя лицемерить или страдать до невыносимости, до безконечности.

* * *

Мой завѣтъ монаху: бойся всякаго непослушанія и самоволія, самохотѣнія въ устройствѣ своего положенія и служенія! Довѣрься Единому Благому Руководителю и Кормчему жизни твоей, и плыви такъ, какъ направляетъ Онъ. Иначе, разъ сбившись съ фарватера, постоянно будешь наткаться на мели и подводные камни, и не найдешь покоя душѣ твоей.

* * *

Если нѣтъ «монашества» внутри тебя, въ сердцѣ, въ потребности, въ настроенности, то не сдѣлаетъ монахомъ никакаго самый строгій монастырь, никакія строгія правила и уставы монашескіе.

* * *

Всею любовію Твоею, Господи, взыщи меня! *Всѣмъ* милосердіемъ Твоимъ пожалѣй меня! *Всѣмъ* состраданіемъ Твоимъ снизойди и приди на помощь мнѣ! Всей любви Твоей, всего милосердія Твоего, правда, не вмѣстилъ бы весь міръ, и душа моя тѣмъ менѣе могла бы вмѣстить ихъ; но имѣя способность простираться въ безпредѣльность, она и грѣхопаденія свои простираетъ въ безпре-

дѣльность, и уврачеванія ихъ ищетъ лишь безпредѣльными крайними средствами.

* * *

Господи! Усталъ я бороться съ немощами моими... Изнемогъ, обезсилѣлъ я жаловаться Тебѣ на беспомощность мою, на постоянныя отпаденія отъ Тебя! О, милосердый! Отвѣть же Твоею животворящею ласкою, помощію и бодрящими утѣшеніями!

* * *

Утѣшься и порадуешься, добрый *страдалецъ*! Господь съ тобою и въ страданіи твоёмъ и во всякой скорби твоей! Онъ посылаетъ тебѣ ихъ для терпѣнія, которое *выше* многихъ трудовъ и подвиговъ, въ мірскомъ положеніи недоступныхъ, думаю — не ниже и монашескихъ подвиговъ, и награда твоя на небесахъ — не ниже и не меньше монашеской!

* * *

Который разъ я жалѣю горько, зачѣмъ я жалуясь на тягости жизни? Зачѣмъ раззоряю вѣнокъ страдальческій на главѣ моей напрасными жалобами? Зачѣмъ вырываю изъ него лучшіе цвѣтки, лучшіе лепестки своимъ нетерпѣніемъ? О, зачѣмъ, кромѣ Господа, повѣдаю другимъ скорби, печали и воздыханія мои? Зачѣмъ, кромѣ Него одного, повѣряю другимъ «святое святыхъ» души моей?!

* * *

«Виднѣе зрака Твоего чистаго — ангеломъ убо сладостно, челоукомъ же есть спасительно, духовомъ же лукавствіа страшно»... (нед. гл. 1, кан. пов., п. 3-я). Владычица чистая самымъ изображеніемъ Своимъ вызываетъ спасительныя чувства у людей, дивно умиротворяетъ душу, сообщаетъ ей такое умиленное настроеніе, при которомъ грѣху трудно найти доступъ къ ней. Сладостное для анге-

ловъ «видѣніе» чистаго зрака Владычицы — и для чело-
вѣка дѣлается тогда доступнымъ въ своей сладости и не-
земномъ блаженствѣ.

* * *

Божія Матерь облекла Слово Божіе въ плоть человѣче-
скую. И Она же облекла эту Божественную плоть въ
«хитонъ нешвенъ» отъ трудовъ собственныхъ рукъ Своихъ.

* * *

Различно солнышко освѣщаетъ землю въ одинъ мо-
ментъ. Когда въ однихъ странахъ еще темно, въ дру-
гихъ—уже утро, въ иныхъ—полдень, еще въ иныхъ—къ
вечеру. Такъ Господь неодинаково льетъ лучи Своего
Богознанія на человѣчество. Одни народы еще во тьмѣ,
другіе въ утрѣ, иные въ полуднѣ, иные къ вечеру и въ
состояніи помраченія своего Боговѣднія.

* * *

«Гласомъ ангеловымъ зачала еси великаго совета анге-
ла»... (Богород. кан. миней, 24 нояб. п. 6)—поеть о Бо-
жіей Матери св. Церковь. «Радуйся, благодатная, Господь
съ Тобою!» Вотъ моментъ этого зачатія Сына Божія, ибо
хотя еще не было произнесено согласіе Дѣвы: «буди Мнѣ
по глаголу Твоему»..., однако, Господь всевѣдецъ, зная
послѣдованіе онаго, не медлилъ зачатіемъ. И Пресв Дѣва
Своими послѣдующими вопросами выражала не сопроти-
вленіе дѣлу Божію, а лишь желаніе постигнуть, «какѣ
будетъ сіе» безмужное необычное зачатіе? И послѣ объ-
ясненій ангела, Она даетъ понять совершившееся съ Нею
тѣмъ, когда говоритъ: «буди Мнѣ по глаголу Твоему!»—
какъ Ты сказалъ: «Господь съ Тобою!» (есть уже, а не:
будетъ!).

* * *

«Сладинъ убо похваляюся паче въ немощехъ моихъ, да все-
лится въ мя сила Христова». Не болѣзни здѣсь разу-
мѣются, не сознаніе только немощей, въ дѣйствительности
уже миновавшихъ, а *настоящія немощи* во всей ихъ му-
чительности и многочисленности. Господи! Таковы и мои
немощи! Покрой ихъ Своимъ незлобіемъ, человѣколюбіемъ
и всемогущею силою!

* * *

«*Волхвы идите!*...» зоветъ уже Церковь, предпразднуя
и какъ бы вновь переживая великое событіе Рождества
Христова и мысленно составляя всю божественно-мудрую
и чудную обстановку его. Волхвы, пастыри, ясли, вер-
тепъ... — какъ это все безконечно мило, дорого нашему
сердцу! Какъ сильно говорить, что только Спаситель міра
могъ соединить Свое величіе со столь самыми обыденными
вещами.

А. І.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВСТВЕННОСТЬ И СВОБОДА ВОЛИ ¹⁾.

Вопросъ о свободѣ воли собственно относится къ области психологіи, но и въ этикѣ онъ имѣетъ большое значеніе. Правственность есть, какъ извѣстно, волевая дѣятельность. Она требуетъ извѣстнаго волевого усилія, затраты психической энергіи. Дѣло обстоитъ не такъ, что у меня есть кодексъ извѣстныхъ правилъ, внушенныхъ мнѣ ранѣе, заимствованныхъ изъ данной среды или существующихъ въ формѣ инстинкта, и что задача морали заключается лишь въ томъ, чтобы подводить поступки подъ данный кодексъ и принимать или отбрасывать ихъ, какъ подходящіе или неподходящіе. Каждый отдѣльный человѣкъ долженъ самостоятельно и для себя поставить проблему морали, онъ долженъ рѣшить для себя, что хорошо и что дурно. Значить, нравственность предполагаетъ извѣстное моральное творчество со стороны каждаго человѣка, которое немыслимо безъ свободной воли. Свобода — понятіе не отрицательное; она не есть только отсутствіе стѣсненій или принужденія. Свобода — понятіе

¹⁾ Изъ уроковъ по Правств. Богословію въ Виѣанской семинаріи.— Литература вопроса: Джемсъ. Психологія.—Джемсъ. Зависимость вѣры отъ воли.—Вундтъ. Этика.—Липпсъ. Основные вопросы этики.—Челпановъ. Введеніе въ философію.—Паульсенъ. Основы этики.—Мюрхедъ. Основные начала морали.—Труды Моск. психологическаго общества. Вып. III о свободѣ воли.—Несмѣловъ. Наука о человѣкѣ.—Янышевъ. Православно-христіанское ученіе о нравственности.—Balch. Introduction to the study of christian Ethics.

положительное; она есть синонимъ внутренняго духовнаго творчества человѣческой личности. Быть свободнымъ это значить дѣйствовать по побужденіямъ, которыя исходятъ не отъ кого или чего-нибудь другого, а отъ меня самого, — поступать по личному почину, по собственной инициативѣ, въ силу самоопредѣленія. «Хочешь ли ты, чтобы это было такъ или иначе», — вотъ пробный вопросъ, который мы задаемъ, по словамъ Джемса, въ теоріи морали и практикѣ, и въ немъ видимъ мѣрило, по которому оцѣниваемъ нравственное достоинство человѣка, сокровенную сущность его духовной природы. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливы слова Ибсеновскаго Бранда:

Простится то, чего не сможешь,
Чего жъ не захотѣлъ ты,—никогда.

Но въ исторіи человѣческой мысли мы встрѣчаемся съ направлениемъ, которое отрицаетъ свободу воли у человѣка и ея значеніе для этики. Направленіе это извѣстно подъ именемъ детерминизма. Детерминизмъ вообще утверждаетъ, что всякое дѣйствіе человѣка опредѣляется достаточными причинами, безъ которыхъ оно не можетъ произойти, а при яличности которыхъ происходитъ *съ необходимостію*. Возникши въ качествѣ противовѣса индетерминизму, допускавшему безусловную свободу воли въ смыслѣ ея независимости отъ предшествующихъ причинъ, детерминизмъ высказалъ много цѣннаго и справедливаго. Онъ утвердилъ мысль о законосообразности не только физическихъ, но и душевныхъ явленій, показалъ, что послѣднія могутъ быть поставлены въ причинную зависимость, такъ что душевную жизнь можно разсматривать съ научной точки зрѣнія.

Но причинность духовную нужно отличать отъ причинности физической. Въ физическомъ порядкѣ природы каждое дѣйствіе съ математической точностью отражаетъ свою причину. Здѣсь все предопредѣлено причиной — и

общій характеръ явленій, и ихъ мельчайшія частности. Причина, какъ выражается Вундтъ, эквивалентна (вполнѣ совпадаетъ) дѣйствию. Вотъ почему въ физической природѣ и наблюдается всегдашнее единообразіе явленій. Не то въ духовной области. Здѣсь между причиной и дѣйствіемъ очень часто замѣчается *качественное* различіе. Причина выступаетъ здѣсь съ новымъ характеромъ—творческимъ, почему она обнаруживается въ дѣйствіяхъ новыхъ, до тѣхъ поръ фактически не осуществлявшихся. Ясно, что при такомъ пониманіи причинности полного однообразія явленій не предполагается, опредѣляемость ихъ понимается въ самыхъ общихъ чертахъ, и свобода воли сохраняется. — Извѣстный позитивистъ Тэнъ говоритъ: «единственное различіе между проблемами нравственными и физическими состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ направленіе и объемъ силъ нельзя вычислить съ такою же точностію, какъ это можно сдѣлать во второмъ» ¹⁾. А отчего это? Оттого, что здѣсь вмѣшивается внутренней формирующій принципъ человѣческой; индивидуальный и свободный...

Въ мірѣ физическомъ дѣйствіе всегда равно противо-дѣйствію; здѣсь все управляется съ неизмѣнною правильностію законами притяженія и отталкиванія. Вотъ почему мы наблюдаемъ здѣсь только продолженіе, а не развитіе. Въ области духа дѣйствующею силой выступаетъ живая душа человѣка съ ея стремленіемъ къ *активной* дѣятельности, съ ея жаждой подвига и новыхъ путей и формъ нравственности. Отсюда прогрессъ и регрессъ въ нравственности, въ этомъ тайна творческой индивидуальности человѣка въ этой области.

Чтобы уяснить себѣ роль творчества въ данномъ случаѣ, полезно сопоставить его съ творчествомъ, напр., художественнымъ. Мы можемъ очень хорошо знать общій

¹⁾ Каро. Идея Бога и безсмертія души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ, стр. 265.

замысль художника, при разборѣ его произведеній подмѣтитъ законы, которыми руководился художникъ при созданіи своего произведенія, но не можемъ, отправляясь отъ нихъ, воспроизвести или построить это произведеніе. Тутъ нужно пережить творческій процессъ художника. Такъ бываетъ и при обсужденіи психическихъ явленій вообще и нравственныхъ въ частности. До извѣстной степени мы способны указать ихъ внутреннее соотвѣтствіе съ мотивами, вызвавшими ихъ, но дальше этого мы не въ состояніи идти: тамъ ужъ начинается область творчества.

Детерминисты ссылаются на общій законъ, по которому «нѣтъ дѣйствій безъ причинъ».—Дѣйствительно законъ причинности имѣетъ всеобщее примѣненіе. Онъ полученъ не изъ опыта; это — законъ нашего мышленія, заключающійся въ природѣ человѣческаго духа. Значитъ, если мы хотимъ понять нравственные дѣйствія воли, они должны въ той или другой формѣ подчиняться этому закону наравнѣ со всѣми остальными явленіями міра. Но нравственные акты отличаются отъ другихъ явленій тѣмъ, что ихъ причины лежатъ не только позади, но и впереди ихъ: это—не только «причины дѣйствующія», но и «причины конечныя», т.-е. цѣли. Между тѣмъ какъ въ мірѣ физическомъ то, что должно быть, обуславливается тѣмъ, что есть, въ мірѣ нравственномъ, наоборотъ, то, что есть, обуславливается тѣмъ, что должно быть.—Кто же ставитъ цѣли и опредѣляетъ нормы должнаго для дѣятельности воли? Ихъ опредѣляетъ и ставитъ нашъ собственный разумъ,—и вотъ именно это является условіемъ нашей свободы. Наша мысль творчески перерабатываетъ свои представленія, даетъ имъ оцѣнку по своимъ логическимъ и моральнымъ законамъ, превращаетъ ихъ въ цѣли нашихъ стремленій и такимъ образомъ сама полагаетъ въ нихъ причины для нашихъ дѣйствій. Если дѣйствіе обуславливается исключительно физическими или психологическими причинами (влеченіями, напр., какъ у животныхъ) и со-

вершается безъ сознанія цѣлей или вопреки имъ, оно необходимо; если же оно опредѣляется логическими или моральными основаніями и происходитъ съ яснымъ сознаніемъ цѣлей, оно свободно. Другими словами: воля свободна лишь въ той мѣрѣ, въ какой она разумна. Само собой понятно, что свобода разума не есть произволь или безпричинный капризъ: допустить что-нибудь такое значило бы признать разумъ неразумнымъ. Разумъ также подчиняется закону причинности, но этотъ законъ получаетъ въ немъ совершенно своеобразную форму,—форму закона достаточнаго основанія. Въ его актахъ также есть элементъ необходимости, но эта необходимость не есть физическая или психологическая неизбѣжность, а логическая и нравственная обязательность. Зависимость разума отъ своихъ внутреннихъ основаній есть его зависимость отъ самого себя; признаніе логической или нравственной обязательности за вытекающими изъ нихъ слѣдствіями есть его автономія. Понятіе свободы немислимо безъ этой автономіи разума.

Въ противовѣсъ такой автономіи детерминисты указываютъ на то, что свобода воли неотдѣлима отъ характера человѣка и есть его необходимое слѣдствіе. Всякое дѣйствіе человѣка, по Шопенгауэру, есть необходимый продуктъ сложившагося характера и привходящаго мотива.

Правда, нравственнымъ мы называемъ не отдѣльный поступокъ, а цѣльный характеръ, внутренній строй личности, такъ что человѣкъ въ нравственномъ отношеніи способенъ въ каждую минуту не на все, а только на то, что ему свойственно. Общій душевный складъ человѣка отражается на его поступкахъ. Но характеръ человѣка есть какъ бы только общая тема, которую онъ долженъ художественно и своеобразно воплотить въ жизни. Жизнь человѣческой личности не есть однообразное движеніе по прямой линіи въ какомъ-нибудь одномъ направленіи. Характеры людей развиваются, такъ сказать, діалектически, проходя чрезъ самыя крайнія противоположности, иногда

возвышаясь до трогательнаго героизма, иногда падая въ самыя страшныя бездны зла и порока. Такими бываютъ люди въ жизни, такими они являются въ гениальныхъ произведеніяхъ поэзіи. Шекспиру во всемірной, Толстому и Достоевскому въ русской литературѣ принадлежитъ вѣчная слава яркаго, глубоко-правдиваго изображенія этого внутренняго процесса великихъ подъемовъ и великихъ паденій, которыми опредѣляется и движется человѣческая судьба. Человѣческая индивидуальность состоитъ не въ томъ, что для каждой изъ нихъ отмѣрена заранее вычисленная сумма добра и зла, которую она можетъ воплотить въ жизни, а въ томъ, что каждая *по своему* совершаетъ путь безконечныхъ превращеній. Въ этомъ корень трагизма и красоты нашей жизни, источникъ того, что каждый человѣкъ есть дѣйствительно творецъ своей судьбы, кузнецъ своего счастья, каковъ бы ни былъ его прирожденный характеръ.

То, конечно, несомнѣнно, что въ каждомъ человѣкѣ мы находимъ природныя естественныя склонности и наследственныя особенности (напр., живой темпераментъ или, наоборотъ, предрасположеніе къ медлительности). На нашъ характеръ постоянно воздѣйствуетъ далѣе внѣшняя среда—обстоятельства, вещи, люди. Все это можно считать отъ насъ даннымъ, независимымъ отъ нашей воли. Но съ другой стороны всѣ эти данныя представляютъ собою лишь сырой матеріалъ для нравственной обработки. Характеръ есть приобрѣтенная привычка управлять естественными склонностями и внѣшними вліяніями извѣстнымъ образомъ, *въ направленіи сознательно понятныхъ цѣлей*. Каждая, придуманная мною, мысль, каждое мое прошлое хотѣніе, каждая уступка какому-либо искушенію или сопротивленію ему также содѣйствуютъ опредѣленію моего характера. Значитъ, я самъ могу сдѣлать многое для выработки моего характера и нравственнаго строя моей личности. Характеръ не есть что-либо въ библеальномъ смыслѣ врожденное, замкнутое, неизмѣнное; онъ есть наше

собственное дѣло. Характеръ постоянно образуется и показываетъ прямо власть и силу нашего духа. Внутренній міръ человѣка слагается не путемъ механическаго воздѣйствія со стороны душевныхъ влеченій, вещей и людей. Человѣкъ не представляетъ собою только равнодѣйствующую всѣмъ этихъ вліяній. Онъ самъ *реагируетъ* на внутреннія влеченія и внѣшнія раздраженія и такимъ образомъ можетъ видоизмѣнять свой характеръ, если пожелаетъ этого. На этомъ основано сознаніе отвѣтственности за свои поступки и ихъ вмѣняемости человѣку, которыя сопровождаются такимъ или другимъ движеніемъ нравственнаго чувства.

Преувеличиваютъ детерминисты и значеніе мотивовъ, утверждая, что наши дѣйствія не свободны, а опредѣляются самымъ сильнымъ желаніемъ.—Правда, мы часто говоримъ, что «у насъ было желаніе», что мы «слѣдовали нашимъ желаніямъ», «контролировали наши желанія» и т. д., какъ будто бы они были чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ насъ самихъ, дѣйствующимъ на насъ извнѣ, а мы относимся къ нимъ, какъ всадникъ къ непослушной лошади. Но всѣ подобныя выраженія — только неточность языка. Воля, проявляющаяся въ отдѣльныхъ хотѣніяхъ или желаніяхъ, представляетъ собою не отдѣльную силу или не отдѣльное существо во мнѣ, которое могло бы существовать независимо отъ меня. Воля—это я самъ. Воля есть моя личность, проявляющаяся въ хотѣніи. А хотѣніе представляетъ собою стремленіе къ извѣстной цѣли, исходящее отъ меня самого или отъ моей личности. Вѣдь личность нельзя считать, вслѣдъ за нѣкоторыми психологами, абстракціей отъ фактовъ нашего внутренняго опыта, которую мы привыкаемъ представлять себѣ, какъ базисъ или субстратъ для нихъ, но которая существуетъ только логически, а не реально. Она не есть просто и центръ сознанія. Личность характеризуется активностью, которая проявляется въ самосознаніи и самоопредѣленіи, и безъ которой не было бы у человѣка никакого познанія и ни-

какого поведения. «Не будь въ немъ этого «я», какъ энергiи, какъ силы самоопредѣленiя по отношенiю ко всѣмъ возникающимъ въ сознании душевнымъ образованiямъ, его душевный организмъ былъ бы безличною ареною для борьбы различныхъ мотивовъ между собою, процессомъ чуждой для него жизни, въ которой, конечно, нѣтъ мѣста никакой свободѣ¹⁾. Тогда пришлось бы согласиться съ Тенемъ, что порокъ и добродѣтель суть такіе же продукты, какъ купоросъ и сахаръ.

Итакъ, мы не рождаемся свободными,—въ этомъ можно сдѣлать уступку детерминистамъ,—но мы рождаемся способными къ свободѣ. Въ силу того, что мы можемъ и должны все болѣе и болѣе облагораживать нашу физическую и психическую природу, намъ, слѣдовательно, предстоитъ вырабатывать наше собственное «я», наше самосознание, наше самоопредѣленіе. Развитие самосознания, расширеніе умственного кругозора, воспитаніе воли, самоопредѣленіа есть процессъ самоосвобожденiя отъ природныхъ побужденiй, внѣшнихъ влiяній, процессъ укрѣпленiя и утвержденiя своей свободы. Развитие самоопредѣленiя, свободы совпадаетъ съ развитіемъ личности. Не даромъ людей, не развившихъ въ себѣ этой способности, дѣйствующихъ по чужимъ влiяніямъ, по чужой указкѣ, называютъ близкими.

Конечно, этотъ процессъ освобожденiя воли не есть процессъ разрыва всякихъ причинныхъ связей. Онъ есть процессъ постепенной замѣны связей ненормальныхъ связями нормальными, связей необходимости связями свободы. Ложь, предрасудки, суевѣрiя опутываютъ и связываютъ человѣка. Истина, познаниа уничтожаютъ эти путы, и человѣку для того, чтобы быть свободнымъ, нужно не освобождаться отъ познанiй, а, наоборотъ, расширять и умножать ихъ. Христосъ сказалъ: «познаете истину, и истина

¹⁾ Липшевъ. Правос.-христ. ученіе о правств., стр. 216. Ср. Несмѣловъ. Наука о человѣкѣ, т. 1, изд. 3, стр. 178.

сдѣлаетъ васъ свободными» (Іоан. VIII, 32). Равнымъ образомъ низшія влеченія природы, страсти порабощаютъ человѣка: воля его является связанною. Человѣка, поступающаго безнравственно, называютъ рабомъ своихъ страстей. Прирожденный преступникъ является въ нашихъ глазахъ невѣняемымъ. «Всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха», говорилъ Христосъ (Іоан. VIII, 34). Добро, напротивъ, даетъ человѣку ощущеніе истинной свободы, потому что оно освобождаетъ его отъ подчиненія темнымъ и ненормальнымъ наклонностямъ своей природы.

Понятно, почему это такъ. Добро можетъ давать намъ нравственное удовлетвореніе, или быть для насъ истиннымъ благомъ и источникомъ безконечнаго блаженства. Значитъ, оно отвѣчаетъ сущности нашей природы, не является насиліемъ для послѣдней. Зло, напротивъ, дѣлаетъ человѣка своимъ рабомъ, игрушкою. Оно является въ немъ какою-то внѣшнею роковою силою, заставляетъ человѣка дѣлать то, что онъ ненавидитъ, и не дѣлать того, чего онъ хочетъ (Римл. VII, 14—24). Зло неразлучно съ тягостнымъ для человѣка сознаниемъ его виновности и съ терзаніями совѣсти, ничѣмъ неустрашимыми и незаглушимыми. Неронъ, Калигула, Ричардъ III своимъ безпокойствомъ и внутренней тревогой обнаруживаютъ наглядно противорѣчіе зла обще-человѣческой природѣ. Вотъ почему зло въ сознаниі людей представляется внѣшнею, независящею отъ нихъ, силою. Что человѣкъ, отдаваясь злу, дѣйствительно попадаетъ въ разрядъ какъ бы бездушныхъ вещей физическаго міра, лишенныхъ свободы, и подчиняется механическимъ законамъ, — это остроумно доказываетъ статистика. Обыкновенно, на статистику, на основаніи которой можно заранѣе предсказать среднее число преступленій и нравственныхъ нарушеній того или другого рода, съ торжествомъ указываютъ детерминисты, какъ на аргументъ противъ свободной воли человѣка. Но замѣчательно, что нравственная статистика до сихъ поръ выступала съ подсчетомъ проявленій грѣха и страстей, а

не съ подсчетомъ добродѣтелей и нравственныхъ дѣйствій. Очевидно, статистика, какъ это и естественно, можетъ подсчитать только то, что носить на себѣ печать механической необходимости, гдѣ дѣло идетъ о рабствѣ воли, ея зависимости отъ внѣшнихъ силъ и условій.

Итакъ, мы видимъ, что только осуществленіе добра можетъ быть залогомъ и показателемъ нравственной свободы въ человѣкѣ. Нравственная свобода отличается отъ формальной, состоящей въ выборѣ добра или зла, реальнымъ содержаніемъ — сочетаніемъ съ добромъ. Такъ и учить высшая нравственность—христіанская. «Свобода чадъ Божіихъ» состоитъ въ освобожденіи отъ работы тлѣнію грѣха (Римл. VIII, 21) и въ жизни по Духу Христову (VIII, 9), «ибо всѣ, водимые Духомъ Божіимъ, суть сыны Божіи», какъ не принявшіе духа рабства (VIII, 14—15).

Ив. Николінъ.

О ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ НЕ ХРИСТІАНЪ ¹⁾.

Заблужденія 1) евреевъ, 2) магометанъ, 3) язычниковъ и 4) послѣдователей ученія гр. Толстого.

1) Евреи, это до Христа Спасителя избранный народъ Божій, это племя или родъ великаго угодника Божія, отца вѣрующихъ, Авраама. Этому народу чрезъ пророка Моисея даны были на Синаѣ заповѣди Божіи, написанныя Самимъ Богомъ на двухъ скрижаляхъ или каменныхъ доскахъ. Къ этому народу Богъ посылалъ нерѣдко пророковъ, которые возвѣщали ему волю Божию, обличали пороки и учили, какъ служить истинному Богу. Эти же пророки предвозвѣстили евреямъ, что въ опредѣленное время явится къ нимъ Мессія-Христось, указали, гдѣ онъ родится, изъ какого рода произойдетъ, какія совершитъ знаменія и чудеса. Предвозвѣстили, что Онъ пострадаетъ за грѣхи людей, въ третій день по смерти воскреснетъ, и вознесется на небо. Но книжники и фарисеи, руководители народа еврейскаго, по своему перетолковали пророчества и были увѣрены, что Христось будетъ царь земной, избавить ихъ отъ владычества надъ ними язычниковъ, покорить всѣ народы и евреевъ сдѣлаетъ господами, а другіе народы ихъ рабами. И вотъ, когда явился Христось, не имѣющій гдѣ главу свою приклонить, началъ учить смиренію и покаянію и обличать гордость и лицемеріе фарисеевъ и книжниковъ, началъ милостиво обра-

¹⁾ Изъ бесѣдъ пастыря съ простыми людьми. *Бесѣда четвертая.*

щаться съ мытарями и грѣшниками и даже кающимся прощать грѣхи, вознегодовали на Спасителя гордые законники, оклеветали предъ Пилатомъ и осудили на смерть, самую позорную и мучительную, смерть крестную. Правда, какъ Божія Матерь, Пресвятая Дѣва Марія, такъ и св. апостолы Христовы, были евреи и многіе изъ евреевъ по проповѣди Самаго Христа и Его апостоловъ увѣровали въ Спасителя и стали христіанами, но самая большая часть евреевъ остались невѣрующими въ обѣщаннаго имъ Богомъ и посланнаго Спасителя, и стали уже не избраннымъ народомъ Божиимъ, а отверженнымъ. Возмутившіеся противъ римлянъ, которымъ были подвластны, евреи жестоко были наказаны: храмъ и главный ихъ городъ Іерусалимъ совершенно были разрушены, а сами они были разсѣяны по разнымъ странамъ. Съ тѣхъ поръ и доселѣ гдѣ бы евреи ни поселялись, вездѣ они живутъ особнякомъ не смѣшиваются съ тѣмъ народомъ, съ которымъ живутъ и не считаютъ своимъ отечествомъ то государство, въ которомъ они поселяются. Очевидно, у нихъ нѣтъ отечества. Разбросанные по всему свѣту, евреи имѣютъ только синагоги или молитвенные дома и раввиновъ или учителей, но нѣтъ у нихъ ни первосвященника, ни священниковъ, нѣтъ храма, въ которомъ они могли бы приносить предписанныя въ ветхомъ завѣтѣ жертвы. Эти жертвы прообразовали или указывали на ту великую жертву, которую принесъ за грѣхи всего міра обѣщанный Мессія-Христосъ, Спаситель міра. А такъ какъ эта великая жертва уже принесена, то оказались вовсе ненужны жертвы животныхъ, какъ указаній на нее, и ихъ не стало у самихъ евреевъ. Не ясно ли, какъ Божій дѣпъ, что Избавитель міра уже пришелъ — это Господь нашъ Иисусъ Христосъ, на Которомъ исполнились всѣ пророчества и прообразованія, какія были указаны въ священныхъ книгахъ ветхаго завѣта. Евреи доселѣ ждутъ Богомъ обѣщаннаго Избавителя, но увы, они не дождутся Его. Онъ уже былъ. Прошло уже около двухъ тысячъ

лѣтъ, какъ евреи стали ждать Мессію, или Христа, но Его нѣтъ для нихъ и не будетъ. Онъ уже былъ. До пришествія Спасителя въ міръ, Богъ по временамъ посылалъ къ евреямъ пророковъ, которые возвѣщали людямъ Божиимъ волю Божию; теперь тысячи лѣтъ прошли, а у евреевъ не появилось ни одного пророка. Что это значитъ? А это значитъ, что евреи, отвергнувъ посланнаго къ нимъ Спасителя, отвергнувъ Его Божественное учение и спасительную благодать, прогнѣвали своего милосердаго Господа и перестали быть народомъ Божиимъ. Спустя нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ Рождества Христова евреи дѣйствительно сознали, что они прогнѣвали Господа Бога; къ сожалѣнію, не сознали главной своей вины предъ Богомъ, именно той, что они отвергли, что они распяли посланнаго имъ Спасителя. Они думали, что прогнѣвали Бога неточнымъ исполненіемъ Его заповѣдей, и вотъ нашлись среди евреевъ умники, которые вздумали дать евреямъ наставленіе, какъ вѣрнѣе исполнять данный имъ въ священныхъ книгахъ ветхаго завета законъ, и составили книгу—Талмудъ, это по ихъ мнѣнію объясненіе священныхъ книгъ. Но такъ какъ составители Талмуда не были просвѣщены Духомъ Святымъ, то они не истолковывали, а искажали ученіе священнаго писанія. Такъ, они въ Талмудѣ изобразили Бога, какъ громаднѣйшаго человѣка, смѣряли даже, сколько сажень у него между глазами, описали, когда Богъ спитъ, когда ѣстъ, когда бываетъ веселъ, когда сердитъ. Такія глупыя и недостойныя Бога сказки помѣщены въ Талмудѣ. Не лучшія наставленія помѣщены въ Талмудѣ, какъ нужно точнѣе исполнять заповѣди Божіи. Такъ въ немъ описывается, какъ еврей долженъ вставать съ постели, какъ одѣваться, какъ умываться. Точно мы будемъ лучше и угоднѣе Богу, если встанемъ, одѣнемся и умоемся такъ, а не иначе. Точно мы угодное Богу дѣло сдѣлаемъ, если сядемъ за столъ и поѣдимъ такъ, а не иначе, — лишь бы мы вкушали то чинно и во славу Божию, да не обременяли себя излиш-

нимъ употребленіемъ пищи. Въ Талмудѣ излагается огромное множество правилъ на одинъ и тотъ же предметъ, до девяти сотъ и даже до тысячи; всѣхъ ихъ едва ли можно и запомнить, да едва ли такое множество правилъ укажетъ на всякій случай нашего поведенія; къ чему же такія подробныя исчисленія? Есть наставленія Талмуда все неразумныя, напр., въ немъ запрещается въ субботу плевать на воздухъ, и въ освоеніе такому будто недозволенному дѣянію представляется то, что такое плеваніе подобно вѣянію вораха; а въ субботу работа воспрещается. И тѣ еврей, которые держатся одного только Богомъ откровеннаго писанія ветхаго завѣта, и тѣ уже потеряли истинную вѣру въ Бога, потому что не увѣровали въ посланнаго имъ по писанію Христа—Спасителя міра, и теперь уже бесполезно имъ ждать Его: въ другой разъ Онъ не придетъ. Но особенно далеко удалились отъ истинной вѣры въ Бога хранящіе Талмудъ, въ которомъ излагаются такія недостойныя Бога мнѣнія о Немъ и предписываются мелочныя и неразумныя заповѣди, какъ будто заповѣди самого Бога. То еще недостойно для истинно добраго человѣка въ евреяхъ, что только себя они считаютъ дѣтьми Божиими и своими ближними, а всѣхъ необрѣзанныхъ, даже и христіанъ, считаютъ своими врагами и не считаютъ за грѣхъ обманывать ихъ, брать съ нихъ, такъ называемые, жидовскіе проценты. Нѣтъ, православные, евреи не дѣти Божіи, не истинные поклонники Господа Саваога, а отверженные Богомъ, и ихъ вѣра не истинная, а ложная, душепагубная. Удаляйтесь же отъ евреевъ и ихъ ложныхъ вѣрованій.

2) Спустя болѣе шести сотъ лѣтъ послѣ Рождества Христова явился въ Аравіи Магометъ и выдалъ себя за посланника Божія, за пророка, которому, будто, приносилъ вѣсти отъ самого Бога архангелъ Гавриилъ. Многіе повѣрили ему, и онъ сталъ проповѣдывать свое ученіе, совершеннѣйшее, будто, чѣмъ ученіе христіанское и еврейское. Но на самомъ дѣлѣ ученіе Магомета совер-

шенно ложное ученіе. Такъ онъ учитъ, что Самъ Богъ опредѣлилъ однимъ людямъ быть добрыми, другимъ худыми или злыми, и первымъ назначилъ блаженство, а вторыхъ осудилъ на муку вѣчную.

По ученію Магомета выходитъ, что Богъ несправедливъ и не благъ; иначе Онъ всѣхъ людей опредѣлилъ бы быть добрыми и поселилъ бы въ раю. И мы, православные, вѣруемъ въ предопредѣленіе Божіе, но вовсе не такъ, какъ магометане. Милосердый и праведный Господь однихъ людей предопредѣлилъ къ блаженству, а другихъ къ гибели не потому, что такъ Самъ захотѣлъ, а потому, что заранѣе зналъ, что одни люди будутъ истинно вѣровать въ Него и жить благочестиво, а другіе не увѣруютъ въ Него, будутъ жить злочестиво и беззаконно; и вотъ первыхъ за ихъ вѣру и благочестіе предопредѣлилъ къ блаженству, а вторыхъ за ихъ безвѣріе и беззаконіе предопредѣлилъ къ гибели. Магометъ дозволилъ своимъ послѣдователямъ развратъ и самъ предавался еще большому разврату; такъ онъ дозволилъ каждому магометанину имѣть у себя до четырехъ женъ и сколько хочетъ наложницъ, а самъ имѣлъ одиннадцать женъ и, что всего постыднѣе, отнял жену у своего сына, хотя не роднаго, но усыновленнаго, чѣмъ произвелъ соблазнъ у близкихъ къ нему мусульманъ. А что еще всего унизительнѣе для магомета, это его оправданіе себя въ этомъ скверномъ поступкѣ; онъ объявилъ, что будто Самъ Богъ повелѣлъ ему отнять жену у своего сына. Вотъ какую страшную клевету взвелъ на самого Бога. Очевидно, ложный пророкъ магометъ. Что магометъ былъ не посланникъ Божій, а пророкъ самозванный, ложный, это видно по чудесамъ, страннымъ, даже недѣльнымъ, какія будто онъ творилъ, какъ описано это въ Коранѣ, этой священной для магометанъ книгѣ, въ которой описывается жизнь и ученіе Магомета. По словамъ Корана съ Магометомъ разговаривали деревья и пѣвцы, а одинъ разъ Магометъ будто пальцемъ своимъ разсѣкъ луну пополамъ, почему на мечетяхъ или магоме-

танскихъ церквахъ вмѣсто нашего креста ставится полу-мѣсяць. Что магометъ былъ не истинный, а ложный пророкъ, это видно и изъ того, что свою вѣру онъ распространялъ и велѣлъ распространять насиліемъ, войною и велѣлъ убивать тѣхъ, которые не захотятъ принять его ложную вѣру. Истинные посланники Божіи никогда не принуждали принять свою святую вѣру насиліемъ или страхомъ убить за непринятіе ихъ небеснаго ученія, а только убѣждали принять это божественное ученіе словомъ и творимыми ими истинными чудесами. Слишкомъ чувственныя наслажденія въ раю для истыхъ магометанъ и такія же мученія въ аду для немагометанъ описываются въ Коранѣ,—очевидно, это не болѣе, какъ сказки, прельщающія плотскаго человѣка, и недостойная праведниковъ награда. Такъ, магометане будутъ ѣсть въ раю прекраснѣйшіе плоды. Населяющимъ рай будутъ прислуживать красивые юноши, одѣвать въ шелковыя и парчевыя одежды, а что всего вожелѣннѣе для магометанъ, ихъ чувственнымъ наслажденіямъ готовы всегда служить прелестнѣйшія дѣвицы, всегда молодыя и всегда невинныя. Злыхъ магометанъ и всѣхъ не магометанъ въ аду будутъ жарить на огнѣ, бить огромными дубинами. По ученію Корана, магометане не всегда останутся въ аду, а по истеченіи срока, въ который они отбудутъ опредѣленное имъ наказаніе, они перейдутъ въ рай. Гдѣ будутъ поселены въ будущей жизни магометанки и какое наслажденіе имъ приготовлено въ раю въ Коранѣ не сказано; видно составители Корана сами посовѣстились приготовить имъ наслажденіе, подобное наслажденію мужчинъ. А можетъ быть мусульманскихъ женщинъ, по ученію Корана, и совсѣмъ не будетъ на томъ свѣтѣ; вѣдь онѣ у магометанъ вовсе не такіе же люди, какъ мужчины; онѣ только прислужницы мужчинъ и производительницы дѣтей. Магометанинъ можетъ свою жену наказывать, какъ ему угодно, можетъ во всякое время прогнать отъ себя, можетъ даже убить ее и за это не потерпитъ никакого наказанія, по

Корану. Много недобраго, грубаго, безчеловѣчнаго, лстя низкимъ человѣческимъ пожеланіямъ, противнаго здоровому смыслу и понятію о Богѣ и человѣкѣ заключается въ магометанскомъ ученіи; очевидно, это ученіе не можетъ быть отъ Бога, и жестокой, развратный Магометъ не можетъ быть посланникомъ Божиимъ, не можетъ быть пророкомъ. Не станемъ же, православные, вѣрить ложному пророку Магомету, не станемъ обольщаться наслажденіями магометова рая, это низкія земныя наслажденія надостойныя богоподобной души человѣческой. Тамъ на небѣ въ раю «ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небеси суть» (Матѳ. 22, 30). Тамъ праведницы просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца ихъ небснаго (Матѳ. 13, 43); тамъ они будутъ бесѣдовать съ небожителями, святыми ангелами, будутъ наслаждаться лицезрѣніемъ самаго всеблагаго Бога; тамъ будетъ Богъ всяческая во всѣхъ праведникахъ (1 Кор. 15, 28). Вотъ въ чемъ будетъ состоять блаженство праведниковъ въ раю, а не въ низкихъ, плотскихъ удовольствіяхъ. Магометова ученія держатся турки, татары, арабы и др. народы.

3) Евреи и магометане вѣруютъ въ одного Бога, язычники вѣруютъ во многихъ боговъ; по ихъ мнѣнію, есть боги высшіе, есть и низшіе, которые прислуживаютъ богамъ высшимъ. Язычники почитаютъ за боговъ нѣкоторыхъ людей, чѣмъ-нибудь особенно прославившихся при жизни своей на землѣ; они почитаютъ за боговъ солнце, луну и звѣзды, обоготворяютъ нѣкоторыхъ животныхъ, обоготворяютъ горы, рѣки, даже камни. Иные вырѣзываютъ изъ дерева разныя фигуры и считаютъ эти фигуры богами, кланяются имъ, курятъ имъ душистыя вещества; эти бездушные идолы разумѣется ничего не слышатъ и ничего не могутъ сдѣлать для язычниковъ; и вотъ молящіеся, не получая просимаго ими, разсерженные на своихъ боговъ иногда наказываютъ своихъ боговъ, бьютъ своихъ истукановъ. До того бываютъ неразумны, глупы язычники. И смертнаго человѣка нельзя считать за бога.

еще бессмысленнѣе считать за бога неразумное животное, а еще хуже того кабую-нибудь гору или камень, или сдѣланную самимъ же человѣкомъ деревянную или каменную фигуру. Для насъ, христіанъ, просвѣщенныхъ божественнымъ ученіемъ, языческое служеніе идоламъ есть чистое безуміе; но увы, язычники держатся этого безумія. Ихъ поддерживаютъ въ поклоненіи идоламъ или ложнымъ богамъ жрецы или идольскіе служители, которые иногда обольщаютъ язычниковъ ложными чудесами. Что чудеса, совершаемыя служителями языческихъ боговъ, чудеса не истинныя, а ложныя, это несомнѣнно. Истинное чудо, какъ, напримѣръ, воскресить мертваго, можетъ совершить только всемогущій Богъ или же посланникъ Божій силою того же всемогущаго Бога, а не языческой богъ, бессильный и не могущій сдѣлать ничего, какъ-то умершій человѣкъ, или бессмысленное животное или бездушная тварь. Очевидно, что совершаемыя въ язычествѣ чудеса не болѣе, какъ фокусы служителей ложныхъ боговъ, эти фокусы, необъяснимые простыми невѣжественными людьми, принимаются послѣдними за чудеса. Иногда рѣдкія и необыкновенныя явленія природы, или явленія, производимыя силою природы, принимаются язычниками за чудеса. Надѣюсь, православные, нѣтъ нужды разъяснять вамъ то, какъ неразумно, какъ безумно служить вмѣсто одного истиннаго Бога многимъ ложнымъ богамъ, какъ дѣлаютъ это язычники; да по слову святаго апостола Павла, язычники измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣннаго человѣка, и птицъ, и четвероногихъ, и гадъ (Римл. 1, 23); или иначе, вмѣсто того, чтобы воздавать славу одному вѣчному, истинному Богу, они стали служить смертному, немощному человѣку и еще хуже того стали служить, какъ богамъ, бессмысленнымъ четвероногимъ животнымъ и даже гадамъ. И понятное дѣло, какими добродѣтелями можно служить такимъ бессмысленнымъ, ложнымъ богамъ, какъ четвероногіе и гады? Иные язычники вѣровали въ бога пьянства или бога раз-

врата; чѣмъ же язычники могли угождать или служить такимъ богамъ, какъ не пьянствомъ или развратомъ? И вотъ святой апостоль говоритъ, что срамно и говорить о томъ, что тайно творится у язычниковъ (Ефес. 5, 12). И мы не станемъ говорить о томъ, а помолимся милосердому Господу Богу, чтобы Онъ просвѣтилъ язычниковъ свѣтомъ своего божественнаго ученія и обратилъ ихъ изъ тмы заблужденія и беззаконія на путь истины и правды.

4) Послѣ языческихъ вѣрованій хочу познакомить васъ, православные, съ вѣрованіями гр. Толстого, вѣрованіями безбожными, болѣе для васъ опасными, чѣмъ вѣрованія языческія. Грубыми и бессмысленными вѣрованіями язычниковъ едва ли вы соблазнитесь, а вѣрованіями гр. Толстого уже соблазнились нѣкоторые изъ православныхъ, мало знающихъ православное ученіе, а еще менѣе исполняющихъ его на самомъ дѣлѣ въ своей жизни. Принявшіе душепагубное ученіе гр. Толстого стараются и другихъ соблазнить этимъ ученіемъ. Но это ученіе противно ученію Христа Спасителя, оно скорѣе ученіе языческое, чѣмъ христіанское. Виновникъ этого ученія русскій графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Сначала графъ Толстой былъ православнымъ христіаниномъ, а потомъ сталъ проповѣдывать свое особое ученіе. А чтобы подкрѣпить свое ложное ученіе, онъ началъ приводить слова Самого Христа, вкривъ и вкось толкуя ихъ. Желая отвлечь православныхъ отъ посѣщенія православнаго богослуженія въ церкви, онъ учитъ, что Самъ Христосъ не велѣлъ ходить въ церковь молиться Богу, а велѣлъ молиться Богу дома и даже тайно, чтобы никто тебя не видѣлъ молящагося (Матѣ. 6, 6). Чистую ложь проповѣдуетъ графъ Толстой. Правда, Господь нашъ Іисусъ Христосъ велѣлъ намъ молиться не на площадяхъ и перекресткахъ улицъ, не на глазахъ людей, чтобы похвалиться предъ ними, а дома наединѣ, тайно отъ другихъ, но это онъ говорилъ о частной, домашней молитвѣ, а не о церковной, обще-

ственной; сказалъ въ обличеніе фарисеевъ, которые молились среди народа, чтобы прославиться своею набожностію, а не для того, чтобы послужить Богу. Если бѣ Спаситель не велѣлъ ходить въ церковь молиться Богу, Онъ сказалъ бы тоже, когда хочешь молиться, не ходи въ церковь, а поди въ домъ твой. Церковь для того и была построена, чтобы въ ней молиться Богу. Самъ Господь ходилъ въ нее, особенно въ праздники, и прямо называлъ ее домою молитвы (Матѣ. 21, 13). То же видно и изъ притчи о мытарѣ и фарисеѣ. Два челоуѣка пришли въ церковь помолиться, сказалъ Господь. Очевидно, Господь считаетъ церковь мѣстомъ молитвы, а не одну уединенную комнату въ домѣ. Молитва мытаря въ церкви, какъ соединенная съ глубокимъ смиреніемъ и сокрушеніемъ о грѣхахъ, была угодна Богу и спасительна для мытаря несмотря на то, что она совершенна была въ церкви и конечно на глазахъ у людей, а молитва фарисея, произносимая съ гордостію и осужденіемъ другихъ, была Богомъ отвергнута, какъ и молитва фарисеевъ внѣ церкви на площадяхъ и перекресткахъ. Но если бы фарисей гордый сталъ молиться Богу и въ своей уединенной комнатѣ дома и такъ же, какъ онъ молился въ церкви, и тамъ его молитва, какъ недостойная, была бы отвергнута Богомъ. Видите ли, православные, что графъ Толстой клевететь на Спасителя?—Милосердый Господь заповѣдалъ, а не запретилъ ходить въ церковь молиться Богу. И если молящійся въ церкви при множествѣ молящихся возносить свой умъ и сердце къ Богу и молится какъ мытарь, онъ получитъ награду отъ Господа, и только тотъ не будетъ услышанъ Господомъ, кто въ церкви молится напоказъ другимъ и молитвою фарисея. Чтобы отвлечь православныхъ отъ святой церкви Христовой и совратить въ свое безбожное ученіе, графъ Толстой снова клевететь на Спасителя, утверждая, что Онъ будто не создавалъ церкви на землѣ, и будто устроили ее попы для своей выгоды. А прочитайте въ святомъ евангеліи слова Христовы: созижду церковь Мою

и врата ада не одолѣють ей (Матѣ. 16, 18). Слова Господни непреложная истина, и если Господь сказалъ, что Онъ создастъ церковь, то и создалъ ее. Устроили ее по повелѣнію Господню св. апостолы, съ которыми Спаситель обѣщалъ пребыть во вся дни до скончанія вѣка (Матѣ. 28, 20) и съ ихъ преемниками. Спаситель же сказалъ, если кто не будетъ слушаться церкви, тотъ перестаетъ быть христіаниномъ и становится, какъ язычникъ и мытарь (Матѣ. 18, 17). Такъ какъ православное духовенство объясняетъ своимъ духовнымъ дѣтямъ истины Христовой вѣры и правила благочестія, то графъ Толстой, чтобы подорвать довѣріе православныхъ къ своимъ духовнымъ пастырямъ и совратить ихъ въ свое нечестивое ученіе, страшно позорить православныхъ священниковъ, а конечно и святителей, называя ихъ попами невѣжественными, безнравственными и даже обманщиками; они будто проповѣдуютъ сознательно ложное ученіе. Очевидно, графъ Толстой несправедливо осуждаетъ духовенство, клевететь на него. Всѣ почти православные архипастыри и многіе священники получили высшее образованіе, и самая большая часть священниковъ — среднее: какіе же они невѣжественные попы? Что только немногіе изъ православнаго духовенства изобличаются въ отступленіяхъ отъ правилъ христіанской жизни,—это извѣстно всякому. Да взгляните вокругъ себя, православные, и вы найдете православныхъ духовныхъ пастырей и образованныхъ и ведущихъ жизнь истинно-христіанскую. Не очевидно ли, что графъ Толстой клевететь на православное духовенство, хочетъ несправедливо очернить его, когда говорить, что все оно невѣжественно и безнравственно. Гдѣ же графъ Толстой нашелъ между православными пастырями ложныхъ проповѣдниковъ? Не слышите ли вы сами въ храмахъ Божіихъ пастырей, проповѣдующихъ слово Божіе и часто произносящихъ слова самого Христа Спасителя, значить проповѣдующихъ святую истину, а не ложь. Вотъ самъ графъ Толстой дѣйствительно ложный

проповѣдникъ. Послушайте, какъ онъ учитъ. По его ученію Бога всемогущаго, все создавшаго нѣтъ, а Богъ, это разумъ, находящійся въ самомъ видимомъ мірѣ и неотдѣльный отъ него. Что же это такое—Толстовскій Богъ? Разумъ только въ людяхъ, и въ каждомъ человѣкѣ свой умъ; выходитъ по ученію Толстого, Богъ раздѣлился на безчисленное множество отдѣльныхъ боговъ. И въ неразумныхъ животныхъ графъ находитъ разумніе нѣкоторое, и въ нихъ значитъ есть Богъ, и тоже въ каждомъ особый; и въ неодушевленныхъ предметахъ графъ видитъ выраженіе жизни извѣстныхъ законовъ,—находитъ нѣкоторое разумніе—Бога. И выходитъ по ученію графа: въ людяхъ свой особый Богъ, въ животныхъ свой, но уже не такъ смысленный, какъ въ людяхъ, и въ неодушевленныхъ предметахъ совсѣмъ несмысленный. Откуда же тогда произошли и люди, и животные и весь видимый міръ? Вѣдь и люди, и животные, и весь видимый міръ сами себя сотворить не могли. Очевидно, и людей, и животныхъ, и весь видимый міръ сотворилъ всемогущій и премудрый Господь Богъ, отдѣльный отъ видимаго міра и вѣчно существующій, въ котораго графъ Толстой не вѣруетъ. Не вѣруетъ онъ и въ Спасителя нашего, не вѣруетъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ—воплотившійся Сынъ Божій, не вѣруетъ въ Его чудеса и въ Его воскресеніе изъ мертвыхъ, отвергаетъ всѣ установленныя Имъ спасительныя таинства, не вѣритъ и въ Святаго Духа и въ Его очищающую насъ благодать, отвергаетъ эту благодать, глумится надъ нею, хулитъ ее; а хула надъ Духомъ Святымъ не простится человѣку ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій (Матѣ. 22, 31—32). Знай это графъ, знай и то, что кто вѣруетъ въ Господа нашего Іисуса Христа и престится, спасенъ будетъ, а кто не вѣруетъ, тотъ осужденъ будетъ (Марк. 16, 16). И горе, вѣчное горе ожидаетъ противника Христу, невѣрующаго и нераскаяннаго грѣшника. Правда, графъ не вѣритъ и въ будущую, затробную жизнь, но изъ того, что онъ не вѣруетъ, еще

не выходить, что ея не будетъ; нѣтъ, она будетъ: «всѣмъ бо явится намъ подобаеть предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо, еже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла», говоритъ ап. Павелъ (2 Кор. 5, 10). Если поученію графа Толстого нѣтъ всемогущаго Бога, Творца всей вселенной, нѣтъ премилосердаго промыслителя и Спасителя нашего; то кому намъ служить, кого слушать? Чьи заповѣди исполнять? Самозванный учитель Толстой отвергнулъ заповѣди Божіи, отвергнулъ и заповѣди Спасителя въ изреченіяхъ о блаженствахъ. Послѣднія заповѣди учать, каковы мы должны быть по душѣ. Но гордый графъ не хочетъ слушать Бога, не хочетъ исполнять Его святыхъ заповѣди, а выдумалъ свои, да еще осмѣлился утверждать, что его заповѣди выше, совершеннѣе заповѣдей Божіихъ. Господь заповѣдалъ любить ближняго, какъ самого себя: и какое было бы благо на землѣ, если бы мы всѣ любили ближнихъ, какъ самихъ себя, желали бы другимъ добра, какъ самимъ себѣ, старались бы о благѣ ближнихъ, какъ о своемъ собственномъ. Но Господь указываетъ намъ и на высшій образецъ любви къ ближнимъ. Онъ, премилосердый, учить своихъ учениковъ любить ближнихъ, какъ Онъ Самъ возлюбилъ насъ, а Онъ пострадалъ и умеръ, чтобы избавить насъ отъ мученій за грѣхи (Іоан. 13, 34). Онъ же изрекъ: больши сея любве никто же имать, да кто душу свою положить за други своя (Іоан. 15, 13). Какъ же смѣютъ послѣдователи Толстого клеветать на Спасителя, будто Онъ учить любить ближняго только какъ самого себя, а не больше? Но эта высшая любовь предписывается Спасителемъ только людямъ совершеннѣйшимъ, графъ же Толстой считаетъ ее необходимой для всякаго. Требованіе же высшей любви отъ каждаго слабаго смертнаго показываетъ только горделивое превозношеніе самозваннаго учителя. Гдѣ вы найдете послѣдователей ученія Толстого, выражающихъ любовь къ ближнимъ большую, чѣмъ любовь къ себѣ. Да самъ ересіархъ Толстой, поль-

зующійся всѣми благами жизни, почему не исполняетъ свое ученіе о любви къ ближнимъ большей, чѣмъ къ себѣ? Почему не дѣлится своимъ имѣніемъ съ другими, немущими и бѣдными? Видно его ученіе у него только на словахъ, а не на дѣлѣ. Вотъ свойства христіанской любви: «любы долготерпѣть, милосердствуетъ: любви не завидитъ, любви не превозносится, не гордится, ни безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся любить, всему вѣру емлетъ, вся уповасть, вся терпѣть (1 Кор. 13, 4—7). Гдѣ такая любовь у послѣдователей Толстого не только на дѣлѣ, а хотя бы и словахъ? Вотъ другія заповѣди графа Толстого: не противься злему, не судись, не клянись или не присягай, не покидай жены или не прелюбодѣйствуй, не воюй или не ходи въ солдаты. Нѣкоторыя заповѣди графъ занялъ изъ ученія Спасителя, но извратилъ это ученіе своимъ толкованіемъ. Дѣйствительно Самъ Господь сказалъ: «не противься злу» (Матѣ. 5, 39), но этими словами Онъ научилъ насъ за зло не платить зломъ; если кто ударитъ тебя по щекѣ, сказалъ Спаситель, подставь ему и другую (Матѣ. 5, 39); то-есть будь готовъ перенести съ терпѣніемъ еще большую обиду отъ ближняго, чѣмъ какую онъ тебѣ нанесъ. Но если бы кто захотѣлъ нанести тебѣ или ближнему твоему беззащитному тяжкія смертельныя раны или хотѣлъ убить тебя или ближняго, а ты могъ убѣжать отъ злодѣя или попрепятствовать ему убить тебя или ближняго силою или отнятіемъ у него смертельнаго орудія, то такое твое дѣйствіе вовсе не будетъ противно ученію Спасителя, будетъ совершенно согласно съ христіанскою любовію къ ближнему; ты сохранишь злодѣя отъ тяжкаго грѣха, сохранишь себѣ и ближнему жизнь, этотъ великій даръ Божій. Если слова Спасителя «не противься злу» понимать по Толстовски, то пожалуй не нужно противиться, когда злодѣи будутъ принуждать тебя къ грабежу и убійству или не нужно невинной дѣвицѣ противиться

развратнику, если онъ захочетъ обезчестить ее. Богъ какъ возвращаютъ смыслъ словъ Христовыхъ послѣдователи Толстого. Не клянись, не суди; и эти заповѣди свои графъ Толстой думаетъ подтвердить ученіемъ Спасителя о божбѣ и о сужденіи ближняго. Господь запретилъ божиться или клясться небомъ, землею, головою своею (Матѣ. 5, 34—36). Очевидно, Господь разумѣлъ здѣсь клятву или божбу обыкновенную, безъ нужды употребляемую поучаемыми Имъ, но не разумѣлъ клятвы въ важныхъ случаяхъ, не запрещалъ клятвы именемъ Божиимъ, какъ было сказано въ словѣ Божіемъ: «именемъ Его», т.-е. Божиимъ «да кленешися» (Втор. 10, 20). Самъ Спаситель какъ бы употреблялъ клятву, когда говорилъ для подтвержденія своихъ словъ: истинно, истинно говорю вамъ (Матѣ. 8, 10; Іоан. 5, 24 и 25; 6, 47).

И св. апостоль сказалъ, что самъ Богъ клялся Аврааму собою, и что конецъ всякому прекословію есть клятва (Евр. 6, 13 и 16). Не судите, да не судими будете (Матѣ. 7, 1), сказалъ Спаситель, иначе—не осуждайте ближняго, чтобы Богъ не осудилъ васъ. Подобное наставленіе Господь сказалъ и о прощеніи обидъ ближнимъ: если не прощаете человѣкамъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный не проститъ согрѣшеній вашихъ (Матѣ. 6, 15). Что Господь говоритъ здѣсь не о судахъ и не запрещаетъ обращаться въ суды, это видно изъ того, что Онъ поучалъ не судей, а всѣхъ своихъ слушателей. Если бы Спаситель подъ словомъ «не судите» разумѣлъ «не судитесь», то не сказалъ бы: да не будете осуждены. Развѣ судящійся, или приносящій жалобу на ближняго въ судъ, всегда бываетъ осужденъ? Непризнанный учитель графъ Толстой учить, что ненужны суды, отвергаетъ всякое начальство, всякую власть. Но послушаемъ, православные, какъ учить Самъ Христосъ и Его просвѣщенный Духомъ святымъ апостоль: «аще речеть брату своему рака (глухой), повиненъ есть сонмищу, т.-е. суду, а иже речеть, уроде, повиненъ есть гееннѣ огненной» (Матѣ. 5, 22).

Видите, Господь не отвергаетъ суда. Просвѣщенный Духомъ Святымъ апостолъ Павелъ учить: всяка душа вла- стемъ предержавшимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію против- ляется (Рим. 13, 1—2). Кого же намъ, православные, слушать! Христа Спасителя и святого апостола или же самозваннаго учителя графа Толстого? Конечно здравый вашъ умъ и доброе сердце скажетъ вамъ, что надобно слѣдовать ученію небесному—Спасителя и святого апо- стола, а не ложному ученію Толстого. Не сердись, запо- вѣдуетъ графъ Толстой. Но сердиться на сына или под- чиненнаго, сдѣлавшаго важное преступленіе, вовсе не грѣхъ; зачѣмъ же воспрещать всякій гнѣвъ? Да человѣку, одаренному нѣжнымъ чувствомъ и потерпѣвшему сильную обиду, едва ли и можно удержаться отъ гнѣва. Другое дѣло не вѣдѣть мстить обидчику или не гнѣваться на ближ- няго напрасно; этого требовать можно и должно. Не воюй, поучаетъ Толстой, или иначе не ходи въ солдаты. Да какъ же не ходить! Законъ велитъ, и кто же бы сталъ защи- щать мирныхъ гражданъ отъ разбойниковъ и другихъ злодѣевъ, если бы не было войска? Кто сталъ бы обо- ронять наше дорогое отечество безъ войска въ случаѣ нападенія на него иноземцевъ? Правда, война—это вели- кое несчастіе, но едва ли возможно избѣжать его, какъ и другихъ несчастій, наводненія, землетрясенія и другихъ. Не покидай жены, проповѣдуетъ непризванный учитель: нѣтъ, не этого только требуетъ отъ насъ заповѣдь Божія и говорить: не прелюбы сотвори; можно и не покидая жены и не имѣя жены впасть въ грѣхъ блуда. Да, Спа- ситель еще вотъ чему учить насъ: всякъ, иже воззрѣтъ на жену, ко еже вождѣлѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ (Матѣ. 5, 28). Вотъ какую чистоту заповѣдуетъ намъ небесный учитель. Какъ небо отъ земли, такъ заповѣди Христовы выше заповѣдей ложнаго учи- теля Толстого. Мы видѣли, православные, что графъ Тол-

стой не вѣруеть въ Бога, не вѣруеть во Христа Спасителя, какъ въ воплотившагося Сына Божія, искажаетъ сіе ученіе, отвергаетъ всѣ спасительныя таинства Христовой церкви, глумится надъ самою святою церковію. Сердечно пожалѣемъ, православные, послѣдователей Толстого и самого лжеучителя, и усердно помолимся милосердому Спасителю, да не дастъ погибнуть имъ въ ихъ лжеученіи и обратитъ ихъ съ ихъ лже-учителемъ на путь святой истины.

Протоіерей Іоаннъ Постъловъ.

Фридрихъ М. Московскій

Идеаль архипастырскаго служенія, по Филарету, митрополиту Московскому.

(Къ предстоящему 40-лѣтію со дня его кончины. † 18 ноября 1867 г.).

Внѣшняя слава человѣка должна соотвѣтствовать прежде всего внутреннему его достоинству, тону его внутренняго я, которое является главною движущею силою во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, силою, совершающею тѣ дѣла, которыя доставляютъ человѣку честь, славу и знаменитость среди современниковъ и потомковъ. Таковымъ я у митрополита Филарета, какъ и у cadaго святителя-іерарха, должны были быть: сознаніе смысла, отвѣтственность, значеніе, достоинства, обязанности епископскаго сана,—короче,—идеаль архипастырскаго служенія. Этоть идеаль есть дѣйствительный и правдивый показатель значенія и достоинства всѣхъ дѣйствій епископа,—его цѣлей, намѣреній и дѣлъ имъ совершаемыхъ.

Какой же идеаль архипастырскаго служенія былъ у приснопамятнаго великаго іерарха русской церкви, митрополита Филарета?

Филареть смотрѣлъ на служеніе епископское, какъ на служеніе самое высокое, самое отвѣтственное, служеніе божественное и, потому, страшное. Сообразно съ этимъ весьма большія требованія предъявлялъ онъ къ носителямъ этого божественнаго сана и, конечно, къ самому себѣ; желалъ видѣть въ нихъ и въ себѣ свойства, такъ сказать, сверхчеловѣческія, качества святыхъ, высшія

духовныя силы и способности людей облагодатствованных. Епископъ не просто человѣкъ, а сверхчеловѣкъ.

За многообразной и многотрудной дѣятельностію архіерея Филаретъ ясно, близко видѣлъ послѣдующій отчетъ, неизбѣжную отвѣтственность, а потому отсюда и этотъ санъ у него есть самый многотрудный, непрестанный подвигъ, страшное бремя, «но ради возложившаго и ради тѣхъ, которыхъ тяготы носить должно, возлюбленное бремя»¹⁾. Прослѣдимъ этотъ возвышенный взглядъ митрополита Филарета на самое высшее служеніе на землѣ, посмотримъ — какой идеалъ предносился взорамъ этого святителя. Но прежде чѣмъ приступить къ этому сперва должно обратить вниманіе на то, какъ смотрѣлъ Филаретъ на самое начало епископскаго служенія, на его первоначальный образъ, чтобы лучше отвѣтить отсюда и самый взглядъ на это служеніе.

Филаретъ на строгомъ основаніи св. писанія подробноразъяснилъ непрерывное преемство епископскаго служенія, обрисовавъ яркими красками его начало, непрекращающуюся его преемственность.

Откуда же начинается это служеніе? Гдѣ беретъ начало? Откуда свершаетъ свой путь?

«Начинается оно, говоритъ, по рукоположеніи преосвященному Кириллу, епископу Дмитровскому, Филаретъ, отъ Іерусалима, и въ немъ отъ нѣкоего дома, *идже, сущи поздѣ, во едину отъ субботы, и дверемъ затвореннымъ, бяху собрани ученицы* (Іоан. XX, 19) Пастыреначальника нашего. Видь, говоритъ Филаретъ новорукоположенному, видь Его тамо, ставшаго посредѣ ихъ, оглашающаго ихъ миромъ, дающаго имъ осязати Его воскресшее тѣло; исполняющаго ихъ страхомъ и радостію, дышащаго на нихъ Духомъ Святымъ, и, такимъ образомъ, убитыхъ смертію Его воскрешающаго и возраждающаго въ причастіе воскресшей Его жизни, и тотчасъ указующаго имъ путь,

¹⁾ Сочиненія Филарета т. II, стр. 174.

который они въ сей силѣ Духа протекать должны. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (21). Видь потомъ сихъ посланниковъ, протекающихъ вселенную, сѣющихъ слово истины и спасенія, раздающихъ сокровище благодати Святаго Духа, и, по достиженіи предѣла своего земнаго поприща, тоже посланничество предающихъ богоноснымъ отцамъ нашимъ. Видь богоносныхъ отцевъ, простирающихъ апостольское преданіе изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, непрерывно и неизмѣнно¹⁾. «Какая дивная цѣпь посланничества»²⁾! восклицаетъ Филаретъ. «*Якоже посла Отецъ небесный Сына Своего едиnorodнаго; и едиnorodный Сынъ Божій послалъ апостоловъ; и апостолы, или паче Духъ Святой чрезъ апостоловъ, послалъ богоносныхъ отцевъ нашихъ, а сіи паки другихъ, преемствовавшихъ имъ; и такимъ образомъ наконецъ и мы, аще и бранные или скудѣльные, присоединены къ златой чистой, и божественной цѣпи посланниковъ Господнихъ. Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы*»³⁾. Отсюда видно, что въ основѣ взгляда на начало епископскаго служенія у Филарета лежитъ мысль о божественномъ посланничествѣ, непрерывномъ его преемствѣ отъ самого Бога Слова, преподавашаго первоначально этотъ даръ Святаго Духа апостоламъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ епископамъ, что это учрежденіе не человѣческое, но *Божеское*. Только что сказанное яснѣе подтверждается словами митрополита Филарета въ его рѣчи, по рукоположеніи преосвященнаго Іосифа, епископа Дмитровскаго. «Что скажу, говоритъ Филаретъ, о тайнодѣйствии молитвъ и рукоположенія сопастырей? Чинъ ли только это церковный? Человѣческое ли только служеніе? — Словомъ человѣческимъ создать строителя тайнъ Божіихъ? Руками человѣческими содѣлать дѣло Божіе? Кто возмечталъ бы сіе?

1) Сочин. Филар. т. II, стр. 172.

2) Ibid. 173.

3) Ibid.

Кто на сіе отверзъ бы несмысленно уста? Кто простеръ бы дерзновенно руку?.. Духъ Святой *постави епископы* вначалѣ: Онъ поставляетъ ихъ и до скончанія вѣка. Онъ дышалъ на апостоловъ силою Своею въ подобіи дыханія бурнаго; и еще дышетъ въ движеніи таинственныхъ словесъ на тайнодѣйствующаго и тайнодѣйствуемаго. Онъ почилъ на апостолахъ въ огненныхъ языкахъ, и на ученикахъ апостольскихъ—въ рукоположеніи апостольскомъ: Онъ почиваетъ и нынѣ на избираемыхъ Имъ и освящаемыхъ въ таинственномъ рукоположеніи отъ освященныхъ прежде преемствомъ этого же духовнаго рукоположенія¹⁾. Этими немногими, но сильными и яркими чертами Филаретъ изобразилъ всю богопреданность архіерейскаго сава, всю продолжающуюся донынѣ, и нисколько не уменьшающуюся, нисколько не увеличивающуюся, его силу, всю его божественность. Какой свѣтлый, полный непоколебимой увѣренности, возвышенный взглядъ! Какая живая вѣра, соединенная съ какимъ то священнымъ воодушевленіемъ! Какое глубокое до увѣренности проникновеніе въ тождественность совершившагося нѣкогда въ Іерусалимѣ, въ сіонской горницѣ, и совершающагося сейчасъ при тайнодѣйственномъ рукоположеніи! Это дыханіе Духа, испедшее отъ Іерусалима, Филаретъ видитъ простирающимся и сейчасъ, какъ бы осязуемымъ; чувствуетъ силу Духа, дѣйствующую, дышащую и сейчасъ, слышитъ слово: *Азъ посылаю вы* неумолкнѣ донынѣ; и лишь только не слышитъ шума подобнаго бурному дыханію, лишь только не видитъ огненныхъ языковъ, сѣдящихъ на епископахъ.

Отсюда Филаретъ, основываясь на ученіи апостольскомъ, говоритъ, что епископство есть «даръ Божій»²⁾, «дарованіе Божіе»³⁾, «дарованіе, предназначенное къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла

1) Сочин. Филар., т. IV, стр. 227.

2) Сочин. Филар., т. III, стр. 284—285; V, 432, 553.

3) Ibid. III, 116.

Христово» (Ефес. IV, 12) ¹⁾. «Служеніе высокое, по благодати данной ему, смиренное, по примѣру и заповѣди смиреннаго сердцемъ Иисуса Христа, трудное, по причинѣ страстей и немощей человѣческихъ, спасительное по своей цѣли» ²⁾).

Соотвѣтственно такому возвышенному взгляду на начало епископскаго служенія митрополитъ Филаретъ также возвышенно смотритъ и на продолженіе его. Созерцая предносившійся его взорамъ образъ архіерея, онъ начерталъ его такимъ же высокимъ, какъ высокъ его первоначальный образъ или что то же начало этого сана. Мы видимъ архіерея, облеченнаго Филаретомъ во всеоружіе принадлежащаго ему сана. Филаретъ даетъ намъ изображеніе архіерея,—какимъ онъ долженъ быть по отношенію самъ къ себѣ и по отношенію къ другимъ.

Архіерей постояннымъ напутствіемъ въ прохожденіи своего служенія долженъ имѣть мысль о божественномъ посланничествѣ Иисуса Христа, какъ первоначальномъ образѣ полученнаго имъ сана; т.-е., чтобы твердо идти по пути своего служенія, архіерей непрестанно долженъ имѣть въ виду всю высоту полученнаго имъ сана, его начало, его божественное установленіе въ смыслѣ продолженія дѣла Христова.

Главную силу для себя и охраненіе во всѣхъ могущихъ встрѣтиться затрудненіяхъ, недоумѣніяхъ онъ долженъ находить въ увѣренности, что его поставилъ Духъ Святой, почему и все прохожденіе служенія архіерея должно быть проникнуто съ одной стороны страхомъ послѣдующей отвѣтственности, съ другой—надеждою облегченія и помощи въ дѣлѣ, которое творить Святой Духъ ³⁾).

Засимъ предъ лицомъ своимъ онъ долженъ имѣть пройденный и уже совершенный путь его предшественниками:

¹⁾ Ibid. III, 279.

²⁾ Ibid., т. V, стр. 512.

³⁾ Ibid., т. V, стр. 492—493; 571.

апостолами, пророками, святителями; словомъ вся исторія архіерейства должна быть предъ лицомъ архіерея, и изъ нея онъ долженъ почерпать бодрость духа, воспламенять ревность, почерпать примѣры въ отдѣльныхъ случаяхъ своей практики. Онъ долженъ помышлять о томъ дарованіи, «которымъ благовѣстники предали и неповрежденнымъ сохранили Евангеліе Христово, которымъ пророки освѣщали мракъ сокровеннаго и будущаго, которымъ апостолы преобразовали міръ языческій въ христіанскій, которымъ Іоаннъ возгремѣлъ о Богѣ Слово, которымъ Петръ поколебаль синагогу, которымъ Павелъ *отъ Іерусалима и окрестъ даже до Илирика исполнилъ благовѣствованіе Христово* (Рим. XV, 19), которымъ Аѳанасій, Василій, Григорій утвердили православіе и низложили ереси, отъ котораго Іоаннъ златыми струями ученія усладилъ и наполнилъ Церковь»¹⁾. Но этого мало. Архіерей долженъ не только помышлять о семъ, но и подражать имъ, «взирать на ихъ образъ, какъ на путеуказательный свѣтильникъ»²⁾, стремиться подражать ангеламъ, быть возвышеннымъ и духовнымъ, ибо «епископъ есть ангелъ Церкви»³⁾, почему онъ долженъ имѣть и соответствующія ангелу качества: «умъ свѣтелъ, сердце чисто, мысли и желанія духовны, жизнь удаленную отъ нечистоты плоти и міра»⁴⁾ и вообще долженъ имѣть всѣ тѣ качества, какія присущи ангелу,—которымъ онъ долженъ быть,—служителю неба и потому чуждому всего земнаго, грѣховнаго.

Какъ орудіе Духа Святаго, епископъ долженъ быть имѣющимъ «умъ и сердце горѣ, какъ сосуды, вѣрою и молитвою открытые къ вышнему Источнику свѣта и силы»⁵⁾.

Онъ долженъ часто вспоминать одно изъ апостольскихъ

¹⁾ Ibid., т. III, стр. 280.

²⁾ Т. V, стр. 471.

³⁾ Т. V, стр. 52.

⁴⁾ Ibid., 53.

⁵⁾ Ibid., 492.

увѣщаній: «образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовью, духомъ, вѣрою, чистотою» (1 Тим. IV, 12) ¹⁾. «Надъ всякою мыслию епископа должно владычествовать слово Христово, надъ всякимъ мудрованіемъ человѣческимъ—Божія премудрость» ²⁾.

Идеаломъ же внутренняго усовершенствованія архіерея должно быть «высшее помазаніе и освященіе ума такимъ вѣдѣніемъ Святыя Троицы, которое было бы вмѣстѣ и непрестаннымъ ей поклоненіемъ» ³⁾, такъ какъ и самое назначеніе ниспосланія епископской благодати «есть служеніе таинству и славѣ Пресвятыя Троицы» ⁴⁾.

Даже и внѣшніе видимые знаки архіерейскаго сана—святительскія одежды Филаретъ считалъ имѣющими символическое значеніе. Это не простыя облаченія, а суть знаменія тѣхъ даровъ и добродѣтелей, которыми Пастыреначальникъ Иисусъ Христосъ облачаетъ Ему посвященныхъ ⁵⁾. Онѣ должны ему указывать на тотъ поступательный образъ, которымъ онъ долженъ идти въ области нравственнаго самоусовершенствованія, направленнаго къ тому, чтобы архіерей со дня на день благодѣпнѣе и совершнѣе облачался въ свойства и добродѣтели своего Пастыреначальника: «въ Его премудрость, въ Его ревность по славѣ Божіей, въ Его чистоту, въ Его смиреніе, въ Его челоувѣколюбіе» ⁶⁾.

Для того, чтобы служеніе церкви было многоплодно и благонадежно архіерей долженъ быть подвижникомъ. Божественная Любовь, пострадавшая и умершая, говоритъ Филаретъ, не отречется даровать силу для подвига, если ей принести желаніе подвига ⁷⁾. Подвигъ архіерея долженъ

¹⁾ Ibid., т. V, стр. 225.

²⁾ Ibid., т. IV, стр. 227.

³⁾ V, 432.

⁴⁾ IV, 226.

⁵⁾ III, 283.

⁶⁾ Ibid., т. IV, стр. 227—228.

⁷⁾ V, 53.

простирается до самопожертвованія. Подвизаясь для церкви, которую «Богъ *стяжалъ кровію Своею*, взирая на сей безмѣрный подвигъ Его... намъ ли тяжело будетъ, убѣждаетъ Филаретъ, изъ любви и благодарности къ Нему, въ служеніи церкви Его, принести Ему въ жертву наши способности и силы, нашъ трудъ и покой, ваши утѣшенія и скорби, и если бы потребовалось, и самую жизнь»¹⁾. Самый жезлъ архіерейскій долженъ служить подпорою для изможденнаго подвигами тѣла, «необходимую подпорою для изнуреннаго подвигами внѣшняго человѣка, когда обновляется внутренній, поколику тлѣетъ внѣшній»²⁾.

Чтобы быть постоянно на подобной идеальной высотѣ, остаться вѣрнымъ высотѣ своего званія, архіерею надлежитъ быть непрестаннымъ стражемъ самого себя, быть постоянно въ состояніи духовнаго бодрствованія. Архіерей, «какъ участникъ жизни благодатной, наипаче же какъ орудіе для распространенія оной», долженъ *возрѣвать даръ Божій, живущій въ немъ возложеніемъ рукъ*, «возбуждать, питать, возвращать»³⁾. Необходимыя для сего средства и пособія суть: молитва вѣры, Слово Божіе, воздыханіе къ *Духу истины*, ревность и вѣрность въ порученномъ дѣлѣ, примѣры твердыхъ подвижниковъ, терпѣніе, больше же всего мысленное и сердечное созерцаніе Господа Иисуса, любовь къ Его кресту, «неуклонное зрѣніе на образъ Христовъ, который долженъ быть отличіемъ не столько на персяхъ и на сердцѣ, сколько въ персяхъ и въ сердцѣ»⁴⁾.

Указывая на дарованіе Божіе, носимое «*въ скудельныхъ сосудахъ*» (2 Кор. IV, 7), т.-е. на недостатки и немощь человѣческой природы, Филаретъ, согласно съ апостоломъ, напоминаетъ архіерею: «*не неради о дарованіи живущемъ въ*

¹⁾ V, 494.

²⁾ Ibid., 226.

³⁾ III, 285.

⁴⁾ III, 285; V, 432; 554.

тебѣ, еже дано тебѣ бысть съ возложеніемъ рукъ», указывая этимъ на обязанность его—хранить, умножать, возобновлять свое освященіе надлежащими къ тому средствами. «Не неради». Съ помощію этого краткаго и простаго правила, указываетъ Филаретъ, можно «такъ близко итти за самыми апостолами, какъ святой Тимоѳей за святымъ Павломъ»¹⁾).

Для болѣе успѣшнаго дѣйствованія въ кругу своихъ служебныхъ обязанностей архіерею надлежитъ быть въ единеніи съ другими епископами, стать въ совѣщательныя сношенія съ старѣйшими изъ нихъ, потому что «при недостаткѣ епископскихъ общеній, опытность однихъ не можетъ приносить плодовъ, которые могли бы принести посредствомъ подаваемыхъ совѣтовъ, и неопытность другихъ можетъ иногда приносить незрѣлые плоды незрѣло обдуманнаго дѣйствованія», а потому епископу должно «не опираться самонадѣянно на свое мудрованіе, а любить братскій совѣтъ соепископовъ»²⁾).

Такова внутренняя жизнь архіерея, таково должно быть внутреннее его состояніе. Таковымъ долженъ быть архіерей по отношенію самъ къ себѣ.

Обращая вниманіе на отношеніе его къ другимъ, мы видимъ, что митрополитъ Филаретъ изобразилъ эти отношенія, на основаніи того же священнаго писанія, столь же высокими и отвѣтственными.

Исходя изъ того же основанія, что архіерея поставляетъ Духъ Святой, онъ долженъ и въ отношеніи къ другимъ быть неослабнымъ ревнителемъ своего дѣла и потому угожденіе людямъ, даже свое собственное самоугодіе повергать предъ угожденіемъ Богу: «сто кратъ лучше мнѣ, онъ долженъ говорить себѣ, оставить страстныхъ чловѣковъ неудовлетворенными, и самому перенести отъ нихъ скорби, нежели опечалить и огорчить поставившаго меня Духа истины и правды»³⁾).

¹⁾ III, 116—117.

²⁾ V, 471.

³⁾ V, 432; 571.

Архіерей долженъ быть исповѣдникомъ истины и правды. Филаретъ видитъ это изъ словъ, сказанныхъ Христомъ Пилату: *«на сіе родихся, и на сіе приидохъ, да свидѣтельствую истину (Іоан. XVIII, 37); дерзай, поэтому говорить Филаретъ архіерею, и ты за Нимъ на сіе идти, да свидѣтельствуешь истину, не страшась враговъ ея, и не смущаясь видомъ сильныхъ земли: глаголю о свидѣніяхъ Его предъ цари, и не стыдися (псал. CXVIII, 46)»*¹⁾.

По образу вротости своего Пастыреначальника и архіерей долженъ быть въ отношеніи къ другимъ вроткимъ, *«чтобы и трости сокрушены не преломить, и мна курящая не угаситъ (Матѳ. XII, 20), а поминая свѣдавшую ревность о Домѣ Божіемъ того же Пастыреначальника, архіерей долженъ исполниться таковой же ревностью о вѣренной ему церкви*²⁾.

Въ особенности же онъ долженъ безпристрастно и осмотрительно относиться къ тѣмъ, которые будутъ принимать участіе въ благодати священства. Въ этомъ случаѣ онъ долженъ имѣть *«святую ревность къ очищенію Дома Божія отъ соблазновъ, съемыхъ недостойными служителями Олтаря; для чего со страхомъ воспоминать нерадѣвіе первосвященника Илія, которое кончилось погибелію его и его дѣтей, и уничиженіемъ самой святыни Кивота Божія»*³⁾.

Такая же преданность своему служенію, доходящая до самопожертвованія, должна быть у архіерея и въ дѣлѣ спасенія вѣренныхъ его попеченію овецъ, по отношенію къ которымъ онъ долженъ не имѣть какой-либо другой заботы, какъ пріобрѣтеніе имъ вѣчной жизни. Вышимъ образцомъ для него въ этомъ дѣлѣ служить самъ Господь Іисусъ Христосъ, искупившій всѣхъ кровію Своею, а потому архіерей, какъ освященный стражъ дому церкви

¹⁾ II, 173.

²⁾ Ibid.

³⁾ III, 117.

Божіей, долженъ быть стрегущимъ стадо свое бдительно, руководствующимъ оное дѣятельно и вѣрно, а «если, угрожаетъ Филаретъ, какая душа, искупленная кровію Христовою, не сохранится на пути спасенія, и не обратится съ пути погибели, по твоему нерадѣнію, кровь ея отъ руки твоя взыщется тѣмъ строже, что была она искуплена кровію безцѣнною»¹⁾).

Въ этомъ случаѣ, какъ видно, архіерей не долженъ быть однимъ только администраторомъ, исполнителемъ правилъ или блюстителемъ внѣшняго порядка и благоустройства, но, послѣдую Верховному Спасителю, долженъ «быть орудіемъ спасенія душъ человѣческихъ»; «воспріими, говоритъ Филаретъ, духъ пастыря добраго, душу свою полагающаго за овцы»²⁾).

Свойство истиннаго пастыря есть знаніе своихъ овецъ, знаніе не только внѣшняго ихъ благосостоянія, но и ихъ внутренняго, душевнаго состоянія. Чтобы обладать такимъ знаніемъ, архіерей долженъ имѣть дарованіе духовной прозорливости,—одно изъ потребностей своего званія. «Нѣкоторые изъ насъ, замѣчаетъ Филаретъ, къ сожалѣнію, не имѣютъ, и, къ осужденію своему, не стараются имѣть даже обыкновеннаго познанія о внутреннемъ состояніи овецъ, имъ ввѣренныхъ... Одни думаютъ, что все дѣло священника состоитъ въ священнослуженіи по древнему чиноположенію; другіе выше всего поставляютъ искусственную проповѣдь; иные надѣются спасти духовное стадо свое одною властію вязать и рѣшить, какъ бы ни была она употребляема. Необходимо и спасительно все, и священнослуженіе, и проповѣдь, и власть вязать и рѣшить»³⁾).

Отсюда раскрываются внѣшнія обязанности архіерея; связанныя съ его служеніемъ, какъ пастыря овецъ. Объ-

¹⁾ III, 444.

²⁾ II, 173.

³⁾ II, 43—44.

занности эти суть: «молитва, учение, управление, церковный суд»¹⁾).

Каковыми по своему качеству должны быть эти обязанности? Филаретъ самъ, въ краткихъ, но содержательныхъ словахъ, даетъ намъ отвѣтъ. «Подвизайся, говорить онъ, чтобы молитва была крѣпка и чиста, учение православно, управление благопопечительно, судъ праведенъ и растворенъ милостію»²⁾). Въ этихъ немногихъ словахъ онъ далъ, ясную, мѣткую характеристику архіерейской дѣятельности. Именно: молитва должна быть крѣпка и чиста, потому что исходить отъ человѣка, который долженъ стараться самъ быть такимъ; «учение православно» т.-е. основаніемъ для него должно служить слово Божіе, такъ какъ и самъ архіерей есть непрестанный благовѣстникъ его, духовный дѣятель и послѣдователь Христа и другихъ Его преемниковъ, преподавшихъ это самое слово; «судъ праведенъ и растворенъ милостію», ибо цѣлю отношеній архіерея къ своимъ словеснымъ овцамъ должно быть приобрѣтеніе имъ вѣчной жизни. «Сію цѣль указываетъ Филаретъ, должно намъ имѣть въ виду, во всѣхъ отношеніяхъ нашихъ къ словеснымъ овцамъ, учимъ ли во храмѣ, бесѣдуемъ ли въ домѣ, утѣшаемъ ли въ скорби, разрѣшаемъ ли отъ грѣховъ, даже связуемъ ли,—и въ семъ послѣднемъ случаѣ, угрожая вѣчною смертію, мы должны имѣть въ намѣреніи вѣчную жизнь, дабы и стоящихъ на краю гибели *страхомъ спасти отъ огня восхищающе*» (Иуд, I, 23)³⁾. Отсюда и самый жезлъ архіерея, символъ архипастырской власти, или сама власть архіерея должна быть болѣе пасущей, нежели наказующей, болѣе угрожающей, нежели поражающей, жезлъ не столько жезлъ власти, сколько жезлъ правости; онъ

¹⁾ V, 512.

²⁾ Ibid.

³⁾ II, 45.

долженъ быть, «какъ жезлъ Господень, *утѣшеніемъ пасомыхъ*»¹⁾).

Таковъ идеаль архипастырскаго служенія митрополита Филарета. Создавъ его, Филаретъ старался, по мѣрѣ возможности, приблизиться къ нему, осуществить его. Святитель твердо шелъ по начертанному имъ самимъ пути. Онъ воспринялъ образъ пастыря добраго, душу свою полагающаго за овцы своя. Смотри на епископскій санъ, какъ на трудный и непрестанный подвигъ, Филаретъ былъ истымъ, высокимъ подвижникомъ вѣры и любви христіанской на этомъ поприщѣ. Онъ былъ неустаннымъ и немолкаемымъ проповѣдникомъ и благовѣстникомъ единаго, истиннаго и вѣчнаго Слова, бдительнымъ и неуспыннымъ стражемъ Церкви Божіей, нелицеприятнымъ судіей, судившимъ правдою и растворявшимъ свой судъ милостію. За все время своего пятидесятилѣтняго архипастырскаго служенія, онъ представлялъ образъ для всѣхъ вѣрныхъ: «*словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою*» (I. Тим. IV, 12). «Это былъ какой-то нравственный монолитъ, всегда себѣ равный, во всемъ себѣ тождественный»²⁾. «Онъ былъ епископъ... съ утра до вечера, и съ вечера до утра»³⁾. Филаретъ такъ близко стоялъ къ созданному имъ идеалу архипастырскаго служенія, что какъ бы воплощалъ его въ самомъ себѣ.

Михаилъ Звѣздинскій.

¹⁾ III, 117; 445.

²⁾ Черты нравственнаго облика московскаго митрополита Филарета. Профессора А. П. Лебедева. См. *Душеполезное Чтеніе* за 1905 г. №№ 9—11.

³⁾ О блаженной кончинѣ приснопамятнаго митр. Филарета. Терм. Мелегія. Москва 1867. стр. 103.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ТАИНСТВЕННОГО, ¹⁾

Прочтя книгу «Изъ области таинственнаго», я и самъ вспомнилъ о тѣхъ случаяхъ «явленія умершихъ», которые имѣли мѣсто въ семьѣ нашей. Мнѣ хотѣлось бы также повѣдать о нихъ. И пусть предлагаемый рассказъ будетъ явнымъ подтвержденіемъ той евангельской истины, которая возвѣщаетъ намъ о безсмертіи души и общеніи умершихъ съ людьми живыми.

Моя покойная тетя Клеопатра Ивановна Махина послѣдніе годы своей жизни безвыѣздно проживала въ селѣ Семейкахъ, Воронежской губерніи. Господь послалъ ей тяжкое испытаніе: у нея еще женщиной нестарой, отъ неизвѣстной причины образовался ракъ желудка. Болѣзнь затяжная и безусловно смертельная, причемъ наступленіе кончины въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно происходитъ отъ голодной смерти... Такимъ образомъ, всѣ мы, близкіе окружающіе, уже заблаговременно знали о неизбѣжности предстоящаго конца и по необходимости готовились къ тому своевременно.

Въ домѣ тети часто бывалъ ея ближайшій сосѣдъ, нѣкто Семенъ Константиновичъ Судьевскій. Мы всѣ такъ

¹⁾ За справедливость тѣхъ фактовъ, которые мною изложены въ предлагаемой статьѣ, я ручаюсь, почему даже не считъ нужнымъ скрывать настоящія имена указанныхъ въ ней лицъ, будучи увѣреннымъ, что, если бъ даже и нашлись въ живыхъ нѣкоторые изъ прошедшихъ тамъ лицъ, то, конечно, они не замедлятъ подтвердить изложенную истину. *Авторъ.*

любили его, что смотрѣли на него все равно, какъ на близкаго родного. Сама тетья его также очень любила и зачастую называла его просто Сенею.

Въ то именно время, когда больной стало особенно плохо, Семень Константиновичъ долженъ былъ уѣхать въ Москву по одному неотложному личному дѣлу. Тамъ, оставившись въ гостиницѣ, онъ со дня на день выжидалъ окончанія своего дѣла, почему и не могъ возвратиться скоро домой. Затѣмъ, когда покончилъ съ докучнымъ дѣломъ и возвратился въ деревню, то уже не засталъ въ живыхъ Клеопатры Ивановны.

Встрѣтивъ его, мы конечно тотчасъ начали рассказывать о ея кончинѣ. Онъ же, насъ выслушавъ, проговорилъ раздумчиво:

— Такъ оно и есть, какъ оповѣщалось мнѣ...

Его слова насъ очень удивили, тѣмъ болѣе, что никто не извѣщалъ его ранѣе о недавней кончинѣ тети.

Межъ тѣмъ онъ продолжалъ:

— Да, друзья мои, я узналъ о ея смерти въ тотъ самый часъ, когда она переселилась въ вѣчность...

— Какимъ образомъ?

— Она сама возвѣстила о томъ.

— Неужели!..

— Клявусь собственною совѣстью, что это такъ, и все случилось, произошло на яву.

— Расскажите.

— Въ день ея кончины — началъ онъ — незадолго до наступленія вечера, возвратившись въ номеръ, я сталъ ходить изъ угла въ уголъ, озабоченно обдумывая о результатахъ заканчиваемаго дѣла. Постепенно вечерѣло. Вдругъ, повернувшись въ одномъ изъ угловъ и вскинувъ глазами въ противоположную сторону, я увидѣлъ въ другомъ углу совершенно бѣлый предметъ, какъ будто бы слегка колыхавшійся. Я пошелъ къ нему. Онъ моментально исчезъ. — Что за странность — подумалъ я, направляясь въ тотъ уголъ, гдѣ показался предметъ. Дойдя до стѣны, я

снова повернулся и уже вижу въ первомъ углу, откуда только что ушелъ, тотъ самый предметъ, будто принявшій неясный контуръ человѣка. Затѣмъ, на одинъ лишь мигъ, въ верхней его части вполне отчетливо обрисовалась голова нашей дорогой Клеопатры Ивановны. Я невольно простеръ къ привидѣнію свои руки, и оно тотчасъ же стало невидимымъ... Меня взяла оторопь. Я перекрестился и поспѣшилъ зажечь свѣчу. Взглянулъ на часы. Замѣтилъ время и сказалъ себѣ убѣжденно—«навѣрное она скончалась. Да упокоить Господь душу ея въ селеніяхъ праведныхъ»...

— Удивительно—проговорили мы.—И, провѣривъ замѣченное Судьевскимъ время съ дѣйствительнымъ временемъ тетиной кончины, вполне убѣдились въ совершенной его тождественности.

Второй случай такой.

Моя родственница, Анна Степановна Голованова, рассказывала, что она въ важныхъ моментахъ жизни близкихъ ей лицъ имѣла сверхъестественное предупрежденіе со стороны своего покойнаго отца.

— Первый разъ—передавала она,—это было наканунѣ смерти моего пятилѣтняго сына, который умеръ совершенно неожиданно, отъ удущья дифтеритомъ, причемъ мы даже не успѣли его приобщить. Вотъ тогда-то и поняли мы, что покойный папенька предупреждалъ меня своевременно, дабы была готова къ его смерти и успѣла причастить сына. Однако въ то время ни я и никто изъ домашнихъ не обратили на это должнаго вниманія, приписавъ все происшедшее разстроенному воображенію... Позже, когда то же явленіе повторялось при болѣзняхъ, постигавшихъ мою любимую сестру и затѣмъ черезъ три года—старога дядю,—я уже знала, что «оно» значитъ и, не взирая на наружно кажущуюся безопасность, немедленно принимала долженствующія мѣры, благодаря кото-

рымъ мои близкіе родные, не будучи готовыми къ надвигающейся кончинѣ, своевременно успѣвали выполнить послѣдній христіанскій долгъ.

Однако буду послѣдовательна.

Когда заболѣло у сына горло, мы сначала не придали такому нездоровью ничего особеннаго, вовсе не предполагая, что на слѣдующій день его уже не будетъ въ живыхъ. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ—думалось намъ—болѣзнь горла у малыхъ дѣтей явленіе заурядное; въ большинствѣ же случаевъ скоропроходящее... Укладывая ребенка съ вечера въ постель, мнѣ даже показалось, что ему какъ будто стало легче... Ночью я спала съ ребенкомъ въ просторной спальнѣ. И больше въ той комнатѣ не было никого. Единственная изъ спальни въ другія комнаты дверь на ночь прикрывалась. На этотъ разъ, отправляясь на ночлегъ, я зашелкнула и крючокъ. Сынокъ заснулъ. Вслѣдъ за нимъ уснула и я. Вдругъ меня разбудилъ какой то шорохъ... Прислушиваюсь. Доносится мѣрное шморганье по полу туфель... вмѣстѣ съ тѣмъ мое сердце усиленно забилося, и сдѣлалось такъ страшно-страшно... Я тотчасъ же узнала, кому принадлежитъ этотъ звукъ. Такъ обыкновенно шморгалъ по полу своими старыми туфлями мой покойный отецъ. Увѣренность въ его присутствіи овладѣла мною до того сильно, что я не рѣшалась даже повернуть головы, либо открывать глаза... Мѣрнымъ тяжелымъ шагомъ прошелъ онъ мимо меня, и затѣмъ въ направленіи противоположнаго угла необычайный звукъ затихъ совершенно...

На другой день, какъ снѣгъ на голову, обрушилось на насъ нежданное несчастіе,—и моего дорогого мальчика не стало...

Во второй разъ, приблизительно лѣтъ черезъ пять послѣ смерти сына, захворала зубною болью сестра моя Машенька. Какъ разъ въ то-же время я гостила у нихъ.

— Удивительное дѣло—говорить мнѣ ея мужъ,—какъ часто случается съ нею зубная боль. Вѣчные флюсы

почти не сходятъ съ ея десенъ. Сегодня видѣлъ я доктора Бер—а. Онъ предлагаетъ вскрыть опухоль флюса, увѣряя, что такъ было бы лучше.

— То-есть какъ это вскрыть?—спросила я безпокойно.

— А прямо, значить, сдѣлать надрѣзъ, утверждая въ легкости операциіи...

— Какъ бы чего хуже не вышло—замѣтила я.—Вѣдь дѣлать надрѣзы вещь не шуточная.

— Не думаю—возразилъ шуринъ.—Какъ извѣстно, отъ зубовъ не умирають; а тутъ лишь улучшится положеніе.

— Смотрите—пожала я плечами.—Вамъ виднѣе.

Передъ вечеромъ пріѣзжалъ Бер—ъ. Сдѣлалъ надрѣзъ. Затѣмъ, сказавъ на прощаніе нѣсколько успокоительныхъ фразъ, уѣхалъ восвояси. Къ ночи сестрѣ стало хуже. Опухоль раздулась еще больше, и больная, хватаясь за воспаленную скулу, неистово металась по кровати. Опять послали за Бер—омъ. Онъ не замедлил пріѣхать. Сдѣлалъ какое-то втираніе; потомъ давалъ во внутрь что то смягчающее, наркотическое... По отъѣздѣ Бер—а шуринъ и я безотлучно находились при больной. Когда же намъ показалось, что она стала засыпать, шуринъ удалился къ себѣ въ кабинетъ, а я, чувствуя замѣтное утомленіе, прилегла на кушетку,—ту самую, что стояла у изголовья больной. Было тихо. Слабо горѣлъ ночникъ. Я стала дремать. Вдругъ сквозь слабый сонъ опять услышала я шморганье по полу знакомыхъ шаговъ. Вотъ они будто издали. Потомъ все ближе и ближе... Волосы поднялись у меня дыбомъ: до того жутко сдѣлалось на сердцѣ... Однако, собравъ всю оставшуюся силу воли, я разомъ трихнула головой, быстро осмотрѣвшись кругомъ. И что же! По прежнему все было тихо, спокойно... Я вскочила съ кушетки и поспѣшно устремилась въ комнату шуринъ. Увидя его крѣпко заснувшимъ, я конечно его разбудила и рассказала о происшедшемъ. Въ свою очередь онъ также встревожился.

— Неужели возможенъ смертельный исходъ—бормоталъ

онъ растерянно.—Вѣдь это же ничто болѣе, какъ зубы...

— Видно, пути Господни неисповѣдимы—отвѣчала я убѣжденно.—Намъ же необходимо поторопиться и съ наступленіемъ утра причастить страдальцу.

Такъ и сдѣлали. Утромъ былъ приглашенъ священникъ, который исповѣдалъ и приобщилъ больную. Потомъ ей разомъ сдѣлалось хуже. Конспліумъ врачей опредѣлили гангрену скулы, и въ ночь моей доброй Машеньки не стало...

Третій разъ то же самое предупрежденіе имѣла я отъ покойнаго отца наканунѣ скоропостижной кончины моего стараго дяди, приблизительно года черезъ три послѣ смерти сестры. Онъ жилъ тогда въ одномъ съ нами домѣ и, какъ человѣкъ очень тучный и полнокровный, страдалъ частыми приливами къ головѣ. Поэтому мы невольно за него тревожились, а тѣмъ болѣе послѣ опасенія домашняго врача, указавшаго на возможность внезапной апоплексіи.

Однажды съ вечера ему особенно занездоровилось. Бывшій при немъ сынъ, не довѣряя наемнымъ лицамъ, просилъ меня «на всякій случай» провести наступающую ночь въ сосѣдней съ отцовской спальнею комнатой. Понятно я безпрекословно согласилась. Помѣстившись на ночь на мягкомъ диванѣ, я уснула довольно скоро. И вдругъ ночью—то же явленіе, лишь съ тою разницею, что шморганіе туфлями я явственно разслышала не только въ той комнатѣ, гдѣ спала, отъ дивана, но и далѣе, черезъ раскрытую дверь, вглубь дядиной спальни, по направленію его кровати...

На утро, по моему убѣдительному настоянію, дядя успѣлъ приобщиться святыхъ Христовыхъ Таинъ, послѣ чего до вечера чувствовалъ себя настолько бодрымъ, что даже началъ шутить, слегка подтрунивая надъ моею «мнительностью». Потомъ, всѣмъ пожелавъ покойной ночи, удалился къ себѣ въ спальню въ самомъ наилучшемъ расположеніи духа, а на утро его уже нашли безъ движенія, мертвымъ...

Такимъ образомъ, хотя фактически я и не видѣла за-гробнаго призрака покойнаго отца, тѣмъ не менѣе ясно сознавала, что черезъ меня онъ возвѣщалъ близкимъ на землѣ существамъ несомнѣнное предупрежденіе въ наиважнѣйшихъ случаяхъ ихъ здѣшней жизни. И, благодаря этому предупрежденію, они своевременно успѣвали очистить свою грѣшную душу таинствомъ покаянія; затѣмъ, приобщившись святыхъ Христовыхъ Таинъ, были готовы предстать предъ лицомъ Всевышняго Судіи...

Ив. Бабанинъ.

Эккурсія студентовъ Московской Духовной Академіи на Ближній Востокъ¹⁾.

18 іюля.

Пришли въ Смирну. Эккурсанты высадились на берегъ купаться. Сейчас на пароходѣ настоящій базаръ. Здѣсь продавцы открытокъ, тутъ мѣновщики денегъ, тамъ продавцы платковъ, бѣлья, шерстяныхъ рубашекъ и др. вещей. Одинъ «штукаръ» выкрикиваетъ: «есть винный ягодъ хорошъ, абрикось хорошъ». Находятся и покупатели. Нѣкоторыя вещи продаютъ очень дешево, напр., часы продаютъ за 2 руб., а въ Россіи они стоятъ рублей 5; 10 копеекъ стоятъ 4 фунта грушъ, око (3 фунта) винограда продается за 15 коп., шерстяныя рубашки — по 30 коп. у насъ въ Россіи каждая стоитъ не менѣе рубля. Здѣсь очень дешевъ коньякъ — четверть 2 р. 50 коп.

Около 5 часовъ вечера мы тронулись изъ Смирны. Пароходъ Принцъ Аббасъ, который въ Саламинской бухтѣ вмѣстѣ съ нами держалъ карантинъ, хочетъ насъ обогнать. Безъ сомнѣнія нашъ пароходъ выдержалъ бы конкуренцію, но не желаетъ этого дѣлать, потому что по распisanію онъ долженъ прійти позднеѣ.

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую кн. *Душепол.* Чт. 1907 г.

19 іюля.

Виденъ Константинополь за 3 часа ѣзды, видны Принцесы острова, Халкидонъ. Припоминаются прежнія впечатлѣнія. Хочется опять побывать въ Константинополѣ. Къ счастью, пароходъ простоить у Константинополя двое сутокъ. Когда прїѣхали на таможенную, насъ здѣсь задержали, потому что наши паспорта не были визированы въ Яффѣ. Въ это время турки были особенно осторожны насчетъ иностранцевъ, потому что нынѣшнимъ лѣтомъ на селамликѣ было покушеніе на жизнь султана. Выручилъ насъ изъ бѣды о. Галактіонъ, монахъ Пантелеймоновскаго подворья: онъ сказалъ таможенному чиновнику о насъ, что мы учимся на поповъ, и насъ пропустили безпрепятственно, потому что турки къ духовнымъ особамъ относятся съ большимъ уваженіемъ. У насъ въ Россіи учащіеся въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользуются скидкой въ 50%: точно такой же скидкой пользуется у турокъ духовенство всѣхъ исповѣданій.

Помѣстились на двое сутокъ въ Пантелеймоновскомъ подворьѣ.

20 іюля.

Мы раздѣлились на 2 группы. 1-я группа пойдетъ осматривать св. Софію и др. достопримѣчательности Константинополя съ г. Успенскимъ, директоромъ археологическаго института, а 2-я съ г. Шмидтомъ, ученымъ византологомъ. Я попалъ во 2-ю группу. По неотложнымъ обстоятельствамъ мнѣ пришлось участвовать въ группѣ послѣ обѣда. Осматривали св. Софію. На паперти подъ входными дверями сохранилось изображеніе Спасителя, Кресты. Софію мы осматривали послѣ вечерней молитвы правовѣрныхъ. Тотчасъ послѣ молитвы на полу на коврахъ въ разныхъ углахъ начались лекціи. Слушатели уже довольно почтеннаго возраста, даже старички.

Св. Софія на насъ произвела при объясненіи г. Шмидта самое пріятное, неизгладимое впечатлѣніе. Св. Софія построена въ 537 году. Куполь Софіи 4 раза окрашивался. О св. Софіи существуетъ масса легендъ, по этому поводу спеціально издана цѣлая брошюра. Г. Шмидтъ болѣе всего обращалъ вниманіе на архитектуру Софіи. Не надо забывать, что византійское архитектурное искусство—родоначальникъ всѣхъ замѣчательныхъ зданій въ мірѣ: храмъ св. Петра въ Римѣ—это развитіе архитектуры Софіи. Очень жаль, что русскіе мало обращаютъ вниманія на изученіе археологическихъ памятниковъ. Напримѣръ совсѣмъ забыть городъ Мистра (въ Спартѣ), гдѣ въ цѣлости сохранилось все византійское—храмы, дворцы, министерства. Зашелъ разговоръ о русскомъ стилѣ зданій. Оказывается, самобытнаго русскаго стиля не существуетъ. Русскій стиль, по выраженію г. Шмидта,—это смѣсь индійскаго съ византійскимъ на татарскомъ соусѣ. Какъ?—возражаемъ мы, а главы русскихъ храмовъ на подобіе луковиць? Это индійскаго происхожденія—получаемъ въ отвѣтъ. Господа,—говоритъ Шмидтъ,—мы должны благодарить турокъ за то, что они не разрушили ни одного христіанскаго памятника, а напротивъ бережно ихъ хранятъ. Г. Шмидтъ о св. Софіи сказалъ, что онъ не знаетъ лучшаго въ мірѣ зданія, какъ св. Софія. Нѣкоторые изъ насъ къ этому отнеслись скептически. Но нельзя ему не сочувствовать: вѣдь онъ искренній ученый византологъ, а мы профаны. О Константинополѣ Шмидтъ сказалъ, что онъ его нѣжно любитъ.

21 іюля.

Прощаемся съ Константинополемъ. Пароходъ пошелъ въ 10 часовъ утра. Можегъ быть, послѣдній разъ любимеся видами Константинополя. Прощайте, Стамбуль, Св. Софія, Фанара, проч., проч. и проч. Входимъ въ Босфоръ. Лѣвый берегъ его представляетъ прекрасную картину—зелень, сады, изящные дома, обращенные въ бѣлый, сѣ-

рый, желтый цвѣта. Я долго любовался видами Босфора. Сегодня я могу сказать вмѣстѣ съ византологомъ Шмидтомъ, что и я Константинополь нѣжно люблю.

Пароходъ останавливался около дома нашего русскаго посла. Отсюда прибыли на пароходъ ректоръ и директоръ Археологическаго института Успенскій.

По Босфору шли приблизительно 2 часа.

Когда вышли въ Черное море, началась качка. Чувствуется не хорошо. Тошнить. Ничто не интересуетъ. Овладеваетъ анатія. На носу и на кормѣ качка ощущается сильнѣе, чѣмъ въ средней части парохода.

Часовъ въ 5 вечера, когда уже солнце значительно склонилось къ западу, лучи его давали на морѣ большую широкую свѣтлую дорогу, смотря на которую нельзя было не любоваться. Сейчасъ люблюсь солнечнымъ закатомъ. Солнце почти у самаго горизонта, черезъ 2 минуты его совсѣмъ не стало—закатилось въ 7¼ час.

22 іюля.

Скоро увидимъ берега нашей матушки Россіи. Осталось пути 740 верстъ. Говорятъ, что уже виденъ Одесскій маякъ.

Прощай, страна священныхъ воспоминаній, страна, пробуждающая, сохраняющая, согревающая религіозное чувство. Прощайте, и вы дорогіе по воспоминаніямъ Каиръ, Мемѳисъ, Бейрутъ, Тарсъ, Мерсина, Смирна, Солунь, Аѳонъ, Аѳины, Константинополь! Можетъ быть, когда-нибудь сидя въ своемъ убогомъ кабинетѣ, склонивши голову на альбомъ съ видами незабвенныхъ дорогихъ мѣстъ я буду съ большимъ удовольствіемъ вспоминать видѣнное, слышанное и пережитое мною во время путешествія; буду передавать моимъ собесѣдникамъ тѣ мысли, чувства и желанія, которыми полна была душа моя въ теченіе двухмѣсячнаго путешествія.

Боже мой! Какъ я радъ, что совершилъ такое путешествіе, котораго не думалъ совершить во всю свою жизнь.

Я въхалъ на лишенія, а все время проводилъ въ роскоши, нѣтъ, при отеческой, материнской заботливости встрѣчающихъ и провожающихъ насъ. Мнѣ думается, что сколько бы я ни путешествовалъ за всю остальную мою жизнь, не придется встрѣтить такого почета и уваженія, отеческой заботливости, какія мы встрѣчали во все время пути. 2 мѣсяца мы провели какъ во снѣ, не замѣтили, какъ прошло время—такъ хорошо и пріятно было путешествіе. Путешествіе, безъ сомнѣнія, пробудило наше религіозное чувство. Въдъ мы созерцали дорогія каждому христіанину священныя мѣста. Въ научномъ отношеніи путешествіе разширило нашъ умственный кругозоръ. Понятія и представленія, кеторыя мы пріобрѣли на школьной скамьѣ, обновились, просвѣтились и закрѣпились. Несомнѣнно и то, что это путешествіе дастъ толчокъ къ дальнѣйшимъ путешествіямъ. Теперь я не могу себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ я буду разсматривать въ Третьяковской галлерей картины моря Айвазовскаго. Море на меня произвело сильное впечатлѣніе. Послѣднія минуты проводилъ на морѣ. Какъ жаль разставаться съ моремъ. Вспомнилъ я стихотвореніе Вл. Соловьева: «Прощаніе съ моремъ»:

Снова и снова иду съ тоскою влюбленной
Жадно впиваться въ твою безконечность очами,
Нужно разстаться и съ этой подругою свѣтло-зеле-
ной...

Вмѣстѣ, о море, мы ропщемъ, но влаги соленой
Я не умножу слезами.

Въ путь одинокій и зимній съ собой заберу я
Это движенъе живое, и голось, и краски,
Въ ночи безсонныя, дальней красою чаруя,
Ты мнѣ напомнишь свои незабвенныя ласки.

Часовъ въ 5 вечера мы уже шли по улицамъ Одессы по направленію къ Пантелеймоновскому подворью. Та-

моженный осмотръ сошелъ, слава Богу, благополучно. Насъ ожидаетъ еще осмотръ вещей, оставленныхъ нами въ Яфѣ, изъ-за нихъ-то мы и будемъ сидѣть въ Одессѣ.

Какъ пріятно, радостно итти по своей почвѣ. Запахло Русью.

23 іюля.

Одесса. Утромъ были въ еврейской синагогѣ (уголъ Еврейской и Пушкинской). Синагога очень большое, свѣтлое, чистое зданіе. Въ синагогѣ совершалось богослуженіе. Въ передней части синагоги, обращенной на западъ, священнодѣйствующій читалъ молитвы, а хоръ пѣлъ гимны. Мужчины молящіеся сидятъ на скамьяхъ въ шляпахъ, фуражкахъ съ молитвенниками въ рукахъ, женщины молятся на хорахъ. Мы сняли было свои фуражки, но, получивъ замѣчаніе, мы снова ихъ надѣли. Въ синагогѣ во время богослуженія мы разговаривали съ однимъ интеллигентнымъ евреемъ, который любезно давалъ намъ объясненія. Онъ сообщилъ намъ, что ихъ раввины получаютъ довольно приличное вознагражденіе около 5 тысячъ руб. въ годъ, пѣвчіе получаютъ рублей по 60 въ мѣсяць. Мѣста для сидѣнья въ синагогѣ нокупаются прихожанами на цѣлый годъ, цѣна мѣстамъ отъ 30 руб. въ годъ и выше. Мы присутствовали во время торжественной части богослуженія, когда раввины переносили свитокъ закона на средину синагоги. Всѣ молящіеся цѣловали свитокъ при пѣніи заунывныхъ гимновъ, мелодіи которыхъ походять на нѣкоторыя мѣста изъ нашихъ херувимскихъ.

24 іюля.

Получили извѣстіе, что пароходъ «Цесаревичъ», на который сданы были наши вещи въ Яфѣ, прибудетъ 26 іюля. Скучно жить безъ дѣла въ Одессѣ. Здѣсь стоитъ страшная жара, доходящая до 45°.

Утромъ присутствовали за богослуженіемъ въ церкви

Пантелеймоновскаго подворья, въ греческой церкви на Екатерининской улицѣ, въ католическомъ польскомъ костелѣ. Въ костелѣ слушали проповѣдь молодого проповѣдника. Польскій языкъ производитъ впечатлѣніе знакомаго намъ языка славянскаго. На обратномъ пути созерцали еврейскую похоронную процессію. Провожающіе покойника—въ шапкахъ.

Каждый день ѣдимъ 2 раза купаться на море въ «Ланжеронъ». Купанье дѣйствуетъ на насъ очень благотельно послѣ труднаго путешествія.

Вечеромъ сегодня ѣздили по желѣзной дорогѣ на Андреевскій лиманъ. Здѣсь мы гуляли. Вблизи лимана находятся цѣлебныя грязи, купальни. Вода содержитъ такъ много солей, что поверхность берега съ осѣвшей на ней солью производитъ впечатлѣніе свѣжнаго покрова.

25 іюля.

Сегодня мы узнали, что такое сопосамент на таможнѣ. Пришелъ пароходъ «Цесаревичъ», на которомъ отосланы были наши вещи изъ Яффы. вмѣсто 26 мѣствъ оказалось 27. Изъ-за этого пошли спросы да допросы, придирки со стороны таможеннаго начальства. Съ 9 часовъ утра до 4 ч. вечера, не пивши и не ѣвши, мы находились у пароходной пристани и въ таможнѣ. Большое спасибо Г. Осипову за то, что онъ принялъ участіе въ нашемъ дѣлѣ. Его стараніями дѣло было улажено къ 4 часамъ вечера. Поистинѣ, сегодня мы претерпѣвали мытарства. Смѣшно и болѣе всего досадно на бюрократическое начальство таможни. Въ этотъ день столько накопилось желчи и злобы: вмѣсто того, чтобы поѣхать сегодня домой, въ Москву, на часовомъ поѣздѣ, мы остаемся въ Одессѣ еще на сутки.

Утро съ его суматохой и злобой было забыто. Мы съ товарищемъ поѣхали въ «Аркадію». Это, поистинѣ, счастливый уголокъ дачной жизни въ Одессѣ. Электрическое освѣщеніе. Повсюду зелень. Масса гуляющей публики въ жарядныхъ костюмахъ. Спускаемся по лѣстницѣ къ морю.

Любуемся моремъ. Слушаемъ плескъ волнъ. Луна бросаетъ лучи свои на море. Волшебная, очаровательная картина...

26 іюля.

Утромъ ходилъ на соборную площадь. Послѣдній разъ любовался на соборъ. Отыскалъ университетъ, помѣщающійся въ 2-хъ зданіяхъ на Преображенской и на Елисаветинской улицахъ. Нашелъ городское училище Либмана—уголъ Преображенской и Троицкой, домъ Блюмберга. Училище мнѣ очень понравилось, хорошо обставлено учебными пособиями. Физическій и естественно-историческій кабинеты даже очень богаты для городского училища.

Зашелъ въ польскій костелъ. Совершалась месса на 3-хъ престолахъ одновременно. На главномъ престолѣ священнодѣйствующій произносилъ молитвы вслухъ, а остальные двое молча совершали богослуженіе.

Прощаемся съ Одессой. Къ Одессѣ мы привыкли и изучили ее порядочно.

Въ 1 ч. 40 мин. пополудни тронулся поѣздъ. Мы всѣ обрадовались, что скоро будемъ дома. Изъ оконъ вагона мы наблюдали родную картину.—«Поля, холмы родные, что можетъ вашу прелесть замѣнить?»

27 іюля.

Утро. Кіевъ. До отхода поѣзда одна часть студентовъ поѣхала въ Лавру, другая—во Владимірскій соборъ и на Крещатикъ. Я присоединился ко второй группѣ. Мы осмотрѣли еще разъ Владимірскій соборъ, были на Крещатикѣ, сдѣлали покупки и поскорѣе поспѣшили на поѣздъ. Поѣздъ тронулся въ 11 час. дня. Еще однѣ сутки, и мы дома.

28 іюля.

Путешествіе наше кончается. Скоро Москва. Осталось до Москвы 3 часа ѣзды.... 2 часа.... 1 часъ.... полчаса.... 20 мин.... 15 мин.... 10 мин.... 5 минутъ...

Итакъ, finita!

Все путешествіе представляется сейчасъ какъ бы во снѣ, но это такой сонъ, который никогда не забудешь. Искреннее спасибо всѣмъ тѣмъ, кто заботился о насъ во время путешествія.

Профессора и студенты-поклонники на память отправили въ Іерусалимъ о. Леониду икону Покрова Пресвятой Богородицы. Въ отвѣтъ на это мы отъ него получили письмо, на имя профессоръ, слѣдующаго содержанія:

«Достоуважаемые!

Прошу принять отъ меня благодарность за присланную мнѣ икону «Покрова Пресвятой Богородицы», а также прошу передать отъ меня за это благодарность студентамъ-поклонникамъ, не забывшимъ меня у себя на родинѣ.

Этотъ даръ будетъ всегда напоминать мнѣ о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ мною въ кругу дорогихъ мнѣ поклонниковъ-воспитанниковъ общей нашей матери, Московской Духовной Академіи. Эта святая икона будетъ напоминать мнѣ также и дорогую мнѣ Академію, которую я никогда не забуду, которую люблю и уважаю, радуюсь ея радостями, страдаю ея страданіями, всякое горе и скорбь которой близки моему сердцу.

Возсылая за васъ молитвы и прося у Бога счастья для родной мнѣ Академіи, съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь смиренный инокъ, архимандритъ Леонидъ».

Дм. Марковъ.

Архієпископъ Каменецъ-Подольскій Кириллъ и отзывъ его, въ какомъ смыслѣ должно разумѣть книгу „Пѣснь пѣсней“ и что она содержитъ.

Въ обстоятельной біографіи высокопреосвященнаго Кирилла, архієпископа Каменецъ-Подольскаго и Брацлавскаго, помѣщенной Г. А. Бѣляевымъ въ *Душеполезномъ Читаніи* за 1888 годъ, между прочимъ было указано, что когда по Высочайшему повелѣнію комиссія духовныхъ училищъ поручила переводъ св. писанія ректору С.-Петербургской академіи Филарету (впослѣдствіи Московскому митрополиту) съ прочими членами академіи, то Филаретъ тогда избралъ себѣ въ сотрудники бакалавра академіи священника Павскаго, архимандрита Моисея Богданова и инспектора Московской академіи Поликарпа Гойтанникова. Въ трудахъ этихъ лицъ принималъ участіе и Кириллъ, въ бытность свою бакалавромъ Петербургской академіи.

Посвященный въ сущность дѣла, относительно перевода библейскихъ книгъ на русскій языкъ, Кириллъ конечно зналъ то настроеніе, которымъ руководствовались тогда высшія сферы въ этомъ дѣлѣ, и вотъ, когда ему, уже впослѣдствіи, однимъ изъ студентовъ С.-Петербургской академіи, въ бытность его въ 1841 г. въ присутствіи Св. Синода, былъ представленъ переводъ библейской книги «Пѣснь пѣсней», преосв. Кириллъ, возвращая рукопись, приложилъ къ ней и свое мнѣніе.

Какъ переводъ «Пѣсни пѣсней», такъ равно и толкованіе на эту библейскую книгу преосв. Кирилла мы нашли

среди рукописей цензора С.-Петербургскаго духовнаго комитета архимандрита Сергія Назаретскаго, принадлежащихъ нашему собранію ¹⁾).

Преосвященный Кириллъ, по словамъ Геннади ²⁾, былъ замѣчательный проповѣдникъ. Въ мірѣ Константинъ, сынъ священника села Воздвиженскаго (близъ Сергіевской лавры) Лукіана Яковлевича Воздвиженскаго. Род. 14 мая 1788 г. Онъ учился въ Троицкой семинаріи, гдѣ по обычаю того времени ему дана была фамилія «Богословскій», а потомъ, когда поступилъ на иждивеніе митрополита Платона, то названъ еще Платоновымъ. Въ 1808 г. онъ былъ переведенъ во вновь образованную С.-Петербургскую академію, въ 1814 г. возведенъ на степень магистра богословскихъ наукъ, назначенный бакалавромъ церковной исторіи, и тогда онъ постригся. Въ 1817 г. его назначили ректоромъ Полтавской семинаріи и архимандритомъ Лубенскаго монастыря, гдѣ ему пришлось преобразовывать семинарію по новому уставу. Въ 1819 г. назначенъ ректоромъ Московской академіи. Здѣсь Кириллъ для 3 курса открылъ лекціи догматическаго богословія на русскомъ языкѣ. Эта новость, говоритъ авторъ исторіи Московской духовной академіи о. Смирновъ, была принята въ академіи съ сочувствіемъ. При составленіи лекцій, Кириллъ слѣдовалъ преимущественно запискамъ ректора С.-Петербургской духовной академіи Григорія Постникова. Замѣчательная особенность, характеризующая чтенія Кирилла, это теплота чувства, которая проглядываетъ на многихъ страницахъ его богословія, и еще аскетическое направленіе, которое было ему свойственно. Но однако, по отзывамъ слушателей Кирилла, лекціи его не достаточно познакомили ихъ съ богословіемъ, которое они лучше и полнѣе узнали изъ бесѣдъ его предшественника.

¹⁾ Библиографическія записки 1892 г. рукоп. и охрп. кат. А. Титова № 1882.

²⁾ Справочн. слов. Геннади, т. II, стр. 133.

Филаретъ (Черниговскій) о произведеніяхъ Кирилла отзывается такъ, что они «не отличаются правильнымъ изложеніемъ мыслей», а толкованіе его на посланіе къ евреямъ называется «не совсѣмъ удовлетворительнымъ». Но однако, за это объясненіе посланія апостола Павла (оставшея въ рукописи) онъ въ 1822 г. возведенъ былъ въ степень доктора богословія.

Въ 1824 году назначенъ былъ епископомъ Дмитровскимъ, въ 1827 г. еписк. Вятскимъ и Слободскимъ, въ 1832 г. переведенъ въ Каменецъ-Подольскъ. Весною 1840 г. былъ вызванъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, гдѣ и скончался 27 марта 1841 года.

Послѣ смерти преосвященнаго Кирилла, его племянникомъ П. С. Казанскимъ было издано въ 1854 году полное собраніе словъ и рѣчей въ 3-хъ частяхъ съ жизнеописаніемъ, проредактированнымъ митрополитомъ Филаретомъ. Къ этому изданію былъ приложенъ и портретъ преосвященнаго.

Въ декабрьской книжкѣ *Душеполезнаго Чтенія* за 1888 годъ напечатана и часть сохранившихся писемъ митрополита Филарета къ преосвященному Кириллу. Письма эти вполне характеризуютъ митрополита Филарета и свидѣтельствуютъ о тѣхъ отношеніяхъ, которыя Филаретъ скзывалъ къ своему старому сотруднику по переводу библейскихъ книгъ, дававшихъ въ свое время столько огорченій знаменитому Московскому іерарху.

А. Титовъ.

*Глаголы, яже Азъ глаголю вамъ,
духъ суть и животъ суть. Но суть
нѣци отъ васъ, яже не вѣруютъ (Иоан.
VI, 63).*

Книга «Пѣснь пѣсней» давно уже сдѣлалась камнемъ претыканія для христіанъ слабыхъ. Еще въ четвертомъ столѣтїи Феодоръ Мопсуетскій преткнулся о него, и сталъ утверждать, что въ «Пѣсни пѣсней» воспѣвается чувственная, плотская любовь. Впрочемъ, мнѣніе его не пустило далеко корней своихъ, оно было опровергнуто св. отцами церкви, — и сію книгу до XVI столѣтїя почитали драгоценною св. книгою. Но какъ съ сего времени многіе толкователи сей книги, руководствуясь больше духомъ міра, нежели духомъ Христовымъ, и слѣдственно не имѣя довольно въ себѣ силъ къ уразумѣнію ея, произвели о ней множество несогласныхъ мнѣній; то снова явились недоразумѣнія, и старое мнѣніе начало возобновляться. Вольномысліе въ послѣдствїи усилило сіе мнѣніе и распространило ходъ его.

Въ наше время, особливо у такъ называемыхъ въ Германїи неологовъ, составилъ почти общій голосъ, что сію пѣснь должно разумѣть въ буквальномъ смыслѣ, что ни въ новомъ, ни въ ветхомъ завѣтѣ, ни у древнихъ писателей, ни въ сей самой пѣсни нѣтъ основанія на взысканіе въ ней таинственного смысла; что въ ней воспѣваются чувства двухъ сердець, воспламененныхъ взаимною плотскою любовію, и что пѣснь сію не должно почитать Богодуховенною.

Но поелику книга «Пѣснь пѣсней» всегда находилась въ св. канонѣ; поелику всѣ св. отцы первенствующей церкви согласно признавали ее за книгу Богодуховенную, и поелику никто изъ святыхъ послѣдующаго времени никогда при чтенїи сей книги не чувствовалъ въ ней зловонія плотской любви, — то несомнѣнно, что люди, которые въ сей пѣсни находятъ плотскую любовь, обоняютъ свой собственный смрадъ.

Хотя въ защищеніе книги «Пѣсни пѣсней» писали уже многіе весьма благочестивые и ученые мужи; но поелику въ наше время явилось много новыхъ мнѣній, противныхъ ея важности; то по мѣрѣ силъ моихъ я обращаюсь къ тому же. Но дабы при множествѣ любопытныхъ, впрочемъ постороннихъ, вопросовъ касательно сей книги, не развлечь моего вниманія, обращаю взоръ мой на два предмета, заключающіеся одинъ въ другомъ, именно: *въ какомъ смыслѣ должно разумѣть книгу «Пѣснь пѣсней» и что она содержитъ?*

Поелику всякаго рода сочиненія пишутся и понимаются въ смыслѣ или простомъ (буквальномъ) или таинственномъ, то и книга «Пѣснь пѣсней» должна принадлежать къ тому или другому роду писаній. Средство, въ какомъ именно смыслѣ должно разумѣть книгу «Пѣснь пѣсней», должно находить въ сей самой книгѣ, иначе никакъ нельзя обыкновеннымъ образомъ приобрѣсть въ томъ удостовѣренія. Самая же книга сія должна показывать и свое содержаніе. Посему, оставляя всѣ другія средства къ удостовѣренію въ сихъ предметахъ, обращаю вниманіе на самую книгу сію и изъ ней самой буду извлекать всѣ главныя доказательства и мысли.

Первая мысль, которая всякому читающему сію пѣснь представляется сама собою, есть та, что въ сей пѣсни господствуютъ два главныя лица, мужское и женское, которые другъ друга пламенно любятъ, другъ къ другу стремятся и взаимно другъ другу изъясняютъ любовь.

Итакъ, спрашивается кто сіи лица?

Тѣ, которые хотятъ понимать сію пѣснь въ буквальномъ смыслѣ, почти вообще согласны въ томъ, что подъ именемъ любящаго въ сей пѣсни должно разумѣть Соломона, царя народа еврейскаго; но несогласны въ лицѣ его возлюбленной; оставляемъ на время лице возлюбленнаго и обращаемся къ лицу возлюбленной.

а) Нѣкоторые, усматривая въ сей пѣсни, что любящій

призываетъ возлюбленную свою отъ Ливана ¹⁾; что въ нѣкоторомъ отношеніи уподобляетъ ее столпу Ливанскому и Ливанскому благовопію, и что торжество брака возвышали дочери Тирскія приношеніемъ даровъ, какъ видно изъ псалма 44, коего предметъ почитаютъ за одинъ и тотъ же съ предметомъ «Пѣсни пѣсней», заключили, что возлюбленная въ «Пѣсни пѣсней» есть нѣкая *Тирянка*. Но хотя бы она десять разъ уподоблялась чему-либо Тирскому или Ливанскому, никогда однакожь нельзя будетъ сдѣлать рѣшительнаго заключенія, что она Тирянка. Ибо вещи, приводимыя въ подобіе какому-либо предмету, приводятся не только изъ той страны, гдѣ былъ или гдѣ находится предметъ, которому онѣ уподобляются, но приводятся отсюду, только бы они были подобны ²⁾. Иначе мы по такому же праву можемъ заключить, что она Дамаскянка и даже дочь, взятая, въ подлинномъ смыслѣ, съ луны или солнца. Что касается до дочерей Тирскихъ съ дарами въ псалмѣ, то онѣ приводятся не потому, что возлюбленная была взята изъ страны ихъ, но по богатству и славѣ той страны, какъ видно изъ того же стиха (Псал. 44, 13). Ибо Тиръ въ сіе время преимущественно предъ другими странами славился богатствомъ своимъ.

б) Другіе думали, что возлюбленная въ «Пѣсни пѣсней» или любимица Соломонова, есть нѣкая *Сумонтенка* или *сумитянка*: поелику она называется *суламитъ*. Основаніе очевидно не справедливо.

с) Но большею частію думаютъ, что воспѣваемая въ «Пѣсни пѣсней» любимица Соломонова есть дочь Фараонова, царя Египетскаго ³⁾. 1) Потому что Соломонъ любилъ ее болѣе всѣхъ другихъ женъ своихъ, такъ какъ и построилъ для нея великолѣпный домъ. 2) Поелику она

¹⁾ Пѣсн. 4, 8; 7, 4; 4, 11.

²⁾ Пѣсн. 4, 4; 7, 9.

³⁾ Царст. 7, 8; пѣс. 1, 4; 7, 1.

называетъ себя *черною* и 3) и поелику самъ Соломонъ называетъ ее дочерію Надава, т.-е. царя. 1) Соломонъ могъ создать домъ для дочери Фараоновой и не потому, что онъ любилъ ее болѣе всѣхъ своихъ женъ, а чтобы тѣмъ болѣе привлечь къ себѣ отца ея и своею дружбою съ царемъ многочисленнаго народа обезопасить себя отъ внѣшнихъ враговъ; впрочемъ какъ бы то ни было, сіе недо- ставляетъ важнаго признака.

2) Черноватость лица ея не составляетъ вѣрнаго указа- нія на дочь Фараонову. Ибо дочь Фараонова должна быть черноватою по природѣ, по самому мѣсту своего рожденія; напротивъ возлюбленная, воспѣваемая въ «Пѣсни пѣсней», по природѣ не такова, но стала таковою потому, что братья ея поставили ее стражемъ винограда.

3) Названіе *дочери надави* не даетъ несомнѣннаго признака, чтобы возлюбленная въ «Пѣсни пѣсней» была дочь Фараонова. Ибо слово *надавъ* можетъ означать и не царя, но *знаменитаго, славнаго или важнаго челоуька* въ самой Іудеи. Къ тому же дочери Фараоновой не можетъ принадлежать то, чтобы мать ея имѣла въ Іерусалимѣ, или близъ него, свой собственный домъ.

д) Нѣкто ученый мужъ, который, вѣроятно стыдясь своего изобрѣтенія, утаилъ свое имя, думаетъ, что возлюб- ленная Соломонова, есть Савская царица. Но Савская царица не можетъ быть возлюбленною, описуемою въ «Пѣсни пѣсней». Ибо все, что противопоставляется мнѣнію о дочери Фараоновой, съ большею силою противопоста- вляется царицѣ Савской; поелику извѣстно намъ, что она была царицею славнаго во дни Соломоновы царства, ибо, чтобы дать о ней читателю понятіе, довольно было свя- щенному писателю назвать ее *Савскою*, не упоминая ни о мѣстѣ, ни о важности, ни о силѣ царства ея. 2) Она прибыла къ Соломону съ *силою тяжкою зѣло* ¹⁾ т.-е. съ многочисленною и вмѣстѣ блистательною свитою: и потому

¹⁾ 13. Цар. 10, 1; цар. 10, 2.

пріѣздъ ея и лицо были извѣстны всякому въ Иерусалимѣ. Послѣ сего могло ли статься, чтобы стражи города столь дерзко поступили съ ней въ городѣ? 3) Она могла быть у Соломона во всякое время свободно, такъ какъ и Соломонъ у ней; и потому совсѣмъ нельзя изъяснить любовь ихъ въ «Пѣсни пѣсней». 4) Царица Савская была у Соломона конечно не долгое время, но съ тѣхъ поръ, какъ лица «Пѣсни пѣсней» любятъ другъ друга, по крайней мѣрѣ уже годъ, и притомъ 5) какое пасеть она стадо овецъ? 6) Имѣеть ли мать ея собственный домъ въ Иерусалимѣ? 7) Какія братья поставили ее стражемъ винограда?

Итакъ, если подъ именами «Пѣсни пѣсней» нельзя разумѣть въ буквальномъ смыслѣ какихъ-либо лицъ въ человѣческомъ родѣ, необходимо должно заключить, что «Пѣсней пѣсней» или во 1-хъ состоитъ изъ пѣсней разнаго содержанія и 2) разныхъ писателей; или 3) испорчена временемъ, или наконецъ въ 4-хъ ее должно разумѣть въ разумѣ таинственномъ, при которомъ всѣ видимыя несообразности буквального смысла не только объясняются, но составляютъ красоту смысла таинственного.

При всемъ томъ, что любящій представляется въ сей пѣсни то царемъ, то виноградаремъ, то пастыремъ стада: и также возлюбленная представляется то царичею, то виноградницею, то пастушкою, мы не имѣемъ причины раздѣлять сію пѣснь на меньшія пѣсни и думать что, сіи лица другъ отъ друга отличны. Ибо, въ первой главѣ любящій сперва представляется царемъ (стихъ 3), чрезъ два стиха тоже самое лицо представляется пасущимъ стадо. Иначе три первые стиха намъ должно бы было признать за особую пѣснь, и также за новую пѣснь четыре слѣдующіе стиха, поелику съ 6-го стиха начинается неразрывная бесѣда любящихъ до конца главы.

Итакъ несомнѣнно, что пѣснь сію должно понимать въ таинственномъ смыслѣ. Таинственный смыслъ есть понятіе получаемое непосредственно изъ обыкновеннаго зна-

менованія словъ, какъ въ смыслѣ буквальному; но изъ вещей или происшествій, изображенныхъ словами и приведенныхъ для означенія другихъ вещей или происшествій. Посему въ таинственномъ смыслѣ необыкновенное знаменованіе словъ есть знакъ вещей; но самыя вещи или происшествія служатъ знаками другихъ вещей или происшествій. Реци или происшествія, употребляемыя для означенія другихъ вещей или происшествій, суть или дѣйствительно бывшія или вымышленныя.

Мысль, что «Пѣснь пѣсней» должно понимать въ таинственномъ смыслѣ ведетъ за собою новыя недоумѣнія и требуетъ новыхъ изслѣдованій.

Многіе благомыслящіе утверждали, что «Пѣснь пѣсней» должно понимать *въ прообразовательномъ смыслѣ*, полагая, что въ ней описывается бракъ Соломоновъ со дщерію Фараона, и что сей бракъ образовалъ таинственный союзъ Христа съ церковію. Хотя мы находимъ въ новомъ завѣтѣ, что Соломонъ былъ предобразомъ Христа въ разсужденіи своей премудрости ¹⁾ (и въ книгѣ царствъ въ разсужденіи построенія храма и покоя народнаго), но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы онъ былъ предобразомъ Христа въ бракъ своемъ. Ибо къ утверженію сего мнѣнія мы нигдѣ не находимъ основанія въ св. писаніи.

1) Сколько ни говорили, что 44 псаломъ составленъ Давидомъ на бракъ Соломона съ дщерію царя Египетскаго; но сей псаломъ говоритъ объ одномъ Христѣ. Для сего кажется не нужно ни доказательствъ, ни объясненій; псаломъ сей весьма ясно говоритъ самъ за себя. Правда, въ бракъ Соломона можно находить живые сходства съ таинственнымъ бракомъ Христа съ церковію: но находить сіи сходства можно, а принимать ихъ за истинныя не имѣемъ права.

2) Весьма замѣчательно, что всѣ особенныя обстоятельства Соломоновой жизни въ св. писаніи описываются

¹⁾ Матѣ. 12, 24; Лук. 11, 31.

пространно и съ великою силою; а о его бракѣ съ дочерію Фараона упоминается весьма кратко, безъ силы и кажется мимоходомъ. Сирахъ, рассказывая исторію Соломона о семь происшествіи ¹⁾, конечно какъ о маловажномъ, совсѣмъ не упоминаетъ.

3) Всякое прообразование въ ветхомъ завѣтѣ имѣло образуемое въ новомъ завѣтѣ. Но бракъ Христа съ церковію принадлежитъ къ новому завѣту, столько же какъ ветхому. (Ибо ей предписана была та же всесовершенная любовь къ Богу, и она жила тою же живѣйшею вѣрою).

Наконецъ 4) во всякомъ мѣстѣ, которое должно понимать въ прообразовательномъ смыслѣ, все, что частнымъ образомъ приписывается образуемому, съ такою же ясностію должно принадлежать и образуемому ²⁾. Но мы уже видѣли, что ни подъ именемъ любящаго въ «Пѣсни пѣсней» нельзя разумѣть царя Соломона, ни подъ именемъ любимой дочь Фараона, и слѣдовательно нельзя сей пѣсни понимать въ смыслѣ прообразовательномъ.

5) Когда вникнемъ въ свойство длиннаго иносказанія, то увидимъ, что «Пѣснь пѣсней» написана и не въ семь родѣ. Ибо 1) длинное иносказаніе длиннѣе выражаетъ и болѣе освѣщаетъ тайную истину, которая у читателя уже предъ глазами; но въ сей пѣсни она закрыта такъ, что ее не иначе познать можно, какъ по глубокомъ изслѣдованіи. 2) Длинное иносказаніе никогда не составляетъ въ св. писаніи цѣлаго; но сія пѣснь составляетъ не токмо какое-либо цѣлое отдѣленіе книги, но цѣлую особую книгу. 3) Въ составъ длиннаго иносказанія всегда примѣшивается смыслъ буквальный; но, читая книгу «Пѣснь пѣсней» отъ самаго начала до конца, мы не находимъ въ ней ни одной строки въ буквальномъ смыслѣ. 4) Наконецъ, главный образъ, которымъ выражается истина, содержащая въ «Пѣсни пѣсней», сохраняется неизмѣнно. Это суть любящій и возлюбленная.

¹⁾ 3 Цер. 8, 1; 47, 14—27.

²⁾ Исх. 3, 5—6; Втор. 6, 5; Евр. 11, 2—39.

Всѣ отцы церкви, всѣ лучшіе толкователи св. писанія и всѣ съ надлежащимъ духомъ читающіе книгу «Пѣсни пѣсней» согласно признають, что въ сей пѣсни описывается таинственный союзъ І. Христа съ своею истинною церковію или истинно вѣрующими вообще, а также и иначе со всякою истинно вѣрующею душою въ особености. Сія общая мысль столь согласна съ св. писаніемъ и описаніемъ любящихъ въ сей пѣсни, что нельзя не признать ее за истинную. Ибо, таинственное соединеніе І. Христа съ церковію въ св. писаніе часто изображается подъ видомъ брака и въ семъ основаніи онъ называется ея женихомъ или мужемъ, а церковь его невѣстою или женою ¹⁾).

Всѣ описанія возлюбленнаго въ «Пѣсни пѣсней» совершенно приличествуютъ Іисусу Христу. Онъ есть царь (Апос. 17, 14). Онъ добрый пастырь (Іоан. 10, 11). Онъ есть виноградарь (Исаи 5, 1; Мат. 20, 1—16). Онъ постоянно любить насъ (Еф. 5, 25). Онъ всегда съ нами находится невидимо (Матѳ. 28, 20). Стоитъ при дверяхъ сердецъ нашихъ и стучить, не услышитъ ли кто его голоса и не отворитъ ли дверей, чтобы ему войти въ ваше сердце (Ап. 3, 20). Онъ прекрасенъ больше всѣхъ сыновъ человѣческихъ (Псал. 44, 3), и потому конечно весь желаніе пѣсней 5, 16. Всѣ описанія въ «Пѣсни пѣсней» возлюбленной также совершенно отвѣчаютъ истинной Христовой церкви. Она царица (Псал. 44, 10) потому, что управляетъ ввѣреннымъ ей отъ Христа наслѣдіемъ, или сама собою. Она хранительница винограда (Матѳ. 20, 2—16), воздѣлывающая и оберегающая насажденный виноградъ Господомъ ея; она пастушка (Дѣян. 20, 28) потому, что пасетъ овецъ Его. Она черна по своей поврежденной природѣ и прекрасна по обновленію (1 Пет. 29). Она находится въ скорби и всячески ищетъ своего возлюблен-

¹⁾ Ос. 2, 19; Ап. 19, 7; Мат. 25, 1—13; Іоан. 3, 2, 9; 2 Кор. 11, 2; Ап. 21, 22.

наго Господа, когда, по ея согрѣшенію или своему испытанію, Онъ отнимаетъ отъ нея благодать Свою; и она находится въ неописанной радости, когда Онъ посѣщаетъ ее и даетъ чувствовать Свое благоволеніе. Она часто бываетъ въ поруганіи и страданіяхъ отъ служителей міра, и однакоже не перестаетъ искать своего возлюбленнаго. Но только большаго ищетъ и больше чувствуетъ нужду въ его присутствіи.

Итакъ, вотъ смыслъ и содержаніе «Пѣсни пѣсней». Всѣ святые мужи читали сію книгу съ великимъ назиданіемъ и еще съ большимъ утѣшеніемъ для своего сердца. Впрочемъ, кто, при чувственной оболочкѣ сей книги, подаетъ въ чувственныя мысли, тотъ лучше не читай ея; въ Библии много другихъ книгъ, въ которыхъ можно найти нужное къ спасенію. Книга сія писана конечно не для начинающихъ.

ПОДВИГИ И УСИЛІЯ ВЪ ДОБРОДѢТЕЛИ ¹⁾.

Вѣрованіе въ судьбу.

Противъ такого лжеученія св. Отцы дѣлають доводъ, основываясь на Св. Писаніи. Св. Іустинъ мученикъ пишетъ: «Мы, научены будучи пророками, что каждому по мѣрѣ дѣлъ воздаются или наказанія и мученія, или награды, утверждаемъ истинное мнѣніе. Поелику если не такъ, но все бываетъ отъ судьбы, то совершенно нѣтъ въ насъ свободы. Ибо если судьбою опредѣлено одному быть добрымъ, а другому порочнымъ, то нельзя одного одобрять, а другаго порицать. Опять же, если бы человѣчскій родъ не имѣлъ способности съ свободнымъ произволеніемъ убѣгать порочнаго и избирать доброе, то онъ не былъ бы виновенъ ни въ чемъ, что бы ни дѣлалъ». «(Притомъ) если бы судьбою опредѣлено было ему или быть порочнымъ, или честнымъ, то онъ не могъ бы переходить въ противныя состоянія и не могъ бы многократно перемѣняться. Да и не были бы одни хороши, а другіе худы. Поелику тогда мы стали бы доказывать, что судьба причиною пороковъ и между тѣмъ производить противное самой себѣ; или надлежало бы признать за истину вышесказанное положеніе, что нѣтъ ни добродѣтели, ни порока, но все только по мнѣнію почитается добрымъ или худымъ; что, по ученію истиннаго разума, есть величайшее нечестіе и беззаконіе».

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Душеспользнаго Чтенія* 1907 г.

Св. Кириллъ Іерусалимскій пишетъ: (Богъ) «хотя надъ всѣмъ владычествуетъ Своимъ могуществомъ, но многое также терпитъ по Своему изволенію. Онъ владычествуетъ и надъ идолопоклонниками; но терпитъ по Своему незлобію; владычествуетъ и надъ отметающими Его еритиками, но терпитъ ихъ по великому Своему снисхожденію; владычествуетъ и надъ діаволомъ, но и его терпитъ». «О, всеумудрое Божіе провидѣніе! Злую волю оно обращаетъ въ средство ко спасенію вѣрующихъ. Ибо какъ злое намѣреніе братьевъ Іосифовыхъ оно обратило въ средство собственнаго своего домостроительства и, попустивши имъ продать по ненависти брата, открыло случай къ возведенію на царство того, кого оно само хотѣло: такъ и діаволу попустило вести брань противъ людей, дабы побѣдившіе удостоились вѣнцевъ, и дабы, по одержаніи побѣды, самъ онъ, такъ какъ побѣжденный слабѣйшими, большому подвергся посрамленію, а люди болѣе прославились... Богъ владычествуетъ надъ всѣмъ, и Онъ же терпитъ убійць, разбойниковъ и блудниковъ, назначивъ по Своему долготерпѣнію извѣстное время, въ которое каждому воздастъ свое, дабы пользовавшіеся долговременною отсрочкою, но имѣющіе нераскаянное сердце, тѣмъ тягчайшее понесли наказаніе».

О благодарности Богу за неисповѣдимые Его дары.

Изъ св. Отцовъ Церкви трогательно изображаетъ это побужденіе, св. Василій великій: «Если по природѣ—пишетъ онъ—имѣемъ мы любовь и расположеніе къ благодарителямъ, и рѣшаемся на всякій трудъ, чтобъ воздать за оказанное намъ благодареніе, то какое слово можетъ изобразить Божіи дары? Они таковы по множеству, что превышаютъ всякое число; такъ велики и важны, что достаточно и одного, чтобъ обязать насъ ко всякой благодарности Подателю. Умолчу (о меньшихъ дарахъ Его).

Но одного, хотя бы кто и захотѣлъ, нельзя мнновать; объ одномъ дарѣ совершенно нельзя умолчать,—а именно: что богъ, сотворивъ человѣка по образу и по подобію своему, удостоивъ вѣдѣнія о Себѣ, украсивъ предъ всѣми животными даромъ слова, давъ ему наслаждаться безмѣрными красотами рая, поставивъ его княземъ надъ всѣмъ, что на землѣ, и послѣ того, какъ онъ испалъ въ грѣхъ, а чрезъ грѣхъ въ смерть и во все, что достойно смерти, не презрѣлъ его, но сперва далъ ему въ помощь законъ,—приставилъ Ангеловъ,—послалъ Пророковъ,—порочныя стремленія пресѣкалъ угрозами, усердіе къ добрымъ дѣламъ возбуждалъ обѣтованіями, не отвратился отъ насъ,—не оставилъ насъ благостію Своею, но воззвалъ насъ отъ смерти и снова оживотворилъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ» «Что же воздадимъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде намъ? Но Онъ столько благъ, что не требуетъ воздаянія, а довольствуется тѣмъ, чтобы любили Его за дарованное Имъ».

Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Христосъ сдѣлалъ тебя участникомъ Своихъ благъ, не только не получивъ ничего Самъ отъ тебя, но еще предупредивъ тебя этимъ неизреченнымъ благодѣяніемъ. Итакъ, не великое ли безуміе получать такіе дары и между тѣмъ самому быть нечувствительнымъ и не воздавать взаимно за благодіяніе, и при томъ меньшимъ за большее? Онъ содѣлалъ тебя наследникомъ неба; а ты не хочешь пожертвовать для Него и земнымъ? Онъ примирилъ тебя съ Богомъ, несмотря на то, что ты не только не сдѣлалъ ничего добраго, но даже былъ врагомъ; а ты не хочешь воздать другу и благодѣтелю, тогда какъ, не говоря о царствіи и о всемъ прочемъ, ты обязанъ воздать Ему благодарность за то самое, что можешь дать».

Объ исправленіи ближнихъ.

Св. отцы Церкви внушаютъ намъ назидать ближнихъ своихъ, подавать имъ добрый примѣръ въ своей жизни и

кротостию исправлять ихъ преткновенія и паденія. Св. Антоній Великій сказалъ своимъ ученикамъ: «Чтобы исполнять въ точности всѣ заповѣди Господни, на это довольно Божественнаго Писанія: но помните, что всѣ добродѣтели могутъ поколебаться въ основаніи своемъ, если братія не будутъ взаимно утѣшать другъ друга».

Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Ты видишь, что братъ твой стремится въ пропасть, живетъ небрежно, не смотритъ на что слѣдуетъ, и — не подаешь руки? Не поднимаешь падшаго? Не упрекаешь и не обличаешь его? Но думаешь, что лучше не огорчать и не беспокоить его, чѣмъ позаботиться о его спасеніи? Какое же получишь ты отъ Бога снисхожденіе и прощеніе? Не слышишь ли ты, что Богъ повелѣлъ Іудеямъ? Повелѣлъ не оставлять безъ попеченія рабочей скоть, принадлежащій даже врагамъ, когда онъ блуждаетъ, и не проходитъ мимо, когда онъ упалъ (Исх. 23, 4—5; Втор. 22, 1). Такъ Іудеямъ повелѣвается не оставлять безъ попеченія животныхъ вражескихъ, а мы не позаботимся о душахъ братьевъ, которыя падаютъ каждый день? Какъ же, не крайняя ли жестокость — не прилагать о людяхъ и такой заботливости, какую Іудеи о безсловесныхъ? Это-то и привело въ безпорядокъ все, это-то и испортило нашу жизнь, что мы и сами не сносимъ обличеній, и другихъ не хотимъ обличать»...

«Для чего ты презираешь тѣхъ, о коихъ столько попеченія приложилъ Богъ, тогда какъ тебѣ должно полагать душу за единого отъ малыхъ сихъ?.. Будемъ и мы подражать Ему». «Ибо Богъ столько печется о душѣ, что не пощадилъ и Оына Своего». «Посему и мы должны заботиться не только о своемъ спасеніи, но и о спасеніи ближнихъ; иначе и сами не получимъ спасенія. Ибо и во время сраженія тотъ воинъ, который старается только о томъ, чтобы спасти себя самага бѣгствомъ, вмѣстѣ съ собою погубляетъ и другихъ; напротивъ, мужественно сражающійся для защиты другихъ, вмѣстѣ съ другими спасаетъ и са-

мага себя. И такъ, поелику и наша жизнь есть та же война, и при томъ жесточайшая изъ всѣхъ войнъ, то будемъ вступать въ сраженіе, какъ повелѣлъ Царь нашъ, — заботясь о спасеніи всѣхъ, укрѣпляя стоящихъ и поднимая падшихъ». «Ибо величайшее дерзновеніе къ Богу и похвала принадлежитъ тому, кто печется не о своей пользѣ. Оттого мы бываемъ слабы, и удобно побѣждаемся какъ отъ людей, такъ и отъ діавола, что ищемъ противнаго сему, и не укрѣпляемъ другъ друга, не ограждаемъ любовію о Богѣ, но ищемъ другихъ случаевъ для дружества, одни въ родствѣ, другіе въ знакомствѣ, иные въ сосѣдствѣ; и всякія другія узы гораздо болѣе утверждаютъ насъ въ дружествѣ, нежели благочестіе, тогда какъ оно одно должно связывать насъ узами дружества».

«Не все возлагайте на учителей. Можете, говорить Апостоль, и вы другъ друга созидать. Такъ онъ писалъ къ Солунянамъ: *созидайте другъ друга, якоже и творите*; и потомъ: *утѣшайте другъ друга въ словесехъ сихъ*». Такъ и мы нынѣ заповѣдуемъ вамъ. Если захотите, то и вы больше, нежели мы, можете исправить другъ друга. Вы больше времени другъ съ другомъ находите, больше нежели мы знаете (обстоятельства) другъ друга; и недостатки другъ друга вамъ болѣе извѣстны, и болѣе надѣетесь другъ на друга, болѣе любите другъ друга, болѣе привыкли другъ къ другу. А это не мало значить для ученія и открываетъ великій и благовременный входъ. Вы болѣе, чѣмъ мы, можете и запретить и умолить. И не это только, но и то, что я одинъ, а васъ много, и вы всѣ, сколько ни есть васъ, можете быть учителями. И потому прошу васъ, не пренебрегайте симъ дарованіемъ. Каждый имѣетъ жену, имѣетъ друга, раба имѣетъ, сосѣда имѣетъ, да исправляетъ, да увѣщаваетъ его. Не безразсудно ли — относительно земныхъ потребностей помогать ближнему, а для наученія добродѣтели не дѣлать сего? Ей, прошу, никто да не пренебрегаетъ симъ, ибо получить отъ Бога великую награду». «Если иной скажетъ:

я ученикъ, получилъ одинъ талантъ и не имѣю опасности подлежать отвѣтственности за другихъ, и принятое отъ Бога ученіе скроеть, и не наставитъ, не выскажетъ свободно и откровенно, не обличитъ, не убѣдитъ, если можетъ, но скроеть въ землѣ», «его не защититъ и не оправдаетъ то, что онъ имѣлъ одинъ талантъ. Если ты имѣешь одинъ талантъ, тебѣ надлежало бы хотя одинъ принести и усугубить талантъ твой. Если бы и одинъ прибавилъ, ты не былъ бы виновенъ. Ибо и тому, кто два принесъ, не сказалъ Господь: за чѣмъ не пять принеси? Но и его удостоилъ того же, чего удостоилъ принесшаго пять талантовъ». «Итакъ, если имѣющему деньги и не дѣлающему изъ нихъ употребленія угрожаетъ мученіе, то не тѣмъ ли больше будетъ наказаніе тому, кто можетъ какимъ-либо образомъ научить другаго, и не дѣлаетъ сего. Тамъ тѣло питается, а здѣсь душа; тамъ временную смерть отклоняешь, а здѣсь вѣчную».

О назиданіи другъ друга добрыми примѣрами.

Безъ примѣра, не будучи подтверждаемы жизнію и дѣлами, устные наставленія и увѣщанія мало имѣютъ силы, и часто вовсе остаются безъ дѣйствія. Св. Василій Великій пишетъ: «Каждый въ своей мѣрѣ долженъ для другихъ представлять въ себѣ образецъ добродѣтели».

«Изъ многаго мною слышаннаго, говорить онъ объ одномъ благочестивомъ пастырѣ Церкви, помню то, что ученіе о томъ, какъ надобно жить христіанину, не столько требуетъ словеснаго наставленія, сколько ежедневнаго примѣра».

Св. Григорій Богословъ пишетъ: «Если бы кто изъ насъ сохранилъ себя, даже сколько можно болѣе, чистымъ отъ всякаго грѣха; то не знаю еще, достаточно ли и сего готовящемуся учить другихъ добродѣтели. Кому вѣрною сіе, тотъ не только не долженъ быть порочнымъ; но дол-

жень отличатьея добродѣтелію». «Онъ обязанъ не только изглаждать въ душѣ своей худые образы, но и впечатлѣвать лучшія». «Онъ долженъ даже не знать мѣры въ добрѣ и въ восхожденіи къ совершенству».

Св. Іоаннъ Златоустъ внушалъ вѣрующимъ показывать ученіе своею жизнію и примѣромъ. «Начнемъ новую жизнь, говорилъ онъ; сдѣлаемъ землю небомъ; покажемъ язычникамъ, какихъ лишены они благъ. Взирая на благоустроенную жизнь нашу, они будутъ видѣть образъ царствія небеснаго. Ибо когда они увидятъ, какъ мы скромны, какъ свободны отъ гнѣва, отъ злыхъ вожелѣній, отъ зависти, отъ любостяжанія, какъ вѣрно выполняемъ всѣ обязанности, то скажутъ: если здѣсь христіане содѣлываются ангелами, то каковы они будутъ по переселеніи отсюда? Если, будучи странниками, они разливаютъ такой свѣтъ; то какими они явятся, когда достигнуть своего отечества? Такимъ образомъ и язычники, смотря на насъ, сдѣлаются лучшими, и слово благочестія распространится столь обширно, какъ во времена Апостоловъ. Ибо если двѣнадцать Апостоловъ обратили цѣлые города и страны; то подумай, какимъ успѣхомъ увѣнчаются наши труды, когда мы всѣ, ревностно стараясь о доброй жизни, чрезъ это самое содѣлаемся учителями».

«Не говори мнѣ: я имѣю жену и дѣтей, управляю домомъ и не могу этого исполнить». «Ибо всего нужнѣе одно, т. е. утвержденіе духа въ добрыхъ расположеніяхъ: тогда ни возрастъ, ни бѣдность, ни богатство, ни множество дѣлъ, и ни что другое не можетъ быть намъ препятствіемъ. Потому что и старики, и юноши, и женатые, и обязанные воспитывать дѣтей, и ремесленники, и воины успѣвали исполнять все повелѣнное. Давидъ былъ юноша. Іосифъ былъ рабомъ, Авила былъ ремесленникомъ, порфиропродательница управляла цѣлымъ заведеніемъ; другой былъ стражемъ темничнымъ, иной сотникомъ, какъ Корнилій, другой имѣлъ слабое здоровье, какъ Тимофей, иной даже бѣжалъ отъ господина, какъ Онисимъ: и одна-

кожъ никто изъ нихъ не былъ удержанъ никакимъ препятствіемъ, но всѣ они вели достославную жизнь, и мужи и жены, и юноши и старики, и рабы, и свободные, и войны, и простолюдины. Итакъ, не будемъ прикрываться бесполезными и пустыми извиненіями, но утвердимъ въ себѣ доброе намѣреніе».

И еще св. Златоустъ пишетъ: «Апостолы были образомъ, сохраняя въ себѣ нѣкоторое первообразное изображеніе. Подумайте, какъ строга была жизнь ихъ, когда они поставлены первообразомъ и примѣромъ и одушевленными законами! Ибо что говорило Писаніе, то самое они показывали всѣмъ своими дѣлами. Вотъ наилучшій способъ ученія; такимъ образомъ учитель можетъ наставить своего ученика. Но если онъ говоритъ и рассуждаетъ хорошо, а дѣлаетъ худо, то онъ еще не учитель: ибо рассуждать на словахъ легко можетъ и ученикъ; но потребно наставленіе, потребно руководство и дѣлами. Это и учителя дѣлаетъ почтеннымъ, и ученика располагаетъ къ слушанію».

«Ничто такъ не приводитъ на путь истины, какъ честная жизнь; потому что люди смотрятъ не столько на слова, сколько на дѣла наши. И чтобы тебѣ увѣриться, что это такъ, смотри, какъ и Христосъ поставилъ прежде дѣло, а потомъ уже ученіе. Блаженными назвадь Онъ тѣхъ, которые сами исполняютъ то, чему учать другихъ: *блаженъ иже сотворитъ и научитъ* (Мѡ. 5, 19). И точно, если предшествуетъ дѣло, то хотя бы за нимъ и не слѣдовало ученіе, само дѣло можетъ внятнѣе словъ научить смотрящихъ на насъ. Итакъ, будемъ всегда стараться учить прежде дѣлами, и потомъ уже словами, дабы и намъ не услышать отъ Павла: *научая другаго, себе ли не учиши*» (Рим. 2, 21)?

«Когда любомудруемся на словахъ, а на дѣлѣ ведемъ себя позорно; то какими глазами будемъ смотрѣть на нихъ? Какъ отворимъ уста, чтобы рассуждать о догматахъ? Тогда язычникъ всякому изъ насъ скажетъ: самъ

не исполняешь малаго, а другихъ думаешь учить большому? Самъ не знаешь даже и того, что корыстолюбіе есть зло, а любомудрствуешь о небесныхъ предметахъ?»
 «И скажи мнѣ, что станешь говорить язычнику, когда самъ ты преданъ грабительству и любостыжательности?»
 Скажешь: отстань отъ идолопоклонства, познай Бога, не касайся серебра и золота. Развѣ не засмѣется онъ, и не скажетъ въ отвѣтъ: сперва самъ себя поучи этому!»
 «Какъ можемъ другихъ отвести отъ идолопоклонства, когда себя не отучаемъ отъ него! Къ себѣ мы ближе, чѣмъ къ ближнему. Когда не можемъ убѣдить самихъ себя, какъ убѣдимъ другихъ? Кто не правитъ хорошо собственнымъ домомъ, тотъ не порадуется и о Церкви. Какъ же можетъ исправить другихъ не умѣющій управлять своею душою».

«Если бы сіяла наша жизнь свѣтомъ добродѣтели; тогда не нужно было бы словъ, не нужно было бы учителей». «Ученики всегда смотрятъ на жизнь учителя, и если въ насъ видать такія же расположенія, какъ и у нихъ, такое же честолюбіе и сластолюбіе, то какъ могутъ полюбить христіанство, видя жизнь порочную, души земныя?»

Св. Исидоръ Пелусіотъ пишетъ: «На словахъ философствовать легко, да трудно на дѣлѣ. И отсюда первое не трогаетъ сердца слушателей, а послѣднее ихъ поражаетъ; то производитъ смѣхъ, а сіе пробуждаетъ отъ безпечности; то ведетъ къ безчестію, а сіе къ славѣ; то раждаетъ скуку въ слушателяхъ, а сіе пристыжаетъ ихъ. Итакъ, должно стараться, чтобы не только говорить о дѣятельности; но и самому дѣлать. Въ противномъ случаѣ мы сдѣлаемся предметомъ посмѣянія, и подвергнемся казни».

Какъ должно увѣщевать и обличать ближнихъ.

Поучительныя наставленія преподаетъ намъ св. Іоаннъ Златоустъ, какъ мы должны братски увѣщевать, обличать и исправлять ближнихъ нашихъ, когда они впадаютъ въ

какія-либо слабости и пороки; онъ пишетъ: «Услышите сіе всѣ, которые не желаете напрасно быть ненавидимыми. Онъ (братъ твой) похищенъ, и ты не обличаешь, а боишься ненависти? Обличи брата, прими ненависть по любви твоей ко Христу, по любви къ нему самому. Предостереги, чтобы не попасть въ бездну. Ибо раздѣлять съ нимъ трапезу, пріятные разговоры и удовольствія не велико есть дружество. Принесемъ друзьямъ наши такіа дара, чтобы душу ихъ спасти отъ гнѣва Божія. Видя ихъ лежащихъ въ печи злобы, возставимъ ихъ. Но онъ не исправляется, говорятъ; но ты сдѣлай то, что отъ тебя зависитъ, и ты правъ предъ Богомъ. Не скрывай таланта. Для того ты имѣешь разумъ, для того языкъ и уста, чтобы исправлять ближняго. Только безсловесныя животныя не заботятся о ближнемъ и не отвѣчаютъ ни за кого изъ другихъ. Ты-жѣ, называющій Бога Отцемъ и ближняго братомъ, види его безчисленныя злыя дѣла, предлагаешь ли благодать Божию на пользу ему? Увидѣлъ ли ихъ враждующихъ? примири. Увидѣлъ ли лихоимствующихъ? воспрети. Увидѣлъ ли обижающихъ? защити. Поступая такъ, ты не имъ, а себѣ прежде приносишь пользу. Мы для того и друзья, чтобы помогать другъ другу». «Итакъ прошу, не переставайте обличать, и не досадуйте, если васъ обличаютъ» «Да дѣлаемъ наипаче все такъ, чтобы отвратить погибель братій нашихъ, разогнать тьму и привлечь солнце правды».

«Да вразумляемъ и мы другъ друга, и обличающій да не гнѣвается, и обличаемый да не оскорбляется; ибо это врачество, а не вражда». «И во время обличенія да поступаемъ съ великою кротостію и со многими благоразуміемъ. Если видишь брата твоего согрѣшающаго, не явно предъ всѣми обличай его, но обличи его, какъ повелѣлъ Господь, между тобою и имъ однимъ, не укоряя его и не нападая на лежащаго, но болѣзнуя о немъ, сокрушаясь, и покажи себя и самъ готовымъ принять обличеніе, если въ чемъ грѣшенъ». «Болѣзнуй и о самомъ себѣ,

обвиняй весь родъ человѣческой, покажи, что всѣ мы въ грѣхахъ, проси извиненія, что ты берешь на себя дѣло, которое превышаетъ твои силы, но что любовь побуждаетъ тебя ко всему этому. Потомъ, предлагая совѣты, предлагай не повелительно, а братски», «и, обличая, расстворяй похвалою, предполагая добрую сторону въ обличаемомъ дѣлѣ», «и не спѣши тотчасъ произносить осужденіе, но пользуйся его собственнымъ свидѣтельствомъ. Скажи ему: тебя не нужно учить сему, ты самъ знаешь, какое наказаніе такихъ-то ожидаетъ. И когда умягчишь такимъ образомъ разговоръ и укротишь гнѣвъ, тогда предлагай и врачевство исправленія». «И совѣтъ да будетъ кратокъ, а извиненіе какъ можно чаще; и постоянно обращай къ любви, ею покрывая непріятность обличеній, и предоставляя его волѣ, и говоря: я это тебѣ совѣтую, но принять совѣтъ въ твоей власти; я не принуждаю, а предоставляю все твоей волѣ. Если такимъ образомъ будемъ вести обличеніе, то удобно можемъ исправлять согрѣшающихъ».

«(Обличая и исправляя пороки ближняго), и его проси, чтобы и онъ съ своей стороны, если замѣтитъ въ тебѣ какой недостатокъ и порокъ, вразумлялъ и исправлялъ тебя. Такимъ образомъ онъ и на себя перенесетъ обличеніе, когда увидитъ, что и ты имѣешь нужду въ обличеніи, и помогаешь ему не какъ во всемъ исправный, и не какъ учитель, а какъ другъ и братъ». «Въ этомъ-то и состоитъ дружество: такъ *братъ отъ брата помогаемъ, аки градъ твердъ будетъ* (Притч. 18, 9)». «И обличающій да дѣлаетъ это безъ поруганія, безъ нападеній, не разглашая между другими, но—наединѣ, кротко и скромно; ибо обличеніе требуетъ большой кротости. Не видите ли, съ какою осторожностію врачи употребляютъ врачеваніе, когда прижигаютъ или отсѣкаютъ что? Тѣмъ болѣе это должны дѣлать тѣ, которые обличаютъ другихъ; ибо обличеніе сильнѣе огня и желѣза тревожить человѣка. И врачи большое употребляютъ стараніе, чтобы терпѣливо

вынесли операцію, и сколько возможно типе производить ее, давая отдыхъ: такъ надобно дѣлать и обличенія, дабы обличаемые не убѣгали насъ. Не откажемся принять при семь и оскорбленіе и удары; ибо и недужные во время операцій надъ ними сильно кричатъ на совершающихъ операцію: но сіи не обращаютъ на это вниманія, а только на одно ихъ здоровье. Такъ и здѣсь все надобно дѣлать, чтобы обличеніе было полезно, и все переносить, взирая на предлежащую награду. *Другъ друга, говоритъ апостолъ, тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ*.

Св. Григорій Богословъ пишетъ: «Какъ тѣламъ не одинаковыя даются лекарства и пища, такъ и души врачуются различнымъ образомъ». «Однихъ назидаетъ слово, другіе исправляются примѣромъ. Для иныхъ нуженъ бичъ, а для другихъ узда; ибо одни лѣнны, а другіе сверхъ мѣры горячи духомъ». «Для однихъ полезна похвала, для другихъ укоризна, но и та и другая во время». «Однихъ исправляетъ увѣщаніе, другихъ выговоръ». «Въ иныхъ тщательно надобно наблюдать всѣ, даже самые маловажные поступки; а въ другихъ лучше иного не замѣчать, и, какъ говорится, видя не видѣть, слыша не слышать. Иногда нужно гнѣваться не гнѣваяся, оказывать презрѣніе не презирая, терять надежду не отчаиваться; другихъ должно врачевать кротостію, смиреніемъ и сочувствіемъ въ ихъ лучшихъ о себѣ надеждахъ. Однихъ полезно побѣждать; отъ другихъ часто полезнѣе самому быть побѣжденнымъ». «Для иныхъ хорошо и полезно одно, а для другихъ другое,—сообразно, думаю, тому, какъ требуютъ время и обстоятельства, и какъ допускаетъ нравъ врачующаго».

Лихоиманіе, росты и проценты.

Неправедное присвоеніе собственности ближнихъ составляютъ несправедливые росты и проценты, которыми обременяютъ иные бѣдныхъ, когда даютъ имъ что-либо подъ стѣснительными своими условіями и имѣя въ виду

свои выгоды, а не облегченіе постигшей ихъ участи. Порокъ сей крайне предосудителенъ, и противъ такого лихоиманія сильно возстають св. Отцы Церкви; св. Василій Великій о семъ пишетъ: «Крайне безчеловѣчно, когда одинъ, имѣя нужду въ необходимомъ, просить заемъ, чтобы поддержать жизнь, другому не довольствоваться возвращеніемъ даннаго въ заемъ, но придумывать, какъ извлечь изъ несчастій убогаго доходъ и обогащеніе». «Скажи мнѣ: денегъ ли и прибыли ищешь ты у бѣднаго? Если бы онъ могъ обогатить тебя, то чего бы сталъ просить у дверей твоихъ? Онъ пришелъ за помощью, а нашель врага; онъ искалъ врачевства, а въ руки данъ ему ядъ. Тебѣ надлежало облегчить убожество человѣка, а ты увеличиваешь нужду стараясь отнять послѣднее у неимущаго». Или не знаешь, что ты болѣе приращаешь грѣхи свои, нежели умножаешь богатство придуманнымъ ростомъ? Ты изъ чужихъ несчастій извлекаешь прибыль; со слезъ собираешь деньги; душишь нагого, бьешь голоднаго. У тебя нѣтъ жалости, нѣтъ и мысли о родствѣ съ страдальцемъ; и ты назывешь челоѣколюбивыми получаемые тобою такимъ образомъ прибыли? *Горе глаголющимъ горькое сладкое, и сладкое горькое, и называющимъ безчеловѣчіе челоѣколюбіемъ*».

Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Не будемъ употреблять въ обороты чужихъ несчастій и торговать милосердіемъ. Знаю, что для многихъ непріятно слушать эти слова, но что за прибыль и молчать? Если я буду молчать и не наскучу своими словами, то не только не могу этимъ молчаніемъ избавить васъ отъ наказанія, напротивъ, еще отъ этого наказаніе увеличится, и не для васъ только увеличится: даже и мнѣ самому это молчаніе навлечетъ наказаніе». «Ужасная, ужасная и большого требующая врачевства болѣзнь вкралась въ Церковь. Ибо тѣ, которымъ даже не велѣно копить богатства и праведными трудами, но повелѣно отверзать дома свои неимущимъ, тѣ самые извлекають свои выгоды изъ бѣдности другихъ,

выдумывая благовидный образъ хищенія, искусно прикрывая любостязаніе. Не говори мнѣ о вѣшнихъ законахъ. Ибо и мытарь исполняетъ законъ вѣшній, но не смотря на то повиненъ наказанію; что придется испытать и намъ, если не перестанемъ притѣснять бѣдныхъ въ нуждѣ и въ несчастіяхъ, и пользоваться этимъ случаемъ для постыднаго прибытка. Ибо ты для того имѣешь деньги, чтобы облегчать бѣдность, а не для того, чтобы утѣснять ее; но ты, подъ видомъ великодушія, только увеличиваешь бѣдность и продаешь милосердіе за деньги». «Не говори мнѣ, что тотъ, кто беретъ въ долгъ, радуется и благодаритъ за то, что ему дали; это происходитъ отъ твоей жестокости»: «бѣдный, поелику ты не считаешь его достойнымъ того, чтобы дать ему въ долгъ, принужденъ благодарить тебя и за твою жестокость». «Но что еще говорятъ многіе: «я возьму проценты, и подамъ ихъ бѣднымъ?» Хорошо говоришь ты, другъ, только Богу не угодны такія приношенія. Не хитри закономъ. Лучше совсѣмъ не подавать нищему, нежели подавать пріобрѣтенное такими средствами. Ибо неправеднымъ мздоимствомъ ты нерѣдко дѣлаешь противозаконнымъ и то богатство, которое собралъ честными трудами».

Св. Тихонъ Воронежскій пишетъ: «Видимъ, что многіе Христіане не хотятъ дать въ заемъ безъ лихвы или процента; но видимъ и то, что многія бѣды и напасти оттуда бѣднымъ должникамъ послѣдуютъ. Многіе отъ нихъ во всеконечную скудость и нищету приходятъ; многіе въ темницахъ, яко злодѣи, сидятъ и страдаютъ. Христіанине! ты въ заемъ давай, но съ оскудѣвшихъ и бѣдныхъ проценты брать берегись».

1) «Противно то закону естественному; *чего не хочешь себѣ, того и другому не твори* (Дѣян. 15, 29). Никто не хочетъ давать процента, и самъ того не долженъ брать».

2) «Сама совѣсть возбраняетъ брать процентъ; почто жъ убо брать тебѣ то, что не твое? Требууй убо и возьми

то, что твое: сверхъ даннаго брать есть лихоиманіе. Буди-доволенъ твоимъ, и спокойна буди совѣсть твоя».

3) «Святое Божіе Слово возбраняетъ брать проценты: *въ заимъ дадите, ничесозже чающе, глаголетъ Господь*».

4) «Между великими грѣхами полагается процентъ или лихва, какъ видимъ въ псалмѣ 14-мъ: *сребра своего не даде въ лихву*. Читай самъ прилежно и увидишь истину».

5) «Безопасяе и предъ Богомъ всевидящимъ и предъ праведнымъ судомъ Его съ неимущихъ не брать, нежели брать проценты; избери убо безопаснѣйшее».

6) «Отъ процентовъ люди въ большее убожество и нищету приходятъ. Христіанская же должность велить недостаткѣ ближняго пополнять, а не большими дѣлать, и помогать ему, а не разорять его. Берегись убо подъ видомъ помоществованія ближняго разорять, и въ заемъ давая, сверхъ даннаго ничего не приѣми. Кто съ убогихъ проценты беретъ, тотъ великое безчеловѣчіе дѣлаетъ и послѣднюю искру совѣсти потеряетъ. Возлюбленне! разсуждай прилежно вышепрописанные пункты, и страшный судъ Христовъ помни, и будешь давать въ заемъ, но процентовъ брать не будешь».

Ипполитъ.

СЧАСТЬЕ И ХРИСТИАНСТВО ¹⁾.

Источникъ всякой истины есть Богъ, Который есть сущность и источникъ и всякой дѣйствительности (Іоан. 1, 1—18). Въ Немъ лежатъ всѣ сокровища мудрости и знанія (Колос. 2, 3). Только Богъ имѣетъ причину Своего бытія въ Себѣ Самомъ; то, что Онъ представляетъ по Своему существу, необходимо; все же остальное — твореніе, искупленіе, освященіе — дѣло свободы. Совершается только то, чего желаетъ Богъ (Пс. 115, 3; 148, 5; Апок. 4, 11; 10, 6; Іоан. 1, 10); только то, чего желаетъ Богъ, исполняется; даже воробей не падаетъ на землю безъ воли Божіей; Онъ управляетъ сердцемъ чловѣка; въ Немъ мы живемъ, движемся и существуемъ; Своимъ мощнымъ словомъ Онъ содержитъ все. Всѣ вещи стоятъ въ необходимой зависимости отъ Бога: онѣ существуютъ потому, что ихъ мыслить и желаетъ Богъ. Наша же мысль и воля необходимо опредѣляются вещами: мы должны мыслить и познавать ихъ такъ, какъ онѣ существуютъ.

Царство истины обнимаетъ всю дѣйствительность; Богъ, какъ сущность и источникъ всей дѣйствительности, обнимаетъ всякое знаніе и всякую истину; мы люди познаемъ ее только настолько, насколько она открывается намъ. Всякое наше знаніе отрывочно, въ особенности христіанское: суды Божіи непонятны намъ, пути Его непостижимы (Римл. 11, 33; 1 Кор. 2, 16). Только на томъ

¹⁾ Продолженіе. См. июльскую кн. *Душепол. Читенія* 1907 г.

свѣтъ наше знаніе достигнетъ совершенства (1 Кор. 13, 9—12); здѣсь же оно ограничено не только по объему, но и по содержанію. Однако изъ того, что наше знаніе несовершенно, не слѣдуетъ, что оно ложно; мы большей части познаемъ вполнѣ правильно, что нѣчто существуетъ, но не въ состояніи объяснить—какъ, отчего, почему, зачѣмъ... оно существуетъ? Наука не знаетъ, что такое время, пространство, число, что такое сила и вещество, жизнь и движеніе, равно какъ и многое другое, напр., откуда все происходитъ и для чего существуетъ. Естествознаніе объясняетъ не сущность, не причину и происхожденіе вещи; однако отъ этого оно не становится ложнымъ, а только неполнымъ. Намъ не хватаетъ воспріятій для природы, взятой въ ея цѣломъ,—наше наблюденіе касается только одной незначительной части природы. Пространство кажется намъ безпредѣльнымъ, время—бесконечнымъ, а мы—конечны. Мы познаемъ лишь настолько, насколько способны сосчитать, измѣрить, взвѣсить, познаемъ только конечное, измѣнчивое, преходящее, относительно различное, а не бесконечное, постоянное, вѣчное, абсолютно различное, и притомъ всегда—лишь настолько, насколько оно входитъ въ область нашего чувственного воспріятія; для всего остального у насъ остается въ лучшемъ случаѣ одно предчувствіе.

По своему содержанію и происхожденію знанія очень различны. Мы занимаемся здѣсь только естественнымъ знаніемъ и духовнымъ, причѣмъ послѣднее называется еще евангельскимъ, христіанскимъ, душеспасительнымъ, богословскимъ, откровеннымъ. И невозрожденный человѣкъ имѣетъ повятіе о Богѣ и мірѣ, хотя болѣе или мѣнѣе ограниченное и поверхностное, между тѣмъ какъ Адамъ до грѣхопаденія имѣлъ полное знаніе о Богѣ, о твореніи и о самомъ себѣ (Быт. 1 и 2 гл.).

Отрицаніе Бога, атеизмъ, не можетъ считаться первич-

нымъ фактомъ, изъ котораго, по мнѣнію науки, философіи, религіи, развилось понятіе о Богѣ: вѣдь прежде чѣмъ кто-либо сталъ бы отрицать что-нибудь, должно быть уже признано бытіе того, что онъ отрицаетъ. Если Бога дѣйствительно нѣтъ, то отрицаніе Его бесполезно и ничтожно; если же есть Богъ, то напрасно люди говорятъ и волнуются: «живущій на небесахъ посмѣется, Господь поругается имъ» (Пс. 2, 4). Только безумные говорятъ въ сердцахъ своемъ: «нѣтъ Бога» (Пс. 13, 1).

Что Бога будто бы нѣтъ, что матерія вѣчна—остается недоказаннымъ, и никто не пытался доказывать это. Но голословное утвержденіе внушаетъ уваженіе только людямъ, страдающимъ лѣнностью мысли. Чувство Божества до сихъ поръ находили во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. «Считается общезвѣстнымъ теперь, говоритъ Максъ Мюллеръ, что и среди нецивилизованныхъ народовъ, тѣхъ самыхъ, которые стоятъ на самой низкой ступени образованности, не оказывается ни одного, у котораго не было бы представленія и именъ для нѣкоторыхъ невидимыхъ, сверхчувственныхъ существей, которыхъ онъ чтитъ и которымъ часто приноситъ жертвы,—что въ дѣйствительности нѣтъ ни одного народа безъ религіи». «Боятся Бога, прославляютъ и благодарить Его, чтитъ умершихъ, любятъ родителей, братьевъ и сестеръ и всѣхъ вообще ближнихъ и оказывать дѣла милосердія—таковы основныя заповѣди, которыя въ отдѣльности были изложены подробнѣе и нашли свое тысячекратное повтореніе въ древнеегипетскихъ надписяхъ, не только во времена позднѣйшей исторіи, но уже и въ тѣ древнѣйшія эпохи, которыя едва ли могутъ быть обозначены числами», — пишетъ Г. Бругшъ (Steinschrift und Bibelwort, s. 262).

Кто отрицаетъ Бога, тотъ отрицаетъ свой разумъ; конечно, Богъ не познается путемъ внѣшнихъ чувствъ, но всякій, пока его разумъ нормаленъ, можетъ и долженъ убѣдиться, что міръ созданъ и содержится мыслящимъ и разумнымъ Существомъ (Римл. 1, 19—32; Дѣян. 14, 15;

17, 28; Евр. 3, 4. 12). Но каждый мыслить своего Бога различно, по своему желанію и умѣнію; истиннаго же Бога открываетъ только слово Божіе. Отъ этого Бога каждый человѣкъ чувствуетъ себя зависимымъ; каждый знаетъ, что его отношеніе къ Богу не таково, какимъ оно должно быть, что онъ самъ виновенъ въ своемъ несчастіи; каждый человѣкъ имѣетъ сознаніе виновности и грѣха; онъ знаетъ, что его Творецъ, напротивъ, справедливъ къ нему; что Богъ посылаетъ ему помощь, которой онъ не достоинъ. Какъ бы человѣкъ ни усыплялъ свою совѣсть въ мірскихъ заботахъ, въ безконечныхъ занятіяхъ, безпрестанныхъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, переходя отъ грѣха къ грѣху, все-таки чувство вины не покидаетъ его и пробуждаетъ его совѣсть. Онъ можетъ самъ измыслить себѣ Бога, Который все позволяетъ и все прощаетъ, можетъ заглушить свою совѣсть: однако сомнѣніе, дѣйствительно ли Богъ проститъ ему всѣ грѣхи, не оставляетъ его. Конечно съ тѣмъ, кто не хочетъ и знать о чувствѣ грѣха, не можетъ быть спора; но кто хоть сколько-нибудь способенъ отдавать отчетъ, тотъ сознается: я ничего не сдѣлалъ изъ того, что мнѣ должно было дѣлать; я дѣлалъ то, что мнѣ не слѣдовало дѣлать. Этимъ самымъ онъ признаетъ нѣкоторый нравственный міропорядокъ

Полное понятіе о добрѣ и злѣ, объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ Творцу, Который одинъ только можетъ подать помощь Своему созданію, даетъ только Богъ въ Своемъ словѣ и требуетъ отъ насъ, такъ какъ Онъ Самъ святъ, чтобы и мы были святыми; Поэтому мы и слышимъ такъ часто въ Писаніи: «Ты долженъ!» Также и отрицающій Бога дѣлаетъ различіе между добромъ и зломъ. Тѣ, которые отрицаютъ теологическую этику, отрицаютъ и свой разумъ и ставятъ себя наряду съ животными. Христіанинъ узнаетъ изъ слова Божія *всѣ* обязанности, а разумъ самъ по себѣ только нѣкоторыя и несовершенно; узнаетъ христіанинъ и ту обязанность,

что во Христв онъ долженъ почитать Бога и Ему служить, что не страхъ предъ наказаніемъ и не стремленіе къ наградѣ вызываютъ чувство долга, но благодарность за милости во Христв является мотивомъ его богоугоднаго поведенія и поступковъ.

Разумъ и философія, главные источники современной теологіи, привнесли въ знаніе о Богѣ и объ отношеніи къ Нему человѣка много негоднаго матеріала. Богъ въ Своемъ словѣ ясно открылъ ученіе о законѣ и о грѣхѣ. Что твореніе существуетъ, это—человѣкъ видитъ, но ему неизвѣстно какъ, почему, зачѣмъ? Объ этомъ говоритъ ему Творецъ въ Священномъ Писаніи. Разумъ плохо, неясно различаетъ между справедливымъ и несправедливымъ, между добромъ и зломъ. Богъ же Свою небесную волю и Свои требованія къ человѣку выражаетъ въ десяти заповѣдяхъ ясно и понятно. Сознаніе вины и грѣха имѣетъ всякій человѣкъ, однако о первородномъ грѣхѣ учить только Слово Божіе.

«О томъ, что находится надъ природой, совершенно невозможно судить по законамъ природы... Божественное дѣло не измѣряется мѣркою нашего ума» (Scaliger, Exercit. 77, 2). Поэтому именно здѣсь умъ должно привести въ покорность Христу. Умъ есть даръ Божій (Еккл. 2, 26), которымъ мы должны пользоваться болѣе въ вещахъ земныхъ, мірскихъ. «Мудрый творитъ все съ разумомъ» (Прит. 13, 17); «гдѣ не съ умомъ дѣйствуютъ, тамъ нѣтъ добра» (Притч. 19, 2; 20, 18; 1 Петр. 3, 7). Но возстаніе человѣка противъ Бога портитъ и омрачаетъ умъ человѣка. Духовное знаніе кореннымъ образомъ отличается отъ естественнаго, но предполагаетъ это естественное знаніе, равно какъ и разумъ, который безъ предубѣжденія приближается къ Божественному Откровенію. Къ сожалѣнію, теперешняя философія и естествознаніе полны предразсудковъ противъ всякаго духовнаго познанія, часто совершенно отрицаютъ откровеніе и произвольно присваиваютъ себѣ міроуправленіе. Шпиллеръ говоритъ (Gott im Lichte der Naturwissenschaften, s. 120):

«Богъ есть безконечная по пространству, вѣчная по времени (т.-е. несотворенная и неуничтожающаяся), матеріальная субстанція, именно міровой эфиръ или, точнѣе, міровая душа, потому что вещественные атомы, наполняющіе міровое пространство, Онъ преобразовываетъ по опредѣленнымъ законамъ въ тѣла, придаетъ имъ законосообразное движеніе, въ частности съ атомами вступаетъ въ столь тѣсное общеніе, что не только соединяетъ ихъ (организуетъ), но также и одушевляетъ, вслѣдствіе чего они получаютъ возможность дѣятельно участвовать въ міровомъ процессѣ. Нашъ Богъ (міровой эфиръ)... есть духъ, такъ какъ Онъ не есть тѣло; Онъ вездѣсущъ, потому что одинъ обнимаетъ безграничное міровое пространство и проникаетъ всякій тѣлесный атомъ; всемогущъ, потому что ни одинъ атомъ не можетъ уклониться отъ Его дѣйствія; Онъ есть Творецъ неба (т.-е. небеснаго или мірового тѣла) и земли со всѣми ея существами; Онъ создалъ человѣка; Онъ управляетъ всѣмъ міромъ; Онъ вѣченъ, премудръ, праведенъ; Онъ никогда не согрѣшаетъ и Онъ одинъ только непогрѣшимъ, потому что Онъ дѣйствуетъ безъ самосознанія и безъ напередъ намѣченной цѣли». «Душа есть взаимодѣйствіе между атомами организованныхъ тѣлъ и міровымъ эфиромъ» (Стр. 84).

Также и Геккель (Monismus, s. 37) говоритъ: «Въ виду того, что какъ простѣйшія явленія въ неорганической природѣ, такъ и болѣе сложныя явленія въ органической жизни, основываются на однѣхъ и тѣхъ же силахъ природы, которыя съ своей стороны свое основаніе находятъ въ нѣкоторомъ общемъ, повсемѣстномъ, наполняющемъ безконечное міровое пространство принципѣ, то этотъ послѣдній (міровой эфиръ) можно разсматривать, какъ всеобъемлющее Божество, и на этомъ основаніи установить такое положеніе: Вѣра въ Бога совмѣстима съ естествознаніемъ».

Но едва ли найдется такой человѣкъ, который бы повѣрилъ въ догматъ о божествѣ мірового эфира, такъ какъ

еще никто не ощущалъ мірового эфира ни существующимъ, ни, особенно, творческимъ. Столь же мало узнаютъ изъ опыта матерію: она выдумка матеріалистовъ, для которыхъ, безъ сомнѣнія, служитъ основнымъ догматомъ. Но кто съ такою, или подобной же, непонятною, недоказанною и недоказуемою гипотезою приступаетъ къ откровенію—а это дѣлаютъ теперь весьма многіе—тотъ не можетъ его принять. Но къ нему относятся слова ап. Іуды: «Они злословятъ то, чего не знаютъ; что же по природѣ, какъ безсловесныя животныя, знаютъ, тѣмъ растлѣваютъ себя» (Іуд. 10; ср. 2 Петр. 2, 12).

О П Ы Т Ъ .

«Наша вѣра есть опытъ, опирается на опытъ» — утверждаетъ наука, и профаны повторяютъ за ней: если Бога нельзя познать опытно, то вѣра не болѣе какъ экзальгация нервной системы, безуміе. Однако, что я испыталъ, это я знаю, а не просто въ это вѣрую. Если я, обжегшись, на опытѣ испыталъ, что огонь жжетъ, то я уже не вѣрую, но знаю, что огонь жжетъ. Вѣра же имѣетъ дѣло съ вещами, не доступными опыту, съ вещами, о которыхъ никто ничего не можетъ узнать опытно,—касается неба, ада и т. д. (1 Кор. 2, 9).

Но тѣ, которые свою вѣру желаютъ основать на опытѣ, ограничиваютъ ее по большей части твореніемъ, сохраненіемъ и управленіемъ міра. Безъ сомнѣнія, всякому открыты вѣчная сила и Божество Бога въ Его дѣлахъ, въ Его твореніи и управленіи міромъ, которое всякій всегда имѣетъ предъ глазами; но что сдѣлали съ этимъ опытомъ язычники всѣхъ временъ и что дѣлаютъ образованнѣйшіе люди нашихъ дней? Они отвергаютъ его, они превращаютъ Божественную истину въ ложь и служатъ созданію болѣе, чѣмъ Создателю (Римл. 1, 16—32).

«Богъ написалъ дѣло закона въ сердцахъ невѣрующихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то

обвиняющія, то оправдывающія одна другую» (Римл. 2, 12—29). Это—также опытъ, который доступенъ всякому; однако вмѣсто того, чтобы заключать изъ него о небесномъ и праведномъ Законодателѣ и исполнять Его заповѣди, большинство не придаетъ значенія этому закону; многіе совершенно не хотятъ знать ни о какомъ нравственномъ законѣ и совсѣмъ заглушаютъ свою совѣсть—и это дѣлаютъ не только необразованные народы, но даже и представители высшей культуры. Если только, дѣйствительно, на основаніи своего опыта они полагаютъ, что слѣдуетъ вѣрить въ единого Творца и Божественнаго Законодателя, то они ошибаются: они не могли бы вѣровать въ Него, если бы изъ библейскихъ словъ и писаній не знали, что Богъ открылся въ Своемъ словѣ какъ Творецъ и законодатель. Опытъ въ лучшемъ случаѣ можетъ только подтверждать эту вѣру, а не давать ее самостоятельно.

Далѣе, говорятъ: «Богъ требуетъ отъ человѣка только такой вѣры, которая основывается на личномъ опытѣ». Но это нужно доказать библейскими мѣстами. А о чемъ свидѣтельствуютъ эти послѣднія? *«Если ты сохранишь мои заповѣди, то будешь жить, найдешь миръ и спокойствіе, будешь счастливъ, и Я буду усмирять враговъ твоихъ»*... Безъ сомнѣнія, это согласно съ опытомъ, но кто производилъ этотъ опытъ и кто произведетъ его? Всякій, кто вполне искренно станетъ испытывать себя, руководясь указаніемъ Самого Господа (Мѣ. 5 гл.), долженъ будетъ признаться, что онъ не соблюдалъ заповѣдей Божіихъ полностью, даже не можетъ соблюдать ихъ, что онъ не чистъ сердцемъ, не всегда миролюбивъ, не сострадателенъ и не справедливъ, однимъ словомъ, — не святъ и не совершенъ такъ, какъ святъ и совершенъ его Отецъ небесный. Такимъ образомъ, ни одинъ человѣкъ на основаніи своей праведности и святости не можетъ притязать (если только тварь вообще можетъ предъявлять требованія создателю своему!) на тотъ опытъ, который подразумѣвается въ приведенныхъ словахъ Писанія.

Опытъ Божественнаго міроправленія и въ исторіи вообще и въ ходѣ нашей собственной жизни, повидимому, долженъ бы приводить насъ къ вѣрѣ. Въ Своемъ словѣ Богъ указываетъ пути Своего общенія съ человѣкомъ. Но новѣйшіе изслѣдователи Библии отрицаютъ ее, большая часть ихъ видитъ въ исторіи человѣчества и въ ихъ собственной жизни болѣе несправедливость, беспорядокъ и противорѣчіе, чѣмъ мудрость и порядокъ: кто не вѣритъ слову Божию ни въ цѣломъ, ни въ частностяхъ, не можетъ вообще признать Божественное міроправленіе мудрымъ и справедливымъ.

Невѣрующіе желаютъ испытать на дѣлѣ избавленіе отъ тѣлесныхъ нуждъ и бѣдствій, отъ страха и заботъ, и думаютъ, что такой именно опытъ приводитъ ихъ къ вѣрѣ; но въ такомъ случаѣ на мѣсто вѣры, на которую они смотрятъ какъ на убѣжденіе въ истинѣ извѣстной теоремы, и которую отвергаютъ, они ставятъ надежду на Бога. Содержаніе своей вѣры иные находятъ въ словахъ Давида (3 гл. 17 ст.): «Богъ нашъ, Которому мы служимъ, силенъ спасти насъ отъ печи, раскаленной огнемъ, и отъ руки твоей, царь, избавить. Если же и не будетъ того, то да будетъ извѣстно тебѣ, царь, что мы богамъ твоимъ служить не будемъ и золотому истукану, который ты поставилъ, не поклонимся». Такая надежда на Бога есть не что иное, какъ исполненіе первой заповѣди: «Да не будутъ тебѣ бози инии!» «Я есмь Господь Богъ твой. Ты не долженъ надѣяться на другихъ. Твое сердце всецѣло должно быть привязано ко Мнѣ исключительно, а не къ золоту или къ серебру, къ чести или къ славѣ... На Меня одного долженъ ты надѣяться и Мнѣ одному служить... Однако это еще не все христіанство и не чисто христіанскій опытъ. Надежду можемъ питать и язычникъ по отношенію къ своимъ богамъ. Иной молится самовымышленному богу и самодѣльнымъ святымъ и почитаетъ ихъ болѣе, чѣмъ христіане своего Бога: случается то, чего онъ проситъ, онъ благодаритъ своего бога приношеніемъ даровъ, но

случается—наказываетъ его, пока желаніе его не будетъ исполнено. Вотъ вѣра, которая опирается на опытъ!

Истинный христіанинъ надѣется на слова Божіи, хотя бы Богъ и не дѣлалъ того, чего у Него просить; онъ знаетъ, что тѣмъ, которые по «предувѣдѣнію призваны», всѣ вещи служатъ «во благое»: скорбь и тѣснота, гоненіе и голодъ, нагота, опасность и мечь (Римл. 8, 28—39). Однако душеспасительная вѣра не въ этомъ. Но кто вѣритъ словамъ Христа (Іоан. 4, 42), творить волю Божію (7, 17), кто Божественныя мысли сдѣлалъ своими мыслями (Евр. 4, 2), кто будетъ искать тѣхъ опытовъ вѣры, которые слѣдуютъ за вѣрой, а не предшествуютъ ей, кто будетъ послѣ всякаго искушенія діавола, которымъ онъ старается отклонить отъ вѣры въ отпущеніе грѣховъ во Христѣ, еще болѣе углубляться въ слово Божіе (Іез. 28, 19), тотъ будетъ искусенъ въ вѣрѣ, въ терпѣніи и въ надеждѣ (1 Петр. 1, 6; Римл. 5, 4); онъ лучше узнаетъ грѣхъ и крѣпче будетъ уповать на милость Божію и заслуги Христа.

Опытное познаніе имѣетъ мѣсто исключительно въ области естественной. Экспериментъ есть послѣдній источникъ всякаго естественнаго познанія: изъ фактовъ выводятъ заключеніе, обобщаютъ и систематизируютъ... Духовное познаніе, такъ существенно вліяющее на наше блаженство, ускользаетъ отъ всякаго опыта, отъ всякаго эксперимента: его предметомъ служитъ Христосъ и Его дѣло (2 Кор. 5, 18—21). Все дѣло домостроительства и спасенія Богъ открылъ намъ въ Своемъ словѣ, во свѣтѣ его и должны быть представляемы историческія событія; дѣло спасенія не допускаетъ опытнаго испытанія, христіанскія истины не могутъ быть выводимы изъ исторіи и опыта. Ни одинъ человекъ не можетъ познать опытно ни грѣхопаденія, ни искупленія, ни неба, ни ада: Христосъ проповѣданъ, возвѣщенъ въ словахъ, разъясненъ въ Св. Писаніи, — помимо этого нигдѣ. Ученія о томъ, что Христосъ для насъ, вмѣсто насъ и за насъ все сдѣлалъ и

претерпѣль, никто не можетъ вывести ни изъ исторіи, ни изъ своей жизни и опыта: только слово Божіе открываетъ его.

Можетъ ли опытъ исполненія молитвъ привести къ вѣрѣ? Никкимъ образомъ! Безъ вѣры никто не можетъ угодить Богу, безъ вѣры нѣтъ и молитвы; молитва невѣрующаго для Бога есть грѣхъ и омерзение (Притч. 28, 9; Пс. 109, 7). «Молитва безъ вѣры не есть молитва» (Апол. 224. М.). Вѣра, слѣдовательно, должна быть *сначала*; исполненіе молитвы безъ вѣры—есть обманъ (Іак. 1, 6; 4, 3) и приводитъ къ идолопоклонству, къ фатализму и къ фанатизму.

«Богъ слышитъ меня и внимасть моленію моему. Благословенъ Богъ, Который не отвергаетъ молитвы моей и не отвращаетъ отъ меня милости Своей (Пс. 65, 19—20). «И все, чего ни попросите въ молитвѣ *съ вѣрою*, получите» (Мѡ. 21, 22; 7, 7; Лук. 11, 9; Іак. 5, 16).

Всякій молится; не найдено еще народа, который бы не молился; самъ невѣрующій обращается въ нуждѣ и опасности къ существу, отъ котораго онъ чувствуетъ себя зависимымъ. Конечно, это молитва не въ христіанскомъ смыслѣ. Кто хочетъ истинно молиться, тотъ долженъ обращаться и къ истинному Богу, Творцу и Промыслителю міра; для этого онъ долженъ познать истиннаго Бога въ Его Сынѣ черезъ силу Св. Духа и увѣрывать въ Него. Вѣрующему Апостоль говоритъ: «Не заботьтесь ни о чемъ; но всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ открывайте свои желанія предъ Богомъ» (Филип. 4, 6). Это сказалъ также Самъ Господь: «Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться» (Мѡ. 6, 25—32), и обѣщаль намъ: «Все, чего вы будете просить въ молитвѣ, вѣрите, что получите; и будетъ вамъ» (Мр. 11, 24).

Мы должны молиться обо всемъ, о малѣйшемъ столько же, сколько и о наибольшемъ, но иначе о духовныхъ благахъ (милости Божіей, прощеніи грѣховъ, укрѣпленіи въ вѣрѣ, просвѣщеніи словомъ Божіимъ), иначе о тѣлесныхъ

благахъ (здоровьи, богатствѣ, мудрости, красотѣ, пищѣ, одеждѣ)... Духовные дары необходимы намъ для достиженія блаженства, и Богъ непремѣнно подастъ ихъ намъ; тѣлесныя же блага не особенно нужны намъ, часто даже препятствуютъ блаженству. Поэтому мы не должны вышатаить земныя блага и унижать небесныя, а должны всегда держаться небесныхъ мыслей и удаляться земныхъ чувствъ. «Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ» (Мр. 8, 36), и какой вредъ человѣку, если онъ весь міръ потеряетъ, но будетъ блаженъ? «Ищите же прежде царствія Божія и правды Его, и это все (нужныя земныя блага) приложится вамъ» (Мѣ. 6, 33). Однако мы не можемъ и не должны предписывать Богу, что и сколько Онъ долженъ подать намъ, когда и какъ Онъ долженъ помогать намъ: это знаетъ только Богъ; только Онъ можетъ говорить, когда и какое земное благо бываетъ нужно для Его чести и нашей пользы, т. е. къ нашему блаженству. Поэтому мы все должны предоставить Его благой и милостивой волѣ, а не роптать и не унывать, если иногда, по нашему мнѣнію, приходится ожидать слишкомъ долго. Богъ не спитъ и не дремлетъ; Онъ не забудетъ насъ и не запоздаетъ.

Священное Писаніе

одно только говорить, что всѣ люди грѣшны предъ Богомъ, что они по причинѣ своихъ грѣховъ находятся подъ гнѣвомъ и проклятіемъ Божиимъ и подлежатъ вѣчному осужденію (Римл. 5, 12). Это не человѣческая мысль,—въ ней мы могли бы еще сомнѣваться: это собственный приговоръ Бога надъ всѣми людьми, который ясно и определенно изреченъ въ Писаніи. Но Богъ говоритъ намъ также, что Онъ ради Христа милостивъ ко всѣмъ людямъ и желаетъ даровать имъ миръ и вѣчное блаженство: «потому что Богъ во Христѣ примирилъ съ Собою міръ» (2 Кор.

5, 19); «мы примирились съ Богомъ смертію Сына Его» (Римл. 5, 10). Это—фактъ, котораго не могли найти ни мысль человѣческая, ни опытъ, никакое ощущеніе, понятіе и заключеніе, который вообще не можетъ происходить изъ міра. Писаніе возвѣщаетъ намъ кромѣ того, что наше спасеніе, примиреніе съ Богомъ и прощеніе грѣховъ мы можемъ и должны получать только черезъ вѣру: «Вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную; а не вѣрующій въ Сына не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ» (Іоан. 3, 36; 8, 24). Многіе великіе и ученые люди измышляютъ другіе пути, чтобы устоять предъ судомъ Божиимъ, но—напрасно: всѣ они будутъ осуждены.

Искать и находить Бога, узнавать и узнать Его можемъ мы только тамъ, гдѣ Онъ Самъ открылъ Себя намъ; изъ природы мы можемъ заключить объ ея Творцѣ, изъ законмѣрности всего совершающагося—о Сохранителѣ, изъ справедливости въ исторіи объ Управителѣ. Но это не Тотъ Богъ, Который Самъ открылъ Себя; сердце и умъ могутъ представлять этого Творца, Міродержателя и Міроправителя, какъ отца, какъ любовь, какъ бытіе самосущее, всемогущее, всевѣдущее... человѣкъ можетъ надѣяться на него, молиться ему, думать, что онъ слышитъ его; но это не есть истинный Богъ, а только созданіе нашей мысли, которое, какъ таковое, различно, сообразно степени образованности отдѣльнаго лица или народа. Истиннаго Бога, Который также есть Творецъ, Міродержатель и Міроправитель, всемогущій, всевѣдущій и т. д., мы можемъ находить только въ Его словѣ; только Его слово указываетъ намъ бытіе Существа истиннаго, насколько мы можемъ принимать и усваивать это, а не мысль наша или чувство, философія или естествознаніе; только Писаніе указываетъ намъ, чего требуетъ отъ насъ Богъ, что мы не исполняемъ Его заповѣдей, нарушаемъ Его запрещенія, указываетъ намъ, какъ Онъ Сахъ черезъ Своего Сына искупилъ нашу вину, простилъ наши грѣхи и тому, кто вѣритъ Его слову, подаетъ это прощеніе грѣховъ, а вмѣ-

стѣ съ нимъ—миръ и успокоеніе, кратко говоря,—истинное счастье.

Со всѣхъ сторонъ теперь намъ слышится: «Не нужно догматическаго христіанства,—сборника случайно набранныхъ библейскихъ сентенцій!» «Узнать Христа, заключить Его въ сердце и имѣть Его съ собою въ жизни какъ вѣрнѣйшаго друга... Его образъ, со всѣмъ, что Онъ за насъ сдѣлалъ и претерпѣлъ—вотъ что, говорятъ, есть и остается источникомъ утѣшенія нашей жизни, тогда какъ отрывки изъ катехизиса исчезаютъ послѣ двухъ лѣтъ». Но непонятно, какъ можно утѣшить себя, когда совѣсть говоритъ: «ты негодный и осужденный грѣшникъ». Только та библейская истина, что «Богъ простилъ наши грѣхи», что «Богъ примирился съ міромъ» можетъ доставить утѣшеніе.

Злоупотребленіе теологіей теперь дошло до того, что можно думать, теологія въ собственномъ смыслѣ слова стала невозможна. Теперешніе теологи въ дѣйствительности суть философы, не искатели Бога, а мудрецы міра сего, которые не признаютъ того, что Богъ открылъ намъ, но ведутъ борьбу съ Нимъ. Проф. Д. Крюгеръ (въ г. Гисенѣ) пишетъ: «Я вижу ближайшую задачу академической науки въ томъ, что неизбѣжно должно потрясти прежде всего церковь: наша (профессоровъ теологій) задача состоитъ въ томъ, чтобы сознательно колебать въ своихъ слушателяхъ наивную вѣру и вводить ихъ въ сомнѣніе, такъ какъ для насъ ясно, что на опасномъ пути, приводящемъ къ чистому познанію, нѣкоторымъ приходится и погибнуть».

Въ то время, какъ геологи, зоологи, минералоги предметъ своей науки, т.-е. землю, животныхъ, минералы и т. д. изслѣдуютъ, собираютъ, приводятъ въ порядокъ, описываютъ..., — теологи, напротивъ, предметъ своей науки, Божественное Откровеніе, отрицаютъ и тамъ, гдѣ Человѣческій разумъ вообще ничего не можетъ знать, берутся рѣшать, что божественное и что Человѣческое. Такъ какъ

при этомъ одни принимаютъ или отрицаютъ одно, другіе другое, то возникаютъ различныя церкви, а затѣмъ секты и направленія въ этихъ послѣднихъ. При этомъ дѣло идетъ уже не о различныхъ сторонахъ христіанства, но о различныхъ религіяхъ; не о различныхъ пониманіяхъ Бога и не о различныхъ богослуженіяхъ, но о ложныхъ богахъ и идолослуженіи. Христіанство весьма несложно, но упущеніе гдѣ-нибудь одного Божественнаго слова дѣлаетъ его язычествомъ; подобно тому, какъ, напр., духовное завѣщаніе выражается въ немногихъ словахъ, но иногда сопровождается различными оговорками и условіями, несоблюденіе которыхъ можетъ лишить наслѣдства. «Тебѣ сказано, человѣкъ, что хорошо и чего требуетъ отъ тебя Господь; именно—*содержать слово Божіе*, оказывать любовь и быть смиреннымъ предъ твоимъ Богомъ» (Мих. 6), поэтому мы прежде всего не имѣемъ права критиковать слово Божіе. Трїединный Богъ требуетъ, чтобы мы вѣрили *всему*, что говорили пророки (Лук. 24, 25; Дѣян. 24, 14) и Господь: «учите ихъ соблюдать *все*, что Я повелѣлъ вамъ» (Мѡ. 28, 20) и подобной вѣры требуетъ Онъ и по отношенію къ проповѣди Своихъ учениковъ: «слушающій васъ Меня слушаетъ» (Лук. 10, 16).

Что сама Библия признаетъ себя словомъ Божіимъ, желаетъ остаться имъ и въ цѣломъ и въ частностяхъ, что она вездѣ отвергаетъ слово человеческое, нигдѣ не одобряетъ его и не соглашается съ нимъ, что Христосъ требуетъ вѣры въ Свое слово и слово Его ученика и утверждаетъ истину всего Вѣтнаго Завѣта—это не можетъ быть оспариваемо (Мѡ. 22, 29—31; Лук. 21, 33; 16, 17; Иоан. 8, 14. 18, Мѡ. 28, 20; Лук. 10, 16; см. мое сочин.: *Die Bibel Gottes Wort*, s. 21—50). Это каждый можетъ легко замѣтить, но весьма немногіе считаютъ слово Библии словомъ Божіимъ, и еще меньшіе вѣрятъ въ это слово. Наука подвергнула сомнѣнію это всемогущее слово Св. Пя-

санія и не вѣрять ему болѣе. Однако при помощи чело-
вѣческихъ предпосылокъ и принциповъ разума, истина
Христова не можетъ быть ни доказана, ни опровергнута,
равно какъ не можетъ быть приобрѣтена при помощи ихъ
и вѣра въ слово Божіе.

На какомъ основаніи мы считаемъ Слово Божіе истин-
нымъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ и почему
мы довѣряемъ его обѣщаніямъ? Для оправданія такого
отношенія къ слову Божію не можетъ быть никакихъ
другихъ основаній, кромѣ тѣхъ, которыя представляетъ
само Писаніе; оно не принимаетъ славы отъ людей (Іоан.
5, 41), потому что предъ нимъ всѣ люди лжецы и всѣ
ихъ мысли суетны. «Всѣ заявленія людей нуждаются въ
доказательствахъ и свидѣтеляхъ, Слово же Божіе само
для себя свидѣтель». Въ этомъ убѣдится всякій, кто съ
чистой совѣстью послѣдуетъ совѣту Господа: «кто хочеть
творить волю Пославшаго Меня, тотъ узнаеть о семъ ученіи,
отъ Бога ли оно или Я Самъ отъ Себя говорю» (Іоан.
7, 17). Но воля Божія заключается въ томъ, чтобы мы
внимали всѣмъ словамъ Библии, вѣрили имъ и во всемъ
поступали согласно имъ. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ не
имѣетъ никакого понятія о Словѣ Божіемъ, и тому оно не
можетъ принести никакой пользы, подобному тому, какъ
мало помогаетъ больному тотъ врачъ, котораго предпи-
санія не исполняются больнымъ. Ни разумъ съ логикой,
ни наука не въ состояніи доказать истины Писанія, за
нее говорить лишь его дѣйствіе: вѣра и блаженство.

Внутреннее свидѣтельство Святаго Духа о томъ, что въ
Писаніи говоритъ только Богъ, является въ сердцахъ вѣрую-
щаго непосредственно, какъ только онъ восприметъ Писа-
ніе своимъ сердцемъ. Духъ свидѣтельствуеть, потому что
Духъ есть истина (1 Іоан. 5, 6), то-есть одушевленное
евангельское слово, которое есть духъ и жизнь (Іоан. 6, 63),
амо свидѣтельствуеть, что оно есть истина (Іоан. 17, 17);
Самъ Богъ отвергаетъ сердца христіанъ (Дѣян. ап. 16, 14).

Эту вѣру, что только одинъ Богъ говоритъ намъ въ

Писаніи, даетъ намъ Св. Духъ. Какъ съ понятіемъ «Богъ» неразрывно соединена безгрѣшность, такъ съ понятіемъ «Слово Божіе» безошибочность; кто вѣруетъ въ искупленіе чрезъ Христа, тотъ безусловно долженъ вѣровать Св. Духу, когда Онъ говоритъ, что Его слова истина; Божество Христа и непогрѣшимость Писанія для христіанъ такія предпосылки, безъ которыхъ Библія для нихъ не имѣетъ никакой цѣны.

Св. Духъ свидѣтельствуетъ о Своемъ Словѣ и въ сердцахъ невѣрующихъ (Дѣян. 7, 54). Но вмѣсто того, чтобы увѣровать и слѣдовать Слову Божію, они только упорнѣе борются противъ него, возставая противъ той истины, которую сами признали. Поэтому Слово Божіе явится для нихъ запахомъ смертоноснымъ на смерть (2 Кор. 2, 16). Защитники науки, подобно фарисеямъ, упорствуютъ въ своемъ заблужденіи, за что и подвергнутся тяжкому осужденію (Евр. 6, 4 и д.), такъ какъ, видя, не видѣли и, слыша, не слышали. Когда Господь придетъ на судъ, они увидятъ, за что они осуждены (Іоан. 19, 37; 12, 48; Откр. 1, 7).

* * *

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Протоіерей І. Д. Петропавловскій.

(Некрологъ).

Въ ночь на 16-е октября текущаго 1907 года скончался отъ рака печени протоіерей Московской Спасской, въ Каретномъ ряду, церкви Іоаннъ Дмитріевичъ Петропавловскій. Покойный былъ ревностнымъ и незауряднымъ труженикомъ на нивѣ духовнаго просвѣщенія.

Іоаннъ Дмитріевичъ былъ сынъ бѣднаго сельскаго причетника села Русилова, Корчевскаго уѣзда Тверской губерніи, и родился въ 1845 году. Съ дѣтства испыталъ онъ суровый гнетъ нужды; помимо этого, отецъ его былъ человѣкъ очень строгій и даже суровый, но ни то, ни другое не озлобило его и не задавило въ немъ привѣтливости и добродушія, которыми отличался онъ всю свою жизнь. При отличныхъ способностяхъ, онъ безъ задержки прошелъ училище, семинарію и поступилъ въ Московскую духовную академію, которую и окончилъ въ 1870 году по первому разряду, и Совѣтомъ Академіи тогда же былъ избранъ сначала приватъ-доцентомъ—по кафедрѣ Основнаго Богословія ¹⁾, а потомъ, по окончаніи имъ магистерскаго сочиненія (въ 1872 году), и доцентомъ—по той же кафедрѣ. Въ числѣ его слушателей былъ между прочимъ и извѣстный философъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ ²⁾. Время преподавательской дѣятельности Іоанна Дмитріевича

¹⁾ Или христіанской апологетики, т.-е. науки, имѣющей свою цѣлю защиту христіанства противъ невѣрія.

²⁾ Объ этомъ покойный Владиміръ Сергѣевичъ самъ рассказывалъ пишущему эти строки и при этомъ припоминалъ нѣкоторыя детали изъ времени своего пребыванія въ Академіи.

вича въ Академіи было временемъ оживленія академической жизни: только что введенъ былъ новый академическій уставъ, и Іоаннъ Дмитріевичъ, вмѣстѣ съ Н. А. Елеонскимъ, А. П. Лебедевымъ, Авдр. П. Смирновымъ и П. И. Цвѣтковымъ, были первыми доцентами въ Московской духовной академіи. Молодой доцентъ ревностно принялся за изученіе своего предмета и чтеніе лекцій, но обстоятельства не позволили ему долго оставаться въ академіи. У него была уже семья, а доцентское жалованье въ то время было крайне скудное, и жить было не на что. Приходилось подумывать о священническомъ мѣстѣ въ Москвѣ, и уже въ 1878 году І. Дм. принимаетъ священническій санъ и, не оставляя еще должности доцента, сначала причисляется къ академической церкви, а черезъ два мѣсяца переводится во священники къ Московской Георгіевской, на Красной горкѣ, церкви. Это обстоятельство улучшало матеріальное положеніе Іоанна Дмитріевича, но и здѣсь онъ оставался недолго. Въ скоромъ времени (въ концѣ октября того же 1878 года) онъ былъ приглашенъ ⁴⁾ и переведенъ на священническое мѣсто къ Московской же Успенской, на Вражкѣ, церкви, гдѣ оставался до января 1892 года, когда переведенъ былъ къ Спасской, въ Каретномъ ряду, церкви. На этомъ послѣднемъ мѣстѣ онъ оставался до самой кончины. Но приходскія обязанности оказалось трудно соединить съ преподаваніемъ въ академіи, и Іоаннъ Дмитріевичъ къ началу 1879-го учебнаго года оставилъ преподаваніе въ ней. Но онъ не охладѣлъ къ наукѣ, не оставилъ занятій ею, и до конца своей жизни продолжалъ оставаться тѣмъ же ученымъ богословомъ, какимъ былъ и въ академіи. Какъ видное во всякомъ случаѣ лицо среди Московскаго духовенства, онъ тотчасъ же (въ началѣ того же сентября 1879 года) епархіальнымъ съѣздомъ духовенства былъ избранъ членомъ отъ духовенства правленія Виѣанской духовной семинаріи, каковую должность занималъ до сентября 1881 года, когда епархіальнымъ же съѣздомъ Московскаго духовенства былъ избранъ членомъ правленія уже Московской духовной семинаріи (эту послѣднюю должность онъ проходилъ почти до конца 1892 года).

Совершенно естественнымъ было и то, что вскорѣ же

⁴⁾ Объ этомъ І. Д. самъ говорилъ пишущему эти строки.

по переходѣ въ Москву, Іоанну Дмитріевичу стали предлагать и законоучительскія мѣста. Уже въ 1880 году онъ началъ законоучительствовать въ Строгановскомъ училищѣ технического рисованія (эту должность онъ проходилъ до сентября 1891 года). Въ слѣдующемъ 1881 году онъ принялъ законоучительство въ частномъ реальномъ училищѣ Хайновскаго, гдѣ оставался до сентября 1889 года, но въ февралѣ того же 1889 года былъ определенъ законоучителемъ 3-ей женской гимназіи, каковую должность занималъ до 1901 года, когда, отчасти по ослабленію здоровья, а главнымъ образомъ по увеличившимся обязанностямъ, почти совсѣмъ оставилъ законоучительскую дѣятельность. Только уже въ послѣдніе годы своей жизни онъ взялъ нѣсколько уроковъ въ частной женской гимназіи Калайдовичъ. Помимо всего этого, онъ довольно долго законоучительствовалъ въ женской учительской семинаріи Чепелевской. И уроки Іоанна Дмитріевича никогда не были лишь формальнымъ исполненіемъ обязанностей, но всегда были интересны. Онъ никогда не удовлетворялся лишь прохожденіемъ программы и всегда оживлялъ свои уроки бесѣдами съ ученицами по интересующимъ ихъ вопросамъ, причемъ всегда старался рѣшать эти вопросы основательно, не отдѣлываясь лишь фразами, дабы не оставить въ умахъ своихъ слушательницъ никакихъ недоумѣній. Если поднимался вопросъ, въ богословской литературѣ не рѣшенный, І. Д., предлагая свое собственное рѣшеніе, оговаривался, что рѣшеніе это принадлежитъ лично ему и можетъ быть ошибочно. Не довольствуясь бесѣдами во время уроковъ, ученицы старшихъ классовъ осаждали его и во время перемѣнъ. Въ обращеніи съ учащимися І. Д. былъ всегда искрененъ, прямъ, ровенъ и ласковъ и тщательно избѣгалъ неудовлетворительныхъ отиѣтовъ. Насколько любили его сослуживцы и учащіеся, видно, напр., изъ того, что изъ учительской семинаріи Чепелевской ему удалось уйти далеко не сразу и послѣ неоднократныхъ попытокъ: такъ усердно просили его не уходить учащіеся и даже послѣ окончательнаго его отказа посылали къ нему съ этою же цѣлью депутацію на квартиру.

Кромѣ указанныхъ занятій и должностей — вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какъ на выдающагося священника — на Іоанна Дмитріевича едва не съ каждымъ годомъ воз-

лагались все новыя и новыя обязанности — отчасти по выбору духовенства, отчасти по назначенію начальства. Такъ въ 1881 году онъ былъ сдѣланъ завѣдующимъ отдѣломъ народныхъ чтеній въ читальнѣ (имени Подгорѣцкаго) Политехническаго музея и, слѣдовательно, членомъ комиссіи по устройству публичныхъ народныхъ чтеній въ Москвѣ и въ этомъ званіи мужественно и дѣятельно отстаивалъ интересы духовнаго просвѣщенія народа, причемъ не обходилось иногда и безъ столкновеній. За усердные труды его по завѣдыванію духовнымъ отдѣломъ въ упомянутой читальнѣ, «въ уваженіе заслугъ, выразившихся въ многолѣтнихъ трудахъ», Комиссія въ общемъ собраніи своемъ 22 января 1899 года избрала его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1886 году, по представленію Высокопреосвященнаго Іоаннікія, митрополита Московскаго, Святѣйшимъ Синодомъ онъ былъ назначенъ членомъ Московскаго духовно-цензурнаго комитета, и въ этой должности оставался до самой смерти. Онъ былъ между прочимъ цензоромъ *Душеполезнаго Чтенія* (до самой смерти). Черезъ его руки прошла масса духовныхъ и научно богословскихъ книгъ и статей. Присылались къ нему на просмотръ, иногда даже и изъ Петербурга, и свѣтскія сочиненія, въ которыхъ трактовались религіозные вопросы. При всей внимательности къ этому роду своихъ занятій, онъ отнюдь не отличался излишнею придирчивостью. Должность цензора, въ особенности духовнаго, — должность трудная и нерѣдко непріятная: есть авторы, въ особенности изъ свѣтскихъ, диллетантовъ, которые во что бы то ни стало желаютъ пропуска своихъ сочиненій, хотя бы они носили неправославный или въ иномъ какомъ-либо отношеніи неудобный для духовной печати характеръ. Бывали казусы весьма хлопотливые и непріятные, бывали и случаи прямо юмористическіе.

Въ 1892 году духовенствомъ своего благочинія І. Д. былъ избранъ наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ въ этомъ благочиніи и эту должность несъ до перехода своего на священническое мѣсто ко Спасской, въ Каретномъ ряду, церкви и, слѣдовательно, въ другое благочиніе. Въ томъ же 1892 году онъ назначенъ былъ членомъ, а въ апрѣлѣ 1902 года и предсѣдателемъ, комитета для вспомошествованія нуждающимся штатнымъ священнослужителямъ, комитета учрежденнаго при его приходской,

Спасской, въ Каретномъ ряду, церкви. Въ февралѣ 1900 года онъ былъ сдѣланъ членомъ консисторіи по первой экспедиціи. Въ 1901 году былъ назначенъ членомъ строительнаго комитета по постройкѣ епархіальнаго дома въ Москвѣ (въ этомъ дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, онъ принималъ особенно живое и горячее участіе), а по постройкѣ дома, въ 1903 году и до августа 1906 года — членомъ совѣта по управленію имъ.

Въ маѣ 1895 года Іоаннъ Дмитріевичъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея. — Изъ наградъ онъ имѣлъ ордена Анны 2 й степени и Владиміра 4 й и 3-й степени. — Въ 1903 году Совѣтомъ Московской Духовной Академіи онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ академіи — во вниманіе къ «его плодотворной профессорской учено литературной и организаторской, въ качествѣ предсѣдателя комиссіи по устройству богословскихъ чтеній въ Москвѣ, дѣятельности на пользу православно христіанскаго просвѣщенія».

Но наиболѣе всего потрудился І. Д. въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія общества. Какъ уже было замѣчено выше, онъ и въ должности приходскаго священника оставался тѣмъ же ученымъ богословомъ, какимъ былъ на профессорской кафедрѣ, и такъ же продолжалъ интересоваться и заниматься наукой, главнымъ образомъ, конечно, богословской, хотя и не одной только ею. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ членовъ Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, и въ 1892 году былъ избранъ сначала временнымъ, а потомъ и постояннымъ предсѣдателемъ этого Общества, хотя и недолго несъ эту должность: онъ оставилъ ее, по собственному желанію, въ 1894 году, а въ 1896 году былъ избранъ въ его почетные члены «въ уваженіе къ постоянно сочувственному отношенію къ дѣятельности Общества и во вниманіе къ трудамъ въ области апологетической литературы».

Но изъ обширной области богословской науки Іоаннъ Дмитріевичъ въ особенности цѣнилъ и считалъ наиболѣе важною и нужною въ настоящее время, христіанскую апологетику. Поэтому его давно занимала мысль объ устройствѣ въ Москвѣ публичныхъ богословскихъ чтеній для образованныхъ и полуобразованныхъ слушателей. Чтенія эти устраивались въ Москвѣ иногда и раньше и въ общемъ не были неудачны, но они не были организованы,

не имѣли постояннаго характера и потому, конечно, не производили настоящаго дѣйствія. І. Д. заваялся мыслию организовать эти чтенія и поставить ихъ на твердую почву, и сдѣлалъ это. При самомъ дѣятельномъ участіи и по предложенію Іоанна Дмитріевича, въ началѣ 1897-го года при Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія былъ открытъ особый отдѣлъ—Отдѣлъ публичныхъ богословскихъ чтеній. Первымъ предсѣдателемъ новообразовавшагося Отдѣла былъ покойный протоіерей Московской Николаевленской, на Арбатѣ, церкви Г. П. Смирновъ-Платоновъ, но, наиболѣе дѣятельное, хотя и не столь гласное, участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ Іоаннъ Дмитріевичъ. Это засвидѣтельствовалъ въ письмѣ къ нему (отъ 7 апрѣля 1897 года) самъ Г. П. Смирновъ Платоновъ. «И начинаніе, и мысль дѣла—писалъ онъ І. Д.—принадлежитъ вамъ; и то, и другое оказалось такъ удачно, что превзошло ожиданія; оазывается, что я-то чужими руками жаръ загребаяю. Не знаю, какъ мнѣ и благодарить васъ за вашу искренность и за ваше усердіе»¹⁾. Послѣ же кончины Г. П. Смирнова-Платонова, І. Д., въ концѣ 1898 года, былъ назначенъ и предсѣдателемъ Отдѣла, и въ этой должности оставался до сентября 1905 года, когда, по недосугу и ослабѣвавшему здоровью, былъ вынужденъ сложить ее съ себя. Въ званіи предсѣдателя, Іоаннъ Дмитріевичъ съ еще болѣшимъ усердіемъ принялся за организацію Отдѣла: составилъ временныя правила (которыя, впрочемъ, дѣйствуютъ и доселѣ), ревностно отыскивалъ лекторовъ и самъ читалъ почти въ каждомъ семестрѣ.

Наряду со всѣмъ этимъ, Іоаннъ Дмитріевичъ до самой смерти продолжалъ заниматься апологетикой, писать и печатать. Въ 1898 году онъ собралъ болѣшую часть своихъ статей и издалъ ихъ въ двухъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Общедоступныя статьи въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія». Статьи эти представляютъ собою цѣлый курсъ православной апологетики и удостоились многихъ авторитетныхъ и лестныхъ отзывовъ²⁾.

¹⁾ См. „Краткую историческую записку о публичныхъ богословскихъ чтеніяхъ въ Москвѣ“ (*Москов. Церковн. Вѣдом.* 1903 г., стр. 139, 178, 205 и 228).

²⁾ Отзывъ объ этихъ статьяхъ—между прочимъ въ *Душеполезномъ Читаніи*: „Новыя изданія православно-апологическихъ трудовъ“ (1900 г. Мартъ).

Въ томъ же 1898 году въ *Душеполезномъ Читаніи* онъ напечаталъ большую и замѣчательную статью «Взглядъ на смыслъ и достоинство господствующаго направленія въ новой культурной исторіи человѣчества», гдѣ, на основаніи иностранной литературы, далъ яркую и въ высшей степени интересную характеристику религіозно-нравственнаго состоянія современнаго, преимущественно западноевропейскаго общества. Писалъ І. Д. въ *Православномъ Обзорнѣи, Читаніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, Душеполезномъ Читаніи, Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ*; въ послѣдніе же годы (болѣею частью подъ инициалами П. І. П.) главнымъ образомъ въ *Душеполезномъ Читаніи*. Послѣдняя его статья «Объ условіяхъ возстановленія нашего общественнаго благосостоянія», представляющая собою какъ бы его духовное завѣщаніе, была напечатана въ сентябрьской, за текущій годъ, книжкѣ *Душеполезнаго Читанія*, почти передъ самою смертію Іоанна Дмитріевича.

Сознавая, какъ немногіе, необходимость духовнаго просвѣщенія общества и народа, І. Д. съ особенною и самою нелицемѣрною радостью привѣтствовалъ постройку епархіальнаго дома въ Москвѣ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что изъ Московскаго духовенства не было болѣе искренняго и энергичнаго пропагандиста и защитника этой постройки, какъ І. Д. Онъ указалъ высокопреосвященному митрополиту Владиміру и мѣсто для постройки и принималъ самое дѣятельное участіе въ постройкѣ. Онъ былъ и членомъ комитета по постройкѣ дома, и членомъ комитета по управленію имъ. Необходимость и значеніе епархіальнаго дома, въ связи съ характеристикой религіозно-нравственнаго состоянія современнаго общества, онъ развилъ въ своемъ замѣчательномъ словѣ при закладкѣ храма въ епархіальномъ домѣ: «Миссія православія внутри православнаго міра» ¹⁾. Тѣ же мысли болѣе подробно І. Д. развилъ въ рѣчи «О религіозно-нравственномъ значеніи епархіальнаго дома въ Москвѣ» ²⁾.

Немало потрудился Іоаннъ Дмитріевичъ и при введеніи въ Москвѣ вѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ, въ 1899 году. Членомъ комитета по устройству этихъ собесѣдованій онъ состоялъ до самой смерти.

¹⁾ *Москов. Церковн. Вѣдом.* 1901 г., № 25.

²⁾ Тамъ же, 1903 г., стр. 65 и 92.

Наконецъ, І. Д. извѣстенъ былъ и какъ проповѣдникъ. Его проповѣди, глубокія по мысли, содержательныя и изящныя по изложенію, пользовались заслуженною извѣстностью. — Отношенія его къ прихожанамъ, при его внимательности, привѣтливости и доступности, всегда были наилучшія, что и доказали прихожане, переполнившіе храмъ во время отпѣванія І. Д. — 6 февраля 1903 года прихожанами торжественно праздновалось двадцатипятилѣтіе его священства и былъ поднесенъ ему золотой, украшенный драгоценными камнями, наперсный крестъ.

Въ жизни Іоаннъ Дмитріевичъ отличался добротою, привѣтливостію и участливостію. Несмотря на то, что отецъ его былъ человекъ не только очень строгій, но даже суровый, онъ чтилъ память его благоговѣнно и, заступивъ, по завѣщанію отца, его мѣсто по отношенію къ братьямъ и сестрамъ, свято исполнялъ этотъ завѣтъ и былъ отцомъ и благодѣтелемъ для своихъ родныхъ, никого не забывая и о всѣхъ заботясь, какъ отецъ. — Въ отношенія ко всѣмъ вообще онъ отличался простотою и доступностію и всегда былъ пріятнымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. Высокомѣріе и безучастіе всегда возмущали его до глубины души. Безкорыстіе и сострадательность были также отличительными его качествами.

Іоаннъ Дмитріевичъ отличался вообще хорошимъ здоровьемъ, но въ послѣдніе годы, вѣроятно отъ переутомленія, сталъ прихварывать. Лѣто нынѣшняго года онъ чувствовалъ недомоганіе и плохой аппетитъ, но перемогался и не придавалъ этому нездоровью значенія, скрывая его и отъ домашнихъ, чтобы не тревожить ихъ. Но въ концѣ августа онъ вдругъ почувствовалъ себя настолько плохо, что слегъ въ постель, съ которой уже не поднялся. Болѣзнь узнава была врачами далеко не сразу, и ея роковой исходъ отъ него скрывали, хотя самъ онъ его, очевидно, чувствовалъ и по христіански приготовился къ смерти. Съ истинно-христіанскимъ же мужествомъ переносилъ онъ и страданія, соединенныя съ болѣзнію, и все время находился въ полномъ сознаніи. За часъ до смерти онъ позвалъ къ себѣ зятя, крѣпко сжалъ ему руку и три раза произнесъ: «умираю»..., затѣмъ благословилъ семью, сталъ какъ будто дремать и перешелъ въ вѣчность такъ тихо и незамѣтно, какъ будто заснулъ...

Погребеніе его состоялось 19-го октября. Обширный храмъ былъ переполненъ прихожанами, духовными дѣтьми и почитателями покойнаго. Заупокойную литургію совершалъ преосвященный Серафимъ въ сослуженіи съ семьєю протоіерейми и священниками. Въмѣсто причащающаго стиха, священникомъ Космодамианской, въ Шубинѣ, церкви о. Лебедевымъ было произнесено слово, посвященное памяти почившаго. Отпѣваніе совершалъ преосвященный Евдокимъ, ректоръ Московской духовной академіи, съ преосвященными Серафимомъ и Анастасіемъ, архимандритомъ Покровскаго монастыря Аристархомъ и почти тридцатью протоіерейми и священниками. Предъ прощаніемъ однимъ изъ священниковъ, родственникомъ почившаго, была отъ лица всѣхъ его родныхъ произнесена согрѣтая искреннимъ чувствомъ и проникнутая нелицемѣрною скорбью рѣчь, выраженіемъ благодарности почившему за его истинно-отеческое попеченіе о всѣхъ его родныхъ. На гробъ было возложено нѣсколько вѣнковъ—отъ семьи, учениковъ и ученицъ, духовныхъ дѣтей, прихожанъ и почитателей и отъ нѣкоторыхъ обществъ, членомъ которыхъ состоялъ почившій. Погребеніе было совершено на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Передъ отпѣваніемъ пишущимъ эти строки была произнесена слѣдующая рѣчь:

Когда смотришь на умершаго, когда видишь человѣка, земное поприще котораго пройдено и жизнь кончена, всегда хочется сказать что-нибудь такое, что относилось бы ко всей жизни покойнаго, характеризовало бы всю его жизнь и дѣятельность. И въ настоящія скорбныя минуты, когда мы собрались отдать послѣднее цѣлованіе новопреставленному и незабвенному Іоанну Дмитріевичу, хотѣлось бы сказать что-нибудь такое, что опредѣляло бы всю его многотрудную жизнь, обрисовывало бы весь его духовный обликъ.

Намъ кажется, что духовный обликъ почившаго опредѣляли главнымъ образомъ двѣ черты, и въ характерѣ его преобладали два качества—одно теоретическое, другое практическое;—проще говоря: почившій во всю свою жизнь былъ и оставался—во-первыхъ, ученымъ и, во-вторыхъ, неутомимымъ дѣтелемъ.

Да, почившій Іоаннъ Дмитріевичъ былъ ученымъ. Онъ и въ званіи приходскаго пастыря оставался имъ почти въ той же мѣрѣ и степени, какъ и на академической кафедрѣ. Онъ всю жизнь интересовался и занимался наукою — наукою, разумѣется, главнымъ образомъ, богословскою, хотя далеко не одною только ею. И изъ обширной области богословской его особенно привлекала и особенно казалась въ настоящее время важной христіанская апологетика, т.-е. защита православной христіанской вѣры противъ невѣрія. Да, эту отрасль богословской науки почившій для настоящаго времени считалъ особенно важной. Онъ, какъ немногіе, ясно понималъ, какую страшную опасность представляетъ собою невѣріе, какая сильная и опустошительная буря идетъ на насъ съ запада, какъ невѣріе, подкрѣпляемое постоянно различными мнимо-научными открытіями, съ каждымъ днемъ становится все смѣлѣе и дерзостнѣе. И въ то же время онъ столь же ясно видѣлъ, какъ мало отпора можетъ дать этому натиску наше общество, какъ беспомощно и беззащитно оно въ этомъ отношеніи, какъ мало знаетъ оно свою родную вѣру, какъ легко вдается въ наученія странна и различна, какъ охотно идетъ во слѣдъ боговъ иныхъ... И онъ всегда училъ и проповѣдывалъ, что первый долгъ каждаго православнаго богослова есть борьба съ невѣріемъ и духовное просвѣщеніе общества. Этому-то дѣлу онъ и посвятилъ свою неутомимую дѣятельность. Всю жизнь свою онъ читалъ, писалъ, печаталъ и уже больной, лѣтомъ нынѣшняго года, пересматривалъ и исправлялъ свои академическія лекціи съ цѣлью ихъ переизданія. Въ особенности же потрудился почившій въ дѣлѣ устройства публичныхъ богословскихъ чтеній. Онъ былъ предсѣдателемъ Отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія по устройству этихъ чтеній, и свое предсѣдательство понималъ единственно въ смыслѣ наибольшей работы и наибольшей заботы. И онъ дѣйствительно не только самъ читалъ почти каждый семестръ — трудно понять, какъ, при своихъ многочисленныхъ обязанностяхъ, онъ находилъ время для составленія этихъ чтеній — онъ самъ говорилъ намъ, что ему приходилось писать ихъ почти исключительно по ночамъ — онъ употреблялъ необыкновенныя усилія, чтобы привлечь какъ можно болѣе чтецовъ. Онъ писалъ, приглашалъ, убѣждалъ, уговаривалъ, составлялъ

и печаталъ темы для чтеній, разрабатывалъ программы, давалъ совѣты, указанія и проч. и проч. И время его предсѣдательства въ Отдѣлѣ публичныхъ богословскихъ чтеній было время ихъ процвѣтанія. И не безъ терній было у него на этомъ пути... а за лаврами онъ не гнался.

Наша характеристика почившаго была бы не полна, если бы мы не упомянули о его добротѣ, простотѣ и участливости ко всѣмъ. Дружески поговорить, утѣшить, ободрить, подать добрый совѣтъ (а его совѣты, при его умѣ, опытности и добротѣ, всегда были благими) было для него и удовольствіемъ и обычнымъ дѣломъ.

Въ заключеніе—одинакъ фактъ, показывающій, насколько почившій былъ чуждъ всякаго своекорыстія и насколько свои личные интересы онъ умѣлъ приносить въ жертву общимъ. Когда возникла рѣчь о мѣстѣ для постройки епархіальнаго дома, онъ указалъ (мы знаемъ это вѣрно, такъ какъ это было въ нашемъ присутствіи) его высокопреосвященству, владыкѣ митрополиту, теперешнее мѣсто дома, какъ наиболѣе удобное, несмотря на то, что мѣсто это очень близко отъ его приходскаго храма, и новый, и притомъ домовый, храмъ могъ отвлекать богомольцевъ отъ его собственнаго храма.

При воспоминаніи о почившемъ вспоминается и евангелская притча о талантахъ; вспоминается тотъ вѣрный, благоразумный и дѣятельный рабъ, который не зарылъ въ землю данныхъ ему талантовъ, но умножилъ и удвоилъ ихъ. Твердо уповаемъ, что и новопреставленный рабъ Божій протоіерей Іоаннъ удостоится услышать отъ Господа оныя блаженныя слова: *рабе благій и вѣрный, ониди въ радость Господа твоего.*

Свящ. Н. Колосовъ.

Новый учебникъ церковнаго пѣнія.

Въ лѣтніе мѣсяцы нынѣшняго года вышла книга подъ заглавіемъ «Пѣснопѣнія годового круга богослуженій обычнаго напѣва» (съ приложеніемъ «Теорія и практика пер-

ковнаго осмогласія обычнаго напѣва»), составленная св. Д. В. Аллемановымъ. Мы относимъ этотъ трудъ къ разряду учебниковъ, главнымъ образомъ, за приложенныя къ нему: «Теорію и практику осмогласія». Въ этомъ небольшомъ руководствѣ, изложенномъ на 40 страницахъ 4^о, даны очень ясныя и обстоятельныя указанія относительно примѣненія гласовыхъ напѣвовъ къ тексту св. пѣснопѣній. Мы держимся того воззрѣнія, что первоначально гласы представляли собою лады, опредѣлявшіе строй звукорядовъ, служившихъ основой церковнымъ мелодіямъ, но, съ теченіемъ вѣковъ и при полномъ отсутствіи музыкально-теоретическихъ рабовъ въ прежнее время, такое значеніе гласовъ постепенно забывалось и стало неяснымъ, такъ что, развѣ, новыя изысканія, основанныя на изученіи старинныхъ рукописей, дадутъ, быть можетъ, возможность возстановить это значеніе гласовъ и привести его въ ясность, но пока эту цѣль нельзя считать достигнутой. Въ практикѣ обычнаго церковнаго пѣнія гласы понимаются въ смыслѣ типичныхъ запѣвовъ или мелодій, примѣняемыхъ къ извѣстнымъ группамъ церковныхъ пѣснопѣній. О. Аллемановъ съ этой точки зрѣнія и разъясняетъ способы примѣненія этихъ типичныхъ мелодій, прилагаемыхъ къ тексту св. пѣснопѣній. Вначалѣ руководства авторъ говоритъ слѣдующее: «Такъ какъ гласовыя формы прилагаются къ молитвословіямъ разнаго рода, то каждый гласъ имѣетъ нѣсколько напѣвовъ, а именно: а) *стихирарный* (Господи воззвахъ, стихиры); б) *тропарный* (Богъ Господь, тропари); в) *ирмолойный* (ирмосы, тропари каноновъ) и г) *аллилуарный* (аллилуія поема по апостолѣ и на пѣсняхъ троичныхъ, а также и прокимны)». О. Аллемановъ расчленяетъ приводимые имъ основныя напѣвы на мелодическія строки: начальныя, среднія и конечныя и затѣмъ указываетъ способы ихъ примѣненія согласно требованіямъ богослужебнаго текста. Всѣ эти указанія изложены просто, ясно и вполне точно, вполне доступно разумѣнія всякаго церковнаго пѣвца. Такое руководство представляется намъ чрезвычайно полезнымъ въ особенности для школь, въ программу которыхъ входитъ преподаваніе церковнаго пѣнія, давая учащимся возможность вполне сознательно усвоить обычный напѣвъ, составляющій самую начальную и необходимую задачу для изучающихъ церковное пѣніе.

Сборникъ годичнаго круга пѣснопѣній, занимающій 'пер-
выя 100 страницъ труда о. Аллеманова, представляетъ
собою настольную книгу для псаломщиковъ, содержащую
въ себѣ всѣ церковныя мелодіи, кои необходимы «оби-
ходны» при церковномъ богослуженіи. Что касается ре-
дакціи напѣвовъ, то за ея достоинства можетъ ручаться
имя автора сборника, достаточно извѣстнаго знатока на-
шей церковной музыки. Принимая во вниманіе дорого-
визну нотныхъ изданій вообще, цѣну въ 1 р. 50 к., на-
значенную за книгу нельзя считать высокой.

Н. Кашикинъ.

ХРИСТОСЪ НА ЗЕМЛѢ.

(Думы въ рождественскую ночь).

Христось на землѣ... Да, Онъ на землѣ, хотя вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Христось, сошедши съ неба на землю въ Вифлеемѣ, потомъ опять, послѣ воскресенія, вознесся съ земли на небо...

День за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ,—въ безконечность тянется время, оставляя за собой въ бездонной глубинѣ вѣчности всѣ, брошенные туда, моменты прожитаго человѣчествомъ прошлаго. Въ длинной вереницѣ вѣковъ исторіи погребаются подъ развалинами умирающей ежеминутно міровой жизни всѣ ея состарѣвшіяся проявленія, уступая свое мѣсто новымъ вѣяніямъ и настроеніямъ. Одни люди сходятъ въ могилу, и сейчасъ же вмѣсто нихъ на сценѣ жизни появляются другіе; событія и отдѣльные эпизоды, возникающіе на фонѣ культурно-исторической жизни народовъ, проходятъ почти незамѣтно, мелькнувъ, какъ метеоръ; а нѣкоторые изъ нихъ переживаютъ самихъ себя въ томъ неискоренимо-глубокомъ вліяніи на прогрессъ общемірового человѣческаго развитія... Все въ мірѣ подвижно, измѣнчиво и непостоянно; нѣтъ ничего твердаго, устойчиваго, прочнаго и неисчезающаго. Только память о родившемся когда-то на землѣ Богѣ живетъ въ сердцахъ и умахъ людей.

Родившійся незамѣтно и грубо положенный въ ясли, Богочеловѣкъ, скоро сталъ извѣстенъ всему міру, — отъ

царя до пастуха, — и съ тѣхъ поръ Онъ уже не забывается. Завѣщанный Имъ міру вѣра и Церковь на протяжении почти цѣлыхъ двухъ тысячъ лѣтъ стоятъ краеугольнымъ камнемъ во всеміровой христіанской культурѣ и исторіи и двигаютъ, какъ могучіе рычаги, человѣчество впередъ. И человѣчество не забыло своего Христа: изъ года въ годъ, въ установленныхъ Церковью праздникахъ воспоминаая различные случаи изъ жизни Христа въ Палестинѣ, оно возобновляетъ память и о томъ великомъ, незабвенномъ, историческомъ днѣ, въ который возшла на небѣ, надъ Вифлеемомъ, невиданная дотождъ звѣзда, чтобы быть путеводительницей восточнымъ волхвамъ, а за ними—и всѣмъ людямъ въ поискахъ новорожденнаго Бога.

Готовясь праздновать тысяча девятьсотъ седьмую годовщину Рождества Христова, наканунѣ ея невольно переношисся мыслями въ отдаленный Вифлеемъ къ его великому историческому моменту черезъ тѣ двѣ тысячи лѣтъ, которыми онъ раздѣленъ отъ насъ, и сквозь сумракъ наступающей рождественской ночи ясно видишь вифлеемскія ясли и лежащаго въ нихъ Младенца-Христа. — Затѣмъ, мысль движется дальше и идетъ за выросшимъ, страстующимъ Христомъ, когда Онъ выступилъ на общественной трибунѣ для того, чтобы повѣдать міру Свое ученіе. Здѣсь передъ нами выступаетъ длинный рядъ пылкихъ послѣдователей Христа и, прежде всего, тѣхъ многихъ женщинъ съ Маріей во главѣ, которыя составляли чуть ли не постоянную свиту Божественнаго Учителя. Живое встаетъ передъ глазами и самый этотъ небольшой кружокъ почитателей Христа и Его радушныхъ друзей, начиная съ Апостоловъ и кончая Лазаремъ съ сестрами. Въ яркихъ картинахъ проходитъ кипучая жизнь и горячая дѣятельность этихъ первыхъ вѣрующихъ во Христа, одушевленныхъ всегда энтузіазмомъ сердечной привязанности къ своему Богу, честныхъ, прямыхъ, открытых и искреннихъ, энергичныхъ и предприимчивыхъ, полныхъ жизнерадостныхъ и нѣжныхъ чувствъ; они жили тихо,

скромно и мирно, безъ хитрыхъ и вкрадчиволасковыхъ рѣчей прячущагося за дружелюбіемъ лицемѣрія и лукавства, чуждые той насмѣшливой недовѣрчивости, которой отличались враждебно-настроенные по отношенію ко Христу неблагоприятные скептики Назарета. — Съ другой стороны въ той исторической дали виднѣются большія и шумныя толпы народа, гурьбой тѣснящагося вокругъ Христа или небольшими кучками идущаго за Нимъ сзади, сопровождая Его всюду, куда бы Онъ ни шелъ со Своими учениками: одни въ этой народной массѣ чутко прислушиваются къ новымъ словамъ и мыслямъ проповѣдуемаго ученія; другіе пробиваются сквозь густые ряды, чтобы прикоснуться къ краямъ одежды Учителя и исцѣлиться; третьи — черезъ тысячи человѣческихъ головъ пристально взглядываются въ одушевленнаго Проповѣдника, чтобы тверже запечатлѣть въ своей памяти Божественный обликъ.

Вотъ какія картины, мысли и думы навѣваетъ на душу переживаніе рождественской ночи и ожиданіе дня рожденія Христа. Это — думы о томъ великомъ и дорогомъ для христіанскаго сердца прошломъ, которое дѣйствительно было когда-то. О, блаженныя, далекія, безконечно далекія невозвратныя времена! О нихъ мы можемъ теперь только мечтать! И какими чуждыми и полузабытыми кажутся они намъ, людямъ нашего времени, — такими далекими, какъ вообще далека дѣйствительность отъ мечтаній! Въмѣсто того, чтобы по примѣру современнаго Христу народа идти съ вѣрой всюду за Нимъ въ рядахъ Его неизмѣнныхъ послѣдователей, мы скорѣе готовы вступить въ ряды предателей Бога, и, какъ подкупленные соглядатаи, высматривая Его изъ-за угла, выпытывая изподтишка тайны Его мыслей, не прочь даже донести на Него лицемѣрнымъ фарисеямъ и всѣмъ ненавистникамъ любвеобильнаго Бога. Въмѣсто того, чтобы привѣтствовать рождающагося Христа радостными и вдохновенными криками: «осанна Сыну Давидову!» или, по крайней мѣрѣ, поддержать вѣрующій народъ, выходящій навстрѣчу Христу съ такимъ привѣт-

ствіемъ, мы часто съ большимъ удовольствіемъ и готовностью присоединимъ свой голосъ къ дикимъ воплямъ возбужденной, грубой, обезумѣвшей отъ подстрекательства черни: «распи, распи Его!»—Повсюду теперь, на мѣсто прежняго религіознаго энтузіазма, заражавшаго народныя массы вдохновеніемъ живой, горячей, страстной вѣры, зажигавшаго въ сердцахъ людей неугасимый уже потомъ огонь любви и окрылявшаго ихъ надеждой, — у насъ появился или религіозный индифферентизмъ или такой же скептицизмъ, раздающійся на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ. И съ несомнѣнностью приходится установить, какъ болѣзненный признакъ нашего времени, фактъ безбрежнаго разлитія по всѣмъ сторонамъ народной жизни религіознаго невѣрія или какой-то изломанной, половинчатой вѣры, фактъ тяжелаго религіознаго сомнѣнія, такъ глубоко вустившаго сейчасъ свои корни въ народную душу...

Но съ какими бы потугами мысли, сердца и воли ни старались люди, враждебные Христу, поколебать народную вѣру въ Спасителя и заставить народъ отказаться отъ своего Бога, всѣ ихъ попытки останутся тщетными: если у резонерствующаго интеллигента и можно сдвинуть съ мѣста устой его религіозной вѣры, то у народа, при безыскусственной простотѣ и непосредственности, а также—глубинѣ и живучести его вѣры нельзя отнять Христа: выйдетъ только ложь и фальшь. Чтобы яснѣе представить здѣсь дѣло, пояснимъ высказанную мысль аналогіей въ литературными примѣрами.

Представьте себѣ, что у ребенка умерла горячо любимая имъ мать... Ушедшая и зарытая въ могилу, она, однако же, не ушла изъ его сердца и стоитъ передъ нимъ, какъ живая: онъ все время помнитъ ее; помнитъ, какъ, бывало, просыпаясь ночью, онъ искалъ въ темнотѣ ея пѣжныя руки и крѣпко прижимался къ нимъ, покрывая ихъ поцѣлуями; онъ помнитъ, какъ она баловала его невинными забавами, ласково глядѣла на него тогда и прощала ему дѣтскія шалости; какъ она заботливо и любовно

разспрашивала его о здоровьи, пренебрегая своими силами и покоемъ; всю жизнь съ радостью отдавала ему и исполняла даже его капризные желанія. Онъ помнить, какъ его рыданія звучали сдавленнымъ стономъ въ сумракѣ первой ночи его сиротства... И послѣ, когда онъ часто просыпался въ глухую полночь, полный любви и ласки, которыя тѣснились въ груди, переполняя дѣтское сердце, просыпался съ улыбкой счастья на устахъ, ему казалось тогда, что мать опять пришла къ нему, къ его колыбели, что онъ сейчасъ по прежнему встрѣтитъ ея милую, любящую ласку. Но его руки протягивались въ пустую, страшную, холодную тьму, и въ душу проникало сознаніе горькаго одиночества; и не милъ ему становился свѣтъ со всеми своими красотами и блестящими радостями жизни, и сжималъ онъ руками свое, такъ больно стучавшее, сердце, и слезы прожигали горячими струями его щеки. И не хотѣлъ, да и не могъ онъ вѣрить въ страшную дѣйствительность, которая, однако же, невольно и больно, острой занозой вонзалась ему въ сознаніе. Забыть мать—у него не было силъ, какъ не было же силъ—и примириться съ жестокой правдой; и какими-то безжалостными двуногими чудовищами казались ему люди, безпрестанно твердившіе о томъ, что теперь нѣтъ того, безъ чего жизнь становилась ему не въ моготу и въ смерть чего ему нельзя было вѣрить.

Вотъ—настроеніе народа, потерявшаго Христа, съ тою только разницею, что разыгрывающаяся на той же почвѣ въ народной душѣ драма будетъ еще тяжелѣе, и народу, потерявшему Христа, придется раздвоиться больше, чѣмъ ребенку, понесшему дѣйствительную утрату матери.— Нужно понять, что народъ такъ же горячо любитъ Христа, какъ и тотъ ребенокъ свою мать, и для него потеря Его будетъ равна ничѣмъ невозградимой утратѣ отца или матери; онъ такъ сжился со Христомъ, такъ сросся душой съ Нимъ, что уже не можетъ жить одинъ безъ него, и разстаться съ Нимъ для него—значить сразу лишиться

всего, оторвать часть своего собственного сердца. Какія же тогда невыносимо-тяжелыя нравственныя муки долженъ переживать народъ, когда его душа, выведенная изъ своего равновѣсія, дѣлается ареной борьбы двухъ противоположныхъ теченій: съ одной стороны — внутренней потребности сердца жить со Христомъ, а съ другой—зарождающаго въ умѣ стремленія отказаться отъ Христа, въ угоду и подъ давленіемъ тѣхъ, кто вырываетъ Его изъ души. Воля, попавшая подъ перекрестный огонь, не знаетъ, что дѣлать и въ какую сторону склониться; если антирелигіозное стремленіе пересиливаетъ противоборствующую ему потребность, то душа народа въ собственномъ и точномъ смыслѣ слова реально разрывается на части: одною своею стороною она тянется ко Христу затѣмъ, чтобы жить съ Нимъ, а съ другой стороны противники Христа тянутъ ее къ себѣ затѣмъ, чтобы убить въ ней Бога. Но не будучи въ силахъ жить въ разлукѣ съ Христомъ, народъ только будетъ въ безпомощности и отчаяніи метаться изъ стороны въ сторону и горько рыдать, тоскуя о потерянномъ Богѣ и къ Нему же съ мольбой протягивая руки о помощи; но какъ и у ребенка, потерявшаго свою мать и тщетно зовущаго ее въ горячечномъ бреду своего безысходнаго, невыразимаго горя, эти руки хватаютъ только страшную холодную тьму, натываются на безпредѣльное пространство и съ ужасомъ ощущаютъ мракъ своего одиночества и разверзшуюся бездну душевной пустоты.

Вотъ примѣры. — Въ отдаленной Сибири, до которой, все-таки докатила волна народнаго невѣрія, станочникъ якутъ съ дрожью въ голосѣ спрашиваетъ русскаго образованнаго человѣка: «другіе говорятъ... никакого Бога нѣтъ. Ты умный, бумаги пишешь... Скажи можетъ это быть»? И когда на это, съ ядомъ обидной горечи и досады вырвавшійся изъ его устъ, вопросъ получается ласковый, отрицательный отвѣтъ, якутъ съ нескрываемой радостью, вздохомъ облегченія и глубокаго уже убѣжденія

подхватываетъ: «не можетъ быть!.. Враки!» Смотрите, съ какимъ, прямо болѣзненнымъ, напряженіемъ якутъ ждалъ отвѣта, боясь услышать страшную для себя вѣсть. Когда же этой вѣсти не получилось, и его опасенія, къ счастью, оказались напрасными (онъ боялся, какъ бы чиновникъ не сказалъ, что никакого Бога нѣтъ), у него словно гора съ плечъ свалилась, послѣ чего онъ уже и отъ себя, какъ бы немного стѣсняясь и въ оправданіе своихъ докучливыхъ вопросовъ, добавляетъ къ высказанной мысли о Богѣ: «Хоть худенькій худой, но все еще сколько нибудь дѣлами-то править»¹⁾.—Такъ мучительно тяжело и невыносимо больно бываетъ народу, когда заброшенное въ его душу сѣмя сомнѣнія начинаетъ развѣдать ее и отнимать у этого народа его Бога: народъ все равно ни за что не разстанется со своимъ Христомъ и будетъ всегда любить Его, быть можетъ, начавъ исповѣдывать только своего «Худенькаго» Бога, искренне выражая здѣсь свою, какъ бы ущербленную и тоскующую вѣру, какъ у того якута.

Другой примѣръ еще нагляднѣе подтверждаетъ мысль о неискоренимости религіозной вѣры изъ довѣрчивой и признательной души народа. Между двумя «сознательными» и «современными» молодыми людьми, рабочими, идетъ серьезный, «научный» разговоръ по религіознымъ вопросамъ, приводятся факты, треплется имя Божіе, предлагаются всевозможные проекты къ «очищенію» Бога, на счетъ Котораго образованные люди нарочно обманываютъ народъ и т. д. Присутствующая при этомъ разговорѣ мать одного изъ собесѣдниковъ сначала крѣпится и, хотя черезъ силу, молчитъ. Потомъ, не стерпѣвъ, настойчиво говоритъ: «насчетъ Господа—вы бы *поосторожнѣе!* Вы, какъ хотите... вамъ дѣла ваши зачтутся. А мнѣ, старухѣ, опереться будетъ не на что въ тоскѣ моей, если вы Господа Бога у меня *отнимете*»... Когда и послѣ этого критики не унимаются, она не выдерживаетъ и, не до-

¹⁾ Короленко. Разск.: „Государевы ящички“.

слушавъ до конца разговора, уходитъ вонъ изъ комнаты съ жгучими слезами на глазахъ и съ горькими словами: «Нѣтъ, я лучше уйду! Слушать это — *нѣтъ моихъ силъ... не могу!*» ¹⁾. — Такъ дорогъ Богъ для народа, такъ онъ чувствуетъ себя не въ силахъ жить безъ Него, почему «не можетъ» даже равнодушно слушать рѣчи, направляющіяся противъ Бога, оскорбляющія Господа, и жалостно просить быть «поосторожнѣй» въ вопросахъ, касающихся самого дорогого и святого для него — его вѣры и его Бога.

Вотъ почему противники религіи въ своей борьбѣ съ народной вѣрой, выдавая ее за иллюзію или еще что-нибудь наносное, историческое наслоеніе, а не существенное и непреходящее, ничего не могутъ подѣлать и никакъ не добьются своихъ цѣлей, пуская всѣ заряды въ воздухъ. Самое большое, что они могутъ сдѣлать здѣсь, это—заставить народъ переживать ту страшную, душевную драму, о которой мы только что говорили. И эта драма тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ менѣе народъ можетъ найти для себя утѣшеніе въ успокаивающихъ доводахъ умно и убѣдительно рассуждающаго разсудка. Вѣдь народъ не обладаетъ способностью и смѣлостью въ религіозныхъ вопросахъ отдѣлываться, наприм., такими шутками, какъ гариновскіе инженеры.—Любопытный діалогъ происходитъ между двумя братьями: старшій спрашиваетъ младшаго: «въ Бога ты вѣришь»? Младшій вызывающе отвѣчаетъ: «осмѣлюсь доложить, что вѣрю», и, въ свою очередь спрашиваетъ иронически: «а Ваше Величество»? Величество отвѣчаетъ: «нѣтъ», и, получаетъ новый вопросъ: «но въ душѣ это вамъ не мѣшаетъ креститься на каждую церковь и молиться на ночь»? Ударъ парируется такимъ отвѣтомъ: «на церковь я не крещусь, а на ночь молюсь. Но это—не молитва: это—привычка, благодаря которой

¹⁾ Сборн. изд. товар. „Знаніе“, XVI, 1907 г. Горькій. „Мать“, стр. 217—218. Курсивъ вездѣ нашъ.

я вспоминаю каждый день всѣхъ близкихъ мнѣ». Новый вопросъ: «носишь образокъ на шеѣ»? Старый отвѣтъ съ оригинальной мотивировкой: «виситъ и ношу. Куда же мнѣ его дѣтъ»? Младшій, резюмируя въ выводахъ свой разговоръ со старшимъ, наставительно замѣчаетъ: «я не люблю дѣлать что-нибудь машинально; я люблю давать себѣ во всемъ отчетъ. Я не вѣрю въ невѣрующихъ людей. Я думаю, что предрасудками ли, поколѣніями ли, дѣйствительной ли своей силой, но вѣра такъ связана со всѣмъ нашимъ существомъ, что, отрѣшась отъ нея на словахъ, попадаешь въ очень унижительное положеніе передъ самимъ собой, — по существу отъ нея не отдѣлаешься, а снаружи отрелся: ложь и фальшь. Такъ чѣмъ такъ, я лучше буду на виду у всѣхъ крестить себѣ любовь»¹⁾).

Народъ не можетъ быть такимъ софистомъ, легко подтасовывающимъ подъ форму нужныхъ ему комбинацій диалектическія тонкости резонерствующаго ума. Если онъ вѣритъ, то уже вѣритъ искренне: молясь на ночь, молится не механически, по привычкѣ, — потому что рука сама крестится, а потому, что чувствуетъ въ этомъ потребность для живого общенія съ предметомъ своей вѣры; и если онъ носить крестъ на шеѣ, то не потому, что его некуда дѣтъ, а потому, что это служить конкретнымъ выраженіемъ его вѣры въ основной догматъ христіанскаго спасенія. Перестать креститься или снять съ шеи крестъ для него значитъ просто перестать вовсе вѣровать. Вотъ теперь его и заставляютъ сдѣлать это, ставя подъ вопросъ Бога и бросая въ его душу сѣмя религіознаго сомнѣнія. Тутъ-то и получается, то ложно-фальшивое положеніе, въ которое неожиданно попадаетъ народъ и изъ котораго ему нѣтъ выхода (выходъ можно найти только на томъ пути, по которому благополучно про-

¹⁾ Сборн. изд. товарищ. „Знаніе“, XVIII, 1907 г. Гаринъ. „Мнѣ жеры“, стр. 235—236.

брался старшій инженеръ, но который недоступенъ народу): съ одной стороны, онъ не можетъ уже спокойно молиться потому, что его вѣра расшатана; съ другой стороны, онъ и не можетъ перестать креститься, потому что оставшаяся и тлѣющая въ сердцѣ искра замирающей вѣры еще не совсѣмъ потухла. А молиться для того, чтобы замаскировать свое, хотя бы и половинчатое, невѣріе, прикрывая его показной лицемѣрной набожностью ханжи, онъ не въ силахъ, потому что притворяться онъ не умѣетъ, да и совѣстно. Получается что-то невѣроятное, чудовищное, бессмысленное и жестокое: люди сами бичуютъ себя и своими руками какъ бы вырываютъ у себя изъ сердца любимаго Бога, не желая того, но вынужденные къ тому насильно; нося въ душѣ неискоренимую потребность вѣры, они въ жизни почти не вѣруютъ, хотя до самозабвенія и дорожатъ своимъ Богомъ...

Кто подкапывается подъ основанія народной вѣры, на которыхъ держится религія, и заставляетъ народъ мучиться въ религіозныхъ сомнѣніяхъ и возбужденныхъ софистическихъ вопросахъ, — тотъ оказывается великимъ преступникомъ передъ самою жизнью: вѣдь своими религіозными идеалами народъ именно живетъ, вкладывая въ нихъ всю свою душу. Исторія рассказываетъ про римскаго императора Каллигулу, что онъ во время представленія въ циркѣ заставлялъ брать изъ рядовъ зрителей первыхъ, попавшихся палачамъ подъ руки, и бросать ихъ на арену къ борющимся съ гладіаторами разъяреннымъ звѣрямъ, вырывая напередъ у нихъ языки, чтобы они своими криками и проклятіями тирана не раздражали его. Противники Бога и народа поступаютъ еще хуже: они разрываютъ на части народную душу, топчутъ ногами народное сердце и, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточныхъ средствъ для того, чтобы заглушить взрывы народного негодованія въ открытой борьбѣ, заливаютъ пламя народного гнѣва афоризмами и парадоксами...

Кто не осудитъ Каллигулу? И къ его несчастнымъ

жертвамъ, вырываемымъ изъ народа, нужно скорѣе спѣшить на помощь, а не помогать самому тирану, разбрасывая среди народа сѣмена религіознаго сомнѣнія и невѣрія. Нужно выступить на активную борьбу съ тѣми безжалостными, жестокими людьми, которые какъ будто доставляютъ себѣ удовольствіе тѣмъ, что закидываютъ грязью своего сухого, бездушнаго скептицизма чистое золото народныхъ вѣрованій; но они забываютъ, что вѣдь миллионы людей въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ рождались, жили и умирали въ этихъ вѣрованіяхъ, и ими нельзя не дорожить или, по крайней мѣрѣ, ихъ нельзя не шадить. Нужно,—всюду бѣгать въ поискахъ за христіанской истиной и, собирая крохи христіанскаго знанія вездѣ, разбрасывая сѣмена Христовой вѣры по всѣмъ направленіямъ земли, стараться осмыслить народныя вѣрованія и оправдать религіозные идеалы христіанина. Это нужно не для Христа, не затѣмъ, чтобы возстановить память объ этомъ Христѣ у забывшихъ Его навѣки людей и возвратить потеряннаго Христа людямъ: Христосъ неуничтожимъ, и Ему надо было родиться только однажды, чтобы потомъ уже жить вѣчно на землѣ среди, правда, забывающихъ Его, иногда, людей, сдѣлавъ Виѳлеемъ вѣчнымъ городомъ своего рожденія и къ нему обращаая взоры всего міра въ святую, звѣздную рождественскую ночь. Это нужно для людей; нужно для того, чтобы избавить этихъ людей отъ страшныхъ, мучительныхъ, невыносимо-тяжелыхъ минутъ переживанія той душевной драмы, которая разыгрывается всегда, когда у человѣка начинаютъ отнимать самое дорогое и святое, чему онъ поклонялся до сихъ поръ, съ чѣмъ неразлучно жилъ и чему всегда молился...

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Христосъ—на землѣ и, родившись однажды въ Виѳлеемѣ, за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, неумираемо живетъ съ тѣхъ поръ въ умахъ и сердцахъ людей; и эти люди ежегодно возобновляютъ память о рожденіи своего Бога, обращаая свои

взоры въ рождественскую ночь къ вѣчному мѣсту Его земного рожденія—Виелеему. И намъ нечего бояться того, что какія-нибудь силы когда-нибудь вырвутъ Христа изъ народной души всего христіанскаго міра. Этого не случится потому, что Христось Самъ не уйдетъ съ земли отъ народа, а народъ не въ силахъ добровольно отказаться отъ Христа и не можетъ жить безъ Него. Но можетъ случиться вотъ что: людей будутъ вынуждать къ тому, чтобы они бросили свою религіозную вѣру и остались безъ всякихъ религіозныхъ идеаловъ; тогда нужно придти на помощь къ страдающимъ отъ насильниковъ и сдѣлать такъ, чтобы земные приверженцы Христа жили спокойно съ живущимъ на землѣ своимъ Спасителемъ, не испытывая нравственныхъ мукъ душевнаго раздвоенія въ борьбѣ религіознаго сомнѣнія съ потребностью живой вѣры и готовясь къ жизни, послѣ смерти, на небѣ; нужно указать людямъ на слова Христа «...Я съ вами во все дни до скончанія вѣка» (Мате., 28, 20) и привести ихъ къ дѣйствительной вѣрѣ въ эти слова...

М. Н.-К.

Очеркъ нравственнаго возрожденія чловѣка во Христѣ ¹⁾.

Наконецъ, подвижникъ долженъ обезопасить себя еще съ одной стороны, именно отъ страсти *любостыжанія*. По уставу Антонія Вел., подвижникъ не долженъ былъ имѣть ничего больше того, сколько необходимо для поддержанія существованія ²⁾. Нестыжательность, нищету и довольство малымъ внушаютъ подвижнику благочестія всѣ свв. отцы ³⁾. Какъ въ этомъ отношеніи устроили свою жизнь сами свв. аскеты, это хорошо извѣстно изъ жизнеописаній ихъ. Оставляя мірскую жизнь, они вмѣстѣ съ тѣмъ оставляли и все имущество свое родственникамъ или раздавали его бѣднымъ, а сами съ тѣхъ поръ жили поистинѣ какъ нищіе, которые не имѣютъ никакой собственности. Если и было у нихъ что-нибудь, они не считали этого своею собственностью, почему никогда и не противились, если кто-либо посягалъ на ихъ вещи. Макарій Великій самъ помогъ однажды вору вынести все свое скудное достояніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ книгъ, изъ келліи и уложить на осла.—Вообще замѣтимъ, что въ дѣлѣ искорененія страстей отцы, какъ люди съ великою душой, и сами употребляли и другимъ предлагали рѣшительнѣйшіе, героическіе подвиги. Начиная новую жизнь, они предпочитали уничтожить всякій поводъ и

¹⁾ Окончаніе. См. полбръскую кн. *Душепол. Чтенія* 1907 г.

²⁾ 84 стр., 50, 51 гл.

³⁾ См. напр. „Совѣты новонач. монаху“ пр. Ефр. С.; „Монаш. правла“ пр. Исаи и др.

даже самую возможность возвращенія ко грѣху. «Господь нашъ повелѣлъ намъ,—писатьъ пр. Макарій Егип.,—оставить золото, серебро, родство, продать имѣніе, раздать нищимъ, положить сіе въ сокровищницу и искать сего на небесахъ (Мѡ. 6, 21); ибо Господь зналъ, что сатана чрезъ это беретъ силу надъ помыслами и вводитъ ихъ въ заботу о вещественномъ и земномъ. Посему-то Богъ, промысля о душѣ твоей, повелѣлъ отречься отъ всего, чтобы и *по неволѣ* взыскалъ ты небеснаго богатства и обратилъ сердце свое къ Богу. Ибо, если и пожелаешь возвратиться къ тварямъ, то окажется, что не владѣешь ничѣмъ видимымъ; и тогда, хочешь или не хочешь, принужденъ будешь умомъ своимъ обратиться къ небу, гдѣ собралъ и положилъ все въ сокровищницу ¹.» «Тебѣ Богъ повелѣлъ сдѣлаться нищимъ,—говоритъ онъ въ другой главѣ,—и, продавъ все, раздать нищимъ, чтобы, хотя и захотѣлъ бы ты ринуться долу, на землю, было это уже невозможно для тебя ².» Какъ полезны въ борьбѣ съ грѣхомъ подобныя рѣшительныя подвиги, это очевидно; иногда безъ нихъ едва ли и возможно очищеніе отъ страстей. Представимъ себѣ, на примѣръ, скупого, который всѣ силы истощаетъ на приумноженіе серебра, или честолюбца, который высшее благо свое полагаетъ въ восторгѣ толпы предъ его талантомъ; трудно допустить, чтобы они освободились отъ рабства своимъ страстямъ прежде, чѣмъ первый изъ нихъ не оставитъ своихъ денегъ, а второй—толпы; однимъ словомъ,—прежде чѣмъ они разстанутся съ тѣмъ, въ чемъ они привыкли видѣть цѣль и смыслъ своей жизни и что питаетъ ихъ страсть.

Исчисленные выше подвиги называются у аскетовъ *дѣятельнымъ* искорененіемъ, погашеніемъ, или истребленіемъ страстей, такъ какъ починъ брани въ этихъ подвигахъ принадлежитъ самому подвижнику. Но этимъ видомъ

¹) Бес. 11, гл. 7.

²) Ibid., гл. 8.

борьбы съ дурными страстями и привычками нельзя ограничиться. Правда, подъ давленіемъ новаго строя жизни, при устраненіи всего, чѣмъ питаются со-вѣѣ наши страсти, эти послѣднія естественно теряютъ свое господствующее, опредѣляющее значеніе въ душѣ; тѣмъ не менѣе змій себялюбія, хотя и раненый въ голову, продолжаетъ гнѣздиться на самомъ днѣ сердца, и его присутствіе для опытнаго наблюдателя постоянно сказывается и во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, и во внутреннихъ движеніяхъ душевныхъ силъ подвижника. Ревнующій о совершенной чистотѣ сердца долженъ подавлять всѣ проявленія грѣха, живущаго въ немъ; онъ долженъ замѣчать въ себѣ всѣ грѣховныя движенія и пресѣкать ихъ по возможности въ самомъ началѣ. Чѣмъ скорѣе подвижникъ замѣтитъ въ себѣ движеніе грѣха, тѣмъ легче ему будетъ бороться съ нимъ. Сначала у человѣка возникаетъ обыкновенно только простая мысль или воспоминаніе о какомъ-либо грѣхѣ. Грѣхъ только какъ бы показываетъ себя человѣку, напоминаетъ о себѣ, хочетъ, чтобы имъ занялись, подумали о немъ. Этотъ видъ грѣховаго помысла аскеты называютъ «прираженіемъ» ¹⁾ или «преднапечатлѣніемъ» ²⁾. Прираженіе возникаетъ или подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, когда лица, вещи, случаи возбуждаютъ въ человѣкѣ воспоминаніе о прежней жизни, когда онъ работалъ грѣху, или же подъ вліяніемъ разныхъ внутреннихъ неуволнимыхъ причинъ, или, наконецъ, по дѣйствию злыхъ духовъ. Но каковъ бы ни былъ поводъ къ прираженію, борьба съ нимъ—дѣло сравнительно легкое, такъ какъ устранить отъ себя отвлеченную мысль для насъ вообще не трудно.—Если же человѣкъ оставивъ свое вниманіе на помыслѣ, этотъ послѣдній захватываетъ для себя въ душѣ большую, такъ сказать, область, проникая или въ фантазію, гдѣ онъ об-

¹⁾ Маркъ Подв., Сл. 1, гл. 139.

²⁾ Ефр. Сир. 3 т., 627 стр.

лекается въ соответствующій своему содержанію образъ или въ сердце, гдѣ онъ возбуждаетъ «сдруженіе» ¹⁾ съ грѣхомъ, услажденіе имъ. Борьба съ помысломъ на этихъ позиціяхъ, захваченныхъ имъ, бываетъ гораздо труднѣе. «Безвидное движеніе» помысла, по пр. Марку, легче уничтожить, чѣмъ «образъ помысла» ²⁾ (т.-е., чѣмъ помысль, облекшійся въ форму опредѣленнаго представленія или опредѣленнаго образа фантазіи). Если же помысль проникъ и въ сердце, то борьба съ нимъ представляетъ наиболѣе тяжелый, иногда мучительный, внутренній подвигъ, такъ какъ власть свободы надъ чувствованіями вообще очень органиченна.—Вотъ почему свв. отцы внушаютъ подвижникамъ вести борьбу съ помысломъ, пока онъ еще не успѣлъ укорениться въ душѣ. «Кто своимъ противорѣчіемъ или твердостію, — пишетъ пр. Ефремъ С.,—въ самомъ началѣ отражаетъ отъ себя первое, т.-е. прираженіе, тотъ за одинъ разъ пресѣкаетъ все остальное» ³⁾, т.-е. все дальнѣйшее развитіе въ душѣ грѣховнаго помысла. Пресѣченіе помысла въ самомъ началѣ пр. Маркъ считаетъ признакомъ искуснаго подвижника. «Подвижникъ, — говоритъ онъ, — не даетъ предвпечатлѣнію, т.-е. невольному воспоминанію прежнихъ золъ, дойти до страсти, а побѣдитель низлагаетъ даже и самое прираженіе» ⁴⁾. «Искусные (подвижники), — говоритъ онъ въ слѣд. главѣ, — овладѣваютъ предварительно, наподобіе зѣмка, прираженіемъ, т.-е. безвиднымъ (не облекшимся еще въ образъ фантазіи) движеніемъ сердца..., а иной (неискусный) не отвращается отъ помысла до тѣхъ поръ, пока не возжетъ пламени въ сердцѣ» ⁵⁾. — Насколько важно изгнать помысль изъ души прежде, чѣмъ онъ овла-

¹⁾ Ibid.

²⁾ См. стр. 31 и 32.

³⁾ 3 т., 628 стр.

⁴⁾ Слово 1, гл. 139.

⁵⁾ Ibid, гл. 140 и 141.

дѣтъ воображеніемъ и сердцемъ, настолько же это бываетъ и трудно для новоначальнаго подвижника. Трудность дѣла обуславливается недостаткомъ самонаблюденія, который характеризуетъ всякаго грѣшника и свойственъ на первыхъ порахъ и новоначальному подвижнику благочестія. Но такъ какъ тонкое самонаблюденіе въ высшей степени полезно въ дѣлѣ духовнаго развитія, облегчая подвижнику борьбу съ ветхимъ человѣкомъ, давая возможность замѣчать движенія врага прежде, чѣмъ тотъ приблизится и укрѣпится, и предохраняя отъ грѣховныхъ паденій, то свв. отцы ничего такъ часто и съ такою настойчивостію не внушаютъ подвижнику, какъ вниманіе, бодрствованіе, трезвеніе, самособранность, внутръпробываніе, однимъ словомъ развитіе въ себѣ строгаго постоянного самонаблюденія. Подвижникъ долженъ отвыкнуть отъ разсѣянности, отъ увлеченія случайными впечатлѣніями и произвольными внутренними движеніями и усвоить себѣ привычку не пропускать ни одной мысли, ни одного чувствованія, ни одного желанія безъ разсмотрѣнія и оцѣнки ихъ. «Какъ-бы молотъ и наковальню помѣсти въ умѣ своемъ, монахъ,—пишетъ пр. Ефремъ,—и пытай помыслы сердца своего; и которые окажутся негодными, бросай прочь» ¹⁾. «Весь содѣлайся окомъ, непрестанно наблюдая и высматривая грабителей лукаваго... Разумѣешь ли, братъ, кто эти грабители лукаваго и убійцы?—Это нечистые помыслы, злыя пожеланія, раздражительность и внутреннія смятенія, гнѣвъ и ссоры и рабство страстямъ» ²⁾. «Войди въ себя, возлюбленный, и возвратися въ покой твой» ³⁾. Будемъ трезвиться, братіе, будемъ трезвиться... Войдемъ въ себя самихъ и соберемъ хотя нѣсколько мысли свои, отвлекши отъ суетной жизни» ⁴⁾.

¹⁾ 1 т., 169 стр.

²⁾ 3 т., 113 стр.

³⁾ 2 т., 237 стр.

⁴⁾ 1 т., 345 стр.

Такъ какъ разсѣянность условливается преимущественно вліяніемъ вѣшнихъ впечатлѣній, то мы находимъ у свв. отцовъ множество совѣтовъ касательно храненія органовъ чувствъ. «Боголюбивый умъ, какъ бодренный привратникъ,—читаемъ у Антонія В.,—затворяетъ входы для злыхъ и срамныхъ помышлений» ¹⁾. «Разори прокопъ,—говоритъ также о разсѣянности и пр. Ефремъ,—разори прокопъ, которымъ входитъ врагъ разорять тебя» ²⁾. «Страшный у насъ предатель — разсѣянное око» ³⁾. Только храненіемъ очей и внимательностью ума можетъ воздержный преодолѣть змія» ⁴⁾. «Какъ раздувающій огонь возгнѣтаетъ пламень, такъ и мірскія бесѣды пробуждаютъ страсть въ сердцѣ монаха» ⁵⁾. «Развлекаться слухомъ—пораженіе для монаха» ⁶⁾. Вообще «надобно не быть нерадивымъ на стражѣ (всѣхъ) чувствъ» ⁷⁾, «надобно заградить душевныя овна» ⁸⁾. Нужно замѣтить, что самособранность, или пребываніе внутри, подвигъ въ высшей степени тяжелый. Полная «неразвлекаемость боголѣпнаго ума» ⁹⁾ служитъ признакомъ высокаго духовнаго развитія и возможна въ своемъ совершенномъ видѣ только тогда, когда у подвижника достаточно окрѣпнетъ внутренняя жизнь, когда онъ будетъ явственно ощущать въ сердцѣ своемъ утѣшенія Духа Святаго. Даже пр. Ефремъ, который и въ плоти жилъ больше на небѣ, чѣмъ на землѣ, часто сѣтуетъ на то, что «развлеченіе и паренія мысли (его) непрестанно возобновляютъ тайныя язвы» ¹⁰⁾, почему онъ молить Гос-

¹⁾ 56—57 стр.

²⁾ 1 т., 474 стр.

³⁾ 2 т., 231 стр.

⁴⁾ Ефр. 1 т., 405 стр.

⁵⁾ 2 т., 296 стр.

⁶⁾ Ibid, 297 стр.

⁷⁾ 3 т., 39 стр.

⁸⁾ Ibid. 140—141 стр.

⁹⁾ 1 т., 396 стр.

¹⁰⁾ 1 т., 306 стр.

пода: «да снизойдетъ на меня обычная благодать Твоя, чтобы собрать во-едино умъ мой, и да исцѣлитъ она снова сокровенныя язвы мои» ¹⁾). Но въ извѣстной степени самонаблюденіе возможно на всѣхъ ступеняхъ духовнаго развитія, возможно даже для тяжкаго грѣшника, и воспитывать въ себѣ привычку къ нему обязанъ всякій, кто хочетъ успѣшно бороться съ грѣхомъ.

Теперь соберемъ изъ твореній свв. аскетовъ тѣ наставленія, которыми можетъ руководиться подвижникъ во время самой борьбы съ возникшимъ въ немъ грѣховнымъ помысломъ. Прежде всего нужно замѣтить, что нѣтъ возможности дать общія правила, которыя имѣли бы мѣсто во всѣхъ случаяхъ борьбы со страстями. Свойство возникшаго помысла, характеръ подвижника, степень его духовнаго развитія, мѣсто и время—все требуетъ отъ подвижника такъ или иначе видоизмѣнять приемы внутренней брани. Въ виду этого пр. Маркъ говоритъ: «многіе совѣты ближняго служатъ въ пользу, но для каждаго нѣтъ ничего приличнѣе собственнаго своего совѣта» ²⁾). Тотъ же преподобный говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «ища врачеванія (отъ страстей), заботься о совѣсти, и что она тебѣ говорить, дѣлай, и получишь пользу» ³⁾). Но нѣтъ сомнѣнія, что знать, по крайней мѣрѣ въ общемъ, приемы невидимой брани съ помыслами, испытанныя свв. аскетами, всегда можетъ быть полезнымъ для подвижника.—«Новоначальнымъ и немощнымъ отцы предписывали вовсе на остававливаться на своихъ помыслахъ»,—говоритъ пр. Ефремъ ⁴⁾). Этотъ совѣтъ имѣетъ мѣсто также и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда помысль не возбуждаетъ страсти въ сердцѣ и легко изгоняется тѣмъ, что на него не обращаютъ вниманія. Необходимо только сознать его грѣхов-

¹⁾ 1 т., 306 стр.

²⁾ Слово 1, гл. 68.

³⁾ Ibid, гл. 69.

⁴⁾ 2 т., 301 стр.

ность, не считать его *своимъ* собственнымъ, *естественнымъ* помысломъ, но считать его симптомомъ нравственной своей болѣзни, своимъ врагомъ ¹⁾). Что касается твердыхъ въ духовной брани подвижниковъ, то «имъ,—пишетъ пр. Ефремъ,—старцы дозволяли, чтобы попускали они входить внутрь ихъ помысламъ и потомъ вели они съ ними брань» ²⁾). Пр. Исаія Подвижникъ приводитъ нѣсколько частныхъ совѣтовъ касательно брани съ этими помыслами, «которыя упраздняются разсужденіемъ»: «Если бореть тебя зависть,—пишетъ онъ,—то вспоминаяй, что всѣ мы—члены Христовы и что какъ честь, такъ и безчестіе ближняго намъ съ нимъ общи, и успокоишься. Если влечетъ тебя похотѣніе вкусной и многой пищи, вспомни смрадъ, происходящій отъ ней, и успокоишься. Если помысль побуждаетъ тебя сказать что-либо худое о братѣ твоёмъ, подумай, сколько это вредно для души и сколь противно Богу, и успокоишься. Если возникнетъ въ тебѣ гордость, вспомни, что ею истребляются всѣ плоды добродѣтели, и успокоишься. Если помысль бореть тебя уничтожить ближняго, помысли, что Богъ за это предастъ тебя въ руки враговъ твоихъ,—и этотъ помысль отступитъ отъ тебя. Если красота тѣлесная прельщаетъ сердце твое, помысли, въ какой смрадъ она обратится, и успокоишься» ³⁾). Такъ какъ сластолюбіе и самовозвышеніе отчасти враждебны другъ другу и часто другъ друга исключаютъ, то преп. Евагрій и пр. Іоаннъ Лѣствичникъ совѣтуютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ изгонять помыслы плотоугодія помыслами высокоумія и наоборотъ, хотя, впрочемъ, считаютъ признакомъ большаго совершенства изгонять блудъ—цѣломудріемъ, а тщеславіе смиреніемъ и т. д. ⁴⁾). Сродный съ этимъ совѣтъ мы находимъ также

¹⁾ Евагрій Мон. (См. Добротол. на русск. яз. 660 стр., гл. 20 и др.).

²⁾ 2 т., 301 стр.

³⁾ Слово 17, гл. 7.

⁴⁾ Добротол. въ русск. перев. 613 стр.

у св. Антонія В. «Къ огражденію себя отъ грѣха, — пишетъ онъ, — будемъ соблюдать еще послѣдующее. Пусть каждый изъ насъ замѣчаетъ и записываетъ свои поступки и душевныя движенія, какъ-бы съ намѣреніемъ сообщать это другъ другу; и будьте увѣрены, что, *стыдясь извѣстности*, непремѣнно перестанетъ грѣшить и даже содержать въ мысляхъ что-либо худое... Итакъ, записываніе да замѣнитъ для насъ очи нашихъ сподвижниковъ»¹⁾. — Но ничего такъ часто не предлагаютъ свв. отцы въ качествѣ оружія въ мысленной брани съ грѣхомъ, какъ мысль о смерти, страшномъ судѣ и воздаяніи. Съ этой мыслью отцы убѣждаютъ подвижника такъ сродниться, чтобы она никогда не покидала его. «Блаженъ, кто непрестанно имѣетъ предъ очами страшный оный часъ... Блаженъ, кто приобрѣлъ созерцаніе будущихъ благъ и вѣчнаго мученія мысленными очами»²⁾! «Кто всегда поминаетъ о смерти, тотъ много не согрѣшитъ»³⁾. «Сильный страхъ суда и опасеніе мученій уничтожаетъ пріятность удовольствія и возставляетъ клонящуюся къ паденію душу»⁴⁾. Никто такъ часто не возбуждаетъ къ непрестанному памятованію страшнаго пришествія Христова, послѣдняго суда и будущей участи праведниковъ и грѣшниковъ, какъ пр. Ефремъ. Можно сказать, что, о чемъ бы онъ только ни говорилъ, слово его всегда склонялось болѣе или менѣе къ этимъ предметамъ. Даже пр. Маркъ Подвижникъ, который, повидимому, допускаетъ только одно побужденіе къ богоугожденію, именно любовь къ Богу⁵⁾, въ нѣкоторыхъ случаяхъ учитъ отрезвлять себя воспоминаніями о смерти и адскихъ мукахъ. «Если молясь, — говоритъ онъ, — напримѣръ, — или будучи много-

¹⁾ Аванасій Вел. (въ русск. пер.), 3 ч., 254 стр.

²⁾ Ефр. Сир. 1 т., стр. 389.

³⁾ Ibid., 75 стр.

⁴⁾ Аванас. Вел., ч. 3, стр. 223.

⁵⁾ См., напр., Слово 2, гл. 38.

образно оскорбляемъ злобою, впадешь въ уныніе, то вспомни конецъ жизни и лютыя мученія» ¹⁾). Впрочемъ, непосредственно за этимъ онъ прибавляетъ: «лучше, однако, прилѣпиться къ Богу молитвою и надеждою, нежели вспоминать о вѣшнемъ, хотя бы оно было и полезное». Вообще нужно сказать, что страхъ смерти и геенны отцы считали приличнымъ для новоначальныхъ подвижниковъ; преуспѣвающимъ же они указывали другое оружіе къ низложенію грѣховныхъ помысловъ, именно любовь къ Богу, которую пр. Ефремъ Сиринъ и называетъ «споборницей души». «*Страхъ геенны поощряетъ начинающихъ подвигъ добродѣтельный избѣгать злонравія; желаніе же воздаянія благъ подаетъ преуспѣвающимъ усердіе къ совершенію благаго; а таинство любви возвышаетъ умъ превыше всего сотвореннаго, содѣлывая его слѣпымъ ко всему, что послѣ Бога*» ²⁾).—Бываютъ грѣховныя помыслы, по отношенію къ которымъ одна внутренняя брань оказывается недостаточною; въ такихъ случаяхъ нужно найти причину, изъ которой вытекаетъ этотъ грѣховный помыслъ и рѣшительно устранить ее; тогда и помыслъ самъ собою исчезнетъ. «Мы любимъ причины произвольныхъ помысловъ, — говоритъ преп. Маркъ,—оттого они къ намъ и приходятъ» ³⁾). Антоній Вел. для укрощенія плотскихъ похотей, возникающихъ обыкновенно отъ излишняго питанія, совѣтуетъ прибѣгать къ посту и умѣренному тѣлесному труду ⁴⁾). Также и преп. Маркъ считаетъ произвольный трудъ *естественнымъ* врагомъ сластолюбивыхъ страстей ⁵⁾).—Тѣмъ или инымъ оружіемъ подвижникъ добродѣтели всегда имѣетъ возможность низлагать возникающія въ немъ грѣховныя

¹⁾ Слово 2, гл. 38.

²⁾ Маркъ Подв., Слово 10, гл. 19.

³⁾ Слово 2, гл. 86.

⁴⁾ 36 стр.

⁵⁾ Сл. 2, гл. 84.

чувствованія и пожеланія и выходить побѣдителемъ изъ борьбы съ грѣхомъ. «Умъ человѣка,—какъ говоритъ пр. Макарій Егип.,—есть борецъ и имѣеть *равномощную* силу препираться съ грѣхомъ и противиться помысламъ» ¹⁾. Если бываютъ паденія, они всегда произвольны; паденіе и состоитъ именно въ сознательномъ склоненіи свободы на сторону грѣховнаго помысла. Поэтому преп. Ефремъ говоритъ подвижнику: «если ты окажешься побѣжденнымъ, то на судѣ не будешь имѣть никакого оправданія, потому что есть у тебя всѣ необходимыя оружія противъ козней сопротивника» ²⁾.

Самопринужденіе.

Какъ бы ни была ревностна и успѣшна брань христіанскаго подвижника съ грѣховными страстями и похотами, она одна еще недостаточна для достиженія высшаго блага, котораго онъ ищетъ. Полная свобода отъ страстей или состояніе безпристрастія, само по себѣ не составляетъ послѣдней цѣли человѣка; это только условіе къ достиженію ея. «Человѣкъ,—по словамъ Макарія Вел.,—для того дѣлается чуждымъ міру, чтобы душа его мыслями переселилась въ другой міръ и вѣкъ» ³⁾, или, употребляя сравненіе аввы Исаіи, человѣкъ для того оставляетъ пищу свиней, которою онъ питался въ плотской жизни, чтобы взалкать пищи небесной, которую уготовалъ ему Божественный Отецъ ⁴⁾. Поэтому, если бы человѣкъ подавилъ въ себѣ плотскую жизнь и не усвоилъ себѣ вмѣсто нея новой, истинной жизни, то онъ сталъ бы, по выраженію преп. Макарія Егип., «солію обуявшею, жалкимъ паче всѣхъ людей» ⁵⁾; это и понятно: «не насладившись Боже-

¹⁾ Бес. 3, гл. 5.

²⁾ 2 т., 465 стр.

³⁾ Бес. 49, гл. 2.

⁴⁾ Слово 22, стр. 200.

⁵⁾ Бес. 49, гл. 1.

ственнымъ, такой человекъ лишился бы и здѣшняго» ¹⁾. Свобода отъ страстей есть еще только отрицательное благо. Пр. Евагрій пишетъ о немъ: «безстрастіе назовемъ *здравіемъ* души; *нища* же души есть вѣдѣніе (разумѣется опытное) Бога» ²⁾.—Кромѣ того, что безстрастіе само по себѣ не является цѣлью христіанской жизни, оно въ то же время психологически невозможно и непредставимо безъ развитія въ душѣ началъ новой жизни, безъ добродѣтели, безъ живого союза съ Богомъ и въ Богѣ съ другими людьми. Душа человека не можетъ оставаться праздною, почему для того, чтобы освободиться отъ содержанія прежней, грѣховной жизни, она должна усвоить себѣ новую положительную жизнь.—Если человекъ приобрѣлъ добродѣтель, то тѣмъ самымъ онъ уже освободился отъ грѣха. «Царствіе Божіе (которое *внутри* человека),—пишетъ преп. Исаія,—есть истребленіе всякаго грѣха. Хотя враги насѣваютъ зло, но ихъ сѣмена тогда не произрастаютъ. Если умъ вкуситъ Божественной сладости, то никакія страсти не могутъ уже уязвлять его» ³⁾. «Кто любитъ Тебя,—взываетъ пр. Ефремъ Сир. ко Господу,—для того совершенно презрѣнна вся тварь» ⁴⁾. Прежде же, чѣмъ приобрести человекъ устройство добродѣтели невозможно и свобода отъ страстей. «Всякій человекъ любитъ чистоту,—пишетъ пр. Макарій Егип.,—но не можетъ пребыть чистымъ. Посему надо доискаться, какъ и какими средствами можно достигнуть сердечной чистоты. Не иначе возможно это, какъ съ помощью живого общенія съ Распятымъ за насъ; Онъ есть путь, жизнь, истина, дверь, жемчужина, живой и небесный хлѣбъ» ⁵⁾, т.-е. Онъ одинъ можетъ дать душѣ положи-

¹⁾ Бес. 49, гл. 1.

²⁾ Добротол. (русск.), 1 т., 613 стр

³⁾ Слово 22, стр. 181—2.

⁴⁾ 4 т., 186 стр.

⁵⁾ Бес. 17, гл. 15.

тельное содержаніе для новой, добродѣтельной жизни. «Все лукавое,—говорить также пр. Ефремъ,—приводится въ бездѣйствіе только пріобрѣтеніемъ совершенной любви къ Богу»¹⁾. Положительной только добродѣтели усваиваютъ силу очищенія души отъ страстей и пр. авва Исаія: «любовь содѣлываетъ душу здоровою и безстрашною»,—говорить онъ²⁾.—Поэтому, подвижникъ, искореняя терніе и волчцы грѣховныхъ привычекъ, наклонностей и страстей, долженъ въ то же время неослабно воздѣлывать и засѣвать пажить сердца своего сѣменами добродѣтели. Правда, сознаніе и свобода его, со времени обращенія къ Богоугодной жизни склонились на сторону добра; тѣмъ не менѣе его нельзя назвать добродѣтельнымъ человекомъ, человекомъ святой жизни. Воля и сердце его, равно какъ и всѣ силы души его и тѣла, проникнуты еще грѣхомъ и независимо отъ сознанія и свободнаго самоопредѣленія человека непрестанно источаютъ грѣховныя чувствованія, пожеланія, мысли. Одна только сознательно-произвольная дѣятельность подвижника служить добру, но эта дѣятельность, постоянно притомъ прерывающаяся, далеко не обнимаетъ всей душевной жизни, а составляетъ только какъ бы поверхность ея. Такъ какъ жизнью души называютъ обыкновенно жизнь сердца, область чувствованій, то о новоначальномъ подвижникѣ въ этомъ смыслѣ можно сказать, что у него нѣтъ еще жизни, а есть только желаніе и исканіе ея. Итакъ, стремящемуся къ полному усвоенію духовной жизни надлежитъ насадить и воспитать начала добродѣтели въ самомъ сердцѣ и въ волѣ своей, однимъ словомъ въ глубочайшихъ основахъ внутренней жизни, чтобы весь онъ сдѣлался «Божіимъ стяжаніемъ», и чтобы добродѣтель, «какъ закваска, начавъ съ ума, заквасила все тѣсто»³⁾, т.-е. все суще-

¹⁾ 2 т., 176 стр.

²⁾ 153 стр.

³⁾ Ефр. Сир. 3 т., 259 стр.

ство его. Само собою разумѣется, что сдѣлать это скоро и непосредственно выше силъ человѣка. Но произволенію человѣка открыты окольные, такъ сказать, пути въ глубину своей души, именно: онъ можетъ воспитывать свое сердце по духу новой жизни и укрѣплять волю въ добродѣтели путемъ соотвѣтствующей практической дѣятельности и свободныхъ подвиговъ созерцанія.

Сердце — это источникъ и владыка всей внутренней жизни человѣка. Подъ вліяніемъ чувствованій воображеніе, память, разсудокъ,—словомъ, всѣ силы души принимаютъ то или иное направленіе. Но извѣстно, что и эти силы своею дѣятельностью, въ свою очередь, вліяютъ на сердце и, если онѣ долго и настойчиво дѣйствуютъ въ одномъ извѣстномъ направленіи, то увлекаютъ, наконецъ, за собою и сердце, образуютъ въ немъ соотвѣтственный вкусъ. На этомъ законѣ, на которомъ основывается всякое воспитаніе, основывается также и аскетическое воспитаніе человѣческаго сердца. Укажемъ здѣсь кратко тѣ подвиги, посредствомъ которыхъ свв. аскеты совѣтуютъ воспитывать сердце по духу новой жизни,—насаждать въ немъ искреннюю любовь къ Богу и развивать вкусъ къ всему доброму: это—чтеніе и слышаніе слова Божія, писанія свв. отцовъ и житій угодниковъ Божиихъ; напечатлѣніе въ памяти важнѣйшихъ истинъ христіанскаго ученія и, особенно, молитва. «Всѣмъ сердцемъ внимай псалмопѣнію и чтенію Божественныхъ Писаній, и тукъ ихъ впивай душою своею, какъ младенецъ, питающійся сосцами»¹⁾. «Пой псалмы, изучай заповѣди, данныя тебѣ въ Писаніи, и содержи въ памяти дѣянія святыхъ, чтобы памятующая заповѣди душа твоя ревность святыхъ имѣла для себя образцомъ»²⁾. Вспоминая подвиги славныхъ мучениковъ и преподобныхъ угодниковъ Божиихъ, «и мы въ подражаніе имъ подвигаемся въ подобной имъ ревности любить

¹⁾ Ефр. Сир. 2 т., 127 стр.

²⁾ Антоній Вел. 18 стр., 13 гл.

Бога» ¹⁾). Изъ истинъ христіанскаго вѣроученія свв. отцы особенно часто убѣждаютъ запечатлѣвать въ памяти мысль о вездѣприсутствіи, всевѣдѣніи и благодати Божіей и о домостроительствѣ нашего спасенія. «Сознавай Бога во всякомъ мѣствѣ присутимъ» ²⁾). «Куда бы ты ни пошелъ, всегда имѣй Бога предъ своими очами» ³⁾). «Прошу васъ знать и въ мысляхъ всегда содержать великое устроеніе Божіе, т.-е., что Богъ-Слово, ради насъ, во всемъ уподобился намъ, кромѣ грѣха» ⁴⁾). Пр. Ефремъ не знаетъ «бѣдствія тягостнѣе того, если приходитъ въ забвеніе памятованіе о Богѣ» ⁵⁾). Но не можетъ быть сомнѣнія, что самымъ надежнымъ средствомъ къ христіанскому воспитанію сердца нужно считать молитву. Всѣ указанныя выше упражненія, состоящія въ изученіи и напечатлѣніи въ памяти истинъ Божественнаго откровенія, хотя, конечно, должны имѣть воспитывающее вліяніе на сердце подвижника, но ближайшая цѣль ихъ состоитъ въ сраствореніи собственно *сознанія* съ христіанскимъ вѣроученіемъ или въ теоретическомъ усвоеніи христіанскаго міровоззрѣнія. Напротивъ, молитва, по самому существу своему, есть дѣло прежде всего сердца, почему пр. Маркъ Подв. прямо отождествляетъ ее съ любовью къ Богу ⁶⁾). Насколько важно христіанину воспитать свое сердце въ духѣ Христовомъ, настолько же и подвигъ молитвы считается важнымъ у свв. отцовъ въ ряду всѣхъ духовныхъ упражненій. Пр. Ефремъ Сиринъ называетъ молитву важнѣйшимъ изъ всѣхъ подвиговъ благочестія, который можетъ замѣнить и обнять собою всѣ средства къ достиженію нравственнаго совершенства ⁷⁾). Подобнымъ

¹⁾ Ефремъ Сир. 2 т., 500 стр.

²⁾ Антоній В. 63 стр., 62 гл.

³⁾ Ibid. 103 стр., 5 гл.

⁴⁾ Ibid. 22 стр. 22 гл.

⁵⁾ Ефр. Сир. 1 т., 440 стр.

⁶⁾ См. его слово 2, гл. 96.

⁷⁾ См. 3 т., 542—8 стр.

образомъ учать о молитвѣ и всѣ свв. отцы. «Нѣтъ ничего сильнѣе молитвы по дѣйствию и нѣтъ ничего полезнѣе ея для благоугожденія Богу. Всякое исполненіе заповѣдей содержитсяъ въ ней, ибо нѣтъ ничего выше любви къ Богу» ¹⁾. Правда, настоящая молитва, молитва сердечная, не дается сразу, но пріобрѣтается постояннымъ упражненіемъ и сильнымъ напряженіемъ воли, тѣмъ не менѣе вліяніе ея на сердце сказывается всегда скорѣе и сильнѣе, чѣмъ это можно сказать о всѣхъ другихъ подвигахъ созерцанія. Макарій Вел. замѣчаетъ, что часто подвижникъ пріобрѣтаетъ молитвенную благодать (т. е. *сердечную* молитву) въ то время, когда по правамъ онъ остается еще такимъ, какимъ былъ прежде ²⁾. Для полученія молитвенной благодати, т. е. для достиженія того состоянія, когда молитва становится дѣломъ легкимъ, улаждающимъ сердце, а не томительнымъ, скучнымъ подвигомъ, свв. аскеты совѣтуютъ подвижнику на первыхъ порахъ, какъ можно чаще, принуждать свое сердце къ молитвѣ. «Напрягайся,—пишетъ Антоній Вел.,—напрягайся непрестанно изливать молитвы со слезами» ³⁾. «Кто отягощается молитвою, но принуждаетъ себя къ ней по доброй волѣ,—говоритъ пр. Маркъ,—тотъ скоро получить помощь свыше» ⁴⁾. Для усвоенія молитвеннаго духа, или неразвлекаемой молитвы, авва Исаія совѣтуетъ подвижнику какъ можно чаще упражняться въ *тайномъ ученіи*, которое заключается въ слѣдующей молитвѣ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня ⁵⁾. А пр. Евагрій Монахъ (ученикъ св. Григорія Богослова) и за нимъ всѣ позднѣйшіе аскеты-писатели учать привязывать эту молитву къ дыханію для того, чтобы легче было обратить ее въ постоянное дѣланіе ⁶⁾.

¹⁾ Маркъ Подв. Слово 2, гл. 95.

²⁾ Бес. 19, гл. 4.

³⁾ 160 гл.

⁴⁾ Сл. 2, гл. 98.

⁵⁾ 356—7 стр.

⁶⁾ Добротол. (въ русск.), 633 стр., 2 и 3 гл.

Воспитывая себя въ духѣ Христовомъ путемъ созерцательнымъ, христіанинъ не долженъ въ то же время пренебрегать другимъ могучимъ средствомъ къ самовоспитанію, именно дѣятельными подвигами. Если созерцаніе воспитываетъ главнымъ образомъ сердце, то подвиги дѣятельныя усвояютъ навѣкъ къ добродѣтели практическимъ силамъ человѣка до глубочайшаго психическаго источника дѣятельности включительности. Общее начало подвижничества и здѣсь остается то же самое: нужно на первыхъ порахъ принуждать себя къ вѣшнимъ добрымъ дѣламъ до тѣхъ поръ, пока совершеніе добрыхъ дѣлъ не станетъ легкимъ и, такъ сказать, естественнымъ для человѣка, пока, мало-по-малу, не образуется твердая привычка къ добру въ самой глубинѣ души, въ волѣ. «Приступающему ко Господу,—пишетъ пр. Макарій Египетскій,—надлежитъ прежде всего даже противъ воли сердца принуждать себя къ добру, всегда съ несомнѣнною вѣрою ожидая милости Господней: надлежитъ принуждать себя къ любви, если кто не имѣетъ любви; принуждать себя къ кротости, если не имѣетъ кротости; принуждать себя къ тому, чтобы быть милосерднымъ и имѣть милостивое сердце..., также принуждать себя къ тому, чтобы въ нравахъ уподобляться во всемъ Господу; принуждать себя ко всякому добродѣтельному подвигу, ко всякой добротѣ въ обращеніи, къ доброму и прекрасному житію... Каждому надлежитъ приневоливать себя и нудить себя даже и противъ хотѣнія сердца своего... (Со-временемъ), что (подвижникъ) дѣлаетъ теперь съ *принужденіемъ произвольнаго сердца*, то будетъ дѣлать *произвольно* (т. е. охотно)... Ибо Господь, видя такое его произволеніе и доброе раченіе, видя, какъ сердце свое, даже противъ воли его, ведетъ непрестанно къ добру, къ смиренію, къ кротости, къ любви, и ведетъ, сколько есть у него возможности, со всѣмъ усиленіемъ, Господь, говорю, творить съ нимъ милость Свою, избавляетъ его отъ враговъ его и отъ живущаго въ немъ грѣха, исполняя его Духомъ Святымъ.

Тогда уже без усилій и труда, во всей истиннѣ творить онъ всѣ заповѣди Господни, лучше же сказать, самъ Господь творить въ немъ заповѣди Свои, и онъ чисто плодотворитъ тогда плоды Духа¹⁾.

Проходя со всѣмъ усердіемъ подвиги самопротивленія и самопринужденія, человекъ ни на одну минуту не долженъ выпускать изъ виду своей главной цѣли, которая состоитъ въ полномъ самоотверженіи и преданіи себя Господу. Пусть помнитъ подвижникъ, что безъ этого внутренняго расположенія, или, что то же, безъ истинной добродѣтели, онъ никогда не достигнетъ, при помощи однихъ только внѣшнихъ подвиговъ, своего конечнаго блага, живого общенія съ Богомъ. Кто будетъ постоянно имѣть въ виду эту послѣднюю цѣль свою, того она будетъ руководить, какъ маякъ, на тяжеломъ пути подвижнической жизни и предохранитъ отъ всѣхъ уклоненій на распутіи грѣха, каковы: фарисейство, самооправданіе, тщеславіе, человекюгодіе и др. Вотъ почему свв. аскеты внушаютъ помнитъ цѣль подвижнической жизни на каждомъ шагу, въ каждомъ дѣлѣ. «Такъ все дѣлай и такъ обо всемъ думай, чтобы угодить Богу, а если нѣтъ у тебя этой мысли, то потеряешь свою цѣну всякое твое дѣланіе»²⁾—говоритъ пр. Ефремъ. Добрымъ и полезнымъ можно назвать только тотъ подвигъ, «который совершается для Бога»³⁾ «Во всѣхъ подвигахъ своихъ, — пишетъ преп. Ефремъ, — не будемъ скрывать отъ себя самую действительность (т.-е. сущность ихъ), а это есть любовь къ Богу»⁴⁾. «Цѣль, т.-е. любовь къ Богу, да направляетъ насъ во всѣхъ заповѣдяхъ»⁵⁾. «Пока мы не вкусили еще вѣдѣнія, будемъ усердно проходить дѣятельную жизнь, Богу изъясняя цѣль нашу, что все творимъ

¹⁾ Бес. 19; также Слово 7-ое, гл. 18.

²⁾ 1 т., 522 стр.

³⁾ 3 т., 539, 540 стр.

⁴⁾ и ⁵⁾ 3 т., 563 стр.

ради видѣнія Его ¹⁾ (пр. Евагрій). «Прежде всего волю Господа Иисуса Христа да творимъ во всякое время и мновеніе... Если приступаешь къ какому дѣлу и не видишь на то воли Божіей, ни за что не дѣлай того» ²⁾. «Если бы человекъ и все исполнилъ,—говорить пр. Исаія Подв.,—но не стяжалъ повиновенія Богу, то уклоняется въ дѣла противоестественныя (вотъ оцѣнка вѣдѣній вѣрелигіозной нравственности!). И потому все свое сердце обрати къ тому, чтобы повиноваться Богу» ³⁾.—Такимъ образомъ, вся подвижническая жизнь должна представлять собою служеніе Богу, исполненіе воли Его. Только подъ условіемъ отреченія отъ собственной своей воли для Господа человекъ достигнетъ своего высочайшаго назначенія, усвоить себѣ истинную духовную жизнь и станетъ участникомъ жизни Божественной, вѣтвію, привитою къ истинной виноградной Лозѣ, Господу Иисусу Христу.

() нравственномъ совершенствѣ.

«Вотъ уже и мы, лежащіе въ глубочайшемъ рвѣ невѣдѣнія и во тьмѣ страстей, и въ смертной сѣни тѣла сего, по дерзости своей начинаемъ любомудрствовать о земномъ небѣ». Такъ начинается свое слово «О богоподобномъ безстрастіи и совершенствѣ» пр. Іоаннъ Лѣствичникъ. Намъ послѣ этого оставалось бы только возлюбить молчаніе, если бы у насъ не было подъ руками твореній свв. аскетовъ. — Изъ этихъ твореній мы узнаемъ, что состояніе нравственнаго совершенства характеризуется, прежде всего, прекращеніемъ упорной внутренней брани съ грѣхомъ и живымъ непосредственнымъ ощущеніемъ союза съ Богомъ. «Та душа имѣетъ безстрастіе,—пишетъ преп. Іоаннъ Лѣств.,—которая пріобрѣла такой же на-

¹⁾ Добротолюб. (русск.) 1 т., 600 стр.

²⁾ Автоній В. (Хр. Чт. XX ч., 296 стр.).

³⁾ Слово 16, гл. 4.

выкъ въ добродѣтеляхъ, какой страстные имѣють въ сластяхъ»¹⁾. Такая душа не имѣеть уже надобности въ мучительныхъ подвигахъ самопротивленія и самопринужденія. Быть кроткимъ, воздержнымъ, скромнымъ, сострадательнымъ, въ молитвѣ горячимъ, ко всякому грѣховному обольщенію равнодушнымъ для такого человѣка такъ же легко и естественно, какъ естественно нормальному человѣку дышать, смотрѣть, двигаться, алкать. Его отвращеніе къ нравственнымъ порокамъ и ко всякому виду грѣха носить такой же непринужденный и невольный характеръ, какъ и всеобщее отвращеніе къ выгребной ямѣ или разлагающемуся трупу. Украшаться добродѣтелями для него такъ же естественно, какъ естественно намъ поддерживать чистоту, опрятность, симметрію въ своемъ домѣ, въ своемъ платьѣ, въ своей наружности. Какъ сластолюбцы легко и съ удовольствіемъ предаются пиршеству, блуду, разсѣянности, пьянству, празднымъ мечтамъ, такъ онъ легко и съ услажденіемъ наблюдаетъ святое воздержаніе, цѣломудренную чистоту, внимательность къ себѣ и сострадательную любовь ко всѣмъ. Онъ такъ же легко и свободно любитъ Бога, какъ невѣста—возлюбленнаго жениха, и такъ же съ радостью готовъ для Господа на всякіе труды, опасности, скорби, изгнанія, муки и смерть. Для страха и принужденія въ его сердцѣ уже не осталось мѣста. вмѣстѣ съ Антоніемъ Великимъ онъ можетъ сказать: «я уже не боюсь Бога, но люблю Его». Заповѣди Божіи перестали для него быть *внѣшнимъ* закономъ; онѣ стали совпадать съ требованіями его сердца. Всѣ влеченія его природы гармонически слились съ требованіями нравственнаго долга и совѣсти. Исчезла мучительная, какъ крестныя страданія, внутренняя борьба двухъ законовъ, непримиримо воевавшихъ другъ съ другомъ во всѣхъ членахъ души и тѣла, ветхій человѣкъ вынужденъ былъ уступить всѣ свои позиціи новому;

¹⁾ Слово 29, гл. 9.

грѣхъ, какъ страшная болѣзнь, охватившая было всѣ органы человѣка, не устоялъ предъ пришествіемъ Божественнаго Врача душъ и тѣлесъ и исчезъ. Человѣкъ становится настолькоъ нормальнымъ, здоровымъ и полнымъ жизни, что иногда и по смерти препобѣждаетъ тлѣніе. Правда, паденіе всероднаго Адама настолькоъ глубоко, что здѣсь, на землѣ, даже на высшихъ ступеняхъ духовной жизни, большею частью, на ряду съ благодатью, у людей пребываетъ и порокъ, такъ что собственно «два рода жизни дѣйствуютъ въ ихъ сердцахъ: и жизнь свѣта, и жизнь тьмы» ¹⁾, называются же люди духовными только по причинѣ преобладанія у нихъ духовной жизни надъ плотскою ²⁾. Но бываютъ случаи, когда «душа,—по словамъ Макарія Вел.,—совершенно очистившись отъ всѣхъ страстей, дѣлается вся свѣтомъ, вся — окомъ, вся — духомъ, вся—радостію, вся—любовію, вся—милосердіемъ, вся—благостію и добротю» ³⁾, бываютъ «такіе праведники, въ которыхъ похоть совершенно прекратилась, угасла и увяла» ⁴⁾. Только «этой мѣры достигаютъ одни великіе» ⁵⁾, и то «трудами, скорбію и великимъ подвигомъ» ⁶⁾.

По мѣрѣ того, какъ человѣкъ очищается отъ свверны грѣха и уподобляется нравственно неизреченной красотѣ Божіей, онъ все тѣснѣе и ближе соединяется съ Богомъ, такъ что личность его, не теряя своей самостоятельности, наконецъ какъ бы совсѣмъ сливается съ жизнію Божественною. Тогда человѣкъ въ такой мѣрѣ приобщается къ Божественной жизни, что говоритъ съ апостоломъ: живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ. Богъ есть дѣйствующій въ насъ и еже хотѣти, и еже дѣяти. Мы умъ Христовъ имамы. И не только умъ, но и сердце

¹⁾ Макарій Егип., Бес. 17, гл. 4.

²⁾ Ефремъ Сир. 3 т., 408—9 стр.

³⁾ Бес. 18, гл. 10.

⁴⁾ Бес. 15, гл. 49.

⁵⁾ и ⁶⁾ Макарій Егип.

Христово, и желанія, и все (Филипп. 2, 13; 1, 21; 1, 8). Собственно говоря, соединеніе съ Богомъ начинается у человѣка еще въ минуту обращенія его отъ грѣха къ благочестію; но сначала оно бываетъ неощутительно для человѣка, пока живущія въ немъ страсти дѣлаютъ его неспособнымъ къ ощущенію сладости Богообщенія. Только мало-по-малу, по мѣрѣ очищенія отъ грѣха, человѣкъ начинаетъ чувствовать, яко благъ Господь, и душа его «опытно и оощутительно» ¹⁾ познаетъ свое общеніе съ Богомъ. Это *непосредственное ощущеніе* присутствія Божія является признакомъ высокаго нравственнаго развитія и вѣнцомъ всего подвижничества. Христіанинъ долженъ стремиться, по словамъ Марка Подв., именно къ тому, чтобы, «имѣя Бога живущимъ и почивающимъ въ себѣ, наслаждаться Имъ» ²⁾, или другими словами, «чтобы благодать, сокровенно данная ему при св. крещеніи, дѣйствовала въ немъ *уже не безгизвѣстно, но оощутительно* и для сознанія и для чувства» ³⁾. Человѣкъ начинаетъ теперь не просто размышлять о Богѣ, но ощущать и созерцать Его. Какъ слѣпорожденному недоступна идея свѣта и цвѣта, такъ намъ непонятенъ характеръ восторга пр. Ефрема. «Какъ осмѣлюсь я положить преграду волнамъ благодати, изливающимся въ сердце грѣшника» ⁴⁾?—«Умоляю Тебя, Христе, Спаситель міра, исповѣдуя немощь мою: ослабь волны человѣколюбія Твоего, и соблюди его мнѣ для онаго дня, и не прогнѣвайся на меня, Всеблагій, за то, что не терпя потоковъ его, осмѣлился я поступать дерзновенно. Ты, образъ Отца и сіяніе неизреченной славы, ослабь его для меня, потому что какъ огонь жжетъ оно утробу мою и сердце мое» ⁵⁾.—Другой путь

¹⁾ Макарій Егип. Слово 6, гл. 17.

²⁾ 265 стр.

³⁾ 194 стр.

⁴⁾ Ефремъ Сир. 1 т., 550 стр.

⁵⁾ Ibid., 130 стр.

непосредственного Богопознанія это—*созерцаніе* Бога, о которомъ пр. Ефремъ точно такъ же замѣчаетъ, что «только вкусившій можетъ говорить о немъ»¹⁾. Какъ Божественный Предметъ созерцанія безусловно простъ, такъ и само созерцаніе представляетъ собою состояніе совершенно простое и несложное. Вотъ почему, хотя и «удобопознаваема лѣпота Божества, но она неопредѣлима»²⁾—говоритъ пр. Ефремъ; неопредѣлимо вмѣстѣ съ тѣмъ и состояніе созерцанія³⁾.

И вотъ, когда душа, «отвлекая умъ даже отъ всѣхъ божественныхъ словесъ, сокровенно заключенныхъ въ сотворенныхъ существахъ, въ восторгѣ любви всецѣло облекаетъ свой умъ въ единого Бога, и таинственнымъ богословіемъ содѣлаетъ свой умъ совершенно недвижимымъ отъ Бога, то она уже достигла субботы субботъ»⁴⁾, достигла высшаго блага, котораго ищетъ духъ человѣческій, достигла блага, которое одно только и достойно богоподобнаго человѣка. Выше этого состоянія не можетъ быть на землѣ, поэтому здѣсь мы и положимъ конецъ обзорѣнію теченія богоугодной жизни.

Архим. Кирилл.

¹⁾ 5 т., 225 стр.

²⁾ Ibid., 263 стр.

³⁾ См. Марка Подв. стр. 307—308.

⁴⁾ Ibid., Сл. 10, гл. 2.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.*

(Изъ дневника инока).

«*Радуйся, виновная остьхъ спасенію!*» (кан. воскр.). Безвѣстная, скромная, бѣдная Назаретская Дѣва, и вдругъ—*средоточіе* человѣческаго спасенія! Я думаю, только величайше-смиренная натура Пресв. Избранницы могла понести столь превосходящее всякія человѣческія силы возвеличеніе нашей природы. Какъ есть предѣлъ силы свѣта, которую можетъ понести способность человѣческаго ока видѣть, такъ возвеличеніе Пресв. Дѣвы превышало всякую человѣческую способность понести безвредно и безопасно столь великое «испытаніе», и только величайшая Смиреница изъ столь безпредѣльнаго испытанія могла выйти побѣдоносною.

* * *

«*Единого еси не докончалъ*»...—каждому изъ насъ можно сказать. И каждому изъ насъ надо это почувствовать, какъ бы кто ни былъ высокъ и самодоволенъ своими подвигами и угожденіемъ Господу. И какъ часто это «единое» недоконченное портитъ *все*, дѣлаетъ негоднымъ, напраснымъ и ничтожнымъ всю нашу жизнь, съ ея подвигами, трудами и стараніями!

* * *

*) Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Душпол.* Чт. 1907 г.

Господи! Пріими чувство умиленія моего предъ Тобою, и прости мнѣ всѣ грѣхи мои! Искупи этою безотчетно-сладною минутою дни и мѣсяцы охлажденія моего, потери чувства Твоей драгоцѣнности, когда я ходилъ какъ потерявшій сознаніе лунатикъ, по краямъ и отвѣсамъ стѣнъ, поддерживаемый и хранимый исключительно Твоею благо-стію и попеченіемъ.

* * *

Во время исповѣдыванія шевельнулось какое-то неизъяснимо-пріятное, теплое чувство любви къ кающемуся и искренно исповѣдывавшему свои немощи грѣшнику... Вотъ и *«милъ ему бысть»* Божіе. Господне всепрощеніе, Господня Отецеская любовь, Господня жалость, священнодѣйствовавшая примиреніе съ кающимся, не могла не отразиться на душѣ «свидѣтеля» Божія. И онъ какъ бы сталъ причастнымъ въ эту минуту Божескаго всепрощающаго и милующаго насъ естества и Его чистой небесной радости, къ соучастію своему приглашающей и другихъ: *«радуйтесь со Мною, обрѣтохъ овцу Мою погибшую!»*

* * *

Сколько всякой суеты, мелочности, излишнихъ дразгъ въ мірской жизни! И прискорбнѣе всего то, что эта мелочность, всецѣло поглощая человѣка и поработая его себѣ, и не сознается, или, наоборотъ, даже — считается чѣмъ-то такъ важнымъ, существеннымъ, что ради нея совершенно на второй планъ отодвигается «единое на потребу»...

* * *

Удивительное дѣло! Уходили люди отъ всего, незримые микѣмъ жили въ пустыняхъ, и сумѣли прославиться въ людяхъ и сохранить память о себѣ навѣки—доселѣ живя въ сердцахъ ихъ и поучая своимъ примѣромъ и ученіемъ, завѣтами и незабвенными дѣяніями. Другой — и всегда

вращаясь среди людей, оказывая имъ всякія заслуги, отъ всѣхъ любимый и уважаемый—много-много будетъ памятенъ десятогъ-другой лѣтъ. А эти истинные избранники Божіи «во вѣки живутъ» и въ тѣхъ, которые ихъ сами никогда не видали.

* * *

«Скоро предвари, прежде даже не поработимся врагомъ»... Когда человѣкъ, борясь изъ всѣхъ силъ за свободу, наконецъ, принужденъ бываетъ уступить силѣ, онъ сначала болѣзнуетъ о своемъ порабощеніи, но потомъ мало-по-малу ослабѣваетъ въ жаждѣ свободы, свыкается со своею горькою долею, порабощеніе почти уже не замѣчается имъ. Такъ мы можемъ поработиться врагу нашему до того, что о свободѣ будемъ знать какъ бы лишь по наслышкѣ и не мечтать о ней. Мы будемъ даже открывать свои пріятности въ этомъ порабощеніи, какъ еврей, уже по полученіи свободы смаковавшіе мясные котлы египетскіе. Отъ такого-то жалкаго до невмѣняемости порабощенія молимъ мы Господа избавить насъ. Прежде чѣмъ порабощеніе ослѣпило бы насъ до невозможности и неспособности желать и добиваться Господней свободы, мы должны взывать и простирать руки къ своему Освободителю и истинному Владыкѣ.

* * *

Вся жизнь Господа была страданіемъ за насъ, кровопролитною жертвою за грѣхи наши. Вотъ почему еще до креста Господь имѣлъ основаніе преподавать «Кровь Свою» во оставленіе грѣховъ нашихъ, установивъ таинство причащенія во освященіе наше.

* * *

Какъ я каюсь, что въ скорбяхъ своихъ унывалъ и жаловался Богу и людямъ. Не будь этихъ жалобъ и малодушнаго унынія, на мнѣ красовался бы вѣнецъ страдаль-

ческій, а теперь — мнѣ ничего не будетъ! Какъ пожаловался на что, такъ и прощай — все пропало, и вѣнца терпѣнію не видать!.. Ахъ, какъ жаль! А Господь какъ милостивъ ко мнѣ былъ! Сколько такихъ вѣнцевъ простиралъ ко мнѣ въ моихъ многочисленныхъ безпримѣрнотяжкихъ скорбяхъ, и я всѣ эти вѣнцы загубилъ своими напрасными жалобами, нетерпѣніемъ, уныніемъ и малодушіемъ. И вотъ теперь ни съ чѣмъ, сиди, какъ у разбитаго корыта. И дальше то же предвидится — неустанное Господне милосердіе и мое неисправимое недостойнство и отверженіе.

* * *

Мы представляемъ дѣло спасенія такъ, что вотъ гдѣ то тамъ далеко спрятано отъ насъ царство небесное, и ищетъ-ищетъ его человѣкъ, старается-старается добратся до него, никакъ не доберется. А притча-то Господня говорить, какъ разъ, наоборотъ: *царство-то небесное ищетъ-ищетъ насъ, никакъ не найдетъ!* Господь старается-старается, никакъ насъ не зазоветъ къ Себѣ: шутка ли? На всѣхъ улицахъ, путяхъ и халугахъ (глухихъ закоулкахъ) кличуть и ловятъ насъ небесные зватели, просятъ, *умоляютъ* («умоли внити») восполнить присутствіемъ нашимъ вечерю Господню, а мы—одинъ село купилъ, другому волвъ надо испытать, третьему — жениться, и всѣ бѣгутъ отъ Господа со словами: *«имѣй мя отреченна!»*

* * *

«*Есть и еще мѣсто!*» — заявляютъ звавшіе Устроителю небесной Вечери, когда исполнился уже домъ возлежавшихъ. Знай и помни *каждый*, что это — *твое мѣсто*, ибо если бы оно не принадлежало тебѣ, давно бы заполнилось, и не было бы нужды въ дальнѣйшемъ продолженіи міра, въ Евангеліи, въ христіанствѣ.

* * *

«Имамъ нужду изыти и видѣти е» (село купленное)... Не развлеченіе, не пустое что-нибудь, а *настоящая серьезная* человѣческая нужда побуждала отказаться одного изъ званнхъ отъ приглашенія, а и то человѣкъ этотъ лишается царства небснаго. Что же говорить о тѣхъ, которые отказываются отъ него исключительно ради грѣховнаго времяпровожденія, удовольствій земныхъ и жизни недостойной?! Такіе и подавно не внидутъ въ царствіе Божіе, сколько бы ихъ ни было, если даже и многіе изъ званнхъ не попали въ число избранныхъ.

* * *

Волхвы и пастыри — *мудрость и простота* — пришли поклониться Христу, Премудрости Божіей, склонившейся въ мудрую простоту и убожество яслей и вертепа. О, человѣческая премудрость! Какъ ты посрамлена, превзойдена, подавлена, уничтожена въ этомъ славномъ дѣлѣ любви Божіей, полною Божескаго величія и непостижимо-премудрыхъ дѣйствій!

* * *

Есть *путь мудрецовъ* и есть *путь пастырей* ко Христу. Первый начался звѣздою, слагался мудрованіями и соображеніями хитросплетенными, шелъ ощупью, долго колесилъ кругомъ да около своей цѣли, привелъ въ смущеніе столько народа и звѣря-царя Ирода, едва было не привелъ самого этого звѣря къ Божественному Младенцу, и только послѣ столькихъ усилій и опасностей цѣль была достигнута. Другой — путь пастырей — начался явленіемъ ангеловъ, начертался ихъ яснымъ указаніемъ, шелъ прямо, увѣренно, твердо, безопасно, тотчасъ привелъ къ своей цѣли и такъ же просто закончился, какъ просто шелъ и начался. — Этими же столь разными путями и доннѣ идутъ ко Христу мудрость и простота, находя Его или тяжелыми человѣческими исканіями, или простою и легкою небесною помощію. Есть, впрочемъ, и для мудрыхъ воз-

..мжность итти и находить Христа путемъ пастырей. Это—если отложить всякую самонадѣянность, самоиѣніе и всякое человѣческое превозношеніе, возлюбить святую простоту во Христвъ, беззлобіе и смиреніе.

* * *

Каждое изъ Божественныхъ созданій принесло Господу лучшее въ содѣйствіе и сопровожденіе славному Его рожденію: ангелы—пѣніе, небеса—звѣзду, пустыня—ясли, земля—вертепъ, волхвы—дары, пастыріе—чудо... А мы недостойные—дали всего того лучшее, что только можно было бы дать: дали *Матерь-Дѣву*—лучшее не только всякихъ даровъ ангельскихъ, но и самихъ ангеловъ. О, какъ дивно возвеличилъ Господь нашъ родъ человѣческій!

* * *

«*Земля вертепъ неприступному приноситъ*»... Логика среди своихъ «доказательствъ» (тождества, противорѣчія и т. д.) должна отнынѣ знать и сіе: доказательство «отъ несообразности». *Земля принесла неприступному вертепъ!* Очевидно, она не нашла среди своихъ вмѣстилищъ достойнаго для упокоенія неприступнаго и безпредѣльнаго въ Божествѣ Своемъ Младенца, и вотъ, такъ сказать, метаясь изъ сторону въ сторону въ своемъ затрудненіи, и выкинула эту столь *величественную несообразность*, послужившую въ рукахъ Господа лишь для бѣльшаго Его прославленія и для бѣльшей трогательности, назидательности и душеполезности нашей.

* * *

У насъ не всегда бываетъ молитва и молитвенное настроеніе: въ такихъ случаяхъ намъ дано бываетъ умолять Господа своими страданіями, душевною тяготою, безпомощностію, терпѣливымъ несеніемъ всякаго рода житейскихъ скорбей, вообще всѣмъ тѣмъ, что обыкновенно от-

бываетъ насъ отъ молитвы, отягощаетъ и удручаетъ душу до того, что не клеится никакая молитва.

* * *

Господи! Для ббльшаго блаженства нашего Ты больше велѣлъ любить Тебя! О, какъ надо бы намъ понудить себя на эту любовь и это блаженство! А мы не хотимъ и не стараемся! Добра себѣ не хотимъ, счастія своего, блаженства своего сами удаляемся! Вотъ источникъ и страданій нашихъ! Вотъ—тайна ада и вѣчныхъ мученій!

А. I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВСТВЕННОСТЬ И СОЦІАЛИЗМЪ¹⁾.

Современный соціализмъ предъявляетъ притязанія на обладаніе высшимъ идеаломъ нравственности. «Новое ученіе о нравственности» различаетъ въ историческомъ развитіи ея три періода: во-первыхъ эпоху народной религіи у грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ, во-вторыхъ эпоху христіанства, наконецъ, въ третьихъ приближающуюся эпоху соціализма». Последняя эпоха превосходитъ предшествующія ступени: «соціализмъ создастъ жизнь съ болѣе высокой нравственностью»²⁾.

Справедливы ли и состоятельны ли притязанія соціализма?

Нельзя отрицать, что въ соціализмъ содержится много жизненной правды, поскольку онъ становится на сторону бѣднаго, трудящагося люда и имѣетъ въ виду защиту угнетенныхъ и обездоленныхъ. Самыя начала (принципы), во имя которыхъ онъ ратуетъ за соціальную справедливость, — свобода, равенство и братство — заимствованы изъ нравственной области. И тѣмъ не менѣе нельзя

¹⁾ Изъ уроковъ по Нравств. Богословію въ Виѣанской семинаріи.— Литература вопроса: Менгеръ. Новое ученіе о нравственности.—Соловьевъ Вл. Оправданіе добра.—Бердяевъ. Новое религиозное сознаніе и общественность.—Минскій. Религія будущаго.—Тарѣевъ. Трагедія соціализма.—Одинокіе. Изъ журнала *Христіанинъ* 1907 г.—Введенскій. Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача.—Гарнакъ. Сущность христіанства.—Свѣтловъ. Идея Царства Божія.—Титлиновъ. Христіанство гр. Толстого и христіанство евангелія.

²⁾ Менгеръ. Стр. 90, 92.

назвать социализмъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ. Этому препятствуетъ идеологія социализма, т.-е. философскія предпосылки и основы, на которыхъ онъ утверждается.

Социализмъ выросъ на экономической почвѣ. Онъ представляетъ собою развѣтвленіе такъ называемаго «экономическаго матеріализма» или «марксизма»¹⁾, который рассматриваетъ мораль, подобно праву, какъ «надстройку» или отраженіе экономическихъ, производственныхъ отношеній. Поэтому главная задача и цѣль социализма состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить экономическія противорѣчія въ общественной жизни, разрѣшить проблему о хлѣбѣ насущномъ. «Социализмъ, по словамъ одного изъ исповѣдниковъ его, стремится лишь къ строгому экономическому однообразію... Важнѣйшая основа для развитія любви къ ближнему будетъ создана впервые только тогда, когда социализмъ смягчитъ или устранивъ экономическія противорѣчія и тѣмъ самымъ уничтожитъ перегородки, раздѣляющія членовъ общества, когда весь народъ будетъ чувствовать себя огромнымъ трудовымъ сообществомъ, гдѣ общій успѣхъ въ то же время приноситъ пользу и отдѣльному лицу»²⁾.

Здѣсь сразу и обнаруживается основная неправда социализма. Она состоитъ въ томъ, что социализмъ изначала ставитъ нравственное совершенство общества въ прямую и всецѣлую зависимость отъ хозяйственнаго строя и хочетъ достигнуть нравственнаго преобразованія исключительно лишь путемъ экономическаго переворота. Это обстоятельство, по остроумному сближенію Вл. С. Соловьева, ясно показываетъ, что социализмъ въ сущности стоитъ на одной и той же почвѣ съ враждебнымъ ему «мѣщанскимъ» царствомъ, буржуазнымъ или плутократическимъ,— на почвѣ господства матеріальнаго интереса. У обѣихъ

¹⁾ Отъ имени своего основателя Карла Маркса (1818—1883 г.), Главный трудъ его— „Капиталъ“.

²⁾ Менгеръ. Стр. 85—6.

сторонъ одинъ и тотъ же девизъ: «о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ». Если для представителя плутократіи значеніе человѣка зависитъ отъ обладанія вещественнымъ богатствомъ въ качествѣ собственника или пріобрѣтателя, то для послѣдовательнаго социалиста точно также человѣкъ имѣетъ значеніе лишь какъ обладатель матеріальнаго благосостоянія, но только въ качествѣ производителя. И здѣсь, и тамъ человѣкъ берется какъ экономическій дѣятель; и здѣсь, и тамъ окончательною цѣлью и верховнымъ благомъ признается экономическое благосостояніе. Значить, собственно, двѣ враждующія стороны обуславливаютъ себя взаимно и не могутъ выйти изъ ложнаго круга, пока не признаютъ и не примутъ на дѣлѣ простаго и несомнѣннаго, но ими забытаго положенія,—что значеніе человѣка, а слѣдовательно и человѣческаго общества, не опредѣляется по существу экономическими отношеніями, что человѣкъ не есть прежде всего производитель матеріальныхъ полезностей, а нѣчто гораздо болѣе важное, и что, слѣдовательно, и общество также есть нѣчто болѣе, чѣмъ хозяйственный союзъ.

Приженіе въ социализмъ человѣческой личности до степени трудовой и потребительной единицы сводитъ социалистическую этику къ простой *гармоніи интересовъ*. Но гдѣ выдвигается на первый планъ интересъ, да еще экономическій, тамъ для нравственности собственно не остается мѣста. Идеальныя, нравственныя стремленія человѣческаго духа не могутъ получить соотвѣтствующаго развитія на такой корыстной почвѣ. Поэтому не напрасно дѣлаютъ упрекъ социализму, что онъ понижаетъ «идеальныя потенці», лишентъ «нравственнаго паэоса»¹⁾. Наивно бы было представлять себѣ, что жизнь общества управляется «гармоніей интересовъ», и что, слѣдовательно, безнравственные, т.-е. антиобщественные поступки объясняются лишь отсутствіемъ яснаго сознанія у отдѣльной

¹⁾ См. кн. Зомбарта: Социализмъ и социальное движеніе.

личности своей собственной пользы. Въ общественной жизни, помимо относительнаго совпаденія интересовъ, съ не меньшею силою дѣйствуетъ *общественный антагонизмъ, классовая борьба*, сопровождающаяся неизбежно пышнымъ расцвѣтомъ эгоизма. Еще наивнѣе предполагать, что эгоизмъ, послѣдовательно проведенный, приведетъ къ полной соціальной гармоніи. Впрочемъ относительно этого не заблуждаются наиболѣе откровенные теоретики социализма. «Конечно эгоизмъ, говоритъ Менгеръ, и при господствѣ социализма останется важнѣйшей побудительной причиной всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, и вкогда человѣкъ не будетъ любить своихъ безчисленныхъ ближнихъ, какъ самого себя»¹⁾. Этимъ заявленіемъ социализмъ подписываетъ смертный приговоръ своей этикѣ.

Несомнѣнно, экономическія перегородки рѣзко разъединяютъ людей между собою; уничтоженіе ихъ, напротивъ, содѣйствуетъ объединенію. Но это объединеніе совершается въ социализмѣ чисто механически, возникаетъ подъ давленіемъ горькой необходимости, создается насильственно. Социализмъ основывается на силѣ²⁾ и продолжаетъ дѣло біологической борьбы за существованіе. Ему чуждо дѣйствительно объединяющее чувство свободного порыва, нравственнаго тяготѣнія другъ къ другу. Поэтому подъ внѣшнею соединенностью и организованностью социалистическаго общества всегда будетъ скрываться внутренняя разъединенность, будетъ ощущаться мучительная насильственность соединенія. Правда, предполагаютъ, что новый преобразованный порядокъ и укладъ жизни породитъ и новыя социалистическія чувства, новую социалистическую психологію. Но вѣдь этотъ будто бы новый социалистическій духъ питается изъ того же мутнаго источника—мѣщанскаго, буржуазнаго идеала предметнаго благополучія, только распространеннаго на большій

¹⁾ Цит. соч., стр. 86.

²⁾ Тамъ же, стр. 92.

кругъ участниковъ въ немъ. Каждый разъ, какъ новое сословіе, сознавъ свои силы, требовало себѣ мѣста за общимъ столомъ, оно неизмѣнно прикрывало свои требованія высокими нравственными принципами—братствомъ, справедливостью, любовью. Такъ прикрывалось ложно-священными словами третье сословіе въ XVIII в., а въ наше время—четвертое и пятое. Въ дѣйствительности, конечно, побѣда зависитъ не отъ святости показныхъ принциповъ, но отъ учета реальныхъ силъ. Если четвертое сословіе одерживаетъ на нашихъ глазахъ побѣду за побѣдой, то происходитъ это не оттого, что на его сторонѣ больше священныхъ принциповъ, а потому, что рабочіе прозаически организуютъ свои силы, собираютъ капиталы, ставятъ требованія и силой поддерживаютъ ихъ. Происходитъ только арифметическое перераспредѣленіе земныхъ, предметныхъ благъ, уравненіе того, что и раньше было, но переворота никакого не наблюдается, ничто новое въ мірѣ не появляется, человѣчество въ корнѣ не измѣняется.

Итакъ, социалистическая этика въ самомъ лучшемъ случаѣ не переходитъ за грань морали утилитарной, завѣдующей распределеніемъ матеріальныхъ благъ. Уже нѣсколько столѣтій человѣчество живетъ идеалами утилитарной этики, одною заботою о болѣе быстромъ приобрѣтеніи и болѣе правильномъ распределеніи предметныхъ земныхъ благъ. Всѣ социальные приобрѣтенія за послѣднія два столѣтія — отмена рабства, освобожденіе женщины, новое отношеніе къ наказанію, какъ къ мѣрѣ воспитанія, свобода совѣсти, равенство всѣхъ предъ закономъ, народовластіе,—все это порожденіе утилитарной этики. Разумѣется, всѣ эти культурныя приобрѣтенія можно только привѣтствовать, социалистическую общественность считать болѣе справедливой, но нельзя выводить ихъ изъ чистыхъ нравственныхъ источниковъ, наклеивать на нихъ непринадлежащій имъ моральный ярлыкъ ¹⁾.

¹⁾ Прекрасную иллюстрацію этого мы встрѣчаемъ въ повѣсти из-

Нравственность въ ея чистомъ видѣ гораздо радикальнѣе социализма. Она требуетъ болѣе глубокаго преобразования человѣчества, измѣненія въ основѣ человѣческаго сознанія и воли и не имѣетъ ничего общаго съ со-

вѣстнаго наблюдателя и изобразителя современныхъ нравовъ Боборыкина — „Больные родиной“ (*Русск. Мысль*, 1907 г.). Тамъ между прочимъ читаемъ такой діалогъ:

— „Этика! воскликнулъ Степанъ Степановичъ. — Она совершенно упряднена у крайней молодежи...

— Будто?

— Несомнѣнно! Вы знаете, какъ я всегда относился къ молодежи. Годами... чего, десятками лѣтъ я жилъ съ ними, можно сказать, одною жизнью. Всегда и вездѣ мнѣ довѣряли, ходили ко мнѣ на домъ, брали книги, спорили, засиживались до поздней ночи... работали въ семинарїяхъ, когда еще возможно было работать. И прежде ихъ психика держалась въ грунтѣ, въ основѣ за извѣстную, очень опредѣленную мораль. Теперь ничего подобнаго.

— Неужели?—почти испуганно воскликнулъ я.

— Увѣряю васъ. Теперь, и это идетъ уже больше двухъ—трехъ лѣтъ, альфа и омега, высшая санкція — это мое я... верховное правомоей индивидуальности... Я такъ желаю, я такъ настроенъ, *sic volo, sic jubeo!* Даже потребности я не вижу, въ самыхъ типичныхъ видахъ, выработать себѣ что-либо похожее на этику, на правила, обязательныя для каждой отдѣльной особи.

— Неужели?!—опять воскликнулъ я.

— Развѣ я способенъ клеветать на молодежь?

— Вы? Конечно, нѣтъ.

— Да они и не скрываютъ ничего. Они вамъ спокойно и съ чувствомъ своего безусловнаго превосходства будутъ развивать, что все это тамъ позади... *überwundener Standpunkt*... чистѣйшая старомодная метафизика.

— Стало, это, если такъ выразиться, этической нигилизмъ?

— Именно. Прекрасное опредѣленіе... Это своего рода базаровщина. Но только возведенная въ кубъ.

— Но позвольте,—остановилъ я этого вѣчнаго друга студентовъ,—возьмите нашу Маню, ея душу, всю ея святую святыхъ, вылившуюся вотъ въ этой тетради. Какое отреченіе самой отъ себя! Какое восторженное, чисто мученическое выполненіе своего долга! Развѣ это не этическіе моменты? Развѣ это не самый суровый категорическій императивъ?

временной буржуазностью. Настоящая мораль есть опѣнка благъ предъ судомъ вѣчной абсолютной цѣлесообразности или, что тоже, предъ судомъ религиозной истины. Религиозное начало, внося въ нравственность безусловность, абсолютность, предохраняетъ отъ обоготворенія матеріальныхъ благъ, во что впадаетъ социализмъ, какъ и всѣ другія позитивныя ученія о нравственности. Оно препятствуетъ разсматривать матеріальныя блага, какъ самодовлѣющее, безусловно-сущее. Черезъ это устанавливается свободное, личное отношеніе каждаго человѣка къ земнымъ благамъ, выражающееся въ должномъ пользоваціи ими или въ отреченіи отъ нихъ. А въ нравственности именно и цѣнно это *личное* начало человѣческаго духа. Въ области внѣшней культуры и мірской цивилизаціи мы видимъ внѣшнія

— Если хотите, да; но такія личности въ меньшинствѣ. Да и они идутъ на вѣрную смерть не потому, что исполняютъ нравственный долгъ, а потому, что такова ихъ „платформа“, оттого, что имъ такъ хочется. И повторяю, это — маленькое меньшинство. Въ немъ вы находите еще пережитки... прежней морали, иногда даже древне-христіанской. А большинству въ настоящій моментъ ихъ эволюціи совсѣмъ не надо этики. Это то, что нѣкоторые изъ нихъ называютъ моднымъ терминомъ: „а—мораль“.

— Отъ этого одинъ шагъ до полного отрицанія какихъ бы то ни было нравственныхъ задержекъ?

— Всеконечно“.

Въ той же повѣсти одно изъ дѣйствующихъ лицъ — извѣстный спеціалистъ психіатръ — говоритъ:

— Вы думаете, что я не признаю законности того, что называется освободительнымъ движеніемъ? Признаю, и весьма, но въ такое безвременье всякое нормальное движеніе должно вырождаться въ пароксизмы, въ судороги, въ кровавыя схватки, съ жестокостью и озвѣрѣніемъ, которыя объясняются только совершеннымъ потемнѣніемъ нравственнаго чувства.

И взглянувъ на меня вбокъ, онъ спросилъ:

— Вы вѣдь знаете, что въ нашей наукѣ, а именно въ психіатріи, давно установили подъ терминомъ: моральная безуміе — *moral insanity*?

Таковъ діагнозъ современнаго освободительнаго движенія, ставшаго подъ знамя социализма.

цѣнности, независимыя отъ цѣнности личностей; это— формы производства, форма взаимныхъ людскихъ отношеній. Въ нравственной области нѣтъ внѣшнихъ цѣнностей. Здѣсь есть только одна цѣнность — цѣнность чело-вѣческаго духа, чело-вѣческой личности. Даже обладаніе всѣмъ міромъ не имѣетъ цѣнности, если душа терпитъ ущербъ. «Какая польза чело-вѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ чело-вѣкъ за душу свою» (Мѣ. XVI, 26)? — Этой нравственной истины не можетъ вмѣстить социализмъ, потому что онъ въ рѣшеніи проблемы о хлѣбѣ земномъ видитъ весь смыслъ и цѣль жизни, обоготворяетъ материальный производственный процессъ, пролетариатъ, грядущее чело-вѣчество въ его земномъ совершенномъ состояніи. Ложь социализма состоитъ не въ устраненіи экономической эксплуатаціи и созданіи экономического довольства всей чело-вѣческой массы; въ этомъ правда социализма. Ложь его заключается въ умаленіи вѣчныхъ цѣнностей, въ подмѣнѣ ихъ земными, материальными.

Социализмъ насквозь пропитанъ позитивизмомъ. Его взглядъ на прогрессъ чело-вѣчества — чисто позитивистическій. Личность, поэтому, никогда не является въ немъ цѣлью, а всегда средствомъ. Она сама по себѣ не обладаетъ цѣнностью и оцѣнивается лишь по полезности ея для завоеванія социалистическаго земного рая. По отношенію къ личности все дозволяется во имя благихъ цѣлей социализма. Необходимы жертвы и самопожертвованія, потому что этого требуетъ біологическій законъ борьбы за существованіе. Чело-вѣкъ признается средствомъ для грядущаго чело-вѣчества. Каждое новое поколѣніе оказывается такимъ же средствомъ для будущихъ, какъ и всѣ предшествующія. Страданія однихъ поколѣній служатъ мостомъ къ счастью для другихъ. Люди должны страдать, чтобы другіе были счастливы, должны своими страданіями «унавозить будущую гармонию», по выраженію Ивана Карамазова. Будущее общество, будущее чело-вѣческое

поколѣніе, совершенное и благое состояніе, къ которому ведетъ прогрессъ, это какое-то чудовище, пьющее кровь поколѣній былыхъ и современныхъ. Но если строить свое счастье на несчастіи другихъ во всякомъ случаѣ безнравственно, то воззрѣніе, оправдывающее такой образъ дѣйствій, хотя бы касательно будущаго поколѣнія, тоже безнравственно. Между тѣмъ съ точки зрѣнія социализма такое отношеніе къ личности совершенно послѣдовательно. Личность здѣсь является не носителемъ абсолютныхъ задачъ, надѣленной нравственной природой и способностями, а всецѣло продуктомъ историческаго развитія, измѣняющимся съ послѣднимъ. Понятіе личности, строго говоря, здѣсь совершенно отсутствуетъ, сводится лишь къ чисто формальному единству «я». При такомъ взглядѣ на личность не удивительно, что нигдѣ нѣтъ столь пренебрежительнаго, даже презрительнаго отношенія къ ней, какъ въ социализмѣ, хотя онъ не знаетъ святыни высшей, чѣмъ человѣчество, человѣческое благо.

Обобщая теперь все сказанное, мы видимъ, почему социализмъ долженъ быть причисленъ къ противонравственнымъ міровоззрѣніямъ. Неуваженіе къ личности человѣка, превращеніе ея въ средство, преданіе абсолютныхъ цѣнностей за временныя матеріальныя блага, путь насилія вмѣсто пути любви, поддержаніе міроваго разединенія путемъ внѣшней связанности, — все это такія свойства, которыя являются прямымъ отрицаніемъ нравственности.

Но если социализмъ прямо не содѣйствуетъ прогрессу нравственности, онъ косвенно оказываетъ значительную услугу. Вскрывая социальныя нестроенія и язвы общественной жизни, онъ не позволяетъ ограничиваться личною нравственностью, а способствуетъ возникновенію нравственности общественной. Какъ извѣстно, въ нравственной литературѣ существуетъ воззрѣніе, связанное съ авторитетнымъ именемъ гр. Л. Н. Толстого, отрицающее общественную нравственность. Нравственное совершенство-

ваніе, говорить Толстой, есть всецѣло индивидуальное. Никакой прогрессъ внѣшнихъ формъ жизни не можетъ вліять на нравственное развитіе людей. Измѣненіе сознанія людей, т.-е. отдѣльныхъ индивидуумовъ, влечетъ за собою измѣненіе формъ жизни, а измѣненіе формъ не имѣетъ никакого значенія для измѣненія сознанія. Отсюда у Толстого вытекаетъ его индивидуалистическая этика.

Въ этомъ воззрѣніи правильна только та мысль, что формы сами по себѣ, безъ духа, наполняющаго ихъ, не имѣютъ нравственной цѣны. Внѣшняя форма, какова бы она ни была, имѣетъ нравственную цѣнность лишь постольку, поскольку она отражаетъ внутреннее настроеніе. Поэтому если мы видимъ въ совершенствованіи формъ прогрессъ нравственности, то лишь потому, что считаемъ формы отраженіемъ сознанія общества. Но разъ создавшись, извѣстная форма жизни становится уже вліятельнымъ факторомъ индивидуальнаго развитія. Человѣкъ развивается умственно и нравственно подъ вліяніемъ окружающей среды. Среда, въ широкомъ смыслѣ слова, воспитываетъ характеръ, убѣжденія, настроеніе—все, изъ чего складывается нравственная личность. Въ этой, воспитывающей человѣка, средѣ одно изъ важныхъ мѣстъ занимаютъ и формы общественной жизни. У одного изъ нашихъ выдающихся современныхъ писателей-беллетристовъ есть прекрасный и поучительный въ этомъ смыслѣ рассказъ изъ сибирской жизни, въ которомъ, на цѣломъ рядѣ фактовъ, онъ показываетъ, какъ при низкихъ температурахъ «замерзаетъ совѣсть», переставая реагировать (воздѣйствовать) уже на самые возмутительные факты¹⁾. Точно также ослабляется и замираетъ совѣсть подъ воздѣйствіемъ низкихъ, несовершенныхъ формъ жизни, основанныхъ на классовыхъ несправедливостяхъ.

Разрывъ между личною моралью и общественнымъ совершенствованіемъ психологически неестествененъ, какъ

¹⁾ Короленко. „Морозъ“.

невозможенъ психологически разрывъ между личностью и обществомъ. «На самомъ дѣлѣ между лицомъ и обществомъ существуетъ *обоюдная* зависимость. Родъ существуетъ дѣйствительно только въ особяхъ, но и особи дѣйствительно существуютъ только въ родѣ. Общество слагается изъ лицъ, но и лица живутъ только въ этомъ сложении и гибнуть въ одиночествѣ: человѣчество образуется изъ людей, но не людьми. Основные общественныя связи не зависятъ отъ личнаго произвола, напротивъ личная жизнь обусловлена этими связями»¹⁾. Значить, «общественность не есть привходящее условіе личности, а заключается въ самомъ опредѣленіи личности»²⁾. По мѣткому, психологическому замѣчанію уже цитированнаго нами художника-писателя, «разнообразіе человѣческой личности развертывается только навстрѣчу разнообразію среды: безъ этого она застаивается и тускнѣетъ»³⁾. Значить, общественность есть орудіе для выработки личности. При такой тѣсной, взаимно обуславливающей существованіе личности и общества, связи нельзя отдѣлять, а тѣмъ болѣе противопоставлять жизнь личности и жизнь общества. Личное улучшеніе, реформа отдѣльныхъ людей и реформа общества не есть ничто обособленное, независимо другъ отъ друга происходящее. Онѣ идутъ совмѣстно. Назрѣваютъ и проявляются, заявляютъ о себѣ одна въ связи съ другой. Оба фактора социальнаго движенія связаны другъ съ другомъ, какъ крылья, которыя съ противоположныхъ сторонъ несутъ птицу въ сильномъ полетѣ⁴⁾. Если бы общество было арифметическою суммою или механическимъ собраніемъ отдѣльныхъ лицъ, то тогда бы по мѣрѣ совершенствованія послѣднихъ совершенствовалось бы и общество, состоящее изъ нихъ. Но

1) Вл. Соловьевъ. Духовныя основы жизни. Стр. 157—158.

2) Его же. Оправданіе добра, стр. 254.

3) Короленко. „Марусина записка“.

4) Пибоди. Исусъ Христосъ и социальный вопросъ. Стр. 101.

личность и общество представляют собою взаимно проникающіе другъ друга круги жизни. «Поэтому улучшать челоуѣчество однимъ частнымъ личнымъ дѣйствіемъ, т.-е. прямымъ дѣйствіемъ на отдѣльныя лица такъ же невозможно, какъ исцѣлить больной организмъ, дѣйствуя на каждую его клѣточку или волокно въ отдѣльности: больной много разъ успѣетъ умереть прежде, чѣмъ такое лѣченіе сколько-нибудь подвинется впередъ. Точно также челоуѣчество много бы разъ успѣло погибнуть прежде, чѣмъ каждый челоуѣкъ достигъ бы нравственнаго совершенства» ¹⁾.

Итакъ, кромѣ личнаго усовершенствованія, необходимо дѣятельное служеніе общественному благу, социальная работа по преобразованію и улучшенію общественнаго порядка и строя жизни. Виднымъ и краснорѣчивымъ защитникомъ общественной, организованной нравственности въ этомъ смыслѣ является В. С. Соловьевъ. «Дѣйствительная нравственность есть должное взаимодѣйствіе между единичнымъ лицомъ и его данною средою» ²⁾. Полваго своего осуществленія она достигаетъ въ христіанской идеѣ Царства Божія, которое охватываетъ не только личную но и собирательную общественную жизнь, проникая всѣ области бытія. Отсюда Соловьевъ выводитъ такое нравственное начало: «принимай возможно полное участіе въ дѣлѣ своего и общаго совершенствованія ради окончательнаго откровенія Царствія Божія въ мірѣ» ³⁾.

Правда, Царствіе Божіе — «не отъ міра сего» (Іоан. XVIII, 36). Но это значить только, что содержаніе и объемъ его не исчерпываются социальными обязанностями и отношеніями челоуѣка къ обществу и міру. Социальная идея служенія обществу не прикрываетъ идеи Царства Божія. Социальная среда не можетъ быть слита съ Цар-

¹⁾ Соловьевъ. Духовныя основы жизни. Стр. 158.

²⁾ Оправданіе добра, стр. 258.

³⁾ Тамъ же.

ствомъ Божиимъ. Царство Божіе остается и всегда будетъ оставаться надъ-соціальной средой, по-скольку смыслъ жизни оно указываетъ въ сверхміровомъ и земную жизнь разсматриваетъ съ точки зрѣнія вѣчности. Этимъ, значитъ, только устраняется та крайняя точка зрѣнія, «по которой различныя общественныя учрежденія и интересы имѣютъ безусловное значеніе сами по себѣ, такъ что высшія нравственныя начала оказываются лишь средствами или орудіями для охраненія этихъ интересовъ» ¹⁾. Нравственность имѣетъ самостоятельную и непреходящую, а не утилитарную цѣнность.

Ив. Николинъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 337.

СЛУЧАИ БЛАГОДАТНОЙ ПОМОЩИ И МИЛОСТИ

СВ. СЕРАФИМА САРОВСКАГО.

Самый первый случай благодати и милости Угодника Божія Серафима, Саровскаго Чудотворца, въ моей семьѣ, произошелъ въ 1902 г., за 2 мѣс. до открытія св. мощей его, въ день переѣзда на дачу, въ маѣ.

Часть семьи уже была отправлена; оставалось перевести остальныхъ. Для двухъ стариковъ-родственниковъ (изъ которыхъ одному было 74 г., другому 64 г.), заложена была въ пролетку, хотя и старая, но очень сильная и горячая лошадь (бывшій рысакъ), тугая на возжахъ, съ которой иногда справлялись съ большимъ трудомъ.

Въ другомъ экипажѣ ѣхала я съ двумя младшими дочерьми 13 и 8 л. и, наконецъ, старшая дочь верхомъ.

Вначалѣ все шло благополучно, но, на бѣду, верховая лошадь, пробѣжавъ версты 1½, перестала слушаться, начала дѣлать попытки сбросить всадницу, поднималась надыбы, вертѣлась кругомъ и т. п.

Пришлось остановиться: кучеръ слѣзъ съ козелъ и побѣжалъ на помощь; все могло бы кончиться хорошо, если бы старшей изъ дѣвочекъ, сидѣвшихъ со мною, не пришла несчастная мысль — пересѣсть въ пролетку и взять возжи въ свои руки. Мнѣ слѣдовало, конечно, во время остановить ее, но какъ-то такъ случилось, что вначалѣ я не видала никакой опасности и поняла ее только тогда, когда было уже поздно. Дѣвочка была уже на козлахъ, и лошадь, почувствовавъ неопытныя руки, тронулась съ

мѣста, сначала тихо, затѣмъ стала прибавлять шагъ и, наконецъ, понесла.

Бѣжали полемъ. Дорога была испорчена глубокими ямами и рывинами. Положеніе сидѣвшихъ въ пролеткѣ, было ужасное, особенно дочери, которая сидѣла на козлахъ и рисковала слетѣть съ нихъ ежеминутно. Въ одномъ мѣстѣ дорога пересѣкается не глубокой, но широкой, наполненной всегда водой, впадиной, которую приходится объѣзжать стороной; въ другомъ—приходится переѣзжать черезъ довольно вязкое (топкое, во время дождей), мѣсто, почти никогда не просыхающее и небезопасное для возовъ съ кладью и для лошадей, въ дурную погоду.

Съ чувствомъ глубокаго ужаса слѣдила я затѣмъ, какъ пролетка подпрыгивала, какъ ее кидало въ стороны. Лошадь неслась, не помня себя, не разбирая дороги: перенеслась по топкому мѣсту, перескочила черезъ выбоину съ водой и направилась къ лѣсу, гдѣ дорога была еще хуже, чѣмъ въ полѣ. Незадолго передъ описываемымъ случаемъ, перевезли кирпичъ и потому выбоины и ямы попадались на каждомъ шагу; объѣзжать ихъ не было никакой возможности. Кромѣ ямъ и выемокъ, дорогу портили громадныя корни старыхъ деревьевъ, мѣстами выступавшіе такими гребнями изъ земли и въ такомъ изобиліи, что требовалось много ловкости и осмотрительности, чтобы перебраться черезъ нихъ. Если прибавить къ этому, что часть дороги въ лѣсу шла поворотами, лошадь же неслась вскачь, то страхъ мой будетъ вполне понятенъ. Экипажъ легко могъ опрокинуться на одномъ изъ поворотовъ; сидѣвшимъ въ пролеткѣ грозило, по меньшей мѣрѣ, увѣче.

Необходимо прибавить, что описываемое мѣсто не представляло главной опасности. Какъ ни серьезно было положеніе сѣдоковъ, все же моментами являлась надежда, что, быть можетъ, кто-нибудь встрѣтится, и лошадь остановитъ; въ лѣсу это казалось возможнымъ. Самое ужасное предстояло впереди.

При выѣздѣ изъ лѣса, на разстояніи, приблизительно, съ $\frac{1}{4}$ версты, дорога прерывалась довольно крутымъ спускомъ подъ гору и вела черезъ узкій бревенчатый мостикъ безъ перилъ, перекинутый черезъ довольно глубокой и всегда наполненный водой, овражекъ. Мостикъ былъ такой ширины, что съ каждой стороны помѣщавшагося на немъ экипажа, бревна выдавались надъ водой не болѣе, какъ $\frac{1}{4}$ арш. только.

Вабъсившееся животное, съ тяжелымъ экипажемъ и, притомъ, на всемъ скаку, не могло пробѣжать благополучно черезъ мостъ. И лошадь, и сѣдоки съ пролеткой, съ кручи, неминуемо, должны были полетѣть въ воду. Катастрофа была неизбежна, если не въ лѣсу, то на мосту. Мысль о предстоявшемъ несчастіи, не оставляла меня ни на минуту. Я боялась ѣхать впередъ и нѣсколько разъ задерживала свою лошадь, какъ бы отдаляя этимъ минуту, когда должна была увидѣть несчастныхъ. Спасти ихъ могло одно чудо,—одинъ только Господь.

— Если лошадь не достигла еще спуска, мелькнуло у меня въ головѣ, чудо это возможно, надо просить Божіей помощи, надо молиться, надо просить посредничества одного изъ Святыхъ Божіихъ. Тутъ, вдругъ, пришли мнѣ на память читанные мною неоднократно рассказы о чудесахъ, совершавшихся по молитвамъ Угодника Божія, Серафима Саровскаго, открытіе св. мощей котораго ожидалось всей Россіей въ самомъ скоромъ времени. Изъ всѣхъ этихъ рассказовъ, видно было одно, а именно, что Угодникъ Божій приходитъ быстро на помощь всѣмъ, призывающимъ его имя съ горячей вѣрой и усердіемъ.

Немедля ни минуты и я, грѣшная, обратилась къ нему. Слова мои не были молитвой въ опредѣленномъ смыслѣ. Это, скорѣе, былъ вопль наболѣвшей души, вопль, въ которомъ вылилось все мое горе и весь ужасъ тѣхъ минутъ.

«Угодникъ Божій, говорила я, преподобный отче, Серафиме! Ты видишь и мою душу, и мое сердце, мою глубокую вѣру въ тебя. Въ ней нѣтъ сомнѣній и колебаній;

услышь же меня грѣшную и недостойную рабу твою, дай по молитвѣ моей: — спаси стариковъ и дочь! Молю тебя, услышь меня! Услышь меня! Спаси несчастныхъ!»

Такими словами призывала я на помощь Угодника Божія въ то время, когда взбѣсившееся животное скрылось въ лѣсу. Каждое слово, обращенное къ отцу Серафиму, я переживала всѣмъ моимъ существомъ. Слезы умиленія и восторга душили меня. Я плакала и настойчиво продолжала молить Угодника о помощи. Моя младшая восьми-лѣтняя дѣвочка, все время бывшая при мнѣ, плакала тоже и повторяла за мною нѣкоторыя слова молитвы. (Эта дѣвочка была исцѣлена отъ ревматизма и Виттовой пляски въ 1905 г.).

Молитва моя нѣсколько разъ прерывалась, такъ какъ подвигаться впередъ все же было нужно, нужно было править лошадыю.

Наконецъ я въ лѣсу; ѣду по той самой дорогѣ, по которой за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ пронеслась пролетка — и, въ радости своей, убѣждаюсь, что несчастья нѣтъ еще. Въ это время навстрѣчу мнѣ шелъ крестьянинъ. На вопросъ, не попадалась ли ему лошадь съ пролеткой и тремя сѣдоками, безъ кучера, онъ отвѣтилъ такимъ образомъ: «Какъ же, какъ же, видѣлъ; лошадь совсѣмъ бѣшеная, вся въ мылѣ, возжи волочатся по землѣ, а на козлахъ еле держится маленькая дѣвочка. Я, было, хотѣлъ лошадь остановить, но она меня отбросила въ сторону и помчалась дальше».

Услыхавъ такія слова, я остановила лошадь и снова обратилась къ Угоднику Божію, моля его о помощи и о спасеніи отъ бѣды.

Попадается второй прохожій и подтверждаетъ слова перваго. Онъ тоже повстрѣчалъ лошадь, но попытки остановить ее не сдѣлалъ, потому что, какъ онъ выразился, ему жизнь его такъ же дорога, какъ наша намъ, и онъ не хотѣлъ подвергать себя опасности. Для меня было ясно, что молитва моя услышана: самыя опасныя мѣста

въ лѣсу, лошадь пробѣжала благополучно, по милости и благословенію Угодника. Надо было просить его помощи и на дальнѣйшій путь, молить о томъ, чтобы онъ не допустилъ несчастья на мосту.

По моему расчету, лошадь, между тѣмъ, была уже недалеко отъ спуска съ горы.

— «Преподобный отче, Серафиме, молилась я, отъ всего сердца молю тебя, помоги, спаси дочь и стариковъ, не дай имъ погибнуть, удержи лошадь, не допускай ее до спуска. Сознаю вполнѣ, что только чудо, одно чудо можетъ спасти ихъ всѣхъ. Угодниче Христовъ, ты великъ предъ Господомъ, можешь сдѣлать все, о чемъ молю я, недостойная и грѣшная. Молю же тебя, соверши чудо и останови лошадь, моментально останови (въ этомъ именно и заключается спасеніе дочери и стариковъ)». Настойчиво и долго повторяла я однѣ и тѣ же слова, съ горячей вѣрой и слезами, твердо надѣясь, что батюшка Серафимъ меня услышитъ.

Считаю необходимымъ прибавить, что, во время послѣдней молитвы, я была совершенно спокойна, страха какъ не бывало; онъ исчезъ сразу и замѣнился увѣренностью, что все окончится благополучно. Недалеко отъ выѣзда изъ лѣса, повстрѣчался новый пѣшеходъ. На мой вопросъ относительно лошади, онъ отвѣчалъ, что видѣлъ и ее и всѣхъ, сидѣвшихъ въ пролеткѣ. Опасности никакой нѣтъ, такъ какъ лошадь остановилась среди дороги и стоитъ смирнехонько, хога ее и не держитъ никто. Возжи же лежать на землѣ.

Выѣхавъ изъ лѣса, я увидала такую картину: лошадь стояла въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ спуска подъ гору, вся покрытая пѣной; возжи, дѣйствительно, лежали на землѣ. Стояла она совсѣмъ смирно, спокойно, такъ какъ если бы была привязана къ чему-нибудь; даже ногами не перебирала. Только взмыленные бока вздымались высоко и говорили о нервномъ возбужденіи животнаго, но съ мѣста она не трогалась. Къ экипажу, со стороны лѣса,

приближался нашъ кучеръ, все время бѣжавшій за нимъ вслѣдъ. Лошадь спокойно дала ему сѣсть на козлы и послушно побѣжала впередъ.

Очень интересно сообщеніе моей дочери о томъ, какъ произошла остановка. Лошадь мчалась со страшной быстротой; еще немного, и произошло бы то, чего я такъ боялась; несчастье было такъ близко. Какъ вдругъ, совершенно неожиданно, можно сказать, моментально, скачка прекращается; безъ всякой причины и посторонней помощи, животное останавливается и стоитъ спокойно, не двигаясь съ мѣста, какъ если бы кто держалъ его. Кругомъ ни души. Остановка произошла, какъ я уже раньше сказала, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ обрыва и, какъ разъ, во время. Постоявъ нѣсколько времени смирно, лошадь начала осаживать экипажъ назадъ и, поровнявшись съ однимъ изъ телефонныхъ столбовъ, проходившихъ вдоль дороги и приблизительно, аршинахъ въ 2 разстоянія отъ экипажа, она бокомъ придвинулась къ нему и начала вылизывать его языкомъ. Продѣлавъ это нѣкоторое время, она затѣмъ, такимъ же образомъ, т. е. бокомъ, отодвинулась на прежнее мѣсто и больше уже съ него не трогалась, до появленія кучера.

Въ нашъ вѣкъ религиозныхъ заблужденій и отрицанія всего святого, очень многіе не вѣрятъ въ существованіе Святыхъ и смѣются надъ тѣми, кто прибѣгаетъ къ ихъ помощи и молитвамъ.

Мнѣ неоднократно приходилось присутствовать при разговорахъ въ отрицательномъ духѣ на тему о существованіи Святыхъ и каждый разъ я выносила самое тяжелое впечатлѣніе отъ слышаннаго.

А между тѣмъ бываютъ такія явленія, передъ которыми и невѣрующіе, что называется, становятся втупикъ.

Случай, только что описанный мною, мнѣ приходилось рассказывать нѣкоторымъ лицамъ, доходящимъ въ своемъ невѣрїи до отрицанія и загробной жизни, и страшнаго суда и т. п., до отрицанія всякой отвѣтственности передъ Богомъ.

Дѣйствіе Промысла Божія, черезъ Угодника Серафима Саровскаго, въ моемъ разсказѣ, такъ очевидно, такъ ясно для каждаго, такъ поразительно, что слушатели мои, обыкновенно, приходили къ полному сознанию въ своемъ безсиліи объяснить происшедшее, чѣмъ-нибудь инымъ, какъ только «чудомъ» въ полномъ смыслѣ этого слова и признаніемъ того, что, дѣйствительно, есть какая-то таинственная сила, нами руководящая, которую, пожалуй, отрицать не слѣдуетъ.

Такъ какъ я въ молитвѣ своей къ Богу прибѣгла къ помощи Святого и уже черезъ его посредничество получила исполненіе просимаго, то, слѣдовательно, существованіе Святыхъ отвергать не приходится, и глубоко заблуждаются тѣ, которые не признаютъ ихъ заступничества и молитвъ.

Изъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями происшедшаго случая, къ сожалѣнію, не хватаетъ семидесяти четырехлѣтняго старика дѣдушки, который во время скачки лошади, сидѣлъ въ пролеткѣ.

Онъ скончался 1 г. 5 мѣс. тому назадъ. Остальные всѣ могутъ подтвердить справедливость моихъ словъ.

Исцѣленіе семилѣтней дѣвочки.

Одна портниха работала на мою семью лѣтъ 10 кряду. Это была простая женщина, скромная труженица, добросовѣстная работница, а самое главное—очень хорошей и глубоко вѣрующей человѣкъ.

Въ теченіе 10 лѣтъ, я хорошо узнала ее и очень любила съ нею бесѣдовать. Кроткая, скромная—она всѣмъ въ домѣ намъ нравилась. Годъ четыре мѣсяца тому назадъ, она скончалась и оставила 3 маленькихъ дѣтей.

Между прочимъ, она глубоко вѣровала въ Угодника Божія, Серафима, Саровскаго Чудотворца и удостоилась получить отъ него особенную милость.

Семилѣтняя дочь ея вывихнула ногу. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ доктору, призвали какую-то деревенскую старуху-знахарку, которая, разными снадобьями, достигла того, что нога разболѣлась, ее свело въ колѣнкѣ; появилась громадная опухоль, и дѣвочка не только лишилась возможности ходить, но даже самое малѣйшее движеніе вызывало болѣзненные крики. Дошло до того, что ребенка пришлось носить на рукахъ.

Между тѣмъ, со дня болѣзни прошелъ цѣлый мѣсяць. Понявъ, наконецъ, весь вредъ, принесенный старухой, отецъ ребенка, велѣлъ отнести его въ больницу и показать доктору.

Тогда мать высказала свое желаніе отнести дѣвочку въ храмъ Божій и тамъ, передъ чудотворной иконой о. Серафима, освященной на св. мощахъ Угодника, отслужить молебень съ акаѣистомъ и молить его объ исцѣленіи.

Весь разговоръ отца съ матерью происходилъ вечеромъ, въ присутствіи ребенка. Дѣвочка знала, что ее понесутъ въ церковь. На другой день мать проснулась въ 5 час. утра, увидала, что погода была отвратительная, пожалѣла тревожить ребенка и рѣшила молебень отложить до другого раза. Такъ какъ время было еще раннее, она легла опять и заснула.

Во снѣ она вдругъ почувствовала, что ее кто-то будить и тянетъ за одѣяло. Открывъ глаза, она, къ глубокому изумленію своему, увидала больную, совсѣмъ одѣтой, стоящую на ногахъ возлѣ кровати. Дѣвочка торопила мать одѣваться и итти въ церковь.

На вопросъ, кто помогъ ей встать и одѣться, и кто поставилъ на ноги, дѣвочка отвѣчала, что обошлась безъ посторонней помощи, все сдѣлала сама и прибавила при этомъ, что ногѣ лучше.

Само собою разумѣется, что мать тотчасъ же встала, разбудила свою помощницу, вдвоемъ, на рукахъ, отнесли больную въ церковь и отслужили передъ иконой отца Серафима молебень съ акаѣистомъ.

Во время молебна, мать хотѣла дѣвочку посадить на стулъ, но она наотрѣвъ отказалась это сдѣлать, всю службу простояла на ногахъ, а когда, послѣ молебна, отправились домой, дѣвочка всю дорогу (болѣе версты) бѣжала впереди старшихъ.

По возвращеніи домой, мать осмотрѣла ногу: опухоль совершенно исчезла, и нога была здоровой.

Едва замѣтная хромота оставалась еще нѣсколько дней, но и она прошла отъ натиранія масломъ, взятымъ изъ лампы передъ иконой отца Серафима въ Дивѣевскомъ монастырѣ и освященнымъ на св. мощахъ Угодника.

Масло давала я сама, по просьбѣ матери больной.

Объ исцѣленіи дѣвочки во всякое время можно навести справки по слѣдующему адресу: Г. Иваново-Вознесенскъ, Владимірской губерніи, Александровская улица, домъ бывшей портнихи Аквелевой-Ивановой (Фелицаты Ивановны).

Справиться можно у отца, бабушки, тетокъ и сосѣдей, которые живутъ рядомъ, а также, думаю, у свящ. отца Александра Лебедева, настоятеля Вознесенской церкви, такъ какъ я совѣтовала матери бывшей больной своевременно заявить священникамъ. Возможно, что за болѣзнью она это сдѣлать не успѣла.

А. А. Сакина.

Г. Иваново-Вознесенскъ,
Владимірск. губ.

„КРЕСТОНОСНЫЙ ВЛАДЫКА“.

(Къ 23 декабря 1907 г.—тридцатипятилѣтію со дня кончины преосвященнаго епископа Антонія, бывшаго Оренбургскаго и Уральскаго
† 23 декабря 1872 г.).

23 декабря 1872 г. почилъ о Господѣ преосвященный епископъ Антоній, бывший Оренбургскій и Уральскій— истинно несчастный пастырь, или, по выраженію одной его почитательницы, «крестоносный владыка», вся жизнь котораго въ святительскомъ санѣ была полна скорбей, клеветы, досажденія, укороенія и иныхъ многовидныхъ бѣдъ и напастей... Но прежде чѣмъ остановиться вниманіемъ на скорбномъ его житіи святительскомъ, кратко изложимъ теченіе земное сего архипастыря... Сынъ священника Нижегородской епархіи, Александръ Радонежскій родился въ 1808 году, учился въ Нижегородской семинаріи и затѣмъ въ Московской духовной академіи, которую окончилъ въ 1834 г. со степенью магистра. По окончаніи академическаго курса служилъ профессоромъ и инспекторомъ родной семинаріи; здѣсь же въ 1841 г., овдовѣвъ, принялъ иноческое постриженіе съ именемъ Антонія и былъ посвященъ въ іеромонахи. Въ сентябрѣ 1842 г. былъ перемѣщенъ профессоромъ въ Ярославскую семинарію, а въ 1844 г. назначенъ бакалавромъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ въ 1846 г. сдѣланъ профессоромъ, а въ 1848 г. удостоенъ сана архимандрита. Съ 13 февраля 1851 г. по 4 мая 1854 г. проходилъ должность ректора Пермской семинаріи, послѣ чего былъ назначенъ ректоромъ Ярославской семинаріи, а 15 іюня 1858 г. посвя-

пень въ санъ епископа Оренбургскаго и Уфимскаго. Въ 1859 г. марта 21-го, по раздѣленіи епархіи на двѣ, Уфимскую и Оренбургскую, переименованъ въ Оренбургскаго и Уральскаго. 17 марта 1864 г. уволенъ отъ управленія епархіею, съ назначеніемъ членомъ Московской синодальной конторы и управляющимъ Ново-Іерусалимскимъ Воскресенскимъ монастыремъ, съ пенсіею въ 800 р. Въ 1866 г. мая 11-го уволенъ на покой въ Трегуляевъ Предтечевъ монастырь, близъ Тамбова, и здѣсь въ 1867 году 15 декабря ему была назначена пенсія въ 1000 р. Въ 1868 г. октября 31 перемѣщенъ въ Темниковскій Санакарскій монастырь, а въ 1870 г. апрѣля 24-го переведенъ въ Смоленскій архіерейскій домъ, гдѣ и окончилъ дни свои...

Что же было причиною столь недолгаго управленія епархіею и увольненія на покой? Разно объ этомъ говорить. Во-первыхъ, рассказываютъ, что преосвященный былъ характера крайне живого и вспыльчиваго, такъ что въ минуту гнѣва положительно не владѣлъ собою, чѣмъ и нажилъ себѣ множество враговъ. Затѣмъ не мало повредило ему столкновеніе съ Оренбургскимъ генераль-губернаторомъ А. П. Безакомъ изъ-за переноса іордани съ обычнаго на другое мѣсто. Переносъ этотъ былъ сдѣланъ по распоряженію свѣтскихъ властей, противъ желанія архіерея и соборнаго духовенства. Преосвященный Антоній отнесся къ этому чрезмѣрно горячо, чѣмъ и вооружилъ противъ себя генераль-губернатора. Существуетъ также мнѣніе, что преосвященный Антоній подверженъ былъ несчастной слабости, и въ этомъ состояніи бывалъ невмѣняемъ ¹⁾. Нѣкоторый по этому поводу намекъ имѣется въ письмѣ преосвященнаго Григорія, епископа Калужскаго, который 21 декабря 1861 г. писалъ преосвященному Антонію: «слышно было, что васъ обвиняли въ куражныхъ явленіяхъ среди публики, особенно при какомъ-то

¹⁾ Объ этомъ у насъ имѣется письмо г. Чернавскаго, составителя труда „Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ“.

пожаръ, который вы общали якобы остановить словомъ или молитвою»¹⁾. А 9 февраля 1862 г. тотъ же владыка писалъ Антонію: «Во время пожара, говорите, всѣ власти были пьяны. Не спорю о возможности сего; но тѣмъ болѣе здѣсь основанія думать, что и трезвый представился имъ пьянымъ, особенно при употребленіи какого-то секрета, должно быть непонятаго ими. Вѣдь въ глазахъ пьянаго весь міръ кружится. Жаль, и весьма, что добрый подвигъ вашъ не только не оцѣненъ по достоинству, но и представленъ въ карикатурномъ видѣ, неблагоприятномъ для вашей особы; но почему ваше объясненіе не поправило ошибочнаго мнѣнія по сему предмету, не знаю: по недалковидности ли судившаго о дѣлѣ, какъ изволите полагать, или по жестокости вашего горячаго оправданія, или по какому еще другому резону,—но не поправило». Съ другой стороны, имѣемъ свидѣтельство одной благочестивой, лично знавшей владыку Антонія, особы²⁾, которая намъ пишетъ: «думаю, что это злая клевета (т.-е. обвиненіе преосвященнаго въ несчастной слабости). Мы всѣ, т.-е. наши родные, часто бывали у преосвященнаго во всякое время³⁾ и никогда не видѣли его въ такомъ видѣ; но по временамъ бывалъ онъ оскорбленный до глубины души со всѣхъ сторонъ и плакалъ какъ-бы ребѣнокъ. Онъ говорилъ: «вотъ въ какомъ положеніи я поставленъ». Настоятель монастыря въ то время былъ изъ священниковъ — архимандритъ Никандръ, такой злой, и зло клеветалъ много на преосвященнаго Антонія, и дѣлалъ ему всевозможныя непріятности». — Мы склонны думать, что можетъ быть и дѣйствительно слухи о несчастной слабости были *злою клеветою*. Что же касается

¹⁾ См. изданіе г. Чернавскаго „Изъ переписки архипастырей“, Оренбургъ, 1904 г. Этою перепискою будемъ пользоваться и при дальнѣйшемъ изложеніи.

²⁾ Нынѣ—игуменн.

³⁾ Во время пребыванія въ Трегудяевомъ монастырѣ.

до нѣкоторыхъ *куражныхъ*, какъ выражается преосвященный Григорій, явленій среди публики, то объяснить это можно необычною горячностью, граничащею съ бѣзъявненною нервностью, когда человекъ собою не владѣетъ. Это—наше *личное* предположеніе, имѣющее впрочемъ за собою и ту долю вѣроятности, что *до архіерейства* епископъ Антоній проводилъ *примѣрно-монашескую жизнь*, приведшую его къ сану святительскому. Книга его «Иисусъ Христосъ на Голгоѣѣ или семь словъ на крестѣ», выдержавшая очень много изданій, свидѣтельствуеть объ *особенно благочестивой настроенности* автора. Сослуживцы его по Казанской духовной академіи,—Григорій ¹⁾, архіепископъ Калужскій († 13 апрѣля 1881 г.), Веніаминъ ²⁾, архіепископъ Иркутскій († 2 февр. 1892 г.), Серафимъ ³⁾, епископъ Самарскій († 11 января 1891 г.) видимо искренно были расположены къ Антонію и во всѣхъ поприщахъ его многоятежной жизни поддерживали постоянно дружескія съ нимъ сношенія. Съ особенно теплымъ чувствомъ относился къ несчастному архіпастырю преосвященный Веніаминъ, «духовный сынъ» Антонія, о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіяся письма Веніамина къ своему «духовному отцу». «Спѣшу поздравить васъ съ наступающимъ Свѣтлымъ праздникомъ», пишетъ преосвященный Веніаминъ, «съ сыновнимъ желаніемъ, да утѣшитъ васъ Господь среди великихъ скорбей вашихъ! О. Серафимъ ⁴⁾ писалъ мнѣ, что сатана не перестаетъ преслѣдовать васъ и до сего времени, возбуждая злобныхъ людей противъ васъ... Спаси и сохрани васъ, Господи».

¹⁾ Съ 5 мая 1844 г. по 13 окт. 1851 г.—ректоръ Казанской академіи.

²⁾ Былъ бакалавромъ и профессоромъ въ Казанской академіи, 1850—1858 гг.

³⁾ Былъ бакалавромъ и профессоромъ въ Казанской академіи, 1844—1854 гг., а съ 27 іюня 1854 г. по 11 окт.—инспекторомъ ея.

⁴⁾ Тотъ же, о которомъ говорится въ предъидущемъ примѣчаніи.

«Сыновне привѣтствую васъ съ наступающимъ днемъ вашего ангела. Молитвами преподобнаго Антонія да утѣшить васъ Господь среди многихъ скорбей вашихъ».

«Наканунѣ именинъ вашихъ поздравляю васъ съ днемъ вашего ангела. Молитвами преподобнаго Антонія да укрѣпить васъ Господь среди возстающихъ на васъ враговъ, по кознямъ вѣчнаго врага нашего діавола! Преосвященный Серафимъ писалъ мнѣ о предполагаемомъ перемѣщеніи васъ въ Трегуляевъ монастырь. Не дастъ ли Господь вамъ тамъ по крайней мѣрѣ больше мира и спокойствія отъ людскихъ козней. Дай, Господи».

«Давно собирался я писать вамъ, чтобы просить вашихъ святыхъ молитвъ себѣ и своему убогому дѣланію, но не рѣшался доселѣ, не зная вашего положенія и боясь обезпокоить васъ. Теперь преосвященный Серафимъ утѣшилъ меня извѣстіемъ, что вы успокоились на новомъ мѣстѣ¹⁾. Утѣшь васъ Царица Небесная за ваши прежнія тяжкія злостраданія! Мнѣ сказывали, что такова судьба Новаго Іерусалима, что тамъ со временъ святѣйшаго Никона никогда не было спокойствія. Я радуюсь, что мое предчувствіе о болѣе спокойной для васъ жизни на новомъ мѣстѣ оправдалось»²⁾ (письмо отъ 14 января 1867 г.).

«Преосв. Серафимъ пишетъ мнѣ, что ваше преосвященство писали мнѣ по переѣздѣ въ Смоленскъ, а я, не получивши вашего письма, только въ первый разъ узналъ о самомъ перемѣщеніи вашемъ. Дай Господи, хоть подъ охраною преосв. Серафима найти вамъ спокойствіе, котораго вы лишены были прежде» (письмо отъ 18 ноября 1871 г.)! «Благодарю васъ за святой подарокъ вашъ. Икону свят. Птирима я надѣлъ на гайтанъ на шею, а четки навязалъ на лѣвую руку, вспомнивши, какъ вы по постриженіи дали мнѣ четки для ношенія на рукѣ. Дай Богъ, чтобы молитвами св. Птирима и вашими св. молитвами не оставялъ

¹⁾ Въ Трегуляевомъ монастырѣ.

²⁾ Къ сожалѣнію, не надолго, какъ увидимъ ниже.

меня духъ молитвы и благодатнаго трезвенія. Письмо ваше перечиталъ два раза съ особеннымъ отраднымъ чувствомъ, потому что давно уже не получалъ отъ васъ такихъ писемъ. Дай Богъ, чтобы радость ваша о мѣстѣ покоя вашего не возмущалась никакими тревогами! Что преосв. Серафимъ употребляетъ все для вашего успокоенія, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, но предохранить ли онъ ваше спокойствіе отъ другихъ, хотя бы и подчиненныхъ? Можетъ быть, нерѣдко возмущаютъ иныя личности и его собственное спокойствіе... А тамъ еще кромѣ людей есть врагъ—діаволь, ненавидящій покой праведныхъ. Да сохранить васъ Господь отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ» (письмо отъ 26 мая 1872 г.)!

Какъ мы видѣли, многоскорбно и многоятежно было житіе преосвященнаго Антонія на кафедрѣ святительской, но и на покоѣ, вдали отъ дѣлъ епархіальныхъ, скорби не переставали преслѣдовать «крестоноснаго владыку»... Не въ нашихъ задачахъ составлять подробное жизнеописаніе несчастнаго архіерея Божія, да и не имѣемъ достаточно къ тому матеріаловъ, но освѣтитъ одну изъ скорбныхъ страницъ его жизни «на покоѣ» намъ представляется случай: имѣемъ записки той самой благочестивой, вышеупомянутой особы, которая лично знала и вмѣстѣ съ семьей часто посѣщала епископа Антонія во время его пребыванія въ Трегуляевомъ монастырѣ.

«Его преосвященство въ 3 часа пополудни ¹⁾ прибылъ въ Предтечевъ Трегуляевъ монастырь», пишетъ старица, «гдѣ его никто не встрѣтилъ, не только съ подобающею его сану честью, но даже никто не оказалъ ему любви о Христѣ, какъ страннику. «Вошелъ я (какъ рассказывалъ самъ владыка) въ назначенный мѣъ покой, и какъ невольнo болѣзненно сжалось сердце мое при видѣ мрачныхъ стѣнъ, покрытыхъ пылью и паутиной, но, подумалъ я (продолжалъ владыка), Господи, Тебѣ угодно

¹⁾ Въ сентябрѣ 1866 г.

такъ, буди Твоя святая воля, пославшая мя сюда! Да буду здѣсь, какъ странникъ и изгнанникъ на чужбинѣ!» Владыка очень любилъ всегда посѣщать храмъ Божій, любилъ хорошее пѣніе, которое оживляло его скорбную душу, и чтеніе церковное; всегда желалъ, чтобы это исполнялось со вниманіемъ и съ душой, но что же встрѣтилъ онъ здѣсь? Все—вопреки его желанію. Къ пѣнію и чтенію братство было очень небрежно, братіи всего было не болѣе 25 человекъ, и тѣ почти одни старики, которые такъ небрежны были и холодны ко всему, даже и къ званію своему. Все это глубоко огорчало владыку, и онъ не могъ быть къ этому равнодушенъ. Его высокая и благоговѣйная душа не могла выносить всей этой небрежности къ священному дѣлу. Владыка иногда дѣлалъ имъ справедливыя замѣчанія, за что братство его ужасно возненавидѣло и вполнѣ, какъ іезуиты, изощрали свой злой языкъ разными клеветами на владыку, начиная отъ начальника ¹⁾ до послѣдняго послушника, исключая немногихъ, которые были въ духѣ монашескомъ и могли понимать его высокую жизнь. Можно себѣ представить, какая была невыносимая тягость для этого высокаго страдальца: при всей этой мрачной обстановкѣ, не съ кѣмъ было ему раздѣлить своихъ тяжелыхъ думъ—знакомыхъ у него никого не было первое время. Единому Господу изливалъ онъ свою скорбную душу и покорялся Его св. Провидѣнію. Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы, и преосвященный, невѣдомый никому, подвизался въ уединеніи. Слухъ о немъ дошелъ до города; многіе боголюбивые граждане и люди разнаго званія и состоянія съ нетерпѣніемъ желали его видѣть, принять благословеніе, слышать назидательное слово. Первый выѣздъ преосвященнаго въ городъ былъ въ соборъ, на поклоненіе мощамъ святителя

¹⁾ Настоятелемъ въ то время былъ архим. Викторъ, котораго вскорѣ смѣнилъ архим. Никандръ, особенно недружелюбно относившійся къ преосвященному Антопію.

Питирима (почивающаго подъ спудомъ), память котораго онъ чтить благоговѣнно.—Наконецъ, желающіе граждане стали посѣщать владыку, который всѣхъ съ отеческою любовью принималъ, всѣхъ и cadaго, безъ различія внѣшняго достоинства, всякаго званія и пола, а тѣмъ болѣе простой народъ, который во множествѣ приходилъ къ нему изъ нѣкоторыхъ сель, и онъ всѣхъ съ любовью принималъ, и выслушивалъ cadaго нужды, и удовлетворялъ ихъ: кто желалъ слышать его назидательное слово и требовалъ въ чемъ совѣта, кто просилъ денегъ, и онъ никогда никому не отказывалъ, нуждающимся—деньгами и вещами, что у него было, все отдавалъ, такъ что часто самъ оставался безъ денегъ и принужденъ былъ иногда занимать. Помогать бѣднымъ и утѣшать скорбящихъ—это его было одно удовольствіе, и ужъ едва ли кто могъ быть настолько любящимъ къ ближнему и такъ утѣшать скорбящихъ, какъ преосв. Антоній. Кто бы ни приходилъ къ нему, съ какою больною душою, или въ великой скорби, во всѣхъ принималъ онъ всегда сердечное участіе, каждое его слово полно было любовью къ скорбящему, съ плачущими онъ и самъ плакалъ; и скорбящій никогда не уходилъ отъ него безъ утѣшенія. Онъ умѣлъ врачевать болѣзни душевныя, ибо самъ былъ всегда преисполненъ скорбей. Кто же приходилъ съ какою болѣзнию тѣлесною къ нему и съ вѣрою просилъ его св. молитвъ получалъ желаемое. Тѣхъ онъ приводилъ къ иконѣ Успенія Богоматери — къ этой иконѣ онъ имѣлъ большую вѣру — и заставлялъ прикладываться, изъ лампы давалъ масла, и больные получали исцѣленіе за его св. молитвами, даже бѣсныя исцѣлялись, которые съ величайшимъ принужденіемъ бывали къ нему приводимы, ужасно бранили преосвященнаго и плевались на него. Нѣкоторые приходили къ нему изъ молоканъ закоренѣлыхъ, которыхъ онъ обличалъ и обращалъ на путь истинный, своимъ сильнымъ убѣжденіемъ дѣйствовалъ на нихъ и доводилъ ихъ до сознанія своего заблужденія.

Владыка очень скучалъ и скорбѣлъ душою, и иногда доходилъ до изнеможенія силъ отъ великой скорби, или просто до ужаса, представляя себѣ обстановку своей жизни. Съ его такимъ дѣятельнымъ и энергичнымъ характеромъ, съ его умомъ и высокимъ образованіемъ, куда же его заключили? Можно сказать въ почти разоренный монастырь. Спасала его отъ отчаянія только горячая любовь и преданность къ Сладчайшему Иисусу, страданія Котораго онъ всегда съ любовью вспоминалъ. Это была его любимая бесѣда съ друзьями, и при размышленіи о страданіяхъ Господнихъ онъ примирялся со своею жизнью и съ любовью покорялся своему Крестоположнику...

Мѣстоположеніе въ Трегуляевѣ недурно: прекрасный лѣсъ, куда преосвященный любилъ уединяться, и въ особенности лѣтомъ большія дѣлалъ прогулки. Любимая дорожка его была къ кресту, который устроенъ святителемъ Пятиримомъ, и гдѣ нерѣдко подвизался въ уединенной молитвѣ предавшійся Творцу своему всею силою любви владыка... Преосвященный любилъ упражняться въ рыбной ловлѣ на удочку, и въ Трегуляевѣ способствовали тому уединенныя и удобныя мѣста. Бывало, отъ 10 часовъ утра и до 3-хъ часовъ по-полудни онъ утруждался надъ ловлей, и когда удачна была ловитва рыбы, владыка радовался, какъ ребенокъ, тому, что могъ и для уха наловить себѣ рыбы; когда же ловъ не былъ удаченъ, то съ горемъ, утомленный, возвращался домой, и вдобавокъ безъ обѣда: его всегда любимое было блюдо — уха. Въ среду же и пятокъ трапезы у него не бывало, развѣ когда были кто изъ посѣтителей. — Осенью, въ хорошіе дни, любилъ владыка собирать грибы, для чего бралъ съ собою келейниковъ, въ множествѣ собиралъ и приготавлилъ для себя, а также отсылалъ своимъ друзьямъ въ городъ. — Въ одно прекрасное время преосвященный отправился въ лѣсъ гулять и взялъ съ собою двухъ келейниковъ. Во время прогулки келейники, увидавши вдругъ идущаго навстрѣчу волка, въ большомъ страхѣ предупреж-

даютъ владыку и просятъ его возвратиться назадъ. Но владыка такъ равнодушенъ былъ къ звѣрю, какъ будто всегда ему знакомая эта встрѣча, и говорить имъ: «если вы боитесь, такъ ступайте домой, а я пойду ему навстрѣчу, потому вѣтъ еще въ исторіи примѣра, чтобъ звѣри ѣли архіереевъ, но если мнѣ суждена такая смерть, то да будетъ воля Божія!» Преосвященный махнулъ рукой волку, и тотъ отправился въ сторону; келейники необычайно удивлены были повиновенію звѣря.

Какъ уже было сказано, братство Трегуляевское еще на первыхъ порахъ возненавидѣло маститаго владыку—такъ ужъ и встрѣтили его—но что было въ продолженіе 3-хъ лѣтняго его пребыванія въ Трегуляевѣ, о томъ право и подумать страшно! Что испыталъ и сколько перестрадалъ этотъ крестonosный страдалецъ отъ архимандрита и отъ братства! Если бы не было въ этомъ свидѣтелей, то нельзя бы и вѣрить тому, какъ его постоянно огорчали: истинно со всѣхъ сторонъ стрѣлы летѣли на него. Въ древнія времена мучали христіанъ невѣрные, а преосвященнаго мучали, но къ несчастію и къ униженію христіанъ, такіе же православные, да еще съ званіемъ монашескимъ. Преосвященный Антоній въ полномъ смыслѣ былъ—безкровный мученикъ. Изъ множества всѣхъ озлобленій расскажемъ два случая. Какъ уже выше было сказано, владыка любилъ ловить рыбу для своей узи, но такъ какъ ловъ его не всегда былъ удаченъ, и рыбу свѣжую не всегда можно было имѣть, по отдаленности отъ города, то преосвященный покупалъ рыбу у приносившихъ къ нему и хранилъ её въ садкѣ, собственно ему принадлежавшемъ; притомъ же его нерѣдко посѣщали боголюбивые горожане, которымъ онъ безъ затрудненія всегда вмѣнялъ себѣ въ пріятную обязанность предлагать трапезу любви. Каково же было удивленіе, а еще болѣе огорченіе гостепріимнаго архипастыря, когда въ одно прекрасное утро узналъ онъ, что рыба его (пуда четыре) ушла изъ садка! Да и какъ же могло это случиться? Архимандритъ,

настоятель обители, зная, сколько удовольствія доставлялъ владыкѣ садокъ его, радъ былъ случаю сдѣлать ему не-пріятность: призвавъ къ себѣ двухъ бывшихъ келейниковъ владыки, приказалъ имъ разбить садокъ и выпустить рыбу; одинъ изъ нихъ было рѣшился на этотъ злой поступокъ, но (какъ сознавался послѣ самъ) какой-то невольный страхъ, имъ овладѣвшій, заставилъ его отказаться отъ гнуснаго намѣренія. Архимандритъ назначилъ другихъ исполнителей своей злобы: вышеупомянутые келейники стояли на берегу и видѣли, какъ шесть человекъ подѣхали на лодкѣ къ садку, разбили его и выпустили рыбу. Преосвященный доносилъ епархіальному начальству, но оно не обратило на это особеннаго вниманія. Потомъ рыбакамъ запретили носить къ нему рыбу: архимандритъ сказалъ — «если вы будете носить рыбу архіерею, то я никогда не буду ее у васъ брать».

Другой случай, доказывающій неприязненность Трегуляевскаго братства къ преосвященному, заключается въ слѣдующемъ. Одинъ слѣпецъ Григорій забрелъ какъ-то въ Тамбовъ и хотѣлъ пробраться въ Трегуляевъ монастырь—желалъ быть у преосвященнаго Антонія, котораго онъ давно зналъ. Въ обители слѣпцу были очень рады, когда узнали, что онъ хорошій пѣвчій: онъ былъ полезенъ для церкви, ежедневно ходилъ на влирось и въ общую трапезу. Такъ продолжалось двѣ недѣли, и все было хорошо. Потомъ слѣпецъ сталъ чаще бывать у преосвященнаго, наслаждался его спасительными бесѣдами и наконецъ совсѣмъ перешелъ къ нему. Настоятелю это не понравилось; онъ сталъ гнать слѣпца и окончательно объявилъ ему: «если ты будешь жить у архіерея, то ты намъ не нуженъ». Какъ-то у владыки не было квасу. Ему очень хотѣлось пить, а келейникъ отлучился въ городъ. Преосвященный сказалъ слѣпцу: «братъ Григорій, я хочу пить, а принести некому». Тотъ отвѣчалъ: «владыка святой, благословите, я пойду въ трапезу и спрошу вамъ квасу». Владыка возразилъ ему: «если ты будешь про-

силь собственно для меня, то тебѣ откажутъ». Григорій взялъ кружку и пошелъ въ трапезу за квасомъ. «Кому тебѣ?» спрашиваетъ его трапезарь. «Мнѣ», отвѣчалъ онъ. «Шей тутъ», сказалъ трапезарь, а когда Григорій спросилъ для владыки, то выгналъ слѣпца и не далъ ему квасу. Это рассказывалъ самъ слѣпецъ.—Самыя ничтожныя просьбы владыки никогда не удовлетворялись: напр., онъ любилъ въ лѣтнее жаркое время пить воду со льдомъ, который безъ сомнѣнія былъ въ большомъ запасѣ въ обители, но ему и въ этомъ отказывали.

Одно благочестивое семейство въ городѣ, глубоко уважая подвиги и добродѣтели преосвященнаго, постоянно заботились о немъ, доставляло ему все необходимое и вообще относилось къ нему, какъ относятся самые близкіе и искренніе родные, что конечно много улаждало скорбную его жизнь въ Трегуляевѣ. Да, преосвященный много имѣлъ враговъ, но имѣлъ и друзей, которые были къ нему искреннѣйшіе и преданнѣйшіе, вполне принимали его за Іоанна Златоуста: и дѣйствительно, его и гнали, и озлобляли не менѣе Златоуста...

Однажды утромъ келейникъ доложилъ владыкѣ, что неизвѣстный посѣтитель желаетъ видѣть его и принять благословеніе. Владыка, по обыкновенію, принялъ съ любовью пріѣзжаго гостя, долго бесѣдовалъ съ нимъ душевно о разныхъ предметахъ и при прощаніи напутствовалъ его благословеніемъ. Что-же было въ послѣдствіи? Этотъ посѣтитель такую нанесъ скорбь преосвященному, что чуть ли она не была болѣе той, какую получилъ святитель Тихонъ отъ заушенія въ ланиту: ибо преосвященный Антоній оскорбленъ былъ въ нравственномъ отношеніи. Винови́къ оскорбленія угодника Божія Тихона принесъ покаяніе въ своемъ великомъ преступленіи, а оскорбившій епископа Антонія остался нераскаяннымъ...

Такъ отовсюду былъ окруженъ гоненіями маститый владыка, начиная отъ высшаго начальства и до послѣдняго послушника; эти послѣдніе, не стѣсняясь злословили

его разными клеветами, и каждый спѣшилъ сдѣлать ему какую-либо непріятность, потому что этимъ заслуживали любовь и вниманіе къ себѣ своего начальника. Крестоносный владыка всегда это принималъ за кавалерскіе ордена. Когда кто-то изъ друзей изъявилъ ему свое сочувствіе, то владыка съ тяжелымъ вздохомъ отвѣчалъ: «ихъ клевета — для меня это орденъ кавалерскій, меня здѣсь тѣмъ только и жалуютъ».

Конечно, владыка не могъ быть равнодушнѣе къ положенію, въ какое онъ былъ поставленъ, и иногда скорбѣлъ и унывалъ до ужаса. Но и этого креста для него еще было недостаточно: въ 1868 г. въ ноябрѣ преосвященный неожиданно получилъ указъ Св. Синода, въ которомъ сообщалось о назначеніи его, можно сказать, во вторую ссылку, Тамбовской же епархіи въ Санакарскую пустынь. Эта неожиданность такъ огорчила ужъ давно слишкомъ огорченнаго владыку, что отъ невыносимой скорби онъ слегъ въ постель. Въ Трегуляевѣ хоть и тяжело было жить, но здѣсь было недалеко отъ города, и владыка тутъ имѣлъ такихъ преданнѣйшихъ друзей, которые доставляли все для него необходимое, да и самый климатъ былъ для него здѣсь здоровый; а тамъ такая глушь, гдѣ онъ всего долженъ былъ лишиться, и, по предположенію доктора, климатъ тамъ для него былъ самый вредный для здоровья. Преосвященный обращался съ убѣдительною просьбою въ Св. Синодъ, и Тамбовскіе граждане просили Синодъ оставить преосвященнаго Антонія въ Трегуляевѣ, но Синодъ не сдѣлалъ для него и этого снисхожденія.—Какъ ни грустно было владыкѣ, но повинаясь волѣ начальства, онъ 13 января 1870 г. оставилъ обитель Предтечеву и переѣхалъ въ Тамбовъ, въ домъ вышесказаннаго любимаго имъ семейства, которое особеннымъ счастіемъ почитало посѣщеніе преосвященнымъ ихъ дома. 16 января преосвященный отправился изъ Тамбова въ подлежащій ему путь. Грустно было для всѣхъ друзей проводить его въ такую жизнь, да и въ такое

время: зима была холодная, морозы стояли 35 градусовъ, и снѣга были очень глубокіе. Прекрасный экипажъ владыки, несмотря на прочность, не выносилъ тяжелаго пути: преосвященному не разъ приходилось выходить изъ экипажа, въ которомъ дѣлали, по возможности, необходимыя поправки; при этомъ преосвященный сильно простудился, а доѣхавши до Шацка, принужденъ былъ оставить свой экипажъ. Одинъ боголюбивый купецъ, видя затруднительное положеніе преосвященнаго, предложилъ ему свой возокъ, въ которомъ онъ доѣхалъ до назначеннаго мѣста.

Въ монастырѣ ни одна душа не встрѣтила изнеможеннаго высокаго странника: какъ будто и не ждали его. Преосвященный послалъ своего человѣка къ настоятелю съ просьбой отпереть церковь: владыка желалъ, при вступленіи своемъ въ обитель, прежде всего помолиться въ храмъ Божіемъ. Исполненіе послѣдовало съ большою медленностью и небреженіемъ. Войдя въ храмъ и помолясь св. иконамъ, владыка, обратясь къ вошедшему съ нимъ брату, спросилъ, гдѣ приготовили ему помѣщеніе. Послушникъ привелъ преосвященнаго въ братскій корпусъ, гдѣ уже былъ и настоятель, который указалъ владыкѣ отведенную для его покоя небольшую келью, судя по ея мрачной обстановки, можно было думать, что она была изъ числа убѣжищъ, назначаемыхъ для подначальныхъ: пауки, единственные обитатели ея, смѣло раскинули свои ткани по стѣнамъ, заплѣсневѣлымъ отъ сырости, а одна изъ этихъ стѣнъ, пропитанная зловоннымъ газомъ отъ соседственнаго мѣста, издавала нестерпимый запахъ; къ довершенію всего: столъ топорной работы и два стула, изъ которыхъ одинъ уже смотрѣлъ инвалидомъ. Вотъ краткій очеркъ мѣста, пребывать въ которомъ обреченъ былъ маститый старецъ. Могъ ли онъ равнодушно снести это униженіе своего сана, не свойственное даже порядочному послушнику!

Преосвященный приказалъ отпереть архіерейскій домъ, проходя по которому спросилъ настоятеля, почему же

здѣсь ему не дали помѣщенія. Настоятель отвѣчалъ: «я исполняю повелѣніе епархіальнаго начальника». Владыка тутъ же написалъ прошеніе въ Св. Синодъ, представляя настоящее грустное свое положеніе и прося о снисхожденіи своему разстроенному здоровью. Затѣмъ приказалъ выкормить лошадей, на которыхъ и отправился обратно въ Тамбовъ, гдѣ былъ принять радушнымъ семействомъ и гдѣ прожилъ четыре мѣсяца въ ожиданіи синодскаго рѣшенія.

Преосвященнаго назначили въ Смоленскъ. Тамъ уже печальная обстановка кочующей его жизни, во всѣхъ отношеніяхъ, измѣнилась къ лучшему. Тамъ и окончилъ свою многострадальную жизнь»...

Такъ заканчиваетъ свое трогательное повѣствованіе боголюбивая почитательница памяти преосвященнаго Антонія, сего воистину многоскорбнаго, глубоко несчастнаго архипастыря. Оглядываясь на пройденный ими жизненный путь, нельзя не замѣтить, что дѣятельность его до архіереяства шла обычнымъ путемъ, не вызывая на него нареканій, и привела его къ избранію на святительскую кафедру... Но тутъ сразу начинаются скорби, и такъ почти до конца дней его... Нѣкоторое указаніе на начало этихъ скорбей имѣется въ письмѣ преосвященнаго Вениамина, епископа Селенгинскаго, впоследствии архіепископа Иркутскаго, къ преосвященному Антонію, отъ 25 іюня 1865 г., гдѣ говорится: «кто первоначально былъ виновникомъ вашихъ скорбей, отшелъ ко Господу: вы, вѣроятно, знаете уже о смерти преосв. Порфирія». Необходимо упомянуть, что этотъ преосвященный былъ первымъ епископомъ Уфимскимъ, по раздѣленіи Оренбургско-Уфимской епархіи на Оренбургскую и Уфимскую, т. е. смѣнилъ въ Уфѣ епископа Антонія. По всей вѣроятности, при раздѣленіи епархіи были какія-нибудь недоразумѣнія, а характеръ епископа Порфирія былъ довольно тяжелый: весьма памятна его печальная дѣятельность на кафедрѣ Томской, когда онъ безвинно гналъ такихъ свѣ-

тильниковъ Церкви, какъ Веніаминъ, въ послѣдствіи архіепископъ Иркутскій, и Владиміръ, въ послѣдствіи архіепископъ Казанскій, изъ коихъ первый былъ тогда ректоромъ Томской семинаріи, а второй — инспекторомъ. Известно также, что высшая церковная власть стала на сторону гонимыхъ, и преосвященный Порфирій былъ уволенъ отъ управленія епархіею... Поэтому не мудрено, если и по отношенію къ преосвященному Антонію онъ явился «первоначальникомъ скорбей» сего многострадальнаго архіерея Божія. А затѣмъ умноженію скорбей епископа Антонія способствовала горячая его ревность о славѣ Божіей, но къ сожалѣнію, иногда не въ мѣру и не совсѣмъ у мѣста проявлявшаяся... А врагъ спасенія нашего не дремалъ и, конечно, всячески, съ своей стороны, содѣйствовалъ врагамъ архипастыря... Тоже было и на покоѣ... Каковъ былъ этотъ «покой», мы видѣли изъ безыскусственнаго разказа, выше приведеннаго... Весьма назидателенъ этотъ разказъ и показываетъ, какъ иной разъ относятся настоятели монастырей, да и епархіальныя начальства, къ епископамъ, пребывающимъ на покоѣ. Не дай Богъ такого «покоя»!

Возвращаясь къ епископу Антонію, нельзя не отмѣтить, что избравъ издавна любимымъ предметомъ своихъ сочиненій повѣствованіе о крестныхъ страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа, преосвященный какъ бы тѣмъ самымъ приуготовлялъ себя къ несенію посланнаго ему тяжелаго креста, а при несеніи сего креста находилъ отраду, утѣшеніе и подкрѣпленіе въ молитвѣ къ Тому, о Комъ поется: «разрушилъ еси крестомъ Твоимъ смерть, отверзлъ еси разбойнику рай» (троп. воскр., гл. 7). Отрадною, небольшою свѣтлою полоскою въ архіерейской жизни епископа Антонія является его пребываніе на склонѣ дней въ Смоленскомъ архіерейскомъ домѣ, подъ кровомъ его приснаго друга, любвеобильнаго, гостепріимнаго преосвященнаго Серафима... Здѣсь нѣсколько уврачевались тяжкія раны душевныя епископа Антонія, и

здѣсь же, окруженный заботами своего товарища, друга и благодѣтеля, «крестоносный владыка» представился отъ сего временнаго живота въ жизнь вѣчную—отдать отчетъ Домовладыгѣ о всемъ содѣянномъ отъ юныхъ дней и до часа смертнаго...

Блаженъ есте егда поносятъ вамъ, и изженутъ, и рекутъ всякъ золъ и лгалъ на вы ложце Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесныхъ, — вотъ что хочется сказать, мысленно взирая на житіе преосвященнаго Антонія.

А. Зеландъ.

ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ Р. Т. ПУТЯТИНА.

(По поводу столѣтія его рожденія).

Съ высоты дымящагося Синая пророкъ Моисей провозгласилъ законъ, который вошелъ въ Новый Завѣтъ, слился съ нимъ и окрѣпъ, благодаря устамъ Распятаго. Я видѣлъ Моисея, этого титана, созданнаго рѣзцомъ Микель-Анжело, три-четыре года назадъ и, знаете, когда я стоялъ у подножія этой колоссальной фигуры, которая — чудилось—горить огнемъ вдохновенія и вотъ-вотъ вся затрепещеть, откинетъ назадъ свою могучую голову и заговорить, — мнѣ вспомнился Рыбинскъ, старый соборъ надъ Волгою, паперть и могила подъ папертью, гдѣ погребенъ священникъ от. Родіонъ Тимоѣевичъ Путятинъ.

Онъ былъ нѣсколько похожъ на ветхозавѣтнаго законодателя — сѣдовласый, съ нервнымъ лицомъ, служитель Бога, обладавшій проникновенно-задушевнымъ, пускай даже и не огневымъ, словомъ. Мнѣ словно видится онъ входящій на амвонъ, осѣняющій себя крестомъ и начинающій поученіе, всегда простое, всегда полномѣрное, всегда почти краткое. Вѣдь и истина кратка: «возлюби Бога» и «возлюби ближняго»... И поученій такихъ у Путятина ни больше, ни меньше, чѣмъ 315. Это толкованія на праздники Господни и Богородичные, на воскресные дни и на дни святыхъ, на св. Четырдесятницу, изъясненія церковныхъ молитвъ и пѣсней и т. д. И ни одно поученіе не похоже на другое,—до такой степени не утомлялась творческая мысль проповѣдника! Такъ онъ умѣлъ черпать и черпать изъ себя живую воду вдохновенія!

Путятинъ стоитъ на рубежѣ, или точнѣе сказать: на переломѣ духовнаго витійства, когда оно сбрасывало съ себя паеось, архаизмы и показной пылъ безъ настоящей теплоты и прочувствованности, и одѣвалось въ простое-живое задушевное слово. Падало съ безстрастныхъ облаковъ на жаждавшую его землю. Путятинъ не любилъ «риторскихъ» цвѣтовъ, вычуръ, завитушекъ. Его поученіе — простая, гладкая и прекрасная въ своей простотѣ дорическая колонна... одна, другая, третья и такъ далѣе до послѣдней 315-ой. Въ совокупности онѣ—своего рода Парѳенонъ—храмъ—покой дѣвственной мудрости... Путятинъ зналъ, какъ надо говорить, чтобы масса, народъ, деревня впитывали въ себя его поученія, а самыя поученія всходили въ тайникахъ воспринявшихъ ихъ душъ добрымъ зерномъ. И отъ Родіонъ не ошибался: вѣдь томъ его «Почуеній» выдержалъ 25 изданій.

Путятинское слово, подобно иннокентіевскому поученію, звучитъ и теперь въ стѣнахъ городскихъ и сельскихъ храмовъ изъ устъ священниковъ, безъ указанія на источникъ... Такимъ образомъ, если забывается самъ творецъ-проповѣдникъ, живо зато его благотворное слово, — аромать души, безсмертіе которой оно и подтверждаетъ... А Родіона Путятинъ забываютъ; еще въ прежнихъ хрестоматіяхъ встрѣчались отрывки изъ поученій, въ новыхъ, вѣроятно, имъ уже не находится мѣста...

Р. Т. Путятинъ, питомецъ Московской духовной академіи, отказался отъ ученой карьеры, отъ болѣе или менѣе спокойной, кабинетной работы, и сдѣлался простымъ священникомъ. Служилъ въ Ярославлѣ, а затѣмъ въ Рыбинскѣ, приносилъ безкровную жертву, пригоршнями разбрасывалъ сѣмена вѣчнаго добра и вѣчной красоты и пламенѣлъ, и молился за всѣхъ, и расходовалъ нервы... Развѣ мы помнимъ, что во время холеры въ городѣ (въ 1847 г.), этотъ священникъ Путятинъ не замыкался въ церковномъ домѣ, а оставался среди «недугующихъ и страждующихъ» и творилъ, что только можетъ творить добро-

дѣтельный человѣкъ? Дѣйствительно, куда какъ давно жилъ от. Путятинъ! 4 ноября 1869 года скончался ¹⁾...

Не то на «гниломъ Западѣ». Рассказывали мнѣ на дняхъ: теперь извѣстный русскій профессоръ, а въ то время скромный учитель гимназіи пріѣхалъ и поселился на лѣто въ тихой нормандской деревнѣ. И вдругъ со всѣхъ сторонъ ему воздаются особенное почтеніе и вниманіе. Гость смущенъ.

— За что, — спрашиваетъ, — мнѣ оказываютъ такое вниманіе эти и окрестные селяне?

— За то, что вы—учитель. Званіе, которое они высоко цѣнятъ.

Учителемъ добрымъ былъ от. Родіонъ Тимоѣевичъ Путятинъ.

Если вамъ доведется быть въ Рыбинскѣ, то зайдите въ Никольскій (старый) соборъ и на паперти его поклонитесь учителю доброму.

Павелъ Россіевъ.

¹⁾ Родіонъ Тимоѣевичъ родился въ 1807 году въ селѣ Путятинѣ (Рязанской губ., Сапожковскаго уѣзда), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Учиться онъ началъ съ 1817 года; семинарскій курсъ окончилъ (въ Рязани) въ 1830 г., а въ 1834 году вышелъ изъ Московской духовной академіи съ степенью магистра, и сначала былъ назначенъ профессоромъ словесности въ Ярославскую семинарію, а потомъ, въ 1835 году, поставленъ въ священники къ Тихоновской церкви г. Ярославля, и затѣмъ, съ 1837 года, занялъ мѣсто помощника инспектора по семинаріи. Послѣ Тихоновской церкви онъ находился 4 года въ кафедральномъ соборѣ и годъ при церкви Сошествія Св. Духа, а въ 1845 г. перемѣщенъ въ Рыбинскій соборъ протоіереемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благочиннымъ.

„Протоіерей Путятинъ прославился своими поученіями особенно въ Рыбинскѣ. Одно изъ нихъ онъ произнесъ въ присутствіи покойнаго Цесаревича В. К. Николая Александровича, посѣтившаго Рыбинскій соборъ въ 1863 году; Цесаревичъ съ чувствомъ благодарилъ проповѣдника за поученіе“... (Полн. собр. поученій. 1901 г. Сиб.).

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

«Къ 29-му декабря — дню памяти преподобнаго отца нашего **Марка** пещерника).

«Скромное дѣланіе».

Преподобный Маркъ жилъ въ то время, когда св. мощи преподобнаго отца нашего **Еодосія** были перенесены изъ пещеры въ святую великую церковь Печерскую. Воспріавъ ангельскій образъ, блаженный Маркъ всю жизнь провелъ въ пещерѣ и занимался копаніемъ могилъ для умершихъ братій, трудъ сей соединяя съ денно-нощною молитвою и строгимъ постомъ, чая только мзды на небесѣхъ, на землѣ же никакой награды не желая, а если кто насильно давалъ ему нѣчто за ископаніе могилы, то отдавалъ полученное бѣднымъ. Умертвивъ плоть свою неустанными подвигами, во-истину аки безплотенъ явился и здѣсь еще на землѣ сподобился даже чудотвореній, а нынѣ, чрезъ много лѣтъ, святые его мощи нетлѣнныя источаютъ чудеса всѣмъ съ вѣрою къ нимъ притекающимъ... Какое, казалось бы, скромное, со стороны преподобнаго, дѣланіе, а Господь въ ряду друзей Своихъ вчинилъ его! Поучительно сіе для насъ, въ суетѣ влающихъ, стремящихся расширить свое земное дѣланіе, часто разбрасывающихся и не знающихъ, на чемъ остановиться, и въ то же время забывающихъ, что всякій честный трудъ Господа ради, какъ бы малъ и невиденъ ни былъ, имѣетъ предъ

очами Всевидящаго цѣну бѣольшую, нежели дѣла обширныя и громкія, но суетныхъ ради цѣлей творимыя... *Кійждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ* (I Кор. 7, 20)—вотъ что памятовать надлежитъ всѣмъ намъ, и мірянамъ, и инокамъ... Сокрушается иной разъ свѣтскій человѣкъ суетою, его окружающею, и мечтаетъ: «ахъ, какъ бы хорошо было укрыться подъ сѣнью св. обители, и тамъ, вдали отъ шума людскаго, подвизаться Господа ради, и *единому на потребу* всю жизнь посвятить»... Случается и иноку впасть въ раздумье: «ахъ, зачѣмъ я пошелъ въ монастырь, гдѣ все включено въ такія тѣсныя рамки и гдѣ такъ мало возможности дѣятельно проявлять любовь къ ближнему»... Размышлять о наилучшихъ путяхъ ко спасенію, конечно, можно и должно, но приравливать возможность спасенія только къ извѣстному положенію не слѣдуетъ, ибо во всякомъ званіи и состояніи возможно и Господу поработать, и ближнему послужить, и Господь всѣмъ хочетъ спастися, и отъ Него, Всеблагаго, стопы человѣку исправляются... А посему старайся, человѣче, сочетать любовь къ Богу и любовь къ ближнему въ томъ званіи, въ коемъ состоишь, не откладывая дѣло спасенія до достиженія того положенія, въ которомъ, по твоему мнѣнію, тебѣ удобнѣе спастись. Въ томъ кругѣ, въ какомъ кто поставленъ, какъ бы кругъ сей ни былъ малъ, возможно подвизаться и творить благо въ славу Господа и въ пользу ближняго. Если ты, свѣтскій человѣкъ, иногда, по долгу твоего званія и занятія, не можешь удѣлить достаточно времени для молитвы, то не смущайся этимъ, а помнитуй, что и краткая молитва, отъ сердца творимая, доходна до Господа. Если, съ другой стороны, и иноковъ иной разъ смущаетъ затруднительность для нихъ дѣятельно служить ближнему дѣлами милосердія, то да помнитують сіи иноки, что и чинное, истовое совершеніе Богослуженія, и пѣніе умиленное, и наипаче всего деннонощная молитва о всѣхъ и за вся—уже сами по себѣ

составляютъ великое служеніе ближнему, ибо изливають елей цѣлительный душамъ христіанскимъ, скорбящимъ и плачущимъ, милости Божіей и помощи молитвенной требующимъ,—а сіе развѣ не есть служеніе благу ближняго? — Итакъ, да не смущается же сердце ваше, если малъ кругъ дѣланія вашего: работайте отъ всея души и отъ всего помышленія Господу, удѣляйте, что и какъ можете, и ближнему, *ищите же прежде всего царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѡ. 6, 33), т.-е. милостивый Господь устроитъ жизнь вашу такъ, какъ это болѣе благопотребно для вашего спасенія. Преподобный Маркъ всю жизнь провелъ въ тяжкихъ трудахъ, при мрачной обстановкѣ подземнаго житія и не тяготился сею жизнью, не ропталъ, не стремился къ иному лучшему житію, а все терпѣлъ и возлагалъ все упованіе на Господа, и Благій Мздовоздатель не посрамилъ сего упованія, и вѣнцемъ нетлѣнія и славы украсилъ вѣрнаго раба Своего... Такъ и намъ надлежитъ расположиться, — быть довольными своею обстановкою, и при данныхъ сей обстановки довольствоваться скромнымъ дѣланіемъ, выпавшимъ на нашу долю, памятуя, что не количествомъ, а качествомъ измѣряются дѣла наши Господомъ, и что подлежимъ гнѣву Божію, если малый «талантъ», намъ данный, не употребимъ въ дѣло, а зароемъ въ землю...

Потщимся-же, примѣромъ блаженнаго Марка поощряемые и святыми его молитвами подкрѣпляемые, теши указаннымъ намъ отъ Господа путемъ, употребимъ въ благо дарованный намъ хотя бы самый малый «талантъ», никогда не забудемъ, что и за *скромное дѣланіе*, при смиренномъ сознаніи своего ничтожества, своей никуда негодности, бываетъ велия награда на небесахъ.

А. Зеландъ.

ИНТЕРЕСНАЯ ВСТРѢЧА.

„Все, вездѣ въ единой власти:
Богъ надъ всѣмъ, и Имъ однимъ
Въ дни удачъ, и въ дни напасти
Правовѣрный миръ хранимъ“.

Стахъевъ.

Въ водоворотѣ нашей бурной, полной превратностей и неожиданностей, жизни, когда нервы ко всему окружающему притупились и не въ состояніи возымѣть должное впечатлѣніе, иногда бываютъ обстоятельства, гдѣ въ самой обычной обстановкѣ, самый безъискусственный рассказъ простого человѣка въ силахъ произвести неизгладимое впечатлѣніе и заставить сильно задуматься надъ рисуемыми въ этомъ рассказѣ явленіями, надъ будущностью ихъ, затѣмъ невольно проникнуть какъ бы внутрь самого себя, другими словами, почистить свой внутренній міръ и твердо остановиться на вполне ясномъ сознаніи, что безъ Бога, какъ говоритъ пословица, ни до порога, а съ Богомъ хоть за море, чтò къ глубокому сожалѣнію совершенно игнорируется современными людьми, которые, забывая Создателя всего окружающаго и единственнаго Путеводителя ихъ жизни, стараются только своими собственными силами устроить свое благополучіе.

16 сентября, въ ясный, холодный день, я отправился изъ Кашина въ Корчеву, по дѣламъ своихъ довѣрителей. Чтобы сѣсть на пароходъ мнѣ пришлось проѣхать 12 верстъ по убійственно скверной дорогѣ, и я, порядочно утомленный

и прозябшій, доѣхалъ, наконецъ, до пристани. Не знаю, какъ на кого, но на меня лично осенняя, умирающая природа, несмотря на свѣтящее ярко солнце, производить тяжелое впечатлѣніе. Невольно приходитъ сравненіе съ людьми и Творцомъ ихъ: какъ солнце свѣтитъ ярко, ласково, а въ то же время холодъ, все желто и уныло, такъ и Господь всѣхъ любитъ, обо всѣхъ заботится, а люди погрязли въ нищетѣ, порокахъ и безпробудномъ пьянствѣ. Отчего? Отъ самихъ себя, такъ какъ забыли волю Творца ихъ, никого и ничего не любятъ, и совершенно извратили весь смыслъ и назначеніе своей жизни. Вотъ, когда я такъ думалъ, въ пассажирскую комнату пристани, вошла среднихъ лѣтъ женщина, опрятно, по деревенски, одѣтая, въ большомъ сѣромъ платкѣ, съ добродушнымъ чисто русскаго типа лицомъ. Взглянувъ на нее пристально, я не могъ не замѣтить особаго выраженія въ ея лицѣ: глаза свѣтились какою-то скрываемою въ тайникѣ души радостью, какимъ-то спокойствіемъ и рѣдко наблюдаемымъ добродушіемъ; было замѣтно, что она всматривается въ меня и хочетъ что-то спросить, посоветоваться, или просто поговорить о чемъ-то, сильно ее интересующемъ. Наблюденія мои оказались вѣрными, такъ какъ не прошло и минуты, какъ она заговорила: «Вы изъ Кашина?» — «Да». «А что я, баринъ, вамъ хочу сказать: я только что проводила на томъ пароходѣ, къ себѣ на родину, во Владимірскую губ., Царицу Небесную, которую мнѣ написали у васъ въ монастырѣ». Я, зная, что въ Кашинскомъ монастырѣ отнюдь не пишутъ такъ хорошо образа, чтобы стоило ихъ заказывать пріѣзжимъ издалека людямъ, спросилъ ее, почему именно она заказала писаніе образа въ Кашинѣ, когда на родинѣ у нея могли бы написать и лучше и дешевле. «Нѣтъ, отвѣтила она, хорошо написали, такъ хорошо, что я и сказать не умѣю, скорбный, скорбный ликъ, такой я давно добивалась, а какъ освятили ее, Матушку, такъ личико-то у Нея и засіяло, словно солнышко. Батюшка монастырскій, отецъ Василій, и то

спросилъ, гдѣ же это писали образъ, а когда ему объяснили, что у нихъ въ монастырѣ, то и вѣрить не хотѣлъ: «нѣтъ, у насъ такъ хорошо не напишутъ», сказалъ онъ». «Сколько же вы заплатили», спросилъ я. — «100 рублей, да и то пришлось мужу-то сказать, что половину-то пожертвовали». Во все время разсказа неудержимыя слезы такъ и катились изъ глазъ этой женщины, и было видно, что это слезы не истрепаннаго нервами челоуѣка, когда для появленія ихъ достаточно самаго ничтожнаго повода, а искреннія, чистыя, за что-то благодарныя, слезы глубоко вѣрующаго, благословляющаго свою судьбу, челоуѣка; самый разсказъ часто прерывался словами: «нѣтъ, баринъ, хорошо жить на этомъ свѣтѣ!»

Я очень заинтересовался личностью этой доброй женщины и исторіей столь дорогаго ей образа, и вотъ что я отъ нея услышалъ: родина ея — Владимірская губернія, верстахъ въ 45 отъ пристани Пучежь, названіе села не помню, живетъ она съ мужемъ, и занимаются они мелкой торговлей полотнами, сарпинками, платками, странствуя по городамъ, гдѣ бываетъ ярмарка; каждагодно они бываютъ и въ Кашинѣ, въ великопостную ярмарку, а въ настоящее время только что возвратились съ Нижегородской. Мужъ проѣхалъ въ Кимры, а она заѣхала въ Кашинъ за образомъ, отправила его въ деревню, на родину, сама же ѣдетъ къ мужу также въ Кимры, торговать на предстоящей тамъ Покровской ярмаркѣ. Дѣтей у нихъ нѣтъ, а за деревенскимъ домомъ наблюдаетъ ея престарѣлый, 78-лѣтній отецъ. «Хорошій онъ у меня, баринъ, старикъ: даромъ что скоро 80 лѣтъ, а за поясъ заткнетъ всякаго молодаго, легкій старикъ, такъ и бѣгаетъ, всѣ зубы цѣлы, а самъ бѣлый, чистый, словно рѣпка вымытая. Да вотъ, что я вамъ скажу: во всю свою жизнь онъ куска мяса не съѣлъ и глотка чаю не выпилъ, — грѣхъ, говоритъ, бѣса тѣшить, и все Богу молится, да ходить дороги чинить. Возьметъ топорикъ и пойдетъ далеко, далеко; какъ гдѣ увидитъ плохая дорога, сейчасъ и поправитъ; ужъ и любятъ его

за это мужики! А то сидить, сидить, да какъ залететь слезами. «Что, что ты дѣдушка, объ чемъ?» «Да, что, матушка, людей на свѣтѣ не стало, повсюду какая ложь!»— «А дѣти у васъ есть?» спросилъ я? «Нѣтъ, были двое, да Господь прибралъ ихъ. Много я, баринъ, перенесла въ жизни. Одинъ разъ, эдакъ, уѣхали съ мужемъ торговать; прѣзжаемъ, анъ все до тла сгорѣло, а застраховать-то домъ не успѣли, всего какихъ-нибудь три дня и пропустили сроку-то. Теперь слава Богу, Царица Небесная помогла, опять выстроились и деньжонки есть, немного, а тыщенки двѣ есть, и слава Богу». Крестится, и снова неудержимыя слезы текутъ изъ ея глазъ. Я снова перевелъ разговоръ на образъ и узналъ, что написанный ей въ монастырѣ образъ—Казанской Божіей Матери. На вопросъ, почему именно она заказала образъ Казанской Божіей Матери, она замаялась, а потомъ: «никому не говорила, а ужъ вамъ скажу, знаю что вы добрый, надо мной не посмѣтесь». Лѣтъ 5 тому назадъ, она, по обыкновенію, торговала со своимъ мужемъ на Нижегородской ярмаркѣ. Проходя случайно мимо одного магазина съ церковной утварью и образами, она увидѣла, выставленнымъ въ окнѣ, большаго размѣра, образъ Казанской Божіей Матери, который произвелъ на нее неотразимо сильное впечатлѣніе: ликъ Богоматери и Младенца Спасителя, по ея словамъ, настолько врѣзались ей въ память, что и днемъ и ночью этотъ образъ какъ бы стоялъ передъ ея глазами, а вромѣ того явилось непреодолимѣйшее желаніе пріобрѣсти его во что бы то ни стало. Справившись о цѣнѣ, она узнала, что образъ этотъ, въ серебряно-вызолоченномъ кѣптѣ, стоитъ 100 руб., — сумма, по ея средствамъ, для покупки, немисливо высокая. Тѣмъ не менѣе, она стала упрашивать своего мужа, позволить ей занять гдѣ-нибудь денегъ и непременно купить его. Мужъ ея, очень расчетливый и строгій, конечно, и слушать объ этомъ не хотѣлъ, и все, чѣмъ могла себя немного утѣшить бѣдная женщина, это урывкомъ пройти мимо

магазина и полюбоваться на него. «Такъ прошла ярмарка, говорить она, торговали мы плоховато, а когда вернулись домой, надъ нами разразилась та бѣда, о которой я вамъ говорила, а именно сгорѣлъ, со всѣмъ имуществомъ, нашъ домъ; горе и отчаяніе ихъ не поддавались описанію, а я, говорить рассказчица, все время упорно думала, что это Матушка Царица Небесная наказываетъ насъ за то, что мы не купили этотъ образъ. Послѣ пожара мужъ ея сдѣлался еще расцѣтливѣе и буквально жадничалъ каждой свободной минутой возможности торговать. Такъ, когда они пріѣхали въ Хотьково, мужъ не дозволилъ ей даже помолиться у обѣдни, а на скоро отправилъ ее съ товаромъ торговать. Она положила узелъ на ручную телѣжку, которую и поставила около паперти, а сама отправилась все-таки въ церковь, но не имѣла возможности пройти въ самый храмъ, а молилась всю обѣдню около притвора, не упуская изъ глазъ и свой товаръ. Только что кончилась обѣдня, какъ выходившія изъ церкви монашенки обратили вниманіе на ея телѣжку и спросили, чѣмъ она торгуетъ. Когда она отвѣтила, что полотнами и платками, онѣ ей сказали: «погоди, мы скажемъ матушкѣ и казначейшѣ, не покупать ли онѣ чего-нибудь». «Повѣрите ли, баринъ, не прошло и 2 часовъ, какъ у меня раскупили въ монастырѣ весь товаръ, и я выручила 140 рублей сразу, когда другой разъ за цѣлый день не выторгуешь 4-хъ, 5-ти рублей; мужъ вѣрить не хотѣлъ, но за то съ тѣхъ поръ прямо переродился и всегда самъ посылаетъ меня въ церковь: «ступай, тебѣ подастъ Господь, помолись, а я ужъ поторгую самъ». Пріѣхавъ на слѣдующій годъ на Нижегородскую ярмарку, она первымъ долгомъ отправилась въ тотъ магазинъ, гдѣ былъ ея любимый образъ, и, къ удивленію своему и радости, увидѣла, что онъ выставленъ на томъ же мѣстѣ. Неудержимое желаніе пріобрѣсти его снова обуяло ее со всею силою, снова она стала упрашивать купить его, но мужъ и слушать не хотѣлъ. «Вотъ и стала я, говорить она, тосковать и

думать, хоть бы кто кіоту-то купилъ съ нея, тогда ужъ можно купить одинъ то образъ. За дѣлами я какъ-то забыла объ образѣ и не видѣла его недѣли три, потомъ вдругъ вижу сонъ, что на меня спускается сверху этотъ образъ безъ кіота и кто-то говоритъ: «вотъ бери меня теперь, я не одѣта». «На утро же я бросилась въ этотъ магазинъ, и, къ удивленію своему, вижу, что образъ на томъ же мѣстѣ, но уже безъ кіота; оказалось, что кіотъ купили какія-то монашенки, и что образъ теперь стоитъ 50 р.». Она поспѣшила къ мужу и стала умаливать его, купить ей его, но онъ и руками замахалъ. Дѣйствительно, говоритъ она, въ тотъ годъ и купить-то было ужъ очень трудно: послѣ пожара они не оправились, а торговля шла очень плохо, такъ что самимъ только хватало на хлѣбъ. «Горько мнѣ было, тяжело, но подѣлать ничего не могла!» Къ самому концу ярмарки дѣла пошли такъ хорошо, что и мужъ былъ не противъ покупки, и вотъ она рѣшила купить образъ, взяла 50 рублей и, съ радостью, побѣжала въ магазинъ, но образъ былъ уже купленъ. «Я такъ и залилась слезами! Кто его купилъ не знаю». Съ того года дѣла ихъ пошли все лучше и лучше, и «теперь, баринъ, плача, сказала женщина, мы живемъ въ большемъ достаткѣ, снова хорошо выстроились, да и деньжонокъ отложили 2000; одну тысячу мы пожертвовали на строящійся у насъ храмъ, а я съ тѣхъ поръ все розыскивала образъ съ такимъ ликомъ, какъ тотъ, и рѣшила вотъ въ Кашинѣ заказать знакомой монашенкѣ».

Въ это время вошелъ пристанщикъ и сказалъ, что подходитъ пароходъ, и я простился съ этой женщиной.

Сѣвши на пароходъ, я задумался надъ безыскусственнымъ рассказомъ этой простодушной женщины и невольно пришелъ къ заключенію, что она вполне ясно понимаетъ смыслъ и назначеніе своей трудовой жизни, довольствуясь вполне тѣмъ, что ей даетъ Господь, а лишнее не скупится жертвовать, да еще такъ щедро. Вотъ если бы наши богачи, берегущіе свое богатство только для сознанія, что

они богаты, не живущіе сами и не дающіе жить другимъ, почаще вдумывались въ настоящій смыслъ жизни, то и сами были бы гораздо счастливѣе и облегчали бы чужое несчастіе. Какъ они не могутъ понять, что Господь имъ далъ богатство, но моментально можетъ и отнять у нихъ его? Правъ ея отецъ, который плачетъ о томъ, что не стало хорошихъ людей на свѣтѣ, и что кругомъ одна ложь. Слезы его, какъ цѣльной, неиспорченной природы,—яркій, благородный протестъ противъ современной порочности людей. Онъ, какъ и дочь его, не представляющіе себѣ возможности жить какимълибо инымъ путемъ, какъ съ Богомъ и по Его святой волѣ, тысячу разъ правѣе всѣхъ тѣхъ, которые подъ громкими, трескучими фразами устроенія чужого, якобы, благополучія, погрязли въ личномъ своемъ эгоизмѣ, — и въ лучшемъ случаѣ ничего кромѣ фразъ этихъ не даютъ; а въ худшемъ, забывъ о томъ, что они люди, созданные по образу и по подобию Божію, подъ флагомъ моднаго слова «экспропріація», грабятъ и убиваютъ на право и на лѣво.

Часъ, проведенный въ обществѣ женщины, смѣло пожертвовавшей половину добытыхъ собственнымъ трудомъ денегъ на построеніе храма, въ ясномъ и твердомъ сознаніи, что всякое благополучіе зависитъ лишь отъ Бога и Его святой воли, доказалъ мнѣ, что есть на свѣтѣ люди, которые понимаютъ смыслъ и назначеніе жизни, и которые порою не прочь омыть чужую грязь своими собственными слезами.

Князь Н. Кулунчаковъ.

Г. Кашинъ.

ЧАША СКОРБИ—ЧАША РАДОСТИ.

*Чашу юже даде ми Отець не
имамъ ли пити ея? (Иоан. 18—11).*

Ту чашу, что мнѣ подается
Рукой небеснаго Отца,
Хоть до краевъ она палется
Не выпью ль всю я до конца?

Не выпью ль я безъ колебанья
Не отрываясь всю до дна,
Забывъ о горечи страданья,
Лишь помня, Кѣмъ она дана!

Не выпью ль всю, не отвращая
Отъ нея усть, съ одной мольбой,
Чтобъ *Его* воля всесвятая
Одна свершалась надо мной!

Вѣдь чаша эта подается
Любвеобильнѣйшей рукой
Отца щедроть,—да духъ спасется
И возвратится въ свой покой!

И отверзаетъ эта чаша
Врата въ чудесный тотъ чертогъ,
Гдѣ ждетъ насъ «Жизнь и Радость наша»
Христось Спаситель нашъ и Богъ.

И горькой кажется та чаша,
Лишь до тѣхъ поръ пока вконецъ
Не покорится воля наша
Тому, что хочетъ нашъ Творецъ.

Когда жъ всецѣло наша воля
Сольется съ волею Его,
Тогда земная наша доля
И все что намъ нести дано

Не будетъ бременемъ тяжелымъ
На насъ лежать и насъ давить;
Но съ духомъ бодрымъ и веселымъ
Мы, слава Бога, будемъ жить.

Тогда узнаемъ желчи сладость,
Устами жадно къ ней прильнемъ,
И чашу черплющую радость
Мы въ чашѣ горести найдемъ!

Авторъ: Молитва Сурофиникіанки, «День Трапезы», «Божіе посещение» и проч.

СЧАСТЬЕ И ХРИСТИАНСТВО ¹⁾.

Трудно ли понимать Священное Писаніе?

Въ настоящее время нѣкоторые, начавъ заниматься Библіею, послѣ поверхностнаго изученія, приходятъ къ тому выводу, что она не заслуживаетъ ихъ вниманія: Библия имъ кажется несвоевременной, скучной, непонятной. Несмотря на то, что это мнѣніе раздѣляютъ прогрессивные богословы,—безпрерывно появляются новыя изданія, переводы и комментаріи на Св. Писаніе. А вѣдь, по возвращенію самихъ же прогрессивныхъ богослововъ, Библия написана пастухами, рыболовами и ремесленниками для простецовъ и несовершеннолѣтнихъ, для дѣтей и непросвѣщенныхъ, а не учеными—для ученыхъ.

Уже Лютеръ предостерегалъ относительно сомнительныхъ и темныхъ мѣстъ Писанія: «если»,—говорилъ онъ,—«кто будетъ разубѣждать васъ въ истинѣ Писанія и говорить: должно помнить изреченіе отцовъ о томъ, что Писаніе темно,—то вы отвѣчайте: это неправда, такъ какъ на землѣ не написано другой болѣе ясной книги, кромѣ Св. Писанія; оно предъ другими книгами, какъ солнце предъ другими свѣтилами. Правда, нѣкоторыя мѣста Писанія темны, но въ этихъ мѣстахъ нѣтъ ничего такого, что въ другихъ мѣстахъ не раскрывалось бы яснымъ и понятнымъ языкомъ. Еретики обычно стараются понять темныя мѣста по своему и эти своеобразно понятыя мѣста вы-

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую кн. *Духи. Чт.* 1907 г.

ставляютъ въ качествѣ противорѣчащихъ положеній противъ ясныхъ выраженій и основаній вѣры... Но если уже есть темныя мѣста, то совершенно нѣтъ мѣстъ сомнительныхъ; всякая истина, неясная въ одномъ мѣстѣ, вполне открыта въ другомъ, и кто не можетъ постигнуть истину въ темнотѣ, тотъ увидитъ ее при свѣтѣ».

Но почему многіе не читаютъ Библіи или если читаютъ, то не понимаютъ? Потому, что они не хотятъ вѣрить, а, слѣдовательно, и не могутъ вѣрить. Когда они читаютъ о твореніи, сохраненіи и управленіи міра, то сейчасъ же начинаютъ припоминать различныя теоріи объ образованіи вещей, выставляемыя философіей, — объ атомахъ, которыхъ никто не видалъ, Канто-Лапласовскую теорію образованія солнечной системы, естественные законы, измышленные естествоиспытателями, — догматы сохраненія матеріи и силы, — или положенія вродѣ слѣдующихъ: «изъ ничего не бываетъ ничего», «нѣтъ ничего чудеснаго» и тому подобныя общія положенія, которыя наука считаетъ логически необходимыми, но которыя ничего не доказали и доказать не могутъ, — но въ Бога такіе люди не могутъ вѣрить, точно такъ же, какъ не могутъ вѣрить Его обѣтованіямъ и прещеніямъ. Когда они читаютъ, что только немногіе избраны, что эти немногіе должны отдѣлиться отъ тѣхъ, которые держатся ложныхъ взглядовъ, то ихъ разумъ говоритъ имъ: должно по возможности большинство удержать въ церкви и всѣхъ привести къ вѣрѣ... Когда они слышатъ о своей грѣховности, то возмущаются... Поэтому они не признаютъ Искупителя, между тѣмъ какъ содержаніемъ и цѣлью всего Писанія служить лишь одно освобожденіе отъ грѣха и проклятія. Все, что въ Писаніи представляется яснымъ, имъ кажется несоответствующимъ ихъ взглядамъ, все же, что въ самомъ корнѣ разрушаетъ ихъ ученія, самыми энергичными усиліями и трудами сводится къ нулю; въ концѣ концовъ, они совершенно отстраняютъ отъ себя Библію. И если бы они даже стали христіанами, то признавали бы пра-

вильными только такія объясненія, проповѣди и благочестивыя размышленія, которыя представили бы имъ твореніе, какъ образованіе міра изъ перво-матеріи, чудо какъ явленіе въ границахъ естественныхъ законовъ, добро и зло, какъ переходящія понятія, освобожденіе отъ грѣха, какъ дѣло самого человѣка. И чѣмъ болѣе ихъ разумъ коснется въ такомъ заблужденіи, тѣмъ ненавистнѣе и непонятнѣе становится имъ Писаніе. Разумъ человѣка настолько непросвѣщенъ, ослѣпленъ и омраченъ, что, несмотря на чтеніе и вниманіе просвѣщенныхъ и ученыхъ людей къ евангелію о Сынѣ Божіемъ и обѣтованію вѣчнаго блаженства, человѣкъ не можетъ ни принять, ни усвоить, ни понять Слово Божіе, ни тѣмъ болѣе увѣровать и признать его за истину. Если же человѣкъ начинаетъ прилагать особенное усиліе и вниманіе и пожелаетъ усвоить духовные предметы своимъ разумомъ, то онъ еще меньше начинаетъ понимать и вѣрить, склоняясь къ тому убѣжденію, что все это безуміе и выдумки. «Естественный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14). Когда міръ своею мудростью не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу юродствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ» (1 Кор. 1, 21; 1 Кор. 1, 18; 2, 4. 3 f. Eph. 4, 18).

Только истинно вѣрующіе, которые сознали свою грѣховность и чрезъ вѣру получили оправданіе и прощеніе своихъ грѣховъ по одному только неизреченному милосердію Божію, понимаютъ Писаніе, и чѣмъ болѣе они стараются уразумѣть его, тѣмъ сильнѣе становится ихъ вѣра. Они знаютъ, что имъ прощены всѣ ихъ грѣхи, что въ нихъ нѣтъ ничего достойнаго осужденія, что Богъ желаетъ имъ только добра, и они счастливы въ этомъ своемъ упованіи. «Тайна Господня у тѣхъ, кто боится Его» (Пс. 24, 14). «Тайна Господня у праведниковъ» (Притч. 3, 32). «Богъ открылъ намъ тайну своей воли по своему благоволенію»

(Еф. 1, 9). Теперь же мы ходимъ върною, а не видѣніемъ; знаемъ лишь отчасти и пророчествуемъ отчасти. Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познаю» (1 Кор. 13, 12).

«Буква мертвить, а духъ животворить».

Эти слова объясняются въ томъ смыслѣ, что будто бы буква писанаго Слова Божія мертва, напротивъ, животворный Духъ есть высшая истина, которая заключена въ буквахъ, какъ духъ въ тѣлѣ, которая еще должна быть найдена, а найдена она можетъ быть только тогда, когда не привязываются рабски къ буквѣ. Однако, изъ той связи, въ которой употребляетъ эти слова ап. Павелъ (2 Кор. 3), ясно, что мертвящая буква, это—законъ, за нарушение котораго въ Ветхомъ Заветѣ назначалась смерть; а животворящій духъ — это евангеліе, которымъ живутъ всѣ върующіе въ него (Римл. 1, 17; 3, 21).

Совершенно безразсудно противопоставлять духъ и букву въ томъ смыслѣ, какъ это принято въ мірѣ. Духъ можетъ быть выраженъ только въ буквахъ, изъ которыхъ составляются слова, и Христосъ Самъ ясно высказался въ этомъ смыслѣ. «Слова, которыя Я говорю», сказалъ Онъ, «духъ и жизнь» (Іоан. 6, 63). Точно также о проповѣди своихъ учениковъ Онъ сказалъ: «слушающій васъ, слушаетъ Меня». Всѣ лжеучители, и въ особенности паписты, производятъ рѣзкое различіе между духомъ и буквою, сами не зная, что говорятъ или что утверждаютъ. На мѣсто ненавистнаго ихъ разуму благовѣстія, которое въ Св. Писаніи проповѣдуется въ ясныхъ словахъ, они выставляютъ положенія своего разума: своего Бога, добродѣтель и безсмертіе, свободную волю, самоопредѣленіе, нравственную дѣятельность и добрую волю, словомъ на мѣсто Евангелія поставляютъ религію естественнаго человѣка: считая

свои, несогласные съ Писаніемъ, догматы ясными и понятными, они подвергаютъ критикѣ ученіе Писанія. Но такъ какъ даже поверхностное разсмотрѣніе такихъ догматовъ разума показываетъ, что они страдаютъ неясностью и непоследовательностью, то лжеучители обычно присоединяютъ другіе догматы. И это они именуютъ исцаніемъ истины, свободными изслѣдованіями, свободнымъ пониманіемъ. Но отречшіеся отъ словъ Христа и Его учениковъ никогда не бываютъ единомысленны, за исключеніемъ единомыслія въ одномъ—въ борьбѣ съ тѣми, которые настолько преданы каждому божественному Слову, что каждое уклоненіе отъ Писанія считаютъ важнымъ заблужденіемъ.

Также отвергаетъ Слово Божіе и ученіе Христа тотъ, кто возстаетъ противъ «догматическихъ формулъ», кто не желаетъ, чтобы христіанское ученіе было «опредѣлено догматически». Такіе лица исходятъ изъ того положенія, что Слово Божіе и ученіе Христа сами суть формулы, равно какъ и всѣ разрѣшенія и запрещенія Слова Божія, а также и такія положенія, какъ «Я и Отець едино суть», «кто видитъ Меня, видитъ Отца», «Я во Отцѣ и Отець во Мнѣ»... Однако это не болѣе какъ преувеличеніе. Возстающіе противъ христіанскихъ догматовъ сами употребляютъ много формулъ, большею частью не опредѣляя точно ихъ смысла. Что значать, напр., такія выраженія, какъ «близкій къ Богу», исполненный духа, міровой законъ, естественный законъ, естественная организація, идеализація демократіи, аристократіи, образованіе и т. д.? Даже подъ самыми основными понятіями: «Богъ, Сынъ Божій, Христосъ» каждый разумѣетъ то, что ему желательно, но только не то, что соединяетъ съ этими понятіями Библия. Но кто думаетъ, что необходимо сдѣлать Божественное ученіе приемлемымъ для разума, тотъ долженъ знать, что первымъ требованіемъ догматики является не пониманіе, а согласіе съ Свящ. Писаніемъ. «Здравый» человѣческій разумъ нисколько не помогаетъ вѣрѣ, наоборотъ, онъ от-

клоняеть отъ вѣры, когда человѣкъ хочетъ не увѣровать, а понять и уразумѣть то, что представляется для людей непонятнымъ.

Библия не такая книга, которая своимъ источникомъ имѣеть разумъ и человѣческую мудрость. Юристы и поэты исходятъ отъ разума и при его помощи могутъ быть поняты. Но Моисей и ученіе пророковъ не основываются на разумъ и человѣческой мудрости. Поэтому, кто задается цѣлью понять Моисея и Писаніе съ помощью одного разума и разсматривать Писаніе наравнѣ съ тѣми книгами, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны одному лишь разуму, тотъ лишь удалится отъ Моисея и Писанія.

Чтеніе Библии и молитва дѣло христіанъ, какъ чтеніе романовъ и юмористическихъ произведеній—занятіе франтовъ.

Слово Божіе есть единственный свѣтъ, который проясняетъ темноту нашего сердца, открывая намъ наше грѣховное рабство и указывая выходъ изъ него. Свящ. Писаніе это новый небесный міръ, въ которомъ живетъ и движется христіанская душа и въ которомъ она находитъ Бога и Христа, своего Пастыря. Слово Божіе есть единственно вѣрный, надежный и твердый мечъ духовный, который сокрушаетъ стрѣлы нечестивыхъ и рѣзко раздѣляетъ истину отъ лжи, божественное отъ человѣческаго, доброе отъ злого.

Системы богослововъ, ученія философовъ, теоріи ученыхъ забываются, какъ облака, проходятъ и исчезаютъ; Слово же Божіе пребываетъ вѣчно.

Имѣеть ли человѣкъ свободную волю?

Что человѣкъ имѣеть свободную волю—это догматическая истина, которая въ настоящее время страстно защищается какъ богословами, такъ и не-богословами. Тѣмъ не менѣе на опытъ каждый ежедневно приходитъ къ убѣжденію въ томъ, что границы для свободной воли

человѣка слишкомъ узки, такъ узки, что нѣкоторые фило-софы склоняются къ отрицанію свободной воли. Мате-риализмъ учить (по Фейербаху и Мошотту), будто, подобно тому, какъ фунціей мускуловъ является сокра-щеніе, какъ почки отдѣляютъ мочу, такъ и мозгъ поро-ждаетъ мысли, стремленія и чувства. Какъ мозгъ не самъ даетъ себѣ форму, но, въ зависимости отъ внѣшнихъ влияній, оказывается всегда лишь необходимымъ продук-томъ причинъ, такъ и воля есть будто бы лишь необхо-димое обнаруженіе извѣстнаго состоянія мозга, обуслов-леннаго извѣстными внѣшними факторами. Свободной воли не существуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ни отвѣтствен-ности, ни вмѣняемости. Человѣкъ—сумма родителей и нянекъ, мѣста и времени, пищи и одежды, рѣчей и мол-чанія, счастливыхъ обстоятельствъ и неудачъ—эти всѣ условія суть будто бы необходимыя естественныя явленія изъ необходимыхъ причинъ. Человѣкъ ни на секунду не господитъ ни надъ самимъ собой, ни надъ своимъ раз-умомъ, ни надъ своими силами. О Богѣ думать нечего; другой—загробной жизни нѣтъ... Ясно, что здѣсь имѣются въ виду не строго обоснованныя положенія, а гадательныя гипотезы, которыя не находятъ подтвержденія въ жизни. Да притомъ даже и тѣ, которые отрицаютъ самоопредѣ-леніе человѣка, своими поступками показываютъ, что поль-зуются свободной волей и такимъ образомъ фактически признаютъ то, что въ теоріи отрицаютъ. Каждый душевно-здравый человѣкъ имѣетъ самосознаніе, сознаніе свободы, испытываетъ чувство удовлетворенія или наоборотъ муче-ніе, и его совѣсть показываетъ ему, что онъ отвѣтственъ за все сдѣланное имъ, что могъ бы поступить иначе, чѣмъ поступилъ.

Также ложно утвержденіе: «что Богъ хочетъ, то и совершаетъ въ человѣкѣ». Въ такомъ случаѣ человѣкъ не былъ бы отвѣтственъ за свои поступки, но тогда онъ не былъ бы и человѣкомъ, а просто механической машиной и оказался бы въ ряду животныхъ.

На свободѣ дѣйствій, на различеніи между добромъ и зломъ, вѣрой и невѣріемъ основывается всякая нравственность, міровой порядокъ покоится на свободѣ воли, Царствіе Божіе также вполнѣ и всецѣло утверждается на свободѣ человѣка. Словомъ, человѣкъ—нравственно свободная личность.

Вопросъ о томъ, одаренъ ли человѣкъ свободной волей или нѣтъ, рѣшается различно по той причинѣ, что приверженцы двухъ противоположныхъ воззрѣній оказываются или односторонними, или непоследовательными. Сами матеріалисты, отрицая въ теоріи свободную волю, на практикѣ пользуются ею. Но съ другой стороны и свободная воля должна имѣть извѣстныя границы, такъ какъ человѣкъ, по своему ограниченному разуму, не можетъ знать всѣхъ условій своей дѣятельности.

Говорить, что воля не свободна, значитъ тоже, что сказать, что есть тепло безъ тепла.

Есть еще вопросъ, касающійся свободы воли въ религіозныхъ вещахъ,—это вопросъ: что есть человѣкъ и его воля предъ Богомъ, имѣетъ ли онъ и, если имѣетъ, то какую самостоятельность — можетъ ли онъ увѣровать при однѣхъ своихъ силахъ, возродить себя, начать добрая дѣла и добрую жизнь и т. п. Если бы человѣкъ это могъ, то онъ былъ бы самъ себѣ Богъ—и потому—безбожникъ. Однако Писаніе говоритъ, что человѣкъ не въ состояніи однѣми своими силами побороть грѣхъ, что всякое возрожденіе есть новое твореніе, такое же чудо, какъ и первое твореніе. Если невѣрующій скажетъ: «я хочу вѣрить», то онъ долженъ, если только хочетъ быть честнымъ, добавить: «я могу не вѣрить Слову Божію; я могу вообще не вѣрить». И никакой истинно вѣрующій не можетъ сказать о себѣ: «въ такой-то и такой-то день я преодолѣю всѣ препятствія, въ такой-то и такой-то часъ рѣшусь увѣровать и съ тѣхъ поръ увѣрую». И невѣрующій, который считаетъ вѣру за дѣло свободной воли человѣка, можетъ попытаться увѣровать въ истину Пи-

савія, на которую его разумъ смотритъ какъ на незаслуживающую вѣры, но онъ увидитъ, что здѣсь ничего не значить одна добрая воля. Только того Богъ приметъ, кого Сынъ сдѣлаетъ свободнымъ: «безъ Меня не можете дѣлать ничего» (Рим. 15, 5).

Недостаточно, если кто скажетъ: «я хочу вѣрить», а не сможетъ этого сдѣлать; это будетъ лицемѣріе, какъ если бы кто сказалъ: «я возвращу тебѣ долгъ черезъ 8 дней», хотя самъ знаетъ, что тогда для него еще труднѣе будетъ это сдѣлать, чѣмъ теперь, потому что долги еще болѣе нарастутъ, а доходовъ не будетъ. Какъ человѣкъ по паденіи лишился не разума, а только свѣта въ разумѣ, такъ лишился онъ и не воли, а только ея добраго направленія и силы осуществлять свою волю, которую онъ имѣлъ до паденія, когда его воля была согласна съ Волей Божественной.

Воля невозрожденнаго человѣка не только удаляетъ его отъ Бога, но и дѣлаетъ его врагомъ Божиимъ, такъ какъ онъ склоняется только ко злу и ко всему, что не угодно Господу. Плотское враждебно Богу, потому что оно не покоряется закону, да оно и не можетъ сдѣлать этого. Смертный человѣкъ не въ состояніи ни оживить себя для тѣлесной жизни, ни возстановить для духовной жизни. Писаніе говоритъ: «мы были умерщвлены грѣхомъ, но Христомъ оживлены».

Неврожденный естественный человѣкъ грѣшитъ всегда: онъ можетъ только грѣшить и противиться Богу, будучи склоннымъ, какъ рабъ діавола, только ко грѣху. Однако такое направленіе человѣка не есть принудительное—оно только необходимое слѣдствіе его грѣховной природы, хотя Богъ создалъ его совершеннымъ. Человѣкъ самъ по своему самоопредѣленію внесъ растлѣніе въ свою природу—растлилъ свою природу добровольно, а не по принужденію. Этой злой волѣ Христомъ дано новое направленіе, и человѣкъ теперь можетъ желать добра и поступать правильно. Злую волю Богъ можетъ парализовать,

но человѣкъ обычно противится Ему, отклоняя себя отъ Него.

Только Богъ всегда желаетъ добра, и Его воля всегда направлена только къ добру; человѣкъ же хочетъ добра и дѣлаетъ добро только тогда, когда всецѣло повинуется Божественной волѣ. При этомъ желаетъ, дѣйствуетъ, конечно, человѣкъ, а не Богъ, но человѣкъ не одиными своими силами желаетъ и дѣйствуетъ, а все совершаетъ съ помощью Божіею. Богъ говоритъ: «совершайте свое спасеніе со страхомъ и трепетомъ», но Самъ знаетъ, «что Онъ только производитъ въ насъ хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволенію» (Филип. 2, 12—13).

Богъ далъ человѣку всеобъемлющее знаніе о всѣхъ духовныхъ и земныхъ предметахъ. Но человѣкъ преступилъ заповѣдь Божію, за что и наказанъ духовной смертію, въ которой пребываютъ всѣ невѣрующіе, хотя Христосъ по своему неизреченному милосердію указалъ людямъ выходъ изъ этого положенія,—выходъ, открытый и предложенный всѣмъ людямъ въ Его Словѣ. Поэтому Писаніе называетъ невѣрующаго врагомъ Бога, человѣкомъ мрака, мертвымъ во грѣхахъ (Еф. 2, 5; Кол. 2, 13). Но какъ тѣлесно мертвый не имѣетъ силы воскресить себя, такъ духовно-мертвый не можетъ подняться надъ своимъ невѣріемъ. Духовно-мертвый всегда противится Богу и самъ ничего не можетъ предпринять для возстанія отъ своей духовной смерти: возрождается духовно-мертвый только Самимъ Богомъ.

Обратитесь, покайтесь, вѣруйте..., что человѣкъ можетъ собственными силами сдѣлать это. Но такія и подобныя имъ слова это—требованія Бога къ людямъ, это—слова закона, а каждый знаетъ или можетъ понять, при нѣкоторомъ размысленіи, что никакой законъ не даетъ силы для исполненія его (Рим. 7, Гал. 3), что никакое требованіе не заключаетъ въ себѣ силы для осуществленія его. Это одинаково примѣнимо и къ земнымъ отношеніямъ. Гражданскій законъ требуетъ, чтобы должникъ уплатилъ

долгъ свой; но должникъ, ничего не имѣющій, не ставится *требованіемъ* уплаты въ такое положеніе, чтобы онъ оказался въ состояніи заплатить. Дѣвушка, которой родители приказали любить такого-то человѣка, можетъ, вопреки этому приказанію, даже при всей своей доброй волѣ, не слѣдовать приказанію, особенно если она любитъ другого. A mandato ad posse non valet consequentia, — изъ того, что человѣку что-либо приказано дѣлать, еще не слѣдуетъ, что онъ можетъ совершить то, что ему приказываютъ; а debito ad posse non valet consequentia, — изъ того, что человѣкъ обязанъ что-нибудь сдѣлать, не слѣдуетъ еще, что онъ въ состояніи сдѣлать. Если этому научаетъ опытъ въ земныхъ дѣлахъ, то почему не допустить подобнаго же и въ дѣлахъ духовныхъ?

Когда Господь говоритъ законнику: «такъ поступай и ты будешь жить» (Лук. 10), или богатому юношѣ: «если хочешь войти въ жизнь, соблюди заповѣди» (Мѣ. 19), то Онъ хочетъ привести того и другого къ сознанію, что они не могутъ исполнить закона; ибо только тѣ, которые признали эту свою неспособность, могутъ придти въ вѣрѣ, что Христосъ исполнилъ за нихъ всѣ заповѣди. Суровому слову закона, который требуетъ отъ насъ дѣла и обличаетъ въ томъ, что мы не можемъ исполнить Божественной воли, противоположно сладостное слово Евангелія, возвѣщающее намъ, что Христосъ все за насъ совершилъ и понесъ на себѣ наши грѣхи: «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ» (Мѣ. 11, 28),—зовъ, дающій вмѣстѣ и силы слѣдовать ему.

Что люди сами по себѣ ничего не могутъ, не хотятъ добра, не обращаются даже къ Богу, а только творятъ грѣхъ..., съ этимъ они никакъ не хотятъ согласиться; они не хотятъ быть безпомощными твореніями всемогущаго, вседѣйствующаго Творца, безконечную благодать, любовь и милосердіе Котораго они отвергли и не могли воспринять собственными силами. Они хотятъ также что-нибудь

сдѣлать для своего оправданія и спасенія; и если бы божественное слово допускало хотя бы даже самую малую долю такого самооправданія и собственнаго хотѣнія въ Бога, то были бы милліоны вѣрующихъ изъ среды тѣхъ, которые теперь искажаютъ и отвергаютъ слово Божіе, такъ какъ оно отрицаетъ свободу хотѣнія въ дѣлахъ вѣры. Самоизмышленная вѣра язычниковъ требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ самъ дѣлалъ то или иное для примиренія съ Богомъ, и даже только, чтобы онъ *хотѣлъ* самъ, собственными силами, вѣрить, вслѣдствіе чего вѣра становится уже нравственнымъ дѣломъ и дѣйствіемъ. Христіанство же отвергаетъ всякое содѣйствіе человѣка въ дѣлѣ его оправданія и основываетъ это оправданіе исключительно на удовлетвореніи, принесенномъ Христомъ.

Ученіе, что Божественная благодать дѣлаетъ *все* для нашего обращенія, чтобы наше спасеніе зависѣло не отъ нашей воли и нашей рѣшимости, не обладающей устойчивостію, — это ученіе даетъ намъ «отрадное утѣшеніе, что Богъ заботится объ обращеніи, оправданіи и спасеніи каждаго христіанина и постоянно промышляетъ о немъ, такъ что даже, прежде чѣмъ полагать основанія міра, Онъ уже держалъ совѣтъ объ этомъ и предопредѣлилъ, какъ привести меня къ сему и утвердить...; ибо вслѣдствіе слабости плоти нашей или же благодаря хитрости и насилію діавола и міра, эти блага могутъ быть легко потеряны, или вырваны и взяты изъ рукъ, и потому Богъ въ своемъ вѣчномъ планѣ, который не можетъ быть нарушенъ, опредѣлилъ отдать ихъ во всемогущія руки Спасителя, Іисуса Христа, *откуда насъ уже никто не можетъ похитить*» (Ів. 10, 28).

Страхъ и забота

сильно вредятъ вашему счастью; но ихъ основной причиной являются преимущественно вражда и отпаденіе отъ

Бога, недостатокъ упованія на Него, однимъ словомъ, грѣхъ противъ первой заповѣди.

Вѣрующій хорошо знаетъ и вѣруеть, что Богъ уничтожилъ его преступленія, какъ облако, очистилъ его отъ грѣха и простилъ ему всю вину, такъ какъ Христосъ принесъ за него удовлетвореніе, и Богъ это удовлетвореніе принялъ; но совершенно свободнымъ отъ страха и безпокойства онъ тоже не бываетъ. Очень многіе знаютъ, что Христосъ возбраняетъ всякую заботу (Мѡ. 6, 19—34); но они не обращаютъ вниманія на это, мучатся и безпокоятся въ теченіе своей жизни о пищѣ и одеждѣ, нарушаютъ и другія божественныя заповѣди, только чтобы не оказаться въ борьбѣ за существованіе позади другихъ, которые такъ дѣлаютъ. Почему же лишь немногіе возлагаютъ всѣ свои заботы на Бога, Который соблюдаетъ ихъ, какъ Свои творенія, имѣетъ въ очахъ Своихъ только лучшее и всѣмъ говоритъ при этомъ, что Онъ ихъ не оставитъ и не покинетъ? Конечно, не для того, чтобы не зависѣть отъ Бога, и не потому, что они вѣрують въ какую-то свою счастливую звѣзду и оказываются, такимъ образомъ, фаталистами, но—потому, что это божественная заповѣдь, которую падшій человѣкъ не можетъ собственными усиліями выполнить, такъ какъ воля его не согласуется съ волей божественной. Поэтому, даже требованій первой заповѣди ни одинъ человѣкъ не можетъ признать «совершенно свободно и добровольно», и вся исторія человѣчества оказывается не «развитіемъ свободной воли народовъ къ Богу», но возрастающимъ отпаденіемъ отъ Бога откровенія и увеличивающимся рабствомъ въ царствѣ бога міра сего, діавола. И эта брань между человѣкомъ и истиннымъ Богомъ не позволяетъ исчезнуть чувству страха, вины и безпокойства.

Богатство не предохраняетъ отъ заботъ, скорѣе рождаетъ заботы, даже и тогда, когда оно честно пріобрѣтено и безъ грѣха употребляется. Поэтому-то Господь такъ настойчиво и предостерегаетъ отъ богатства и со-

бирания сокровищъ (Мѡ. 6, 19). О богатствѣ заботятся и не спятъ (Сир. 31, 1; 1 Тим. 6, 9 слѣд.; Мѡ. 19, 23 слѣд.). Меньше заботъ имѣеть умѣренный, ибо «великое приобрѣтеніе»—быть благочестивымъ и довольнымъ (1 Тим. 6, 6). Кто добываетъ пропитаніе собственной работой и довольствуется этимъ, тотъ проводитъ спокойную жизнь (Сир. 40, 18). Къ этому приводитъ одна только праведная сила Бога, Который взываетъ къ намъ: ищите прежде Царства Божія и правды Его, и это все (въ чемъ вы нуждаетесь) приложится вамъ (Мѡ. 6, 33).

Такъ же мало могутъ уничтожить страхъ и заботы разныя забавы, развлеченія, потому что, если сердце скорбитъ, то не поможетъ никакое наружное веселье (Притч. 14, 10).

Есть только одинъ путь, чтобы надолго отогнать заботы: сознаніе виновности должно исчезнуть, враждебное чувство по отношенію къ Богу откровенія должно превратиться въ надежду и любовь къ Нему, цѣпи, держащія насъ въ рабствѣ у самозваннаго бога и князя міра сего, должны быть порваны; тогда исчезнетъ и забота, а страхъ уступить мѣсто покою и твердой увѣренности, которая позволяетъ намъ говорить: «съ нами можетъ случиться только то, что Самъ Богъ посылаетъ къ нашему благу».

Что можемъ мы теперь сдѣлать по отношенію къ сознанію виновности? Самообольщеніе — думать, будто мы сами отдаемъ себя во власть зла, будто зло имѣеть силу надъ нами, только потому что мы позволили ему властвовать. Мы легко можемъ избѣжать ядовитаго воздуха комнаты, но только не зла, мы даже не можемъ захотѣть избѣжать, потому что мы люди, т.-е. ни разумъ, ни философія, ни другая какая наука, совершенно не знаютъ, что такое зло. Увѣщанія вродѣ: «не допускай возникновенія чувства виновности въ твоей жизни! ты не связанъ необходимостью, ты можешь иначе»,—всякій, старающійся слѣ-

довать имъ, признаеть не имѣющими значенія. Грѣху, а вмѣстѣ и возникновенію сознанія вины, мы не можемъ препятствовать, потому что мы всѣ согрѣшили въ Адамѣ и Евѣ; уже злая мысль есть грѣхъ, и злое пожеланіе тоже—грѣхъ. Да, если бы божественный законъ не говорилъ: «не пожелай!», то мы ничего и не знали бы о пожеланіи, мы ничего вообще не знали бы о грѣхѣ (Рим. 7). И въ такомъ невѣдѣніи находится теперь большая часть людей, тѣмъ болѣе, что весьма немногіе хотять знать о божественномъ законѣ; однакоже они не могутъ освободиться отъ чувства виновности, потому что ихъ совѣсть обличаетъ, а также и мысли, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую; ибо законъ написанъ въ ихъ сердцахъ (Рим. 2).

Но сознаніе виновности у такихъ людей не сильно и недостаточно ясно, чтобы привести ихъ къ исканію прощенія грѣховъ у Того, предъ Кѣмъ они согрѣшили. Полное знаніе грѣха даетъ только слово Божіе, вы же слѣдуйте евангельскому утѣшенію, ибо Господь говорилъ всѣмъ: Я, Я уничтожилъ ваши прегрѣшенія», и кто вѣруеть въ это, тотъ будетъ свободенъ отъ сознанія виновности; онъ видитъ въ Богѣ только любящаго Отца, Который совершилъ искупленіе отъ всѣхъ грѣховъ и Который все направляетъ къ лучшему; кто въ это не вѣруеть, надъ тѣмъ тяготѣеть божественный гнѣвъ, приводящій его къ вѣчному осужденію. Таковъ христіанскій оптимизмъ для вѣрующихъ, пессимизмъ для невѣрующихъ.

Сознаніе виновности есть наказаніе за грѣхъ. «Господи, Ты повелѣлъ и случилось такъ, что неспокойное сердце должно быть своимъ собственнымъ наказаніемъ»,—говорить бл. Августинъ. «Кто не боится Бога, тотъ можетъ однако бояться, что его собственный домъ или стѣны и столбы его ближняго упадутъ на него... Кто не страшится предъ истиной, тотъ не боится и лжи». «Совѣсть есть злое, дикое животное, которое дѣлаетъ то, что чело-

вѣкъ раздвояется». Поэтому нѣкто говоритъ: «нужно убить совѣсть и сказать, что нѣтъ ея». Однако это не приноситъ пользы; злая совѣсть дѣлаетъ изъ лучшаго худшее и превращаетъ сладкое въ горькую желчь. Тутъ помогаетъ только вѣра, что Христось принесъ удовлетвореніе за всѣ наши грѣхи. Кто вѣруетъ въ это, тотъ имѣетъ свѣтлую совѣсть, презираетъ міръ, смерть и діавола: «если постигнетъ напасть, то благочестивый не убоится, сердце его твердо уповаешь на Господа. Сердце его утѣшено и не боится»... (Пс. 10, 7 слѣд.).

Однако, и христіанинъ самъ по себѣ есть плоть, которая воюетъ противъ духа. И онъ знаетъ, что заслуживаетъ наказанія. Но между тѣмъ какъ нечестивый считаетъ себя добрымъ, а свое дѣло честнымъ, христіанинъ, даже и при незначительныхъ, повидимому, прегрѣшеніяхъ, беспокоится и мучается.

Богъ часто говоритъ вѣрующему: «не бойся, утѣшься, достаточно для тебя благодати Моей», но Онъ требуетъ также, чтобы мы *Его* боялись, боялись *Его* слова, такъ чтобы у насъ даже кожа содрогалась. «Я взираю на смиреннаго, сокрушеннаго духомъ и благоговѣющаго предъ словомъ Моимъ (Ис. 66, 2); предъ Господомъ Саваоимъ благоговѣйте и Его бойтесь и страшитесь, и будетъ Онъ святилищемъ» (8, 13 слѣд.).

Слѣдовательно, Богъ отвергаетъ всякое самовольное богослуженіе, всякое своемысліе и требуетъ, чтобы мы держались только Его слова. Страхъ Господень, страхъ предъ божественнымъ словомъ, беспокойство о томъ, что мы нарушаемъ божественный законъ, не обращаемъ вниманія на Его слова,—вотъ тотъ страхъ и беспокойство, какихъ требуетъ отъ насъ Господь, къ преодолѣнію которыхъ Онъ Самъ же и даетъ силы. «Со страхомъ и трепетомъ совершайте свое спасеніе; ибо Богъ производитъ въ васъ и хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволенію (Фил. 2, 12 слѣд.). И кто прилежитъ слову Божію и вѣруетъ

въ него, тотъ будетъ увѣренъ, что Тотъ, Кто положилъ въ немъ начало доброму дѣлу, будетъ совершать его даже до дня Иисуса Христа, Который утвердитъ его до конца... ибо Богъ вѣренъ» (Фил. 1, 6; 1 Кор. 1, 8 слѣд., 10, 13)... «Вы силой Божіей чрезъ вѣру соблюдаетесь ко спасенію... и конецъ вѣры вашей приеimate, именно спасеніе душъ» (1 Петр. 1, 5, 9).

* * *

ХРИСТОСЪ ВЪ „ЛЕГЕНДАХЪ“ НЪМОЕВСКАГО.

Не такъ давно на страницахъ *Душеполезнаго Чтенія* разбирались фантази на евангельскія темы Леонида Андреева. Въ послѣднее время такія фантази перестали быть рѣдкостью. При все болѣе и болѣе усиливающейся смѣлости и дерзости безрелигіозной и антирелигіозной мысли, фантази, проникнутыя желаніемъ подорвать вѣру въ божественность и сверхъестественное происхожденіе христіанства, становятся все болѣе и болѣе частыми. Къ числу такихъ произведеній относится и вышедшая недавно и обратившая на себя общее вниманіе книга молодого, талантливаго польскаго писателя Андрея Нѣмоевскаго подъ страннымъ названіемъ «Заглавіе конфисковано» ¹⁾. Книга эта представляетъ собою сборникъ раціоналистическихъ, проникнутыхъ антихристіанскимъ духомъ, легендъ изъ жизни Спасителя и съ названіемъ «Легендъ» была приготовлена въ Краковѣ къ печати, но цензура не разрѣшила такого названія, а авторъ не пожелалъ дать книгѣ другого названія и, вмѣсто заглавія, поставилъ на книгѣ слова «Заглавіе конфисковано»; кстати, подобное названіе должно было послужить книгѣ лишней рекламой ²⁾. Кромѣ

¹⁾ Андрей Нѣмоевскій. Заглавіе конфисковано. Переводъ и изданіе Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907 г.

²⁾ Опять-таки, съ цѣлью лишней рекламы на обложкѣ книги изображено что-то густо зачеркнутое червилами, а слова „Заглавіе конфисковано“ напечатано курсивомъ, какъ бы скопированнымъ съ почерка автора. Такимъ образомъ книга получаетъ такой видъ, какъ

того, книгѣ предпослано кричащее предисловіе, гдѣ она сравнивается съ «воиномъ, покрытымъ ранами, но живымъ и завоевавшимъ свободу», хотя никакихъ «ранъ», т.-е. выпусковъ, въ книгѣ нѣтъ: не разрѣшено и выброшено лишь одно ея первоначальное заглавіе. Затѣмъ, все съ тою же цѣлью рекламы, въ самой книгѣ приведены два запроса въ парламентъ по поводу конфискованныхъ было двухъ изъ помѣщенныхъ въ книгѣ легендъ.

Книга содержитъ въ себѣ двѣнадцать легендъ, обнимающихъ жизнь Спасителя отъ рожденія Его до крестной смерти. Цѣль книги—повидимому попытка дать естественное объясненіе Личности и чудесамъ Спасителя. О первой изъ этихъ легендъ, имѣющей кощунственный, хотя и затуманенный авторомъ, но легко угадываемый смыслъ (эта легенда была одна изъ двухъ, первоначально конфискованныхъ въ Краковѣ) говорить не будемъ, тѣмъ болѣе что и легенда эта наиболѣе неудачна изъ всѣхъ помѣщенныхъ въ книгѣ.

Вторая легенда «Искусители» старается дать попытку естественнаго объясненія искушенія Іисуса Христа въ пустынѣ, которое, по этой легендѣ, совершено было со-всѣмъ не діаволомъ, а... однимъ изъ членовъ іерусалимскаго Синедріона. По изображенію легенды, Синедріонъ, изнывая подъ чужеземнымъ игомъ, истощался въ тщетныхъ усиліяхъ придумать средства къ освобожденію отъ этого ига. Онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось при дворѣ цезарей, и готовъ былъ воспользоваться всѣмъ, что только могло способствовать этому освобожденію, не разбирая средствъ и не пренебрегая ничѣмъ. И вотъ на одномъ изъ неофициальныхъ, происходившихъ у Каиафы собраній Синедріона, нѣкто Сутень, одинъ изъ богатѣйшихъ и умнѣйшихъ его членовъ, хотя и молодой еще человѣкъ, неожиданно сообщилъ, что «по

будто заглавіе зачеркнуто уже на отпечатанномъ экземплярѣ, а, вмѣсто зачеркнутаго, авторомъ написаны эти слова.

окрестнымъ городамъ странствуетъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ учениковъ, молодой Равви, который исцѣляетъ возложеніемъ рукъ и возбуждаетъ въ народѣ изумленіе. На это извѣстіе вначалѣ не обратили особеннаго вниманія, но вскорѣ тотъ же Сутень сообщилъ о молодомъ Равви болѣе подробныя свѣдѣнія, съ присоединеніемъ извѣстія, что Равви этотъ «не только занимается исцѣленіемъ, но и проповѣдуетъ ученіе, которое далеко не во всемъ согласно съ традиціями Писанія», и что онъ «начинаетъ приобрѣтать большую популярность въ народѣ, а кое-гдѣ поговариваютъ уже, что это и есть обѣтованный Мессія». И хотя послѣднія слова вызвали въ собраніи хохотъ (не смѣялся только одинъ Сутень), тѣмъ не менѣе утромъ же слѣдующаго дня Каіафа послалъ за Сутенемъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ, послѣ чего Сутень исчезъ на цѣлый мѣсяцъ. А когда онъ вернулся, Каіафа созвалъ экстренное собраніе Синедріона и объявилъ, что будетъ говорить о молодомъ Равви.

Онъ началъ съ того, что «дѣло представляется въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ представлялось сначала. Молодой Равви не простой шарлатанъ и не знахарь, выманивающій деньги, Онъ не выдаетъ себя за пророка, не проповѣдуетъ ничего сверхъестественнаго (?), съ чѣмъ бы слѣдовало бороться, не добивается власти, не возбуждаетъ народъ. Все же, повидимому, народъ льнетъ къ Нему, потому что слѣдуетъ за нимъ, слушаетъ его ученіе, окружаетъ Его необыкновеннымъ почтеніемъ, чуть не преклоняется предъ Нимъ. Есть такіе, что покинули женъ и семьи и послѣдовали за Нимъ; другіе бросили свое ремесло, чтобы быть съ Нимъ. Трудно сказать, творить ли Онъ чудеса; люди, достойные довѣрія, утверждаютъ это. Но эти вѣрные люди могутъ быть близоруки и обладать дурнымъ слухомъ; могутъ видѣть лишь результатъ и не замѣтить причины, удивляться на дымъ, не замѣчая пламени. Не въ этомъ дѣло. Равви человекъ изъ народа, а такой именно теперь и нуженъ»... Словомъ, у Каіафы со-

зрѣлъ планъ воспользоваться вліяніемъ Иисуса на народъ, поднять чрезъ Него народъ противъ римлянъ и свергнуть такимъ образомъ римское иго. Долго еще говорилъ Каиафа на эту тему и затѣмъ предоставилъ слово Сутену.

«Сутенъ сталъ рассказывать, что давно уже слѣдилъ внимательно за каждымъ шагомъ Равви и до вѣкоторой степени познакомился съ Нимъ. Онъ привелъ многочисленныя примѣры Его вліянія и высказался въ томъ смыслѣ, что вѣтъ городскихъ стѣнъ это самый вліятельный человѣкъ. Рѣчь Его, хотя и краткая, производитъ потрясающее впечатлѣніе. Куда бы Онъ ни обратилъ Свой взглядъ, вездѣ, словно изъ-подъ земли, вырастаютъ толпы народа и стремятся за Нимъ. *Отъ египетскихъ лекарей (?) Онъ научился искусству исцѣлять прикосновеніемъ рукъ, и взглядъ Его обладаетъ могуществомъ.* Сутенъ собственными глазами видѣлъ, какъ однажды подъ Его взглядомъ засохла смоковница. Но человѣкъ Онъ простой. Когда Его окружаютъ толпы черни, Онъ держитъ Себя умѣренно; неизвѣстно однако, какъ бы сталъ Онъ вести Себя, если бы предсталъ предъ ихъ собраніемъ. Онъ долженъ жаждать власти, ибо отчасти приобрѣтаетъ ее уже дѣлами Своими. Власть Его уже велика... поэтому теперь является крайняя необходимость привлечь Его... Всѣ соглашаются съ доводами Сутена и поручаютъ ему вступить, но пока еще какъ бы отъ своего имени, въ переговоры съ Равви и привлечь Его на свою сторону, дабы чрезъ Него начать поднимать народъ противъ римлянъ. Сутенъ отправляется исполнять порученіе, но цѣли у него нѣсколько иныя, хотя пока и тщательно скрываемыя. Онъ думаетъ воспользоваться вліяніемъ Равви на народъ не столько для самого народа и тѣмъ болѣе Синедріона, сколько для самого себя.

Солнце уже заходило на берегахъ Іордана. На правомъ берегу его стояла кучка людей и смотрѣла вслѣдъ удаляющемуся человѣку, который подвигался впередъ, низко склонивъ голову, какъ бы въ глубокой задумчивости. Это

и былъ тотъ молодой Равви. Онъ желалъ быть одинъ и удалялся въ горы. Дорога становилась все труднѣе, а ночь все темнѣе, такъ что Равви поднимался съ трудомъ. Наконецъ, Онъ достигъ вершины, сѣлъ и устремилъ взвизъ полный любви и глубокой жалости взоръ. Взоръ Его проникалъ не только внутрь домовъ и хижинъ, но и въ сердца и помыслы спящихъ людей, и Онъ видѣлъ ихъ тяготы и скорби... Вдругъ Ему почудилось, что кто-то стоитъ сзади. Онъ оглянулся. Въ ночной тишинѣ вырисовывалась тутъ же, на вершинѣ горы, совсѣмъ подлѣ Него, фигура мужчины съ темнымъ лицомъ и сверкающими глазами. Онъ вглядывался въ Равви и молчалъ. Это былъ Сутень. Равви видѣлъ его уже нѣсколько разъ. Съ нѣкотораго времени онъ слѣдовалъ за Равви почти неотступно, но никогда не подходилъ къ Нему, не заговаривалъ съ Нимъ и ни о чемъ не просилъ Его, а все время молчалъ и держался вдали, и только теперь, наединѣ, приблизился къ Нему.

Сначала онъ долго смотрѣлъ на Равви молча, наконецъ, сѣлъ рядомъ съ Нимъ и началъ говорить. Онъ говорилъ о страданіяхъ и нуждахъ народа; рассказалъ, что покинулъ свое богатство и пошелъ за Равви, чтобы присмотреться къ Его дѣламъ, и увидѣлъ, что Равви творить дѣла необыкновенныя, которымъ удивлялись простые люди. Но его это не удивило, ибо Равви дѣлалъ многое, но не касался самаго важнаго. Онъ утоляетъ боль. Но вѣдь боль эта вернется. Отираетъ слезы,—но новыя слезы накопятся въ глазахъ и оросятъ лицо. Поднимаетъ падающихъ,—но они снова упадутъ подъ гнетомъ своего бремени. Онъ видѣлъ, какъ однажды Равви взглянулъ на смоковницу, которая *подъ огнемъ Его взгляда (?)* засохла. И онъ вѣрить, что если бы Равви бросилъ такой же взглядъ на бесплодную скалу, то на ней выросъ бы кедръ. Но вѣдь Равви не хочетъ употреблять Свою силу лишь на временную помощь людямъ... Народъ страдаетъ и ждетъ. Равви—пастырь: почему же не папкаетъ Онъ Свое стадо?

Равви—стражъ: зачѣмъ же пускаетъ Онъ въ ворота голодь, нужду и—Римлянъ?! Насыть уста, и руки не станутъ простираться къ чужому добру. Успокой внутренности, и губы не будутъ отзываться оскорбительно о вѣлнiяхъ пророковъ и мудрецовъ. Ты могучъ: обрати же взоръ Свой на бесплодную землю; *пусть каждый камень превратится въ хлѣбъ* и каждый комокъ земли—въ драгоценный камень, и пусть этотъ хлѣбъ и эти драгоценные камни попадутъ въ руки лишь Твоего народа... И съ этими словами онъ простеръ руку къ долинамъ... Ты жалѣешь сердцемъ, а не разумомъ. Твои возвышенныя рѣчи будутъ удовлетворять лишь до поры до времени»...

Равви слушалъ, закрывши лицо руками. Но такъ какъ Сутень все продолжалъ говорить,—Равви охватило какое-то неприятное чувство, Онъ разгнѣвался и, обративъ къ Сутену Свой пылающій взглядъ, сказалъ ему:

— Ты мучишь Меня. Уйди!

Сутень поднялся и скрылся во мракѣ. А Равви, просидѣвъ остатокъ ночи на горѣ и пробродивъ слѣдующій день по горамъ, къ наступленiю слѣдующей ночи пришелъ въ Иерусалимъ. Смутная тревога охватила Его (авторъ представляетъ дѣло такъ, что Христосъ приходитъ въ Иерусалимъ будто бы только въ первый разъ), когда Онъ увидалъ башни крѣпости и свующую по стѣнамъ стражу, пышные дворцы богачей и массы народа на улицахъ и услышалъ говоръ этой толпы... И все это вмѣстѣ взятое «представилось Ему какою-то горой, которая легла Ему поперекъ дороги, которой до того Онъ не видѣлъ, о которой никогда не думалъ, Онъ, проповѣдующій по берегамъ озеръ простому народу, исцѣляющій больныхъ и поддерживающій падшихъ. И Имъ овладѣла великая печаль, и направилъ Онъ шаги Свой къ храму, взошелъ на его крышу и заплакалъ. А надъ городомъ уже спустилась ночь.

Небо не искрилось звѣздами; темныя тучи заслонили лазурь. Кругомъ было мрачно и страшно. Безмолвный

храмъ производилъ угнетающее впечатлѣніе. Равви при-
слонилъ лико Свое къ стѣнѣ, и слезы Его стекали по ней.

И тогда прозвучалъ надъ Нимъ шепотъ:

— Ты не послушалъ меня... Не повѣрилъ моимъ сло-
вамъ... Ты прошелъ по странѣ отъ пустыни до самой
вершины храма, и слезы потекли изъ Твоихъ очей. И не
такъ еще заплачешь!

Снова стоялъ за Его спиной тотъ человѣкъ... Онъ про-
должалъ:

— Слабъ Ты! Слабѣе, чѣмъ Самъ думалъ. Сомнѣніе
грызетъ Твою душу. Видѣлъ Ты стражу и дворецъ на-
мѣстника?.. Видѣлъ жилища наши?.. Что жъ Ты значишь
и что можешь сдѣлать?!

Равви задрожалъ. А шепотъ во тьмѣ все росъ.

— Еще десятокъ тысячъ нищихъ пойдетъ за Тобой...
Еще другой десятокъ тысячъ калѣкъ протянетъ къ Тебѣ
свои больныя руки... А затѣмъ что? Что дальше?!

Равви снова закрылъ лицо руками.

— Въ колчанѣ Твоихъ добрыхъ намѣреній не хватаетъ
стрѣлъ... Быть можетъ, тѣмъ не менѣе эти толпы нищихъ
не отвернутся отъ Тебя... Но Самъ Ты что сдѣлаешь
дальше?.. Все это для больныхъ, для слѣпыхъ, для убо-
гихъ... А что же для здоровыхъ, понимающихъ жизнь и
не могущихъ умереть?.. Если Ты проповѣдуешь царствіе
не отъ міра сего, то зачѣмъ явился?.. Неужели живые
поймутъ Тебя и послѣдуютъ за Тобой?.. Взгляни внизъ
съ высоты этого храма! *Бросься головой внизъ на камни,*
и, если Предвѣчный призвалъ Тебя и Твой разумъ из-
бралъ Своимъ орудіемъ, то *тамъ внизу будутъ ждать*.
Тебя уже руки ангеловъ, которые подхватятъ Тебя и по-
ставятъ на землю!...

Равви обернулся. Въ темнотѣ виднѣлась человѣческая
фигура съ сверкающими глазами. Не будучи въ состояніи
вынести взглядъ Равви, онъ повернулся и исчезъ во
мракѣ...

Уже нѣсколько дней скитается Равви между скалистами

обрывами, не вкушая никакой пищи и весь погруженный въ размышленія. Въ одну изъ ночей поднялся Онъ снова на крутую вершину. И тотчасъ же предъ Нимъ появился тотъ человѣкъ.

«Мѣсяць открылъ весь дискъ свой. Свѣтъ его заливалъ пустыню до самаго горизонта, на которомъ чернѣлъ пальмовый лѣсъ.

Человѣкъ тотъ устремилъ свой сверкающій взоръ на Равви и, простирая обѣ руки въ даль, преговорилъ громкимъ голосомъ:

— Я говорилъ съ Тобой два раза, и Ты не послушалъ меня... Ты видѣлъ теперь собственными глазами страну, раскинувшуюся отъ пустыни и до стѣнъ Святого города... Можетъ быть, теперь Ты понялъ, каковъ свѣтъ, и каковы должны быть тѣ, кто хочетъ владѣть имъ... Посмотри еще разъ и подумай!.. Смотри на эти долины, на города, крѣпости, войска... Смотри на толпы народа, нагого и одѣтаго, убогаго и богатаго... Смотри на эти хижины и дворцы... *Все это будетъ у Твоихъ ногъ, все покорится Тебѣ, если послѣдуешь за мной!.. Я отдамъ Тебѣ власть ¹⁾ надъ всѣмъ этимъ слышишь? Отдамъ господство надъ всѣми этими землями и надъ людьми! Склонись только ко мнѣ. Дѣлай, что я Тебѣ укажу! Будь мнѣ послушенъ!*

Но Равви уже устремилъ на него взоръ Свой. Поднялъ гордо (?) голову и воскликнулъ:

— Прочь, искушитель! Ты владыка ²⁾ голода и жажды, ты можешь посылать бѣдствія, но душу человѣческую ты не покоришь! Прочь! И остался одинъ на вершинѣ горы».

Разочарованный является Сутень въ Иерусалимъ и рассказываетъ Каіафѣ, что онъ ошибся въ молодомъ Равви. Съ почти нескрываемой насмѣшкой слушаетъ его Каіафа

¹⁾ Сутень мечтаетъ и надѣется, при помощи Иисуса, сдѣлаться царемъ.

²⁾ Авторъ съ нелѣпою наивностью представляетъ Христа принимающимъ Сутена за діавола.

и предлагаетъ ему съѣздить, въ числѣ депутаціи изъ почетнѣйшихъ членовъ Синедріона, принять участіе въ которой онъ надѣется уговорить даже Анну, въ Римѣ, къ... новой наложницѣ цезаря, еврейкѣ, чтобы чрезъ нее вліять на самого цезаря. Судень съ презрѣніемъ отвергаетъ предложеніе, къ немалому изумленію Каіафы. Разсказъ кончается приходомъ взволнованнаго настоятеля храма Симона. Симонъ докладываетъ, что народъ схватилъ возлѣ храма блудницу и хочетъ побить ее камнями. Но за женщину вступилась стража намѣстника ¹⁾, которая однако согласна выдать женщину толпѣ, если первосвященникъ ее осудитъ. Народъ ждетъ съ камнями и кричитъ и, если промедлить, между нимъ и стражею можетъ возникнуть свалка. Каіафа неторопливо и спокойно разрѣшаетъ народу дать исходъ гнѣву своему, т.-е. побить блудницу камнями и отправляется собирать депутацію въ Римъ на поклонъ другой блудницѣ, наложницѣ цезаря.

Третья легенда «Малхъ» изображаетъ исцѣленіе прокаженнаго. Вотъ какъ между прочимъ изображается впечатлѣніе произведенное Спасителемъ на прокаженнаго Малха.

«Лицо Незнакомаго Человѣка дышало дивнымъ покоемъ, а ясный взоръ Его, казалось, прикасался ко всему, на что Онъ обращался. Въ Немъ свѣтилось глубокое, проникновенное пониманіе вещей. Высокій лобъ Незнакомца обрамляли русые волосы, виспадавшіе на Его плечи, которыя были покрыты бѣлою одеждой. Малхъ не могъ оторвать глазъ отъ лица Незнакомаго Человѣка».—Здѣсь же Христосъ рассказываетъ притчу—на которую даже и намекъ нѣтъ въ Евангеліи—объ умномъ и добромъ человѣкѣ, причемъ подъ добрымъ разумѣетъ Самого Себя, и на основаніи притчи поученіе.

Четвертая легенда «Гамалилъ» съ реализмомъ невѣрующаго изображаетъ приходъ Спасителя въ Назаретъ и Его проповѣдь тамъ. Наружность Спасителя изобра-

¹⁾ Такъ авторъ называетъ Пилата.

жается и здѣсь. «Учитель рѣзко выдѣлялся изъ толпы и лицомъ и осанкой. Онъ смотрѣлъ куда-то въ пространство, лицо Его дышало покоемъ и глубокою задумчивостью. Русая кудрявая борода дѣлала Его лицо продолговатымъ, запыленные волосы доставали до самыхъ плечъ. Большіе голубые глаза свѣтились простотою, но въ то же время чѣмъ-то необычнымъ, не поддающимся опредѣленію. Отъ всей фигуры Его вѣяло силою и величіемъ. Одѣтъ Онъ былъ въ бѣлую одежду, препоясанную на бедрахъ». Въ проповѣдь Его въ Назаретъ внесены для чего-то (въ очень вольномъ перифразѣ) обличительныя рѣчи противъ фарисеевъ изъ разныхъ мѣстъ Евангелія. Въ противность Евангелію, въ легендѣ рассказывается, что возбужденная толпа отступаетъ предъ взоромъ Спасителя еще въ самой синагогѣ.

«Наступилъ рѣшительный моментъ. Отовсюду сверкали глаза, грозили кулаки, поднимались руки, отовсюду слышались озлобленные крики, призывы къ мести... Толпа зашевелилась и двинулась впередъ. Положеніе становилось все напряженнѣе. Руки, поднятыя съ угрозою, окружали возвышеніе (на которомъ стоялъ Христосъ), словно цѣлый лѣсъ копій, глаза и зубы сверкали отъ возбужденія. Ученики ¹⁾ окружили и заслонили собою Учителя, но ихъ въ одно мгновеніе оттерли, оттолкнули. Казалось, что Равви погибъ. Весь храмъ (?) дрожалъ отъ яростныхъ криковъ:
— Свергнуть Его со скалы!

Но Равви былъ такъ спокоенъ, какъ будто вся эта буря Его не касалась, какъ будто Онъ не видѣлъ ни разъярившейся толпы, ни угрожающихъ Ему рукъ. Толпа волновалась вокругъ возвышенія, какъ море въ бурную погоду... Уже толпа готова была схватить Учителя и сбросить Его съ возвышенія.

¹⁾ Кстати, изъ евангельскаго повѣствованія о проповѣди Христа въ назаретской синагогѣ (Луки 4, 16—31) можно скорѣе заключить, что Онъ былъ тамъ одинъ, безъ учениковъ.

Тогда случилось то, чего никто не ожидалъ.

Равви поднялъ голову, наклонилъ ее впередъ, повернулъ свое дышащее гнѣвомъ лицо къ толпѣ и посмотрѣлъ на нее такъ, какъ будто хотѣлъ оттолкнуть ее.

Толпа дрогнула и остановилась.

Чело Учителя было прорѣзано глубокою морщиной, брови нахмурены, длинные волосы развѣвались. Онъ еще разъ взглянулъ на окружившихъ Его противниковъ, а они съ ужасомъ и смятеніемъ отступали къ стѣнамъ, какъ будто ихъ вѣтромъ смело. Тогда Онъ сошелъ съ возвышенія и направился къ дверямъ храма. Толпа разступалась и тѣснилась къ выходу. Ученики послѣдовали за своимъ Учителемъ... Гамалиилъ не могъ понять случившагося. Онъ опустилъ руку и съ ужасомъ смотрѣлъ на толпу. Аввакумъ и Авраамъ (всѣ—фарисеи, возбуждавшіе народъ противъ Христа) подскочили къ нему и говорили заплетающимся отъ страха языкомъ:

— Смотри, смотри, Онъ уходитъ!

— И мы Его выпускаемъ!

Наумъ схватился за голову и, раскачивая ею во всѣ стороны, съ отчаяніемъ вопилъ:

— Онъ уходитъ, уходитъ!

Когда они опомнились, храмъ (?) почти совсѣмъ опустѣлъ, только у входа еще толпилась маленькая кучка людей. Аввакумъ бросился къ дверямъ и сталъ убѣждать уходящихъ остаться. Но каждый старался избѣгнуть его взгляда и спрятаться за другихъ. Скоро уже не съ кѣмъ было и говорить. Черезъ открытую дверь была видна пустая площадь и улица, надъ которою поднималось облако пыли, а въ немъ мелькали фигуры уходящихъ. Вскорѣ онѣ исчезли совсѣмъ»...

И эта легенда была первоначально конфискована краковскою прокуратурою.

Легенда пятая «Предостереженіе» повѣствуетъ о встрѣчѣ богатаго и вліятельнаго фарисея и члена Синедріона Іоэля съ послѣдователями Христа, о ихъ безстрашіи предъ мо-

гущественнымъ Іоаѣлемъ и о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ ими на этого послѣдняго.

Здѣсь интересна молитва Іоаѣля, заблудившагося ночью въ лѣсу:

«Боже, выведшій народъ Свой изъ пустыни, воззри на Твоего лучшаго слугу и помоги ему...

Воззри на лучшаго слугу, который не занимается ростовщичествомъ, а если и бранится, то очень рѣдко...

Который не мытарь, не разбойникъ, не корыстолюбецъ, не богохульникъ, не погонщикъ, не пастухъ и не принадлежитъ къ черни...

Который состоитъ членомъ Синедріона, обращается къ народу, судить его и караетъ согласно Твоему закону...

Котораго Ты долженъ любить, а Ты посылаешь ему испытанія...

Который принесетъ Тебѣ въ жертву голубя...

Господи... двухъ голубей... трехъ, четырехъ...

Господи... велю зарѣзать козленка и сжечь...

Двухъ козлятъ и барашка... Развѣ мало это, Господи?..

Овцу и барана, только усдышь меня и проясни тьму...

Господи, вола Тебѣ жертвую, собственнаго вола, собственнаго, а не требованнаго съ народа, изъ собственнаго стада... Господи—не могу больше!..»

Шестая легенда «Два ученика» передаетъ разговоръ двухъ учениковъ Христа, стараго и молодого (имена ихъ не названы) въ лодкѣ, на Галилейскомъ озерѣ, и ихъ непониманіе ученія и дѣлъ Христа. Ихъ размышленія и разговоры напоминаютъ упреки Христу Сутена. Старикъ осуждаетъ Христа за безразсудную, по его мнѣнію, смѣлость и даже дерзость по отношенію къ богатымъ и сильнымъ, — юноша же, напротивъ, не понимаетъ и тужить, почему Учитель не объявитъ Себя царемъ и не завоюетъ міръ. Но оба они не понимали, «въ чемъ заключалось могущество, о которомъ столько говорилось, въ которое они вѣрили, но которое ни въ чемъ еще (?) не обнаружилось. Учитель льстилъ и выльчивалъ людей, — но видѣ

это дѣлаютъ также знахари и ворожеи (?). Правда, Онъ дѣлалъ это лучше ихъ, быстрее. Но достаточно ли этого для того, чтобы одолѣть царей, богачей и фарисеевъ?..» И, какъ отвѣтъ на ихъ мысли, имъ вдругъ является видѣніе: они видятъ Христа, идущаго по водѣ. «Видѣніе еще мгновеніе двигалось по водѣ, а затѣмъ расплылось вдали въ сіяніи луннаго свѣта».

Очень красивая седьмая легенда «Тихимъ вечеромъ»... идиллически изображаетъ весенній вечеръ въ Виваніи и бесѣду Спасителя съ Маріей. И снова описывается наружность Христа.

«Передъ домомъ, подъ развѣсистымъ кедромъ, виднѣлся колодезь, и на краю его сидѣлъ Человѣкъ въ бѣлой одеждѣ. Свѣтлыя волосы спускались отъ пробора на головѣ по обѣ стороны художаваго лица и падали на плечи. Небольшая бородка того же цвѣта, что и волосы, нѣсколько удлиняла Его лицо. Голубые глаза сидящаго были устремлены на солнце и сами отсвѣчивали его ослѣпительнымъ блескомъ. Дивное спокойствіе было разлито на Его блѣдномъ просвѣтленномъ лицѣ, лишь вокругъ рта лежала какая-то тѣнь грусти. Его высокое чело сіяло торжественною радостью, лицо выражало спокойствіе, а уста печаль. И въ лицо это можно было глядѣть безъ конца»...

Христосъ, намѣреваясь на утро идти въ Іерусалимъ, полонъ скорбныхъ думъ. Доселѣ Онъ жилъ и училъ среди любящихъ сердецъ и простыхъ душъ. «Если нужно было показать людямъ радость и красоту жизни, если надо было умиротворить сердца и научить ихъ, что можно жить на землѣ въ счастіи и радости, то это уже Онъ совершилъ... И если надо было показать, какъ подчинить своей мысли незнакомую толпу, какъ руководить ею, устраивая печаль и страданіе, то и это Онъ уже выполнилъ»¹⁾... Но теперь

¹⁾ Въ этомъ только и хочетъ невѣрующей авторъ видѣть цѣль пришествія Спасителя на землю. Мысль объ искупленіи, разумѣется, чужда ему.

предстояло сдѣлать нѣчто большее... Предстояло «ударить въ сердца, твердыя какъ камень, и коснуться душъ, скользкихъ какъ тѣло змѣи». И Христосъ предчувствуетъ Свой роковой конецъ и спрашиваетъ Марію не покинетъ ли она Его и не отречется ли отъ Него во время предстоящихъ Ему страданій. И послѣдняя тутъ же помазываетъ Ему ноги муромъ и отираетъ своими волосами.

Разсказъ, повторяемъ, очень красивъ, но грѣшить противъ евангельской истины едва ли не больше, чѣмъ всѣ остальные. Лазарь изображается здѣсь не воскрешеннымъ Христомъ, а только исцѣленнымъ Имъ отъ тяжелой болѣзни. Христосъ предъ своими страданіями изображается почти не бывшимъ въ Иерусалимъ и не имѣвшимъ еще дѣла съ фарисеями.

Въ восьмой легендѣ «Око за обо» разсказывается объ отношеніи къ Спасителю престарѣлаго Іессея, сына Малха. Деяностолѣтній Іессей, старѣйшій членъ Синедріона, отличался необыкновеннымъ добродушіемъ и нерѣдко ходатайствовалъ въ Синедріонѣ за преступниковъ. Но въ теоріи, дабы запугать грѣшниковъ и отнять у нихъ всякое желаніе грѣшить, Іессей считалъ нужнымъ быть необычайно строгимъ и ежегодно говорилъ въ храмѣ одно и то же поученіе, въ которомъ громилъ грѣшниковъ, предсказывая имъ кару Божію до десятаго колѣна, и обыкновенно кончалъ тѣмъ, «что виновному нѣтъ и не можетъ быть прощенія, ибо за вырванный глазъ долженъ быть отданъ такой же глазъ, за выбитый зубъ—такой же зубъ. Виновный отдастъ душу за душу, ожогъ за ожогъ, сняжкъ за сняжкъ». Проповѣди Іессея всегда собирали громадную толпу, на нихъ шли какъ на зрѣлище. Молодые раввины, слушая грозныя рѣчи Іессея, хватались за бока отъ хохота, такъ какъ старикъ поступалъ всю свою жизнь какъ разъ наоборотъ тѣмъ суровымъ словамъ, которыми громилъ грѣшниковъ. И Синедріонъ обыкновенно единогласно и немедленно исполнялъ ходатайства Іессея за преступниковъ.

Но вотъ въ Синаедрионѣ заговорили объ Иисусѣ. Иесей, не находившій въ обличеніяхъ молодого Равви ничего несправедливаго, и на этотъ разъ вступился за Осуждаемаго, но неожиданно и въ первый разъ встрѣтилъ бурный и страстный отпоръ. Непривыкшій къ противодѣйствію старикъ разсердился и рѣшилъ самъ послушать молодого Равви, о Которомъ доселѣ доходили до него только слухи, и отправился въ храмъ, гдѣ Равви въ это время какъ разъ говорилъ поученіе.

«Молодой Равви смотрѣлъ на Своихъ враговъ большими голубыми глазами и говорилъ, словно бросая имъ въ лицо Свои слова. Онъ обвинялъ ихъ въ лицемѣрїи и лукавствѣ, беспощадно клеймилъ всю ихъ жизнь и обращалъ противъ нихъ каждую строчку Писанія.

— Вы хвастаетесь своею набожностью—говорилъ Онъ—какъ будто Господь слѣпъ и не умѣетъ читать въ сердцахъ вашихъ. Благочестіемъ вы считаете покиваніе головой и вы постоянно заняты имъ, а изъ сердець вашихъ выползають змѣи и жалятъ ядовитымъ жаломъ ближнихъ. Ближніе молчатъ, ибо они слабы, Господь на небесахъ такъ же молчитъ, ибо Онъ долготерпѣливъ. Но настанетъ день суда, и Господь откроетъ сердца ваши и покажетъ ползающихъ въ нихъ змѣй всему свѣту, и всѣ будутъ изумлены, ибо всѣ вѣрятъ въ вашу праведность. И зачтется вамъ всякое лицемѣрное покиваніе головою, каждое ядовитое укушеніе бзижняго, ибо есть справедливость иная, чѣмъ ваша!.. Вы хвалитесь, что раскрываете объятія грядущимъ пророкамъ, и говорите: «если бы мы жили во дни отцовъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитїи крови пророковъ». Порожденія ехидницы! Посмотрите на свои поступки, загляните въ глубину вашихъ сердець, преисполненныхъ несправедливостями. Вы ищете соринки въ глазу ближняго и семьюдесятью языками осуждаете его, но когда пророкъ видитъ бревно въ вашемъ глазу и начинаетъ порицать васъ, вы возбуждаете противъ него толпу и даете ей въ руки камень,

чтобы она убрала съ вашего пути этого пророка. Гробы, поваленные справедливостью и наполненные смрадомъ обидъ и поношенія ближнихъ! Порожденія ехидны! Какъ предстанете вы предъ гнѣвомъ Господа въ день суда, когда васъ будутъ судить безъ лжесвидѣтелей и ложныхъ присягъ, а только на основаніи книги вашихъ сердець? Горе вамъ, лицемѣры! Горе вамъ, которые судите и занимаете въ святиныѣ первое мѣсто!..»

Священники и ученые скрежетали зубами и старались заглушить слова Равви громкими криками, угрозами и страшнымъ шумомъ. Но Іессей былъ въ восторгъ и старался унять шумъ. Онъ былъ человекъ справедливый и видѣлъ, что Равви говоритъ совершенную правду. Равви между тѣмъ продолжалъ говорить, несмотря на шумъ и угрозы. Голосъ Его становился все сильнѣе. Казалось, что въ душѣ Его — буря, стремящаяся смести непокорныхъ слушателей. Іессей даже прослезился отъ восторга и властно унялъ все возраставшій шумъ. Но вотъ Христосъ начинаетъ говорить о прощеніи обидъ (и здѣсь, какъ и раньше, авторъ смѣшиваетъ различныя рѣчи Христа)... Іессей приходитъ въ такую ярость, что самъ начинаетъ кричать и махать кулаками до того, что лишается чувствъ. Дома, придя на минуту въ сознаніе, старикъ успѣваетъ только сказать:

— Схватите!.. Писаніе... Око за око, зубъ за зубъ!.. И умираетъ. «Таковы были послѣднія слова этого необычайно добраго человека».

Легенда девятая «Въ послѣднее мгновеніе» рассказываетъ о томъ, какъ слѣпой Эліакимъ хотѣлъ получить исцѣленіе отъ Спасителя. Но онъ узналъ о Немъ слишкомъ поздно: Христосъ былъ уже взятъ подъ стражу, и тщетно старается Эліакимъ пробиться къ Нему. Наконецъ, Эліакиму удается пробиться къ Христу и обратиться къ Нему съ просьбой объ исцѣленіи, но это былъ какъ разъ тотъ самый моментъ, когда распятый Христосъ испустилъ

духъ. «Это была единственная просьба, которой не услышалъ Милосердый Равви».

Легенда очень живо изображаетъ мученія Спасителя, бунтъ и насмѣшки надъ Нимъ толпы.

Небольшая, но очень красивая десятая легенда «Жаворонокъ» рассказываетъ, какъ жаворонокъ вытаскивалъ терніи изъ чела распятаго Христа.

Одиннадцатая легенда «У гроба» изображаетъ ужасъ стерегшихъ гробъ Спасителя воиновъ при землетрясеніи, предшествовавшемъ воскресенію Христа. Разсказъ написанъ въ такомъ духѣ, что даетъ понять, будто стражъ все это только почудилось.

Наконецъ, двѣнадцатая и послѣдняя легенда «Проклятый» повѣствуетъ, какъ духъ Іуды мчится по землѣ, не находя покоя, пока, наконецъ, встрѣчается со Христомъ, баеется предъ Нимъ и получаетъ отъ Него прощеніе подъ условіемъ вѣчнаго возрожденія и совершенствованія.

Почти всѣ легенды чрезвычайно эффектны и красивы и почти чужды того намѣреннаго тумана, которымъ покрытъ «Іуда» Леонида Андреева. Онѣ живо изображаютъ обстановку того времени, простоту народа и алчность, лицемѣріе, злобу и высокомерную тупость его вождей, ихъ ограниченность и нетерпимость. Но мы привыкли видѣть, что и въ легендахъ, при всей ихъ фантастичности, основное ядро, событіе, около котораго группируются легендарные лица и происшествія — всегда истинное, дѣйствительное, и только обстановка, подробности — плодъ фантазіи. Здѣсь же искажаются и основные факты, фантазія же художника не знаетъ границъ. Рѣчи Спасителя, сказанныя въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, предъ разными лицами и при различной обстановкѣ, у него группируются въ одно и комбинируются съ самымъ широкимъ произволомъ. Не говоримъ уже о приписываемыхъ Спасителю рѣчахъ, сочиненныхъ самимъ авторомъ и о

перетолкованіи и искаженіи имъ подлинныхъ рѣчей Спасителя. Употребленную Спасителемъ въ назаретской проповѣди пословицу «врачу, исцѣлися самъ» авторъ влагааетъ въ уста одного изъ Его назаретскихъ оппонентовъ. Проклятiе смоковницы переноситъ изъ конца въ самое начало проповѣди Спасителя. Каиафу изображаетъ постоянно ковыряющимъ въ зубахъ. Синагоги называетъ храмами, апостола Петра, вопреки Евангелію и церковному преданію, изображаетъ старикомъ; Каиафа, по его разсказу, даетъ разрѣшеніе народу побить блудницу камнями, тогда какъ іудеямъ не дано было въ то время права предавать кого бы то ни было смерти безъ разрѣшенія римской власти (Іоан. 18, 31). Проявленія народнаго самосуда, разумѣется, могли быть всегда, но первосвященникъ никогда не могъ дать на это официальнаго разрѣшенія. Апостолъ Іаковъ, братъ Господень, быть побитъ камнями, по наущенію первосвященника Анана во время, такъ сказать, междувластія, во время смѣны проконсуловъ, когда Іерусалимъ временно оставался безъ представителя римской власти.

По представленію автора, Христосъ былъ въ Іерусалимѣ въ первый разъ лишь послѣ Своего выступленія на общественную проповѣдь. Но уже во 2-й главѣ Евангелія Луки разсказывается о первомъ путешествіи двѣнадцатилѣтняго отрока Іисуса въ Іерусалимъ, на праздникъ Пасхи, съ Матеріею Своею и Іосифомъ. Законъ требовалъ отъ каждаго іудея, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста (съ этого времени мальчики назывались «дѣтьми закона») троекратнаго, въ теченіе года, посѣщенія Іерусалима и храма: на праздники Пасхи, Пятидесятницы и Кущей. Нѣтъ сомнѣнія, что и Христосъ, строго исполнявшій требованія закона, съ этого времени до Своего выступленія на проповѣдь ежегодно, въ указанные праздники, посѣщалъ Іерусалимъ. Да и въ это время въ эти праздники мы по большей части видимъ Его въ Іерусалимѣ.

Но это еще не такъ важно. Главное не въ этомъ.

Главное въ томъ, что авторъ старается объяснить исторію и дѣла Спасителя естественнымъ путемъ, употребляя всѣ усилія, чтобы увлечь, подкупить и обмануть читателя: художественностью изложенія. Здѣсь такимъ образомъ рационализмъ пользуется для достиженія своихъ цѣлей не наукой, а искусствомъ. Авторъ не осмѣливается отвергать историческаго существованія Христа и Его чудесъ, но употребляетъ всяческія усилія, чтобы объяснить ихъ естественнымъ путемъ, для чего прибѣгаетъ ко всевозможнымъ ухищреніямъ и вымысламъ. Исцѣлять больныхъ чрезъ возложеніе рукъ Онъ научился будто бы отъ египетскихъ лекарей (авторъ забываетъ, что Христось былъ въ Египтѣ лишь новорожденнымъ Младенцемъ и лишь до смерти Ирода (Матѣ. 2, 19—23), слѣдовательно, едва ли больше года, ибо Иродъ умеръ всего черезъ нѣсколькомѣсяцевъ послѣ рожденія Спасителя); кромѣ того, Онъ обладалъ, по автору, необычайнымъ могуществомъ взгляда, подъ которымъ могла засохнуть смоковница. Но какіе, ни египетскіе, ни какіе-либо другіе лекаря, такимъ могуществомъ никогда не обладали и ни проказы ни слѣпоты исцѣлить никогда не могли. Притомъ же въ одной изъ легендъ говорится, что Христось исцѣлялъ, даже и не прикасаясь къ больнымъ. Упоминаетъ авторъ и о какихъ-то чудотворцахъ и знахаряхъ, исцѣлявшихъ за деньги; исцѣленія, совершаемыя Спасителемъ, отличались отъ исцѣленій, ими совершаемыхъ, будто бы только большею скоростью; но это уже совершенная фантазія, чистѣйшій вымыселъ. Такъ же неудачны и иногда даже нелѣпы и всѣ остальные подобныя попытки автора, какъ, напр., старанія приписать Христу уныніе и боязнь.

Но въ высокой степени знаменательно, что при всѣхъ усиліяхъ представить Христа простымъ человѣкомъ и объяснить Его чудеса естественнымъ путемъ, авторъ какъ бы невольно говоритъ о Спасителѣ съ такимъ благоговѣніемъ, такъ увлекается величіемъ и святостью Его образа и такъ преклоняется предъ Нимъ, какъ могъ бы это дѣ-

лать только вѣрующій. Какъ бы неволью онъ постоянно упоминаетъ и о чудесныхъ дѣлахъ Спасителя и надѣляется Его такими качествами и такимъ величіемъ, чистотою и святостью, какими никогда не обладалъ и не можетъ обладать никакой человекъ, а можетъ обладать только Богъ. Такъ противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу невѣрующій писатель, неволью преклоняясь предъ Тѣмъ, Кого хотѣлъ унижить. Нужно ли еще доказательствъ истинности Евангелія и божественности Спасителя?

Свящ. Н. Колосовъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Учебный Комитетъ въ оцѣнкѣ проф. Глубоковскаго.

Крайняя деморализація и полное разложеніе нашей духовной школы (высшей и средней), такъ ярко обнаружившіяся въ послѣднее время, и цѣлый рядъ ужасныхъ и прискорбныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто за это же время въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, породили острый, тревожный и въ то же время неотложный вопросъ: что дѣлать съ нашей духовной школой и какими средствами возстановить въ ней правильное и мирное теченіе занятій? Вопросъ этотъ обсуждался и официально—на собраніяхъ Предсоборныхъ Присутствій и породилъ цѣлую литературу—официальную—въ видѣ журналовъ Предсоборныхъ Присутствій—и, такъ сказать, добровольческую—въ видѣ газетныхъ и журнальныхъ статей и отдѣльныхъ книгъ и брошюръ.—Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и книжка одного изъ участниковъ Предсоборныхъ совѣщаній профессора Петербургской духовной академіи Н. Н. Глубоковскаго «По вопросамъ духовной школы (средней и высшей) и объ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ»,—вышедшая осенью текущаго года ¹⁾.

Книга раздѣляется на двѣ части. Первая трактуетъ о духовно учебныхъ заведеніяхъ — среднихъ и высшихъ и содержитъ въ себѣ нѣсколько главъ (объ основахъ духовно-учебной реформы и о желательныхъ типахъ духовно-богословскихъ школъ; о постановкѣ высшаго богословскаго изученія въ Россіи; о типѣ средней духовной школы и о

¹⁾ Спб., 1907 г., 148 стр. Напечатано въ Петербургской синодальной типографіи.

о нихъ должно было бы окончательно прекращаться на мѣстѣ—за отсутствіемъ даже единичныхъ особыхъ мнѣній со стороны членовъ данной академической корпораціи; при этомъ даже запрещали свыше печатать официальные отрицательные отзывы въ совѣтскихъ «журналахъ». Въ чисто ученое дѣло была внесена глубокая дезорганизація, задавившая безпристрастную научную работу. Пышно расцвѣлъ псевдоученый оппортунизмъ, и подъ его прикрытіемъ въ академіяхъ водворялись очевидныя аномаліи и успѣшно практиковались обходныя средства, благодаря имъ появились неузаконенныя профессорскія докторства и исправляющіе должность ординарныхъ профессоровъ съ полнымъ окладомъ жалованья и со всею совокупностью правъ, причѣмъ послѣднее совершалось помимо и къ тягостному удивленію академическихъ совѣтовъ, не сочувствовавшихъ собственно и первому способу, который доселѣ вызываетъ рѣзкіе и обидные протесты общества даже въ печати... При такихъ условіяхъ могла развиваться только комитетская наука, пока невѣдомая ученому міру)...¹⁾ Такъ рѣзко осуждаетъ авторъ смѣшеніе Комитетомъ своихъ *учебныхъ функций* съ *учеными* (чего не дерзалъ даже *Ученый Комитетъ* Министерства Народнаго Просвѣщенія); такъ же рѣзко критикуетъ онъ и присужденіе Комитетомъ макарѣвскихъ премій; Комитетъ «не умѣлъ или не хотѣлъ серьезно разобраться даже въ своихъ *учебныхъ азбукахъ*»...

Въ концѣ книги авторъ дѣлаетъ выводы изъ нея. Суть этихъ выводовъ: Учебный Комитетъ такъ или иначе долженъ быть подчиненъ Святѣйшему Синоду, обособленъ и лишенъ ученыхъ функций. Семинаріямъ нужно предоставить больше самостоятельности и привлекать ихъ преподавателей къ творческой работѣ, а ревизіи упразднить, замѣнивъ ихъ систематическими и періодическими обзорами по извѣстнымъ школьнымъ районамъ и оставивъ ихъ лишь для непредвидѣнныхъ и экстраординарныхъ случаевъ, требующихъ немедленнаго вмѣшательства.

Авторъ оговаривается, что его книга не чужда нѣкоторой субъективности и единичности обобщеній, и неоднократно заявляетъ, что онъ винить не столько лица, сколько систему. Въ предисловіи онъ заявляетъ, что издаетъ свою

¹⁾ Стр. 140—141, 93, 128 и дал.

книгу лишь по настойчивымъ внушеніямъ авторитетныхъ и компетентныхъ лицъ, даже изъ тѣхъ, которые далеко не раздѣляютъ всѣхъ его воззрѣній. Большая часть содержащагося въ ней была напечатана въ журналахъ Предсоборныхъ Присутствій, и самая книга была напечатана въ Синодальной типографіи.

Какъ мы видѣли, книга носить полуофициальный характеръ. Надѣмся, что тѣмъ скорѣе она произведетъ свое дѣйствіе.

С. Н. К.

Къ четырехдесятилѣтнему сорокоусту памяти Московскаго митрополита Филарета.

(† 19 ноября 1867 г. День ангела 1 декабря).

Много достопримѣчательнаго изъ жизни великаго святителя могли бы доставить дневники его современниковъ, бывшихъ при немъ на церковно-общественной службѣ и находившихся въ ближайшемъ сношеніи съ нимъ по дѣламъ. Къ сожалѣнію, немного осталось таковыхъ,—многіе изъ современниковъ давно уже въ могилѣ и съ ними исчезло много драгоценныхъ о немъ личныхъ воспоминаній,—да и въ памяти немногихъ, оставшихся еще теперь въ живыхъ старцевъ, современниковъ Филарета, многое, не преданное письмени, по всей вѣроятности уже забылось. И составитель сего воспоминанія о себѣ долженъ сказать, что, принадлежа къ священнослужителямъ Филаретовскаго времени, уроженецъ Московскій, помнившій святителя съ юныхъ лѣтъ, бывавшій нѣсколько разъ на отвѣтахъ предъ нимъ во время экзаменовъ въ семинаріи и потомъ въ академіи, опредѣленный имъ на епархіальную службу, служившій при немъ десять лѣтъ и въ самомъ началѣ имъ самимъ посвященный въ санъ протоіерея уѣзднаго города, я могъ бы, конечно, предложить вниманію читателей многое на память о великомъ святителѣ, но, къ сожалѣнію, не удосужился въ свое время завести дневникъ, въ которомъ бы сохранились его богомудрыя слова, замѣчанія, предупрежденія, отеческія вразумленія

и ободренія по разнымъ обстоятельствамъ епархіальной службы. Теперь же могу изложить только общую и свою личную иллюстрацію, по поводу нѣкоторыхъ характеристическихъ особенностей архипастырской дѣятельности м. Филарета по Московской епархіи.

Сіяя славою богомудрія, какъ докторъ Богословія и какъ авторитетный рѣшитель церковныхъ дѣлъ не только въ Россіи, но и за предѣлами отечества нашего, особенно въ странахъ восточнаго православія, святит. Филаретъ, во время своего 45-лѣтняго святительскаго служенія въ Москвѣ, старался окружить себя священнослужителями высшаго духовнаго образованія, имѣвшими академическія степени, такъ что со времени его святительства и доселѣ ни одинъ городъ не предствлаетъ въ средѣ духовенства столько ученыхъ силъ, сколько Москва.

Привлекая къ себѣ на службу лицъ съ высшимъ образованіемъ, святитель не безъ основанія могъ возлагать на нихъ надежду въ томъ, что они, при исполненіи своихъ приходскихъ обязанностей, не ограничатся однимъ только требоисправленіемъ, но, будучи способными давать отвѣтъ всякому вопрошающему, по недоумѣннымъ вопросамъ научнымъ и церковно-практическимъ, внесутъ въ среду Московскаго общества свѣтъ знанія богословскаго и историческаго. Слѣдя за научнымъ развитіемъ кандидатовъ священства для своей паствы и для всей епархіи, святитель къ существующимъ въ его епархіи разсадникамъ духовнаго просвѣщенія—семинаріи и академіи—относился съ отечески-строгимъ вниманіемъ, наблюдая за ними неусыпно, не столько въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, сколько въ научномъ, — любилъ присутствовать на экзаменахъ, читалъ студенческія академическія сочиненія, самъ опредѣлялъ ученые степени для нихъ. Въ оцѣнкѣ научнаго развитія готовящихся ко священству святитель былъ необычайно строгъ. Подъ его непосредственнымъ контролемъ находилась вся печать; при немъ нельзя было не только печатать, но и говорить съ кафедръ и даже лично съ нимъ такого, что имѣло видъ скороспѣшности, многословія и неточности, — онъ требовалъ, чтобы каждое слово строго обсуждалось. Всѣ являвшіеся къ нему, напримѣръ очередными, съ проповѣдями, съ личными объясненіями по дѣламъ, съ докладами оффиціальными, являлись всегда съ трепетомъ и долгимъ подготовленіемъ, чтобы не получить справедливаго замѣ-

чанія за какое либо неточное выраженіе, или нелогическое построеніе мыслей. Самъ глубокомысленный художникъ слова, самъ говорившій кратко, выразительно, требовалъ того же и отъ другихъ. Святителя Филарета паства Московская неизмѣнно чтила и доселѣ чтить, какъ своего богомудраго вдохновителя и руководителя въ серьезныхъ трудахъ по дѣлу научно-духовнаго просвѣщенія на пользу церкви православной. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за академическимъ изданіемъ Твореній св. отецъ съ прибавленіями и такъ же поощрялъ и поддерживалъ другія, возникшія въ его время и съ его благословенія, духовные журналы: *Душеполезное Чтеніе*, *Православное Обзорніе* и *Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія*, духовно-нравственныя брошюры и листки, представлявшіе Московскому духовенству свои страницы для напечатанія ихъ учено-литературныхъ трудовъ и отвлекая отъ такъ-называемаго легкаго чтенія безплоднаго и вреднаго.

Нѣтъ нужды распространяться о епархіальной дѣятельности святителя Филарета въ административно-судебномъ отношеніи. Какъ опытный канонистъ и проницательный администраторъ, онъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, внимательно самъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ епархіальныхъ учрежденіяхъ, строго направляя всѣ замѣчаемыя имъ уклоненія отъ порядка къ законности, но съ отеческимъ снисхожденіемъ къ ненамѣреннымъ ошибкамъ служащихъ. Отношенія свят. Филарета къ дѣламъ епархіальнаго управленія достаточно уясняются изъ его резолюцій, во множествѣ уже напечатанныхъ. Нельзя не видѣть въ нихъ ясное выраженіе строгой правды, срастворенной любовью, и отеческаго желанія не столько карать, сколько любовно вразумить и исправить виновныхъ.

Какъ благопопечительно онъ старался облегчить, особенно сельскому духовенству, сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ по разнымъ личнымъ и приходскимъ дѣламъ, показываетъ его рѣшеніе сохранить по уѣздамъ духовныя правленія, существовавшія тогда, какъ низшія инстанціи судебно-административныя. Еще при его жизни въ другихъ епархіяхъ эти уѣздныя учрежденія были упразднены; но свят. Филаретъ оставлялъ ихъ, пользуясь ими къ болѣе скорому рѣшенію дѣлъ неотложныхъ, и самъ разсматривалъ дѣла ихъ, помимо Консисторіи. По смерти Филарета духовныя правленія скоро были такъ же за-

крыты и въ нашей епархіи. Между тѣмъ нельзя не признать, что богомудрый святитель не безъ основанія поддерживалъ ихъ существованіе. И дѣйствительно, эти низшія инстанціи епархіальнаго управленія, можетъ быть, не столько нужны были для средней инстанціи Консistorіи, въ которую перенесены дѣла ихъ, но они были весьма важны и полезны для сельскаго духовенства, такъ какъ по близкому мѣстному положенію своему значительно облегчали и удешевляли сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ. Въ виду того особенно, что въ настоящее время въ рѣшеніяхъ Предсоборнаго присутствія признано цѣлесообразнымъ учредить, по маловажнымъ дѣламъ духовнаго вѣдомства, низшія инстанціи суда и администраціи, намъ только остается удивляться прозорливости свят. Филарета, не желавшаго у себя упразднить подобныя учрежденія.

Нужно ли говорить, наконецъ, о благотворительности свят. Филарета. Поистинѣ въ этомъ отношеніи онъ читается въ народѣ русскомъ и особенно среди Московскаго духовенства, какъ праведный Филаретъ милостивый. Насколько неизгладима благодарственная память о его благодѣяніяхъ въ народѣ русскомъ, видимъ, что и доселѣ у мірянъ въ ихъ поминаніяхъ, подаваемыхъ для возношенія ими именъ усопшихъ предъ престоломъ Божиимъ, рѣдко гдѣ не помѣщено имя митрополита Филарета. Но особенно заслуживаетъ вниманія допускавшійся имъ способъ призрѣнія сиротствующихъ семействъ духовенства. Сильно въ его время, преимущественно въ свѣтской литературѣ, осуждали допускаемую тогда мѣру обезпеченія этихъ семействъ посредствомъ предоставленія дочерямъ умершихъ членовъ причта мѣста церковнослуженія ихъ покойныхъ родителей, съ дозволеніемъ прискивать достойнаго жениха. Видѣли въ этомъ насиліе надъ свободою избранія супружества, несправедливое отстраненіе отъ полученія священно-церковно-служительскихъ мѣстъ болѣе достойныхъ кандидатовъ на оныя, но не желавшихъ входить въ соглашеніе съ сиротствующимъ семействомъ. Эти осужденія достигли потомъ, но уже по смерти св. Филарета, оффиціального воспрещенія сдачи мѣсть. Конечно это воспрещеніе имѣетъ основаніе, но безусловно не можетъ быть узаконено, какъ показываетъ примѣръ великаго святителя Филарета, допускавшаго этотъ способъ призрѣнія сиротствующаго духовенства, — чего бы онъ не допустилъ,

если бы это было несообразно съ благомъ церкви и съ долгомъ любви христіанской. Его любвеобильное сердце не могло примириться съ жестокимъ рѣшеніемъ выгнать осиротѣвшую семью съ насѣженного ею мѣста, принужденную отдать большею частью за полцѣны свой домъ, вырощенный садъ, благоустроенное хозяйство, однимъ словомъ, допустить до того, чтобы разориться осиротѣвшему семейству. Проникая глубже въ дѣло благоустройства церковнаго и не желая умножать нищенствующее духовенство, богомудрый святитель справедливо оцѣнивалъ эту сдачу мѣстъ можетъ быть не столько со стороны матеріальнаго обезпеченія сиротствующаго семейства по смерти своихъ кормильцевъ, сколько для ободренія ихъ еще при жизни въ трудахъ улучшенія ими своего хозяйственнаго быта, вмѣсто того, чтобы направлять свое усиліе къ полученію средствъ своего содержанія только отъ прихожанъ. Да и сами прихожане, видя у себя наслѣдственный родъ служащихъ у нихъ членовъ причта, невольно сродняются съ ними и такимъ образомъ легче водворяются въ приходѣ миръ и взаимность. Можно ли безусловно подвергать осужденію этотъ, испытанный временемъ во многихъ случаяхъ, способъ благодѣянія въ его соотвѣтствіи съ порядкомъ жизни, особенно сельскаго духовенства? Примѣръ приснопамятнаго святителя Филарета даетъ намъ на это отрицательный отвѣтъ.

Пр. С. М.

СОДЕРЖАНІЕ III ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1907 г.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

	<i>Стран.</i>
1. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХИ- ЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО.....	3—11 137—153 295—306
2. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока). А. Г.	12—17 154—160 323—329 478—484
3. НЕОБХОДИМОСТЬ НАШЕГО ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ. Протоіеря Сергія Маркова.....	18—22
4. ИСТОРИЯ МАНЯВСКАГО СКИТА СЪ ЕГО ОСНОВАНІЯ ДО ЗАКРЫТІЯ (1611 — 1786 гг.). А. А. Титова.....	23—30
5. ЕСТЕСТВЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВО И НРАВСТВЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ. Ив. Николина.....	31—40
6. ПОХВАЛА СВЯТОМУ ІОАННУ ЗЛАТОУСТУ. Іером. Ва- лентина (Дяхоцкаго).....	41—46
7. ВЪРОТЕРПИМОСТЬ. Перевелъ съ англійскаго священ- никъ М. Ойвейскій.....	47—63 161—176
8. ЭКСКУРСІЯ СТУДЕНТОВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ НА БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ. Дм. Маркова....	64—80 262—281 377—385
9. ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ НАШЕГО ОБЩЕ- СТВЕННОГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ. П. І. П.....	81—90
10. МЫСЛИ НА УЛИЦЪ. (Стихотвореніе).....	91—91
11. ПРИВѢТЪ СОЛНЦА. (Тоже).....	92—92
12. ОЧЕРКЪ НРАВСТВЕННОГО ВОЗРОЖДЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА ВО ХРИСТЪ. (Психологическій опытъ на основаніи сочи- неній свв. аскетовъ). Архим. Кирилла.....	93—103 177—185 307—322 455—477
13. БЛАЖЕННЫЙ СОФРОНІЙ, 3-й ЕПИСКОПЪ ИРКУТСКІЙ. Протоіеря Милія Чефранова, настоятеля Свято- троицкой церкви при Императорскомъ Россійскомъ Генеральномъ Консульствѣ въ г. Ургѣ.....	104—111 240—246

14. НЕПРАВДА РИМСКО-КАТОЛИКОВЪ. Протоіерей Іоанна Пospьлова. 112—122
15. СВЯЩЕННИКЪ С. БОКОРЮКИНА А. А. МИХАЙЛОВСКИЙ. (Некрологъ). Геромонаха Іонаана. 123—126
16. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Передъ церковнымъ соборомъ. Павла Россіева. — Отвѣтъ рецензенту. Свящ. М. Фивейскаго. 127—135
17. ВЪ НОВОМЪ ІЕРУСАЛИМЪ. Павла Россіева. 186—195
18. ПРАВСТВЕННОСТЬ И РЕЛИГИЯ. Ив. Николина. 196—202
19. ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ РУССКОЙ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ (1907 годъ). Свящ. Н. А. Колосова. 204—219
20. НЕПРАВДА ЛЮТЕРАНЪ. Протоіерей Іоанна Пospьлова. 220—239
21. ПОДВИГИ И УСИЛІЯ ВЪ ДОБРодѢТЕЛИ. Ипполита. 247—256
398—412
22. ПЕЧАЛЬ ШКОЛЫ. Свящ. І. Артоболевскаго. 257—261
23. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Передъ церковнымъ соборомъ. Павла Россіева. 282—293
24. ПРАВСТВЕННОСТЬ И СВОБОДА ВОЛИ. Ив. Николина. 330—339
25. О ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ НЕ ХРИСТІАНЪ. Прот. Іоанна Пospьлова. 340—356
26. ИДЕАЛЪ АРХИПАСТЫРСКАГО СЛУЖЕНІЯ, ПО ФИЛАРЕТУ, МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ. (Къ предстоящему 40-лѣтію со дня его кончины. † 18 ноября 1867 г.). (Съ приложеніемъ портрета). Михаила Звѣдинскаго. 357—369
27. ИЗЪ ОБЛАСТИ ТАИНСТВЕННОГО. Ив. Вабанина. 370—376
28. АРХІЕПИСКОПЪ КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКІЙ КИРИЛЛЪ И ОТЗЫВЪ ЕГО, ВЪ КАКОМЪ СМЫСЛѢ ДОЛЖНО РАЗУМѢТЬ КНИГУ „ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ“ И ЧТО ОНА СОДЕРЖИТЬ. А. А. Титова. 386—397
29. СЧАСТЬЕ И ХРИСТІАНСТВО. * * * 413—429
539—555
30. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Протоіерей І. Д. Петропавловскій. (Некрологъ). Свящ. Н. А. Колосова. — Новый учебникъ церковнаго пѣнія. Н. Башкина. 430—442
- Рожество Христово. Рисунокъ худ. Верещагина.
Первые славители Рождества Христово. Рисунокъ.
31. ХРИСТОСЪ НА ЗЕМЛѢ. (Думы въ рождественскую ночь). П. Н.-К. 443—454
- Рождественская ночь. Рисунокъ.

32. ПРАВСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛИЗМЪ. Ив. Николаина... 485—497
33. СЛУЧАИ БЛАГОДАТНОЙ ПОМОЩИ И МИЛОСТИ СВ. СЕРАФИМА ОАРОВСКАГО. А. А. Сакиной. 498—506
34. „КРЕСТОНОСНЫЙ ВЛАДЫКА“. (Къ 23 декабря 1907 г.— тридцатипятилѣтію со дня кончины преосвященнаго епископа Антонія, бывшаго Оренбургскаго и Уральскаго † 23 декабря 1872 г.). А. Зеланда. 507—523
35. ПАМЯТИ ПРОТОИЕРЕЯ Р. Т. ПУТЯТИНА. (По поводу столѣтія его рожденія). Павла Россіева. 524—526
36. УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО. (Къ 29-му декабря—дню памяти преподобнаго отца нашего Марка пещерника). А. Зеланда. 527—529
37. ИНТЕРЕСНАЯ ВСТРѢЧА. Князя Н. Кулунчакова. 530—536
38. ЧАША СКОРБИ — ЧАША РАДОСТИ. (Стихотвореніе). Автора „Молитвы Сурфинкианки“, „Двѣ трапезы“, „Божіе посѣщеніе“ и проч. 537—538
39. ХРИСТОСЪ ВЪ „ЛЕГЕНДАХЪ“ НѢМОЕВСКАГО. Свящ. Н. А. Колосова. 556—575
40. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Учебный Комитетъ въ оцѣнкѣ проф. Глубоковскаго. С. Н. К. — Къ четырехдесятилѣтнему сорокоусту памяти Московскаго митрополита Филарета. Пр. С. М. 576—586
- ОТЪ РЕДАКЦІИ: ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЖУРНАЛЪ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1908 ГОДУ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

Изданіе журнала „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ въ 1908 году, *сорокъ девятымъ* съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ. Вѣрная завѣтамъ въ Божѣ почившаго основателя журнала, преосвященнѣйшаго Виссаріона, епископа Костромскаго и Галичскаго, несшаго труды по редактированію „*Душеполезнаго Чтенія*“ ровно тридцать лѣтъ, редакція будетъ продолжать то же святое дѣло, какое предназначалъ журналу и святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій: „И правительствомъ, и частными людьми усиленно распространяемая грамотность и любовь къ чтенію, писалъ онъ Святѣйшему Синоду, требуютъ здоровой пищи, и особенно тогда, когда свѣтская литература повсюду предлагаетъ чтеніе большею частію суетное и неблагопріятное для истиннаго назиданія народа. Посему предлагаемое повременное изданіе,— *Душеполезное Чтеніе* можетъ соответствовать современнымъ настоятельнымъ потребностямъ — служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности *назидательнаго и понятнаго* духовнаго чтенія“.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

1) Труды, относящіяся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и православнаго Богослуженія. 2) Статьи вѣручительнаго и правоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*. 3) „*Публичныя богословскія чтенія*“. 4) Записки **Пресв. Леониды, покойнаго архіепископа Ярославскаго**. 5) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ. 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго **Евфана-Затворника, іеросхимонаха о. Амвросія Оптинскаго**: слова, поученія и ввѣбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и на-